МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

International Journal of Humanities and Natural Sciences

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 6-1 (117)

2026

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 6-1 (117), июнь 2026 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАО (Россия)
Усов С.В. – д-р техн. наук, профессор (Россия)
Бекбоев А.А. – д-р филос. наук, профессор (Кыргызстан)
Марков А.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, профессор (Россия)
Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)
Югов Н.Т. – д-р физ.-мат. наук, профессор (Россия)
Зак А.З. – д-р психол. наук, профессор (Россия)
Портнова Т.В. – д-р искусствоведения, профессор (Россия)
Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)
Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)
Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)
Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)
Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)
Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)
Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)
Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)
Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)
Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)
Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)
Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Рабочий язык журнала: русский и английский.
Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-905-951-51-63
Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович
Учредитель и издатель: ООО «Капитал»
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252
Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Биологические науки

Питиримов Н.Д. Таксономический состав микроводорослей ручья Совхозный в Петропавловске-Камчатском 7

Исторические науки и археология

Абдырахманов Т.А., Жалиева Б.С. Постпотсдамский мир и трансформация государственного суверенитета 14

Албаков А.С. Ингушские традиции в оружии, одежде и домостроительстве 21

Искусствоведение

Саркисян Е.Ф. Вёрджинел – забытый символ или реальность. К проблеме эволюции клавишных музыкальных инструментов 30

Чжу Яньци Механизмы межкультурного диалога в эволюции композиторского стиля Чжу Цзяньэра на материале его симфонических сочинений 36

Культурология

Хабаров А.А. Понятие театрального кода и его функции в кинематографическом тексте 42

Чжэн Юна Эмоциональные паттерны в традиционной музыке Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: сравнительно-культурологический анализ 47

Экономические науки

Демянко С.Д. Стратегическое управление персоналом в организации 53

Кузнецов Д.А. Методика диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия на основе метода анализа иерархий 60

Матвеева Н.С., Шухова Е.Д. Применение цифровых технологий при осуществлении государственного контроля и надзора в сфере благоустройства города Москвы 65

Переход М.С., Самарин В.П. Территориально-промышленный комплекс как способ решения сырьевых проблем 70

Письменный П.А. Мировой опыт инноваций в сельском хозяйстве 76

Федулкина В.С., Пастернак К.Г. Система аттестации персонала гостиничного предприятия на основе профессиональных стандартов (на примере ООО «Невский портал») 82

Философские науки

Козубаев О.К., Карабукаев К.Ш. Мораль: природа и структура 88

Филологические науки

Абдраева А.Т., Джаркинбаева Н.Б., Токоева Э.Б., Талипова С.Э. Функционально-грамматические особенности неличных форм глагола в английском, русском и кыргызском языках 94

Бомбизова Д.Е., Абросимова Н.А. Средства репрезентации создания категории эмотивности в художественных произведениях жанра «ужасы» и особенности их передачи ___ 100

Буряк Н.Ю., Островская Е.В. Лингвопрагматические особенности англоязычного жаргона команды Red Bull Racing как инструмент формирования корпоративной идентичности фанатского сообщества Formula-1 ___ 105

Жумалиев С.С., Максутова Ж.Ж., Исмаилова Б. Провербиальное пространство в лингвистических исследованиях ___ 111

Москвина Д.В., Смирнова С.А. Явление детской этимологии в высказываниях девочек (на примере именных частей речи) ___ 118

Ормокеева Р.К., Козуев Д.И., Максутова Ж.Ж. Образ мужчины и женщины в паремиологической картине мира английского, русского и кыргызского языков ___ 123

Попкова Е.А. Морская профессиональная картина мира в зеркале лексикографии: характеристика «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» ___ 129

Райымова Г.С., Абдыкадырова С.Р. Речевые формулы с компонентом «душа/жан» в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» ___ 135

Усубалиев Б.Ш., Кожоева Г.Ж., Исмаилова Б. Функциональные особенности повтора в текстах различных дискурсов ___ 140

Психологические науки

Базаркулов Э.И. Техника экспертного консенсуса (метод Дельфи) и особенности ее применения в работе специалиста психологической службы системы МВД Кыргызстана __ 145

Жарова Н.В. Динамика воспринимаемого стресса и самоэффективности студентов младших курсов технического вуза: феномен стабильности как предмет психологического анализа ___ 150

Кинева О.М., Мосина Н.В. Формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ ___ 156

Кустова В.В., Ефимова Д.П. Влияние копинг-стратегий студентов транспортного вуза на их стрессоустойчивость ___ 162

Митин Ю.Д. Взаимосвязь деонтологических деформаций и эмоционального выгорания у судей и работников аппарата суда ___ 167

Митин Ю.Д. Организационно-психологические технологии профилактики выгорания корпоративных юристов в контексте психологии безопасности труда ___ 173

Сатаров С.А. Учет особенностей когнитивной рефлексии и когнитивной неопределенности в деятельности психолога системы МВД Кыргызстана ___ 178

Славгородская Е.Л., Ходорковская Т.В. Анализ влияния дисфункциональных семейных отношений на уровень личностной тревожности: результаты психодиагностического исследования ___ 183

Педагогические науки

Айткеева Ч.А. Типичные ошибки иностранных студентов при изучении общей химии в медицинских вузах Кыргызстана и пути их коррекции 187

Аристова Н.А., Козырева Д.О., Любимова Е.С., Попова Н.Б. Психолого-педагогические условия развития памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями 192

Асади Акрам Взаимосвязь между стилем лидерства, организационной справедливостью и эффективностью работы учителей в арабских школах Израиля 197

Асади Акрам Взаимосвязь между стилем руководства директоров школ и чувством принадлежности, и вовлеченностью учителей в работу школ арабского общества в Израиле 202

Атагелдиев М. Влияние туризма и спорта на физическое психоэмоциональное здоровье студентов 208

Богатырко А.О. Кросс-культурная коммуникация в преподавании иностранного языка 213

Богатырко А.О. Инклюзивное обучение студентов английскому языку 217

Везеницын О.В., Шалупин В.И., Родионова И.А. Моделирование занятий физической культурой и спортом с помощью функциональных проб 221

Гусева В.И., Хубиева С.А., Гусева Ю.В., Джетыбаева Ж.Б. Применение инноваций в учебном процессе по экономическим специальностям 227

Жарова Н.В. Повышение мотивации изучения английского языка у студентов технического вуза через просмотр видеоконтента в социальных сетях 232

Исакова Д.Т., Аронбаев С.Д., Низамиева Л.Ш., Аронбаев Д.М. Инновационные технологии в обучении химии: современные подходы, цифровые инструменты и адаптивные модели 239

Каденова Ж.Т. Передовые стратегии преподавания новой лексики в процессе обучения английскому языку в средней школе 246

Камалова М.Ф., Бычков Г.А. Технико-тактическая подготовка мужской волейбольной команды к выполнению силовой подачи в прыжке 251

Лукманова У.К. Развитие терминологической компетенции студентов при изучении английского языка в сфере рекламы и бизнеса 257

Любимова Е.С., Ничепорчук Т.П., Павлова Ю.И., Самойлова Е.Б. Взаимодействие учителя-логопеда с родителями в преодолении общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста 263

Любимова Е.С., Бутковская С.И., Григорьева А.А. Развитие сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями посредством игровых технологий 268

Любимова Е.С., Малахова Д.Н., Бутковская С.И., Козырева Д.О. Развитие мышления у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями интеллекта посредством игровых технологий 273

Любимова Е.С., Шевлякова Е.И., Королева В.В. Формирование словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи посредством инновационных технологий 278

Люй Дунцзэ Педагогические аспекты формирования индивидуального исполнительского стиля саксофониста 284

Микрюкова М.Г., Чуклина Я.М. Методика развития физических качеств у детей младшего школьного возраста средствами национальных подвижных игр народов Севера 289

Мутовкина О.М. Аудиовизуальные средства формирования коммуникативной иноязычной компетенции в сфере экономики и бизнеса 295

Назаренко Т.Ю. К вопросу вариативности английского языка 301

Овсянникова Е.Ю., Тулупова М.А. Развитие координационных способностей детей с расстройством аутистического спектра средствами плавания 306

Плетнева К.А. Исторический комментарий языкового факта в школе 311

Селитреникова Т.А., Спатаева М.Х., Носов С.В. Подготовка курсантов армейской авиации к действиям в условиях дефицита времени и повышенной двигательной нагрузки 316

Фомина Ю.А. Волонтёрская деятельность как фактор профессионального становления: анализ влияния на личностное развитие 322

Чэ Юаньчжи Репертуарная политика вузов КНР как педагогическое условие формирования китайского бельканто 327

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МИКРОВОДОРОСЛЕЙ РУЧЬЯ СОВХОЗНЫЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ-КАМЧАТСКОМ

Н.Д. Питиримов, *магистрант*
Камчатский государственный технический университет
(Россия, г. Петропавловск-Камчатский)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-7-13

Аннотация. *В работе приведены данные таксономического состава микроводорослей ручья Совхозный в г. Петропавловск-Камчатский в летний период 2025 года. Представлен список планктонных микроорганизмов с распределением по водоему, включающий 28 видов: 2 вида синезеленых; 5 видов зеленых; 17 видов диатомовых; 4 вида протистов. Флора водоема практически не изменялась в ходе наблюдений.*

Ключевые слова: *альгофлора; фитопланктон; видовое богатство; городские водоемы; урбанизация.*

Ручей Совхозный – исторический водоток города Петропавловск-Камчатский, выступавший главным водозабором для нужд центральной части города в первой половине 20 века. Ручей протекает через Северную, Центральную и Восточную часть города и впадает в реку Кирпичная, что впадает в озеро Халактырское [1-3].

Основные этапы урбанизации лесопарковой зоны ручья Совхозный, которая является наиболее «заброшенной» на момент осени 2025 года [1-3, 15]:

– 19 век – березовый лес (роща);

– 1910 год – водозабор для первой сельскохозяйственной фермы (район Горизонт);

– 1937 – создание в верховьях ручья (район Дачный) бетонной плотины, отстойников и очистных сооружений для одного из первых водозаборов нужд населения города, ведущий через улицы Ленинградская и Ключевская;

– 1959 – разрушение водозабора (стремительная застройка города) с последующим сохранением рощи, ввиду бывшего водоохранного значения;

– 1972 – строительство объездной дороги (нижний Горизонт) на родниковом поле ручья, что привело к значительному обмелению;

– 1970…начало 2000-х – сброс канализационных вод в ручей и рощу с прилегающей жилой застройки;

– 1995 – создание парка Победы с сохранением «ключа» ручья;

– 2009 – первые упоминания о благоустройстве рощи;

– 2020…2021 – общественные слушания о благоустройстве рощи;

– весна…осень 2025 – первые работу по благоустройству (настилы по «популярным» направлениям движения людей).

В результате неверно организованной хозяйственной застройки во второй половине 20 века и постоянного растущего антропогенного воздействия на гидрологический режим ручья был нарушен баланс пресноводной экосистемы, что в первую очередь сказалось на видовом составе микроорганизмов, в частности, микроводорослей. Которые первыми реагируют на изменения в условиях окружающей среды [2, 3].

В связи с чем, цель работы – изучение таксономического состава альгофлоры ручья Совхозный в летний период 2025 года.

Материалом для работы послужили 21 проба воды, которые систематически отбирались в период с мая по июль в 7 точках (рис. 1). Выбор точек забора образцов зависел от технических возможностей и доступности. Краткая характеристика точек забора проб приведена в таблице 1 [15].

Таблица 1. Краткая морфологическая характеристика мест сбора материла

Место сбора	Даты сбора	Координаты местности, WGS 84	Описание местности
Точка 1	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,054745698348960 158,642780194408658	Официальное место истока ручья (родник). Малая протока в парке города. Запах воды нейтральный
Точка 2	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,054341505577895 158,645004813748585	Организованный выпуск вод ручья в лесную зону ниже 100 метром от родника. Присутствует большое количество бытового мусора и автомобильных шин. Канализационный запах воды
Точка 3	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,058908961520373 158,647368394251970	Часть бывшего родникового поля. Небольшая протока с лесной местности. Присутствует 4 официальный выпуска ливневой канализации от жилой застройки (гаражный кооператив, жилые дома). Запах воды нейтральный
Точка 4	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,060525538478522 158,649838677077355	Организованный выпуск вод неизвестного происхождения из коллектора, ведущего под автомобильной дорогой от направления жилых домов. Грязная местность (бытовой мусор, автомобильные запчасти), большое количество пены на воде и оранжевого осадка. Цвет воды в протоке с оранжевым оттенком. Наиболее заметно изменение цвета сохраняется в летний период, до 500 метром ниже выпуска. Запах воды нейтральный или канализационный
Точка 5	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,053441007127994 158,649175509739365	Место соединения проток, ведущих из точек 1, 3, 4 в лесной местности. Присутствуют официальные выпуски в виде протоки в ручей ливневой канализации от жилой застройки. Присутствует бытовой мусор, а также автомобильные шины. Запах воды нейтральный
Точка 6	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,050487687609639 158,653910115094334	Песочно-земляная береговая линия ручья с быстрым течением воды в лесной местности. Присутствует 2 герметичных колодца неизвестного назначения, а также протоки от официальных выпусков ливневой канализации в ручей от жилой застройки. Запах воды нейтральный
Точка 7	24.05.25 22.06.25 19.07.25	53,047678863146913 158,661788716772435	Место сбора водных масс ручья, проходящих через всю лесную зону, в подземный коллектор. Присутствует официальный выпуск ливневой канализации в ручей от жилой застройки с примесями целлюлозы неестественного происхождения. Запах воды нейтральный

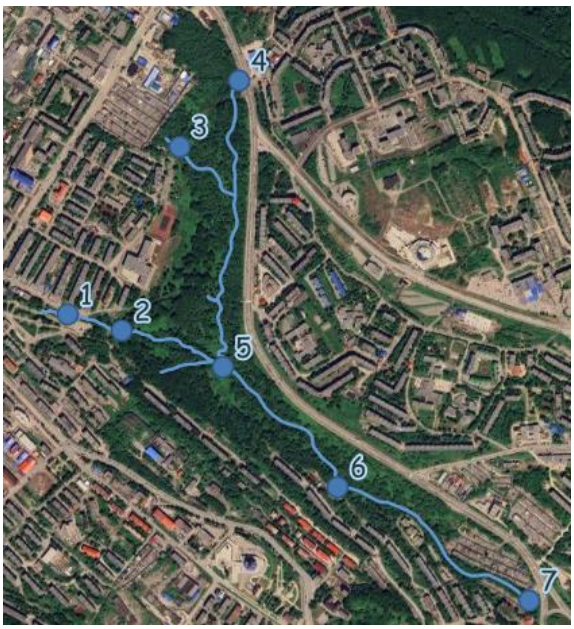

Рис. 1. Точки отбора проб

При идентификации микроорганизмов использовались общепринятые в альгологии определители и руководства, а также современные номенклатуры: глобальная база данных водорослей «AlgaeBase.org», источник информации по идентификации диатомовых водорослей «diatoms.org» [4-14, 16-21].

Все организмы по возможности определяли до вида с использованием микроскопа Olympus BX53 с цифровой насадкой Olympus DP73. Обработка фотографии производилась при помощи графического редактора «GIMP» (The GNU Image Manipulation Program). Также была составлена таблица с распределением обнаруженных микроорганизмов группам, датам и точкам сбора (табл. 2). Общая структура обнаруженных микроорганизмов показана на рисунке 2. Репрезентативные микрофотографии обнаруженных и определенных организмов показаны на рисунках 3-6.

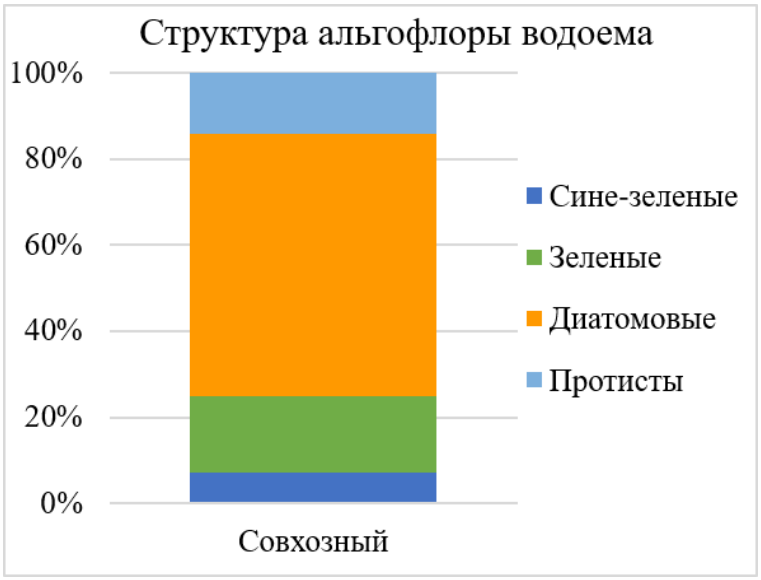

Рис. 2. Структура микроорганизмов исследуемых водоемов

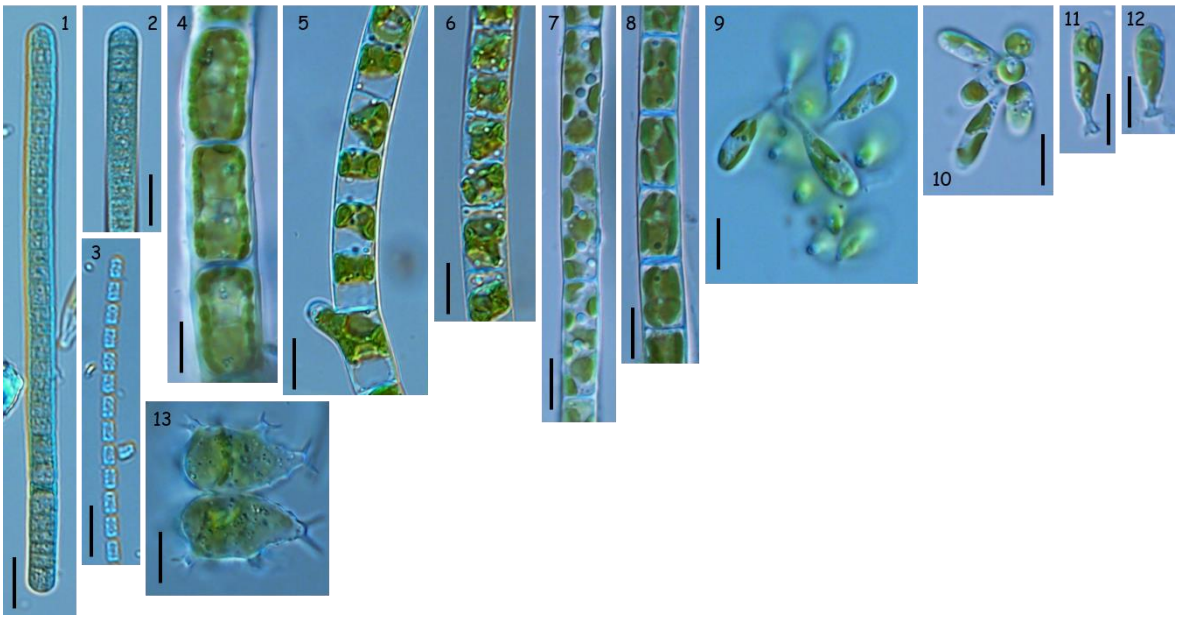

Рис. 3. Сине-зеленые и зеленые микроводоросли руч. Совхозный

Примечание к рисунку 3: размерная шкала 10 мкм. Отображенные виды: из. 1-2 Kamptonema formosum; из. 3 Genus Cyanobacteria sp.; из. 4 Microspora sp.; из. 5-6 Klebsormidium sp.; из. 7-8 Tribonema bombycinum; из. 9-12 Chlorangiella cf.; из. 13 Staurastrum sp.

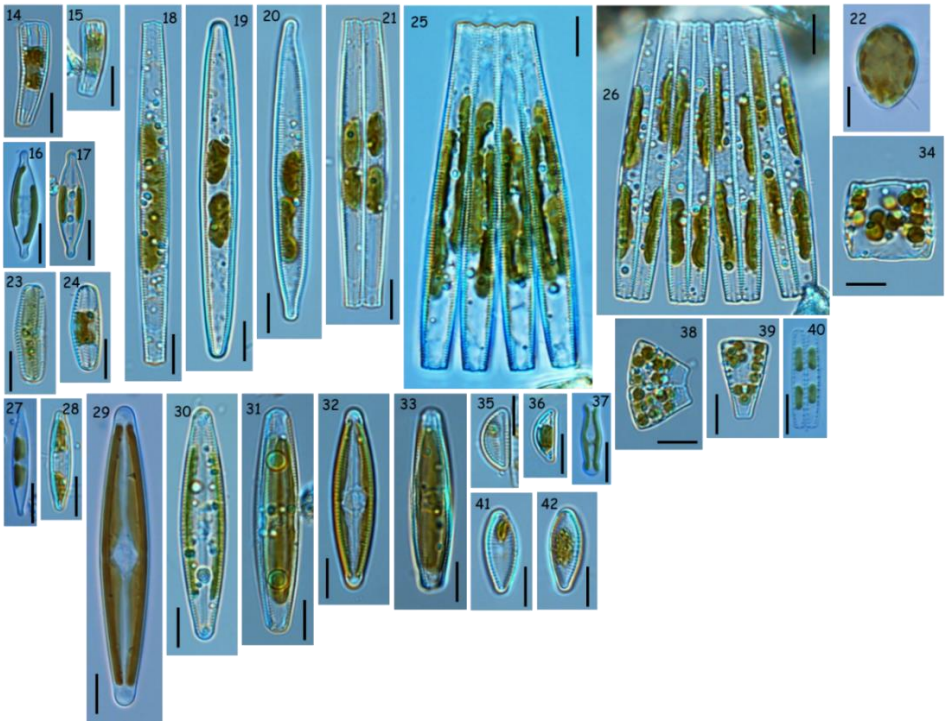

Рис. 4. Диатомовые микроводоросли руч. Совхозный

Примечание к рисунку 4: размерная шкала 10 мкм. Отображенные виды: из. 14-15 Rhoicosphenia abbreviate; из. 16-17 Navicula sp. 1; из. 18-21 Ulnaria sp. 1; из. 22 Surirella sp.; из. 23-24 Reimeria sp.; из. 25-26 Ulnaria sp. 2; из. 27-28 Navicula sp. 2; из. 29-33 Navicula sp. 3; из. 34 Genus Bacillariophyta sp.; из. 35-36 Cymbella sp.; из. 37 Chamaepinnularia cf.; из. 38-39 Meridion sp. 1; из. 40 Navicula cf.; из. 41-42 Diploneis cf.

Рис. 5. Диатомовые микроводоросли руч. Совхозный

Примечание к рисунку 5: размерная шкала 10 мкм. Отображенные виды: из. 43-48 Nitzschia sp.; из. 49-50 Meridion sp. 2; из. 51-54 Meridion sp. 3.

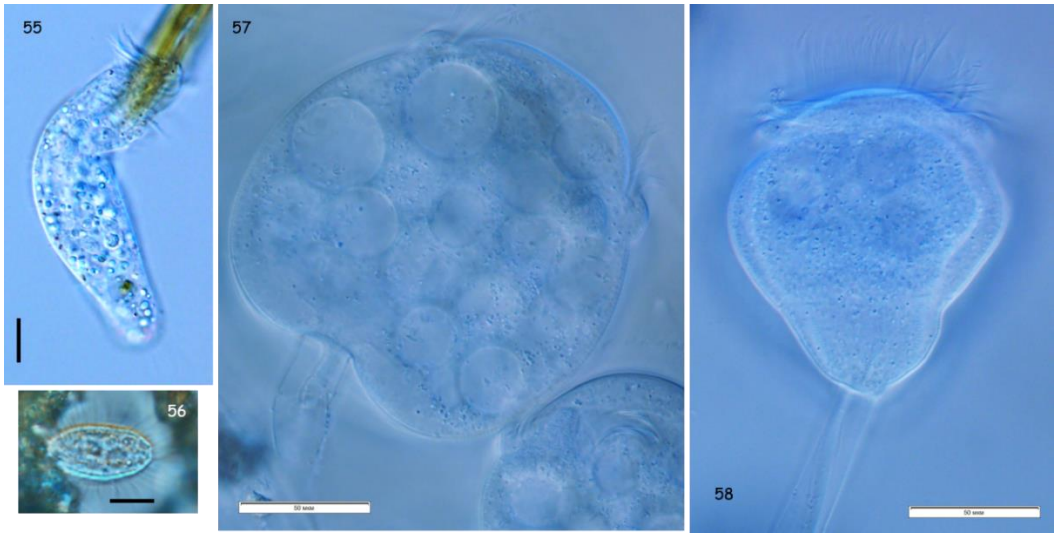

Рис. 6. Протисты руч. Совхозный

Примечание к рисунку 6: размерная шкала 10 мкм и 50 мкм соответственно. Отображенные виды: из. 55 Uroleptus sp.; из. 56 Genus Protoctista sp.; из. 57 Vorticella sp. 1; из. 58 Vorticella sp. 2.

Таблица 2. Микроорганизмы руч. Совхозный

руч. Совхозный (дата, точка сбора)																									
№	Название вида	24.05.2025							22.06.2025							19.07.2025									
		1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7			
Сине-зеленые водоросли																									
1	*Kamptonema formosum* (Bory ex Gomont) Strunecký, Komárek & Smarda, 2014	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+			
2	*Genus* sp.	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+			
Зеленые водоросли																									
3	*Chlorangiella* cf.								+							+									
4	*Klebsormidium* sp.			+	+				+	+	+	+	+			+		+							
5	*Microspora* sp.												+	+	+	+				+	+	+			
6	*Staurastrum* sp.																		+						
7	*Tribonema bombycinum* (C. Agardh) Derbes & Solier, 1851			+	+				+	+	+	+	+			+		+							
Диатомовые водоросли																									
8	*Chamaepinnularia* cf.	+	+	+		+	+				+							+							
9	*Cymbella* sp.	+	+			+	+		+				+	+											
10	*Diploneis* cf.	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+			+		+					
11	*Meridion* sp. 1	+	+	+	+	+	+	+			+		+	+		+	+		+	+					
12	*Meridion* sp. 2	+	+	+	+	+	+	+			+		+	+		+	+			+					
13	*Meridion* sp. 3	+	+	+	+	+	+	+			+		+	+		+	+			+					
14	*Navicula* sp. 1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+			
15	*Navicula* sp. 2	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+			
16	*Navicula* sp. 3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+			
17	*Navicula* cf.	+	+	+		+	+				+		+	+				+		+	+				
18	*Nitzschia* sp.	+		+			+	+	+		+		+	+	+			+		+					
19	*Reimeria* sp.	+	+		+	+	+	+	+			+	+	+	+										
20	*Rhoicosphenia abbreviate* (Agardh) Lange-Bertalot, 1980	+	+			+	+	+					+	+	+										
21	*Surirella* sp.														+										
22	*Ulnaria* sp. 1	+				+	+	+	+	+	+		+	+	+			+	+						
23	*Ulnaria* sp. 2					+	+	+						+	+						+				
24	*Genus* sp.	+	+			+	+	+																	
Протисты																									
25	*Uroleptus* sp.				+	+		+		+		+			+		+		+			+			
26	*Vorticella* sp. 1		+		+	+	+	+				+	+	+	+				+	+	+	+			
27	*Vorticella* sp. 2		+		+	+	+	+				+	+	+	+				+	+	+	+			
28	*Genus* sp.		+		+	+		+		+		+			+	+	+		+			+			

В ходе наблюдений в руч. Совхозный было обнаружено 28 видов: 2 вида сине-зеленых; 5 видов зеленых; 17 видов диатомовых; 4 вида протистов.

Преобладающими по видовому составу являются диатомовые водоросли 60% от общего количества видов.

Стоит отметить вид зеленых водорослей, отмеченный как *Chlorangiella cf.* (рис. 3, из. 9-12). Данный вид вероятней всего является «спорами» *Tribonema bombycinum* (рис. 3, из. 7-8), поскольку встречался исключительно совместно со взрослыми представителями в точке С1 в летний период наблюдений. Однако данное утверждение не может быть полностью достоверным только по анализу полученных микрофотографий. Ввиду чего и было принято решение о конечном наименовании, учитывая космополитный ареал данного рода.

Представители рода *Vorticella sp*. (рис. 6, из. 57-58) были обнаружены почти во всех точках наблюдений в каждый месяц за исключением точки С1, которая является «родником». Что обусловлено их типом питания – фильтрованием из среды частиц детрита и бактерий.

Флора водоема практически не изменялась. Наличие небольшого количества зеленых водорослей в середине и конце наблюдений обуславливается исключительно сезонным ростом (летний период).

Библиографический список

1 Лобков Е.Г., Карпенко В.И. Экологическое состояние озера Култучное, меры по его улучшению и возможности хозяйственного использования. Сборник докладов научно-практической конференции. Петропавловск-Камчатский, 2017. – 125 с.

2 Официальный сайт Камчатского историка и краеведа Александра Петровича Пирагиса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.piragis.ru/history/.

3 Козик Л.В. Страницы истории Петропавловска: Акоград // Краеведческие записки. – Вып. 7. – Петропавловск-Камчатский, 1991. – С. 68-84.

4 Еленкин А.А. Камчатская экспедиция Федора Павловича Рябушинского, снаряженная при содействии ИРГО. Ботанический отдел. Выпуск 2: Споровые растения Камчатки: 1. Водоросли, 2. Грибы. – Москва, 1914. – 614 с.

5 Potapova M. Diatoms of Bering Island, Kamchatka, Russia // Nova Hedwigia Beiheft. – 2014. – № 143. – P. 63-102.

6 Лепская Е.В. Фитопланктон эстуария реки Камчатки // Исследования водных биологических ресурсов Камчатки и северо-западной части Тихого океана. – 2014. – № 32.

7 Лепская Е.В. Фитопланктон рекреационных озер Петропавловска-Камчатского как показатель их экологического состояния / Е.В. Лепская, О.Б. Тепнин, В.Г. Эльчапаров // Рыбохозяйственная наука. История, современность, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию создания «ГосНИОРХ» им. Л.С. Берга, Санкт-Петербург, 23-24 октября 2024 года. – Москва: ГНЦ РФ ФГБНУ «ВНИРО», 2024. – С. 309-313.

8 Лепская Е.В. Зональность в распределении фитопланктона и его роль в оценке экологического состояния оз. Култучное (г. Петропавловск-Камчатский) / Е.В. Лепская, В.Г. Эльчапаров // Чтения памяти Владимира Яковлевича Леванидова. – 2025. – № 11. – С. 114-121.

9 Фитопланктон прибрежных вод Камчатки и сопредельных акваторий // Орлова Т.Ю., Селина М.С., Стоник И.В., Морозова Т.В., Бегун А.А., Лепская Е.В; под общей редакцией А.В. Адрианова. – Владивосток: Изд-во «ЛИТ», 2024. – 184 с.

10 Андреева В.М. Почвенные и аэрофильные зеленые водоросли (Chlorophyta: Tetrasporales, Chlorococcales, Chlorosarcinales). – СПб Наука, 1998. – 351 с.

11 Скабичевский А.П. Планктонные диатомовые водоросли пресных вод СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 350 с.

12 Анисимова О.В., Гололобова М.А. Краткий определитель родов во дорослей. Учебное пособие / Ред. В.М. Гаврилов. – М., 2006. – 159 с.

13 Курсанов Л.И., Забелина М.М., Мейер К.И. и др. Определитель низших растений: в 5 т. / под общ. ред. Л.И. Курсанова. – М.: Советская наука, 1953.

14 Фитопланктон прибрежных вод Камчатки и сопредельных акваторий // Орлова Т.Ю., Селина М.С., Стоник И.В., Морозова Т.В., Бегун А.А., Лепская Е.В; под общей редакцией А.В. Адрианова. – Владивосток: Изд-во «ЛИТ», 2024 – 184 с.

15 Официальный сайт Национальной системы пространственных данных «НСПД». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nspd.gov.ru/map.

16 Guiry, M.D. & Guiry, G.M. AlgaeBase. World-wide electronic publication, University of Galway. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.algaebase.org.

17 The source for diatom identification and ecology «Diatoms of North America». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://diatoms.org/.

18 Baker, A.L. et al. 2012. Phycokey – an image based key to Algae (PS Protista), Cyanobacteria, and other aquatic objects. University of New Hampshire Center for Freshwater Biology. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cfb.unh.edu/phycokey/phycokey.htm.

19 Официальный сайт специализированного научно-популярного и образовательного онлайн-атласа Мартина Кройца (Dr. Martin Kreutz). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://realmicrolife.com/.

20 Официальный сайт немецкого некоммерческого научно-образовательного онлайн-атласа и фотокаталога. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plingfactory.de/.

21 Официальный сайт национального института водных и атмосферных исследований Новой Зеландии (NIWA). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://niwa.co.nz/freshwater/algae-id-guides.

TAXONOMIC COMPOSITION OF MICROALGAE OF THE SOVKHOZNY STREAM IN PETROPAVLOVSK-KAMCHATSKY

N.D. Pitirimov, *Graduate Student*
Kamchatka State Technical University
(Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky)

Abstract. *The Article presents data on the taxonomic composition of microalgae of the Sovkhozny stream in Petropavlovsk-Kamchatsky in the summer of 2025. A list of planktonic microorganisms with distribution over the Waterbody, including 28 species, is presented: 2 types of blue-green; 5 types of green; 17 types of diatoms; 4 types of protists. The flora of the lake practically did not change during of the monitoring.*

Keywords: *algoflora; phytoplankton; species richness; urban reservoirs; urbanization.*

ПОСТПОТСДАМСКИЙ МИР И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Т.А. Абдырахманов[1], *д-р ист. наук, член-корреспондент*
Б.С. Жалиева[2], *канд. ист. наук, доцент*
[1]Национальная академия наук Кыргызской Республики
[2]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-14-20

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей постпотсдамского мирового порядка и его влияния на трансформацию концепции государственного суверенитета. Рассматриваются исторические предпосылки формирования системы международных отношений после Второй мировой войны, основанной на принципах баланса сил, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела государств и центральной роли международного права. Особое внимание уделяется изменениям, произошедшим после окончания «холодной войны», усилению процессов глобализации, развитию международных организаций и транснациональных институтов, а также росту взаимозависимости государств.*

В статье анализируется эволюция традиционного понимания суверенитета в условиях современного мира, где государство постепенно утрачивает монополию на принятие решений в политической, экономической и информационной сферах. Исследуются факторы, способствующие ограничению абсолютного характера государственного суверенитета, включая международные санкции, гуманитарные интервенции, деятельность наднациональных структур, цифровизацию и глобальные вызовы, такие как международный терроризм, миграционные кризисы и изменение климата.

Автор приходит к выводу, что постпотсдамский мир характеризуется переходом от классической модели суверенного государства к более сложной системе многоуровневого управления, в которой национальные интересы все чаще соотносятся с нормами международного сотрудничества и глобальной безопасности. Подчеркивается, что трансформация суверенитета не означает его исчезновения, а свидетельствует о его адаптации к новым условиям мирового развития.

Ключевые слова: *Версальская система; новый мировой порядок; постпотсдамский мир; государственный суверенитет; международные отношения; глобализация; международное право; трансформация суверенитета.*

Современная система международных отношений переживает этап глубоких трансформаций, связанных с изменением баланса сил, кризисом универсальных международно-правовых механизмов и переосмыслением принципа государственного суверенитета. После окончания Второй мировой войны и принятия решений Потсдамской конференции 1945 года был сформирован мировой порядок, основанный на признании территориальной целостности государств, нерушимости границ и ключевой роли международных организаций в поддержании мира и безопасности. Потсдамская система стала важнейшим элементом послевоенного устройства мира и на протяжении десятилетий определяла характер международных отношений.

Однако в конце XX – начале XXI века мировое сообщество столкнулось с процессами, свидетельствующими о постепенном переходе к постпотсдамскому миру. Распад биполярной системы, усиление глобализации, рост влияния транснациональных акторов, региональные конфликты и развитие концепций гуманитарного вмешательства существенно изменили традиционные представления о государственном суверенитете. В современных условиях суверенитет все чаще рассматривается не как абсолютная категория, а как принцип, подвергающийся ограничениям под воздействием международных политических, экономических и правовых факторов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях формирования нового

мирового порядка проблема соотношения международного регулирования и национального суверенитета приобретает особое значение. Усиление международной взаимозависимости, расширение санкционной практики, вмешательство во внутренние дела государств под предлогом защиты прав человека и международной безопасности вызывают научные и политико-правовые дискуссии о пределах суверенных полномочий государств. Одновременно наблюдается стремление многих стран к укреплению национального суверенитета как основы политической независимости и устойчивого развития.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении взаимосвязи между трансформацией мирового порядка и эволюцией концепции суверенитета в условиях современных международных процессов. Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее выводов при дальнейшем исследовании проблем международного права, мировой политики и механизмов обеспечения национальной безопасности государств.

К концу XX – началу XXI века постпотсдамский период распадающегося Версальского мироустройства столкнулось с глубокими трансформациями, связанными с кризисом неолиберальной системы, глобализацией, усилением транснациональных структур, экономической интеграцией и ростом международных конфликтов. Самое главное, трансформация мироустройства стала выражением кризиса либерального глобализма и перехода к более жёсткой модели международных отношений, основанной на экономическом национализме, протекционизме и конкуренции великих держав.

Таким образом, в XXI веке началась закономерная смена исторических вех и цивилизация вступила в полосу формирования нового мирового порядка. И глобальная трансформация Вестфальского мира стала кардинально обновлять всю систему и механизмы существования современной цивилизации. Мировая система за это время бесповоротно уходит не только от жестких контуров прошлого биполярного миропорядка, но и от, казалось бы, менее жестких и более универсальных подходов Г. Киссинджера, согласно, которым национальные государства, как фундаментальные основы вестфальского мироустройства уверенно развивались по общепринятым требованиям и законам.

Общеизвестно, что «Вестфальская система международных отношений, сформировавшаяся после заключения Вестфальского мира 1648 года, утвердила принцип государственного суверенитета и стала основой мироустройства, в рамках которого обеспечивались сохранение и развитие суверенных государств как центральных акторов международной политики. Благодаря этому, после Вестфальског мира произошло признание независимости Нидерландов, Швейцарии и др. Фактическое расширение суверенных прав получили примерно 300-350 германских княжеств в составе Священной Римской империи. В дальнейшем, после Первой мировой войны на карте Европы и Ближнего Востока появилось или восстановило независимость примерно 10-12 новых суверенных государств – точное число зависит от того, считать ли восстановленные страны «новыми». Основные суверенные государства, возникшие после распада империй: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Австрия, Венгрия, Турция, иногда также включают Ирландию и Исландию. После Второй мировой войны новых суверенных государств появилось значительно больше, чем после Первой мировой. Если считать только первые послевоенные годы (1945-1950-е), то возникло примерно 15-20 новых государств. Если учитывать весь процесс деколонизации, запущенный войной, – то более 70 стран получили независимость в Азии, Африке и на Ближнем Востоке [1].

К сожалению, постпотсдамское время распадающегося Вестфальского мира девальвируется и демонтируется система суверенных национальных государств. Она начала трансформироваться и пересматриваться. В связи, с этим суверенность стала совсем иначе рассматриваться. Тем самым, нивелируется и утрачивают прежнюю роль и свое место национальные государства. Взамен же, постепенно моделируется новая система, по которой в глобальном масштабе распространяется идеи радикального мондиализма, не признающий роль и место национально-государственного суверенитета стран мира и происходят десуверенизационные сдвиги в существующей

международной системе суверенных государств [2].

Бесспорно, старый биполярный мировой порядок и его политико-правовые основы стали недееспособными, не обязательными, не нужными и стали рушиться на глазах. В частности, перестали действовать такие договоры, как о суверенности государств, о невмешательстве во внутренние дела государств, о невозможности обеспечивать безопасность государства внешними силами и т.д.

В этих условиях, в условиях краха Вестфальской системы, в своем обращении нации еще 1991 г. Дж. Буш – старший впервые и официально провозгласил о новом мировом порядке, основанной на американской гегемонии [3]. С этого момента идет перманентный процесс формирования новой международно-правовой парадигмы, закрепляющая в системе международных отношений новые правила и новые условия о государственности и о национальных государствах. К сожалению, их отличает нечеткость международно-правовой базы, двусмысленность, необязательность и не прозрачность многих международно-правовых норм и актов о государственном суверенитете. В них превалируют политические интересы сверхдержав над юридически закрепленными международными актами, статусами и полномочиями государств. Девальвируется роли глобальных авторитетных международных организаций-гарантов и игнорируются мнения международного сообщества в решении вопросов государственного суверенитета.

Самое важное – в этой ситуации ООН превращается в неэффективную, беспомощную и бесполезную организацию как Лига наций перед второй мировой войной [4]. В этих условиях, апологеты ликвидации общепризнанной классической системы суверенных национальных государств, утверждают, что, во-первых, в современных условиях не всем государствам нужна вестфальская форма классического суверенитета национальных государств, с другой стороны, не все государства заслуживают суверенности. Во-вторых, современная десуверенизация государств не есть полное его уничтожение, а трансформация в новую модель с новыми формами и функциями в соответствии с современными процессами глобализации, сутью, которых являются создание гибридных государств с ограниченным суверенитетом в различных формах. Подобные формы государственности моделируются как межгосударственные и надгосударственные институты, «непризнанные» государства, квазигосударства, «государства призраки», ассоциированные государства, регион-государства, корпорации-государства, сетевые центры как государства, города-государства, субъекты различных федераций и конфедераций, различные автономии, сепаратистские, религиозные, этнорелигиозные анклавы, геоэкономические конгломераты, организации с подвижными границами, государства без границ с трансграничной мобильностью. Эти государства с номинальными правами становятся только лишь пассивными марионетками и трансформируются в государства «ограниченного суверенитета». Поэтому в последние годы в количественном и качественном отношении систематически сокращаются ряды де-факто суверенных государств.

Отдельные государства мира перестали выступать за собственный суверенитет, добровольно делегируя это право другим доминирующим государствам или отдельным наднациональным международным организациям. Примером являются страны Европы, добровольно передавшие части суверенных полномочий ради общей эффективности – это ЕС. Правда, в последнее время по этому поводу меняется позиция отдельных стран и отдельных людей. Первым сигналом стал Английский «Брекзит». Как известно, в Англии референдум о выходе из Евросоюза состоялся 23 июня 2016 года, и большинство англичан проголосовало за выход из ЕС. Официально Brexit завершился 31 января 2020 года [5, с. 45]. Это был выход Британии из Европейского союза ради большей самостоятельности. Главная идея сторонников Brexit действительно была в «возвращении суверенитета»:самим принимать законы, контролировать границы и миграцию, самостоятельно вести торговую политику, уменьшить влияние органов ЕС на британскую политику. Для англичан Brexit стал символом восстановления британской самостоятельности и традиций

Недавно Американский предприниматель и владелец компании Tesla Илон Маск выступил с резкой критикой Европейского союза, заявив о необходимости возвращения полного суверенитета государствам – членам ЕС. Данное

высказывание вызвало широкий общественный и политический резонанс, поскольку затронуло вопросы государственного суверенитета и роли наднациональных институтов в современной международной политике. По словам Маска, «ЕС нужно устранить, а суверенитет вернуть отдельным странам, чтобы правительства могли лучше представлять свой народ» [6].

Проблема суверенитета государств Европейского союза является одной из ключевых тем современной политической науки. С одной стороны, государства ЕС сохраняют формальную независимость, собственные конституции, органы власти и право на проведение внутренней политики. С другой стороны, значительная часть полномочий передана наднациональным институтам Евросоюза: Европейской комиссии, Европарламенту и Суду ЕС. Это ограничивает самостоятельность национальных государств в вопросах экономики, миграционной политики, цифрового регулирования и внешних отношений. Критики ЕС, к числу которых относится Илон Маск, считают, что чрезмерная централизация власти в Брюсселе приводит к ослаблению демократического представительства и снижению роли национальных правительств. Подобные взгляды особенно усилились на фоне миграционного кризиса, энергетических проблем и усиления цифрового контроля в Европе. Высказывание Илона Маска отражает существующие противоречия между идеями национального суверенитета и наднационального управления в Европейском союзе. Дискуссия о будущем ЕС и степени независимости его государств продолжает оставаться одной из наиболее актуальных тем мировой политики.

Словом, в начале XXI в. в новой ситуации в мировой политике начинается процесс создания «нового мирового порядка», благодаря которому систематически провоцируется и форсируется дестабилизирующая волна локальных конфликтов. По всему миру распространяются новые атипичные виды войн, такие как «гибридная война», «сетевая война», «ассиметричная война», «бесконтактная война», «цветные революции», сепаратизм, терроризм, экстремизм и другие [7, с. 13].

В результате, идет серьезный пересмотр современного состояния и стратегической перспективы феномена национального государства и государственности, систематически происходит демонтаж и подмена основ национально - государственного суверенитета.

Следовательно, цивилизационный кризис всё больше обостряется и требует безотлагательного поиска новой модели государственности, новой системы государств и нового мироустройства которая в наибольшей мере отвечала бы интересам всех государств мира, мирового сообщества и положила бы конец политике десуверенизации государств. При этом, предполагается, что системные угрозы и риски в отношении национальных государств, создаваемые нынешним миропорядком, могут быть преодолены только в рамках другого миропорядка, с возрожденным на новой основе, по новым принципам и с новым геополитическим балансом сил.

Но, в нынешних условиях складывается совершенно другая историческая реальность – кристаллизируется новый геополитический баланс сил, перемещается центр геоэкономической гравитации и самое главное, в другую систему трансформируется цивилизационная составляющая мира. Тем самым, как отметил премьер-министр Великобритании Кир Стармер в авторской статье для британнской газеты «The Sanday Telegraph» «мир каким мы его знали исчез» [8]. Взамен нарастают новые вызовы и угрозы, по-другому перераспределяются глобальные мощи и влияния, заявляют о себе новые моральные ценности и центры силового давления, предлагаются другие механизмы взаимодействия и стратегического партнерства государства.

С учетом этого вырисовывается новые идеи, другие контуры, возможные линии и некие дилеммы нового мироустройства. Вокруг этих и других позиций шел жаркий спор с участием фактически всех лидеров крупнейших государств современного мира и прогнозировался завершение создания нового мирового порядка в течении 5-10 лет. В частности, об этом заявила глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. На форуме в военной королевской академии Дании, она говорила, что во второй половине текущего десятилетия сформируется новый международный порядок. К чему Европа должна готовиться незамедлительно. «Мы должны видеть мир таким, какой он есть, и мы должны действовать без промедления» [9].

В общем, казалось, что новый мировой порядок вот-вот наступит. ООН, ЕС, ВТО, НАТО, ВОЗ, Международный уголовный суд и другие наднациональные образования претендовали на роль арбитров, регуляторов, координаторов глобального будущего. Но, с президентством Трампа всё изменилось. Он не предлагал систему – он со своими «сделками» стал фактически новой системой. Глобальные конспирологические и другие проекты оказались ненужными. Не нужными оказались ООН, ЕС, ВТО, НАТО, ВОЗ, Международный суд и др. Случай с Венесуэлой, Ираном, Кубой и Гренландией показывает, что суверенитет государств стал фикцией.

Традиционно США претендовали на роль либерального гегемон государства – продвигая демократию, свободные рынки и международные институты. При Трампе это изменилось. Трамп отходит от глобальной гегемонии США. Он делает акцент на личном лидерстве, рефлексирует свои бизнес-подходы (сделки) во внешней политике. Трампизм подменяет гегемонию США как государства на гегемонию личности. Устанавливается гегемония Трампа – гегемония личности и прямого управления, а не системы или институтов. Если Потсдамская система основывалась на принципах баланса сил, коллективной безопасности, суверенного равенства государств и центральной роли ООН, то международная политика Д. Трампа всё чаще демонстрирует приоритет «доктрины силы» – военной, экономической, технологической и информационной. Политика Д. Трамп строится на принципе «America First», который фактически означал право США действовать исходя исключительно из собственных интересов, даже если это противоречит международным соглашениям или позиции союзников. Проявления «доктрины сильного» включают использование санкций как инструмента давления, торговые войны, вмешательство во внутренние дела государств, давление через международные финансовые институты, применение технологических ограничений, усиление геополитической конкуренции. Это антисистемный националистический проект, где интересы глобального порядка уступают интересам политического успеха одной фигуры.

В этих условиях, особенно актуальной становится проблема сохранения суверенитета национальными государствами. Усиление зависимости от глобальных финансовых институтов, транснациональных корпораций, цифровых платформ и военно-политических блоков ставит под вопрос способность государств самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику. При такой ситуации слабые и развивающиеся государства оказываются в более уязвимом положении, поскольку их экономическая и политическая зависимость ограничивает возможность самостоятельного проведения внутренней политики, их внешнеполитические и внешнеэкономические возможности могут существенно ограничиваться доминированием более сильного центра силы. Таким образом, постпотсдамский мир постепенно движется не к универсальному глобальному порядку, а к системе конкурирующих макрорегионов, возглавляемых крупнейшими державами. В таких условиях проблема сохранения реального государственного суверенитета становится особенно актуальной для средних и малых государств.

Заключение.

Таким образом, постпотсдамский этап развития международных отношений характеризуется глубокими изменениями мировой политической системы и трансформацией традиционного понимания государственного суверенитета. Потсдамская модель мирового устройства, основанная на принципах нерушимости границ, равенства государств и приоритета международного права, длительное время обеспечивала относительную стабильность международных отношений. Однако процессы глобализации, распад биполярной системы, усиление роли международных организаций и негосударственных акторов привели к формированию новых механизмов политического и правового взаимодействия государств.

В современных условиях суверенитет уже не рассматривается как исключительно абсолютная и неограниченная категория. На его содержание оказывают влияние международные обязательства государств, экономическая взаимозависимость, развитие интеграционных процессов и практика международного вмешательства. При этом сохраняется противоречие между необходимостью международного сотрудничества и стремлением государств сохранить политическую независимость и контроль над внутренними процессами.

Постпотсдамский мир демонстрирует тенденцию к усложнению международной системы, в которой усиливается борьба между универсалистскими и суверенистскими подходами. С одной стороны, возрастает значение международных институтов и коллективных механизмов регулирования глобальных проблем, а с другой – многие государства стремятся укрепить национальный суверенитет как основу собственной безопасности, политической стабильности и культурной идентичности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что трансформация мирового порядка не означает исчезновения суверенитета как ключевого принципа международных отношений. Напротив, в условиях современных геополитических изменений происходит его адаптация к новым реалиям мировой политики. Суверенитет продолжает оставаться фундаментальной основой государственности, однако формы его реализации становятся более гибкими и зависят от характера международных процессов и распределения сил в мировой системе.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы связаны с анализом влияния цифровизации, международных экономических кризисов, региональных конфликтов и новых центров силы на эволюцию государственного суверенитета в XXI веке.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

2. Абдырахманов Т.А. Крах Вестфальского мироустройства и «Новый мировой порядок» // Доклады Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2015. – № 2.

3. Буш-старший: От «Бури в пустыне» до нового мирового порядка. РИА Новости 01.12.2018.

4. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2000. – 348 с.

5. Хантингтон С. Политические последствия Брекзита. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

6. Маск призвал ликвидировать Евросоюз и вернуть суверенитет странам // Ведомости. 2025. 6 дек. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/12/06/1161094-mask-prizval-likvidirovat-evrosoyuz.

7. Абдырахманов Т.А., Бейшеналиев А. Доктрины формирующие основные приоритеты внешней политики США // Вестник ЕНУ им. Гумилева. Астана. – 2015. – № 5 (108).

8. Кир Стармер «Старый миропоррядок исчез...» // Lenta. Ru 17.05.2026.

9. Фон дер Ляйен: к концу 2030 года сформируется новый международный порядок // Аргументы и факты. 18.03.2025.

THE POST-POTSDAM PEACE AND THE TRANSFORMATION OF STATE SOVEREIGNTY

T.A. Abdyrakhmanov[1], *Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member*
B.S. Zhalieva[2], *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
[1]National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
[2]Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article examines the characteristics of the post-Potsdam world order and its impact on the transformation of the concept of state sovereignty. It explores the historical foundations of the system of international relations established after World War II, which was based on the principles of balance of power, inviolability of borders, non-interference in internal affairs, and the leading role of international law. Particular attention is paid to the changes that occurred after the end of the Cold War, including the intensification of globalization processes, the development of international organizations and transnational institutions, and the growing interdependence of states.*

The article analyzes the evolution of the traditional understanding of sovereignty in the modern world, where the state is gradually losing its monopoly on decision-making in political, economic, and informational spheres. It examines the factors contributing to the limitation of the absolute nature of state sovereignty, including international sanctions, humanitarian interventions, the activities of supranational structures, digitalization, and global challenges such as international terrorism, migration crises, and climate change.

The author concludes that the post-Potsdam world is characterized by a transition from the classical model of the sovereign state to a more complex system of multilevel governance, in which national interests are increasingly correlated with the norms of international cooperation and global security. It is emphasized that the transformation of sovereignty does not imply its disappearance, but rather reflects its adaptation to new conditions of world development.

Keywords: *Versailles system; new world order; post-Potsdam world; state sovereignty; international relations; globalization; international law; transformation of sovereignty.*

ИНГУШСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОРУЖИИ, ОДЕЖДЕ И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

А.С. Албаков, *студент*
Научный руководитель: *Д.С. Кокорхоева, канд. ист. наук, профессор*
Ингушский государственный университет
(Россия, г. Магас)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-21-29

Аннотация. *Внимание автора статьи сосредоточено на анализе особенностей традиционной материальной культуры ингушского народа. В статье исследуются поселения и жилища, традиционный костюм, традиционная пища, народно-декоративное прикладное искусство, а также военное дело ингушей. Исследование включает дневники иностранных путешественников, а также исследования иностранных и отечественных историков. В работе, главным образом, был использован историко-системный метод, задачей которого является составление цельной комплексной картины прошлого.*

Ключевые слова: *ингуши; культура; военное дело; традиции; обычаи; история; память.*

Башни являются важной частью культурного и исторического наследия ингушского народа. Здесь на сравнительно небольшой территории сосредоточены относительно хорошо сохранившиеся уникальные памятники старины, часто не имеющие аналогов по своей значимости во всем северокавказском регионе [1, с. 24]. Полного своего формирования башенная архитектура ингушей достигла уже к XIII в., а позже, к концу XV в. достигнув своего пика. В Ингушетии сложилась архитектурная культура и свой ингушский стиль, распространившийся затем на соседние северокавказские народы [2, с. 78]. В древности лучшими мастерами-строителями башен считались некоторые из ингушских родов, которые часто приглашались в Осетию, Чечню, Хевсуретию. Ингушские башни можно разделить на два вида: боевые - *в1ов* и жилые - *г1ала*. Но существовали и полубоевые башни, которые строились с XIII-XIV вв. (во времена татаро-монгольского нашествия), в основном, в ущельях для охраны узких проходов. Основными и доступными материалами являлись камень, дерево и глина.

Для боевых башен самым надежным материалом был камень. Боевые башни (*в1ов)* в ранней стадии были низкими и не были приспособлены к военной осаде, бою, но со временем начали строить высокие башни, которые имели 6-метровое основание и достигали высоту в 30 метров.

Можно заметить стройность боевых башен. В самом основании башня объемная, постепенно она сужается кверху. Подобная поверхность башни имело преимущество, от наклонной поверхности рикошетили стрелы и пули.

Изначально, на башнях не было бойниц для ружей, очевидно, ингуши еще не знали пороха. Однако, ингуши использовали ударные камни, на вершине башни имелись парапеты. К XIV веку в боевых башнях начали появляться бойницы для огнестрельного оружия. Кроме того, под боевым балкончиком можно увидеть орнамент или «Крест-голгофа» (история появления в горах Ингушетии до сих пор остается неясной).

Что касаемо жилой башни (*г1ала)*, то она была двух- или трехэтажной. Она совмещала в себе все атрибуты любого дома: внутри имелся очаг, одежда, оружие, предметы быта, простая мебель, а также святая для любого горца вещь – надочажная цепь, без которой на Кавказе дом не мог считаться домом [3, с. 199]. В самой башне дверь верхнего второго этажа выходила прямо наружу, и попасть в башню можно было только по приставной лестнице. Со временем произошло объединение башен в замок со стенами или аул, из-за необходимости защиты от внешних посягательств. Деревни ингушей называются на местном языке Аулы, они построены в самой горной части долины и представляют очень оригинальный вид. Эти аулы состоят из каменных башен высотой от двадцати до двадцати пяти метров и площади от пяти до десяти метров. Каждая башня стоит на живописном месте, или на крутых склонах

горы, или у самого подножия скал [4, с. 1]. Ингушские аулы приютились на неприступных скалах и горных кручах – добраться до них порой можно лишь по узким тропам, словно высеченным прямо в каменной тверди [5, с.151]. Ингуши придерживались правила – построить башню за один год (предпочитался срок от весеннего равноденствия до осеннего равноденствия). Примечательно, что ингушские башенные постройки не имеют фундамента. Для постройки всегда выбиралось такое место, которое не давало в дальнейшем усадки, видимо поэтому в фундаменте не было смысла.

Жилища горных и равнинных ингушей отличались друг от друга. Если на равнине можно было построить большой дом, то в горах это сделать было очень трудно из-за сложного рельефа местности. В горах рядом с башнями начали пристраивать небольшие каменные сакли или турлучные однокомнатные домики. На равнине была совсем другая картина. Здесь не было и не строилось башен (за исключением единственной башни Овлура в селении Гамурзиева, и та была разрушена по распоряжению местной администрации) [6, с. 77]. На равнине строились турлучные дома. Турлучный дом состоял из прутьев, которые шли на плетеную стену, и глины, которой она обмазывалась. Чуть позднее было освоено производство самана. Дом строили на том месте, где была хорошая растительность, и близость водного источника в том числе учитывалось. Здесь также как и в горной Ингушетии устанавливался срок строительства дома – один год, однако, ближе к XX веку это правило стало необязательным. В конце XX века Северный Кавказ включился во всероссийский рынок. Воздействие русской домостроительной культуры на народы края стало все более заметным. Введены новые строительные материалы, такие как пиленые доски, черепица, обожженный кирпич и кровельное железо. Также увеличилась площадь окон с остеклением рам, появились деревянные полы и потолки, а также печи с трубами. Но такую модернизацию могли себе позволить только состоятельные люди. Простой люд довольствовался простыми домостроениями: крытыми соломой и глиной, с глиняным полом. Дома строились длинные и неширокие, с таким расчетом, чтобы каждая комната имела выход на террасу. В центре дома располагалась основная комната (*наьна ц1а)*, в которой готовили пищу для всей семьи.

В ингушском народе большое значение придавалось пище, однако ингуши всегда были умеренны в еде. Много рассказывают о ничтожном количестве пищи, употребляемой ингушами, но уже одно значительное увеличение населения несомненно доказывает, что пища у ингушей за взятое время была вполне достаточна [7, с. 9]. Продукты питания можно разделить на мясомолочные, хлебные, растительные и др. Мясо и мясные блюда (*дулхацара даар*) занимали важное место в кулинарии ингушей. В приготовлении пищи использовались различные виды мяса, кроме свинины. Конина (*говрадулх*) также могла быть в рационе, но это происходило очень редко из-за особого отношения к лошадям. Считалось, что убийство коня или срубка груши может привести к серьезным бедам, поэтому такое мясо резали только в крайних случаях. Мясо готовили как в вареном, так и в сушеном виде, а для длительного хранения чаще всего заготавливали вяленое мясо, преимущественно баранину. Часто вяленое мясо выручало хозяина, когда к нему приходил гость. Впрок заготавливали и курдюк, его обильно пересыпали солью и вывешивали на просушку. Соль в начале XX века уже продавалась на лавках, а раньше добывалась в солеварнях в местечке Берхате. Было распространено и общекавказское мясное блюдо шашлык (*детта дулх*), которое в старину считалось исконно охотничьим блюдом.

Большое место в местной кулинарии отводилось соусу (*берх1а*). Он был разных видов. Самым простым был (*миста берх1а*) кисло-соленый раствор, в котором хранился творог или сыр. Этот вид соуса хорошо подходил для Чурека (*сискал)*, чтобы не есть чурек всухомятку. Однако кроме кукурузного Чурека (*сискал)*, был также хлеб из пшеницы (*олг)*. Для мяса делали отдельный соус, который назывался *дулха берх1а*, впоследствии – *коартола берх1а* (позже начали добавлять в соус картофель). Также острый соус из луковиц черемши - *кIома бирха*. Вместе с мясом (*дулх)* также употребляли кукурузные галушки (*х1алтам*) и мясной бульон (*дил*), вместе с острым соусом – это и считалось лучшими национальными блюдами ингушского народа.

В повседневном питании горца были и другие мучные блюда:

Топаш – колбаски из кукурузной муки, печенные на углях.

Гарзаш – лапша из пшеничной муки, варенная в молоке или в бульоне.

К1о – мамалыга из кукурузной сечки. На блюдо с мамалыгой клали измельченный творог и поливали маслом.

Молоко и молочные продукты занимали у ингушей важное место. Общее название молочных продуктов – *маша*. Цельное молоко ингуши обычно не употребляли, предпочитая простоквашу (*ета шура*) и из нее же готовили творог (*к1олд*). Прокисшее молоко покрывалось сверху сметаной (*т1оа*), ее сгребали специальной ложкой. В основном сметана шла в пищу в цельном виде. Из нее же делалось сливочное масло (*налх)*. Тот же творог еле свежим, использовали в качестве начинки для тонких пирогов (*Ч1аьпильгаш*). Также сыр у ингушей имел особую популярность. Обычно его готовили из овечьего и коровьего молока. Для приготовления сыра использовали специальную закваску (*шоа)*. Она делалась следующим образом: желудок ягненка, теленка или взрослых животных наполняли молоком (желательно первого надоя). Желудок перевязывался с двух сторон и подвешивался над очагом или печкой. Молоко внутри постепенно усыхало до пастообразной консистенции – сырной пасты.

Наряду с обычной пищей, была и гостевая пища. Угощение по случаю разных торжеств (свадьба, новоселье, рождение ребенка), было особенным и обильным. Также и к приему гостя. Для особо почтенных гостей резали барана, независимо от того какое количество мяса уже имелось в доме. Хозяин угостил нас щедро: сварил целого телёнка и поставил перед нами огромный котёл – мясо полагалось брать руками. Вместо хлеба подавались лепёшки наподобие малороссийских галушек: другого хлеба в этих краях не знали [8, с. 199]. Чтобы доказать гостю, что мясо свежее, на стол ставили широкое блюдо – вареную голову барана, курдюк и грудинку. Для гостей в центре стола также ставилась круглая чашка с золотисто-желтой густой теплой жидкостью (растопленное масло), в которой находился творог (*к1одар*). Это блюдо обычно подается в виде закуски, чтобы не слишком томить его ожидание. Из куриных яиц также готовили различные блюда. *Даьтта фуаш* – жареные на топленном масле куриные яйца. Это блюдо подавали гостям, родственникам до приготовления основного мясного блюда.

Особенное место занимало и чаепитие. Первоначально чаепитие появлялось только в богатых домах, затем постепенно стало приобретать широкое распространение. По традиции даже сегодня, ингуш предложит гостю зайти на чашку чая, но по итогу накроет большой стол с гостевым угощением, которое лишь потом завершается чаепитием. Ингуши очень приветливы и гостеприимны по отношению к иностранцам [9, с. 44].

Кроме обычной пищи и пищи для гостей и торжеств была еще и дорожная пища (*наькъа хьош бола кхача)*. Это были не портящиеся продукты, не требующие долгого приготовления: курдюк, толокно – *цу* (мука из прожаренного зерна с добавлением сухофруктов) сыр, но иногда и жареное мясо. Дорожную пищу брали с собой уходя, в дальний путь, на охоту или войну.

На протяжении веков предкам ингушей приходилось защищать свои земли от нападений многочисленных врагов. Военное искусство находилось на высоком уровне и постоянно адаптировалось к новым условиям и изобретениям. Ингушские воины мастерски использовали все ключевые элементы как наступательной, так и оборонительной тактики, которые постоянно совершенствовались. Недостаточное развитие военного дела могло угрожать утратой независимости.

Наступательное вооружение ингушей включало метательное, колющее, рубяще-режущее, ударное и огнестрельное оружие. К метательному относились луки (*Іадаш*, *пхаІадаш*) и стрелы (*пхенаш*, *тІаьскаш*). Луки делились на простые, сложные и сложносоставные. Простые луки изготавливались полностью из дерева и использовались как учебное или детское оружие. Сложные луки имели основу из единого куска древесины с добавлением других материалов (рог, кость, сухожилия и др.). Сложносоставные луки состояли из нескольких слоев различных материалов, что обеспечивало им прочность и эластичность. Луки часто украшались яркой орнаментацией, что придавало им эстетическую ценность.

Стрелы имели три основные части: наконечник, древко и оперение. Длина стрел варьировалась от 60 до 90 см в зависимости от назначения. Наконечники изготавливались из

различных материалов (кость, бронза, железо) и имели разные формы: ромбовидные, листовидные и пирамидальные. Для повышения эффективности использовались отравленные стрелы или наконечники, прикрепленные к древку. Оперение делалось из перьев хищных птиц (орел, коршун) и имело разнообразное сечение: плоские, граненые и лопастные. Древки изготавливались из плотной древесины (граб, клен) или легких побегов деревьев. Луки держали в берестяных либо кожаных налучьях, стрелы – в деревянных колчанах с орнаментом. Колчан вмещал 25-30 стрел, украшенных у оперения в зависимости от типа наконечника [10, с. 226]. Лучники вели стрельбу «монгольским» и «средиземноморским» способами. Примерно, с XIV века, у ингушей появляются и арбалеты (*1адсаькхаш*). В изготовлении луков и арбалетов особого мастерства достигли потомственные оружейники, обычно работавшие на заказ, из сел. Хамхи, Эгикал, Хяни (например, Алпи Ханиев), Нелх, Гаппи, Салги, Эрзи.

Воины использовали ручное камнеметательное пращевое оружие, представленное тремя основными типами: *ж1ормак* (кармашек с двумя длинными веревками), *шурдол* (одна из веревок заменена палкой) и *т1а-1ад* (лук для камня). Каменные ядрышки (*т1о*) носили в кожаных сумках или хранили на крышах башен. При умелом использовании пращи могли поражать противника на расстоянии до 300 метров, оглушая даже хорошо защищенных врагов.

Существовало множество видов копий (*гоьмукъаш*), пик и дротиков (*гаманаш*) с различными наконечниками, которые применялись против легковооруженных противников и конницы, а также для борьбы с врагом, занявшим оборонительную позицию. Узкие железные пики использовались как кавалерийское оружие. В начале позднего Средневековья у ингушей преобладали граненые наконечники с массивным пером, что было необходимо для противостояния врагам в металлических доспехах, особенно в период угрозы со стороны монголо-татарских орд в XIII-XV веках.

У ингушей в средневековье существовала традиция оставлять обломок копья на могиле павшего в бою воина-героя. Вот что писал о мужестве ингушских воинов И. Бларамберг: «Презрение к жизни считается доблестью, тогда как любое проявление страха воспринимается как величайший позор» [11, с. 314].

Важным видом наступательного оружия в рукопашных схватках ингушей были рубяще-режущее вооружение: прямые двулезвийные мечи (*турраш, довташ*), однолезвийные палаши (*г1амаш*), изогнутые сабли и гибкие шашки, которые производились местными мастерами. С XVII века начали появляться импортные образцы из Египта, Турции, Ирана и Германии. Шашки были особенно популярны благодаря своей прочности, гибкости и легкости, что делало их удобными для пеших и конных воинов. Изготавливались они в ингушских селениях, используя клинки из Западной Европы и Востока, в том числе известные «волчки» из Золингена.

Существовали также однолезвийные боевые ножи (*доккха урсаш*) и двулезвийные кинжалы (*шаьлташ*), предназначенные для колющих и рубящих ударов, которые носили в повседневной жизни как элемент национального костюма.

Ингушские воины использовали разнообразное защитное вооружение, включая доспехи, щиты, налокотники и боевые перчатки. Наиболее распространенными были кольчуга и кольчатый панцирь. Кольчуга представляла собой рубашку с рукавами и воротником, состоящую из не менее 20 тысяч металлических колец, тогда как в кольчатых панцирях их могло быть до 60 тысяч. Кольчуга была значительно дороже кольчатого панциря. Для максимальной защиты массивные кольца располагались на груди, плечах и спине воина, а менее массивные – на подоле, рукавах и воротнике. Такой подход обеспечивал защиту наиболее уязвимых участков тела в бою, что было критично для выживания. Кольчатые панцири появились в результате эволюции кольчуги и стали популярны не позднее XV века. Под доспехами ингушские воины носили плотную стеганую одежду для дополнительной защиты. Кольчуги и панцири защищали даже от огнестрельного оружия; свинцовые пули не могли пробить кольчатое сплетение даже с близкого расстояния. Для фиксации доспехов использовались пояса и ремни, а доспехи часто обшивали разноцветной тканью для удобства. Ингушские мастера-оружейники славились искусством создания кольчатых доспехов, и в процессе их изготовления участвовали даже

девушки. Высокое качество изделий отражалось в грузинских исторических и фольклорных сюжетах. Даже во время Кавказской войны казачьи пули иногда не могли пробить ингушские доспехи. Для защиты рук использовались железные или стальные налокотники и кольчатые перчатки. Налокотники состояли из двух или трех изогнутых пластин, которые соединялись между собой колечками или штырями. Воины также нередко надевали специальные штаны, сделанные из обработанной эластичной кожи, для дополнительной защиты

Существовали металлические кованные шлемы (*таьжнаш*), кольчатые шлемы (*мисара кийнаш*) и стеганые головные уборы (*кийнаш*). До XVII века использовались шлемы конической и сфероконической формы, часто собранные из нескольких частей и дополненные кольчатой сеткой-бармицей для защиты шеи, плеч, ушей и лица. Эти шлемы пользовались популярностью благодаря своей простоте и прочности. Одним из самых древних типов защитного снаряжения ингушей были щиты (*турсаш, кхалкханаш*). Известные ингушские щиты имели круглую форму и небольшие размеры, что делало их удобными для пехоты и кавалерии. Наиболее распространенными были плоские щиты из прутьев и деревянные, обтянутые кожей, а также слегка выпуклые деревянные щиты с кожаным покрытием и металлическими обручами. Щиты служили основным средством защиты от рубящих и режущих ударов и могли выдерживать некоторые виды ручного огнестрельного оружия. Воины носили щиты на длинных кожаных ремнях через плечо. На территории Ингушетии были найдены щиты с красивой художественной отделкой.

Использовалось также ружья (*топ)* и пистолеты (*тапча)* различных систем собственного производства: в селениях Кашети, Салги, Эрзи, Карт, Шуан и др. Из-за наличия целого ряда преимуществ перед еще несовершенными образцами появившегося ручного огнестрельного оружия, лучное оружие бытовало у чеченцев и ингушей до конца XVIII в. [12, с. 5]. Часто использовали специальную палку для огнестрельного оружия, для более точной стрельбы. В арсенал воина входила короткая сучковатая палка: она не только служила средством обороны, но и выполняла роль надёжной опоры для ружья. Конец палки втыкали в землю, а само оружие укладывали между её рогатками – так стрелок добивался большей устойчивости и мог точнее поражать цель [13, с. 248].

Для огнестрельного оружия были и специальные патронташи (*г1апаш)*, пороховницы (*г1ураш)*, натруски (*лергму1аш)*. Было хорошо налажено и производство пороха, благодаря добыче селитры и серы близ села Таргим, Хули, Ляжги, Фуртоуг.

Заранее отмеренные пороховые дозы (*молхаш*) и свинцовые пули (*пхош*) хранили в деревянных или костяных трубочках, называемых газырями (*бустамаш*). Эти трубочки помещались в кармашки, пришитые на груди черкески, традиционной одежды ингушей.

Традиционная одежда ингушей относится к наиболее важным элементам материальной культуры народа. Об одежде и вооружении ингушей писалось: Их одежда похожа на одежду других кавказцев, но их одежда и оружие изысканнее [14, с. 189]. Постоянно возникающие и возрастающие потребности в одежде ингуши удовлетворяли в основном за счет богатейшей местной сырьевой базе (шерсть, кожа, лен), но также активно использовались и привозные материалы (ткани, отдельные виды готовой одежды, украшения и т.д.).

Начнем с мужской одежды. Одежда мужчин включала черкеску с газырями, широкие шаровары, головной убор, кожаных или суконных ноговиц, чувяков, а также носили овчинную папаху. В верхней части черкески, на уровне груди, находились газыри, которые закрывались круглой свинцовой пулей, обернутой в засаленную тряпочку. На поясе ингуша висели кинжал и кисет – мешочек из бычьего пузыря, наполненный махаркой (табаком). Кроме того, носили котомку (дорожный мешок), обычно с провизией.

Начнем с головного убора. В жару обычно носили широкополые войлочные шляпы – *мангалкий* («шляпа косаря»). В дождливую погоду надевали *дарзала-кий* («шапку непогоды»). Она была без суконного верха, сплошь меховая, со свисающими космами, по которым в дождливую погоду стекала вода. Головному убору придавали и символическое значение: головной убор рассматривался как один из признаков мужского достоинства. Во многом именно этим можно объяснить появление каракулевых папах с суконным верхом. Каракуль

(*бухарин кий)* дорого ценился и обычно был завозным. Название *бухарин кий* вероятнее всего шло от имени города Бухара, откуда вывозился каракуль. Подобные папахи были разными, отличались как типом, так и цветом. Но каракулевые папахи были непрактичны в непогоду, так как каракуль начинал терять свои свойства. Поэтому в плохую погоду хорошую службу оказывал башлык (*палчакх)*. Он делался из тонкорунной шерсти. По форме он напоминал современный капюшон с длинными свисающими полосами (*коараш)*, который накидывался на папаху, а его полосами крест-накрест перевязывали грудь (именно в плохую погоду). Но иногда полосами башлыка перевязывали лицо и шею при сильном ветре. Обычно башлыки делали из верблюжьей шерсти, редко из белого козьего пуха.

Что касаемо обуви, то, как было сказано выше, ингуши носили чевяки. Чевяки делались из сыромятной кожи, в большинстве случаев лошадиной, а также из сафьяна с подошвой из более грубой кожи. Они плотно облегали стопню, и, прежде чем надеть, их размачивали в воде. Надевались они прямо на голую ногу или сафьяновый чулок, а поверх их натягиваются ноговицы. Зимой носили полстяные чевяки (*б1оржаш)*. В горах предпочитали чевякам крепкие башмаки с толстой подошвой из буйволиной кожи. Поэтому ту обувь, которую носили на равнине и ту которую носили в горах – была разной. Однако, ближе к XX в. ингуши стали предпочитать больше сапоги.

Черкеска была ключевым элементом одежды. С появлением огнестрельного оружия к черкескам начали крепить газыри – контейнеры для пороха и пуль, которые закрывались костяными или металлическими колпачками. Для зарядки ружья газырь опрокидывали в дуло, сначала засыпая порох, затем свинцовую пулю. С развитием фабричного производства необходимость в газырях отпала, и их стали использовать как украшение.

Длина черкески у молодых людей доходила чуть ниже колен, у взрослых – до щиколоток. На груди был вырез, а до талии черкеска застегивалась пуговицами, которые изначально были из шнурков, а позже – костяные или металлические. Черкеска плотно облегала фигуру до талии и была свободной ниже. Рукава были длиннее рук и закатывались. Вырез и края обшивались орнаментированными тесемками. В холодное время поверх черкески носили шубу – *кетар*, которую можно было вывернуть мехом наружу.

Ременной пояс также имел значение: молодой человек не имел права выходить распоясанным, а пояс отделывался серебряными бляшками. К поясу подвязывался кинжал, а также носились пороховница, пули и другие предметы. Черкеску одевали на выход и торжества, в то время как повседневной одеждой служила рубаха (*коч*), которой было две: рабочая и нарядная. Ворот рубахи всегда застегивался на все пуговицы, а чистоте одежды придавалось большое значение. Мужские брюки (*хачи)* также имели скромный вид. В бедрах брюки были широкими, а от колена вниз – зауженными. Такая форм брюк приближалась к галифе.

Женщины носили длинные платья-рубахи с глубоким вырезом на груди. Нижняя часть платья имела длинные рукава из белого холста, в то время как верхняя часть могла быть с короткими рукавами и выполнена из ярко окрашенного шелка: красного, синего, зеленого или оранжевого. На талии платья был шелковый пояс, к которому можно было прикрепить металлические ножницы и небольшие сумочки. Штаны шились из холста или тонкой шерстяной ткани, а в качестве обуви использовались чувяки или сапожки.

Изначально, традиционным женским головным убором был *кур-харс*. *Кур-харс* («гребень Солнца») носили только ингушские женщины. Этот головной убор имел кожаную (иногда войлочную основу), покрытую сукном. Иногда покрывали и дорогими тканями по типу: шелка, парчой и имели серебряные или золотые бляхи. В нижней части убора прикреплялся кусок ткани, который прикрывал затылок, а снизу и с боков – широкие ленты с золотым шитьем. Ближе к XIX в. на территории Ингушетии *Кур-харсы* уже не встречались, так как случился переход к более упрощенной форме головного убора и всей традиционной одежды в общем. Для сравнения мужской костюм не подвергся большим изменениям (в этом плане мужчины были более консервативны).

В XIX веке традиционный женский костюм включал рубаху *коч*, платье и *чокхи* (распашное платье). Платье имело воротник-стойку, украшенный вышивкой и кружевом, с узкими

длинными рукавами, доходящими до щиколоток. Поверх платья надевали нагрудник (*дато*), выполненный из серебра или олова и декорированный камнями и стеклом, состоящий из 12-13 симметричных пластинчатых застежек. *Чокхи*, сшитая из шелка, рачи или бархата, застегивалась на талии и имела ложные рукава до локтей с длинными лопастями. На *чокхи* носили пояс (*т1ехкар*), который входил в комплект с нагрудником. Пояса имели различные виды и изготавливались из металлических пластин, часто передавались по наследству или одалживались.

Женская рубаха шилась, по мере возможности, из дорогой привозной ткани. На свадьбу девушки надевали на голову небольшую шапочку с красивым национальным орнаментом. В отличие от мужской, женская одежда щедро украшалась различными вышивками.

На Кавказе украшения выполняли множество функций. Они не только дополняли костюм, но и служили символом достатка и своеобразными оберегами. Украшения ингушских женщин прошли долгую эволюцию. Известны различные виды женских украшений: серьги и височные подвески, изготовленные из серебра, золота и меди; кольца и бляшки для головных уборов (*кур-харсов*); пуговицы-бубенчики, фигурные подвески, бронзовые нашивки, а также кольца и перстни с вставками из цветного стекла. Однако, в начале XX в. кольца были уже европейских форм, так как они покупались в магазинах и являлись фабричного производства.

Традиционный женский костюм стремительно менялся. Уже в первой половине XX в., женский костюм шили уже из легких и недорогих тканей. В этот же период в ингушских равнинных селениях можно было встретить женщин в одежде, которая мало чем отличалась от костюма городских женщин того же Владикавказа. При этом традиция завязывать голову белым бязевым или ситцевым платком оставалась актуальной.

В течение последних двух столетий изменения в социальной и политической сферах ингушского общества, а также трудные и драматические события его истории не привели к исчезновению народных традиций в одежде.

Декоративно - прикладное искусство также является важной частью культуры каждого народа. Местные орнаменты своими корнями уходят в кобанскую культуру. В ингушском народе было популярно изготовление войлочных ковров (*истинг*), которым занимались исключительно женщины. Изображение на коврах зависело от местной флоры и фауны, так как зачастую на безворсовых коврах можно было увидеть оленьи рога (как мотив для узора), орнамент растительного характера, изображение солнца, полумесяца и т.д. Каждый орнамент имел свой символический смысл. Излюбленными цветами войлочных ковров являлись: ярко-желтый, синий, черный, красный, зеленый, оранжевый. Войлочные ковры были напрямую связаны и с религиозными и ритуальными обрядами. Было поверье, что клочок овечьей шерсти (коричневой или черной) под подушкой защитит человека от нечистой силы. Также укладывание новорожденного малыша в люльку с шерстяным матрасом считалось очень важной церемонией, которая доверялась самой почетной женщине рода. И конечно ковры из шерсти также были незаменимы в плохих погодных условиях. Изготовлением войлочных ковров в Ингушетии занимаются и поныне.

Еще одним женским занятием было изготовление красиво орнаментированных футляров (для часов, предметов шитья и т.д.), кошельков, кисетов. Ингушские женщины в то время умели производить краску из разных растений, но ближе к XX в. чаще стали покупать краски фабричного производства.

Если женщины занимались изготовлением ковров и различных футляров, то мужчины занимались камнерезным искусством. На древних башнях можно увидеть те же крестообразные орнаменты. На древних могильных плитах (*чуртах)* можно увидеть человеческие фигуры, но позднее ислам запретил изображать лицо человека. Кроме человека на надмогильных памятниках также изображали оружие, часы, газыри и прочее. На женском памятнике можно увидеть нагрудное украшение, ножницы и гармонь.

Еще одно мужское занятие – орнаментирование изделий из металла и кости, которым занимались кузнецы и оружейники. Металлическая посуда украшалась растительными и геометрическими узорами. Холодное оружие богато инкрустировалось позолотой и чернью по серебру. Также изготавливались различные

накладки с узорами из кости, например, с арабской вязью.

Таким образом, традиционная материальная культура ингушей включает в себя множество важных аспектов, которые были перечислены в данной статье: поселение и жилище, традиционный костюм, традиционная пища, народно декоративное прикладное искусство, военное дело. Эти элементы не только отражают уникальность ингушского народа, но и помогают понять его историю и культурную идентичность.

Архитектура ингушей показывает, как они адаптировались к окружающей среде. Традиционный костюм с разнообразными формами является символом культуры ингушского народа. Прикладное искусство говорит о высоком мастерстве местных ремесленников.

Военное дело также занимает важное место и отражает исторические традиции. Производство разнообразных видов оружия также говорит о высоком мастерстве ингушских оружейников. Изучение всех этих аспектов помогает лучше понять не только богатую ингушскую культуру, но и культурные связи на Кавказе. Важно сохранять и развивать эти традиции в современном мире, чтобы они не были забыты. Традиционная материальная культура ингушей – это ценное наследие, которое необходимо защищать для наших будущих поколений.

Библиографический список

1. Мальсагов А.У. Краткая история, их участие в войнах России. Пятигорск: РИА КМВ, 2005. – 341 с.

2. Базоркин М.М. История ингушей по известиям Вахушти о Дзурдзуках. – Москва: Издательский центр «Эльф-Фа», 2002. – 289 с.

3. Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 312 с.

4. Каракаш Н.И. // Le Monde Illustré. – 1895. – № 1. – С. 1-2.

5. Ковалевский П.И. Народы Кавказа, 1914. – Т. I. – 154 с.

6. Зязиков М.М. На рубеже столетий: Ингушетия в конце XIX – начале XX столетия. – Москва: Южный издательский дом, 2011. – 320 с.

7. Пантюхов И.И. Ингуши: антропологический очерк. Тифлис: Типография К. Козловского, 1901. – 35 с.

8. Зиссерман А.Л. Двадцать пять на Кавказе (1842-1867). – Санкт-Петербург: Типография К. Козловского, 1901. – 443 с.

9. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / Л.Л. Штедер; сост. Г.И. Цибиров. – Москва: [б. и.], 2016. – 224 с.

10. Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – Москва: Наука, 2013. – 400 с.

11. Бларамберг И. Историческое топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Бларамберг; перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. – Москва: издательство «Надыршин», 2010. – 398 с.

12. Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII-XVIII вв.). – Москва: Государственный университет имени Ломоносова, 1986. – 17 с.

13. Паллас П.С. Путешествия по южным провинциям российской империи в 1793 и 1794 года / П.С. Паллас; [сост. В.М. Аталиков]. – Нальчик: Наша Старина, 1996. – 552 с.

14. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Юлиус Клапрот; пер. с нем. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 320 с.

INGUSH TRADITIONS IN WEAPONS, CLOTHING, AND HOUSING

A.S. Albakov, *Student*
Supervisor: *D.S. Kokorkhoeva, Candidate of Historical Sciences, Professor*
Ingush State University
(Russia, Magas)

Abstract. *The article examines the study of the traditional material culture of the Ingush people. The article explores settlements and dwellings, traditional clothing, traditional food, folk decorative applied art, as well as the military affairs of the Ingush. The study includes the diaries of foreign travelers, as well as the research of foreign and domestic historians. The work mainly used the historical-system method, which aims to create a complete and integrated picture of the past.*

Keywords: *Ingush; culture; military affairs; traditions; customs; history; memory.*

ВЁРДЖИНЕЛ – ЗАБЫТЫЙ СИМВОЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ. К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ КЛАВИШНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Е.Ф. Саркисян, *концертмейстер*
Детская школа искусств им. И.Ф. Стравинского
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-30-35

Аннотация. *В статье анализируется проблема эволюции клавишных музыкальных инструментов на примере английского клавишно-щипкового музыкального инструмента XV-XVII вв. вёрджинела; рассматривается история становления и развития вёрджинела, его формальные и сущностные отличия от других клавишно-щипковых инструментов; исследуются основные причины обретения и утраты востребованности вёрджинела в свете развития английской музыкальной культуры.*

Ключевые слова: *Вёрджинел; инструменты с перьями; чембало; спинет; харпсихорд; отживший инструмент.*

Viva fui in sylvis sum dura occia securi;
Dum vixi tacui mortua dulce cano

«Я жил в лесах, но был повержен жестоким топором;
В жизни я был нем, в смерти – я пою»

(Поэтическая цитата, запечатлённая итальянским мастером на корпусе вёрджинела)

В истории возникновения и развития музыкальных инструментов можно проследить единую повторяющуюся тенденцию: конкретный запрос на те или иные свойства будущего инструмента адресуется мастеру, способному творчески реализовать желаемое в материале. В результате – рождение нового инструмент, не только хранящего в себе сущностные черты предшественника, но и ориентированного на непредсказуемое развитие этих особенностей в будущем преемнике. Так, бесконечная устремлённость общества к раскрытию своего духовного потенциала находит отражение в непрекращающейся трансформации музыкальных инструментов, иногда, кажется, устойчиво востребованных и сумевших достаточно прочно вписаться в культурно-историческую нишу.

Ничто в таком процессе не настораживает, не вызывает противоречивых чувств – привычная закономерная поступь человечества к совершенству. Но справедливости ради выступает вопрос: почему некоторые музыкальные инструменты довольно быстро и безвозвратно растворяются в культурно-историческом шлейфе, хотя сиянию их сопутствовал творческий порыв не только завсегдатаев домашнего музицирования или композиторов, но иногда даже и королевских особ, тогда как другие инструменты, покорно занявшие свою скромную нишу, ещё долго сохраняют свою первозданность, не вызывая желания беспрестанного их совершенствования во имя каких-то других черт, помимо им уже присущих.

В данной работе мы попытаемся затронуть лишь некоторые аспекты обозначенной выше проблемы на примере истории развития английского клавишно-щипкового музыкального инструмента XV-XVII вв. вёрджинела.

Судьба этого инструмента не отличается от судеб многих других старинных музыкальных инструментов, поблекших и затерявшихся на пути «от старого – к новому», но покорно выполнявших уготованную им миссию: быть посредниками между предшественниками и преемниками. В отличие от своих соратников, вёрджинел выполнял свой долг столь бескорыстно, что удостоился за это лишения

собственной определённости – уже в XVIII веке его не удосуживались отличать от клавикорда, и Йохан Вальтер в своём «Музыкальном лексиконе» (Лейпциг, 1732 г.) описывает вёрджинел как «клавикорд для дам».

В связи с наблюдающейся тенденцией размывания исключительности вёрджинела, следует, по возможности, остановиться на конкретизации его исключительных особенностей.

Начнём с обращения к тем немногочисленным фактам из истории его возникновения.

Создание вёрджинела стало результатом развития и постепенного усовершенствования клавишно-щипковых инструментов. Предысторию его происхождения можно проследить вплоть до XV века.

В своём труде «Музыка в иллюстрациях» (1511 г.) аббат Вирдунг описывает принцип звучания инструмента, в основе которого лежит соприкосновение клавишного механизма (tangent) со струной. Первыми подобными инструментами становятся монохорд, а затем его усовершенствованная форма – клавикорд (от лат. clavis – клавиша), причем первоначально количество клавиш превосходило количество струн, поэтому не все звуки могли звучать одновременно, а лишь последовательно.

Однако в дальнейшем была применена новая техника клавишного механизма, которая позволила расширить возможности звучания инструмента. В Англии эта система получила название jacks and quills, в Италии – stromenti da penna (или «инструменты с перьями»). Новая система включала деревянные прямоугольные конструкции (jacks), присоединявшиеся к клавишному механизму (keylever), к которым крепились определённые части птичьих, как правило, вороньих перьев (quills). Когда исполнитель приводил в движение клавишный механизм, кусочки перьев взаимодействовали с металлической струной, в результате чего рождался звук.

Разработка новой системы механики была связана прежде всего с необходимостью увеличения количества струн, у каждой из которых должен был быть свой тон и размер. Благодаря нововведениям, произошедшим в конструкции инструмента, стало возможным одновременное звучание нескольких звуков, а также стал расширяться его октавный диапазон.

Вёрджинел стал представителем новой усовершенствованной механической системы, которую наряду с ним разделили спинет, чембало, харпсихорд и другие инструменты аналогичного устройства. Механическая система jacks and quills использовалась во многих видах клавишно-щипковых инструментов, и в Англии сложилась традиция называть все эти инструменты вёрджинелами. Подобная ситуация сохранялась начиная с Тюдоровской эпохи и до конца XVII века.

Следует отметить, что такая неясность в классификации клавишных инструментов была характерна не только для Англии. Так, в Европе название клавикорд применялось иногда вне зависимости от конкретного типа инструмента.

Итак, мы имеем плеяду музыкальных инструментов с идентичной механической системой, что затрудняет возможность строго определить особенности одного инструмента по отношению к другому.

Нот не будем пренебрегать путём рассмотрения внешних особенностей этих инструментов. Может быть, внешний интерьер вёрджинела позволит противопоставить его остальным подобным инструментам.

Известно, что первые вёрджинелы имели очень небольшой размер и могли располагаться во время игры на коленях или какой-либо поверхности. Скорее всего, они создавались под влиянием итальянского спинета, который также не имел ножек и был переносным, что позволяло брать инструмент с собой даже в гондолы и исполнять музыку на воде.

Действительно, в некоторых случаях использовалась классификация, исходящая из размера или формы инструмента, а вовсе не из присущих ему музыкальных свойств. Так, небольшие по размеру инструменты назывались вёрджинелами и спинетами, тогда как большие по размеру носили название чембало, клавичембало, харпсихорд. Если при классификации исходить из формы инструмента, то вёрджинел был, как правило, прямоугольным, тогда как спинет чаще создавался трапециевидным.

Не стоит уточнять, что такая классификация несовершенна – ведь она исходит из внешней формы, тогда как речь идёт об установлении принципов отличия *музыкальных* инструментов. Настораживает только тот факт, что столь

далёкая от истины система классификации упорно использовалась. Очевидно, что стоит лишь изменить форму корпуса музыкального инструмента – и вновь его невозможно определить по отношению к остальным подобным.

Так, впоследствии, с увеличением клавиатурного диапазона, модели вёрджинела все чаще оснащаются ножками или специальным постаментом. В момент наивысшего расцвета инструмента количество октав достигает пяти. А в некоторых моделях мастера использовали сразу две клавиатуры, например в модели под названием «Мать и дитя». В этом случае вёрджинел представлял собой как бы два инструмента в одном: стандартный верджинел и оттавино (клавиатура меньшего размера).

Если учитывать ещё и творческую составляющую в работе мастеров, то отступит всякое желание выстраивать классификацию этих инструментов, исходя из их внешних особенностей.

Самыми искусными мастерами, создававшими вёрджинелы, стали фламандцы. Особенно прославилась семья Рюккерсов, входившая в гильдию Св. Луки в Антверпене. Ханс Рюккерс Старший и его сыновья – Ханс и Андреас – изготавливали инструменты, непревзойдённые по своему уровню мастерства и художественным достоинствам. Им так же принадлежит ряд технических нововведений, таких как октавные струны, а также упомянутая выше двойная клавиатура (модель «Мать и дитя»).

Мастера, создававшие вёрджинел, работали не только над его механикой и музыкальными свойствами: каждая деталь инструмента была частью единого художественного замысла. Корпус украшался резьбой, гравировкой инкрустацией, росписью, обтягивался бархатом и шёлком. Клавиши, по традиции контрастного цвета, изготавливались в первых инструментах из самшита, а впоследствии - из слоновой кости. Модели, предназначенные для состоятельных заказчиков, включали использование редких дорогостоящих материалов, таких как черепаховая пластина, золото, редкие породы дерева.

Зачастую на корпусе инструмента можно было прочесть латинские цитаты и изречения. Такие надписи подчеркивали уникальный, личностный характер каждого инструмента и были характерны для вёрджинелов, созданных мастерами фламандской школы. Среди изречений мы встречаем: MVSICA LÆTITÆ COMES MEDICINA DOLORVM (Музыка – спутник радостей и лекарь печалей), MVSICA DONVM DEI (Музыка – дар Божий). Для итальянских мастеров были характерны более длинные поэтические цитаты, среди которых наиболее известна: Viva fui in sylvis sum dura occia securi; Dum vixi tacui mortua dulce cano («Я жил в лесах, но был повержен жестоким топором; в жизни я был нем, в смерти – я пою»). Мастер наделяет инструмент словом, которым тот, в свою очередь, обращён к потенциальному исполнителю. Так возникает эффект индивидуальности инструмента, его неповторимости.

Обращение к Вёрджинелу как к личности, хранящей в себе некую тайну, позволяет не только писать название его как имя, ставя первой заглавную букву (что мы и сделали), но и вызывает желание узнать, какой смысл заключен в самом этом имени.

Единого мнения о том, почему инструмент получил название вёрджинел, не существует. В попытке прояснить его происхождение, выдвигалось много версий, однако среди них нет ни одной бесспорной.

Некоторые исследователи пытались найти тайну имени инструмента – в его этимологии. Вёрджинел /от лат. девственность/ вызывал ассоциативную цепочку с девственной королевой Елизаветой, однако утверждение о том, что инструмент назван в честь королевы – необоснованно, так как упоминания о нём встречаются задолго до правления королевы Елизаветы, в более ранних источниках, – в трактате аббата Вирдунга (1511), в описи музыкальных инструментов, относящейся ко времени правления Генриха VIII (1553).

Ещё одна версия связана с удобством компактного размера верджинела, для музицирования молодых дам. Однако подобный размер не был чем-то уникальным для своего времени: такие небольшие инструменты уже создавались в Италии под названием оттавино (ottavina, octavina).

Наиболее вероятно, что своё имя верджинел получил благодаря звуковысотному диапазону, совпадающему с диапазоном голоса молодой девушки: нижний регистр инструмента был невелик, зато средний – на октаву выше, чем у других представителей струнно-щипковых инструментов. Именно такое толкование

мы встречаем в музыкальном трактате Павла Пражского (около 1463 г.).

Во всех версиях явно проступает отражение девственного, девичьего, касается ли это девственной королевы Елизаветы, изящества и лёгкости конструкции или звуковысотного диапазона, созвучного голосовым особенностям девушки.

В любом случае, именно эта особенность отличает вёрджинел от подобных ему инструментов. Именно она сокрыта в имени, под которым данный музыкальный инструмент ярко вписан в культурно-историческую нишу Англии XVI-XVII вв.

Поэтому здесь необходимо обратить внимание на особую роль вёрджинела в музыкальной культуре Англии этого исторического периода, а также, на специфику взаимоотношений инструмента и исполнителя.

В XVI-XVII вв. занятия музыкой были обязательной частью образования как правителей и аристократии, так и состоятельных представителей среднего сословия. В первую очередь это касалось богословского образования, для которого обязательным было умение хорошо петь и писать музыку. Так, Генрих VIII, изначально готовивший себя для служения церкви, писал как духовную, так и светскую музыку, а также хорошо пел. Сохранились свидетельства венецианского посла Лоренцо Пасквалиго о том, что Генрих «хорошо играет на лютне и вёрджинеле и поёт с листа» [7, p. 9].

Многие представители английской королевской династии были увлечёнными музыкантами: Анна Болейн, Мария Стюарт, Елизавета. Катерина Арагонская в письме своей дочери Марии (будущей королеве Марии) настоятельно советует ей «заниматься на вёрджинеле и лютне при любой возможности» [7, p. 11].

Королева Елизавета хорошо играла на лютне и вёрджинеле. Сэр Джеймс Мелвилл, шотландский посол от Марии Стюарт, в своих мемуарах вспоминает о том, как стал случайным свидетелем её игры: «Как-то после обеда лорд Хансден провёл меня в галерею, где я услышал, как королева играет на вёрджинеле. Я отдёрнул занавес, закрывающий вход в покои, и, увидев королеву, сидевшую ко мне спиной, стал слушать её превосходную игру. Однако она немедленно прекратила играть и обернулась ко мне. Она была удивлена моим появлением … и сказала, что не привыкла играть перед людьми, но играет в одиночестве, чтобы разогнать меланхолию» [9, p. 34].

Представление об образованности в Англии XVI-XVII вв. обязательно включало умение петь и играть на музыкальном инструменте. В эпоху правления Елизаветы существовала традиция, когда дама и её приглашённые гости после ужина пели a capella многоголосные сочинения, и неспособность вести голос в многоголосии вызывала большие сомнения в достаточной образованности поющего.

Музыка звучала и в менее образованной среде. Так, известно, что в цирюльнях обычно стоял вёрджинел, на котором играли во время ожидания своей очереди.

Важно обратить внимание на особую роль, которую играл клавирный инструмент в XVI-XVII вв. Отношение к нему было совершенно другим, чем в более поздние эпохи. Это было связано прежде всего с тем, что практика сольных концертных выступлений ещё не была сформирована и игра для большой аудитории не воспринималась как что-то привычное. Игра на инструменте чаще всего проходила в стенах дома, - либо в одиночестве, либо для узкого круга слушателей.

Само отношение к занятиям музыкой было иным. Оно исключало показной развлекательный характер, отдавая предпочтение сдержанности и духовной работе. Во многом это было связано с религиозным /протестантским/ подтекстом, предполагавшим, что занятия музыкой – богоугодный труд, посредством которого человек воздаёт хвалу Богу. Мастера часто украшают инструмент такими латинскими изречениями: OMNIS SPIRITVS LAVDET DOMINVM («Всё живущее хвалит Господа»), SOLI DEO GLORIA («Только Богу слава»).

Большое влияние оказала также теория эмоций, пробуждаемых музыкой, разрабатывавшаяся Иоханнесом Тинкторисом (1435-1511), согласно которой музыка может разгонять меланхолию, исцелять больного, пробуждать любовь. Не случайно на гравюре А. Дюрера «Меланхолия» мы видим среди прочих символических атрибутов изображение спинета. А на картине Вермейра Делфтского «Дама за вёрджинелом и господин» видна латинская надпись на корпусе инструмента: MVSICA LÆTITÆ COMES MEDICINA DOLORVM («Музыка – спутник радостей и лекарь печалей»).

Под влиянием этих факторов не мог не проявиться особый характер взаимоотношений исполнителя и музыкального инструмента. Для играющего была очень важна некая уединённость, сосредоточенность и углублённость в себя. И присутствие в эти моменты посторонних не всегда было желательно, а в некоторых случаях воспринималось как нарушение дозволенных границ.

Не случайно вёрджинел обрёл такую популярность именно в Англии. Для английской культуры было характерно отношение к музыке не как к развлечению и увеселению, но как к процессу, требующему сосредоточенности и напряжения духовных сил:

I'm never merry when I'm hear sweet music
The reason is your spirits are attentive

От сладкой музыки всегда мне грустно
Причина в том, что слушает душа

В. Шекспир. «Венецианский купец», V акт (перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Подобное отношение к музыке не могло не вызвать небывалый расцвет домашнего музицирования и домашних концертов, ставших отличительной чертой этого времени. И такой инструмент как вёрджинел обрёл своё наилучшее применение именно в этой области музыкального творчества. Возможно, это было связано с его исключительно камерным характером, так хорошо подходившим для избранного круга слушателей, возможно, именно он оказался созвучен английской культуре благодаря своей скромной сдержанности и отсутствию показных эффектов.

Именно такой характер сопутствует стремительному развитию и обретению популярности клавишно-щипковых инструментов в Англии XVI-XVII вв.: «В английской клавирной музыке, как и в английской музыке этого времени в целом, происходит стремительный расцвет, который также быстро заканчивается с появлением популярных концертов, чтобы никогда не повториться снова. Произошло определённое стечение обстоятельств. Время спокойствия и интерес к искусству характерен для лондонского общества этой эпохи» [2, p. 7]. Появление популярных концертов противоречит исключительной камерности, избранности, свойственной английской культуре. Открытость, публичность убивают «инструменты с перьями», тем более если это - вёрджинел. Только он способен сокровенно, девичьим голосом вступать в созвучие с исполнителем, нашедшим за инструментом прибежище от пресловутой публичности и суеты.

Итак, не подлежит сомнению, что явность и яркость существования музыкального инструмента являются таковыми только в свете его востребованности, в рамках определённой социокультурной парадигмы. В ином случае мы наблюдаем «угасание» как востребованности инструмента, так, соответственно, и его действенности, реальности.

Прекрасно, если след былой жизни угасающего инструмента воплощается в его продолжении, если в пришедшем ему на смену новом творении мастера не исчезли высота и достоинство прежнего, предшествующего творения. Но никакой компромисс не позволяет, на наш взгляд, применять по отношению к музыкальному инструменту понятия: «мёртвый», «отживший», «устаревший». И в этом положении нет пафоса. Уйти из социокультурной ниши может потребность в откровенности, уединённости, бескорыстной высоте – вот тогда уходит и инструмент, отвечающий такому запросу.

Но духовный потенциал человека непреходящ, и если потенциал этот был реализован прежде по отношению к определённым особенностям музыкального инструмента, то, даже с физической утратой самого инструмента, духовный потенциал человека остаётся жизнеспособным, не умаляясь ни временем, ни естественными физическими потерями. Иными словами, любой условно «мёртвый» музыкальный инструмент может в одно мгновение вернуть живой отклик в душе, то есть обрести всю свою явность и яркость, реализуя присущую ему действенность во всей её полноте. Но сначала – возрождение потребности к духовному уединённому самовыражению, вслушиванию в себя, вне прилюдной пафосности и напускной возвышенности. Вёрджинел, как и все его собратья, жив и ждёт своего исполнителя.

Библиографический список

1. Baltzell W.J. A Complete Story of Music. – Philadelphia: PA Theodore Presser, 1908.
2. Bie O. History of Pianoforte and Pianoforte Players. – London: J.M. Dent & Company, 1899.
3. Engel C. Musical Instruments. – London: Chapman and Hall, Ltd, 1876.
4. New Encyclopedia Britannica. – founded 1768, 15-th ed. – Chicago: Encyclopedia Britannica Inc., 1994.
5. Hipkins A.J. Musical Instruments. Historic, Rare and Unique. – London: A. and C. Black, Ltd, 1921.
6. Mason D.G. The Art of Music. – New York: The National Society of Music, 1915.
7. Naylor E.W. Shakespeare and Music with Illustrations from the Music of the 16-17 Centuries, 1896.
8. Schneider N. Vermeer. Veiled Emotions. – Köln: Taschen, 2016.
9. Ford E. A Short History of English Music. – New York: McBride, Nast &Company, 1912.

VIRGINAL – FORGOTTEN SYMBOL OR REALITY. ON THE PROBLEM OF EVOLUTION OF THE KEYBOARD INSTRUMENTS

E.F. Sarkisyan, *concertmaster*
Stravinsky State Budgetary Institution Children School
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *This article considers the problem of development of the keyboard instruments, exemplified by the virginal, a pluck-string instrument of the 15-17 centuries; the history of the virginal is analyses: it's becoming and progress, formal and essential differences from other plucked-string instruments; the reasons for the gaining and losing relevance are examined within the context of the development of the English musical culture.*

Keywords: *Virginal; jacks and quills; cembalo; spinet; harpsichord; the obsolete instruments.*

МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЭВОЛЮЦИИ КОМПОЗИТОРСКОГО СТИЛЯ ЧЖУ ЦЗЯНЬЭРА НА МАТЕРИАЛЕ ЕГО СИМФОНИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Чжу Яньци, *аспирант*
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-36-41

Аннотация. *В статье рассматриваются механизмы межкультурного диалога, определившие эволюцию композиторского стиля Чжу Цзяньэра. Материалом исследования служат симфонические сочинения разных периодов, прежде всего Первая, Седьмая и Десятая симфонии. Анализируются историко-культурные предпосылки формирования авторского языка, влияние советской композиторской школы, а также способы преобразования китайских интонационных, ладовых, ритмических и тембровых моделей. Установлено, что национальная традиция постепенно утрачивает функцию внешней стилизации и включается в тематическое развитие, формообразование и организацию музыкального пространства. Основными механизмами межкультурного взаимодействия являются избирательное освоение западного опыта, структурная интеграция, семантическое переосмысление и индивидуализация музыкального языка. Сделан вывод, что межкультурный диалог выступает основополагающим принципом симфонического мышления композитора.*

Ключевые слова: *Чжу Цзяньэр; межкультурный диалог; китайский симфонизм; национальная традиция; композиторский стиль.*

Становление китайской профессиональной музыки XX века сопровождалось освоением европейских жанров и композиционных техник, а также поиском способов их соотнесения с национальной художественной традицией. Особенно ярко этот процесс проявился в симфоническом творчестве Чжу Цзяньэра, чьё профессиональное мышление формировалось на пересечении китайского музыкального опыта, советской композиторской школы и методов западного модернизма. В его произведениях европейская модель симфонизма постепенно превращается в средство осмысления китайской истории, культурной памяти и духовного опыта.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить характер данного взаимодействия. Творчество Чжу Цзяньэра нередко рассматривается через понятия национального стиля или синтеза Востока и Запада, однако такие определения не в полной мере раскрывают способы включения разнородных культурных элементов в единую композиционную систему. В данном случае межкультурный диалог предполагает не внешнее соединение пентатоники, фольклорных интонаций и европейской формы, а отбор, преобразование и переосмысление как китайского материала, так и западных методов композиции.

Цель выполненного исследования состоит в выявлении основных механизмов межкультурного диалога, определивших эволюцию композиторского стиля Чжу Цзяньэра. Материалом исследования служат его симфонические сочинения разных периодов, прежде всего Первая, Седьмая и Десятая симфонии. Особое внимание уделяется историко-культурным предпосылкам формирования авторского языка, способам преобразования китайских интонационных, ритмических и тембровых моделей, а также их структурной и семантической интеграции в современную симфоническую форму.

Историко-культурные предпосылки формирования композиторского стиля Чжу Цзяньэра

Формирование композиторского стиля Чжу Цзяньэра происходило в русле становления китайской профессиональной музыки XX века. Освоение европейских жанров и композиционных норм в этот период сопровождалось поиском языка, способного выразить национальный исторический опыт. Симфония постепенно переставала восприниматься как исключительно западная модель и становилась

частью китайской музыкальной культуры. Для Чжу Цзяньэра данный процесс имел принципиальное значение: обращение к европейской традиции сочеталось в его творчестве с устойчивым интересом к народной музыке, истории страны и проблеме культурного самоопределения.

Ранний художественный опыт композитора был связан с массовой песней, военной музыкальной практикой и общественно ориентированным искусством. В этих условиях сложилось его представление о музыке как форме непосредственного участия в жизни общества. В дальнейшем эта установка получила более сложное воплощение. Историческая тема в симфонических произведениях Чжу Цзяньэра раскрывается не посредством иллюстрации отдельных событий, а через драматический конфликт, напряжённость музыкального развития и обобщённые образы коллективной памяти. Поэтому национальная специфика его сочинений определяется не только использованием фольклорного материала, но и самим характером художественной концепции.

Существенную роль в профессиональном становлении Чжу Цзяньэра сыграло обучение в Московской консерватории в 1955-1960 гг. Советская композиторская школа дала ему систематические знания в области крупной формы, полифонии, оркестровки и симфонической драматургии. Влияние русской и советской музыкальной культуры на его творчество проявилось прежде всего в понимании симфонизма как целостного процесса, основанного на последовательном развитии материала и содержательном значении драматического конфликта [1]. Вместе с тем полученная подготовка не привела к прямому воспроизведению усвоенных образцов. Европейские технические средства постепенно были подчинены задачам, обусловленным китайским культурным и интонационным опытом.

Особенно отчётливо эта тенденция проявилась после возвращения композитора к симфоническому творчеству в 1980-е гг. Обращение к музыке различных народов Китая позволило ему расширить представление о национальном материале. Фольклор стал рассматриваться не как совокупность готовых мелодий, предназначенных для цитирования, а как источник ладовых, ритмических, тембровых и структурных закономерностей. Одновременно Чжу Цзяньэр осваивал серийную технику и другие средства музыкального модернизма, обнаруживая возможности их взаимодействия с китайскими формами интонационного мышления. Тем самым различие между национальной традицией и современной техникой постепенно утрачивало характер внешнего противопоставления.

Показательна в этом отношении Первая симфония, посвящённая осмыслению трагического опыта «культурной революции». В ней принципы сонатно-симфонической драматургии и серийной организации соединяются с китайскими песенными интонациями и тембрами национальных ударных инструментов. По наблюдению Ван Сяоцин и И.В. Полозовой, взаимодействие восточной и западной традиций в произведении осуществляется на разных уровнях музыкальной организации и непосредственно связано с его идейным содержанием [2]. Таким образом, национальные элементы не выполняют функции внешней стилизации, а включаются в процесс формирования целостной трагической концепции.

Важнейшей основой творческого самоопределения Чжу Цзяньэра стало понимание национальной традиции как развивающегося, а не неизменного явления. Для композитора национальный характер музыки не сводился к пентатонике, цитированию фольклора или имитации звучания традиционных инструментов. Он проявлялся также в выборе тем, отношении к истории, особенностях музыкального времени и стремлении передать духовный опыт китайской культуры. Такое понимание позволяло сохранять связь с традицией, не отказываясь от современных методов композиции.

Следовательно, межкультурный диалог в творчестве Чжу Цзяньэра возник не как результат механического объединения китайских и западных элементов. Его предпосылками стали исторический опыт композитора, профессиональная подготовка в советской музыкальной школе и последовательное осмысление собственной культурной принадлежности. Европейская симфоническая традиция предоставила ему систему жанровых и композиционных средств, тогда как китайская культура определила содержательную направленность творчества. Их взаимодействие создало основу для последующего формирования индивидуального стиля композитора.

Механизмы преобразования китайской музыкальной традиции в симфонических сочинениях Чжу Цзяньэра

В симфоническом творчестве Чжу Цзяньэра китайская музыкальная традиция выступает не набором внешних национальных признаков, а материалом композиционного преобразования. По мере развития стиля композитор всё реже цитирует народные мелодии целиком, выделяя из них ладовые, интервальные и ритмические модели. Освобождённые от первоначального жанрового контекста, они включаются в систему симфонического развития.

Одной из основ авторского языка остаётся пентатоника. Однако пятиступенные структуры используются не только для создания национального колорита: характерные попевки, кварто-квинтовые отношения и компактные звуковые образования становятся источником тематизма и вертикальной организации. В зрелых произведениях они взаимодействуют с хроматикой, политональностью и двенадцатитоновой техникой. Как отмечает Цай Цяочжун, национальная специфика проявляется у Чжу Цзяньэра прежде всего в преобразовании внутренних закономерностей фольклора средствами современной композиции [1].

Наиболее последовательно этот принцип реализован в Десятой симфонии «Цзян Сюэ», где пентатонически окрашенные образования включены в двенадцатитоновую систему, а интонации пекинской оперы и традиция гуциня соотнесены с современным оркестровым письмом. По наблюдению Цзэн Юйфэнь, традиционные и модернистские элементы образуют здесь целостную систему, в которой национальный материал выполняет структурную, а не декоративную функцию [2].

Преобразованию подвергаются также ритмические и фактурные модели. Формулы китайских ударных инструментов, смена баньши и танцевальные ритмы обычно не воспроизводятся буквально: повторность, ускорение, изменение плотности и акцентировки становятся средствами формообразования. В Седьмой симфонии ударные инструменты образуют самостоятельный драматургический пласт, определяющий динамику формы [3]. Традиционная линейность китайской музыки переосмысливается через гетерофонное варьирование, распределение мелодии между оркестровыми голосами и её включение в многослойную полифоническую фактуру.

Важную роль играет и тембр. Национальные инструменты и оркестровые имитации их звучания используются не для создания условного «восточного колорита», а для разграничения смысловых зон, формирования кульминаций и организации звукового пространства. Сольные тембры, регистровые контрасты и ударные комплексы приобретают самостоятельное драматургическое значение.

В позднем творчестве преобразование традиции затрагивает и эстетические категории китайского искусства. Соотношения пустоты и наполненности, движения и покоя выражаются через чередование насыщенного звучания с разреженной фактурой, паузами и затухающими тембрами. В «Цзян Сюэ» поэтический мир Лю Цзунъюаня раскрывается посредством замедленного течения времени, дистанции между звуковыми пластами и выразительной роли молчания. Традиционная поэтика тем самым входит в саму организацию музыкального пространства.

Основные механизмы межкультурного диалога в симфоническом творчестве Чжу Цзяньэра

Межкультурный диалог в симфоническом творчестве Чжу Цзяньэра не сводится к соединению китайского тематизма с европейской формой. Его сущность заключается во взаимном преобразовании национальной традиции и западных композиционных методов. Осваивая различные стилевые системы, композитор отбирал прежде всего те средства, которые отвечали содержанию конкретного произведения и позволяли раскрыть историческую тему, общественный конфликт или внутреннее состояние человека.

Из европейской симфонической традиции Чжу Цзяньэр воспринял принципы крупной формы, тематического развития и драматургического единства; из музыки XX века серийные, полифонические, сонористические и темброво-фактурные приёмы. При этом техника никогда не становилась для него самостоятельной целью. Различия между отдельными симфониями связаны не с последовательной сменой заимствованных моделей, а с поиском особого композиционного решения для каждого художественного замысла [1].

Одновременно менялся характер обращения к национальному материалу. Если в ранних сочинениях китайская специфика чаще выражалась через песенные интонации, пентатонические обороты и узнаваемые жанровые признаки, то позднее внимание композитора переместилось к внутреннему строению традиционной музыки ладовым отношениям, ритмическим импульсам и типам мелодического развития. Национальный материал переставал быть внешней характеристикой и включался в современную композиционную систему.

Аналогичный процесс наблюдается в области тембра. Чжу Цзяньэр не ограничивался прямой имитацией китайских инструментов. Национальная окраска возникала из взаимодействия регистров, плотности фактуры, способов звукоизвлечения и соотношения солирующих голосов с оркестровой массой. Тембр становился не декоративным элементом, а одним из факторов формообразования и смыслового развития.

Соединение разнородных культурных элементов происходило на структурном уровне. Национальная интонация могла служить источником тематического материала, ритмическая модель определять динамику формы, а тембровый контраст выполнять функцию драматического противопоставления. В симфоническую логику включались также свойственные китайской музыке вариантность, постепенность изменений и чередование свободного и метрически организованного движения.

В Первой симфонии ведущую роль сохраняет конфликтная драматургия, восходящая к европейскому пониманию симфонизма. В поздних произведениях развитие всё чаще строится на изменении звуковой плотности, взаимодействии тембровых пластов и пространственной организации материала. В Десятой симфонии «Цзян Сюэ» формообразующее значение приобретает соотношение голоса, гуциня, оркестра и пауз. Лу Гуанжуй связывает подобную изменчивость композиционных решений с поиском формы, соответствующей историческому и философскому содержанию конкретного сочинения [2].

Структурное единство при этом не устраняет различий между китайским и западным началами. Европейская направленность развития сочетается с китайской вариантностью и созерцательностью, тематическая определённость с разреженным звуковым пространством, драматическое движение с продолжительными зонами покоя. Сохраняющееся между ними напряжение позволяет говорить именно о диалоге, а не о нейтральном смешении традиций.

Важным результатом этого взаимодействия становится семантическое переосмысление музыкальных средств. Народная интонация может выступать как знак коллективной памяти, а тембр национального инструмента выражать одиночество, историческую дистанцию или нравственную стойкость. Одновременно меняется функция западных техник: серийность, сонорика и сложная полифония перестают восприниматься только как признаки европейского модернизма и становятся средствами осмысления китайской истории и культуры.

Так, в Первой симфонии современный музыкальный язык связан с переживанием общественной трагедии, тогда как в «Цзян Сюэ» традиционная поэзия служит основой размышления об одиночестве, внутренней стойкости и судьбе художника. Национальное содержание возникает здесь не только благодаря программному замыслу или тембру гуциня, но и через организацию музыкального времени, пространства и молчания.

Итогом межкультурного взаимодействия становится индивидуализация авторского языка. Западные методы утрачивают характер внешнего заимствования, а национальные элементы освобождаются от декоративной функции. Различные по происхождению средства подчиняются единой художественной концепции, поэтому в зрелых произведениях Чжу Цзяньэра китайское и западное начала уже невозможно отделить друг от друга без нарушения целостности замысла.

Таким образом, основными механизмами межкультурного диалога в творчестве композитора являются избирательное освоение западного опыта, преобразование национального материала, его структурное включение и семантическое переосмысление. Их взаимодействие определило формирование индивидуального стиля Чжу Цзяньэра, в котором китайская традиция и современная композиционная техника выступают как взаимосвязанные стороны единого музыкального мышления.

Заключение

Исследование показало, что эволюция симфонического стиля Чжу Цзяньэра связана с постепенным углублением взаимодействия китайской музыкальной традиции, европейского симфонизма и композиционных методов XX века. Если в ранних произведениях национальная специфика выражалась преимущественно через песенные интонации, пентатонику и жанровые признаки, то в зрелом творчестве ладовые, ритмические и тембровые закономерности традиционной музыки включаются в тематическое развитие и формообразование. В поздних сочинениях преобразование затрагивает и эстетический уровень: соотношения движения и покоя, звука и молчания, наполненности и пустоты определяют организацию музыкального времени и пространства. Особенно последовательно этот принцип реализован в Десятой симфонии «Цзян Сюэ», где традиционная поэтика и звучание гуциня становятся частью композиционной концепции.

Основными механизмами межкультурного диалога у Чжу Цзяньэра выступают избирательное освоение западного опыта, преобразование национального материала, его структурная интеграция и семантическое переосмысление. Китайское и западное начала при этом сохраняют различия: направленное симфоническое развитие сочетается с вариантностью и созерцательностью, драматическое движение с разреженным звуковым пространством и зонами покоя. Возникающее между ними напряжение становится источником художественной целостности. В результате западные техники утрачивают характер внешнего заимствования, а национальные элементы декоративную функцию. Межкультурный диалог тем самым становится основополагающим принципом композиторского мышления и важнейшим условием формирования индивидуального стиля Чжу Цзяньэра.

Библиографический список

1. Ли Мин, Бойко А.Н. Особенности влияния русской музыкальной культуры на китайских композиторов XX-XXI вв. (У Цзуцзян, Ду Минсинь и Чжу Цзяньэр) // Вопросы истории. – 2021. – № 5-2. – С. 124-132.

2. Ван Сяоцин, Полозова И.В. Первая симфония Чжу Цзяньэра: встреча Востока и Запада // Музыка. Искусство, наука, практика. – 2025. – № 2 (50). – С. 39-50.

3. Цай Цяочжун. Национальное мышление в композиционной технике симфонического творчества Чжу Цзяньэра // Народная музыка. – 2010. – № 10. – С. 9-12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.huain.com/article/composer/2022/0701/1031.

4. Цзэн Юйфэнь. Слияние уходящей традиции и модернизма: о Десятой симфонии Чжу Цзяньэра «Цзян Сюэ» // Обозрение искусства. – 2005. – № 15. – С. 27-72. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://toaj.stpi.niar.org.tw/index/journal/volume/article/4b1141f98a026e78018a046c48890101.

5. Чжу Яньци. Симфоническое творчество Чжу Цзяньэра: Седьмая симфония как новаторский опыт // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14, № 9A. – С. 367-375.

6. Робисон Дж.О. Чжу Цзяньэр и симфоническое творчество Китая / пер. Юй Хуэя, Чжао Цюйфэя, Ван Фан. – Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2022. – 398 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jp.tfswufe.edu.cn/opac/book/71d1b8dbfe585cb439bdd7b383dc28a7.

7. Лу Гуанжуй. Эпоха и человеческая природа: исследование симфоний Чжу Цзяньэра. – Шанхай: Издательство Шанхайской консерватории, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ebook.library.ccom.edu.cn/collection/bookDetail/k_e_U8JBp9c=/8jm-E-I7LlA=.

MECHANISMS OF INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE EVOLUTION OF ZHU JIAN'ER'S COMPOSITIONAL STYLE: A STUDY OF HIS SYMPHONIC WORKS

Zhu Yanqi, *Postgraduate Student*
Herzen Russian State Pedagogical University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article examines the mechanisms of intercultural dialogue that shaped the evolution of Zhu Jian'er's compositional style. The study focuses on symphonic works from different periods, primarily the First, Seventh, and Tenth Symphonies. It analyzes the historical and cultural foundations of the composer's individual language, the influence of the Soviet school of composition, and the transformation of Chinese intonational, modal, rhythmic, and timbral models. The study shows that national tradition gradually loses its function as external stylization and becomes integrated into thematic development, musical form, and the organization of sonic space. The main mechanisms of intercultural interaction include the selective adoption of Western experience, structural integration, semantic reinterpretation, and the individualization of musical language. It is concluded that intercultural dialogue constitutes a fundamental principle of Zhu Jian'er's symphonic thinking.*

Keywords: *Zhu Jian'Er; Intercultural Dialogue; Chinese Symphonism; National Tradition; Compositional Style.*

ПОНЯТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО КОДА И ЕГО ФУНКЦИИ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

А.А. Хабаров, *аспирант*
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Россия, г. Саранск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-42-46

Аннотация. *В статье рассматривается понятие театрального кода как аналитического инструмента, позволяющего описывать механизмы переноса театральных смысловых структур в кинематографическую среду. Опираясь на семиотическую традицию (У. Эко, Ю.М. Лотман, Р. Барт) и теорию культуры, автор прослеживает генеалогию термина от культурного кода к коду искусства и далее к специфике театрального кода. Раскрываются его структурные уровни, типология (по Э. Фишер-Лихте), конвенциональная природа и роль в создании эффекта «двойного видения» при театрализации кино. Особое внимание уделяется пяти функциям театрального кода в кино: семантической, структурирующей, метаязыковой, коммуникативной и интертекстуальной. Показано, что театральный код не просто заимствуется, а становится системным элементом, расширяющим выразительные средства кино.*

Ключевые слова: *театральный код; семиотика кино; театральность; культурный код; кинематографический текст.*

Понятие «кода», пришедшее в гуманитарные науки из теории информации и семиотики, сегодня становится одним из основных методологических инструментов для анализа художественных текстов. Его эффективность особенно высока при изучении взаимодействия различных медиа, например, театра и кино. В таких случаях концепция «театрального кода» помогает понять, каким образом театральные смысловые структуры и связанные с ними принципы организации знаков адаптируются и проявляются в кинематографической среде. Семиотический подход, таким образом, позволяет перевести дискуссию о театральности в кино из плоскости субъективных впечатлений в сферу научного анализа, опираясь на выявление закономерностей в знаковых системах и принципах их работы.

Для полного раскрытия смысла термина целесообразно двигаться от общего к частному: сначала очертить границы культурного кода, затем перейти к коду искусства и только после этого сосредоточиться на специфике театрального кода. Такой подход позволит проследить генезис понятия и выделить его наиболее значимые для анализа кинематографа аспекты.

В семиотике представление о коде развивается под влиянием лингвистики, теории информации и структурализма. Если Якобсон рассматривает код как систему, обеспечивающую как передачу сообщения, так и само означивание, то У. Эко предлагает ключевое уточнение: в реальной коммуникации коды участников никогда не совпадают полностью. Именно этот разрыв, который может показаться «дефектом» передачи, становится источником смыслового движения. Этот поворот от идеи точной трансляции к признанию вариативности интерпретаций имеет принципиальное значение для гуманитарных наук, поскольку он позволяет говорить не столько о стабильном «переносе» смыслов, сколько об их постоянном переустройстве.

Современное понимание кода опирается на несколько фундаментальных идей. Ф. де Соссюр провел различие между языком как абстрактной системой и речью как ее конкретным проявлением. Ч.С. Пирс расширяет рамки анализа, предлагая нелингвистическую типологию знаков (индексы, символы), что позволяет изучить знаки вне вербального контекста. Ч.У. Моррис выделяет три ключевых аспекта семиозиса – семантику, синтактику и прагматику – заложив основу для функционального анализа кодовых систем. Применительно к кино, именно прагматическое измерение кода приобретает первостепенное значение, поскольку изменение коммуникативной

ситуации влечет за собой трансформацию семантики и синтактики.

У. Эко рассматривает код как структуру, определяющую связь между означающим и означаемым, а не просто как набор знаков. Он также различает код как ожидания аудитории и код как структуру сообщения, что позволяет анализировать как само сообщение, так и условия его восприятия. Таким образом, код, включающий синтаксический, семантический и прагматический аспекты, проявляется в реальной коммуникации и может быть изменён. Это особенно важно для искусства, где каждое новое произведение не только использует существующие коды, но и вносит в них изменения, порой неочевидные на первый взгляд [10].

Эко различает «сильные» и «слабые» коды. Театральный код относится именно к слабым, что объясняет его гибкость и способность трансформироваться при переносе в другие медиальные среды, порождать множество смыслов и служить идеальным инструментом для авторского кинематографа.

К. Леви-Стросс показывает, что культуру можно описывать как систему кодов. Эта линия развита Ю.М. Лотманом, который соединил структуралистский подход с историзмом. Культура в целом – сложно организованная семиотическая система, в основе которой лежат культурные коды – «языки», на которых культура говорит о себе и о мире [5, с. 487]. Лотмановское понимание кода далеко от механистического: «язык – это код плюс его история» [5, с. 27], код развивается вместе с культурой, накапливая следы прежних употреблений. Именно историчность кода объясняет, почему одни и те же знаковые структуры работают поразному в разные эпохи и в разных медиальных средах.

Лотман также различает «код» и «язык»: код психологически ориентирует на искусственный язык, тогда как «язык» вызывает представление об исторической протяжённости [5, с. 23-24]. Для театрального кода это означает, что он, с одной стороны, укоренён в многовековой традиции, с другой – каждый раз заново активируется как искусственный язык, правила которого принимаются «здесь и сейчас». Именно это сочетание делает его гибким и продуктивным при переносе в кинематограф.

В современной культурологии понятие «культурный код» разрабатывается широко. Одни исследователи понимают его как систему ценностных ориентаций и моделей поведения, другие – как «упорядоченное множество взаимосвязанных предписаний, ограничений, стандартов и установок... центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [1, с. 34]. При всём разнообразии трактовок культурный код – система, выполняющая моделирующую, коммуникативную и регулятивную функции [3]. Применительно к театральному коду это означает, что он также выполняет моделирующую, коммуникативную и регулятивную функции, которые при переносе в кино меняются, подстраиваясь под новую коммуникативную ситуацию.

И.В. Малыгина определяет культурный код как «сетку, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [8, с. 12]. Среди характеристик кода наиболее значимы универсальность (способность моделировать широкий спектр явлений, благодаря чему театральный код может быть «извлечён» из сценического контекста и включён в киноповествование) и иерархичность: ядро театрального кода сохраняется в кино, периферия адаптируется. Малыгина также выделяет функции идентификации, коммуникации и трансляции ценностей [7, с. 21-25], которые при переносе театрального кода в кинематограф проявляются в узнавании театральных конвенций, установлении особой связи со зрителем и сохранении театральной традиции в новом медиальном контексте.

Переходя от культурного кода к коду искусства, необходимо учесть специфику художественной коммуникации. По мнению Лотмана, искусство – «особым образом организованный язык», а произведение искусства – «сообщение на этом языке» [4, с. 11]. Художественный код многозначен, ориентирован на порождение множества смыслов; конвенционален – его «правила» предполагают соглашение между художником и аудиторией, устанавливаемое заново в каждом акте эстетической коммуникации; способен к трансформации и синтезу, включая элементы других кодов. Именно поэтому взаимодействие театра и кино возможно на уровне кодов: попадая в

кинематографическую среду, театральный код не только сохраняется, но и меняется. Художественный код также эмоционально нагружен, стремясь вызвать переживание.

Р. Барт показывает, что коды не являются жёстко закреплёнными структурами, а активируются читателем в процессе восприятия, формируя подвижную смысловую ткань [2, с. 27-28]. Для кино это означает, что театральный код не «встроен» в фильм раз и навсегда: он активируется зрителем в зависимости от культурной компетенции.

Театральный код представляет собой систему условностей, правил и знаковых средств, сложившихся в театре и позволяющих формировать, передавать и воспринимать художественные смыслы в процессе театральной коммуникации. Важно отметить его историческую изменчивость: код, характерный для античной трагедии, существенно отличается от кода психологического театра конца XIX в. или эпического театра Брехта. В каждый конкретный период активизируется определенная историческая версия кода, которая хранит в себе «память» о сложившихся драматургических и сценических традициях. При этом зритель, опираясь на свои общие культурные знания о театре, способен распознавать театральную сущность даже в незнакомых ему исторических пластах. Это означает, что театральный код одновременно обусловлен историей и обладает архетипическими чертами.

В семиотической традиции театр понимается как сложно организованная знаковая система, где взаимодействуют разные субкоды. «Язык театра – это не просто сумма языков различных искусств, но сложная иерархическая система, в которой каждый элемент приобретает значение только в соотношении с другими» [4, с. 402-403]. Театральный код – совокупность субкодов, объединённых общей прагматикой театральной коммуникации и установкой на сиюминутность и невоспроизводимость сценического события. Он включает также «пустой знак» – паузу, молчание, неподвижность, которые на сцене приобретают повышенную семиотическую значимость. В кино такие «пустые знаки» могут работать как отсылки к театральной природе, создавая напряжение между экранной «жизнеподобностью» и театральной условностью.

В семиотическом измерении театральность выступает как способ организации смыслов, основанный на театральном коде, который «применим к самым разным аспектам представления: звучащему слову, актёрской игре, режиссёрскому решению пространства, построению мизансцены, музыкально-визуальному оформлению спектакля». Театральный код двойственен: он реализуется в конкретном спектакле как уникальное событие и одновременно существует как надындивидуальная система, «язык» театральной культуры, что позволяет ему заимствоваться и переноситься в другие искусства. Как отмечает Д.Д. Уразымбетов, «семиотические коды являются важным элементом в современной многозначной структуре сценических пространств» [9, с. 18].

Структурно театральный код включает несколько взаимосвязанных уровней: вербальный (речевая ткань, интонация, темпоритм), паралингвистический (мимика, жесты, пластика), пространственный (мизансцена, декорации, свет), временной (ритм, темп, членение на акты) и конвенциональный – «правила игры», принимаемые зрителем как условие театральной коммуникации.

При переносе театрального кода в кино телесное присутствие актёра редуцируется до оптической проекции, однако крупный план лица способен компенсировать эту утрату. Э. Фишер-Лихте вводит понятие «аутопоэтической петли обратной связи»; в кино эта петля размыкается, но её действие может быть частично воспроизведено [12, с. 38-42].

Фишер-Лихте предлагает типологию из трёх типов кодирования в театре: специальный театральный код, вырабатываемый самой театральной системой; код на основе первичных культурных систем, заимствующий знаковые структуры из естественного языка и бытового поведения; код на основе вторичных культурных систем, использующий элементы других искусств [11]. При переносе в кино специальный код наиболее заметно «остраняется» и служит маркером театральности; код на основе первичных систем может почти растворяться в кинематографической ткани; код на основе вторичных систем формирует интертекстуальные связи, усложняющие смысловую структуру фильма.

С.А. Смагина вводит различение «первичной» и «вторичной» театрализации. Первичная

– базовая театральная условность, неизбежная при фиксации актёрской игры; вторичная – осознанное введение дополнительной театральной условности, создающей эффект «текста в тексте». Именно вторичная театрализация представляет основной интерес. Е.Н. Тузова отмечает, что «при переводе пьесы на язык кино используется театральный код, причём театральное начало представлено в двух вариантах: театр как пространство и театр как поведенческая стратегия». Это задаёт эксплицитный и имплицитный способы присутствия кода: эксплицитный связан с узнаваемыми театральными знаками, имплицитный – с воспроизведением структурных принципов театральной организации без явных визуальных ссылок на театр. В камерных психологических драмах имплицитный театральный код нередко играет ключевую роль.

Одна из главных черт театрального кода – его конвенциональность. Кино, по выражению Лотмана, держится на «иллюзии реальности», в которой зритель склонен воспринимать экранное изображение как документ, а не как условную конструкцию [6, с. 32]. В напряжении между театральной и кинематографической конвенциональностью возникает особое эстетическое качество театрализованного кино: театральный код делает проблемной иллюзионистскую природу кино, порождая эффект «двойного видения», при котором сопереживание сочетается с аналитической дистанцией.

В кинематографическом тексте театральный код выполняет пять взаимосвязанных функций. Семантическая функция привносит культурные ассоциации – идею игры и лицедейства, тему подлинности и притворства, мотив маски и лица. Структурирующая функция задаёт принципы организации киноматериала: фильм может быть выстроен как последовательность «сцен» и «актов», подчиняться логике мизансцен и сценических эпизодов. Метаязыковая (саморефлексивная) функция позволяет кино говорить о самом себе, обнажая условность экранного образа – например, через демонстрацию кинопроектора или занавеса. Коммуникативная функция выстраивает особые отношения между фильмом и зрителем: распознавая театральный код, зритель вступает в рефлексивные отношения с текстом, а театральный жест, направленный в камеру, превращает его в адресата высказывания. Интертекстуальная функция связывает фильм с корпусом театральных текстов, вписывая его в широкий контекст театральной традиции.

Таким образом, понятие театрального кода позволяет анализировать театральность в кинематографе не как внешнее заимствование, а как системный принцип, пронизывающий различные уровни фильма. Театральный код выполняет ряд функций, обеспечивая продуктивное взаимодействие театральной и кинематографической знаковых систем и обогащая выразительные возможности экранного искусства.

Библиографический список

1. Аванесова Г.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике / Г.А. Аванесова, И.А. Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 47. – С. 28-37.

2. Барт Р. S/Z / Р. Барт; пер. с фр. – Москва: Ad Marginem, 1994. – 304 с.

3. Савицкий В.М. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор / В.М. Савицкий, И.А. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 12. – С. 4531-4358.

4. Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1998. – 702 с.

5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.

6. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.

7. Малыгина И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учеб. пособие. – Москва: Академический проект, 2018. – 242 с.

8. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика: дис. ... д-ра филос. наук. – Москва, 2005. – 305 с.

9. Уразымбетов Д.Д. Семиотические коды сценических пространств // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3 (24). – С. 56-60.

10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. – Санкт-Петербург: Symposium, 2006. – 538 с.

11. Fischer-Lichte E. Semiotik des Theaters: Eine Einführung. Bd. 1-3. – Tübingen: Narr, 1994.

12. Fischer-Lichte E. The Transformative Power of Performance: A New Aesthetics. – London: Routledge, 2008. – 232 p.

THE CONCEPT OF THE THEATRICAL CODE AND ITS FUNCTIONS IN THE CINEMATIC TEXT

A.A. Khabarov, *Postgraduate Student*
National Research Mordovia State University
(Russia, Saransk)

Abstract. *The article examines the concept of the theatrical code as an analytical tool that allows describing the mechanisms of transferring theatrical semantic structures into the cinematic environment. Based on the semiotic tradition (U. Eco, Yu. M. Lotman, R. Barth) and the theory of culture, the author traces the genealogy of the term from the cultural code to the code of art and further to the specifics of the theatrical code. Its structural levels, typology (according to E. Fischer-Lichte), conventional nature and role in creating the effect of "double vision" in the theatrical cinema are revealed. Special attention is paid to the five functions of theatrical code in cinema: semantic, structuring, metalanguage, communicative and intertextual. It is shown that the theatrical code is not just borrowed, but becomes a system element that expands the expressive means of cinema.*

Keywords: *theatrical code; semiotics of cinema; theatricality; cultural code; cinematic text.*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Чжэн Юна, *аспирант*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-47-52

Аннотация. *В статье рассматриваются устойчивые эмоциональные паттерны в традиционной музыке Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. На основе российских этномузыкологических, фольклористических и культурологических публикаций выявляются ритуально-экстатический, природно-коммуникативный, трудовой, родо-памятный и лирико-бытовой типы эмоциональной организации музыкального материала. Показано, что в культурах коренных народов российского Дальнего Востока эмоция часто связана с шаманским обрядом, звуковым поведением и ландшафтной семантикой, тогда как в северо-восточном китайском материале заметнее выражена социализация переживания через трудовые, бытовые и коллективно-праздничные песенные жанры. Делается вывод о необходимости рассматривать эмоциональность традиционной музыки не как универсальную психологическую реакцию, а как культурно закрепленную модель звукового действия.*

Ключевые слова: *традиционная музыка; эмоциональные паттерны; Дальний Восток России; Северо-Восток Китая; этномузыкология; фольклор; шаманский обряд; культурная память.*

Вопрос об эмоциональных паттернах в традиционной музыке приграничных культур Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая требует не только описания музыкально-стилевых признаков, но и культурологической реконструкции тех ситуаций, в которых звук приобретает значение социального действия. Для региона Амура, Приморья, Приохотья и сопредельных территорий Дунбэя характерна длительная история контактов тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, славянских, монгольских и ханьских традиций. Поэтому эмоциональная выразительность здесь редко выступает как индивидуальная «психология» мелодии; чаще она закреплена в ритуале, труде, повествовании, коллективной памяти и коммуникации с ландшафтом.

Актуальность темы определяется тем, что эмоциональная семантика традиционной музыки позволяет увидеть не только сходство интонационных форм, но и различие культурных способов переживания мира. В российском дальневосточном материале особое значение имеют шаманские камлания, звукоподражательные напевы, песенные импровизации, личные песни, свадебно-семейные и календарные формы. В северо-восточном Китае важны народно-песенные жанры, маньчжурские и хэчжэские традиции, региональные формы обрядовой музыки, а также исторически сложившееся сосуществование ханьского, маньчжурского, монгольского и русско-китайского пограничного фольклора.

Степень разработанности проблемы остается неравномерной. Российская этномузыкология накопила значительный корпус исследований по музыкальной культуре народов Сибири и Дальнего Востока, прежде всего в трудах Ю.И. Шейкина, в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в работах С.В. Мезенцевой о шаманском обряде тунгусо-маньчжурских народов [1-3]. Китайская традиционная музыка в российской науке рассматривалась в работах У Ген-Ира и Чан Лиин, где особое внимание уделяется жанровой системе, историко-культурной функции народной песни и дальневосточному музыкальному ареалу [4; 5]. Однако сопоставление именно эмоциональных паттернов приграничных традиций пока чаще проводится фрагментарно.

Цель исследования – выявить и сопоставить устойчивые эмоциональные паттерны в традиционной музыке Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Под эмоциональным паттерном в данной работе понимается

повторяющаяся культурно закрепленная модель звукового выражения переживания: скорби, призыва, тревоги, умиротворения, торжественности, экстатического напряжения, игровой радости или памяти о родовом прошлом.

Материал исследования составляют опубликованные российские этномузыкологические, фольклористические и культурологические работы, посвященные музыкальной культуре народов Сибири, Дальнего Востока и Китая. Методологически статья опирается на сравнительно-культурологический анализ, жанрово-функциональный подход, элементы семиотики музыкального фольклора и историко-типологическое сопоставление.

Результаты исследования

Эмоция как культурная форма в традиционной музыке

В традиционной культуре эмоция не сводится к субъективному состоянию исполнителя. Она оформляется через социально признанные интонации, тембры, ритмы, телесные жесты и ситуации исполнения. Плач, призыв, заклинательная формула, трудовой выкрик, колыбельная, свадебная песня или шаманский речитатив задают слушателю готовую рамку восприятия. В этом смысле эмоциональный паттерн является частью коллективного знания: он указывает, как следует переживать событие и как музыкально действовать внутри обряда.

Для малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Ю.И. Шейкин выделял особую значимость звукового поведения, включающего не только «песню» в европейском смысле, но и сигналы, звукоподражания, речитативы, инструментальные тембры и акустическое взаимодействие с природной средой [1]. Такая позиция принципиальна для изучения эмоций: эмоциональная выразительность может быть сосредоточена не в развернутой мелодии, а в тембре бубна, в повторе короткой формулы, в переходе речи в напев, в имитации голоса птицы или зверя.

В китайской музыкальной культуре народная песня традиционно выполняла одновременно эстетическую, коммуникативную и социально-регулятивную функцию. В автореферате Чан Лиин подчеркивается, что народная песня Китая связана с историей страны, с развитием поэзии, драмы и музыкального театра; при этом классификация песенного материала требует учета жанра, условий возникновения и географии бытования [3]. Для Северо-Восточного Китая это особенно важно: региональная песенность формировалась в контакте земледельческих, кочевых, охотничьих и пограничных культур.

Дальний Восток России: ритуально-ландшафтная эмоциональность

В традиционной музыке Дальнего Востока России наиболее заметны три взаимосвязанных эмоциональных комплекса: ритуально-экстатический, природно-коммуникативный и родо-памятный. Первый связан прежде всего с шаманским обрядом. В материалах по нанайским, удэгейским, орочским и ульчским камланиям С.В. Мезенцева показывает, что музыкально-стилевое наполнение обряда включает структурно повторяемые элементы: обращение, нарастание интенсивности, ритмическую организацию движения, речитативно-песенные формулы и тембровое воздействие бубна [3]. Эмоциональный эффект такого обряда строится на постепенном переводе обычного времени в сакральное.

Ритуально-экстатический паттерн характеризуется повторностью, пульсацией, тембровой концентрацией и изменением степени речевой определенности. Чем ближе исполнитель к состоянию камлания, тем менее значимой становится песенная «красота» в академическом смысле и тем более важной становится эффективность звукового действия. Эмоция здесь не изображается, а производится: тревога, напряжение и ожидание задают пространство контакта с духами и предками.

Природно-коммуникативный комплекс связан с ландшафтом тайги, реки, моря и тундры. В исследованиях о звучащих ландшафтах Арктики и Субарктики подчеркивается, что многие формы музыкального фольклора народов Сибири и Дальнего Востока раскрывают интонационное понимание природы [6]. Для дальневосточных традиций это выражается в звукоподражательных напевах, охотничьих сигналах, имитациях голосов птиц и зверей, а также в представлении о природном мире как о собеседнике. Эмоциональный паттерн здесь часто строится не на драматическом контрасте, а на внимательном прислушивании.

Родо-памятный комплекс проявляется в повествовательном фольклоре, личных песнях, обрядовых формах жизненного цикла. В

публикациях серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» значимым является сочетание текста, перевода, комментария, музыковедческого раздела и аудиоприложения, что позволяет рассматривать фольклор как целостную звуковую и смысловую практику [2; 7]. На примере нанайского фольклора видно, что мифологические и родовые сюжеты связаны с образами реки, тайги, животных-прародителей и духов [7]. Поэтому эмоциональная память выражается не только в печали или торжественности, но и в самом способе рассказывания, где напевность удерживает связь поколений.

Северо-Восток Китая: песенная социализация эмоций

Северо-Восточный Китай представляет собой сложный культурный регион, где исторически сосуществовали ханьские переселенческие традиции, маньчжурская память, монгольские влияния, корейские локальные формы, хэчжэская и другие приграничные культуры. В российской литературе китайская традиционная музыка часто описывается как часть широкого дальневосточного ареала, в котором устойчивы пентатонические ладовые модели, жанровая связь музыки с обрядом, танцем и театром, а также представление о музыке как средстве упорядочивания социальных отношений [4].

Для северо-восточного китайского материала особенно важен паттерн коллективной песенной коммуникации. В отличие от ряда дальневосточных охотничье-шаманских традиций, где эмоциональная напряженность может быть сосредоточена вокруг фигуры шамана или индивидуального носителя личной песни, в китайской народной песенности эмоция часто социализируется через жанрово узнаваемые формы: трудовые песни, бытовые песни, лирические напевы, календарные и семейные ситуации. Чан Лиин выделяет хаоцзы, горские песни и бытовые песни как основные жанровые группы китайского народно-песенного творчества [3].

Эмоциональный паттерн труда в китайской песне связан с координацией коллективного действия. Ритм здесь выполняет не только художественную, но и практическую функцию: он согласует телесное усилие, снимает монотонность работы, переводит усталость в совместное звучание. В эмоциональном плане это не обязательно радость; скорее речь идет о собранности, выдержке и коллективной устойчивости.

Лирико-бытовой паттерн Северо-Восточного Китая связан с переживанием разлуки, семейного ожидания, сезонной перемены и памяти о месте. В условиях миграционной истории Дунбэя эти мотивы приобретают особую значимость. Песня становится способом закрепления локальной принадлежности: она сообщает не только «что чувствует» исполнитель, но и к какой земле, семье, языковой среде и исторической памяти он себя относит.

Отдельное значение имеет маньчжурский и хэчжэский контекст, сближающий Северо-Восточный Китай с российским Приамурьем. Здесь можно говорить о зоне тунгусо-маньчжурской культурной преемственности, хотя современная степень сохранности языков, обрядов и музыкальных практик различна. Эмоциональные паттерны, связанные с шаманской памятью, обращением к духам, почитанием предков и природных сил, показывают типологическую близость с материалом нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев, но в китайском контексте они нередко переосмыслены через сценическую репрезентацию, музейную практику и политику нематериального культурного наследия.

Сравнительная типология эмоциональных паттернов

Сопоставление двух регионов показывает, что эмоциональные паттерны нельзя механически соотносить с отдельными ладами, интервалами или темпами. Один и тот же акустический признак может выполнять разные функции в разных культурных ситуациях. Поэтому более продуктивно сравнивать не «эмоции вообще», а связки: жанр - ситуация исполнения - интонационная организация - социальный смысл.

Таблица. Сравнительная типология эмоциональных паттернов

Паттерн	Дальний Восток России	Северо-Восток Китая	Культурологический смысл
Ритуально-экстатический	Камлание, бубен, речитативно-песенные формулы, нарастание пульсации	Маньчжурские и региональные шаманские реминисценции, обрядово-сценические формы	Переход от повседневного состояния к сакральному контакту
Природно-коммуникативный	Звукоподражания, охотничьи сигналы, интонационное «слушание» тайги и реки	Песни о местности, сезонности, природном порядке; связь с аграрным и пограничным опытом	Природа выступает не фоном, а участником коммуникации
Трудовой	Локальные сигналы и краткие формы, связанные с промыслом и движением	Хаоцзы и другие трудовые песни с координирующей ритмикой	Эмоция собранности, выносливости, коллективной синхронизации
Родо-памятный	Личные песни, родовые предания, повествовательный фольклор, память о предках	Семейно-бытовые и историко-локальные песни, миграционная память Дунбэя	Музыка закрепляет идентичность и преемственность
Лирико-бытовой	Сдержанная напевность, связь с жизненным циклом, семейными обрядами	Песни разлуки, ожидания, любви, сезонного движения	Индивидуальное чувство получает социально узнаваемую форму

Главное сходство заключается в том, что и российский дальневосточный, и северо-восточный китайский материал связывают эмоцию с функцией. Музыка нужна не только для выражения состояния, но и для организации обряда, труда, памяти, родственных отношений и общения с природным миром. В этом смысле эмоциональная выразительность традиционной музыки имеет нормативный характер: культура заранее знает, в какой ситуации какой тип звучания уместен.

Главное различие состоит в распределении эмоционального центра. В дальневосточных традициях России, особенно в материалах коренных малочисленных народов, эмоциональная интенсивность часто концентрируется в ритуально-шаманской и ландшафтной сфере. В Северо-Восточном Китае при сохранении отдельных архаических пластов более заметна песенная социализация эмоции через трудовую, бытовую и коллективно-праздничную практику. Это различие объясняется не «национальным характером», а различными историческими условиями сохранности и трансформации музыкального фольклора.

Пограничье как зона эмоционального перевода

Российско-китайское пограничье важно рассматривать как пространство эмоционального перевода. В нем музыкальные формы перемещаются между языками, этническими группами и социальными контекстами. Исследования русского фольклора Маньчжурии и китайских русских Трехречья показывают, что песенные и частушечные формы способны сохранять традиционные модели исполнения, но одновременно приспосабливаться к двуязычной среде [8; 9]. Для темы настоящей статьи это существенно: эмоциональный паттерн может сохраняться даже тогда, когда меняется язык текста или социальная идентичность исполнителя.

Пограничная музыка часто работает как память о перемещении. Вальс «На сопках Маньчжурии» в исследованиях последних лет рассматривается не только как произведение конкретной исторической эпохи, но и как феномен вторичной фольклоризации, связанный с коллективной скорбью, дальневосточным фронтиром и культурной памятью [10]. Хотя данный пример относится к авторско-городской традиции, он демонстрирует важный механизм: эмоциональная формула может выйти за пределы первоначального жанра и стать знаком региона.

Именно поэтому сравнительный анализ традиционной музыки Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая должен учитывать не только архаические формы, но и поздние процессы фольклоризации, сценического переоформления и архивного сохранения. Современные электронные фонограммархивы, публикации с аудиоприложениями и музейные проекты меняют режим существования традиционной эмоции: она переходит из живого обряда в научное описание, сцену, учебный курс или цифровой каталог. При этом эмоциональный паттерн не исчезает полностью, но его функция становится иной.

Обсуждение результатов

Полученные наблюдения позволяют предложить четыре аналитических вывода:

Во-первых, эмоциональные паттерны традиционной музыки имеют не универсально-психологическую, а культурно-ситуативную природу. Их следует изучать через жанр, обряд, социальную роль исполнителя и форму участия слушателей.

Во-вторых, для российского Дальнего Востока особенно значима ритуально-ландшафтная модель эмоции, где тембр, повтор и телесный ритм не менее важны, чем мелодическая линия.

В-третьих, для Северо-Восточного Китая характерна более выраженная жанровая социализация переживания: трудовая песня, бытовая лирика, семейные и праздничные формы делают эмоцию коллективно распознаваемой и передаваемой.

В-четвертых, в приграничных традициях обнаруживается зона типологического сходства, связанная с тунгусо-маньчжурским наследием, шаманскими представлениями и природной семантикой звука. Это сходство не отменяет различий, но позволяет говорить о едином амуро-маньчжурском культурном горизонте.

Научная осторожность требует подчеркнуть ограничение настоящей статьи: она опирается преимущественно на опубликованные источники и не заменяет полевого исследования. Для дальнейшей работы необходимо привлекать аудиозаписи, проводить акустический анализ, сопоставлять тексты песен на языках оригинала и учитывать современные формы бытования традиционной музыки в селах, городских ансамблях, образовательных учреждениях и цифровых архивах.

Заключение

Эмоциональные паттерны в традиционной музыке Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая формируются на пересечении обряда, труда, ландшафта, родовой памяти и межкультурного контакта. Российский дальневосточный материал демонстрирует особую плотность ритуально-экстатических и природно-коммуникативных форм. Северо-Восточный Китай, сохраняя отдельные архаические пласты, ярче проявляет песенную социализацию эмоций через трудовые, бытовые и коллективные жанры.

Сравнительно-культурологический подход позволяет отказаться от упрощенного противопоставления «русского» и «китайского» музыкального чувства. В реальности рассматриваемые регионы образуют сложное пограничное пространство, где эмоциональные модели передаются, переосмысляются и закрепляются в разных жанрах. Эмоция в такой музыке является не только переживанием, но и способом культурной памяти, коммуникации с природой и поддержания идентичности.

Библиографический список

1. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 718 с.

2. Солдатова Г.Е. Этномузыковедение в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: историографический аспект // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 29-39.

3. Мезенцева С.В. Структурные компоненты шаманского обряда тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока России: к проблеме музыкально-стилевой специфики // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 1410-1418.

4. У Ген-Ир. Традиционная музыка Дальнего Востока: Китай, Корея, Япония: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 342 с.

5. Чан Лиин. Народная песня как феномен китайской музыкальной культуры: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – СПб., 2007. – 22 с.

6. Шейкин Ю.И., Добжанская О.Э., Игнатьева Т.И., Никифорова В.С., Дьяконова В.Е., Кардашевская Л.И. Звучащие ландшафты Арктики и Субарктики: аспекты музыкального фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. – 374 с.

7. Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу / сост. Н.Б. Киле. – Новосибирск: Наука, 1996. – 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 11).

8. Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии: исследования, тексты, комментарии. – М.: ИМЛИ РАН, 2022. – 816 с.

9. Кляус В.Л. Частушки и припевки китайских русских Северной Маньчжурии / В.Л. Кляус, Л.П. Махова, А.А. Острогская // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 9-35. – DOI 10.17223/18137083/70/1. – EDN WTUSIB.

10. Лю Найшо, Титаренко С.Д. Интермедиальность вальса «На сопках Маньчжурии» в дальневосточном тексте и проблема взаимосвязи культур Востока и Запада // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2026. – №1.

11. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2006-2010.

EMOTIONAL PATTERNS IN THE TRADITIONAL MUSIC OF THE RUSSIAN FAR EAST AND NORTHEAST CHINA: A COMPARATIVE CULTURAL ANALYSIS

Zheng Youna, *Postgraduate Student*
Herzen State Pedagogical University of Russia
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article examines stable emotional patterns in the traditional music of the Russian Far East and Northeast China. Drawing on Russian ethnomusicological, folklore and cultural studies, it identifies ritual-ecstatic, landscape-communicative, labor-related, ancestral-memory and lyrical-everyday modes of emotional organization. The research shows that in the indigenous cultures of the Russian Far East emotional expression is often connected with shamanic ritual, acoustic behavior and landscape semantics, while in Northeast Chinese material emotions are more clearly socialized through labor, everyday and collective song genres. The article argues that musical emotionality should be interpreted as a culturally fixed model of sound action rather than as a universal psychological response.*

Keywords: *traditional music; emotional patterns; Russian Far East; Northeast China; ethnomusicology; folklore; shamanic ritual; cultural memory.*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В ОРГАНИЗАЦИИ

С.Д. Демянко, *студент*
Московский международный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-53-59

Аннотация. *Статья посвящена исследованию стратегического управления персоналом как системы долгосрочного согласования кадровой политики с целями развития организации. Обоснована необходимость перехода от преимущественно административной модели кадровой работы к интегрированному управлению человеческим капиталом, основанному на планировании потребностей, развитии компетенций, прозрачной мотивации, HR-аналитике и управлении вовлечённостью. Практическая часть выполнена на материалах ООО «Бест», работающего в сфере розничной торговли одеждой. Проанализированы кадровая динамика за 2022-2024 гг., показатели оплаты труда, производительности, обучения, вовлечённости и структуры персонала. Выявлены проблемные зоны: недостаточная формализация HR-стратегии, перегрузка кадровой функции, ограниченная автоматизация, неравномерность карьерных возможностей и необходимость усиления кадрового резерва. Предложена целевая модель стратегического управления персоналом на 2025-2026 гг., включающая развитие Total Rewards, систему обучения, кадровый резерв, внедрение HRIS и расширение роли HR-подразделения как бизнес-партнёра. Сформулированы ожидаемые эффекты: снижение текучести, рост производительности труда, повышение вовлечённости и укрепление устойчивости организации.*

Ключевые слова: *стратегическое управление персоналом; HR-стратегия; человеческий капитал; кадровый резерв; мотивация; HR-аналитика; розничная торговля; ООО «Бест».*

Устойчивость современной организации всё в большей степени определяется не только финансовыми ресурсами, технологической базой и рыночной позицией, но и качеством управления человеческим капиталом. В условиях высокой конкуренции за квалифицированных работников, ускорения цифровизации и изменения ожиданий сотрудников кадровая функция перестаёт быть исключительно административной. Она приобретает стратегическое значение, поскольку именно персонал обеспечивает качество клиентского опыта, способность к изменениям, производительность труда и сохранение организационных знаний.

Стратегическое управление персоналом представляет собой систему решений, с помощью которых организация формирует необходимую численность, компетенции, мотивацию и поведение работников для достижения долгосрочных целей. Согласно современному подходу, HRM должно быть связано с бизнес-стратегией, управлением эффективностью, развитием культуры, планированием потребностей и аналитической оценкой результатов [1]. В этой логике персонал рассматривается не как статья затрат, а как ресурс, способный создавать устойчивое конкурентное преимущество при наличии согласованных HR-практик.

Особую значимость данная проблематика имеет для розничной торговли. Розница характеризуется значительной долей линейного персонала, сезонными колебаниями нагрузки, высокой зависимостью продаж от качества обслуживания, а также высокой чувствительностью работников к уровню оплаты, графику, условиям труда и возможностям роста. Поэтому стратегическая работа с персоналом должна включать не только подбор и кадровый учёт, но и развитие устойчивого внутреннего кадрового ядра, обучение сервисным стандартам, построение прозрачной системы вознаграждения и формирование HR-бренда.

Цель исследования заключается в разработке научно обоснованной модели стратегического управления персоналом организации на примере ООО «Бест». Для достижения цели решены следующие задачи: раскрыты теоретические основы стратегического HRM; проведён анализ кадровых показателей ООО «Бест»; определены ключевые проблемы

действующей HR-системы; разработаны мероприятия по совершенствованию кадровой стратегии и определены ожидаемые организационно-экономические эффекты.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составили внутренние кадровые и управленческие материалы ООО «Бест» за 2022-2024 гг. Рассматривались показатели численности, приёма и увольнения работников, фонда оплаты труда, производительности, обучения, вовлечённости, структуры персонала и состояния HR-подразделения. Организация осуществляет деятельность в сфере розничной торговли одеждой; основной вид деятельности соответствует ОКВЭД 47.71.

Методологическую базу составили системный, сравнительный, экономико-аналитический и структурно-функциональный подходы. Системный подход позволил рассматривать управление персоналом как совокупность взаимосвязанных процессов: планирования, подбора, адаптации, обучения, оценки, мотивации и удержания. Сравнительный анализ применялся для оценки динамики показателей за 2022-2024 гг. Структурно-функциональный анализ использовался для выявления нагрузки HR-подразделения и распределения функций между кадровым администрированием, рекрутингом, обучением и аналитикой. Экономико-аналитический метод использовался при оценке прогнозных эффектов мероприятий.

В качестве теоретической рамки использованы положения ресурсной концепции фирмы, модели HR-бизнес-партнёрства Д. Ульриха, подхода соответствия HR-стратегии бизнес-стратегии и концепции высокоэффективных рабочих систем. Такой выбор обусловлен тем, что данные подходы позволяют одновременно учитывать долгосрочные цели организации, развитие компетенций, мотивацию работников и измеримость вклада HR-практик в бизнес-результаты [2-5].

Теоретические основы стратегического управления персоналом

Стратегическое управление персоналом отличается от оперативной кадровой работы горизонтом планирования и управленческой логикой. Оперативная кадровая деятельность ориентирована на оформление трудовых отношений, закрытие текущих вакансий, контроль дисциплины и расчёт вознаграждений. Стратегический подход предполагает анализ будущих потребностей бизнеса, формирование компетентностной модели, развитие кадрового резерва, планирование преемственности, управление вовлечённостью и построение таких условий труда, которые обеспечивают достижение долгосрочных целей организации.

В ресурсной концепции персонал рассматривается как источник устойчивого конкурентного преимущества при условии, что его знания, навыки и модели поведения обладают ценностью, редкостью, трудной имитируемостью и организационной встроенностью [3]. Для организации розничной торговли это означает, что конкурентоспособность формируется не только ассортиментом и ценовой политикой, но и способностью персонала поддерживать стандарты сервиса, эффективно взаимодействовать с клиентами, быстро осваивать цифровые инструменты продаж и сохранять лояльность к работодателю.

Контингентный подход подчёркивает необходимость согласования HR-стратегии с бизнес-моделью организации. При ориентации на качество обслуживания ключевое значение получают обучение, обратная связь, мотивация за сервисные показатели и командная культура. При ориентации на снижение издержек повышается роль нормирования, стандартизации процессов и контроля производительности. Для розничной компании, совмещающей клиентоориентированность и операционную эффективность, требуется комбинированная модель, где прозрачные стандарты работы дополняются программами развития, наставничества и вовлечения.

Модель Д. Ульриха раскрывает трансформацию роли HR-службы: кадровая функция должна сочетать административную экспертизу, поддержку работников, управление изменениями и стратегическое партнёрство [2]. Это особенно важно для организаций среднего масштаба, где кадровый отдел часто перегружен делопроизводством и массовым подбором. Без перераспределения функций, автоматизации и внедрения HR-аналитики невозможно обеспечить полноценное участие HR-подразделения в реализации стратегии.

Таким образом, стратегическое управление персоналом целесообразно рассматривать как интегрированную систему, включающую пять базовых блоков: планирование человеческих

ресурсов; привлечение и адаптацию; обучение и развитие; оценку и мотивацию; аналитику и организационное развитие. Слабость одного блока снижает результативность всей системы. Например, качественный подбор не даёт устойчивого эффекта без адаптации, а обучение не обеспечивает роста производительности без понятной системы оценки и вознаграждения.

Результаты исследования и их обсуждение

ООО «Бест» представляет собой розничную организацию, в которой кадровая результативность напрямую связана с качеством клиентского сервиса, скоростью обслуживания, устойчивостью торговых команд и готовностью работников осваивать новые форматы продаж. В 2022-2024 гг. компания демонстрировала рост численности персонала и повышение экономической отдачи труда. Основные показатели кадровой и экономической динамики приведены в таблице 1.

Таблица 1. Кадровая и экономическая динамика ООО «Бест» в 2022-2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024
Среднесписочная численность, чел.	342	360	378
Принято работников, чел.	30	28	25
Уволено работников, чел.	22	20	18
Коэффициент текучести, %	6,4	5,6	4,8
Средний стаж работы, лет	3,1	3,3	3,5
Выручка, млн руб.	1 850	2 050	2 300
Фонд оплаты труда, млн руб.	310	345	380
Производительность труда, млн руб./чел.	5,4	5,7	6,1
Инвестиции в обучение на сотрудника, тыс. руб.	12	14	15

Источник: составлено по данным управленческой отчётности ООО «Бест» за 2022-2024 гг.

Данные таблицы 1 показывают, что среднесписочная численность персонала увеличилась на 36 человек, или на 10,5%. При этом рост численности сопровождался снижением общего коэффициента текучести с 6,4 до 4,8 %. Положительная динамика указывает на укрепление кадровой стабильности, однако абсолютное снижение текучести не устраняет рисков, связанных с удержанием линейного торгового персонала и адаптацией новых работников. Для розничной организации даже умеренная текучесть способна создавать дополнительные затраты на подбор, обучение и снижение качества обслуживания в первые месяцы работы новых сотрудников.

Экономические показатели демонстрируют более быстрый рост выручки по сравнению с численностью. Производительность труда увеличилась с 5,4 до 6,1 млн руб. на одного работника. Это свидетельствует о повышении отдачи человеческих ресурсов, однако дальнейший рост зависит от качества обучения, мотивации, цифровизации и способности HR-службы перейти от реактивного подбора к долгосрочному планированию. Фонд оплаты труда вырос с 310 до 380 млн руб., что требует повышения управляемости вознаграждения и увязки выплат с результативностью.

Качественные характеристики персонала также создают предпосылки для развития стратегического HRM. В 2024 г. доля работников в возрасте 25-40 лет достигла 60 %, доля сотрудников с высшим образованием составила 65%, а доля работников со стажем более трёх лет увеличилась до 50,5%. Такая структура благоприятна для внедрения цифровых HR-инструментов, программ внутреннего обучения и карьерного продвижения. Одновременно высокая доля торгового персонала требует адаптации HR-стратегии к условиям сменного графика, эмоциональной нагрузки и зависимости результата от клиентского поведения.

Таблица 2. Показатели вовлечённости, мотивации и развития персонала ООО «Бест»

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Индекс вовлечённости eNPS, баллы	70	75	79
Удовлетворённость условиями труда, %	76	78	82
Доля сотрудников с ДМС, %	40	52	60
Средняя бонусная часть, % оклада	28	32	35
Средние часы обучения на сотрудника	14	18	22
Пользователи гибкого графика, %	30	38	48

Источник: составлено по данным управленческой отчётности ООО «Бест» за 2022-2024 гг.

Положительная динамика показателей вовлечённости и удовлетворённости подтверждает, что организация уже использует отдельные элементы стратегического управления персоналом. Расширение ДМС, увеличение бонусной части и рост часов обучения формируют основу для более устойчивой мотивационной модели. Вместе с тем имеющиеся практики остаются недостаточно систематизированными.

Диагностика HR-системы выявила несколько групп проблем. Первая группа связана с планированием: потребность в персонале определяется преимущественно по факту возникновения вакансий, что повышает риск перегрузки действующих работников. Вторая группа относится к подбору и адаптации: критерии оценки кандидатов требуют большей стандартизации, а программа ввода в должность нуждается в закреплении через наставничество и чек-листы. Третья группа связана с обучением и кадровым резервом: рост инвестиций в обучение пока не сопровождается полноценной системой оценки эффективности обучения и преемственности. Четвёртая группа касается мотивации: бонусные выплаты должны быть более прозрачными и связанными не только с продажами, но и с качеством сервиса, дисциплиной, наставничеством и командным результатом.

Таблица 3. Ключевые проблемы HR-системы и стратегические решения

Проблемная зона	Проявление	Стратегическое решение
Планирование персонала	Набор носит преимущественно реактивный характер; сезонные пики создают перегрузки.	Ежегодный план численности, прогноз потребности на 3-6 месяцев, HR-дашборд вакансий.
Подбор и адаптация	Критерии отбора и адаптации недостаточно стандартизированы.	Профили должностей, структурированное интервью, наставник, чек-лист первой недели.
Обучение и развитие	Рост часов обучения не полностью связан с компетенциями и карьерными траекториями.	Матрица компетенций, LMS, Learning Passport, оценка ROI обучения.
Мотивация	Бонусная система требует большей прозрачности и связи с сервисными KPI.	Грейды, прозрачные KPI, командные бонусы, программа признания BEST Rewards.
Кадровый резерв	Покрытие резерва ограничено, внутренние назначения требуют систематизации.	Трёхступенчатый резерв, программа «Буду лидером», наставничество.
HR-администрирование	Ручной учёт и перегрузка кадровой функции снижают стратегическую роль HR.	HRIS, электронный табель, автоматизация расчёта данных, HR-аналитика.

Источник: составлено по результатам анализа HR-процессов ООО «Бест»

Представленные решения целесообразно объединить в целевую модель HR-стратегии. Её ядром должно стать согласование бизнес-целей с кадровыми показателями. Если организация планирует расширение торговой сети и развитие омниканальных продаж, HR-система должна заранее формировать компетенции продавцов-консультантов, администраторов, специалистов по e-commerce и руководителей торговых точек. Следовательно, кадровая стратегия должна опираться не только на текущую численность, но и на прогнозируемые изменения бизнес-модели.

Отдельного внимания требует организационная структура HR-подразделения. Действующая кадровая функция в значительной степени сосредоточена на делопроизводстве и рекрутинге. При росте штата и усложнении HR-задач такая модель ограничивает развитие стратегических практик. Целевая структура должна включать распределение ролей между операционным администрированием, рекрутингом, обучением и развитием, компенсациями, HR-аналитикой и сопровождением руководителей подразделений. При этом часть функций может быть автоматизирована или

передана на аутсорсинг, что позволит высвободить ресурсы для работы с вовлечённостью и кадровым резервом.

Формирование HR-стратегии для ООО «Бест» предлагается осуществлять через четыре направления: развитие системы вознаграждения Total Rewards; создание интегрированной системы обучения и кадрового резерва; внедрение цифровой HR-инфраструктуры; развитие HR-бизнес-партнёрства. Такая модель соответствует логике HR Scorecard, в которой кадровые инициативы должны быть связаны с измеримыми результатами и вкладом в стратегические цели организации [7].

Таблица 4. Целевая модель HR-стратегии ООО «Бест» на 2025-2026 гг.

Направление	Мероприятия	Ключевые KPI к 2026 г.
Total Rewards	Введение грейдов, прозрачных KPI-бонусов, расширение ДМС, программа нематериального признания.	eNPS не ниже 85; выгорание не выше 3%; 90% сотрудников знают диапазон грейда.
Обучение и развитие	LMS 2.0, матрица компетенций, Learning Passport, внутренний тренерский пул.	30 часов обучения на сотрудника; ROI-Learning 150%; охват обучением 80%.
Кадровый резерв	Трёхступенчатый резерв, наставники, программа «Буду лидером», внутренние назначения.	Покрытие резерва 80%; закрытие вакансий из резерва 30%.
HRIS и аналитика	Электронный табель, база компетенций, дашборд текучести, интеграция LMS и HRIS.	Ошибки учёта ниже 2%; сокращение времени закрытия вакансии до 14 дней.
HR-бизнес-партнёрство	HRBP для розницы, консультации линейных руководителей, регулярный анализ HR-метрик.	Снижение текучести до 3-3,5%; рост производительности до 6,8 млн руб./чел.

Источник: разработано на основе анализа кадровой системы ООО «Бест»

Предложенная модель предполагает поэтапную реализацию. На подготовительном этапе необходимы коммуникация изменений, утверждение ответственных лиц, описание профилей должностей, разработка матрицы компетенций и подготовка бюджета. На втором этапе запускаются базовые практики: обновлённая система бонусов, наставничество, обучение по сервисным стандартам, электронный учёт рабочего времени и первый опрос вовлечённости. На третьем этапе проводится расширение LMS, сертификация внутренних тренеров, запуск лидерской программы и интеграция HRIS с обучающей платформой. Завершающий этап предполагает оценку результатов по HR-метрикам и корректировку стратегии.

Экономическая логика мероприятий основана на том, что инвестиции в персонал должны обеспечивать снижение затрат на текучесть, повышение производительности, сокращение ошибок и рост качества обслуживания. Например, снижение времени закрытия вакансии уменьшает потери от незаполненных смен, а повышение доли внутренних назначений сокращает затраты на внешний подбор и ускоряет адаптацию руководителей. Увеличение часов обучения имеет смысл только при привязке к продажам, сервисным оценкам и качеству выполнения стандартов, поэтому обучение должно сопровождаться оценкой результатов.

Таблица 5. Прогнозные эффекты реализации HR-стратегии

Показатель	2024 (факт)	2026 (прогноз)	Изменение
eNPS, баллы	79	85	+6
Добровольная текучесть, %	4,8	3,0	-1,8 п.п.
Производительность труда, млн руб./чел.	6,1	6,8	+0,7
Часы обучения на сотрудника	22	30	+8
Охват обучением, %	63	80	+17 п.п.
Покрытие кадрового резерва, %	50	80	+30 п.п.
Закрытие вакансий из резерва, %	12	30	+18 п.п.
Время закрытия вакансии, дни	21	14	-33 %

Источник: прогноз рассчитан на основе целевых параметров HR-мероприятий ООО «Бест»

Прогнозные значения в таблице 5 имеют управленческий характер и зависят от полноты реализации мероприятий. Наиболее значимым показателем является производительность труда, поскольку он связывает кадровую стратегию с экономическим результатом. Рост производительности с 6,1 до 6,8 млн руб. на одного работника означает повышение отдачи от персонала на 11,5%. Даже если часть роста будет обусловлена внешними рыночными факторами, системная работа с обучением, мотивацией и удержанием способна повысить качество обслуживания и повторные продажи.

Важным ожидаемым эффектом является развитие кадрового резерва. Для розничной организации внутренние назначения имеют двойное значение: они снижают стоимость подбора и обеспечивают перенос корпоративных стандартов в новые подразделения. Наличие подготовленного резерва также уменьшает риск управленческих разрывов при открытии новых торговых точек. В результате HR-стратегия становится не вспомогательной функцией, а условием масштабирования бизнеса.

Риски внедрения связаны с сопротивлением изменениям, ограниченностью бюджета, недостаточной цифровой готовностью линейных руководителей и возможной формализацией обучения без реального влияния на результаты. Для их снижения необходимы регулярные коммуникации, пилотные проекты, обучение руководителей работе с HR-метриками, а также поэтапное внедрение инструментов. Важно не ограничиваться разработкой документов, а обеспечить управленческий цикл: постановка целей, реализация, измерение результата, корректировка.

Научная значимость проведённого исследования заключается в уточнении прикладной модели стратегического управления персоналом для организации розничной торговли среднего масштаба. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной модели при разработке HR-стратегии, планировании бюджета на персонал, построении кадрового резерва и автоматизации HR-процессов. Полученные выводы могут быть применены в компаниях, где кадровая функция находится на переходе от административного к стратегическому уровню.

Заключение

Стратегическое управление персоналом является необходимым условием устойчивого развития организации, поскольку обеспечивает согласование человеческого капитала с долгосрочными бизнес-целями. Для розничной компании это особенно важно: качество персонала влияет на клиентский опыт, продажи, репутацию работодателя и способность к расширению.

Анализ ООО «Бест» показал наличие позитивной динамики по численности, производительности, вовлечённости, обучению и социальным гарантиям. В 2022-2024 гг. численность персонала выросла с 342 до 378 человек, производительность увеличилась с 5,4 до 6,1 млн руб. на одного работника, eNPS достиг 79 баллов, а средние часы обучения на сотрудника увеличились до 22. Эти показатели свидетельствуют о наличии кадрового потенциала для дальнейшего развития.

Одновременно выявлены ограничения: недостаточная формализация HR-стратегии, потребность в системном планировании персонала, необходимость повышения прозрачности мотивации, усиления обучения, развития кадрового резерва и автоматизации HR-процессов. Для устранения данных ограничений предложена модель HR-стратегии на 2025-2026 гг., включающая Total Rewards, LMS и матрицу компетенций, трёхступенчатый кадровый резерв, HRIS и развитие HR-бизнес-партнёрства.

Ожидаемые результаты реализации стратегии выражаются в снижении добровольной текучести до 3%, росте производительности до 6,8 млн руб. на одного работника, повышении eNPS до 85 баллов, увеличении охвата обучением до 80% и расширении покрытия кадрового резерва до 80%. Следовательно, стратегическое управление персоналом в ООО «Бест» должно рассматриваться как комплексная управленческая система, обеспечивающая не только кадровую стабильность, но и экономическую результативность организации.

Библиографический список

1. CIPD. Strategic human resource management: factsheet. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cipd.org/uk/knowledge/factsheets/strategic-hrm-factsheet/.
2. Ulrich D. Human Resource Champions: The Next Agenda for Adding Value and Delivering Results. – Boston: Harvard Business School Press, 1997. – 281 p.
3. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. – 1991. – Vol. 17, № 1. – P. 99-120.
4. Schuler R.S., Jackson S.E. Linking Competitive Strategies with Human Resource Management Practices // Academy of Management Executive. – 1987. – Vol. 1, № 3. – P. 207-219.
5. Huselid M.A. The Impact of Human Resource Management Practices on Turnover, Productivity, and Corporate Financial Performance // Academy of Management Journal. – 1995. – Vol. 38, № 3. – P. 635-672.
6. Armstrong M., Taylor S. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice. – 15th ed. – London: Kogan Page, 2020. – 800 p.
7. Becker B.E., Huselid M.A., Ulrich D. The HR Scorecard: Linking People, Strategy, and Performance. – Boston: Harvard Business School Press, 2001. – 235 p.
8. Пугачев В.П. Управление персоналом организации: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2021. – 402 с.
9. Одегов Ю.Г., Карташова Л.В. Управление персоналом: учебник. – М.: Юрайт, 2020. – 513 с.
10. How retailers can attract and retain frontline talent amid the Great Attrition // McKinsey & Company. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/how-retailers-can-attract-and-retain-frontline-talent-amid-the-great-attrition.

STRATEGIC HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN AN ORGANIZATION

S.D. Demyanko, *Student*
Moscow International University
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article examines strategic human resource management as a long-term system for aligning people management practices with organisational development goals. The need to transform HR from an administrative function into an integrated human capital management system is substantiated. The empirical part is based on the materials of Best LLC, a clothing retail company. The study analyses workforce dynamics, compensation, productivity, learning, engagement and employee structure for 2022-2024. The main problem areas are identified: insufficient formalisation of HR strategy, workload overload of the HR function, limited automation, uneven career opportunities and the need to strengthen the talent pool. A target model of strategic HR management for 2025-2026 is proposed. It includes Total Rewards development, learning management, talent pool formation, HRIS implementation and the expansion of the HR department's role as a business partner. The expected effects include lower turnover, higher labour productivity, stronger employee engagement and improved organisational sustainability.*

Keywords: *strategic human resource management; HR strategy; human capital; talent pool; motivation; HR analytics; retail; Best LLC.*

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ИННОВАЦИОННОЙ ЗРЕЛОСТИ ДЕВЕЛОПЕРСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ

Д.А. Кузнецов, *аспирант*
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-60-64

Аннотация. *Инновационная зрелость девелоперского предприятия рассматривается как степень его способности системно генерировать, воспринимать и внедрять нововведения, обеспечивая устойчивое развитие в условиях изменчивой рыночной среды. Инновационная зрелость девелоперского предприятия становится одним из ключевых факторов его устойчивого развития в условиях высокой конкуренции, технологических изменений и усложнения требований рынка недвижимости. Способность компании своевременно внедрять новые управленческие, проектные и строительные решения определяет не только её экономическую эффективность, но и уровень адаптивности к внешним вызовам. В этой связи особую актуальность приобретает разработка методики диагностики инновационной зрелости, позволяющей объективно оценить текущее состояние предприятия и выявить направления его развития. Использование метода анализа иерархий дает возможность структурировать совокупность факторов, влияющих на инновационную зрелость, и сформировать обоснованную систему приоритетов для принятия управленческих решений.*

Ключевые слова: *девелоперское предприятие; инновационная зрелость; методика диагностики; метод анализа иерархий.*

В теоретическом плане инновационная зрелость объединяет организационные, технологические, управленческие и ресурсные характеристики, отражающие готовность компании к инновационным преобразованиям.

Диагностика уровня инновационного развития выступает в качестве базового этапа разработки и реализации программ цифровой трансформации. Отсутствие верифицированных данных об исходном состоянии объекта исследования исключает возможность корректного определения стратегических приоритетов и объективной оценки динамики происходящих изменений [1].

Цель исследования заключается в изучении методики диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия на основе метода анализа иерархий.

Задачи исследования:

- изучение методики диагностики инновационной зрелости;

- анализ применения методики диагностики инновационной зрелости в рамках осуществления деятельности девелоперского предприятия.

В процессе исследования были использованы теоретические методы анализа литературы, а также практические инструменты, применяемые для диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия.

Результаты исследования

Для девелопмента особенно важны скорость адаптации к требованиям рынка, качество проектного управления, уровень цифровизации процессов, наличие партнерских сетей и способность к интеграции новых строительных, финансовых и управленческих решений. Инновационная зрелость не сводится только к числу внедренных технологий; она показывает, насколько предприятие умеет выстраивать целостную инновационную систему, в которой идеи проходят путь от поиска и оценки до практической реализации и коммерческого эффекта. В этом контексте зрелость выступает как интегральная характеристика, позволяющая сопоставлять предприятия по уровню развития инновационного потенциала и управленческой восприимчивости. Теоретическая основа оценки инновационной зрелости опирается на представление о поэтапном переходе организации от фрагментарных инициатив к формализованным процессам инновационного менеджмента. Для девелопера

такой переход особенно значим, поскольку отрасль требует согласования интересов инвесторов, проектировщиков, подрядчиков, органов власти и конечных потребителей. Следовательно, высокая инновационная зрелость означает не только технологическую оснащенность, но и наличие механизмов стратегического выбора, приоритизации решений и контроля их результативности.

Диагностика инновационной зрелости девелоперского предприятия должна опираться на систему критериев, отражающих не только наличие инноваций, но и способность организации устойчиво создавать, внедрять и тиражировать их в рамках инвестиционно-строительного цикла. В качестве ключевых критериев целесообразно выделять критерии, представленные на рисунке 1.

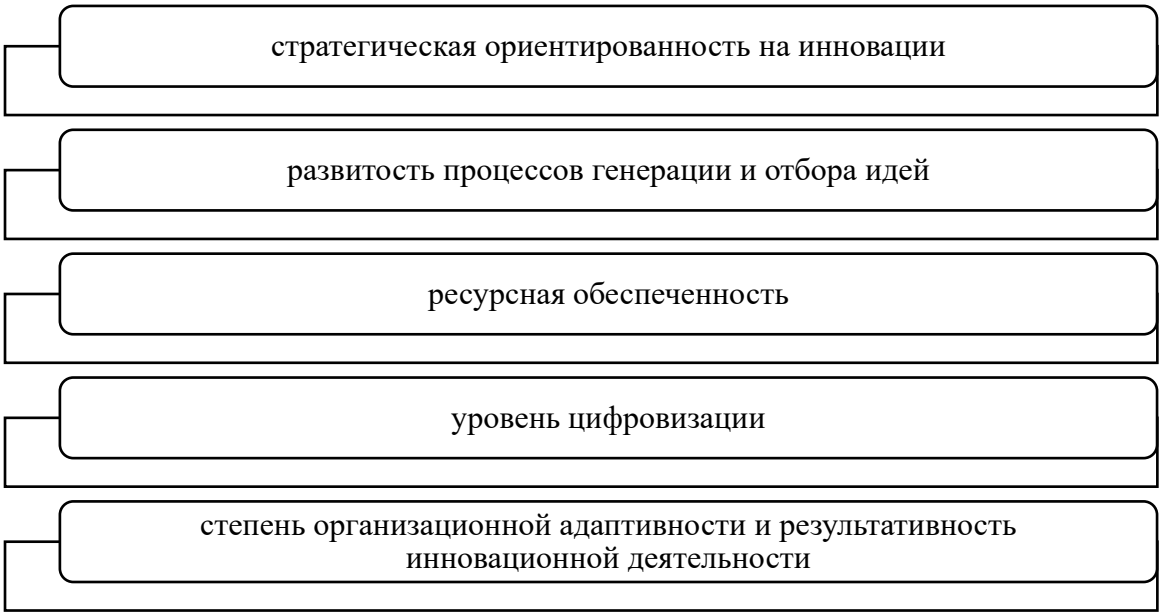

Рис. 1. Критерии диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия

Каждый критерий раскрывается через совокупность измеримых показателей, что позволяет перевести качественные характеристики в сопоставимую оценочную форму.

Для критерия стратегической ориентированности применяются показатели: наличие инновационной стратегии, доля проектов, реализуемых с применением новых технологий, наличие целевых ориентиров по снижению издержек и сроков строительства. Ресурсная обеспеченность оценивается через объем инвестиций в НИОКР и цифровые решения, долю персонала, вовлеченного в инновационные проекты, уровень материально-технической базы. Процессный критерий включает скорость прохождения инновационной идеи от инициирования до внедрения, число внутренних инициатив, долю проектов, прошедших экспертизу и пилотирование. Цифровая зрелость характеризуется уровнем внедрения BIM, ERP, систем управления жизненным циклом объекта и аналитических платформ. Организационная адаптивность измеряется степенью горизонтального взаимодействия подразделений, гибкостью управленческих процедур, готовностью к изменениям. Результативность инноваций отражают экономический эффект, рост производительности, снижение себестоимости, повышение качества объектов и удовлетворенности клиентов. В совокупности эти показатели формируют основу для последующего приоритизирования в методе анализа иерархий.

В общемировой практике для решения подобных задач широко применяются структурированные модели оценки зрелости, в частности:

- CMMI (Capability Maturity Model Integration) – в сфере инженерии программного обеспечения [2];
- Специализированные матрицы цифровой зрелости ведущих консалтинговых агентств (KPMG, Gartner, BCG) [3, 4].

Применение метода анализа иерархий позволяет формализовать оценку инновационной зрелости девелоперского предприятия в

условиях многокритериальности и высокой неопределённости. В рамках диагностики объект исследования рассматривается как иерархическая система, где на верхнем уровне находится цель – определение уровня инновационной зрелости, на втором уровне – укрупнённые критерии, а на нижних – конкретные показатели, отражающие способность компании генерировать, внедрять и тиражировать инновации. К таким критериям могут относиться стратегическая ориентированность на инновации, ресурсная обеспеченность, кадровый потенциал, цифровизация процессов, организационная гибкость и результативность инновационной деятельности.

Метод анализа иерархий предполагает попарное сравнение критериев и показателей с привлечением экспертов, что особенно важно для девелопмента, где часть характеристик носит качественный характер и плохо поддаётся прямому измерению. На основе матриц сравнений рассчитываются весовые коэффициенты, отражающие относительную значимость каждого элемента системы, после чего определяется интегральный индекс инновационной зрелости предприятия. Дополнительно проверяется согласованность экспертных оценок, что повышает достоверность результатов.

Использование данного метода обеспечивает не только количественную оценку текущего состояния, но и выявление «узких мест» в инновационном развитии, позволяя формировать адресные управленческие решения. В частности, предприятие получает возможность определить, какие компоненты зрелости требуют первоочередного усиления: внедрение цифровых технологий, развитие компетенций персонала, совершенствование проектного управления или расширение партнёрских инновационных связей. Таким образом, метод анализа иерархий выступает инструментом комплексной, обоснованной и практически ориентированной диагностики инновационной зрелости девелопера.

Диагностика инновационной зрелости девелоперского предприятия на основе метода анализа иерархий предполагает последовательное прохождение взаимосвязанных этапов, представленных на рисунке 2, обеспечивающих сопоставимость результатов и их практическую применимость.

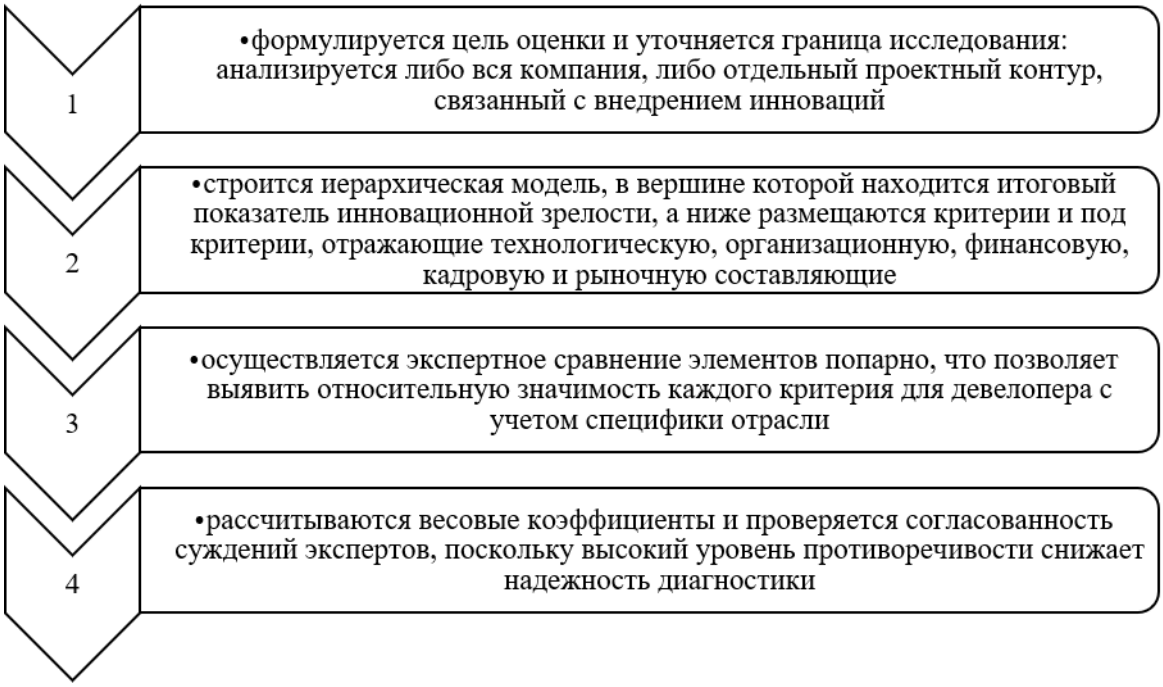

Рис. 2. Этапы диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия

После прохождения данных этапов собираются исходные данные по фактическому состоянию предприятия: применяемым технологиям проектирования и строительства, скорости внедрения цифровых решений, уровню кооперации с подрядчиками, инвестиционной активности и наличию внутренних механизмов поддержки инноваций. Далее производится агрегирование частных оценок и вычисление интегрального индекса инновационной

зрелости. Полученный результат интерпретируется по шкале зрелости, позволяющей отнести девелопера к начальному, развивающемуся, устойчивому или высокоинновационному уровню. Завершающий этап включает выработку управленческих рекомендаций, направленных на устранение выявленных разрывов.

Интерпретация результатов диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия должна основываться на сопоставлении полученных приоритетов критериев с целевым профилем инновационно зрелой организации. Если по результатам метода анализа иерархий наибольший вес имеют показатели, связанные с технологическим обновлением и цифровизацией, но существенно ниже оцениваются управленческие и организационные параметры, это означает наличие «точечной» инновационности без сформированной системы. Напротив, сбалансированные значения по всем группам критериев свидетельствуют о переходе предприятия к устойчивой модели инновационного развития. Особое внимание следует уделять согласованности экспертных оценок: высокий уровень несогласованности указывает на неоднородность представлений о проблемных зонах и требует дополнительной верификации исходных данных. На основе интерпретации результатов формируются направления повышения инновационной зрелости.

Для адаптации методики анализа иерархий (МАИ) к ГК «Элемент» (крупнейший российский производитель микроэлектроники), важно понимать специфику: это высокотехнологичное производство, где инновационная зрелость зависит от R&D, цепочек поставок и кадрового потенциала.

ГК «Элемент» ставит задачу оценить инновационную зрелость. Выделено 3 ключевых фактора:

1. Технологический суверенитет и R&D (разработка новых топологий, освоение техпроцессов).

2. Производственная эффективность (автоматизация линий, снижение процента брака).

3. Кадровый потенциал и компетенции (удержание инженеров-проектировщиков, сотрудничество с вузами).

Для ГК «Элемент» в текущих рыночных условиях (необходимость импортозамещения) эксперты отдают приоритет R&D перед остальными факторами.

Таблица 1. Матрица парных сравнений [5-7]

Критерии	C_1	C_2	C_3
C_1 (R&D)	1	4	3
C_2 (Произв.)	1/4	1	2
C_3 (Кадры)	1/3	1/2	1

Далее необходимо осуществить нормализацию матрицы. Необходимо суммировать элементы и разделить на суммы столбцов. Результат представлен в таблице 2.

Таблица 2. Нормализация матрицы [5-7]

Критерии	C_1	C_2	C_3	Среднее арифметическое
C_1 (R&D)	0,63	0,73	0,50	0,62
C_2 (Произв.)	0,16	0,18	0,33	0,22
C_3 (Кадры)	0,21	0,09	0,18	0,16

Таким образом, результаты показывают, что инновационная зрелость ГК «Элемент» зависит от успехов в области R&D и создания новых продуктов.

Весовые коэффициенты инновационной зрелости ГК «Элемент» отражают следующее:

1. Технологический суверенитет и R&D является драйвером роста.

2. Производственная эффективность – важный поддерживающий фактор.

3. Кадровый потенциал критически важен для реализации.

В связи с этим ГК «Элемент» необходимо сфокусировать инвестиции на создании собственных центров проектирования (дизайн-центров) и ускорении цикла вывода новых микросхем на рынок, так как именно этот фактор имеет максимальный вес в структуре инновационной зрелости предприятия.

Заключение

Интерпретация результатов диагностики инновационной зрелости девелоперского предприятия должна основываться на сопоставлении полученных приоритетов критериев с целевым профилем инновационно зрелой организации. Если по результатам метода анализа иерархий наибольший вес имеют показатели, связанные с технологическим обновлением и цифровизацией, но существенно ниже оцениваются управленческие и организационные параметры, это означает наличие «точечной» инновационности без сформированной системы. Напротив, сбалансированные значения по всем группам критериев свидетельствуют о переходе предприятия к устойчивой модели инновационного развития. Особое внимание следует уделять согласованности экспертных оценок: высокий уровень несогласованности указывает на неоднородность представлений о проблемных зонах и требует дополнительной верификации исходных данных.

Библиографический список

1. Iden J., Eikebrokk T.R. Implementing IT Service Management: A systematic literature review // International Journal of Information Management. – 2013. – Vol. 33, № 3. – P. 512-523.

2. Paulk M.C., Curtis B., Chrissis M.B., Weber C.V. Capability Maturity Model for Software, Version 1.1. – Pittsburgh: Software Engineering Institute, Carnegie Mellon University, 1993. – 82 p.

3. McKinsey & Company. Raising Your Digital Quotient // McKinsey Quarterly. – 2015. – June.

4. Gartner. Digital Business Maturity Model. – Stamford: Gartner, Inc., 2020.

5. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – М.: Стандартинформ, 2015. – 47 с.

6. Iden J., Eikebrokk T.R. Implementing IT Service Management: A systematic literature review // International Journal of Information Management. – 2013. – Vol. 33, № 3. – P. 512-523.

7. Azhar S. Building Information Modeling (BIM): Trends, Benefits, Risks, and Challenges for the AEC Industry // Leadership and Management in Engineering. – 2011. – Vol. 11, № 3. – P. 241-252.

A METHODOLOGY FOR ASSESSING THE INNOVATION MATURITY OF A REAL ESTATE DEVELOPMENT COMPANY BASED ON THE HIERARCHICAL ANALYSIS PROCESS

D.A. Kuznetsov, *Postgraduate Student*
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The innovative maturity of a development company is considered as the degree of its ability to systematically generate, absorb, and implement innovations, ensuring sustainable development in a volatile market environment. A development company's innovative maturity is becoming a key factor in its sustainable development in the face of intense competition, technological change, and increasingly complex real estate market demands. A company's ability to promptly implement new management, design, and construction solutions determines not only its economic efficiency but also its adaptability to external challenges. In this regard, developing a methodology for diagnosing innovative maturity is particularly relevant. This methodology allows for an objective assessment of the current state of the company and the identification of development directions. The use of the Analytical Hierarchy Process (AHP) method makes it possible to structure the set of factors influencing innovative maturity and formulate a sound system of priorities for management decision-making.*

Keywords: *development enterprise; innovative maturity; diagnostic methodology; analytic hierarchy process method.*

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА МОСКВЫ

Н.С. Матвеева, *д-р экон. наук, доцент*
Е.Д. Шухова, *магистрант*
Государственный университет управления
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-65-69

Аннотация. *В статье рассматривается применение цифровых технологий как приоритетное направление повышения результативности государственного контроля и надзора в сфере благоустройства города Москвы. Автор анализирует современные инструменты цифровизации, выделяет преимущества дистанционных методов контроля для развития комфортной городской среды.*

Ключевые слова: *государственный контроль; благоустройство; цифровые технологии; искусственный интеллект; дистанционный мониторинг.*

Обеспечение комфортной и безопасной городской среды является одним из приоритетных направлений развития современного мегаполиса. В последние годы Москва демонстрирует последовательный курс на цифровую трансформацию процессов управления, в том числе в сфере государственного контроля и надзора в сфере благоустройства городских территорий. В то же время благоустройство территории представляет собой деятельность по комплексному развитию городской среды, включающую формирование и содержание объектов озеленения, дорожной инфраструктуры, малых архитектурных форм, наружного освещения и иных элементов, обеспечивающих комфортные и безопасные условия проживания граждан [5].

Традиционные методы проверок, требующие значительных временных и кадровых ресурсов, уступают место современным технологическим решениям, позволяющим осуществлять мониторинг в непрерывном режиме. Такой подход приобретает особую актуальность в свете реформы контрольной (надзорной) деятельности, где профилактика и предотвращение нарушений становятся основой работы контролирующих органов [10].

Целью настоящего исследования является выявление и обоснование возможностей применения цифровых технологий для повышения оперативности и результативности государственного контроля и надзора в сфере благоустройства города Москвы.

Результаты исследования

Для целей настоящего исследования определимся с ключевыми понятиями.

Под государственным контролем (надзором) понимается деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами, посредством организации и проведения проверок, мониторинга, а также принятия мер реагирования [10].

Результативность государственного контроля представляет собой степень достижения поставленных целей контрольной деятельности, выраженную в способности контролирующего органа своевременно выявлять, пресекать и предупреждать нарушения обязательных требований с минимальными затратами ресурсов. Ключевыми индикаторами результативности выступают: доля выявленных нарушений от общего числа фактически существующих (полнота охвата), скорость реагирования на нарушение (оперативность), доля устраненных нарушений и снижение уровня повторных нарушений (устойчивость результата) [10].

Методы контроля представляют собой совокупность способов и приемов, с помощью которых уполномоченные органы осуществляют сбор, анализ и оценку информации о соблюдении обязательных требований. В теории государственного управления и в

правоприменительной практике выделяются следующие основные методы контроля: документарный (изучение предоставленных субъектом документов), выездной (непосредственное обследование объекта инспектором), дистанционный (сбор данных с использованием технических средств без прямого контакта с объектом), а также смешанные формы, сочетающие указанные подходы.

Внедрение цифровых технологий позволяет принципиально изменить содержание и результативность каждого из этих методов: документарный контроль автоматизируется за счет электронного документооборота, выездной контроль дополняется возможностью предварительного дистанционного анализа объекта, а дистанционный контроль становится основным способом выявления нарушений в режиме реального времени.

Особый статус Москвы как столицы Российской Федерации создает правовую основу для применения экспериментальных режимов контроля, включая использование цифровых технологий дистанционного мониторинга. Так, согласно статье 14 Закона Российской Федерации от 15.04.1993 № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» в целях совершенствования контрольной (надзорной) деятельности и порядка выявления нарушений обязательных требований с 1 января 2026 года по 31 декабря 2028 года в городе Москве проводится эксперимент, в рамках которого при осуществлении видов регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля органы исполнительной власти города Москвы могут применять технические и программные средства, имеющие функции фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, обнаружения, распознавания, анализа и идентификации объектов, измерения количественных и качественных показателей, в том числе взвешивания, а также государственные информационные системы. Одновременно это требует обеспечения интеграции региональных информационных систем с федеральными платформами и четкого разграничения полномочий при контроле объектов различной формы собственности.

Цифровые технологии в контексте государственного управления представляют собой совокупность инструментов сбора, обработки, хранения и передачи данных с использованием электронных устройств и программного обеспечения, включая технологии искусственного интеллекта, машинного обучения, видеоаналитики и геоинформационных систем, которые позволяют автоматизировать управленческие процессы и принимать обоснованные решения на основе объективных данных.

Цифровая трансформация контрольной деятельности в Москве представляет собой комплексный процесс, охватывающий все этапы надзорной работы – от сбора данных до принятия управленческих решений. Ключевым элементом этой системы является переход от реагирования на уже произошедшие нарушения к проактивному надзору, позволяющему выявлять потенциальные проблемы на ранних стадиях, что напрямую повышает результативность контрольных мероприятий.

В качестве объекта исследовании выбрано Объединение административно-технических инспекций города Москвы (ОАТИ). Выбор данного органа обусловлен рядом факторов:

Во-первых, ОАТИ является ключевым контролирующим органом в сфере благоустройства столицы, осуществляющим надзор за содержанием более 400 тысяч объектов городского хозяйства [6].

Во-вторых, ОАТИ выступает одним из лидеров цифровой трансформации среди контрольно-надзорных органов Москвы: именно здесь внедрены и активно применяются мобильные комплексы нейросети, дистанционный мониторинг с использованием городских камер и беспилотников, а также VR-тренажеры для обучения инспекторов [4].

В-третьих, практика ОАТИ демонстрирует измеримые результаты внедрения цифровых технологий, что позволяет провести объективный анализ их влияния на оперативность и результативность контроля, а также оценить перспективы масштабирования данного опыта на другие регионы [6].

Цифровые технологии оказывают прямое влияние на трансформацию методов контроля, применяемых ОАТИ. Традиционный выездной метод, при котором инспектор физически посещает объект, дополняется и в ряде случаев заменяется дистанционным методом, то есть применением камер видеонаблюдения и беспилотных летательных аппаратов, что позволяет получить актуальную информацию о состоянии объекта без выезда. Документарный

метод в последнее время также претерпел изменения: осуществлен переход на электронные реестры и системы автоматического документооборота, что позволило проверять соблюдение нормативных требований в автоматическом режиме.

Таким образом, цифровизация не просто дополняет существующие методы контроля и надзора, а позволяет сформировать новый, непрерывный автоматизированный мониторинг, в рамках которого сбор и первичная обработка информации осуществляются техническими средствами без участия инспектора, при этом человеческий фактор задействуется преимущественно на этапе принятия решений.

Основой цифрового контроля в сфере благоустройства в городе Москве выступает многоуровневая система сбора и обработки информации, в ее состав входят более 200 тысяч городских камер видеонаблюдения, данные с беспилотных летательных аппаратов, мобильные комплексы фиксации нарушений, установленные на служебном транспорте инспекторов, а также информация от пользователей городских приложений «Наш город» и «Помощник Москвы» [4].

Значительную роль во внедрении этих инструментов имеет ОАТИ, которое контролирует более 400 тысяч объектов городского хозяйства [6].

В рамках деятельности ОАТИ активно применяется дистанционный мониторинг [4]. Более 180 тысяч сообщений о нарушениях в содержании города поступило в 2024 году через портал «Наш город» [6]. Цифровую экосистему контроля формируют планшеты инспекторского состава ОАТИ, мобильные комплексы на служебных автомобилях и городские камеры видеонаблюдения, оснащённые нейросетями [6]. Электромобили ОАТИ с мобильным комплексом нейросети (КИНС) ежедневно выявляют девять типов нарушений, включая грязные опоры освещения, стертую разметку, повреждения бордюров и граффити [4].

Значимым шагом в применении цифровых технологий стало внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного зрения. Нейросети анализируют изменения застройки и ландшафта, сопоставляют их с кадастровыми картами и выявляют потенциальные нарушения правил благоустройства и землепользования. Одним из примеров является использование ОАТИ искусственного интеллекта для контроля мест производства земляных работ, что позволяет перейти от традиционных проверок к модели «невидимого контроля». Инспекторы ОАТИ также проходят обучение на VR-тренажерах, отрабатывая навыки поиска и фиксации нарушений в различных сезонных условиях [4].

Значительную роль в системе контроля играют государственные информационные системы. Постановлением Правительства Москвы от 10 декабря 2024 года утверждено Положение о формировании и контроле выполнения планов работ по благоустройству, которое предписывает использование подсистемы АИС «Цифровой двойник». Это позволяет интегрировать планы благоустройства в единый информационный ресурс, обеспечивающий цифровое мастер-планирование территории города [8]. ОАТИ также активно развивает электронные услуги на портале mos.ru, включая оформление ордеров на земляные работы и уведомлений о проведении аварийно-восстановительных работ, что повышает прозрачность и скорость передачи информации [2].

Важнейшим этапом институционализации цифрового контроля стало принятие на федеральном уровне законов, разрешающих использование автоматических систем и искусственного интеллекта для фиксации нарушений в сфере благоустройства [3, 9]. С 1 января 2026 года по 31 декабря 2028 года в Москве проводится специальный эксперимент, в рамках которого отклонения от нормативных требований в сфере благоустройства, полученные с помощью технических и программных средств (включая дроны, нейросети и системы распознавания), становятся основанием для привлечения к административной ответственности. Законодательные изменения охватывают более 40 видов нарушений, включая несанкционированные свалки, повреждение зеленых насаждений и нарушения правил проведения земляных работ. Это означает, что протокол об административном правонарушении может составляться без обязательного присутствия сотрудника в автоматическом режиме, на основании данных, зафиксированных дистанционно.

Заключение

В итоге проведенного исследования, направленного на обоснование возможностей применения цифровых технологий для повышения оперативности и результативности государственного контроля и надзора, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Применение цифровых технологий в государственном контроле и надзоре сферы благоустройства позволяет перейти к модели постоянного, а не выборочного мониторинга городской среды, что способствует своевременному выявлению и устранению нарушений. Как показал анализ практики работы ОАТИ оперативность фиксации нарушений возрастает за счет использования автоматических средств распознавания и передачи данных в режиме реального времени. При этом результативность контроля повышается за счет увеличения масштабов охвата территорий (постоянный мониторинг вместо выборочных проверок) и снижения числа повторных нарушений, поскольку оперативное реагирование позволяет устранять недостатки до их перерастания в системные проблемы.

2. Цифровизация контрольной деятельности приводит к минимизации выездных проверок бизнеса и повышению прозрачности взаимодействия с контролирующими органами. Сокращение сроков оказания услуг и внедрение электронных сервисов подтверждают, что цифровые решения одновременно повышают оперативность и сохраняют необходимый уровень контроля.

3. Открытые цифровые платформы и сервисы для граждан, такие как «Наш город», вовлекают жителей в процесс управления городом, формируя обратную связь.

4. Вместе с тем, существует необходимость дальнейшего развития нормативно-правовой базы, сертификации технических средств и подготовки профильных кадров. Эксперты отмечают, что широкое внедрение роботизированных и беспилотных систем требует формирования отечественной технологической базы и соответствующей инфраструктуры.

Таким образом можно сделать вывод, что внедрение цифровых технологий в сферу благоустройства является ключевым фактором устойчивого развития и повышения качества жизни в городе Москве. Опыт ОАТИ в данной сфере и представляет значительный интерес для других регионов России и может служить основой для масштабирования успешных практик.

Библиографический список

1. Аналитики выделили пять ключевых мировых инноваций, применяемых в Москве // Рамблер/новости. – 2025. – 27 сентября. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/moscow_city/55364108-analitiki-vydelili-pyat-klyuchevyh-mirovyh-innovatsiy-primenyaemyh-v-moskve/.

2. В Москве станет еще проще подать уведомление о проведении работ по благоустройству // Официальный сайт Мэра Москвы. – 2024. – 29 февраля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mos.ru/news/item/135840073/.

3. ГД приняла законы об использовании ИИ для выявления нарушений в благоустройстве // Агентство городских новостей. – 2025. – 16 декабря. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mskagency.ru/materials/3528125.

4. Демо-день «Контроль Москвы»: инновации в городском управлении // Агентство общественных проектов. – 2025. – 11 сентября. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aopmos.ru/news/tpost/fjhjersl31-demo-den-kontrol-moskvi-innovatsii-v-gor.

5. Закон города Москвы от 30.04.2014 № 18 «О благоустройстве в городе Москве» (ред. от 25.02.2026) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2014. – № 29 (том 2). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/shlagbaum_moskva/.

6. ОАТИ рассказало о муниципальном контроле в сфере благоустройства в Москве // Лента новостей Москвы. – 2025. – 18 февраля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msk-news.net/society/2025/02/18/619307.html.

7. Официальный сайт Московской городской Думы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://duma.mos.ru/.

8. Постановление Правительства Москвы от 10.12.2024 № 2849-ПП «Об утверждении Положения о формировании, согласовании, утверждении и контроле выполнения планов работ по благоустройству в городе Москве и внесении изменений в правовые акты города Москвы» // Вестник Москвы. – 2024. – № 70. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/411124118/.

9. СФ принял закон о применении ИИ для выявления нарушений в благоустройстве Москвы // Говорит Москва. – 2025. – 19 декабря. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://govoritmoskva.ru/news/476838/.

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5007.

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN STATE CONTROL AND SUPERVISION OF URBAN ENVIRONMENT IMPROVEMENT IN MOSCOW

N.S. Matveeva, *Doctor of Economic Sciences, Associate Professor*
E.D. Shukhova, *Graduate Student*
State University of Management
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article considers the use of digital technologies as a priority area for improving the effectiveness of state control and supervision in the field of urban improvement in Moscow. The author analyzes modern digitalization tools and highlights the advantages of remote control methods for the development of a comfortable urban environment.*

Keywords: *state control; improvement; digital technologies; artificial intelligence; remote monitoring.*

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СЫРЬЕВЫХ ПРОБЛЕМ

М.С. Переход, *студент*
В.П. Самарин, *канд. техн. наук, доцент*
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-70-75

Аннотация. *В данной работе рассматриваются территориально-производственные комплексы, которые играют ключевую роль в развитии регионов и разумном освоении природных ресурсов. Их структурированный подход способствует повышению производительности, снижению негативного воздействия на окружающую среду и созданию рабочих мест. Интеграция современных цифровых решений оптимизирует управление и повышает общую эффективность. При этом фокус на устойчивое развитие позволяет гармонично сочетать экономические цели с экологической ответственностью. Вовлечение в глобальные производственные цепочки открывает новые перспективы для роста и укрепления рыночных позиций. Комплексное развитие таких образований, основанное на стратегическом планировании, поддержке государства и привлечении частного капитала, формирует прочную основу для обеспечения страны ресурсами и гарантирует стабильный экономический прогресс на долгие годы.*

Ключевые слова: *территориально-промышленный комплекс; природные ресурсы; сырьевые проблемы; современная концепция; производственные циклы.*

В настоящее время, в условиях рыночных преобразований, возникает ряд проблем, связанных с освоением сырьевых ресурсов, которые существенным образом сказываются на экономике государства [1, 2]. В связи с этим очень важным направлением развития является повышение эффективности и рациональности использования природных ресурсов для удовлетворения растущих потребностей экономики страны.

Для решения сырьевых проблем может быть использовано формирование новых, а также развитее существующих территориально-промышленных комплексов. Этот подход хорошо зарекомендовал себя в 60-х – 90-х годах 20-го века, и в настоящее время может быть применен для повышения эффективности освоения ресурсов [3]. Формирование и развитие ТПК способствует взаимодействию промышленных отраслей, строительства и транспортной системы, сохранению и развитию традиционных отраслей деятельности местного населения, сохранению и поддержанию окружающей среды, дает возможность для развития социальной сферы в интересах общества. Территориально-производственные комплексы обеспечивают комплексное функционирование производственной и социальной инфраструктур, способствуют экономии материальных, трудовых ресурсов, уменьшению транспортных расходов и снижению стоимости строительства, повышают эффективность оборачиваемости оборотных средств регионов [4].

Территориально-промышленный комплекс (ТПК) – это экономически обусловленное сочетание предприятий в одной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет правильного подбора предприятий в соответствии с экономическими условиями района, его транспортным и экономико-географическим положением [5].

К основным чертам ТПК относятся:

– единство и компактность территории и общая инфраструктура;

– экономическая взаимосвязанность и обусловленность предприятий, входящих в состав комплекса;

– соответствие набора предприятий природным экономико-географическим и транспортным условиям района;

– решение комплексом одной или нескольких общерегиональных или общегосударственных задач.

Концепция ТПК начала формироваться в СССР в середине XX века, ее основоположниками считаются И.Н. Колосовский, П.М.Алампиев, Ю.Г. Саушкин. Термин «территориально-промышленный комплекс» впервые был введен в научный оборот в 1940-е гг. экономическим географом Н.Н. Колосовским. В последствие аббревиатуру ТПК стали расшифровывать как «территориально-производственный комплекс» в связи с тем, что в ТПК могут включаться предприятия не только промышленных отраслей, но также строительства, сельского хозяйства, а также инфраструктурные объекты, способствующие их эффективной работе.

Эта концепция получила широкое распространение в экономических районах СССР, формированию ТПК уделялось большое внимание, в том числе как одному из направлений совершенствования размещения производительных сил [3]. Уже в 1950-1960-е годы началось формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, Иркутско-Черемховского, Братско-Усть-Илимского, Иркутского, Саянского, Норильского ТПК, а также в азиатской части СССР были сформированы различные комплексы, например Канско-Ачинский, Красноярский, Южно-Якутский ТПК и другие. В середине 1970-х годов началось строительство Байкало-Амурской магистрали, там также планировалось образование мощного территориально-промышленного комплекса.

В 1970-е годы была предложена концепция формирования ТПК по специальному плану, а начиная с 1981 года в государственных планах экономического и социального развития страны программно-целевым ТПК отводилось особое место, они получали целевое, адресное финансирование.

Современная концепция территориально-производственных комплексов предполагает, что это совокупность предприятий отраслей специализации, которые развиваются на основе природных и трудовых ресурсов определённых экономических районов страны и имеют единую социальную и производственную инфраструктуры, а также общую энергетическую и строительную базу. ТПК в условиях рыночной экономики – это новая форма территориальной организации хозяйства, которая способствует наиболее рациональному размещению производительных сил, способствующих вовлечению в хозяйственный оборот ценных природных ресурсов, и как правило, в новых осваиваемых районах [3, 5].

Внутренняя структура ТПК состоит из следующих элементов:

– ядро – основная отрасль специализации (под отраслями специализации ТПК понимают отрасли, ориентированные на внешний спрос, они характеризуют место ТПК в территориальном разделении труда, состав и структура специализации, масштабы их развития и основные направления производственных связей обуславливаются именно эффективностью природных и экономических ресурсов исследуемой территории);

– взаимодействующие отрасли;

– вспомогательные и обслуживающие отрасли: транспортная, энергетическая и другие.

Также для формирования территориально-промышленных комплексов необходимо наличия таких компонентов, как: природная среда (ресурсы, на которых основана работа ТПК) и население (основные потребители ресурсов).

Организацию ТПК можно представить как многоуровневую структуру:

– элементарный технико-экономический комплекс – самый низкий уровень, представляющий собой устойчивое сочетание взаимосвязанных предприятий разных отраслей производства;

– территориальный производственный комплекс – компактное сочетание взаимосвязанных элементарных комплексов;

– районный народнохозяйственный комплекс. Компактное сочетание сложных и не входящих в них (обособленных) элементарных комплексов.

Выделяются различные виды производственных комплексов в зависимости от отраслевой принадлежности [3, 6]:

- аграрно-промышленный комплекс;
- военно-промышленный комплекс;
- топливно-энергетический;
- строительно-производственный;
- машиностроительный и другие.

По функциональным критериям выделяют:

- инвестиционный;
- имущественный;
- инновационный;
- научно-производственный комплексы.

По масштабу выделяются следующие виды комплексов:

- региональные – народнохозяйственные: совокупность отраслей (видов экономической деятельности) народного хозяйства, связанных между собой экономическими отношениями,

- локальные – промышленные узлы, центры и т.д.

На данный момент Россия обладает 12% мировых разведанных запасов нефти, 34% природного газа, около 25% – угля и добывает более 16% мировой добычи углеводородов, являясь лидером по этому показателю. В то же время сложившаяся структура экономики и ее сырьевого экспорта обуславливает высокую зависимость России от мировых рынков сырья [1, 7].

К основным проблемам сырьевого комплекса относят нижеперечисленные направления:

1. Проблема исчерпания поискового задела – перспективных месторождений для добычи полезных ископаемых. Данная проблема возникает в связи с недостаточным объемом научных исследований и геологоразведочных работ (в основном по причине малого финансирования).

2. Проблема неосваиваемых запасов сырья. Она заключается в том, что некоторые объекты, в разработку которых в свое время были вложены финансы, не являются конкурентоспособными в условиях рыночной экономики. Это может быть связано, как с низким качеством сырья, так и с неблагоприятным географическим положением объектов. Проблема добычи сырья в регионах осложняется обширностью территорий, высокой степень ее неосвоенности, сложностью и многообразием природно-климатических условий, а также демографической ситуацией [8].

3. Проблема неэффективного (с точки зрения государства) использования запасов сырья. Многие компании эксплуатируют, прежде всего, крупные объекты, на которых себестоимость добычи минимальна, что позволяет получать максимальную прибыль. При этом объекты с небольшим сырьевым запасом или расположенные в удаленных, слабо освоенных регионах остаются неосвоенными, поскольку их промышленное освоение требует огромных затрат.

4. Проблема значительных потерь полезных компонентов на стадиях добычи и переработки. Эта проблема возникает из-за недостаточной глубины переработки сырья, а также низкой распространенности его вторичного использования. Кроме того, это оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду.

5. Проблема низкой конкурентоспособности сырьевого комплекса России, которая является результатом вышеперечисленных проблем.

Основой формирования территориально-промышленных комплексов являются природные особенности осваиваемой территории: ее природно-ресурсный потенциал, геоэкологическая обстановка и др. Именно они определяют состав и структуру специализации ТПК, масштабы их развития и основные направления производственных связей [3].

Количество, качество и сочетание ресурсов определяют природно-ресурсный потенциал территории (совокупность природных ресурсов территории, которые могут быть использованы в хозяйстве), который является важным фактором размещения населения и хозяйственной деятельности. Среди природных ресурсов, которые могут быть использованы в качестве основы для ТПК, выделяют: минеральные, топливно-энергетические, земельные, водные, лесные и агроклиматические ресурсы. От типа и объемов ресурсов на конкретной территории зависит сырьевая база территориально-промышленного комплекса и его конкурентоспособность.

В основе организации ТПК лежит комбинированное использование природных ресурсов, благодаря которому эти образования могут способствовать решению сырьевых проблем [9].

К особенностям территориально-промышленных комплексов, которые способствуют эффективному использованию ресурсов, относятся [10]:

- географическая группировка предприятий в родственные технологические сочетания в пределах территории промышленной зоны;

- расположение промышленных предприятий с учетом направлений движения сырья, отходов и побочных продуктов производства;

- технологическое комбинирование производственных процессов (энергетическое, сырьевое и др.);

- экономическое сочетание производств путем взаимного дополнения продуктов производства;

- организация общих энергетических, транспортных, сортировочных и распределительных станций;

- создание общей для всех производств инфраструктуры.

В рамках ТПК происходит объединение в единую структуру нескольких перерабатывающих предприятий. Особенности комбинированной структуры ТПК могут способствовать решению существующих на данный момент сырьевых проблем [9]:

1. В связи с тем, что ТПК представляет собой не только промышленные организации, но и включает в себя другие структуры, они могут осуществлять научно-поисковую деятельность с целью доразведки месторождений полезных ископаемых для воспроизводства запасов минерального сырья. Это будет способствовать решению проблемы исчерпания научного задела.

2. Проблемы неосваиваемых запасов сырья и неэффективного использования с точки зрения государства также могут быть решены с помощью создания новых и развития существующих территориально-промышленных комплексов. Комплексная структура ТПК и комбинированное использование ресурсов, с одной стороны, позволяет вовлекать в разработку объекты с небольшим запасом сырья, которые расположены на территории организации ТПК. С другой стороны, при образовании таких комплексов происходит развитие инфраструктуры региона, в том числе логистической сети, что снижает транспортные расходы и трудозатраты. Это позволяет реализовывать запасы сырья, которые были ранее недоступны в связи с их отдаленным расположением.

3. Географическая группировка предприятий и их правильная организация с точки зрения добычи и распределения сырья позволяет оптимизировать использование сырьевых ресурсов, решая проблему их потерь на этапе добычи и перераспределения. В пределах ТПК на основе интеграции производств создаются замкнутые технологические цепочки производства, что дает возможность использовать отходы одного производства в качестве исходного сырья для другого. При этом минимизируются потери сырья, материалов и энергии. Такой подход обеспечивает максимально возможную степень извлечения ценных компонентов при освоении и их переработке ресурсов, утилизацию отходов и полноту использования сырья.

Все эти моменты способствуют росту эффективности производства, комплексному использованию местных резервов, снижению негативного воздействия на окружающую среду и развитию объектов региональной инфраструктуры, что, в конечном счете, повышает конкурентоспособность этих ТПК и промышленного комплекса России в целом на мировом рынке.

Кроме того, в ходе объединения отдельных предприятий в территориально-промышленные комплексы появляется возможность повысить качество управления, снизить налоговую нагрузку, диверсифицировать производство, использовать избыточные ресурсы и др.

Современное общество привыкло думать о территориально-промышленных комплексах как о гигантах, потребляющих огромное количество ресурсов. Но что, если взглянуть на них под другим углом? Что, если ТПК может стать не просто потребителем, а инновационным двигателем в решении сырьевых проблем? Давайте попробуем представить себе такой нетрадиционный подход.

Вместо «добыть и использовать» – «переосмыслить и воссоздать».

Основная сырьевая проблема сегодня – это истощение невозобновляемых ресурсов и растущая нагрузка на окружающую среду. Традиционный подход ТПК – это добыча, переработка и, зачастую, утилизация. Наш нетрадиционный подход предлагает сместить фокус на замкнутые циклы и максимальное использование всего, что уже есть.

Ключевые идеи нетрадиционного подхода, как новые решения сырьевых проблем. Представим некоторые направления в современности.

«Город-фабрика» как центр рециклинга и апсайклинга. Переосмысление отходов включает в себя следующие параметры. Вместо того, чтобы рассматривать отходы производства и потребления как мусор, ТПК может стать центром их глубокой переработки. Это

не просто вторичная переработка, а интеллектуальный рециклинг, где из отходов извлекаются ценные компоненты для создания новых материалов и продуктов.

Апсайклинг на новом уровне это инновация в современности. Представьте, что даже текстильные отходы – все это становится сырьем для 3D-печати новых компонентов, создания инновационных строительных материалов или даже произведений искусства. ТПК может стать площадкой для развития «креативной экономики», где отходы превращаются в ценность.

Биорегенеративные технологии новое решение современного мира. Использование микроорганизмов для разложения сложных отходов, получения биопластиков или даже синтеза редких металлов из промышленных стоков – это комплексное решение в условиях интеграции отходов.

«Цифровой двойник» сырьевых потоков, как один из нестандартных направлений в сырьевом потоке.

Полная прозрачность и оптимизация ключевая суть данного решения. Создание детальной цифровой модели всех сырьевых потоков внутри ТПК. Это позволит отслеживать каждый грамм материала, выявлять узкие места, прогнозировать потребности и находить возможности для повторного использования.

Предиктивная аналитика для сырья, как одна из составляющих искусственного интеллекта в цепи прогнозирования дефицита определенных ресурсов и разработки стратегий их замещения или получения из альтернативных источников.

Платформа для обмена ресурсами включает нетрадиционный подход в создании цифровой платформы, где предприятия внутри ТПК могут обмениваться излишками сырья, побочными продуктами или даже услугами по переработке. Это позволит минимизировать потери и повысить эффективность использования ресурсов.

«Эко-индустриальные парки» нового поколения содержит синергию и взаимозависимость при этом направлении отходы одного предприятия становятся сырьем для другого. Это не просто соседство, а целенаправленная интеграция производственных процессов с учетом сырьевой взаимозависимости.

Инновационные кластеры, как нестандартное решение при создании специализированных кластеров внутри ТПК, ориентированных на разработку и внедрение новых технологий переработки, получения альтернативных материалов и биорегенерации.

Энергетическая и водная самодостаточность, как максимальное использование возобновляемых источников энергии и замкнутых циклов водопользования внутри ТПК, что снижает зависимость от внешних сырьевых поставок.

«Человеческий капитал» как главный ресурс переквалификации и новых профессий. Вместо того, чтобы рассматривать автоматизацию как угрозу рабочим местам, ТПК может стать центром переквалификации кадров для новых этапов в современности.

Территориально-промышленные комплексы, как концепция, остаются актуальным и перспективным инструментом для решения сырьевых проблем в современном мире. Их способность обеспечивать эффективное использование ресурсов, снижать экологическую нагрузку и стимулировать региональное развитие делает их привлекательными для государств и бизнеса.

Однако для успешной реализации потенциала ТПК в XXI веке необходимо учитывать современные вызовы: активно внедрять цифровые технологии, уделять пристальное внимание вопросам устойчивого развития и диверсификации, а также стремиться к интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Грамотное планирование, государственная поддержка и частные инвестиции могут превратить ТПК в мощный драйвер экономического роста и обеспечения сырьевой безопасности в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Примакова Д.М. Проблема сырьевой структуры российской экономики / Д.М. Примакова // Экономика и социум. – 2012. – № 3. – С. 337-339.

2. Орлов В.П. Развитие минерально-сырьевой базы России на государственный уровень: учебное пособие. – Москва: МГЮА, 2014. – 283 с.

3. Лаженцев В.Н. Территориально-производственные комплексы (ТПК): из прошлого в будущее / В.Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УРО РАН. – 2014. – № 19. – С. 136-143.

4. Аврамчикова Н.Т. Проблемы пространственного развития регионов сырьевой направленности и пути их решения / Н.Т. Аврамчикова, В.Ф. Лукиных // Региональная экономика: теория и практика. – 2008.– № 19. – С. 25-34.

5. Очур Ю.С. Территориально-производственные комплексы: история и развитие: учебное пособие. – Казань : КГУ, 2021. – 142 с.

6. Соколов А.В. Производственные комплексы в экономике России / А.В. Соколов // Экономические науки. – 2010. – № 11. – С. 19-22.

7. Киселева Н.Н. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производства: эволюция и перспективы развития / Н.Н. Киселева // РЭиУ. – 2016. – № 4. – С. 150-160.

8. Карпович О.Г. Место и роль территориально-производственных комплексов в экономике региона / О.Г. Карпович // π-Economy. – 2009. – № 71. – С. 118-121.

9. Лаженцев В.Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития: учебное пособие. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2021. – 150 с.

10. Бобович Б.Б. Переработка промышленных отходов: учебник для вузов. – Москва: СП Интермет Инжиниринг, 1999. – 445 с.

TERRITORIAL AND INDUSTRIAL COMPLEX AS A WAY TO SOLVE RAW MATERIALS PROBLEMS

M.S. Perekhod, *Student*
V.P. Samarin, *Candidate of Technical Sciences, Associate Professor*
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *This paper examines territorial production complexes that play a key role in the development of regions and the rational development of natural resources. Their structured approach contributes to increased productivity, reduced environmental impact, and job creation. The integration of modern digital solutions optimizes management and enhances overall efficiency. Additionally, the focus on sustainable development allows for a harmonious balance between economic goals and environmental responsibility. By engaging in global production chains, these complexes open up new opportunities for growth and strengthening market positions. The comprehensive development of such entities, based on strategic planning, government support, and private capital investment, forms a solid foundation for the country's resource provision and ensures sustainable economic progress for years to come.*

Keywords: *territorial-industrial complex; natural resources; raw materials; modern concept; and production cycles.*

МИРОВОЙ ОПЫТ ИННОВАЦИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

П.А. Письменный, *ассистент*
Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, г. Ставрополь)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-76-81

Аннотация. *В статье рассматривается мировой опыт инновация в сельском хозяйстве. В ходе исследования анализируется глобальный опыт внедрения технологических инноваций в агропромышленном комплексе, направленных на повышение продуктивности, устойчивости и экологичности производства. Рассматриваются такие ключевые направления, как точное земледелие, вертикальные фермы и гидропоника, агроробототика, а также биотехнологии. Цель выполненного исследования – проанализировать результативность и целесообразность инноваций, выявить экономические последствия ограничений поставок через пролив и спрогнозировать возможные преобразования в мировой экономике в связи с данными обстоятельствами.*

Ключевые слова: *мировая торговля; энергетическая безопасность; рецессия; внешняя торговля.*

Сельское хозяйство является ключевым направлением продовольственной политики любого государства. На современном этапе перед данным направлением стоит несколько вызовов: прокормить население отдельного государства и всего мира, сократить вред климату и адаптироваться к дефициту ресурсов. Мировой опыт интегрирования современных технологий включает в себя применение точного земледелия, роботизацию и биотехнологии.

Для большинства развитых стран, в особенности для США, характерно активное развитие в последнем десятилетии особого вида предпринимательства, которое специализируется на научно-инновационной деятельности. Реализация потребностей в предпринимательской деятельности ученых, инженеров, изобретателей в сфере производства, освоения, коммерциализации новых научно-технических идей сформировались в условиях, прежде всего, сферы малого бизнеса, явившегося главным носителем «инновационного предпринимательства». Множество малых инновационных предприятий стали дополнять деятельность традиционных научно-исследовательских и конструкторских комплексов промышленных корпораций, университетов, бесприбыльных организаций, государственных лабораторий, различных целевых (временных) структур. Не располагая таким же уровнем ресурсного обеспечения, как эти предприятия, малые предприятия, действующие в научно-инновационной сфере, находятся в выигрышном положении в части возможностей максимального раскрепощения творческого потенциала и инициативы научно-технических работников.

Стратегия точного земледелия активно используется в США и Израиле. Сущность данного направления заключается в управлении продуктивностью сельскохозяйственных культур с учетом неоднородности поля. В ходе посевов каждый квадратный метр поля получает точно отмеренное количество удобрений, воды и средств защиты, необходимое в данный период сезона. В ходе посевов используются следующие инструменты:

1. GPS/ГЛОНАСС – позволяет направлять технику с максимальной точностью.

2. Карты полей – проводится анализ почвы и вегетации (NDVI) со спутников и дронов.

3. Переменные нормы – автоматическое изменение дозировки материалов по ходу движения сельскохозяйственной техники или погодных факторов [4].

Применяемые технологии во многом способствуют стабильной урожайности во многих сельскохозяйственных культурах. Урожайность основных культур США представлена на рисунке 1.

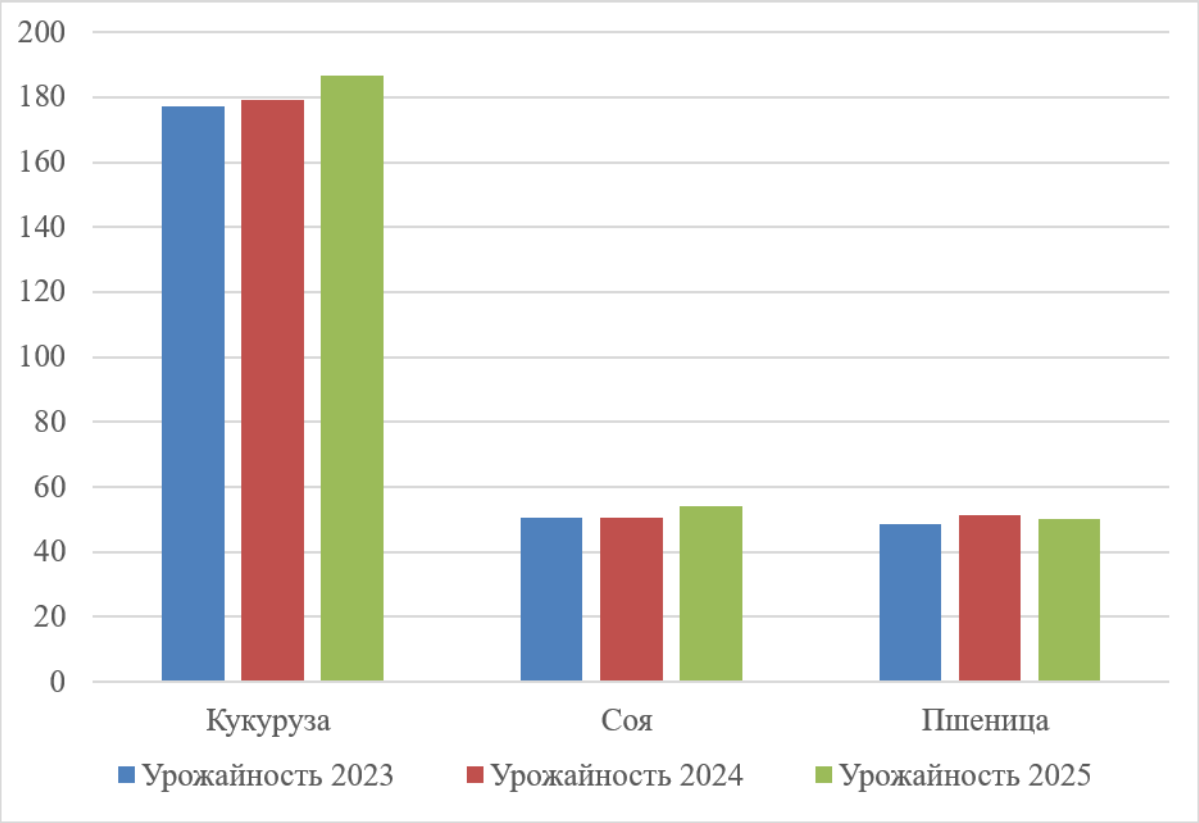

Рис. 1. Урожайность основных культур США за период с 2024 по 2025 года, в бушели на акр земли

Сведения, представленные на рисунке 1 демонстрируют устойчивые показатели урожая таких культур как кукуруза, соя и пшеница в регионах США. Кукурузные поля демонстрируют стабильный рост получаемой продукции на 1,5-2% из года в год. Аналогичная ситуация с соей, где в 2025 году было собрано на 6 процентов больше урожая, чем в 2024. Таким образом, точное земледелие демонстрирует стабильность урожая, подкрепляемую в отдельных случаях стабильным ростом показателей в условиях периодических природных катаклизмов, таких как засухи на юге и западе страны, а также тропические штормы «Хилари» и «Хелен».

Второй распространенный подход к инновациям в сельском хозяйстве это роботизация и автоматизация. Наиболее распространены в европейских странах и Японии. Ярким примером послужит опыт Нидерландов, где одновременно созданы роботизированные теплицы полного цикла, где применяются следующие инструменты:

1. Sweeper – робот, распознающий созревшие томатные плоды с точностью 95%, способен срезать их без повреждений и работает круглосуточно.

2. Odd.bot – робот для прополки, способен различать сорняки по форме листа, исключая гербициды, обеспечивает сохранность выращиваемых культур [3].

Япония также отличается инновационными технологиями в агропромышленной сфере, такими как цифровизация, точное земледелие и использование дронов. Подробные показатели представлены на таблице 1.

Таблица 1. Результаты цифровизации аграрного сектора Японии за 2024-2025 года

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изменение
Число сельскохозяйственных предприятий, ед.	883000	828000	-6,2%
Рынок точного земледелия, в млн долл. США	315,7	602,1	+90,7%
Число хозяйств, использующих цифровые данные, ед.	230463	331200	+43,7%
Число хозяйств, использующих датчики и IoT, ед.	20309	24012	+18,2%
Количество сельхоздронов, шт.	35000	40000	+14,3%

Как следует из данных, представленных на таблице 1, наблюдается объективный рост показателей цифровизации в сфере сельского хозяйства на территории Японии. Рынок точного земледелия за один год вырос на 90,7% по сравнению с 2024 годом. Хозяйство активнее применяют современные технологии в своей деятельности. В то же время наблюдается снижение числа предприятий, за 2025 год закрылось 55000 сельскохозяйственных предприятий. Конкуренция с крупными представителями аграрного сектора привела к ликвидации многих мелких предприятий.

Следующей ступенью инновационного подхода к сельскому хозяйству считается применение вертикальных ферм. США остаются крупнейшим рынком вертикального земледелия по вложенному капиталу. Несмотря на волну банкротств в 2022-2023 гг., рост инвестиций в эту отрасль сохраняется. На рисунке 2 рынок поделен на основные сегменты по культурам [5].

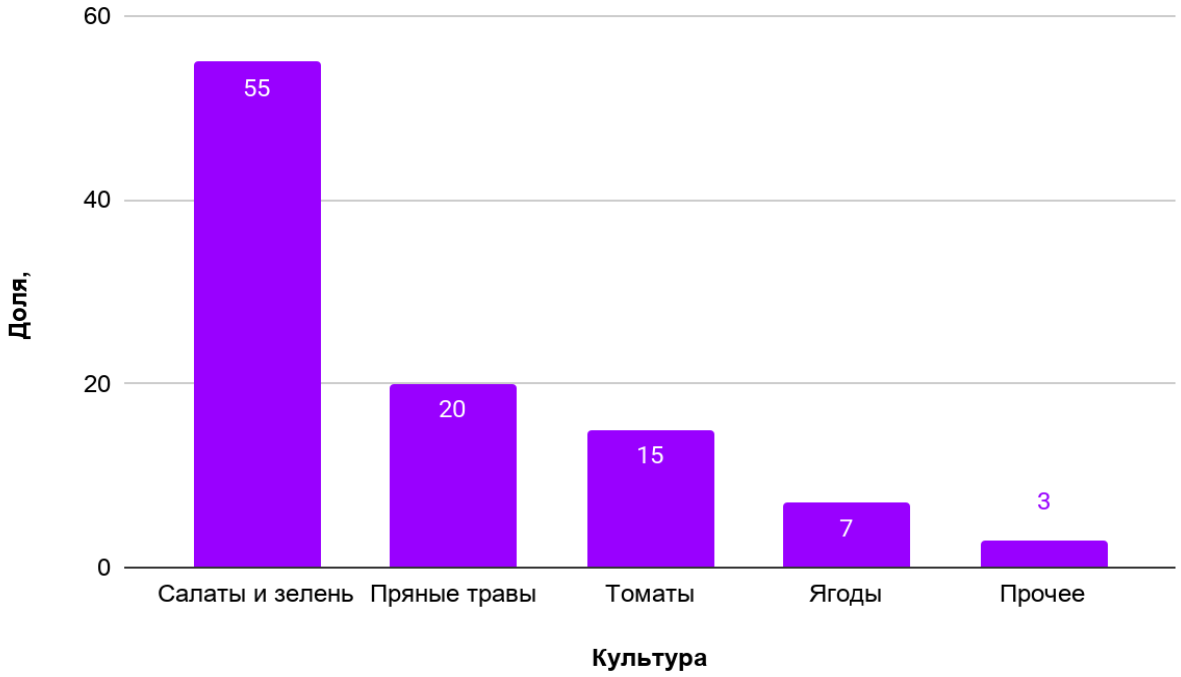

Рис. 2. Сегментация по видам продукции

Перспективы развития отрасли связывают с модульными решениями и цифровыми платформами управления. Эффективность многоярусных культивационных систем с контролируемым микроклиматом напрямую зависит от выбора технологической базы, то есть от способа выращивания, системы освещения, мониторинга и автоматизации.

Все вертикальные фермы используют системы контролируемой среды, но ключевое различие – в способе доставки питательных веществ к корням. Например:

Гидропоника – самый распространенный метод. Корни растений погружены в циркулирующий водный раствор с минеральными удобрениями. Это эффективно и относительно просто в автоматизации. Существуют разные подвиды, например, метод питательной пленки (NFT), где раствор тонкой пленкой течет по корням.

Аэропоника – более технологичный метод. Корни растений находятся в воздухе и регулярно опрыскиваются питательным «туманом». Эта технология, разработанная NASA, позволяет экономить до 95% воды по сравнению с гидропоникой и считается очень эффективной.

Аквапоника – замкнутая экосистема, сочетающая выращивание растений и рыб. Рыбные отходы служат удобрением для растений, а растения, в свою очередь, очищают воду для рыб. Этот метод менее распространен из-за своей сложности, но является очень устойчивым.

Фогпоника – перспективная, но менее распространенная разновидность аэропоники, где

используется еще более мелкодисперсный туман (аэрозоль).

Чаще всего вертикальные фермы применяют для выращивания высокомаржинальных фигур, таких как листовая зелень, микрозелень, ягоды, пряные травы и карликовые овощи. Имеется также большая ценность ферм для научных и исследовательских целей, так как вертикальные фермы – это идеальная среда для изучения влияния света на растения. Ученые «программируют» спектр освещения, чтобы ускорять рост или повышать содержание витаминов и антиоксидантов. Это помогает создавать новые сорта, адаптированные для закрытых систем.

В числе наиболее динамично развивающихся цифровых инструментов выделяются беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или агродроны. В отличие от спутникового мониторинга, дроны предоставляют возможность оперативного получения сверхвысокого разрешения снимков (до 1 см/пиксель) и точечного воздействия на проблемные зоны полей. Согласно оценкам аналитиков, потенциальный рынок агродронов в РФ до 2030 года может вырасти на 300-400%, однако текущий уровень проникновения технологии составляет менее 5% от обрабатываемых площадей.

Биотехнологии – это новейшее направление агропромышленного сектора, отличающееся спорным характером применения. Основной подход к биотехнологии заключается в генной инженерии и селекции отдельных сортов, а также применении биостимуляторов роста. Страны Северной и Южной Америки (США, Аргентина, Бразилия) являются лидерами по производству ГМ-культур, активно используют химикаты для повышения урожайности и экспортного потенциала сельхозпродукции. Примеры использования биотехнологий в 2025 году и положительный эффект от их использования представлен в таблице 2.

Таблица 2. Применение биотехнологий в странах Америки в 2025 [2]

Страна	Применяемы биотехнологии	Доля ГМ-посевов, в % от общей доли посевов	Урожайность, тонна на гектар, т/га
США	ГМ-кукуруза, устойчивая к гербицидам и вредителям	92	12 т/га
Бразилия	ГМ-соя и кукуруза (устойчивость к гербицидам и защита насекомых)	96	3,3-3,6 т/га
Аргентина	ГМ-соя (устойчивая к гербицидам), технология no-till	99	2,8-3,2 т/га

Согласно данным таблицы 2, наиболее распространёнными ГМ-культурами являются кукуруза и соя, доля модифицированных посевов которых в среднем составляет 95%. США сосредоточены на комплексном применении ГМ-культур, опираясь на устойчивость к опасным для посевов факторам. Бразилия и Аргентина акцентируют внимание на соевых посевах, обе страны достигли высокой урожайности в объемах 3,2-3,6 т/га.

Несмотря на очевидные преимущества генно-модифицированной продукции в плане насыщения рынка продукции и роста экспортного потенциала страны, имеются реальные риски выращивания и реализации данной продукции. В первую очередь выделяют экологические риски.

В данной категории рисков следует уделить внимание утрате биоразнообразия выращиваемых культур из-за того, что монокультуры ГМ-растений вытесняют местные сорта и дикие виды. Здесь одновременно возникает опасность доминирование гена одного вида, который может иметь слабую устойчивость к паразитам и пестицидам, а также привести к генетической эрозии – гибели диких видов растений. Примеры рисков, связанных с утратой биоразнообразия, приведены в таблице 3.

Таблица 3. Угрозы применения биотехнологий [2]

Ситуация	Угроза	Количественная оценка риска
Генетическое загрязнение теосинте (Испания, 2025)	Скрещивание ГМ-кукурузы MON810 с диким предком кукурузы (теосинте)	Риск потери генов дикого вида: 100% (ГМ признак Bt необратимо закрепляется в популяции теосинте, заменяя исходные дикие гены)
Снижение сортового разнообразия сои (Аргентина, 2024)	95% посевов сои приходится на устойчивый к гербицидам ГМ-сорт (PR), вытеснивший практически все местные сорта	Риск утраты местных сортов: 90–95% (почти полное исчезновение традиционной сои на коммерческих полях)
Вытеснение цветущих сорняков (США, 2024 кукуруза/соя)	Использование ГМ-культур, устойчивых к глифосату (Раундап), уничтожает всю растительность на полях.	Риск сокращения флоры: -70% (биомассы и видового разнообразия сорных растений, являющихся кормом для насекомых).

Приведенные на таблице 3 примеры являются одними из наиболее крупных и заметных проявлений деструктивных результатов массового внедрения генномодифицированных культур. В отдельных случаях, таких как скрещивание ГМ-кукурузы с дикими подвидом теосине, происходит полное исчезновение существовавшей ранее культуры, что в свою очередь, ведет к утрате различных черт. К ним можно отнести:

1. Потерю устойчивости к климатическим изменениям, свойственным региону. Новый вид может предполагать температурные изменения региона, но сам по себе слишком молод и может не обладать генетической предрасположенностью к засушливому или же к излишне дождливому климату.

2. Утрата способности привлекать опылителей. Трансгены могут менять выработку нектара, что делает растение менее или более привлекательным для насекомых, нарушая естественный цикл опыления.

3. Исчезновение биоразнообразия в агроэкосистеме. Здесь происходит сокращение числа видов растений, насекомых и почвенных организмов на полях, занятых монокультурами ГМ-растений.

Мировой опыт внедрения инноваций в сельское хозяйство демонстрирует несколько ключевых направлений. Это точное земледелие и биотехнологии, активно применяемые в странах Северной и Южной Америки, а также роботизация, встречаемая в Европе и Японии. Указанные нововведения существенно повышают продуктивность и устойчивость аграрного сектора, способствуют предотвращению голода внутри страны и способствуют наращиванию экспортного потенциала, гарантируя государству продовольственную безопасность.

Библиографический список

1. Лемешко Т.Б. Высокие технологии в АПК // Растениеводство и луговодство: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием. – 2020. – С. 632-634.

2. Матюшок В.М. Инновационная экономика в странах ЕС: формирование и методы её количественной оценки // Экономика природопользования. – 2012. – № 2. – С. 118-141.

3. Мелик-Есаянц Е.О., Жукова О.С. Цифровые технологии в растениеводстве // Высокие технологии в растениеводстве – научная основа развития АПК: сборник статей по итогам студенческой научно-практической конференции. – 2020. – С. 85-89.

4. Худякова Е.В., Кушнарёва М.Н., Горбачев М.И. Эффективность внедрения цифровых технологий в соответствии с концепцией «Сельское хозяйство 4.0» // Международный научный журнал. – 2020. – № 1. – С. 80-88.

5. Практика развития инновационных процессов в агропромышленном комплексе: зарубежный подход / Д.Б. Эрендженова, С.А. Акиева, Т.В. Арбунова [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 2-2. – С. 384-388. – EDN VVZBII.

THE GLOBAL EXPERIENCE OF INNOVATION IN AGRICULTURE

P.A. Pismenny, *Assistant*
North Caucasus Federal University
(Russia, Stavropol)

Abstract. *This article examines global innovation in agriculture. It analyzes global experience with technological innovations in the agro-industrial complex aimed at increasing productivity, sustainability, and environmental friendliness. Key areas covered include precision farming, vertical farms and hydroponics, agrorobotics, and biotechnology. The article aims to analyze the effectiveness and feasibility of innovations, identify the economic consequences of trans-strait supply restrictions, and forecast potential changes in the global economy due to these circumstances.*

Keywords: *world trade; energy security; recession; foreign trade.*

СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ ПЕРСОНАЛА ГОСТИНИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ (НА ПРИМЕРЕ ООО «НЕВСКИЙ ПОРТАЛ»)

В.С. Федулкина, *магистрант*
К.Г. Пастернак, *канд. экон. наук*
Санкт-Петербургский университет Петра Великого
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-82-87

Аннотация. *В статье исследуется система аттестации персонала гостиничного предприятия ООО «Невский портал» (отели «Невский берег 122» и «Невский берег 93», г. Санкт-Петербург) с позиций соответствия требованиям профессионального стандарта «Работник по приему и размещению гостей» (приказ Минтруда России от 05.09.2017 № 659н). На основе анкетного опроса сотрудников и экспертных оценок выявлены разрывы компетенций по ключевым должностям, измеренные с помощью коэффициента трудовой компетентности (КТК). Описана методика расчёта КТК и процедуры обеспечения объективности оценки. Предложен трёхэтапный механизм совершенствования системы аттестации, включающий актуализацию оценочных инструментов, регламентацию процедуры и организацию адресного обучения. Расчётный прирост коэффициента трудовой компетентности по целевому сценарию составляет 28% в течение трёх лет. Обозначены ограничения исследования.*

Ключевые слова: *аттестация персонала; профессиональный стандарт; гостиничное предприятие; компетентностный подход; коэффициент трудовой компетентности; независимая оценка квалификации.*

Развитие индустрии гостеприимства в Российской Федерации сопровождается нарастающими требованиями к квалификационному уровню работников контактной зоны. Введение обязательных профессиональных стандартов, осуществлённое в соответствии со статьями 195.1–195.3 Трудового кодекса РФ [1], создало правовую базу для системной оценки соответствия персонала установленным квалификационным характеристикам. Вместе с тем практика применения профессиональных стандартов в средних гостиницах категории три звезды свидетельствует о значительных расхождениях между нормативными требованиями к трудовым функциям и реальным уровнем компетенций, фиксируемым в ходе текущей операционной деятельности.

Объектом настоящего исследования выступает ООО «Невский портал», осуществляющее деятельность под брендом отеля «Невский берег» в Центральном районе Санкт-Петербурга. Среднесписочная численность персонала организации составляет 47 человек, из которых 32 занимают должности, входящие в сферу действия профессиональных стандартов индустрии гостеприимства – «Работник по приему и размещению гостей» (приказ Минтруда России от 05.09.2017 № 659н) [2] и «Горничная» (приказ Минтруда России от 05.09.2017 № 657н) [3]. Аттестация как правовой инструмент кадровой политики не применялась на данном предприятии на протяжении последних пяти лет, что обусловило накопление компетентностных разрывов по ключевым группам должностей.

Дополнительным фактором, актуализирующим задачу формализации аттестации, выступает кадровая нестабильность предприятия: накопленный коэффициент текучести персонала за период с января 2024 по июнь 2026 года достиг 88%, что многократно превышает нормальный для гостиничного сектора уровень 15-20% [15]. Примечательно, что указанный уровень ротации сопровождается высокой потребительской оценкой сервиса – репутационный профиль отеля формируется на основе свыше 5,8 тыс. гостевых отзывов, около 77% которых содержат максимальную оценку. Это свидетельствует об устойчивости текущей операционной модели, однако не гарантирует её воспроизводимости в условиях высокой ротации персонала и отсутствия формализованной системы подтверждения квалификации.

Журова О.А. и Асташова Е.А. указывают, что типичной ошибкой кадровой практики является смешение понятий оценки и аттестации персонала, тогда как «оценка регулируется локальными нормативными актами предприятия, а аттестация – федеральными нормативными актами и Трудовым кодексом Российской Федерации» [4]. Принципиально и то, что ухудшение условий труда работника (снижение оклада, понижение в должности, увольнение) юридически допустимо только по результатам аттестации, но не по результатам оценки персонала.

Цель выполненного исследования – оценить состояние системы аттестации персонала ООО «Невский портал» с позиций соответствия требованиям профессионального стандарта и разработать рекомендации по её совершенствованию. Достижение поставленной цели осуществлялось посредством анкетного опроса 32 работников контактной зоны, экспертного интервьюирования руководящего состава организации и применения компетентностно-матричного метода диагностики.

1. Профессиональные стандарты как нормативная основа аттестации в гостиничном хозяйстве

Нормативное регулирование деятельности в сфере гостиничного хозяйства претерпело существенные изменения с принятием федеральной программы развития национальной системы квалификаций. Профессиональный стандарт «Работник по приему и размещению гостей», утверждённый приказом Минтруда России от 05.09.2017 № 659н, формализует требования к пяти обобщённым трудовым функциям – от встречи и проводов гостей у входных дверей средства размещения до координации деятельности сотрудников службы приёма и размещения [2]. Требования к персоналу номерного фонда закреплены профессиональным стандартом «Горничная», утверждённым приказом Минтруда России от 05.09.2017 № 657н [3]. Нормативная архитектура документа структурирована по принципу декомпозиции: каждая обобщённая функция раскрывается через перечень конкретных трудовых действий, необходимых умений и знаний, что создаёт измеримую основу для аттестационных процедур.

Согласно статье 195.1 Трудового кодекса РФ, профессиональный стандарт представляет собой «характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности, в том числе для выполнения определённой трудовой функции» [1]. Компетентностный подход к оценке гостиничного персонала предполагает, что профессиональные знания и умения работника рассматриваются не как статичный набор квалификационных характеристик, а как динамическая система способностей, реализуемых в конкретных производственных ситуациях [5]. Операционализация требований профессионального стандарта применительно к конкретному предприятию требует адаптации общенормативных формулировок к специфике номерного фонда, категории отеля и целевому сегменту гостей.

Басиева Л.В. и Севостьянова И.И. определяют аттестацию как «процедуру систематической формализованной оценки соответствия деятельности конкретного работника стандарту выполнения работы на данном рабочем месте в данной должности, с применением методов оценки персонала» [6]. Зворыкина Т.И. и Носова А.А. подчёркивают, что стандартизация процедур оценки выступает одним из ключевых трендов развития региональной индустрии гостеприимства и инструментом повышения качества услуг [8]. Карпова Е.Г. и Сагитова В.О. показывают, что стандартизация процедуры оценки персонала гостиничного предприятия на основе компетентностного подхода позволяет перейти от субъективных управленческих суждений к верифицируемым квалификационным критериям [9].

Практика ведущих российских гостиничных операторов демонстрирует устойчивую тенденцию к формализации аттестационных процедур на основе профессиональных стандартов. Внедрение стандартизированных оценочных инструментов позволяет сократить субъективизм при вынесении аттестационных заключений и обеспечить юридически обоснованные основания для кадровых решений. Представляется целесообразным рассматривать аттестацию не как самостоятельное административное мероприятие, а как элемент непрерывного цикла управления компетенциями, включающего диагностику, обучение, повторную оценку и актуализацию должностных стандартов [7].

2. Анализ системы аттестации персонала в ООО «Невский портал»

Диагностика системы управления персоналом в ООО «Невский портал» осуществлялась в период с сентября по ноябрь 2024 года. Применялся многоуровневый методологический инструментарий: структурированное анкетирование работников контактных должностей (n = 32), полуструктурированные интервью с руководителями службы приёма и размещения и службы номерного фонда, а также анализ внутренней кадровой документации организации.

Методика расчёта коэффициента трудовой компетентности (КТК). Для количественной диагностики компетентностных разрывов использован компетентностно-матричный метод. Каждое трудовое действие, предусмотренное профессиональным стандартом для соответствующей должности, оценивалось по трёхбалльной шкале: 0 баллов – работник не выполняет действие; 1 балл – выполняет частично, с отклонениями от установленных требований; 2 балла – выполняет полностью в соответствии с требованиями профессионального стандарта. Коэффициент трудовой компетентности рассчитывался как отношение фактически набранной суммы баллов к максимально возможной сумме баллов по формуле:

$$КТК = \Sigma \text{ баллов} / (2 \times N),$$

где Σ баллов – сумма фактически выставленных баллов по всем оцениваемым трудовым действиям должности; N – число трудовых действий, закреплённых профессиональным стандартом для данной должности; 2 – максимальный балл по шкале. Значение КТК изменяется в диапазоне от 0 до 1; требуемый (нормативный) уровень для каждой должности устанавливался экспертно исходя из критичности соответствующих трудовых функций.

Объективность оценки обеспечивалась совокупностью процедур. Во-первых, оценка каждого трудового действия проводилась совместно двумя независимыми оценщиками – непосредственным руководителем подразделения и привлечённым внешним экспертом, после чего расхождения в баллах согласовывались до получения единого значения. Во-вторых, балльные оценки сопоставлялись (триангулировались) с тремя независимыми источниками данных: результатами анкетирования персонала, анализом внутренней кадровой документации и сведениями о прохождении сотрудниками курсов повышения квалификации за 2022–2024 годы. В-третьих, оценочные листы строились непосредственно на формулировках трудовых действий профессионального стандарта, что снижало субъективизм интерпретации критериев. Полученные таким образом значения КТК являются диагностическими прокси-оценками и служат для приоритизации управленческих решений, не подменяя формального аттестационного испытания.

Компетентностный разрыв, зафиксированный в ходе аттестационной диагностики, характеризуется неравномерным распределением дефицитов по функциональным блокам профессионального стандарта. Наиболее значимые расхождения выявлены в части трудовых функций, связанных с управлением конфликтными ситуациями, применением цифровых инструментов бронирования и соблюдением стандартов гостеприимства при работе с гостями с особыми потребностями. Данное обстоятельство обусловило необходимость разработки дифференцированного подхода к аттестационным процедурам применительно к различным группам должностей.

Таблица. Матрица компетентностных разрывов по ключевым группам должностей в ООО «Невский портал»

Должность	Требуемый КТК (профстандарт)	Фактический КТК	Разрыв (п.п.)	Приоритет
Администратор СПиР	0,82	0,61	0,21	Высокий
Горничная	0,75	0,63	0,12	Средний
Портье	0,79	0,58	0,21	Высокий
Специалист по бронированию	0,85	0,54	0,31	Критический
Руководитель СПиР	0,91	0,72	0,19	Средний

Источник: составлено автором на основе профессиональных стандартов Минтруда России, результатов анкетирования и анализа внутренней документации ООО «Невский портал»

Критический разрыв по специалисту по бронированию (0,31 п.п.) обусловлен недостаточным владением системами автоматизации управления объектами размещения

(PMS) и отсутствием актуальных знаний в области Revenue Management [10]. Анализ внутренней документации организации выявил существенные процедурные лакуны в действующем положении о персонале: периодичность проведения оценочных мероприятий не закреплена регламентом, состав аттестационной комиссии формируется ad hoc, а оценочный инструментарий ограничивается неструктурированной беседой руководителя с подчинённым. Отсутствие формализованных критериев оценки делает невозможным юридически обоснованное применение результатов аттестации в целях кадровых перемещений.

Журова О.А. и Асташова Е.А. формулируют принципиальное разграничение полномочий работодателя: «Только после аттестации, если аттестационная комиссия придёт к выводу о несоответствии работника занимаемой должности, руководитель организации вправе его уволить согласно п. 3 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ» [4]. Тем самым именно аттестация, а не оценка, выступает юридически значимым основанием для кадровых решений.

Немаловажно, что 71% опрошенных сотрудников затруднились в точном формулировании своих трудовых функций применительно к разделам профессионального стандарта, а лишь 12% работников ознакомлены с текстом профессионального стандарта «Работник по приему и размещению гостей» в полном объёме [11]. Данный показатель формирует структурное препятствие для осознанного участия сотрудников в аттестационном процессе. Алюшин Р.Е. и Медведева М.М. отмечают, что формализованная аттестация на гостиничном предприятии не только обеспечивает правовую защищённость кадровых решений, но и повышает прозрачность требований к работнику, выступая фактором его профессионального развития [12].

3. Рекомендации по совершенствованию системы аттестации

На основании проведённого исследования представляется целесообразным разработать трёхэтапный механизм совершенствования системы аттестации персонала ООО «Невский портал», ориентированный на достижение соответствия требованиям профессионального стандарта в течение трёх лет. Первый этап (первый-второй кварталы первого года) предполагает разработку нормативной базы: актуализацию положения об аттестации с включением критериев оценки, основанных на трудовых действиях профессионального стандарта, формирование постоянного состава аттестационной комиссии, разработку балльных оценочных листов по каждой должностной группе. Второй этап (второй–третий кварталы) охватывает проведение входной аттестации по актуализированным инструментам и формирование индивидуальных планов ликвидации компетентностных разрывов. Третий этап (четвёртый квартал первого года и последующий период) включает обучение персонала и промежуточную аттестацию. В течение второго и третьего годов цикл «обучение – повторная оценка» воспроизводится ежегодно, что обеспечивает выход на целевые значения компетентности к завершению трёхлетнего горизонта планирования.

Ефремова М.Ю. подчёркивает, что повышение качества профессиональных квалификаций сотрудников индустрии гостеприимства должно выстраиваться непосредственно с учётом требований профессиональных стандартов, что задаёт содержательную привязку программ обучения к нормативным дескрипторам трудовых функций [14]. Приоритетным направлением обучения следует признать освоение цифровых инструментов управления номерным фондом, поскольку недостаточная компетентность персонала в части систем автоматизации (PMS, Channel Manager) генерирует прямые операционные потери, связанные с ошибками бронирования и неоптимальной загрузкой номерного фонда. Параллельно необходимо развитие клиентоориентированных компетенций – стандартов приветствия, работы с жалобами и алгоритмов уведомления гостей об услугах, формирующих ключевой нематериальный актив гостиничного предприятия – репутацию бренда [13].

Прогнозируемая экономическая эффективность предложенного механизма оценивалась методом сопоставления затрат и экономического эффекта. Эффект от снижения текучести кадров рассчитывался по формуле:

$$STK = \Delta ктк \times Ч \times Зпо,$$

где Δктк – снижение коэффициента текучести;

Ч – штатная численность работников;

Зпо – удельные затраты на поиск и адаптацию одного работника (принято консервативное значение 50 000 руб.).

Дополнительно рассчитывался показатель окупаемости инвестиций:

$$ROI = (R - I) / I \times 100\%,$$

где R – суммарная экономия и приращение выручки;

I – совокупные затраты на реализацию комплекса мер.

Первый год реализации носит инвестиционный характер: единовременные расходы на разработку нормативной базы и первичное дополнительное профессиональное обучение обусловливают отрицательный ROI. Вместе с тем суммарный эффект от снижения текучести за два года (порядка 540 тыс. руб.) покрывает значительную часть совокупных затрат, а выход на положительный ROI достигается на горизонте двух-трёх лет.

Прогнозируемый эффект от реализации механизма оценивается по следующим параметрам. Коэффициент трудовой компетентности по группе критических должностей возрастёт с 0,54 до 0,69 в течение первого года реализации плана и достигнет целевого показателя 0,82 по истечении трёх лет. Интегральный КТК по организации повысится с 0,62 до 0,79. Снижение числа оперативных ошибок персонала на этапе регистрации и обслуживания гостей прогнозируется на уровне 35-40%. Сенченко И.Н. и Папиж Е.С. подчёркивают, что в условиях новых вызовов кадрового рынка индустрии гостеприимства инвестиции в развитие и удержание персонала формируют долгосрочное конкурентное преимущество предприятия [15]. Вышеизложенное позволяет заключить, что совершенствование системы аттестации реализуется через повышение качества гостиничного продукта и лояльности гостей.

Заключение

Проведённое исследование системы аттестации персонала ООО «Невский портал» позволило зафиксировать структурное несоответствие применяемых оценочных практик требованиям профессионального стандарта «Работник по приему и размещению гостей». Компетентностные разрывы выявлены по всем пяти ключевым должностям контактной зоны, при этом наиболее критическая ситуация характеризует специалистов по бронированию (дефицит КТК 0,31 п.п.) и портье (0,21 п.п.).

Предложенный трёхэтапный механизм совершенствования системы аттестации сочетает нормативный, операционный и образовательный компоненты, что обеспечивает комплексное воздействие на всю цепочку кадровых процессов – от диагностики дефицитов до подтверждения результатов обучения посредством повторной аттестации. Формализация аттестационных процедур не является самоцелью, а выступает инструментом операционализации требований профессионального стандарта применительно к конкретному предприятию гостиничной отрасли. Ибрагимова К.С. и Гасанова Д.М. отмечают, что главной целью аттестации в современных организациях выступает именно объективная оценка соответствия квалификации сотрудников установленным требованиям [17].

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

2. Приказ Минтруда России от 05.09.2017 № 659н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник по приему и размещению гостей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

3. Приказ Минтруда России от 05.09.2017 № 657н «Об утверждении профессионального стандарта «Горничная»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

4. Журова О.А., Асташова Е.А. Оценка или аттестация: что выбрать работодателю в условиях применения профессиональных стандартов // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № 4 (15). – – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/4/00651.pdf.

5. Чуланова О.Л. Компетентностный подход в работе с персоналом: теория, методология, практика. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 292 с.

6. Басиева Л.В., Севостьянова И.И. Аттестация персонала: понятие и сущность // Научные известия. – 2016. – № 4. – С. 34-38.

7. Зайцева Н.А. Управление персоналом в гостиницах: учеб. пособие. – М.: Форум; ИНФРА-М, 2018. – 416 с.

8. Зворыкина Т.И., Носова А.А. Тренды развития индустрии гостеприимства в регионах России и роль стандартизации // Компетентность. – 2022. – № 9-10. – С. 31-37.

9. Карпова Е.Г., Сагитова В.О. Стандартизация процедуры оценки персонала гостиничного предприятия на основе компетентностного подхода // Аспекты стандартизации и контроля качества. – 2023. – № 6. – С. 18-24.

10. Пучкина Е.С. Применение профессиональных стандартов в кадровом менеджменте предприятий туризма и гостеприимства // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 84-91.

11. Аверин А.Н. Управление персоналом, кадровая и социальная политика в организации. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 224 с.

12. Алюшин Р.Е., Медведева М.М. Преимущества аттестации персонала на гостиничном предприятии // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2022. – № 3-8 (83). – С. 6-10.

13. Профессиональные стандарты в индустрии гостеприимства: методическое пособие / Федерация рестораторов и отельеров. – М.: ФРиО, 2017. – 88 с.

14. Ефремова М.Ю. Формы и способы повышения качества профессиональных квалификаций сотрудников индустрии гостеприимства с учётом требований профессиональных стандартов // Economic Bulletin. – 2022. – № 2. – С. 34-41.

15. Сенченко И.Н., Папиж Е.С. Новые вызовы кадрового рынка индустрии гостеприимства // Сервис в России и за рубежом. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 200-211.

16. Идрисова И.Ф. Организация системы оценки персонала для периодической аттестации // Вестник науки. – 2024. – Т. 5, № 5 (74). – С. 220-226.

17. Ибрагимова К.С., Гасанова Д.М. Понятие, виды и этапы проведения аттестации персонала организации // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 3. – С. 112-118.

THE SYSTEM OF CERTIFICATION OF THE STAFF OF THE HOTEL ENTERPRISE BASED ON PROFESSIONAL STANDARDS (USING THE EXAMPLE OF NEVSKY PORTAL LLC)

V.S. Fedulkina, *Graduate Student*
K.G. Pasternak, *Candidate of Economic Sciences*
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The article examines the personnel certification system of the Nevsky Portal LLC hotel company (Nevsky Bereg 122 and Nevsky Bereg 93 hotels, Saint Petersburg) from the standpoint of compliance with the requirements of the professional standard "Reception and Accommodation Worker" (order of the Ministry of Labor of Russia dated 05.09.2017 N 659n). Based on a questionnaire survey of employees and expert assessments, competence gaps in key positions were identified, measured using the labor competence coefficient (CPC). The methodology for calculating the CPC and the procedures for ensuring the objectivity of the assessment are described. A three-stage mechanism for improving the certification system is proposed, including updating assessment tools, regulating the procedure and organizing targeted training. The estimated increase in the labor competence coefficient under the target scenario is 28% over three years. The limitations of the study are outlined.*

Keywords: *personnel certification; professional standard; hotel company; competence approach; labor competence coefficient; independent qualification assessment.*

МОРАЛЬ: ПРИРОДА И СТРУКТУРА

О.К. Козубаев, *д-р филос. наук, профессор*
К.Ш. Карабукаев, *д-р филос. наук*
Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-88-93

Аннотация. *Статья посвящена анализу понятия морали в его многообразных философских, социологических и культурологических интерпретациях. Рассматриваются основные подходы к определению морали: натурфилософский, деонтологический, консеквенциалистский и феноменологический. Анализируются структурные элементы морали – моральные нормы, ценности, идеалы и принципы. Исследуется соотношение морали с правом, религией, обычаем и другими нормативными системами. Особое внимание уделяется вопросу об универсальности и историческом характере моральных требований.*

Ключевые слова: *мораль; нравственность; этика; моральные нормы; ценности; моральный долг; добро и зло; философия морали; нормативная этика.*

Мораль – одно из тех понятий, которые, будучи известны каждому с детства, при ближайшем рассмотрении оказываются исключительно сложными для адаптивного определения. Мы интуитивно понимаем, что значит «поступить нравственно» или «нарушить моральный запрет», однако философская артикуляция этого интуитивного понимания требует значительных усилий. На протяжении всей истории человеческой мысли мораль была одним из центральных предметов философского размышления, и по сей день вопрос о её природе, основаниях и структуре остаётся дискуссионным.

Само слово «мораль» восходит к латинскому «mores» – нравы, обычаи, характер. Этот термин был введён в оборот Цицероном как латинский эквивалент греческого «этос» (ethos), от которого произошло слово «этика».

Таким образом, «мораль» и «этика» исторически были синонимами. В современном академическом словоупотреблении, однако, принято различать: «этику» как философскую дисциплину, изучающую мораль, и «мораль» (или «нравственность») как сам предмет этого изучения – совокупность норм, ценностей, принципов и установок, регулирующих поведение людей с точки зрения добра и зла.

В мировой философской традиции нередко разграничивают «мораль» и «нравственность», хотя основания для этого различения у разных авторов различны. Гегель, например, «Концептуально разделил «мораль» и «нравственность» в своей работе «Философия права». Он выстроил их как ступени развития объективного духа, где мораль – это сфера субъективных намерений отдельного человека, а нравственность – это объективно существующие и реализованные в обществе институты. В учении Гегеля мораль представляет собой мир внутреннего самосознания, а нравственность – это высший синтез и практическая реализация морали. Она существует через реальные социальные институты [1].

Мораль как нормативная система включает в себя несколько взаимосвязанных элементов. Прежде всего, это моральные нормы – конкретные правила поведения, предписывающие или запрещающие определённые действия. «Не лги», «Помогай нуждающимся», «Не причиняй вреда другим» – примеры общезначимых моральных норм. В отличие от юридических норм, закреплённых в законодательстве и обеспечиваемых государственный машиной, моральные нормы функционируют через внутреннее принятие субъектом, общественное одобрение и осуждение, а также через совесть как внутренний моральный регулятор.

Следующий элемент – моральные ценности. Ценности – это то, что признаётся безусловно значимым, достойным подражания и уважения. Жизнь, достоинство, справедливость, свобода, честность, солидарность – примеры базовых моральных ценностей. Ценности задают

горизонт смысла, в свете которого оцениваются как конкретные поступки, так и жизнь в целом. Иерархия ценностей – то, что ставится «выше» или «ниже» в системе значимостей, – составляет нравственный профиль как отдельной личности, так и культуры в целом.

Моральные принципы – обобщённые положения, из которых выводятся конкретные нормы. Принцип гуманизма («относись к человеку как к цели, а не как к средству»), принцип справедливости, принцип непричинения вреда (non-maleficence) в биоэтике – примеры моральных принципов. Принципы более абстрактны, чем нормы, и применимы к более широкому кругу ситуаций. Наконец, моральные идеалы – образы совершенного человека или совершенного общества, не вполне достижимые, но задающие направление нравственного совершенствования. Идеал святого, мудреца, честного гражданина, самоотверженного служителя – примеры моральных идеалов разных культур.

История этики знает несколько принципиально различных периодов подхода к обоснованию морали. Первый и, пожалуй, исторически наиболее древний период – натурфилософский. Например, для родоначальника диалектики Гераклита характерна стремление к объединению противоположностей в морали – доброго и злого. «И добро и зло – одно... У Бога прекрасно все, и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое справедливым» [2, с. 46-50]. Однако объединяя противоположности в единое целое, Гераклит не стирает различия между ними. Единство у него необходимо и закономерно раздваивается и образуется из взаимодействия противоположностей прекрасного и безобразного, доброго и злого, при этом одна противоположность не мыслима без другой. Так, зло приятным делает добро и подобно тому, как болезнь способствует оценить здоровье, так познание зла способствует людям предпочитать добро. Если бы исчезло зло, то по мнению Гераклита исчезло бы и добро.

Аристотель – первый, кто систематизировал этические категории и написал специальный трактат по этике. Такие общефилософские категории «Благо» и «зло» интерпретируются Аристотелем как основные этические понятия – «добродетель» и «порок». Придав нравственную значимость этим понятиям, Аристотель обстоятельно разъясняет их смысл. Добродетель – это «преднамеренное (сознательное), приобретённое качество души, состоящее в субъективной середине и определённое разумом, и притом, как бы её определил благоразумный человек, как середина двух зол – избытка и недостатка. Сверх того, она и потому середина, что порок переступает границу должного в аффектах и действиях – то по отношению к избытку, то по отношению к достатку, добродетель же находит и избирает середину» [3, с. 461-462]. Здесь у Аристотеля речь идёт не просто о благе как о середине между двумя крайностями, являющимися злом, а о намеренном выборе поведения, оберегающего человека от бедствий, связанных с избытком и недостатком. Деятельность, сопряжённая с добродетелью, то есть с разумным и намеренным выбором середины, приводит, согласно Аристотелю, к блаженству. Учение о добродетели как о выборе середины между избытком и недостатком превращает этику Аристотеля в учение о взаимоисключающем взаимоединства и противостояния добра и зла в морали.

Второй период – деонтологические теории. Деонтология (от греч. Deon – долг) обосновывает мораль через понятие долга, обязательства, права. Центральной фигурой деонтологической этики является Иммануил Кант, чей категорический императив («поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом») задаёт критерий моральности, независимый от каких-либо природных склонностей, последствий или социальных конвенций. Моральный поступок для Канта – поступок из чистого уважения к моральному закону, а не из страха наказания или ожидания награды. Согласно Канту, моральный закон нельзя вывести ни из какого предмета воли, будто счастье, удовольствие, польза, благо и т.д. В таком случае «добрым» или «злым» всегда будет называться только то, что эмпирично действует на нашу волю и в конечном счёте сводится к чувству удовольствия или неудовольствия. Задача же состоит в том, чтобы сначала найти закон, который непосредственно определял бы волю и только сообразно с нею – предмет. Понятия доброго и злого должны быть определены по Канту согласно моральному закону, то есть не понятие

доброго как предмета определяет моральный закон, наоборот, только моральный закон определяет возможным понятие доброго [4, с. 386-387]. И только тогда, когда воля определена моральным законом, возможно и необходимо создавать высшее благо в качестве высшей цели морально определённой воли. Добродетель, правда сама уже есть высшее благо, так как она - первое условие всего того, что только может нам казаться желательным, но она ещё не является полным и современным благом. Для своей полноты добродетель соединяется с достойным (то есть соответствующим с нравственным) счастьем. Такое сочетание представляет собой высшее благо [4, с. 441-444]. Таким образом, в основе морального учения Канта лежит не понятие удовольствия, счастья или блага, а закон категорического императива – долга.

В целом Кант все возможные поступки делит на три категории: поступки из чувства долга, а не по склонности; поступки сообразно с долгом, но побуждаемые другой склонностью; поступки, противные долгу. Первые считаются морально добрыми, вторые могут быть добрыми или злыми, третьи – злые.

Третий период – консеквенциалистские теории, прежде всего утилитаризм, который отличается от деонтологии тем, что оценивает поступки по их последствиям, а не по соответствию априорным нормам. Такой подход более гибок и чуток к реальным социальным эффектам действий, однако уязвим для критика: он может допускать нарушение прав отдельного человека ради общего блага большинства.

Утилитаризм является этическим учением, достаточно разнообразным по своему моральному содержанию, он соединяет в себе элементы разноречивые. Одна из причин этой разноречивости является то, что его содержание сформировалось в ходе заочной дискуссии между его основателями – Жеремией (Джереми) Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. Концепты, по которым может проводится сопоставление взглядов Бентама и Милля, многочисленны. «Среди наиболее значимых: понимание природы человека, сущность счастья и условия его достижения, модели принятия морального решения, интерпретация субъекта «наибольшего счастья» [5, с. 90]. Как бы там ни было, у Бентама и Милля моральная ценность человеческого поступка определяется его полезностью или способностью приносить счастье. Тем не менее их взгляды развивались последовательно имея принципиальные различия.

Бентам – сторонник количественного утилитаризма, главным тезисом которого является: наибольшее счастье для наибольшего количества людей. Бентам был сторонником гедонистического исчисления. Он считал, что все удовольствия равны по качеству. Удовольствие от детской игры имеет такую же ценность, как и чтение поэзии, если они приносят одинаковый уровень радости, то есть для Бентама счастье измеряется исключительно количественно (интенсивность, длительность, масштабность, достоверность).

Джон Стюарт Милль, проповедник так называемого качественного утилитаризма. Он сын соратника Бентама адаптировал и смягчил учение своего предшественника. Милль разделил удовольствия на «высшие» (интеллектуальные, моральные) и «низшие» (телесные, плотские). По его мнению, высшие удовольствия обладают большим качественным весом, поэтому их нельзя заменить большим количеством низших удовольствий [6].

Четвёртый важный период – этика добродетели ареология, переживающая своеобразный подъем в современной философии благодаря работам Аласдера Макинтайра, Марты Нуссбаум и других. Этика добродетели возвращается к аристотелевской традиции, ставя в центр не столько правила или последствия, сколько характер человек: каким он должен быть какие добродетели культивировать. Добродетельный человек – тот, кто действует правильно не из-за нормы или расчёта, а потому что обладает соответствующими устойчивыми чертами характера. Аристотель считал, что добродетель – это баланс между двумя порочными крайностями: избытком и недостатком. Например, храбрость – это золотая середина между трусостью (недостаток) и безрассудством (избыток). Основной вопрос этики добродетели гласит: «Каким человеком я должен быть?» Это означает, что данный тип этических учений прежде всего есть нормативное этическое учение, в фокусе которого находится внутренний характер, личностные качества человека, а не просто соблюдение абстрактных правил (деонтология) или оценка конечных результатов поступка [7].

Аласдер Макинтайр автор работы «После добродетели», которая начинается с рассмотрения кризиса морали в современном обществе. Основным предметом его исследования является этическая мысль от Гомера до Ницше в культурно-историческом аспекте. Он констатирует: «Мы есть то, чем прошлое сделало нас осознаем мы это или нет» [8, с. 178]. В работе представлена о своеобразная концепция исторической динамики как самой добродетели, так и теоретических представлений о ней и рассмотрены отдельные моменты современных этических концепций. Автор анализирует состояние нравственности сегодняшней социально-культурной реальности и прослеживает причины того, почему ныне моральные ценности потеряли ту значимость, которую они имели в предыдущие исторические времена.

Этика Марты Нуссбаум считает, что для обеспечения человеческого достоинства и справедливости государство должно гарантировать гражданам набор базовых условий для полноценной жизни, от телесной неприкосновенности даже до права на эмоции и воображение. Опираясь на Аристотеля и стоиков Нуссбаум изучает уязвимость человеческой жизни. Её работа «Хрупкость блага» анализирует, как внешние обстоятельства могут разрушить даже самую добродетельную жизнь. Критикуя экономические теории, оценивающие благополучие лишь по показателям ВВП, Нуссбаум разработала перечень из девяти универсальных условий, которые общество должно обеспечить каждому человеку. Среди них – жизнь, здоровье, телесная целостность, свобода мысли, практический разум, эмоции. Нуссбаум расширяет этические границы за пределы человечества. Она считает необходимым защиты прав не только человека, но и животных, утверждая, что живое существо заслуживает гарантии на жизнь [9].

Мораль существует не изолированно, а в постоянном взаимодействии с другими нормативно-регулирующими системами – правом, религией, обычаем, этикетом. Право и мораль – наиболее тесно связанные, но различные системы социальной регуляции. Их сближает общая направленность на регулирование поведения, апелляция к принципам справедливости и общего блага. Однако между ними существуют принципиальные различия.

Право нормировано и кодифицировано: его нормы закреплены в законодательных актах, снабжены чёткими санкциями, применяемыми государством. Мораль неформальна: её нормы существуют в общественном сознании и индивидуальной совести, а «санкциями» выступают общественное осуждение, стыд, чувство вины. Право позитивно – его нормы создаются законодателями и могут меняться в зависимости от общественной воли. Мораль претендует на более устойчивый, а порой и вечный характер.

Религия и мораль также глубоко взаимосвязаны. На протяжении большей части человеческой истории моральные нормы были освящены религиозным авторитетом: они воспринимались как данные Богом или богами, вытекающие из природы священного порядка. Религиозные тексты – Коран, Библия, Тора, Веды – содержат обширные нормативные блоки, регулирующие отношения человека к Богу, к ближним и к природе. В этом смысле религиозная этика -исторически первая форма моральной нормативной системы. Философия Нового времени предприняла попытку обоснования морали, независимой от религии. Кантовский проект автономной морали – морали, основанной исключительно на разуме, без апелляции к авторитету Бога или традиции, – стал вершиной этого стремления. Тем не менее вопрос о соотношении религиозной и светской этики по-прежнему остаётся актуальным – особенно в контексте многоконфессиональных и секуляризующихся обществ.

Мораль обладает нормативной и оценочной функциями. С одной стороны, она предписывает или запрещает определённые действия, задаёт стандарты поведения. С другой стороны, она оценивает поступки, людей, социальные практики и институты с точки зрения их соответствия этим стандартам. Оценочная функция морали реализуется прежде всего через категории добра и зла, правильного и неправильного, похвального и достойного осуждения.

Немаловажная роль в изучении морали принадлежит понятию моральной ответственности. Нести моральную ответственность за поступок означает быть надлежащим субъектом как моральной поддержки, так и морального порицания. Условиями моральной ответственности традиционно считаются: причинная

роль субъекта в совершении действия, наличие у него соответствующего знания и намерения, а также свобода – возможность поступить иначе. Если один из этих факторов отсутствует (человек действовал под принуждением, в состоянии невменяемости или не мог предвидеть последствий), моральная ответственность смягчается или снимается.

Совесть – один из ключевых феноменов моральной жизни. Это внутренний голос, оценивающий помыслы и поступки субъекта с точки зрения морального закона. Совесть может говорить как «до» поступка – в форме нравственного сомнения или предостережения, – так и «после» - в форме раскаяния, стыда или чувства вины. Феноменологический анализ совести (Хайдеггер, Шелер) показывает, что она имеет не чисто психологический, но онтологический характер: голос совести – это зов к подлинному самобытию, напоминание о том, чем человек должен быть.

Мораль, при всей своей претензии на всеобщность и вечность, имеет историческое измерение. Нравственные нормы и ценности изменялись на протяжении истории: то, что в одну эпоху считалось безусловным долгом, в другую может восприниматься как моральное преступление. Рабство, угнетение женщин, жестокие телесные наказания – всё это некогда было морально легитимным в глазах большинства. Отмена рабства, движение за права женщин, реформирование уголовного наказания – свидетельства реального морального прогресса, признаваемого подавляющим большинством современных людей. Это ставит принципиальный вопрос: является ли моральный прогресс реальным, или речь идёт лишь о смене одних конвенций другими? Моральный реализм утверждает, что существуют объективные моральные истины, которые мы можем более или менее верно познавать. Моральный антиреализм отрицает это, полагая, что моральные суждения – лишь выражения предпочтений или социальных договорённостей. Дискуссия между этими позициями остаётся одной из центральных в современной метаэтике.

В заключении можно резюмировать, что мораль – сложный, многоуровневый феномен, пронизывающий всю жизнь человека и общества. Она включает в себя нормы, ценности, принципы и идеалы, функционирует через общественное мнение и культурные практики. Философское осмысление морали создало богатый арсенал подходов и теорий – от натурализма и деонтологии до консеквенциализма и этики добродетели – каждый из которых схватывает важные аспекты этого феномена. Понять мораль во всей её глубине – значит понять нечто существенное о природе человека и о том, каким образом люди устраивают свою совместную жизнь.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права/ Пер. с немец. Б.Г. Столпнера: Примеч. В.С. Нерсесянца. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 464 с.

2. Материалисты древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955. – 239 с.

3. Антология мировой философии в 4-х томах. – М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. – 576 с.

4. Кант И. Сочинения: в 6-ти томах. – М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. – 477 с.

5. Серебрянский Д.С. Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы // Этическая мысль. – 2011. – № 11. – С. 90-104.

6. Сушенцова М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2017. – Т. 33, Вып. 1. – С. 17-35.

7. Лебедев А.В. Аристотель // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; науч.-ред. совет: В.С. Степин и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010.

8. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Канон, 2021. – 368 с.

9. Нуссбаум М. Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости / Пер. с англ. С. Порфирьевой. – М.: Новое литературное обозрение. 2023. – 632 с.

MORALITY: NATURE AND STRUCTURE

O.K. Kozubaev, *Doctor of Philosophical Science, Professor*
K.K. Karabukaev, *Doctor of Philosophical Science*
Institute of Philosophy named after academician A.A. Altmyshbayev of the National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *This article analyzes the concept of morality in its diverse philosophical, sociological, and cultural interpretations. The main approaches to defining morality are examined: natural philosophy, deontology, consequentialism, and phenomenology. The structural elements of morality – moral norms, values, ideals, and principles – are analyzed. The relationship of morality to law, religion, custom, and other normative systems is explored. Particular attention is given to the universality and historical nature of moral requirements.*

Keywords: *morality; ethics; moral standards; values; moral duty; good and evil; moral philosophy; normative ethics.*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

А.Т. Абдраева[1], *д-р филол. наук, профессор, ректор*
Н.Б. Джаркинбаева[2], *канд. филол. наук, доцент*
Э.Б. Токоева[3], *преподаватель*
С.Э. Талипова[3], *преподаватель*
[1]Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева
[2]Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева
[3]Ошский государственный университет
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)
[3](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-94-99

Аннотация. *В статье рассматриваются функционально-грамматические особенности неличных форм глагола в английском, русском и кыргызском языках. Исследование направлено на выявление общих и специфических черт функционирования инфинитива, причастия, деепричастия и других неличных форм в сопоставляемых языках. Анализируются их морфологические, синтаксические и семантические характеристики, а также особенности употребления в различных коммуникативных ситуациях. Особое внимание уделяется сходствам и различиям в способах выражения процессуальности, признаковости и обстоятельственных значений посредством неличных форм глагола. Результаты исследования показывают, что, несмотря на наличие общих функциональных признаков, каждая языковая система обладает собственными структурными и грамматическими особенностями, обусловленными типологическими характеристиками языка. Полученные результаты могут быть использованы в области сравнительного языкознания, теории перевода и методики преподавания иностранных языков.*

Ключевые слова: *неличные формы глагола; функциональная грамматика; сопоставительное языкознание; английский язык; русский язык; кыргызский язык; инфинитив; причастие; деепричастие; грамматические категории; синтаксические функции.*

Неличные формы глагола представляют собой одну из наиболее сложных и многоаспектных категорий грамматики. Они занимают промежуточное положение между глаголом и другими частями речи, сочетая глагольные и именные признаки, что обусловливает их особую роль в системе языка и речи. Исследование неличных форм позволяет выявить особенности функционирования грамматических категорий и определить национально-специфические черты языков различного строя.

Проблема эквивалентной классификации глагольных форм и их функционально-грамматических особенностей в английском и кыргызском языках привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Особый интерес вызывает сопоставительное изучение неличных форм глагола, прежде всего герундия и его функциональных аналогов в кыргызском языке.

В английском языкознании герундий традиционно рассматривается как синкретическая форма, совмещающая признаки глагола и существительного, что подробно отражено в трудах М.Я. Блоха, Б. Ильиша, Л.С. Бархударова, Г.Р. Кверка и других исследователей. В русской лингвистике вопросы функциональной грамматики и межъязыковых соответствий неличных форм глагола освещались в работах В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А.А. Шахматова [1-3].

Среди современных исследований, посвящённых функционированию неличных форм глагола, особый интерес представляет работа С.Е. Молчановой, посвящённая особенностям употребления инфинитива, герундия и причастия в современной английской разговорной речи. Автор рассматривает частотность использования неличных форм, их синтаксические функции и особенности функционирования в устной коммуникации. Материалом

исследования послужили диалоги из английских и американских художественных произведений, а также тексты современных сериалов, что позволило выявить специфику употребления неличных форм в естественной речи [4].

Результаты исследования показали, что наиболее употребительной неличной формой в разговорной речи является инфинитив (45%), второе место занимает герундий (35%), а причастия используются значительно реже (20%). Автор отмечает, что инфинитив преимущественно выполняет функцию дополнения и широко используется после глаголов желания, намерения и модальности. Герундий сохраняет высокую частотность в конструкциях с предлогами и после определённых глаголов, тогда как причастные формы чаще реализуют обстоятельственные и атрибутивные функции [4].

В кыргызском языкознании значительный вклад в изучение глагольной системы и аналитических конструкций внесли Б. Юнусалиев, К.К. Юдахин, Т.А. Аширбаев и другие ученые. Так, в работе Б. Юнусалиева «Вспомогательные глаголы в киргизском языке» (2022) подробно рассматриваются аналитические конструкции, образуемые с помощью вспомогательных глаголов, а также их роль в выражении способа действия и категории вида [5]. Данное исследование имеет важное значение для понимания функциональной структуры кыргызского глагола и его сопоставления с аналитическими формами английского языка.

Особый интерес для настоящего исследования представляет статья А.А. Сопукуловой «Грамматическая трансформация герундия при межъязыковом переводе (на материале английского и кыргызского языков)», в которой рассматриваются способы передачи герундия при переводе и выявляются эквивалентные конструкции в кыргызском языке [6].

Несмотря на значительное количество исследований, сопоставительное изучение функционально-грамматических особенностей неличных форм глагола в русском, английском и кыргызском языках остается актуальным. Русский язык относится к флективному типу, английский – к аналитическому, а кыргызский – к агглютинативному, что обусловливает различия в составе, грамматических категориях и функционировании неличных форм глагола.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления общих и специфических особенностей неличных форм глагола в языках различного типологического строя, а также недостаточной разработанностью вопросов их сопоставительного анализа. Изучение данной проблемы способствует более глубокому пониманию грамматической организации сопоставляемых языков и может быть использовано в практике преподавания русского, английского и кыргызского языков.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе функционально-грамматических особенностей неличных форм глагола в русском, английском и кыргызском языках.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили примеры употребления неличных форм глагола в русском, английском и кыргызском языках, извлечённые из научных, публицистических и учебных текстов, а также из сопоставительных переводных конструкций. В качестве языкового материала использовались инфинитив, причастие, деепричастие в русском языке; infinitive, gerund, participle в английском языке; инфинитивные, причастные, деепричастные и аналитические конструкции с вспомогательными глаголами в кыргызском языке.

Особое внимание уделялось контекстам функционирования неличных форм в высказываниях различного типа, что позволило рассмотреть их не изолированно, а в реальных условиях речевой реализации.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и лингвистические методы. В работе применялись описательный метод, позволивший выявить и систематизировать функционально-грамматические особенности неличных форм глагола в каждом из рассматриваемых языков; сопоставительный метод, обеспечивший выявление сходств и различий в их грамматической организации и функционировании; а также функциональный метод, направленный на анализ роли неличных форм в структуре высказывания и их участия в выражении вторичной предикации.

Дополнительно использовался контекстуальный анализ, позволяющий определить особенности реализации неличных форм в зависимости от синтаксического окружения и коммуникативной задачи. При анализе кыргызского материала учитывались особенности

аналитических конструкций с вспомогательными глаголами, выражающих аспектуальные и модальные значения.

Использование комплекса данных методов позволило обеспечить комплексное и системное рассмотрение неличных форм глагола в русском, английском и кыргызском языках с точки зрения их функционально-грамматических особенностей.

В результате сопоставительного анализа установлено, что к неличным формам глагола относятся: в английском языке – infinitive, gerund, participle; в русском языке – инфинитив, причастие и деепричастие; в кыргызском языке – инфинитив, причастные и деепричастные формы, а также аналитические конструкции с вспомогательными глаголами. Уже на уровне классификации наблюдается существенное типологическое различие: английский язык выделяет герундий как самостоятельную грамматическую категорию, тогда как в русском и кыргызском языках сходные значения распределяются между различными частями речи и синтаксическими средствами.

Например, сопоставление форм *to read – reading – written*, *читать – читающий – прочитав*, *окуу – окуп – окуган* показывает, что английская система отличается компактностью и строгой формальной организацией. Русский и кыргызский языки характеризуются большей вариативностью и функциональным распределением значений между несколькими формами. Одна и та же семантика действия может выражаться различными морфологическими средствами, что обусловлено типологическими особенностями флективных и агглютинативных языков.

Одной из важнейших особенностей неличных форм является их категориальная неполнота. Они не обладают грамматическими категориями лица, числа и наклонения, однако сохраняют глагольную семантику и способны выражать видовые, временные и залоговые отношения. Это особенно заметно при сопоставлении форм *прочитать – прочитав – прочитанный*, *to write – writing – written*, *жазуу – жазып – жазылган*, где наблюдается переход от значения процесса к значению результата или признака предмета. Подобная трансформация свидетельствует о способности неличных форм совмещать признаки глагола и других частей речи.

Следует отметить, что неличные формы занимают промежуточное положение в системе частей речи. С одной стороны, они сохраняют способность управлять зависимыми словами и выражать действие, а с другой – могут выполнять функции существительного, прилагательного или обстоятельства. Благодаря этому они обеспечивают экономию языковых средств и позволяют передавать сложные смысловые отношения в пределах одного предложения.

Инфинитив в английском языке обладает высокой степенью синтаксической самостоятельности и способен выполнять функции подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства. Например: *To study is important*, *I want to go*, *He came to help us*. Инфинитивные конструкции широко используются в сложных синтаксических моделях, таких как *Complex Object* и *Complex Subject*, что значительно расширяет его функциональные возможности.

В русском языке инфинитив также может выступать в роли различных членов предложения: *Учиться важно*, *Я хочу читать*, *Ему трудно понять*. Однако его употребление чаще связано с модальными значениями необходимости, желания, возможности или намерения. Инфинитив в русском языке тесно взаимодействует с категорией вида, поскольку противопоставление совершенного и несовершенного видов позволяет выражать завершённость или длительность действия.

В кыргызском языке инфинитивные формы активно участвуют в передаче субъективной модальности и часто входят в состав аналитических конструкций: *окуу маанилүү*, *мен окугум келет*, *барууга тийиш*. Аффиксальная система языка позволяет выражать различные оттенки желания, намерения, необходимости и возможности. Это свидетельствует о тесной связи инфинитива с модально-предикативной системой кыргызского языка.

Причастия в трёх языках выполняют прежде всего атрибутивную функцию, однако способы выражения признака существенно различаются. В английском языке конструкции *a running man* и *a written letter* демонстрируют противопоставление активного и пассивного значения, а также процессуального и результативного признака. Причастия английского языка отличаются относительной морфологической простотой и широко используются в составе причастных оборотов.

В русском языке причастия обладают развитой системой грамматических категорий: они изменяются по роду, числу и падежу, согласуются с определяемым словом и могут иметь формы настоящего и прошедшего времени, действительного и страдательного залога. Например: *читающий студент*, *прочитанная книга*, *решённая задача*. Такая система обеспечивает высокую степень грамматической дифференциации и позволяет точно передавать различные оттенки значения.

Кыргызские причастные формы отличаются многообразием временных и аспектуальных значений. Формы *окуган студент*, *жазылган кат*, *чуркап бара жаткан адам* могут обозначать завершённое, продолжающееся или ожидаемое действие. Особенностью кыргызского языка является широкое использование аналитических причастных конструкций, где значение формируется сочетанием нескольких компонентов. Это позволяет более детально передавать временные и аспектуальные характеристики действия.

Деепричастие в русском языке служит средством выражения вторичного действия и обстоятельственных отношений. Например: *Читая книгу, он слушал музыку*; *Вернувшись домой, она позвонила родителям*. Деепричастные конструкции передают одновременность, предшествование, причину или условие и обеспечивают компактность синтаксического выражения.

В английском языке отдельная категория деепричастия отсутствует. Его функции выполняют причастные конструкции: *Reading a book, he listened to music*; *Having finished the work, she left the office*. Таким образом, английский язык компенсирует отсутствие специальной формы посредством синтаксических средств и расширенного употребления причастий.

В кыргызском языке вторичное действие выражается деепричастными формами и последовательностью глагольных конструкций: *Китеп окуп отуруп, ал музыка укту*; *Үйгө келип, тамак жасады*. Деепричастные формы играют важную роль в организации сложного предложения и позволяют обозначать последовательность, одновременность и причинно-следственные отношения между действиями.

Особое место в английской системе занимает герундий, сочетающий свойства глагола и существительного. В предложениях *Swimming is useful*, *I enjoy reading*, *He insisted on coming* действие осмысливается как процесс, предмет мысли или объект оценки. Герундий может выступать подлежащим, дополнением, обстоятельством и частью предложного сочетания, что делает его одной из наиболее функционально активных неличных форм английского языка.

В русском и кыргызском языках аналогичные значения обычно передаются отглагольными существительными или инфинитивными конструкциями: *плавание полезно*, *чтение книг развивает мышление*, *окуу пайдалуу*. Отсутствие специальной формы, аналогичной английскому герундию, свидетельствует о различии способов концептуализации действия в сопоставляемых языках.

Особенностью кыргызского языка является развитая система вспомогательных глаголов, образующих аналитические конструкции: *жазып жатат*, *окуп жатат*, *барып келди*, *алып келди*, *келе жатат*. Эти формы выражают аспектуальные значения длительности, завершённости, повторяемости и результативности действия. Например, *жазып жатат* обозначает действие в процессе осуществления, *жазып бүттү* – завершённость действия, а *жаза берди* – его продолжительность или повторяемость.

Использование вспомогательных глаголов значительно расширяет функциональные возможности неличных форм в кыргызском языке и компенсирует отсутствие развитой морфологической категории вида, характерной для русского языка. Аналитические конструкции позволяют более точно передавать временные и аспектуальные отношения и играют важную роль в организации высказывания.

Таким образом, проведённое сопоставительное исследование показало, что неличные формы глагола в английском, русском и кыргызском языках выполняют общую функцию выражения вторичной предикации, обеспечивая передачу дополнительных процессуальных, обстоятельственных и признаковых значений. Несмотря на общность их функционального назначения, каждая языковая система обладает собственными структурными и грамматическими особенностями, обусловленными типологической спецификой языка.

Английский язык характеризуется развитой системой формального разграничения неличных форм, включающей инфинитив, герундий и причастия, которые обладают широкими синтаксическими возможностями и активно функционируют в различных конструкциях. Русский язык отличается богатой морфологической системой причастий и деепричастий, позволяющей передавать сложные временные, аспектуальные и обстоятельственные отношения внутри предложения. В кыргызском языке неличные формы представлены причастными и деепричастными образованиями, а также аналитическими конструкциями с участием вспомогательных глаголов, что отражает агглютинативный характер языка и его специфические способы выражения предикативных отношений.

Сопоставительный анализ позволил выявить как универсальные черты функционирования неличных форм глагола, так и национально-специфические особенности их употребления. Общими для всех трёх языков являются способность неличных форм сочетать признаки глагола и других частей речи, участие в построении сложных синтаксических конструкций и реализация различных семантических отношений. В то же время различия проявляются в степени морфологической оформленности, синтаксической самостоятельности и функциональной нагрузке данных форм.

Полученные результаты подтверждают важность функционально-грамматического подхода к изучению неличных форм глагола и демонстрируют необходимость их рассмотрения в типологическом и сопоставительном аспектах. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах сравнительного языкознания, теории и практики перевода, функциональной грамматики, а также в методике преподавания английского, русского и кыргызского языков. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением особенностей функционирования неличных форм в художественном и публицистическом дискурсе, а также с анализом их переводческих соответствий в условиях межъязыковой коммуникации.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986.
2. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1980.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Молчанова С.Э. Особенности употребления неличных форм английского глагола в современной разговорной речи // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №3. – С. 96-107.
5. Юнусалиев Б. Вспомогательные глаголы в кыргызском языке. – Бишкек: Кут-Бер, 2022. – 151 с.
6. Сопукулова А.А. Грамматическая трансформация герундия при межъязыковом переводе (на материале английского и кыргызского языков) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 7-1(106). – С. 97-102.

FUNCTIONAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF NON-PERSONAL VERB FORMS IN ENGLISH, RUSSIAN AND KYRGYZ LANGUAGES

A.T. Abdraeva[1], *Doctor of Philological Sciences, Professor, Rector*
N.B. Dzharkinbayeva[2], *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
E.B. Tokoeva[3], *Lecturer*
S.E. Talipova[3], *Lecturer*
[1]Kyrgyz State University named after I. Arabaev
[2]Bishkek State University named after K. Karasaev
[3]Osh State University
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)
[3](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the functional and grammatical features of non-personal verb forms in English, Russian and Kyrgyz languages. The research aims to identify common and specific features of the functioning of the infinitive, participle, gerundial and other non-personal forms in the compared languages. Their morphological, syntactic and semantic characteristics are analyzed, as well as the peculiarities of their use in various communicative situations. Special attention is paid to the similarities and differences in the ways of expressing procedural, trait, and circumstantial meanings through nonpersonal verb forms. The results of the study show that, despite the presence of common functional features, each language system has its own structural and grammatical features due to the typological characteristics of the language. The results obtained can be used in the field of comparative linguistics, translation theory and methods of teaching foreign languages.*

Keywords: *non-personal verb forms; functional grammar; comparative linguistics; English; Russian; Kyrgyz; infinitive; participle; adverbial; grammatical categories; syntactic functions.*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЗДАНИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА «УЖАСЫ» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕДАЧИ

Д.Е. Бомбизова, *студент*
Н.А. Абросимова, *канд. филол. наук, доцент*
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-100-104

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена тем, что категория эмотивности занимает особое место в художественных произведениях жанра «ужасы», позволяя авторам посредством эмотивной лексики создавать пугающие образы загадочных существ, а также детально описывать психологическое и физическое состояние персонажей. Цель исследования – выявление средств создания категории эмотивности и особенностей стратегий их передачи. Особенности передачи таких средств заключаются в том, что переводчик стремится выбрать наиболее распространенные и узнаваемые единицы языка принимающей культуры.*

Ключевые слова: *категория эмотивности; эмотивная лексика; жанр «ужасы»; лексика со значением эмоционального состояния; лексика со значением эмоционального отношения; лексика со значением эмоциональной характеризации.*

Настоящая статья посвящена изучению средств репрезентации создания категории эмотивности в художественных произведениях жанра «ужасы» и особенностям их передачи. В настоящее время, благодаря творчеству таких прославленных авторов как Г. Ф. Лавкрафт и Стивен Кинг, жанр переживает второе рождение, выпускается огромное количество книг и многие из них, в том числе переводятся на русский язык.

Актуальность исследования обусловлена тем, что требования русскоязычных читателей к качеству переводимых произведений жанра «ужасы» значительно возросли в последнее десятилетие. Категория эмотивности является первостепенным элементом для жанра «ужасы», благодаря средствам репрезентации которой, и выстраивается атмосфера произведения, активизирующая в сознании читателя самые потаенные страхи. Кроме того, несмотря на неоднократное обращение исследователей к проблеме категории эмотивности, данная тема до сих пор остается недостаточно изученной в научном сообществе.

Цель данной работы – выявление особенностей стратегий передачи средств создания категории эмотивности. Для достижения данной цели в ходе исследования решаются следующие задачи:

1) рассмотреть понятие «категория эмотивности»;

2) выделить особенности передачи средств репрезентации создания категории эмотивности.

Материалом исследования послужили рассказы и романы двух самых знаменитых авторов жанра «ужасы» – Г. Ф. Лавкрафта и Стивена Кинга, оказавших огромное влияние на это литературное направление, также именно эти писатели в числе первых начали активно задействовать эмотивную лексику для более подробного описания чувств и переживаний своих персонажей.

Лингвист В. И. Шаховский так трактует понятие «эмотивность» – «это языковая категория, представляющая собой имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 2019: 69] и предлагает следующую классификацию эмотивной лексики:

1) лексика со значением эмоционального состояния (рассердился, порадовался, взбешен);

2) лексика со значением эмоционального отношения (любить, не любить);

3) лексика со значением эмоциональной характеризации (идиот, чадо, малыш, чертенок) [Шаховский, 2019: 92].

Средства репрезентации категории эмотивности играют огромную роль в выстраивании психологического напряжения. Такие стилистические средства как ирония, парцелляция, параллелизм, риторический вопрос, оксюморон и т. д. также активно используются авторами жанра. Благодаря этому повествование «помогает захватить и удержать внимание и интерес читателей, которые именно благодаря таким средствам эмотивности могут понять чувства и эмоции действующих лиц, проникнуть в их внутренний мир и получить дополнительную информацию о поведении персонажей при выражении своих эмоций» [Семендяева, 2024: 103].

Невозможно говорить о категории эмотивности без упоминания категории экспрессивности, служащей для «выражения свойств, чувств, эмоций, и которая имеет индивидуальную оригинальность употребления и выражается в особенностях словоупотребления тех или иных элементов речи» [Шитов, 2022: 2]. В то время как многие исследователи спорили, либо о полной идентичности этих двух понятий, либо об их противоположности, В. И. Шаховский допускал сходство этих явлений при их полной автономности друг от друга, поскольку «эмотивность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, в то время как экспрессивность чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-нибудь адресата» [Шаховский, 1975: 3-25]. Эмотивность выражается на всех языковых уровнях, а именно:

1) фонетический – эмотивность выражается через просодические средства языка в виде рифмы, ритма, аллитерации, вопросительных и восклицательных знаков, тем самым передавая особенности речи персонажей;

2) лексический – эмотивность выражается через эмоционально-экспрессивную лексику, устойчивые выражения, метафоры, частицы и междометия;

3) грамматический – эмотивность выражается через словообразование и использование грамматических форм, времен и наклонений;

4) синтаксический – эмотивность выражается через создание параллельных конструкций, повторов, однородных членов предложения, градации, парцелляции и т. д.

Перейдем к разбору примеров выражения категории эмотивности, взятых из произведений жанра «ужасы» – «Кладбище домашних животных» Стивена Кинга и «Крысы в стенах» Г. Ф. Лавкрафта, и пронаблюдаем, как взаимодействует лексика эмоционального состояния и эмоционального отношения для того, чтобы создать убедительный образ психологического и физического напряжения героя. В жанре «ужасы» лексика эмоционального состояния и эмоционального отношения взаимодействуют между собой для достоверного создания психологического и физиологического состояния, поэтому примеры с такой лексикой будут рассмотрены в первых двух примерах без строгого следования классификации В. И. Шаховского. Лексика эмоциональной характеризации используется для того, чтобы дать оценку внешности и поведению вымышленного существа жанра «ужасы», что будет рассмотрено в третьем примере. Общий корпус примеров составляет около 70 примеров передачи эмотивных единиц с английского на русский, в рамках статьи будет анализироваться 29 примеров из 6 фрагментов художественного текста, как оригинального, так и переведенного.

Таблица 1.

Оригинал	Перевод
Remember, it ain’t a kid. It may scream or somethin’ when it sees you’ve got its number; it may cry. But you ain’t gonna be fooled. You been fooled too many times already, old man. This is your last chance.	Помни, это не ребенок! Тварь может кричать, может начать говорить что-то, когда ты нападешь на нее... она может говорить на разные голоса... Но ты же не поддашься на обман. Ты делал глупости уже много раз, старик. Это – твой последний шанс!

В вышеприведенном фрагменте один из второстепенных персонажей романа, старик Джад, раздумывает о нападении на пришедшего с кладбища монстра в облике ребенка. Поскольку речь идет о таком интимном процессе, как мыслительный, то категория эмотивности в данном случае проявляется на лексическом и грамматическом уровнях при помощи слов *ain’t*, *somethin’*, *gonna be*, *you been fooled*, которые демонстрируют нам

быстротечность мысли и отсутствие какого-либо контроля грамотности, что максимально приближает текст романа к реальности. В переводе эти грамматические особенности не были никак адаптированы, но вместо этого переводчик применил интересное решение с использованием знаков пунктуации для нагнетания напряжения и передачи мыслительного процесса. На фонетическом уровне категории эмотивности восклицательные знаки подчеркивают мысленные решения старика, его попытки придать самому себе смелости, в то время как многоточия усиливают чувство страха, а точки констатируют факты, так что мы можем говорить о полноценной компенсации мысленного процесса и верной расстановке акцентов. Встречается идиоматическое выражение – *to have somebody's number*, означающее «понимание о человеке какой-либо информации, которая поможет получить над ним преимущество» [URL: https://www.ldoceonline.com], но в переводе это заменено на *когда ты нападешь на нее*, что не совсем равноценно, так как в оригинальном тексте подразумевалась именно разоблачение существа в облике маленького ребенка, а не какое-либо действие по отношению к нему. Резюмируя все вышенаписанное, категория эмотивности в данном случае позволяет читателю проникнуть в голову персонажа и больше понять его страхи и устремления.

Рассмотрим, как в оригинальном произведении Г. Ф. Лавкрафта «Крысы в стенах» и его переводе от В. Чарного при помощи лексики эмоционального состояния описываются происходящие с персонажами физиологические изменения из-за встречи с пугающим явлением.

Таблица 2.

Оригинал	Перевод
A few steps more, and our breaths were literally snatched from us by what we saw; so literally that Thornton actually fainted in the arms of the dazed men who stood behind him. Norrys, his plump face utterly white and flabby, simply cried out inarticulately; whilst I think that what I did was to gasp or hiss, and cover my eyes.	Через несколько шагов у нас перехватило дыхание от того, что мы увидели. Торнтон упал в обморок на руки соседа, потрясенного увиденным. Норрис, полное лицо, которого вдруг стало бледным и обрюзгшим, нечленораздельно закричал, а я, кажется, стал задыхаться и шипеть, закрыв глаза.

В данном примере автор экспрессивно описывает вербальные реакции героев, обнаруживших подземелье с живущими там на протяжении многих столетий людьми, которые за это время практически полностью утратили человеческий облик. Категория эмотивности здесь в виде лексики эмоционального состояния призвана описать, какое влияние страх оказывает на организм – *breaths were literally snatched from us*, *actually fainted in the arms*, *simply cried out inarticulately*. В переводе сохранено описание физиологических реакций – *перехватило дыхание*, *упал в обморок*, *нечленораздельно закричал*, однако, полностью утрачены сопровождающие их наречия *literally* (рус. «буквально»), *actually* (рус. «фактически»), *simply* (рус. «просто»), расставлявшие экспрессивные акценты. При этом за счет этого перевод вышел более компактным, как и в случае замены избыточной синтаксической конструкции *whilst I think that what I did* на *а я, кажется*. Категория эмотивности проявляется и в используемых автором, на первый взгляд, совершенно обычных прилагательных, в контексте жанра наоборот указывающих на сильный удар по здоровью персонажей, лексике эмоционального состояния – *dazed*, *white*, *flabby*. В переводе указанные единицы были переданы как *потрясенное*, *бледное* и *обрюзгшее*, соответственно, при помощи них выражается сильнейшее нервное потрясение, вплоть до потери связи с реальностью, и удара по психическому и физическому здоровью.

Особенность жанра «ужасы» такова, что даже при наличии интересных персонажей и проработанной сюжетной линии, произведение не сможет стать классикой жанра без главного антагониста-чудовища, чей образ должен не только интриговать, но и пробуждать самые сокровенные страхи человека при полноценном появлении. Рассмотрим еще один пример из «Кладбища домашних животных» Стивена Кинга, где автор выстраивает устрашающий образ монстра.

Таблица 3.

Оригинал	Перевод
Suddenly the mist lost its light and Louis realized that a face was hanging in the air ahead of him, leering and gibbering. Its eyes, tilted up like the eyes in a classical Chinese painting, were a rich yellowish-gray, sunken, gleaming. The mouth was drawn down in a rictus; the lower lip was turned inside out, revealing teeth stained blackish-brown and worn down almost to nubs. But what struck Louis were the ears, which were not ears at all, but curving horns… they were not like devil's horns; they were ram's horns.	Неожиданно туман сгустился, и Луису показалось, что впереди в тумане он видит чье-то лицо: злобное и бормочущее; глаза имели раскосый восточный разрез – яркие, желтовато-серые, сверкающие; не рот – дыра; вытянувшиеся губы прикрывали ее, кривые зубы с темно-коричневыми пятнами. Но поразили Луиса уши, которые были вовсе не ушами, а закрученными рогами… не дьявольскими рожками, а бараньими рогами.

Еще один пример из известного произведения Стивена Кинга охватывает момент, когда главный герой, Луис, идет на кладбище домашних животных через туманное болото, где видит пугающие и загадочные образы, основной из которых – Вендиго, рогатый и полупрозрачный демон голода по поверьям индейцев. Показательна культурная адаптация в описании глаз существа, которые были как на *classical Chinese painting* (рус. «на классической китайской картине»), переводчик просто обобщил это до *восточный*, так как для русскоязычного человека это будет понятнее в силу многообразия народностей, проживающих на территории большой страны, что можно назвать определенной компенсацией и сохранением прагматического эффекта. Слово *rictus* в описании рта было переведено как «дыра», хотя согласно словарному определению это определенное «выражение лица, при котором человек улыбается, показывая зубы, но при этом не выглядит счастливо и расслабленно» [URL: https://www.ldoceonline.com], так что это не что-то бездонное, как создается впечатление при чтении отрывка, а опасная острозубая улыбка. Далее идет описание собственно зубов и в переводе полностью опущена важная о них деталь – *worn down almost to nubs* (рус. «сточены почти под корешок»), что мы можем характеризовать как смысловую потерю и снижение прагматического эффекта, так как этот момент вкупе с прилагательным *sunken* (рус. «впалый, изможденный») выстраивает классический образ Вендиго из мифологии, худой дух вечного голода, который никогда не насытится, сколько бы не ел. Однако, без этих важных деталей описания внешности русскоязычный читатель, у которого отсутствуют фоновые знания об американской культуре, с трудом поймет, что главный герой увидел именно Вендиго. При описании существа несколько раз встречается лексическая единица эмоциональной характеризации – *horns* (рус. «рога»), однако, конкретно *devil's horns* (рус. «рога дьявола») по неизвестным причинам были переведены уменьшительно-ласкательно как *дьявольские рожки*, что несколько снижает модальность исходного текста, кроме того, не упоминается размер рогов, в то время как наименование «рожки» сразу вызывают ассоциации с чем-то маленьким и незначительным.

Таким образом, особенности передачи средств создания категории эмотивности заключаются в том, что переводчик стремится найти на языке принимающей культуры не только такие средства, которые окажут такое же воздействие на реципиента перевода, как и на реципиента оригинала, но и будут понятны русскоязычному читателю в силу особенностей восприятия. На языковых уровнях это проявляется следующим образом, на фонетическом – через восклицательные знаки и многоточия, на лексическом – через метафоры, эпитеты, гиперболы, сравнения, на грамматическом – через глаголы прошедшего времени, на синтаксическом – через парцелляцию, градацию. В переводе они передаются при помощи приемов замены образа, компенсации, парцелляции, эквивалентной лексической замены и т. д., при этом прагматический эффект в большинстве случаев сохраняется, поскольку переводчики подбирали наиболее узнаваемую для реципиента эмотивную лексику языка перевода. В некоторых случаях прагматический эффект был снижен из-за различий в синтаксисе или культуре двух языков, невозможности подобрать полный функциональный аналог, невнимательности переводчика и отсутствия корректного предпереводческого анализа.

Библиографический список

1. Кинг С. Кладбище Домашних животных // Кэдмэн, 1993. – 432 с.
2. Лавкрафт Г.Ф. Крысы в стенах / Зов Ктулху, пер. В. Чарный. – М.: Эксмо, 2019. – С. 185-215.
3. Семендяева Ю.Ю. Стилистические особенности репрезентации эмотивности в художественном дискурсе // Казанский лингвистический журнал. – 2024. – № 1.
4. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – 1975. – Вып. 2. – С. 3-25.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М., 2019. – 208 с.
6. Шитов И.Д. Понятие экспрессивности и её роль на уровне словообразования // E-Scio. – 2022. – № 6 (69).
7. Coşulean L. Negative Emotions in English Proverbs and Idiomatic Expressions // Buletinul ştiinţific al Universităţii de Stat "Bogdan Petriceicu Hasdeu" din Cahul. Seria "Stiinte Umanistice". – 2025. – Vol. 22, № 2. – P. 199-211.
8. King S. Pet Sematary / King S. 1983. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://readerslibrary.org/wp-content/uploads/Pet-Sematary.pdf.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 2024. – 128 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ldoceonline.com/.
11. Lovecraft H.P. The Rats in the Walls // The Dunwich Horror and Others (англ.) / ed. S.T. Joshi. 9th corrected printing. Sauk City, Wisconsin: Arkham House, 1984. – ISBN 978-0-87054-037-0.
12. Moon J. The Internal Continuity of Lovecraft's Fungi from Yuggoth / J. Moon // H.P. Lovecraft: Selected works, critical perspectives and interviews on his influence / edited by Leverett Butts. – Jefferson (NC): McFarland & C°, Inc., Publishers. 2018. – P. 244-255.
13. Wilks C. Emotion, Truth and Meaning. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 2002. – 263 p.

THE MEANS OF REPRESENTING THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN HORROR LITERARY WORKS AND FEATURES OF THEIR TRANSLATION

D.E. Bombizova, *Student*
N.A. Abrosimova, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Herzen State Pedagogical University of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The relevance of this study is due to the fact that the category of emotivity holds special place in horror literary works, allowing its authors through the use of emotive vocabulary to create frightening images of mysterious beings, as well as to detail the psychological and physical condition of the characters. The aim of the study is to identify the means of creating the category of emotiveness and the strategies for conveying it. Conveying these elements becomes a primary translation task, since in case of failure literary work will not evoke the desired emotional response in the reader and, consequentially, is bound to fail on the foreign-language market.*

Keywords*: category of emotivity; emotive lexicon; horror genre; lexis denoting emotional state; lexis denoting emotional attitude; lexis denoting emotional characterization.*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЖАРГОНА КОМАНДЫ RED BULL RACING КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФАНАТСКОГО СООБЩЕСТВА FORMULA-1

Н.Ю. Буряк, *доцент*
Е.В. Островская, *студент*
Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-105-110

Аннотация. *В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности англоязычного жаргона автогоночной команды Oracle Red Bull Racing как инструмента конструирования корпоративной идентичности ее фанатского сообщества. На материале официального медиаконтента команды и дискуссий на платформе Reddit выделены ключевые функционально-тематические группы жаргонизмов (технические, эмоционально-мемные, милитаристские). Анализируются механизмы социальной стратификации по принципу «свой – чужой» и прагматические функции спортивного дискурса в кризисных для бренда ситуациях.*

Ключевые слова: *спортивный дискурс; Формула-1; лингвопрагматика; жаргон; корпоративная идентичность; Red Bull Racing; гейткипин.*

Актуальность данной темы заключается в том, что современная Формула-1 давно вышла за рамки обычного спортивного соревнования, превратившись в глобальный медийный и технологический продукт. В условиях жесткой конкуренции гоночные команды вынуждены формировать преданные фанатские сообщества не только за счет побед на трассе, но и с помощью продуманных языковых стратегий. Особое место в этом пространстве занимает команда Oracle Red Bull Racing. Будучи проектом, рожденным в индустрии маркетинга, она транслирует яркий имидж «бунтарей» и «инноваторов». Корпоративная стратегия RBR строится на сочетании сложнейших инженерных технологий и подчеркнуто неформального стиля общения. Фирменные фразы команды, будь то маркеры внутреннего единства («The guys and girls back at the factory») или эмоциональные мем-коды («Simply Lovely»), выходят далеко за пределы стандартного радиообмена. Использование таких конструктов, как ироничное занижение собственных ожиданий («sandbagging») или описания технического совершенства машины («The car is on rails»), позволяет команде эффективно управлять восприятием аудитории и превращать спортивные успехи в культурный капитал.

Теоретическую основу исследования составили труды Е.И. Шейгал по спортивному дискурсу и работы Е.Г. Малышевой, посвященные стратегиям формирования имиджа, а также научные исследования Н.Ю. Буряк, посвященные и лакунарным явлениям в социо и медиапространстве. В вопросах профессиональной лексики и жаргонизации авторы опираются на классификацию Е.И. Головановой, а механизмы идеологического влияния интерпретируются через критический дискурс-анализ Т.А. ван Дейка. Для оценки прикладных аспектов маркетинговой лояльности используются концепции Ф. Котлера, тогда как семиотический анализ мемов базируется на методологии Л. Шифман.

Несмотря на значительный корпус теоретических работ, специфика жаргона конкретной автоспортивной команды как инструмента конструирования идентичности фанатов остается малоизученной. В большинстве исследований спортивный дискурс рассматривается как гомогенная система, что не позволяет раскрыть процессы адаптации «внутреннего» кода инженеров и гонщиков широкой аудиторией. Исследовательский пробел заключается в трансформации узкоспециализированных терминов – таких как «aero update», «clipping» или «delta» – в «языковые пароли» внутри цифровых фанатских сообществ. Данная работа, опираясь на научные исследования Н.Ю. Буряк, направлена на восполнение этого лакунарного пространства в современной лингвистике [1].

Стремление заполнить эту пустоту определяет цель настоящего исследования – выявить и описать лингвопрагматические особенности англоязычного жаргона Oracle Red Bull Racing как инструмента формирования корпоративной идентичности в сообществе болельщиков Формулы-1. Для реализации этой цели предполагается классифицировать корпус эмпирических данных по ключевым тематическим группам, включающим корпоративную риторику, технический анализ, тактический код и мемдискурс. Дальнейший анализ направлен на раскрытие прагматической функции каждой группы в контексте позиционирования бренда; а также определения роли этого специфического языка в процессах социального деления и сплочения внутри фанатской среды на основе анализа сетевых дискуссий и официального медиаконтента команды.

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 120 специализированных лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из аутентичных англоязычных источников за 2023-2025 годы.

Методологический аппарат работы носит комплексный характер. Ведущим подходом выступает лингвопрагматический анализ, опирающийся на классическую теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, а также на отечественные разработки Н.Д. Арутюновой и В.И. Карасика. Это позволяет детально изучить коммуникативные интенции команды и перлокутивный эффект, оказываемый на болельщиков. Дискурс-анализ позволил выявить скрытые механизмы конструирования корпоративной идентичности, а контекстуальный анализ и метод классификации обеспечили интерпретацию узкоспециализированных терминов в рамках выделенных функционально-тематических кластеров. Ограничение исследования обусловлено фокусом на качественном анализе; количественные методы привлекаются лишь как вспомогательный инструмент, поскольку приоритетной задачей является раскрытие механизмов формирования социальной идентичности, а не статистическая корреляция лексем.

Таблица 1. Функционально-тематическая классификация англоязычного жаргона RBR

Функционально-тематическая группа	**Лексические единицы / Фразы**	**Прагматическая функция в дискурсе**
Технический и инженерный жаргон	Floor edge, Skid block, Vortex generators, Outwash, Boundary layer, Aero balance shift	Формирование «внутреннего знания», создание барьера экспертности и статусной иерархии.
Эмоционально-оценочный код (мемы)	Simply lovely, Haha, yes boys!, Mega!, Hannah’s espresso	Фатическое общение, поддержание эмоциональной связи, ритуализация триумфа и катарсиса.
Милитаристская и бунтарская метафорика	Unleash the beast, Hunt them down, Charge, Defend, #UnleashTheLion, Full send	Концептуализация гонки как битвы, конструирование проактивной идентичности «воина».
Дискурсивный камуфляж (тактический код)	Sandbagging, In the window, Strat 7, Fail 84	Психологическая защита при спаде результатов, камуфлирование уязвимостей бренда.

Так, современный автоспорт демонстрирует любопытную трансформацию: закрытый инженерный жаргон, который раньше служил исключительно для оперативной связи на пит-уолле, сегодня становится достоянием широкой аудитории. Oracle Red Bull Racing делает этот язык инструментом формирования «элитарного знания» внутри фанатского сообщества. Таким образом, намеренная трансляция сложных технических терминов через официальный контент – это не просто просвещение, а осознанная прагматическая стратегия.

В официальных продуктах команды, таких как серия подкастов «Talking Bull» или технические обзоры «Tech Talk», руководство и инженеры намеренно оперируют сложными лексическими конструктами без их существенной адаптации для массового потребителя. Например, объясняя аэродинамическую концепцию болида, главный конструктор Эдриан Ньюи использует метафору «clean air is king», детально описывая влияние невозмущенного потока воздуха на генерацию прижимной силы, и оперирует экспрессивным термином «porpoising nightmare» для характеристики разрушительного продольного галопирования машины. Аналогичная стратегия наблюдается в публичных разборах работы с резиной:

главный инженер Пол Монаган в рамках выпусков «Tyre Strategy Explained» вербализует процессы теплового разрушения шин через термин «blistering hot» (внутренний перегрев каркаса) и описывает попадание резины в оптимальный температурный режим фразой «in the window». Использование конструктов вроде «aero balance shift» (смещение аэродинамического баланса) или «nailing the setup window» (идеальное попадание в узкий диапазон настроек) позиционирует аудиторию Red Bull как интеллектуально зрелую и способную разобрать сложную физику автоспорта самостоятельно.

Прагматический эффект такого воздействия особенно заметен в процессе присвоения технического жаргона фанатским сообществом [4]. Овладение им даёт болельщику значимый символический капитал и чувство интеллектуального превосходства над «казуальными» зрителями, которые ограничиваются общими эмоциональными оценками. Анализ обсуждений на Reddit (в частности, в тредах, посвящённых обновлениям машины) показывает, как участники массово переходят на профессиональный регистр, активно используя зафиксированную в таблице 1 аэродинамическую терминологию и сознательно отказываясь от упрощённых бытовых описаний в пользу точного языка.

Таким образом, технический жаргон Oracle Red Bull Racing выполняет двойственную прагматическую функцию. С одной стороны, он выступает инструментом просвещения и глубокого вовлечения аудитории. С другой – работает как жёсткий социолингвистический фильтр, чётко проводящий границу между «инсайдерами» и «аутсайдерами». Точное употребление терминологии легитимизирует статус пользователя как полноправного члена сообщества, разделяющего ментальное пространство с инженерами и гонщиками команды. Напротив, незнание ключевых различий (например, между механическим «ride height» – дорожным просветом и аэродинамическим «rake» – наклоном корпуса) часто приводит к ироничному вытеснению участника из дискуссии и его маргинализации. В итоге специализированный жаргон трансформируется из чисто технического средства описания характеристик болида в мощный социальный маркер лояльности, принадлежности и статусной иерархии внутри фанатского сообщества Формулы-1.

Наряду с интеллектуальным барьером, который создает суровый технический жаргон, важнейшим инструментом формирования корпоративной идентичности Oracle Red Bull Racing выступает эмоционально-оценочный код. Регулярно повторяющиеся реплики пилотов, локальные шутки из радиообмена и официальные медийные слоганы быстро трансформируются в специфические сетевые мемы. Внутри фанатского комьюнити такие фразы частично утрачивают свое первоначальное прямое значение и начинают функционировать как лингвистические «пароли». Воспроизведение этих вербальных конструктов в социальных сетях становится для болельщиков обязательным ритуалом, который подтверждает лояльность бренду и фиксирует принадлежность пользователя к группе «своих».

Ярким примером подобной дискурсивной трансформации служит коммуникация, построенная вокруг победных радиопереговоров Макса Ферстаппена. Традиционные возгласы пилота, такие как «Simply lovely» или «Haha, yes boys!», мгновенно тиражируются SMM-службой команды и массово подхватываются аудиторией. Главная прагматическая функция этих маркеров в сети X (Twitter) (запрещенная на территории Российской Федерации организация) и на платформе Reddit – фатическое общение и ритуализация успеха. В моменты триумфа фанаты активно прибегают к стратегии текстового отзеркаливания (эхолалии), публикуя комментарии из коротких цитат вроде «Mega!» или «Simply lovely, boys, what a race». Это позволяет болельщикам разделять коллективный катарсис, фиксируя принадлежность к группе «своих». Сюда же относятся персонализированные титулы и хэштеги, конструирующие уникальные образы членов коллектива (например, эпитет «Tyre whisperer» для Серхио Переса или упоминание инженера Джанпьеро Ламбьязе – «GP») [3].

Важным элементом мифологизации структуры выступает тактический код, включающий ингрупповые мемы вокруг фигуры главного стратега Ханны Шмитц. Болельщики наделяют её титулами «The mastermind» («выдающийся ум») и «The brain on the pit wall» («мозг на командном мостике»), а обсуждение её стрессоустойчивости порождает узкий мем «Hannah's

espresso». Упоминание чашки кофе в критические фазы Гран-при становится для аудитории символом абсолютного хладнокровия и неизбежности тактической победы. С помощью этого кода в фанатской среде выстраивается жесткая бинарная оппозиция по отношению к соперникам: прославляя безупречный аналитический аппарат своего мостика, фанаты Red Bull используют иронию для обесценивания аутгруппы (конкурентов). В результате эмоционально-оценочная лексика работает как мощный социальный клей, переводящий сложную техническую реальность Формулы-1 в плоскость живой корпоративной мифологии, где каждый фанат чувствует себя неотъемлемой частью глобальной победоносной структуры [7].

Одной из наиболее ярких лингвопрагматических особенностей коммуникативной стратегии Oracle Red Bull Racing является активная эксплуатация милитаристской и «бунтарской» метафорики, которая сознательно дистанцирует вербальный код команды от академической сдержанности традиционных автопроизводителей. В противовес технократическому пафосу «инженерного превосходства», присущему таким командам, как Mercedes или Ferrari, Red Bull выстраивает идентичность, опирающуюся на энергетику борьбы, драйва и агрессивного наступления. В этой системе координат гоночный процесс концептуализируется не как техническое соревнование, а как бескомпромиссная битва, где команда предстает в образе опасного и дерзкого хищника.

Вербализация данной стратегии через лексемы «unleash the beast», «hunt them down», «charge» и «defend» переводит дискурс в режим полевых действий. Этот подход масштабируется и в персонализированном маркетинге: например, продвижение бренда Макса Ферстаппена через хэштег #UnleashTheLion транслирует идею высвобождения первобытной силы. В фанатской среде заданный код гиперболизируется – радикальные оценки маневров («Full send») или успехов пилота («He just destroyed the field») формируют нарратив, наделяющий участников чертами непобедимых комбатантов.

Дискурсивная пропасть между Red Bull и конкурентами особенно отчетливо проявляется в кризисные моменты. Если традиционные коллективы тяготеют к реактивным, подчеркнуто осторожным формулировкам (например, «Question, we are checking»), то командный мостик RBR транслирует проактивный код. Сугубо технические инструкции, такие как приказ «ignore Mercedes/Ferrari», перекодируются аудиторией в манифест ментального превосходства, низводящий аутгруппу до статуса «белого шума». Этот же механизм защиты срабатывает и в периоды спада результатов, когда аудитория активирует стратегии дискурсивного камуфляжа. В таких ситуациях реальная уязвимость интерпретируется через защитные термины вроде «sandbagging» (намеренное сокрытие потенциала) или трактуется как элемент «психологических игр». В итоге транслируемый командой милитаристский код становится прочным фундаментом для жесткого разграничения пространства на «своих» и «чужих» [2]. В условиях высокой поляризации онлайн-дискурса Формулы-1 данный вербальный арсенал утрачивает исключительно информационную функцию и трансформируется в риторическое оружие. Владение локальными неологизмами и инженерным сленгом превращается в инструмент гейткипинга (gatekeeping) – практики фильтрации аудитории, направленной на маргинализацию «чужаков». Таким образом, дискурсивная стена, возведенная вокруг образа «осажденной крепости», получает практическое воплощение: в сетевых баталиях лингвистическая некомпетентность оппонента становится главной мишенью для дискредитации.

Предельно прямой, лишенный политеса стиль общения Макса Ферстаппена с гоночным инженером Джанпьеро Ламбьязе (GP) часто считывается аутгруппой как корпоративная «токсичность». Когда фанаты конкурентов пытаются критиковать этот аспект, сообщество RBR блокирует критику через высмеивание незнания контекста. Типичным инструментом исключения становятся комментарии-клише (например, «Tell me you don't know the Max and GP dynamic without telling me»), а любые попытки оппонента развить мысль обрываются намеренным использованием коронной фразы Ферстаппена «Simply lovely» в качестве ироничного, обесценивающего финала спора. Жаргон активно используется для демонстрации превосходства, если «чужак» пытается апеллировать к гоночным инцидентам, используя терминологию других команд (например,

ожидая от RBR коммуникации в стиле мерседесовского «Bono, my tyres are gone»). В таких тредах болельщика другой команды нарочито поправляют, забрасывая его сугубо специфическими кодами мостика Red Bull (отсылками к режимам «Strat 7», «Fail 84» или специфике работы с MGU-K). Оппонент оказывается в лингвистическом вакууме: он не может декодировать сообщение и тем самым дискредитируется как равноправный участник дискуссии [5].

В ходе проведенного лингвопрагматического анализа коммуникативных стратегий команды Oracle Red Bull Racing было установлено, что специфический англоязычный жаргон выступает не просто средством внутриотраслевой коммуникации или передачи технической информации. В контексте современного автоспорта он представляет собой сложный, многофункциональный прагматический инструмент, с помощью которого конструируется и поддерживается социальная реальность бренда. Анализ показал, что прагматический потенциал исследуемого дискурса реализуется на трех взаимосвязанных уровнях: когнитивно-информационном (инициация и экспертность), эмоционально-аффективном (сплочение сообщества) и идеологическом (позиционирование и конфронтация).

Синергия этих трех уровней целенаправленно и эффективно конструирует уникальную корпоративную идентичность фанатского сообщества. Жаргон выстраивает жесткие дискурсивные границы по линии «свой – чужой», где владение корпоративным вербальным кодом становится главным шибболетом – маркером принадлежности к элитарной группе. В результате такого лингвопрагматического воздействия аудитория трансформируется из разрозненной массы пассивных наблюдателей в высококовлеченную, монолитную и лояльную «армию бренда». Эта группа готова не только потреблять контент, но и активно транслировать ценности команды, защищая ее интересы в высококонкурентных сетевых баталиях.

Полученные в ходе исследования результаты открывают широкие перспективы для дальнейшего изучения спортивного дискурса [6]. Наиболее перспективными направлениями видятся количественное измерение уровня вовлеченности аудитории через частотный анализ и машинную обработку употребления командных неологизмов на платформах социальных сетей. Кроме того, значительный научный интерес представляет проведение масштабного сопоставительного анализа лингвопрагматических стратегий Red Bull Racing и других ключевых акторов Формулы-1 (в частности, Mercedes и Ferrari), что позволит выявить и систематизировать универсальные и специфические механизмы дискурсивной конкуренции в современном автоспорте.

Библиографический список

1. Буряк Н.Ю. Лакунарные явления в периодике при переводе с одного языка на другой (на примере английского и русского) / Н.Ю. Буряк, Л.Н. Фоменко // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 4 (34). – С. 283-286.

2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. Ван Дейк; пер. с англ. – Москва: Либроком, 2013. – 344 с.

3. Голованова Е.И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический аспект / Е.И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 28, № 36 (137). – С. 25-28.

4. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. Переход от традиционного к цифровому: технологии продвижения в интернете / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, А. Сетиаван; пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2022. – 224 с.

5. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2011.

6. Шейгал Е.И. Многоголосие спортивного дискурса / Е.И. Шейгал, К.В. Снятков // Жанры речи. – 2004. – Вып. 4. – С. 254-268.

7. Shifman L. Memes in Digital Culture. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.rosario.gob.ar/inicio/sites/default/files/2024-09/Memes%20in%20Digital%20Culture%20-Limor%20Shifman.pdf.

LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE JARGON OF THE RED BULL RACING TEAM AS A TOOL FOR SHAPING THE CORPORATE IDENTITY OF THE FORMULA 1 FAN COMMUNITY

N.Y. Buryak, *Associate Professor*
E.V. Ostrovskaya, *Student*
Academy of Marketing and Social Information Technologies
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *The article examines the linguo-pragmatic features of the English jargon used by the Oracle Red Bull Racing team as a tool for constructing the corporate identity of its fan community. Based on the team's official media content and Reddit discussions, the author identifies key functional and thematic groups of jargon (technical, emotional/meme, militaristic). The mechanisms of social stratification based on the "us vs. them" principle and the pragmatic functions of sports discourse in brand crisis situations are analyzed.*

Keywords: *sports discourse; Formula 1; linguo-pragmatics; jargon; corporate identity; Red Bull Racing; gatekeeping.*

ПРОВЕРБИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.С. Жумалиев[1], *д-р филол. наук, доцент, проректор по учебной работе*
Ж.Ж. Максутова[2], *старший преподаватель*
Б. Исмаилова[2], *канд. филол. наук, доцент*
[1]Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева
[2]Ошский государственный университет
[1](Кыргызстан, г. Бишкек)
[2](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-111-117

Аннотация. *В статье рассматривается понятие провербиального пространства как особого фрагмента языковой картины мира, объединяющего систему паремий, отражающих культурный опыт народа, его ценностные ориентиры и национально-специфические особенности мировосприятия. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований уточняется содержание понятия «провербиальное пространство», раскрываются его структурные и функциональные характеристики, а также исследуется прецедентный характер провербиальных единиц как механизма сохранения и передачи культурной памяти. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу русского и кыргызского провербиального пространства, выявлению общих когнитивных оснований и национально-культурной специфики пословиц и поговорок.*

Ключевые слова: *провербиальное пространство; паремия; лингвопаремиология; когнитивная лингвистика; языковая картина мира; прецедентность, русский язык; кыргызский язык.*

Категория пространства относится к числу фундаментальных понятий современной науки. Она является объектом исследования философии, логики, психологии, культурологии, семиотики и лингвистики. Если в естественных науках пространство рассматривается преимущественно как объективная форма существования материи, то в гуманитарных исследованиях оно понимается значительно шире – как особая форма организации человеческого опыта, знаний, культуры и коммуникации. Именно поэтому в современной лингвистике категория пространства приобретает не только собственно языковое, но и когнитивное, культурологическое и антропоцентрическое содержание.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики обусловила переход от исследования языка как автономной системы к изучению языка как средства отражения мышления, культуры и национального сознания народа. В связи с этим категория пространства рассматривается не только как способ выражения локальных отношений, но и как важный механизм концептуализации окружающей действительности. Пространственные модели становятся универсальным способом организации знаний человека о мире и активно участвуют в формировании языковой картины мира.

В современной лингвистике понятие пространства используется в различных научных направлениях. Исследуются пространство текста (В.Н. Топоров) [1], трехмерное пространство языка (Ю.С. Степанов) [2], концептуальное и когнитивное пространство (Е.С. Кубрякова) [3], культурное пространство (В.В. Красных) [4] и многие другие разновидности языкового пространства. Такое разнообразие объясняется тем, что пространство представляет собой универсальную категорию, позволяющую описывать как языковые структуры, так и процессы хранения, обработки и передачи информации.

В рамках лингвистики текста категория пространства исследуется как один из компонентов организации художественного произведения. Здесь особое значение приобретают понятия текстового пространства, хронотопа, семантического и семиотического пространства текста, разработанные в трудах М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана [5; 6]. Согласно данным концепциям, текст представляет собой сложную систему взаимосвязанных смыслов, организованных по определенным пространственным принципам.

К.З. Зулпукаров определяет провербиальное пространство как совокупность фразеологических и паремиологических единиц, функционирующих в отдельном языке, группе языков или языке в целом, обладающих культурно-когнитивным и этическим содержанием, способностью к накоплению, сохранению и передаче общественного опыта, образностью семантики, наличием как минимум одной стилистической фигуры или тропа, инвариантностью и устойчивостью общего содержания, а также вариативностью и способностью к модификации частных смыслов [7, с. 19].

Когнитивная лингвистика рассматривает пространство как один из базовых концептов человеческого сознания. Пространственные отношения являются фундаментом формирования многих абстрактных понятий, поскольку именно через пространственные модели человек осмысливает время, причинно-следственные связи, социальные отношения, ценностные ориентиры и культурные нормы. В этом смысле пространство выступает универсальной когнитивной моделью, посредством которой структурируется человеческое знание.

Особый интерес представляет исследование пространства в области лингвокультурологии и лингвопаремиологии. Именно здесь возникает понятие провербиального пространства, которое объединяет совокупность пословиц и поговорок как особую систему хранения коллективного опыта народа. Провербиальное пространство представляет собой не простую совокупность паремий, а сложную когнитивно-культурную систему, отражающую национальную картину мира, систему ценностей, нравственные установки, историческую память и особенности мировосприятия конкретного этноса.

Паремии обладают высокой степенью устойчивости и воспроизводимости, благодаря чему выступают своеобразными культурными кодами, сохраняющими социально значимую информацию на протяжении многих поколений. Каждая пословица является результатом многовекового осмысления действительности и представляет собой свернутую модель определенной жизненной ситуации. Поэтому провербиальное пространство можно рассматривать как особую форму коллективной памяти народа, в которой концентрируются наиболее значимые культурные смыслы [8, с. 220].

С позиций современной когнитивной лингвистики провербиальное пространство функционирует как система взаимосвязанных концептов, объединенных общностью тематических, семантических и прагматических признаков. Внутри данной системы формируются устойчивые концептуальные поля («труд», «семья», «ум», «богатство», «время», «судьба», «добро», «честь» и др.), которые получают языковое выражение посредством многочисленных паремиологических единиц.

Важное место в провербиальном пространстве русского и кыргызского языков занимают паремии, посвященные концепту **«семья»** (кырг. **«үй-бүлө»**). Пословицы и поговорки, отражающие семейные отношения, аккумулируют представления народа о взаимном уважении, воспитании детей, почитании старших, единстве семьи и преемственности поколений. Через паремиологический фонд передаются культурные ценности, морально-этические нормы и национальные традиции, составляющие основу языковой картины мира. Сопоставительный анализ русских и кыргызских паремий позволяет выявить как универсальные семейные ценности, характерные для обеих культур, так и национально-специфические особенности их языковой репрезентации.

Особую роль в организации провербиального пространства играет **прецедентность**. Прецедентные тексты, высказывания и паремии являются важнейшими элементами национальной культуры, поскольку хорошо известны большинству представителей языкового сообщества и регулярно актуализируются в различных типах дискурса. Использование пословицы в речи позволяет не только передать определенную информацию, но и активизировать широкий культурный фон, накопленный коллективной памятью народа. Благодаря этому одна паремия способна заменить развернутое объяснение ситуации и одновременно выполнять оценочную, воспитательную, аргументативную и экспрессивную функции.

Современная лингвистическая мысль проявляет все более возрастающий интерес к отражению пространственных связей в языке и речи (М.М. Айтматова, В.Ш. Арсланов, Б.М. Балин, И.Г. Габинова, Ю.И. Костенко, И.Г. Кошевая, И.Я. Курилина, Л.Л. Нелюбин и

др.). Объясняется это общеуниверсальным характером пространственных отношений, который проявляется в языке посредством системы многомерных структур, специфически реализующихся в различных речевых ситуациях. Пространство становится не только средством описания объективной действительности, но и механизмом концептуализации окружающего мира, отражая особенности национального мышления и культурной памяти носителей языка.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является исследование **провербиального пространства** как особой формы организации паремиологического фонда языка. Интерес к данному понятию обусловлен тем, что именно пословицы и поговорки наиболее полно отражают культурные ценности общества, особенности национального мировоззрения, морально-этические нормы и исторически сложившиеся модели поведения. Провербиальное пространство представляет собой не механическую совокупность паремий, а целостную систему взаимосвязанных языковых единиц, объединенных общими когнитивными, семантическими и прагматическими характеристиками.

Анализ определения понятия «провербиальное пространство» в современных лингвистических исследованиях показывает отсутствие единого подхода к его интерпретации. Это объясняется сложностью самого объекта исследования, который находится на пересечении нескольких научных направлений когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвопаремиологии, теории дискурса и этнолингвистики. Несмотря на существующие различия в трактовках, большинство исследователей рассматривают провербиальное пространство как особую когнитивно-культурную систему, объединяющую паремиологические единицы по признаку общности концептов, ценностей и культурных смыслов. В центре внимания оказывается не отдельная пословица, а вся совокупность паремий, функционирующих в языковом сознании народа как единое смысловое пространство.

Исследования, выполненные в русле современной когнитивной лингвистики и лингвопаремиологии, рассматривают провербиальное пространство, представленное провербиальными средствами языка, в аспекте лингвочеловековедения, лингвопаремиологии и сопоставительной ментальности**.** Такой подход позволяет анализировать паремии не только как устойчивые языковые единицы, но и как носители культурной информации, отражающие национально-специфические способы концептуализации мира. Через систему пословиц и поговорок фиксируются представления народа о труде, семье, нравственности, природе, времени, добре и зле, что делает провербиальное пространство важнейшим источником реконструкции национальной картины мира.

Понятие провербиального пространства соотносится с понятием языковой картины мира**,** определяемой как совокупность сведений о мире, активизируемых посредством различных механизмов вербализации, а также сохраняемых и передаваемых от поколения к поколению с помощью языкового кода. В отличие от языковой картины мира, охватывающей всю систему языковых знаний, провербиальное пространство представляет собой ее особый фрагмент, концентрирующий культурно значимые оценки и стереотипы поведения, закрепленные в паремиологическом фонде языка.

Именно поэтому исследователи определяют провербиальное пространство как совокупность мировоззренческих установок, характеристик практической деятельности, морально-этических ценностей и культурных норм, входящих в систему коллективного сознания этноса. Данные компоненты образуют инвариантную основу национальной культуры, которая получает различные языковые реализации в виде провербиальных смыслов, вербализованных посредством паремий. Каждая пословица выступает своеобразным носителем культурной памяти, а вся совокупность паремиологических единиц формирует единое смысловое пространство, обеспечивающее преемственность традиций, сохранение национальной идентичности и передачу жизненного опыта последующим поколениям.

Особую значимость исследование провербиального пространства приобретает при сопоставительном анализе различных языков. Сравнение русского и кыргызского паремиологических фондов позволяет выявить как универсальные когнитивные модели, характерные для разных культур, так и национально обусловленные особенности концептуализа-

ции действительности. Именно через сопоставление провербиальных пространств раскрываются общие духовно-нравственные ценности народов и одновременно обнаруживается их этнокультурная специфика, отраженная в системе образов, символов и устойчивых языковых представлений.

Сам термин *proverbial* является лексемой широкой семантики, значение которой конкретизируется лишь в определенном контексте употребления. В англоязычной лингвистической традиции понятие *proverbial* соотносится не только с пословицами и поговорками, но и с фразеологическими единицами, устойчивыми словосочетаниями и даже отдельными лексемами, если они обладают высокой степенью культурной значимости и способны передавать общеизвестную, социально закрепленную информацию. Таким образом, термин *proverbial* охватывает широкий спектр языковых единиц, объединенных общностью выполняемых ими когнитивных, коммуникативных и культурных функций.

Обзор современной лингвистической литературы свидетельствует о том, что понятие **провербиального пространства** трактуется исследователями неоднозначно. Вместе с тем большинство существующих концепций выделяют ряд общих признаков, позволяющих рассматривать его как самостоятельную систему в структуре языка.

Во-первых, провербиальное пространство имеет **полевую организацию**, основанную на принципе ядра и периферии. Ядро образуют классические пословицы и поговорки, обладающие максимальной степенью устойчивости, воспроизводимости и культурной значимости. Периферийную зону составляют единицы переходного типа, совмещающие признаки пословиц, поговорок, фразеологизмов и других устойчивых выражений. Благодаря такой организации провербиальное пространство представляет собой открытую динамическую систему, способную пополняться новыми единицами и изменяться под влиянием развития языка и общества.

Во-вторых, языковые единицы провербиального пространства представляют собой особый тип паремиологических единиц, отличающийся сложной внутренней организацией. Их важнейшей особенностью является сохранение системного значения входящих в их состав слов-компонентов наряду с наличием собственно фразеологических признаков: устойчивости, идиоматичности, мотивированности и воспроизводимости. Одновременно данные единицы обладают характеристиками синтаксических конструкций: членимостью, предикативностью, смысловой завершенностью и коммуникативной самостоятельностью. Такое сочетание лексических, фразеологических и синтаксических свойств определяет их особое место в системе языка.

В-третьих, единицы провербиального фонда отражают в своей семантике не отдельные предметы, действия, признаки или отношения, а **целостные типизированные жизненные ситуации**. Каждая паремия представляет собой своеобразную модель культурного сценария, в которой обобщается коллективный опыт народа, закрепляются нормы поведения, морально-этические установки и национально обусловленные способы оценки действительности. Именно поэтому провербиальное пространство может рассматриваться как особый фрагмент лингвокультурного пространства, аккумулирующий важнейшие элементы коллективного сознания.

В настоящем исследовании провербиальное пространство представлено пословицами, поговорками, фразеологизмами и другими образными средствами русского и кыргызского языков. Общим основанием объединения данных единиц является их **прецедентный характер**, то есть способность функционировать как культурно значимые тексты, хорошо известные большинству представителей языкового сообщества и регулярно воспроизводимые в различных коммуникативных ситуациях. Как отмечает Ю.Н. Караулов, прецедентными являются феномены, имеющие «значимость для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [9, с. 216].

В современной лингвистике прецедентность рассматривается как совокупность признаков, которыми обладает языковой феномен. К основным характеристикам прецедентности исследователи относят: во-первых, его

общеизвестность и закрепленность в коллективной памяти; во-вторых, повторяемость употребления в различных типах дискурса; в-третьих, маркированность, клишированность и высокую степень рефлексированности; в-четвертых, способность актуализировать целую цепочку культурных и когнитивных ассоциаций; в-пятых, наличие выраженного оценочного потенциала, позволяющего использовать паремии в качестве средства аргументации, оценки и интерпретации событий.

Анализ русского и кыргызского провербиального пространства показывает, что устойчивость и одновременно вариативность провербиальных единиц обусловлены рядом факторов.

Прежде всего, определяющую роль играет их цитатный и прецедентный характер**,** поскольку большинство паремий входит в активный фонд национальной культуры и постоянно воспроизводится носителями русского и кыргызского языков. Использование подобных единиц в речи предполагает наличие общего культурного знания между участниками коммуникации.

Не менее важным фактором является семантическая точность отбора языковых средств, обеспечивающая лаконичность, афористичность и выразительность провербиальных единиц. Каждая лексема занимает строго определенное место в структуре пословицы, поэтому ее замена нередко приводит к ослаблению образности и разрушению традиционного смысла.

Существенное значение имеет также единство художественного образа**,** лежащего в основе провербиального значения. Отдельные предметные образы образуют целостный культурный сценарий, элементы которого тематически взаимосвязаны и взаимозависимы. Именно эта внутренняя семантическая целостность ограничивает возможность свободной трансформации компонентов паремии и обеспечивает сохранение ее национально-культурной специфики.

Наконец, устойчивость провербиальных единиц поддерживается их формальной гармоничностью, достигаемой использованием различных средств языковой организации текста: ритма, рифмы, параллелизма, повторов, синтаксической симметрии, звуковой организации и других приемов. Благодаря этому паремии легко запоминаются, воспроизводятся в речи и сохраняются в коллективной памяти народа на протяжении многих поколений.

Таким образом, провербиальное пространство представляет собой сложную когнитивно-культурную систему, объединяющую прецедентные языковые единицы, которые отражают особенности национального мировоззрения, аккумулируют исторический опыт народа и обеспечивают преемственность культурных традиций. Именно поэтому исследование провербиального пространства русского и кыргызского языков позволяет выявить как универсальные закономерности организации паремиологического фонда, так и национально-культурную специфику языковой картины мира каждого народа.

В большинстве случаев прецедентные единицы представляют собой производные знаковые образования, функционирующие в языке в виде уже сложившихся, общеизвестных языковых формул. Вместе с тем они способны приобретать новые формы языковой репрезентации, формируя ранее неизвестные словесные обозначения, которые в дальнейшем могут становиться культурно значимыми и создавать собственный прецедент для последующего употребления. Благодаря своей воспроизводимости и устойчивой связи с коллективной памятью носителей языка прецедентные единицы становятся важнейшими элементами языковой картины мира и активно функционируют в различных типах дискурса.

В современной лингвистике выделяется ряд категориальных признаков, характеризующих прецедентные феномены. Одним из важнейших является ментальность**,** отражающая связь прецедентной единицы с коллективным сознанием народа, его системой ценностей, национальными традициями и культурными представлениями. Не менее значимым признаком выступает производность, проявляющаяся в способности прецедентных единиц возникать на основе уже существующих культурных текстов, общеизвестных высказываний и устойчивых языковых моделей.

К числу существенных характеристик относится также реляционность**,** обеспечивающая существование многочисленных смысловых связей между прецедентной единицей и другими элементами национальной культуры.

Отсылочность проявляется в способности подобных единиц актуализировать в сознании адресата определенные исторические события, литературные произведения, культурные образы или общеизвестные жизненные ситуации, без которых их полноценное понимание невозможно.

Пословицы, поговорки и фразеологизмы, являясь наиболее употребительными средствами провербиального пространства, представляют собой одну из древнейших и наиболее продуктивных форм сохранения и передачи народной мудрости. На протяжении многих веков они выполняют не только коммуникативную, но и познавательную, воспитательную, аксиологическую и культуросохраняющую функции. В лаконичной и образной форме паремии аккумулируют исторический опыт народа, отражают особенности национального мировоззрения, систему нравственных ценностей, традиции, обычаи и социальные нормы поведения.

Несмотря на генетические и типологические различия русского и кыргызского языков, их провербиальные фонды демонстрируют значительное количество общих когнитивных моделей. В обеих языковых культурах паремии служат средством осмысления важнейших жизненных категорий: труда, семьи, дружбы, чести, справедливости, мудрости, добра и зла. Вместе с тем каждая языковая система обладает собственными национально-культурными особенностями, которые находят отражение в выборе образов, символов, эталонов поведения и способов языковой репрезентации действительности. Именно поэтому сопоставительное исследование русского и кыргызского провербиального пространства позволяет выявить как универсальные закономерности формирования паремиологического фонда, так и его этнокультурную специфику.

Исследование языковых явлений в пределах провербиального пространства в их взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной психологией, историей и культурой открывает широкие возможности для реконструкции языковой картины мира. Провербиальное пространство выступает не только совокупностью устойчивых языковых единиц, но и особым механизмом хранения, систематизации и трансляции культурного знания. Через систему паремий передаются социальный опыт, ценностные установки и нормы поведения, обеспечивающие преемственность культурных традиций и сохранение национальной идентичности. Следовательно, изучение провербиального пространства русского и кыргызского языков представляет значительный интерес для современной когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и сопоставительного языкознания, поскольку позволяет глубже понять особенности национального сознания и способы языковой концептуализации действительности.

Библиографический список

1. Топоров В.Н. Пространство и текст. – М.: Издательский центр «Академия», 1983. – 238 с.

2. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

4. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Изд-во МГУ. – 1997. – С. 15-26.

4. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности //Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей/ Отв. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.– Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 128-144.

5. Бахтин М.М. Слово у Ф. М. Достоевского // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 242-338.

6. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи; Исследования. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.

7. Зулпукаров К.З. Концепт “Бог-Кудай” в провербиально-языковой картине мира / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова // Сб.науч.тр. [фак-та. рус. филол. Ошск. гос. ун-та]. Вып.2. – Ош, 2010. – 19-29 бб.

8. Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т. О соотношении паремиологии и лингвопаремиологии // Известия вузов. – 2014. – № 11. – С. 219-221.

9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

VERBAL SPACE IN LINGUISTIC RESEARCH

S.S. Zhumaliyev[1], *Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs*
Zh.Zh. Maksutova[2], *Senior Lecturer*
B. Ismailova[2], *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
[1]Kyrgyz State University named after I. Arabaev
[2]Osh State University
[1](Kyrgyzstan, Bishkek)
[2](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the concept of the vernacular space as a special fragment of the linguistic worldview that unites a system of paroemias that reflect the cultural experience of a nation, its values, and national-specific features of worldview. Based on the analysis of domestic and foreign studies, the article clarifies the content of the concept of the vernacular space, reveals its structural and functional characteristics, and explores the precedent nature of vernacular units as a mechanism for preserving and transmitting cultural memory. Special attention is paid to the comparative analysis of the Russian and Kyrgyz proverbial space, the identification of common cognitive foundations and the national and cultural specificity of proverbs and sayings.*

Keywords: *proverbial space; paremia; linguoparemiology; cognitive linguistics; linguistic worldview; precedence, Russian language; Kyrgyz language.*

ЯВЛЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ДЕВОЧЕК (НА ПРИМЕРЕ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ)

Д.В. Москвина, *студент*
С.А. Смирнова, *канд. филол. наук, доцент*
Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
(Россия, г. Северодвинск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-118-122

Аннотация. *В статье на примере именных частей речи рассматривается явление детской этимологии. Анализируются простые и сложные дериваты, выявленные в «Словаре современного детского языка» В.К. Харченко и «Объяснительном словаре детских инноваций» Т.А. Гридиной, в морфологическом, морфемном, словообразовательном и семантическом аспектах. Иллюстрируются характерные особенности проявления детского словотворчества как способа адаптации звуковой формы к её семантической мотивации, комментируются структурно-грамматические и семантические закономерности звуковых модификаций, нашедших отражение в речи девочек дошкольного возраста.*

Ключевые слова: *онтолингвистика; детская речь; явление детской этимологии; лексикографическая онтолингвистика; морфологические, семантические и словообразовательные особенности.*

В настоящее время речевая деятельность ребёнка, непосредственный процесс освоения детьми родного языка, его закономерностей и системных связей представляют особую зону научного интереса исследователей, о чём свидетельствуют монографии, учебные пособия, сборники международных конференций по лингвистике детской речи, отдельные публикации. В области онтолингвистики по-прежнему обсуждаются различные теоретические вопросы, на основе различных источников разноаспектно анализируется фактический материал. К вопросам, которые ещё требуют серьезного внимания со стороны учёных, следует отнести и явление детской этимологии, которому посвящается настоящая статья.

Важно отметить, что работ, где характеризуется интересующее нас явление, зафиксированное в детской речи, отмечается совсем немного. При этом авторы изысканий цитируют или пересказывают точку зрения Стеллы Наумовны Цейтлин, представленную в знаковом учебном пособии «Язык и ребенок. Лингвистика детской речи», изданном в 2000 году [1]. Под явлением детской этимологии, по мнению С.Н. Цейтлин, понимается не создание (конструирование) новой единицы, а воскрешение у лексемы внутренней формы с целью придания ей ясности, точности. В связи с этим явление детской этимологии наблюдается в словах, которые можно включить в состав ненормативной лексики. Важно, что эти единицы чаще всего создаются по моделям производных слов, которые хорошо уже известны детям в этот возрастной период.

В исследованиях, сосредоточенных на изучении формы «произведённой» единицы, может наблюдаться некоторая близость понятий «детская этимология» и «словообразовательная инновация»: и первая, и вторая ситуация представляют собой результат изменения на уровне плана выражения. Однако сам процесс возникновения новой формы происходит поразному. С.Н. Цейтлин отмечает, что детская этимология «коренным образом отличается от конструирования нового слова. Ребенок не создает новой языковой единицы – нового слова с новым значением, а лишь перестраивает звучание существующего слова, модифицирует его звуковую оболочку, сохраняя имеющееся значение» [1, с. 178]. Такой подход позволяет квалифицировать вербальный результат этого явления как «модификат», «модификацию». В работе Т.А. Гридиной явление детской этимологии называется «этимологической рефлексией» и понимается как «воскрешение ребёнком утраченной словом мотивированности» [2, с. 8]. Следовательно, появление в речи

детей инноваций отражает процесс создания слова, его формы по продуктивным моделям, как правило, уже существующим в современном литературном (= взрослом, узуальном) языке, фиксация же явления детской этимологии отражает попытку ребёнка оживить внутреннюю форму лексемы, утраченную при каждодневном её использовании.

Детская этимология может рассматриваться как разновидность народной. Данные явления схожи в том, что в обоих случаях «переделка» слова делает его мотивированным, вносит в него ясность и выводит на внутреннюю форму; отличие между ними заключается, прежде всего, в том, что инициаторами детской этимологии являются лица дошкольного и младшего школьного возраста, а не взрослые носители языка. Разницу между «народной» и «научной этимологией» мы видим в том, что последняя не реконструирует утраченные этимологические связи, а пытается объяснить происхождение слова, исходя из современного для автора этимологии состояния языка. Главное же различие «детской этимологии» от «псевдонародной этимологии» состоит в том, что дети, изменяя слова, стремятся привести их в соответствие с существующими у них представлениями о мире вещей и явлений, окружающих их, а не «играют» с формой слова как, например, писатели, преследующие при переконструировании какую-то свою определённую цель.

Опираясь на изложенное понимание понятия «явление детской этимологии», охарактеризуем далее материал, который отбирался при помощи приёма сплошной выборки из онтолингвистических лексикографических трудов Т.А. Гридиной [3] и В.К. Харченко [4]. Отметим, что анализу подвергались только именные части речи, зафиксированные в высказываниях девочек.

Явление детской этимологии в речи девочек: структурно-грамматические и семантические особенности

В настоящем исследовании в качестве источника материалы были привлечены 2 лексикографических издания: «Объяснительный словарь детских инноваций» Т.А. Гридиной [3] и «Словарь современного детского языка» В.К. Харченко [4]. Были выявлены единицы, которые соответствуют таким критериям, как «именная часть речи» и «модификация плана выражения, переделка». Анализ формы позволяет квалифицировать каждую лексему как явление детской этимологии (*подпрыжки* – ср. узуальное *подскок, подпрыг*; *камерозрители* – ср. узуальное *кинозрители*; *грёбла* – ср. узуальное *вёсла* и под.). При этом в паспортной зоне источника содержится указание на факт фиксации в речи девочек. Все выявленные единицы с точки зрения типа «этимологической» модификации можно разделить на четыре группы.

Группа 1. Простые имена с непроизводной / производной основой подвергаются переделке и становятся / остаются производными. При этом может наблюдаться внешнее сходство в узуальной и детской лексеме; в результате этого в узуальной единице часть основы воспринимается как особый компонент (морф). В данном случае меняется корень и сохраняется исходный компонент (не морф > морф, чаще всего суффикс). Например: *вёсла* (непроизводная, нечленимая основа) > *грёб-л*(*а*) (производная, членимая основа: *гребла* < *грести* /*гребут*); *плойка* (морфемный разбор вызывает споры: 1 точка зрения – непроизводная, нечленимая основа; 2 точка зрения: производная (от устаревшего глагола *плоить*), членимая основа) > *завий-к*(*а*) (производная, членимая основа: *завийка* < *завить*); *лопат-к*(*а*) (производная, членимая основа) > *копат-к*(*а*) (производная, членимая основа: *копатка* < *копать*);

Группа 2. Непроизводное слово, в составе которого часть основы является по происхождению заимствованной (может также возникать вопрос о членимости основы), в результате модификации приобретает форму деривата с исконным элементом. Пример: *домофон* > *домо-говор-ун*. Узуальное имя включает компонент *фон*, который не понятен ребёнку, поэтому он заменяется на *-говор-*, в результате чего устанавливается семантико-словообразовательная связь с производным глаголом *говорить*.

Группа 3. Замена корня в сложносуффиксальном деривате на более «понятный» ребёнку. Пример: узуальное имя *бос-о-нож-к*(*и*) > детская этимология *бос-о-лап-к*(*и*); узуальное существительное *скоро-вар-к*(*а*) > *скоропар-к*(*а*); имя *кофе-мол-к*(*а*) преобразуется в *кофе-тёр-к*(*а*).

Группа 4. Обновление заимствованного корня в сложном слове. Здесь ребёнок меняет незнакомый (заимствованный) корень на

родной, уже знакомый. Примеры: существительное *звер-о-парк* (ср. узуальное *зоо-парк*).

Заметим, что в речевом развитии девочек, как свидетельствует паспортная зона лексикографических изданий Т.А. Гридиной и В.К. Харченко, пик «этимологической» активности приходится на период 5-и лет (29%) и на 4-е года (27%). В указанные возрастные рамки ребёнок экспериментирует с языковыми единицами, стремится их адаптировать под взрослую языковую структуру. В 7-8 лет интенсивность языкового познания снижается.

Значительную часть отобранного материала составляют имена существительные: *варюля* (вм. *кастрюля*), *гудильник* (вм. *будильник*), *зверинопарк* (вм. *зоопарк*), *мык* (вм. *бык*), *теплодильник* (вм. *холодильник*) и под. С лексико-грамматической точки зрения все выявленные существительные относятся к именам нарицательным, то есть они служат обобщенными наименованиями однородных предметов. Они, согласно морфологическому учению, бывают четырёх типов: абстрактные, вещественные, собирательные и конкретные. В наших примерах присутствуют вещественные имена, которые могут поддаваться измерению (*кусарики*, *сокофрукты*), конкретные имена, которые называют предметы и явления действительности и сочетаются с количественными числительными» (*звончик*, *копатка, мык, мяточка, режик, родбольница* и т.д.). В количественном отношении самой представленной является последняя группа. Это непосредственно связано с первостепенным детским взаимодействием с предметом, потому что для ребёнка важно его тактильное, звуковое, зрительное восприятие. В связи с этим в это время сенсорные способности для девочек имеют самую важную функцию в процессе познания окружающей действительности.

В грамматической системе русского языка имена существительные принято подразделять на одушевлённые и неодушевлённые. К первым относятся названия людей, животных, насекомых и т.д., то есть одушевлённые имена включают предметы живой природы, формы винительного и родительного падежа которых во множественном числе совпадают. В нашем исследовании данную группу иллюстрируют такие единицы, как *гребетух*, *камерозрители, овёнок, пепсиколог* и др. К неодушевлённым именам относят лексемы, название предметов и явлений реальной действительности которых не причисляется к живым существам. В нашем материале это *варюля, кофетёрка, лизык* и т.п. Например: «По телевизору *голету* показывают!»; «Я люблю, чтобы каждую *мяточку* гладить»; « – *Мама, смотри, варюля сердится*. – Почему варюля? – *Потому что в ней варят*. – А почему сердится? – *Видишь, она крышкой стучит*»; «Услышав гудок паровоза, радостно кричит: – *Дудузик поехал!*» и др.

Если рассмотреть анализируемые имена существительные с точки зрения категории рода, то исследуемый нами материал представляет каждый из них. К именам существительным женского рода относятся слова с окончанием на *-а* (*-я*), например: *мяточка, варюля, скоропарка* и др. К именам существительным мужского рода причисляются лексемы с нулевым окончанием, которые преобладают в словаре В.К. Харченко, например: *громкофон*, *домоговорун*, *мазелин*, *каплепад*, *режик, стучак, чуприз* и др. Незначительной в количественном отношении является группа имен существительных среднего рода с окончанием *-е*, например: *рукотенце*.

Нарицательные имена существительные можно объединить в несколько тематических групп. Согласно полученным результатам, наиболее многочисленными группами являются «Наименования кухонной утвари» (тут представлены предметы, используемые в бытовом обиходе, например, *скоропарка, кофетёрка, мнушка, режик, теплодильник, варюля*), а также «Наименования предметов, издающих звук» (*стучак, гремишель, звонильчки, звончик, громкофон*). Следующей по численности стала группа «Наименования предметов быта»: это обозначения предметов мебели и бытовой электроники (*скоропарка*, *домоговорун, теплодильник, распадушка*).

Группы «Наименования еды» и «Наименования инструментов» в количественном отношении одинаковы. В первую входят номинации пищевых продуктов *сокофрукты, кусарики, сушёнки, твоянез, гремишель*, во вторую – обозначения приспособлений для ручного труда (*копатка, режик, стучак, пошлёпка, мнушка*). Идентичны в количественном измерении группы «Наименования элементов одежды и обуви» (*босолапки, голоножки, пальчатки*), «Наименования животных» (*гребетух, бодатик, овёнок*), «Наименования

учреждений» (*родбольница, библиаптека, зверинопарк, зверопарк*), «Наименования людей по роду деятельности, детали» (*пепсиколог*).

Тематическую группу «Наименования растений» иллюстрируют названия цветов (*колозвончики, корняки, звончик*), «Наименования предметов для ухода за собой» – наименования косметических средств и предметов быта (*рукотенце, мазелин, помаза*). Группы «Наименования природных явлений» (*малянка, каплепад*), «Наименования предметов для лечения» (*красняк, мазелин*) включают номинации, относящиеся к сфере природного мира и медицине.

Единичны по составу группы «Наименования инвентаря» (*грёбла*), «Наименования транспорта» (*дудузик*), «Наименования частей тела» (*лизык*).

В анализируемых словарях фиксируются имена прилагательные, например: *скриплый* (*голос*), *мясной* (*олень*), *думная*, *вислопузый, среднедетный*, *горловой*, *ротоврачебный*. Приведённые адъективы представляют собой характеристики, которые можно включить в такие тематические группы, как «Наименование качества», «Наименование внешнего признака», «Наименование признака по отношению к материалу, веществу», «Наименование признака по действию, результату действия». Наличие явления детской этимологии в форме имен прилагательных свидетельствует о развитии мыслительных процессов, в частности, активации аналитических, сравнительных и обобщающих операций девочек при получении информации об окружающем мире.

Итак, приведённые примеры, их комментарий представляют собой наглядную иллюстрацию процессов, характерных для детского словотворчества, а также вербальную демонстрацию самого процесса метаязыковой деятельности ребёнка, в результате которой устанавливается корреляция между планом выражения и планом содержания лексических единиц. При этом в речи девочек сам процесс адаптации незнакомых имен к условиям реальной действительности проходит активно и творчески. Это еще раз подтверждает положение онтолингвистов, что ребёнок стремится понять и осмыслить слово через призму собственного языкового опыта, через различные когнитивные стратегии [4; 5].

Выводы. С точки зрения частеречной принадлежности выявленные единицы представляют собой имена существительные и имена прилагательные. При этом оживлённый процесс изменения морфемной структуры наблюдается в группе субстантивов. Возможно, этот факт можно объяснить тем, что в возрасте от 4 до 5 лет (это «пиковый» возрастной диапазон, характерный для явления детской этимологии, указанный в словарных статьях Т.А. Гридиной и В.К. Харченко) у ребёнка проявляется наибольшая активность к познанию окружающего его мира: он ползает, играет, смотрит, изучает и делает еще множество различных действий, которые ему необходимо концептуализировать. Стремление создать номинацию, ориентированную на конкретную, единичную ситуацию, создает предпосылку для именования предметов и живых существ.

Конструирование новой единицы происходит путём преобразования её языковой формы с опорой на созвучные слова и компоненты, в какой-то мере уже им освоенные ранее, то есть относящиеся к современному русскому (= взрослому) языку. При этом модификация происходит за счет того, что девочки пытаются точнее объяснить то, что происходит вокруг них и с ними.

В анализируемых лексикографических источниках имена существительные фиксируются как в форме единственного, так и в форме множественного числа, то есть так, как их предпочитает употреблять сам ребёнок. С морфологической точки зрения единицы, в морфемной структуре которых находит отражение явление детской этимологии, являются нарицательными единицами мужского, женского и среднего рода (преобладает первая группа).

Процесс модификации наблюдается в именах существительных, которые в кодифицируемом языке с морфемной точки зрения представляют собой сложные и простые слова с членимой и нечленимой основой. В результате детской этимологии они превращаются в членимые лексемы; при этом может наблюдаться изменение количества морфем в основе. Показательно, что процессу трансформации чаще всего подвергаются суффиксальные дериваты.

В результате «перестройки» слов ребёнок заполняет относительные лакуны, так как модифицируемые слова употребляются в

нормативном языке, но они являются не совсем удачными по форме.

В семантическом аспекте среди тематических групп самыми значимыми для детей являются «Наименования кухонной утвари», «Наименования предметов, издающих звук» и «Наименования предметов быта». Данные группы составляют ядро наивнейшей картины мира ребёнка.

Имена прилагательные, в морфемной структуре которых отражается процесс модификации, являются относительными и качественными. Они характеризуют непосредственный признак, свойственный предмету, а также признак через отношение к действию, к внешнему признаку, к предмету, который связан с этим явлением, к материалу.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что явление детской этимологии может квалифицироваться как сложная и разноплановая система, характеризующая особенности когнитивного сознания ребёнка. Это направление в области онтолингвистики открывает особенные перспективы для изучения механизмов языкового освоения русского языка детьми.

Библиографический список

1. Цейтлин С.Н. Детская речь: Лингвистика детской речи: учебное пособие. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

2. Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2006. – 152 с.

3. Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. – 202 с.

4. Харченко В.К. Словарь современного детского языка в 2-х т. – Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2002. – Т. 1. А-О. – 346 с.; Т. 2. П-Я. – 278 с.

5. Цейтлин С.Н. Детская речь: Ребёнок задумывается о происхождении слова и о его значении // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2010. – №8.

6. Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – Москва: Знак, 2011. – 328 с.

THE PHENOMENON OF CHILD'S ETYMOLOGY IN THE STATEMENTS OF GIRLS (BY EXAMPLE OF NOMINAL PARTS OF SPEECH)

M.A. Moskvina, *Student*
S.A. Smirnova, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Severodvinsk branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Russia, Severodvinsk)

Abstract. *This article examines the phenomenon of child etymology using nominal parts of speech as examples. Simple and complex derivatives identified in V.K. Kharchenko's Dictionary of Modern Children's Language and T.A. Gridina's Explanatory Dictionary of Children's Innovations are analyzed in their morphological, morphemic, word-formation, and semantic aspects. The characteristic features of children's word creation are illustrated as a means of adapting sound form to its semantic motivation, and the structural-grammatical and semantic regularities of sound modifications reflected in the speech of preschool-aged girls are commented upon.*

Keywords: *ontolinguistics; children's speech; the phenomenon of children's etymology; lexicographic ontolinguistics; morphological, semantic, and word-formation features.*

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Р.К. Ормокеева[1], *канд. филол. наук, доцент*
Д.И. Козуев[1], *д-р филол. наук, профессор*
Ж.Ж. Максутова[2], *старший преподаватель*
[1]Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева
[2]Ошский государственный университет
[1](Кыргызстан, г. Бишкек)
[2](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-123-128

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности репрезентации гендерных образов в паремиологической картине мира английского, русского и кыргызского языков. На основе сопоставительного анализа пословиц и поговорок исследуются языковые средства выражения традиционных представлений о мужчине и женщине, их социальных ролях, семейных обязанностях, нравственных качествах и взаимоотношениях. Особое внимание уделяется выявлению универсальных и национально-специфических черт гендерных стереотипов, отраженных в паремиологическом фонде трех языков.*

Ключевые слова: *паремия; пословица; поговорка; гендер; гендерные стереотипы; языковая картина мира; лингвокультурология; сопоставительное языкознание; английский язык; русский язык; кыргызский язык.*

Язык является не только средством коммуникации, но и важнейшим носителем культурной памяти народа, отражающим его мировоззрение, ценностные ориентиры и особенности национального мышления. Особое место в языковой картине мира занимают паремии – пословицы и поговорки, в которых концентрируется многовековой социальный опыт, закрепляются нормы поведения, морально-этические установки и традиционные представления о взаимоотношениях между людьми. Благодаря своей устойчивости и широкому употреблению паремии сохраняют и передают из поколения в поколение культурно значимую информацию, отражая особенности национального сознания каждого народа.

Паремии представляют собой уникальный пласт языка, в котором наиболее полно проявляются национально-культурные особенности этноса. Они являются своеобразным отражением общественного сознания, исторического опыта и духовных ценностей народа. В пословицах и поговорках фиксируются представления о добре и зле, труде и семье, взаимоотношениях между людьми, а также социальные нормы и идеалы, принятые в обществе. Именно поэтому паремиологический фонд языка рассматривается как важный источник изучения культуры, менталитета и мировоззрения народа.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является исследование языковой репрезентации гендера. Гендер рассматривается как сложный социокультурный феномен, формирующий систему общественных представлений о роли мужчины и женщины, их социальном статусе, моделях поведения и ценностных ориентациях. Гендерные отношения складываются под влиянием исторических, культурных и социальных факторов и находят свое отражение в языке, который не только фиксирует существующие стереотипы, но и способствует их сохранению и передаче последующим поколениям.

Языковые средства, отражающие гендерные представления, позволяют проследить особенности национального мировосприятия, поскольку именно в языке наиболее полно проявляются исторически сложившиеся культурные установки общества. Гендерные стереотипы, закрепленные в языковом сознании, оказывают влияние на восприятие мужчин и женщин, определяют их социальные роли и формируют определенные модели поведения. В связи с этим изучение гендерного аспекта языка приобретает особую актуальность в

условиях развития современных гуманитарных исследований.

Наиболее ярко гендерные представления проявляются в паремиологическом фонде языка. Пословицы и поговорки содержат устойчивые оценки мужчины и женщины, отражают их место в семье и обществе, характеризуют личностные качества, трудовую деятельность, семейные обязанности и взаимоотношения между поколениями. В них находят отражение как универсальные представления, характерные для многих народов, так и национально-культурные особенности, обусловленные историческими условиями развития общества, традициями и образом жизни этноса.

Особенность паремий заключается в их высокой степени образности и оценочности. Они не только передают определенную информацию, но и выражают отношение общества к тем или иным явлениям, закрепляя социально одобряемые или порицаемые модели поведения. Через систему паремий формируются представления о качествах, которыми должны обладать мужчина и женщина, об их обязанностях, правах и месте в социальной структуре общества. Таким образом, паремиологический фонд выступает важным источником исследования гендерных стереотипов и ценностных ориентаций народа.

Сопоставительное изучение английских, русских и кыргызских паремий позволяет выявить как общие закономерности формирования гендерных образов, так и специфические особенности их языковой репрезентации. Несмотря на различия культурных традиций, во всех трех языках пословицы и поговорки отражают устойчивые представления о социальных ролях мужчины и женщины, однако способы их языкового выражения, оценочные характеристики и образная основа нередко отличаются, что свидетельствует о национальном своеобразии каждой лингвокультуры.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к вопросам взаимодействия языка, культуры и гендера, а также необходимостью выявления национально-культурной специфики гендерных представлений, отраженных в паремиологическом фонде различных языков. Исследование гендерно маркированных паремий позволяет не только определить особенности языковой картины мира различных народов, но и выявить общие и специфические черты восприятия мужчины и женщины в разных лингвокультурных сообществах.

Материалы и методы исследования. Проблема языковой репрезентации женского образа и способов его вербализации уже длительное время находится в центре внимания лингвистических исследований. В русской фразеологии данному вопросу посвящен отдельный раздел монографии В.Н. Телия (1996), в которой автор рассматривает систему гендерно маркированных метафор русской культуры. Исследователь отмечает существование стереотипных представлений о невысокой ценности женского интеллекта и творчества, что находит отражение в таких языковых единицах, как «женская литература» и «дамский роман» [1, с. 263-268].

Особое значение для настоящего исследования имеют методологические подходы, ориентированные на выявление и анализ гендерных различий, поскольку они позволяют глубже понять особенности формирования и функционирования гендерных стереотипов в языке и культуре.

С позиции антропоцентрического подхода гендерные особенности рассматриваются в тесной взаимосвязи с гендерными ролями, национально-культурной спецификой, народными верованиями, менталитетом и культурными традициями народа [2]. В связи с этим анализ пословиц и поговорок как важнейших носителей народной мудрости и культурного опыта позволяет выявить особенности национального мировосприятия, определить место и роль мужчины и женщины в обществе, а также проследить отражение гендерных представлений в языковой картине мира.

Е.В. Грищенко рассматривает лингвистическую гендерологию как направление, ориентированное на исследование гендерных характеристик языковой картины мира, коммуникативного поведения представителей обоих полов, а также влияния культурных традиций, гендерных стереотипов и исторически обусловленных представлений о мужественности и женственности на языковую деятельность человека [3, с. 10].

Согласно Л.С. Поляковой, предметом изучения лингвистической гендерологии выступает взаимосвязь языка и пола. Исследователь обращает внимание на способы языковой

репрезентации гендерной принадлежности, которые проявляются на различных уровнях языка – в лексике, грамматике, синтаксисе, системе номинации и категории рода. Основной задачей данного направления является выявление особенностей языкового отражения мужчин и женщин, а также анализ оценочных характеристик, закрепленных за представителями разных полов в различных семантических сферах [4, с. 49].

Как отмечают М.А. Атакулова и Д.Т. Айылчиева, паремии являются значимым объектом лингвистического исследования, поскольку отражают национально-культурные особенности народа и сохраняют его языковой и культурный опыт [5, с. 220]. В этой связи гендерно маркированные паремии представляют особый интерес для современной гендерной лингвистики. По мнению А.В. Кирилиной, одной из основных задач гендерных исследований в языке является анализ речевого поведения мужчин и женщин, а также выявление и описание особенностей мужской и женской речевой коммуникации [6, с. 36].

Особое место в изучении гендерной проблематики занимают паремии. Пословицы и поговорки, являясь частью культурного и языкового наследия народа, аккумулируют общественные представления о социальных ролях мужчин и женщин. Анализ паремиологического фонда позволяет выявить существующие гендерные стереотипы, ценностные установки и особенности восприятия представителей разных полов в конкретной лингвокультурной среде.

Материалом исследования послужили пословицы и поговорки английского, русского и кыргызского языков, отобранные методом сплошной выборки из академических паремиологических словарей, фразеологических сборников, электронных корпусов текстов, а также научных исследований, посвященных паремиологии и лингвокультурологии. В анализ были включены паремии, содержащие гендерно маркированные номинации (*man, woman, husband, wife; мужчина, женщина, муж, жена; эркек, аял, күйөө, келин, ата, эне*) и отражающие представления о семейных отношениях, распределении социальных ролей, морально-этических качествах мужчины и женщины, воспитании детей и общественных ценностях.

Методологическую основу исследования составили современные положения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, гендерной лингвистики и сопоставительного языкознания. В работе использованы описательный метод, метод сплошной выборки языкового материала, семантический, компонентный и контекстуальный анализ, а также сопоставительно-типологический метод, позволивший установить общие и национально-специфические особенности репрезентации гендерных образов в паремиологическом фонде трех языков. Комплексное применение указанных методов обеспечило возможность выявления сходств и различий в системе гендерных стереотипов английской, русской и кыргызской лингвокультур, а также определения их роли в формировании национальной языковой картины мира.

Проведенный сопоставительный анализ английских, русских и кыргызских паремий показал, что гендерные образы во всех трех языках строятся вокруг нескольких устойчивых тематических моделей: распределение семейных ролей, оценка качеств мужчины и женщины, влияние супругов друг на друга, а также общественная оценка брака и семейных отношений.

Образ женщины в английских, русских и кыргызских паремиях. Анализ паремиологического материала показывает, что во всех трех исследуемых языках женщина традиционно рассматривается как хранительница домашнего очага, обеспечивающая семейное благополучие, согласие и духовное единство семьи. Несмотря на то что в большинстве пословиц главенствующая роль формально принадлежит мужчине, именно женщина воспринимается как человек, от которого во многом зависит атмосфера в доме, воспитание детей и прочность семейных отношений.

В английской паремиологии подобные представления отражаются в пословице *A worthy wife is the crown of her husband* («Добродетельная жена – венец своего мужа»), где подчеркивается, что достоинство мужчины во многом определяется нравственными качествами его супруги. Близкую мысль выражает русская пословица «Добрая жена дом сбережет, а худая и рукавом растрясет», а также кыргызская *Ыймандуу жана эмгекчил аял үйдүн ырыскысын арттырып, очоктун*

өчпөсүн камсыздайт («Если жена хорошая, дом становится благословенным»). Несмотря на различия в образной системе, все три паремии демонстрируют единое представление о женщине как об основе семейного благополучия.

Во многих английских, русских и кыргызских паремиях счастье семьи напрямую связывается с нравственными качествами супруги. Так, английская пословица *A good wife makes a good husband* («Хорошая жена делает хорошего мужа») указывает на взаимное влияние супругов друг на друга. Сходные идеи представлены в кыргызских выражениях *Аял жакшы – эр жакшы* («Хорошая жена — хороший муж») и *Эрге жаккан аял элге да жагат* («Если жена любима мужем, то она будет уважаема и народом»). Русская народная мудрость также подчеркивает эту мысль**:** «Добрая жена мужу честь, а дому слава»**,** «Где лад в семье, там и счастье».

Одновременно паремиологический фонд трех языков содержит значительное количество пословиц, предупреждающих о последствиях неудачного брака. Английская пословица *A quarrelsome wife is like a constant dripping* («Сварливая жена подобна непрерывной капели») символически сравнивает семейные ссоры с постоянным шумом дождя, лишающим человека покоя. Русская пословица «Худая жена – дому беда» и кыргызская *Жаман жигит той бузат, жаман катын үйдү бузат* («Плохой юноша остановит торжество, плохая жена разрушает дом») выражают аналогичную мысль. Подобные паремии отражают традиционное представление о высокой ответственности женщины за сохранение семейного согласия.

Вместе с тем анализ показывает, что во всех трех языках семейное благополучие рассматривается как результат совместных усилий супругов. Английская пословица *When husband and wife agree, the devil cannot prevail* («Когда муж и жена живут в согласии, даже дьявол бессилен») подчеркивает ценность взаимопонимания между супругами. Русская пословица «Где любовь да совет, там и горя нет» и кыргызская *Ырыс алды – ынтымак* («Согласие – начало благополучия») передают аналогичную идею, рассматривая семейное единство как важнейшее условие счастливой жизни.

Особое место в исследуемом материале занимают паремии, посвященные выбору супруги. В английском языке распространена пословица *Choose your wife with your ears rather than your eyes* («Выбирай жену ушами, а не глазами»), призывающая оценивать человека прежде всего по его нравственным качествам, а не по внешней привлекательности. В кыргызской традиции сходную мысль выражает пословица *Аялдын көркү – акылы* («Украшение женщины – ее ум»), а в русском языке – «Не красна изба углами, а красна пирогами»**,** смысл которой в семейном контексте переносится на оценку внутренних достоинств хозяйки дома.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что английские, русские и кыргызские паремии формируют сходную систему представлений о женщине. Во всех трех лингвокультурах она воспринимается как хранительница семейных традиций, воспитательница детей и важнейший фактор домашнего благополучия. Вместе с тем каждая национальная культура по-своему расставляет смысловые акценты. Английские паремии чаще подчеркивают взаимную ответственность супругов, русские акцентируют нравственные качества женщины и ее влияние на семейную атмосферу, тогда как кыргызские отражают тесную связь образа женщины с традиционными семейными ценностями и патриархальным укладом общества.

Сопоставительный анализ показывает, что в английской, русской и кыргызской паремиологии образ мужчины в целом оценивается положительно. Во всех трех культурах он ассоциируется с ответственностью, трудолюбием, авторитетом и заботой о семье. Вместе с тем народная мудрость не идеализирует мужчину: паремии содержат многочисленные нравоучительные оценки, направленные против пьянства, безделья, хвастовства, безответственности и необдуманных поступков. Это свидетельствует о том, что паремиологическая картина мира выполняет не только описательную, но и воспитательную функцию, формируя систему нравственных ориентиров общества.

Следует отметить, что отрицательные характеристики, встречающиеся в паремиях, в большинстве случаев отражают не столько гендерную принадлежность, сколько общечеловеческие недостатки – лень, гордость,

вспыльчивость, жадность, безответственность и неумение владеть собой. Это позволяет говорить о том, что народная мудрость ориентирована прежде всего на нравственную оценку личности, независимо от ее пола.

Сопоставительный анализ показывает, что значительная часть английских, русских и кыргызских пословиц имеет близкое смысловое содержание. Это объясняется как универсальностью человеческого опыта и общностью базовых семейных ценностей, так и культурными контактами народов, способствовавшими распространению отдельных паремиологических сюжетов и их адаптации к национальным языковым традициям. Несмотря на различия образной системы и языкового оформления, многие паремии отражают сходные представления о роли мужчины и женщины, семье, браке и нравственных качествах личности.

Выводы. Проведенное исследование показало, что гендерные образы занимают значительное место в паремиологическом фонде английского, русского и кыргызского языков. Пословицы и поговорки отражают традиционные представления о социальных ролях мужчины и женщины, особенностях их характера, семейных обязанностях и взаимоотношениях. Во всех трех лингвокультурах мужчина преимущественно выступает как глава семьи, защитник и кормилец, тогда как женщина ассоциируется с хранительницей домашнего очага, воспитательницей детей и важнейшим фактором семейного благополучия.

Вместе с тем сопоставительный анализ позволил выявить национально-культурную специфику репрезентации гендерных образов. Кыргызские паремии в большей степени отражают традиционную патриархальную модель общества, русские акцентируют внимание на взаимной ответственности супругов и нравственных качествах личности, тогда как английские пословицы чаще подчеркивают индивидуальные особенности человека и его личный выбор. Несмотря на существование устойчивых гендерных стереотипов, паремии нередко выходят за рамки противопоставления мужчины и женщины, оценивая прежде всего общечеловеческие моральные качества.

Таким образом, паремиологический фонд английского, русского и кыргызского языков представляет собой ценнейший источник изучения национальной языковой картины мира, позволяющий выявить как универсальные закономерности формирования гендерных представлений, так и особенности их культурной интерпретации в различных лингвокультурах.

Библиографический список

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультуро-логический аспекты. – М., 1996. – 288 с.

2. Брандт Г.А. Природа женщин как проблема: Концепция феминизма // Общественные науки и современность. – 1998. – №2. – С. 167-189.

3. Грищенко Е.В. Гендерный аспект современного политического мы-дискурса // Вкник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 20 (207). Ч. І.

4. Полякова Л.С. Проявление гендерных стратегий в языке политика: на материале английского и русского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Челябинск, 2007.

5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999.

6. Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т. О соотношении паремиологии и лингвопаремиологии // Известия вузов. – 2014. – № 11. – С. 219-221.

THE IMAGE OF A MAN AND A WOMAN IN THE PAREMIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD OF ENGLISH, RUSSIAN, AND KYRGYZ LANGUAGES

R.K. Ormokeeva[1], *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
D.I. Kozuev[1], *Doctor of Philological Sciences, Professor*
Zh.Zh. Maksutova[2], *Senior Lecturer*
[1]Bishkek State University named after K. Karasaev
[2]Osh State University
[1](Kyrgyzstan, Bishkek)
[2](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the features of gender images representation in the paremiological worldview of the English, Russian, and Kyrgyz languages. Based on a comparative analysis of proverbs and sayings, the article explores the linguistic means of expressing traditional ideas about men and women, their social roles, family responsibilities, moral qualities, and relationships. Special attention is given to identifying universal and national-specific features of gender stereotypes reflected in the paremiological fund of the three languages.*

Keywords: *paremia; proverb; saying; gender; gender stereotypes; linguistic worldview; linguoculturology; comparative linguistics; English; Russian; Kyrgyz.*

МОРСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА «СЛОВАРЯ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА»

Е.А. Попкова, *студент*
Научный руководитель: *С.А. Смирнова, канд. филол. наук, доцент*
Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
(Россия, г. Северодвинск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-129-134

Аннотация. *Статья представляет собой рецензию-обзор второго тома «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» (ч. 1: «Профессиональная речь моряков и рыбаков»). Анализируются цели, задачи, структура и содержание лексикографического издания, созданного коллективом авторов под редакцией профессора Т.А. Сидоровой. Особое внимание уделяется отражению в источнике профессиональной картины мира моряков и рыбаков Архангельского региона – носителей уникального социолекта, сформированного под влиянием географических, исторических и культурных факторов Поморья. Рассматриваются основные тематические группы лексики, типы номинативных мотиваций (образные, рационально-прагматические, оценочные), а также система помет.*

Ключевые слова: *лексикография; Словарь народно-разговорной речи города Архангельска; структура словаря; содержание источника; профессиональная картина мира; региональная лексика.*

В современной урбанистической лингвистике большое внимание уделяется не просто разговорной речи или просторечию, а сложному спектру социальных диалектов (социолектов), которые отражают профессиональную, возрастную и корпоративную дифференциацию горожан. Город Архангельск, исторический и культурный центр Русского Севера, «столица Поморья», представляет уникальный материал для такого рода исследований. Как справедливо отмечают авторы рецензируемого далее лексикографического издания, каждый второй житель этого города так или иначе связан с морем либо по роду деятельности, либо через семейные традиции [1].

В рамках настоящего изыскания объектом научного интереса выступает второй том «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» 2016 года издания, который посвящен именно городским социолектам. Первая часть этого тома, озаглавленная «Профессиональная речь моряков и рыбаков», представляет собой фундаментальный лексикографический труд, фиксирующий лексику нескольких взаимосвязанных профессиональных подъязыков: рыбаков-любителей, работников тралового флота, членов поморских артелей, моряков торгового флота и зверобоев [1]. Издание вышло под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Т.А. Сидоровой в издательстве Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Данный труд является результатом многолетней работы авторского коллектива, в который входят Е.Е. Котцова, О.Е. Морозова, Э.Н. Осипова, Н.А. Петрова и другие исследователи.

Данная статья представляет собой аналитический обзор этого словаря: лексикографический произведение рассматривается не просто как справочный инструмент, а как источник, позволяющий реконструировать профессиональную картину миру моряков и рыбаков, их систему ценностей, описать способы создания номинаций и особенности языкового творчества.

«Словарь народно-разговорной речи города Архангельска»: цель, задачи, структура, содержание

«Словарь народно-разговорной речи города Архангельска» имеет четкую и продуманную структуру, характерную для академических лексикографических изданий. После титульного листа и эпиграфа (знаменитые строки

П.А. Вяземского о языке как исповеди народа) [2, с. 3] следует развернутое предисловие, в котором авторы обосновывают актуальность изучения производственных жаргонов, корпоративных и возрастных социолектов. Отдельно подчеркивается, что Архангельск – портовый город, поэтому морской и рыбацкий социолекты являются здесь наиболее значимыми и распространенными [2].

Важной особенностью является временная характеристика лексики. Авторы фиксируют не только активно функционирующие единицы, но и устаревающие (они приводятся с пометой *устар.*), а также новые слова (даются с пометой *нов.*), что позволяет проследить динамику профессионального языка. Особо выделяются поморские диалектизмы (вводится помета *помор.*), которые в настоящее время уходят из активного употребления, но сохраняются в памяти старшего поколения и в текстах северных писателей (см., например, произведения Б. Шергина, Е. Коковина, Ф. Абрамова и др.), а также в этнографических и диалектологических трудах (К.П. Гемп) и в классической морской прозе (см., например, тексты К.М. Станюковича).

В разделе «Состав словаря» перечисляются основные тематические группы лексики, которые подробно рассматриваются далее: названия рыб, морских зверей и их детёнышей (*белёк, келк, хохлуша, лысун, утельга, конжуй, серка*), орудий и способов лова (*трал, ярус, перемёт, дрифтерная сеть, бредень, вентерь, рюжа*), типов судов и их частей (*БМРТ, сейнер, кормовик, бортовик, траулер, бульба, ахтерштевень*), явлений природы (*сиверко, шалоник, моряна, падера, торос, стамуха, ропак, зуб*), трудовых операций и профессиональных ролей (*тралмейстер, баадерщик, рогали, потрощик*). Такая чёткая группировка лексики по темам превращает источник не просто в список слов, а в стройное описание того, как устроен промысел. Здесь каждое имя оказывается на своём месте и связано с другими, поэтому читатель видит не разрозненные единицы, а целостную картину профессиональной лексики, где все понятия выстроены в логическую систему.

Особый интерес вызывает продуманная система стилистических и функциональных помет, которая используется в словаре. Наряду с общепринятыми грамматическими и стилистическими маркерами здесь применяются специальные указатели, позволяющие более точно определить происхождение и сферу бытования каждого слова. Например, помета «помор.» ставится у единиц, унаследованных от традиционной культуры прибрежных промыслов: эта лексика всё реже звучит в повседневной речи, но продолжает жить в рассказах старшего поколения и на страницах произведений северных писателей (ср. *карбас, кошка, корга, сулой*). Маркер «рыбацк.» сопровождает слова, характерные для работников современных траловых судов, – это живой профессиональный язык, связанный с крупным промышленным ловом (например, *ваер, бобинцы, клипкет, рефтрюм*). В свою очередь, помета «рыболов.» относится к речи тех, кто занимается рыбалкой как хобби, причём большей частью зимней; здесь встречаются и названия новых снастей (*спиннинг, фидер, мормышка).* И наконец, маркер «жарг.» выделяет неформальные, эмоционально заряженные прозвища и выражения, которые могут быть шутливыми, ироничными или даже пренебрежительными; в профессиональной среде они играют важную роль, подчёркивая принадлежность к «своим» и отражая негласную иерархию в команде (*чиф, дед, мазута, светило, точила*). Кроме того, в словаре есть пометы, обозначающие узкие области применения («речн.» – речь речников, «парус.» – парусный флот, «спец.» – терминологическое значение), временные рамки использования («устар.», «нов.») и эмоциональную окраску («шутл.», «ирон.», «неодобр.», «уваж.»). Благодаря такому разнообразию маркеров становится очевидно, что морской социолект – явление неоднородное: это сложный сплав разных стилистических пластов, устных и письменных регистров, а также заимствований, в том числе из английского языка.

Если взглянуть на словник в целом, становится видно, какие именно области действительности оказываются в центре внимания носителей этого профессионального языка. Авторы словаря выделяют несколько ключевых тематических блоков.

Первый из них охватывает природные явления – главным образом погоду, ветры и состояние льда. Для моряка знание погоды – вопрос жизни и смерти, поэтому в словаре зафиксировано внушительное количество единиц-

названий ветров, различающихся по направлению, силе, сезону и даже «характеру»: *сиверко* («холодный северный ветер»), *полуночник* («северо-восточный»), *обедник* («юго-восточный, дующий после полудня»), *шалоник* («юго-западный»), *хиус* («ветер большой силы в морозную погоду»). Особый интерес представляет дифференциация льдов: *гладуха* («гладкий лёд»), *забой* («нагромождение льда»), *наслуд*, *блины* («начальная стадия льда»), *стамуха* («застрявшая на мели льдина»), *тонколедица, ясенец* («прозрачный лёд, пропускающий свет»). За каждым из этих слов стоит конкретный практический смысл: для рыбака или моряка важно не просто назвать лёд, а сразу понять, насколько он надежен, движется ли, пропускает ли свет (а значит, видно ли рыбу) и не угрожает ли судну. Подобная детализация в названиях льдов возникает не из праздного интереса к словотворчеству, а из жёсткой практической потребности: в условиях северного промысла от правильной оценки ледовой обстановки напрямую зависят и безопасность судна, и успех всей операции, поэтому каждый термин здесь – это не случайность, а результат многовекового наблюдения и закреплённого в языке опыта.

Следующая по значимости тематическая область – это названия орудий, снастей и методов рыбной ловли. В словаре хорошо прослеживается, как менялось техническое оснащение промысла на протяжении времени: от простых, традиционных приспособлений, которые веками использовались поморами, до сложных механизмов, применяемых в современном промышленном рыболовстве. Составители включают в издание не только широко распространённые термины вроде бредень, невод, вентерь, но и гораздо более специальные, малоизвестные за пределами профессии обозначения отдельных деталей и узлов снастей. К таким относятся, например, *мотня* («мешковидная часть невода»), *куток* («задняя сужающаяся часть трала»), *подбора* («канаты, окаймляющие верхний и нижний край траловой системы») и *ваера* («металлические тросы, с помощью которых трал буксируется за судном»). Кроме того, в словаре зафиксированы названия инструментов, применяемых при зимней подлёдной ловле (*ледобур, пешня, норило*), а также искусственных приманок (*блесна, воблер, вертухай, виброхвост, джиг*). Наличие этих относительно новых слов говорит о том, что арсенал рыбаков не стоит на месте и постоянно пополняется современными разработками.

Третий крупный лексический пласт составляют обозначения судов, их частей и конструктивных характеристик. Здесь собраны как официальные кораблестроительные термины, так и неофициальные прозвища, бытующие в среде моряков. Данный пласт лексики включает как официальные кораблестроительные термины (*форштевень, ахтерштевень, бак, ют, надстройка*), так и неофициальные, часто метафорические обозначения целых серий судов, которые образуют самостоятельный и яркий сегмент профессиолекта. Например: *Алтаи, Амуры, Аэропорты, Балтмаксы, Бочковы, Выборжцы, Капитаны, Механики, Пионеры, Поляки, Скульпторы, Фантомасы, Художники*. Как отмечают авторы, такие названия возникают по месту постройки, по типу двигателя, по первому слову в имени или по яркой внешней примете (например, «*Морковки* – суда Мурманского пароходства с ярко-оранжевыми корпусами») [1, с. 82].

Четвертая группа – профессиональные роли и иерархия. В словаре зафиксирована как официальная иерархия на судне (*капитан, старпом, механики, штурманы, боцман, матросы*), так и неформальные, часто шутливые или пренебрежительные прозвища: *дед* («старший механик»), *дракон* («боцман»), *чиф* («старший помощник»), *рогали* («рыбообработчики»), *мазута* («машинная команда»), *белая кость* («судоводительский состав»), *голубая кровь* («штурманы»), *маслопупы* («механики и мотористы»). Эта лексика ярко отражает корпоративную культуру и внутреннюю стратификацию морского сообщества.

Одним из наиболее интересных аспектов рецензируемого словаря является анализ мотивации наименований, который авторы проводят во вступительной статье. Т.А. Сидорова и её коллеги (Е.Е. Котцова, О.Е. Морозова, Э.Н. Осипова, Н.А. Петрова) выделяют несколько типов установок, лежащих в основе номинации. Рассмотрим их.

1. Образные установки: результат – это создание метафорических наименований по сходству с другим объектом. Например: *зуб* – «трещина во льду» (внешнее сходство);

чернослив – «уголь» (по цвету и форме); *рогали* – «рыбообработчики» (ассоциация с быком, упорно склоняющим голову); *балалайка* – «зимняя удочка» (по внешнему сходству); *кувалда, понедельник* – «самый тяжелый трос» (оценочная метафора).

2. Рационально-прагматические мотивации: результат – наименование по функции или ключевому признаку. Примеры: *взводень* – «высокая крутая волна» (от глагола «взводить»); *прилов* – «дополнительная рыба, выловленная сверх основного вида» (от «при» + «лов»); *ледобур* – «инструмент для бурения льда»; *рыбодел* – «стол для обработки рыбы».

3. Рефлексивные номинативные стратегии: результат – наименования, отражающие социальную роль или статус. Примеры: *майор, тралмейстер* – «старший мастер добычи» (заимствования из других сфер); *чиф, чифмей* – «старший помощник» (из английского морского жаргона).

4. Оценочные установки: результат – выражение отношения к объекту. Например: *дракон, шкура* – «боцман» (неодобрительно); *глупыш* – «птица, не боящаяся человека»; *карась* – «неопытный моряк» (с легкой иронией).

Такой подход к анализу номинации делает словарь не только лексикографическим справочником, но и ценным источником для ономасиологических и когнитивно-лингвистических исследований.

Качество словаря во многом определяется системой помет и иллюстративным материалом. Авторы используют разветвленную систему стилистических помет, позволяющих точно охарактеризовать каждую лексему с точки зрения сферы употребления (*рыбацк., рыболов., помор., флотск., речн., парус., жарг.*), эмоционально-оценочной окраски (*шутл., ирон., неодобр., уваж., бран., презр.*) и хронологической привязки (*устар.*, *нов.*). Особо выделяется помета «не рекомендуется» (*не рек.*), указывающая на отступление от литературной нормы (например, *компа́с* вместо литературного *ко́мпас* – характерная акцентологическая особенность морской речи.

Иллюстративный материал составляет самую сильную сторону лексикографического издания. Авторы издания извлекают цитаты не только из устной речи информантов (записи 2000-2015 гг. помечены как Зап.), но и из региональных газет («Моряк Севера», «Рыбак Севера», «Правда Севера», «Архангельск» и под.), произведений северных писателей Б. Шергина, Е. Коковина, В. Личутина, Н. Богданова и др., а также из поэтических текстов А. Лёвушкин, Н. Ушаков, Н. Рубцова, В. Высоцкого и др. Такая полифоничность источников позволяет словарю отражать не только синхронное состояние профессионального подъязыка, но и его историческую динамику, переход лексем из активного запаса в пассивный и обратно. Кроме того, палитра источников позволяет увидеть функционирование профессиолекта в разных дискурсах: бытовом, публицистическом и художественном.

Особого упоминания заслуживают энциклопедические комментарии и этимологические справки, которые приводятся в квадратных скобках в конце многих статей. Например, в статье заголовочного имени *якорь* объясняются различия между становым якорем, верпом и мертвым якорем. В статье единицы *адмиральский час* приводится историческая справка о происхождении выражения от времен Петра I. В статье имени существительного *кошка* указывается вероятное происхождение из финно-угорского *koski* («песчаная отмель»). Это превращает источник в увлекательное чтение, адресованное не только лингвистам, но и историкам, этнографам и всем интересующимся культурой Русского Севера.

Рецензируемый словарь занимает уникальное место в современной отечественной лексикографии. В отличие от традиционных диалектных словарей, фиксирующих речь сельского населения, он обращен к городской профессиональной речи, которая долгое время оставалась на периферии исследовательского внимания. Между тем, именно такие профессиолекты – моряков, рыбаков, летчиков, врачей – представляют собой живые, динамичные системы, чутко реагирующие на технологические и социальные изменения.

Значение словаря выходит за рамки чисто лингвистических задач. Он может служить

1) источником для историко-культурных реконструкций: лексика поморских промыслов позволяет воссоздать уклад жизни и систему знаний, которые были утрачены или уходят в прошлое;

2) материалом для когнитивных исследований: словарь дает возможность анализировать, как профессиональная деятельность

структурирует восприятие мира, выделяя в нем значимые признаки (толщина льда, сила и направление ветра, тип грунта, поведение рыбы);

3) памятником региональной идентичности: фиксация и систематизация поморской лексики способствует сохранению и популяризации культурного наследия Архангельской области;

4) практическим пособием: для переводчиков, редакторов, журналистов, пишущих на морские темы, а также для студентов филологических и морских специальностей.

При всех очевидных достоинствах, следует отметить, что представленный для анализа фрагмент содержит лишь около половины словника (от А до Я с пропусками). Полноценная оценка полноты охвата лексики и сбалансированности тематических групп возможна только при знакомстве с полным текстом издания. Однако даже на основе фрагмента можно утверждать, что перед нами фундаментальный труд, выполненный на высоком академическом уровне.

Желательным представляется создание в будущем электронной версии словаря с возможностью поиска по вкладкам «тематическая группа», «этимология» и «иллюстративные цитаты» и под. Полагаем, что такой вариант значительно расширил бы его исследовательский потенциал уникального лексикографического произведения.

Выводы

«Словарь народно-разговорной речи города Архангельска» – это выдающийся лексикографический проект, который вносит существенный вклад в изучение русской профессиональной и региональной лексики. Он не только фиксирует уникальный пласт слов и выражений, но и предлагает глубокий анализ принципов номинации, отражает фрагмент профессиональной картины мира и языковой личности северного моряка и рыбака.

Сочетание строгой научной методологии с бережным отношением к слову как «культурно-исторической и региональной ценности» делает этот источник незаменимым инструментом для лингвистов, историков, этнографов, культурологов и всех, кто интересуется живым русским языком и богатым наследием Поморья.

Библиографический список

1. Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 2-х т. / под ред. Т.А. Сидоровой. – Архангельск: САФУ, 2016. – Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков. – 199 с.

2. Сидорова, Т.А. Предисловие ко второму тому // Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 2-х т. / под ред. Т.А. Сидоровой. – Архангельск: САФУ, 2016. – Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков. – С. 4-10.

MARINE PROFESSIONAL WORLDVIEW IN THE MIRROR OF LEXICOGRAPHY: CHARACTERISTICS OF THE "DICTIONARY OF VERNACULAR SPEECH OF THE CITY OF ARKHANGELSK"

E.A. Popkova, *Student*
Supervisor: *S.A. Smirnova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Severodvinsk branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Russia, Severodvinsk)

Abstract. *The article is a review of the second volume of the Dictionary of Vernacular Speech of the city of Arkhangelsk (part 1: "Professional speech of sailors and fishermen"). The article analyzes the goals, objectives, structure and content of the dictionary created by a team of authors edited by Professor T.A. Sidorova. Special attention is paid to the reflection in the dictionary of the professional worldview of sailors and fishermen of the Arkhangelsk region – speakers of a unique sociolect formed under the influence of geographical, historical and cultural factors of Pomerania. The main thematic groups of vocabulary, types of nominative motivations (figurative, rational-pragmatic, evaluative), as well as stylistic and grammatical characteristics of dictionary entries are considered.*

Keywords: *lexicography; Dictionary of colloquial speech of the city of Arkhangelsk; dictionary structure; dictionary contents; professional picture of the world; regional vocabulary.*

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДУША/ЖАН» В ПОВЕСТИ Ч. АЙТМАТОВА «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»

Г.С. Райымова, *преподаватель*
С.Р. Абдыкадырова, *канд. филол. наук, доцент*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-135-139

Аннотация. *Данное исследование посвящено анализу речевых формул с компонентом «душа/жан» в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» на основе сопоставления кыргызского оригинала и его русского перевода. Актуальность темы обусловлена тем, что концепт «душа/жан» занимает одно из центральных мест в кыргызской языковой картине мира и отражает многовековые духовные, этические и культурные традиции народа. В научных трудах К. Тыныстанова, Ч. Айтматова, Б.Ш. Усубалиева и Г.А. Мадмаровой подчеркивается, что кыргызский язык богат образами, символикой и переносными значениями, которые формируют специфическое национальное мировоззрение. Посредством метода отбора, сопоставления и контекстного анализа, изучили устойчивые фразы со словом «жан», которые встречаются в повести: эстүү жан, жарым жан, жанын жеди, кара жан и т.д. Было обнаружено, что компонент жан несет в себе широкий спектр значений, выходящих за рамки русской лексемы «душа». Она отражает не только духовную сущность человека, но и его разум, жизненную энергию, физическое и психическое состояние, способность переносить страдания, а также традиционные представления о добре, которые напрямую связаны со скотоводческой культурой и кочевым бытом кыргызов. Анализ показывает, что многие кыргызские фразеологизмы имеют глубокий символический смысл и их трудно перевести на русский язык без потери эмоциональной насыщенности и культурной специфики. В некоторых случаях русские переводы передают лишь общий смысл, но теряют образность и многозначность, присущие оригиналу. Таким образом, речевые обороты, содержащие компонент жан, служат важным признаком духовных ценностей кыргызского народа. Они отражают богатство кыргызского языка, позволяют глубже понять художественный мир Айтматова и культурную самобытность его народа.*

Ключевые слова: *речевые формулы; душа; жан; устойчивые выражения; кыргыз; мировосприятие; мировоззрение.*

Слово – душа народа. В любом народе слово имеет огромную силу. Недаром кыргызы говорят: айтылган сөз – атылган ок (сказанное слово – как пуля). Великий кыргызский народ за тысячи лет накопил неимоверную сокровищницу слов (пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения, афоризмы). В них заключены мудрость, проницательность, благоразумие и философия жизни.

Выдающийся языковед, реформатор кыргызской письменности К. Тыныстанов в своих трудах «Кыргыз тилинин грамматикасы» (Грамматика кыргызского языка), «Тил жана эл» (Язык и народ) подчеркивал, что корни кыргызского языка, его музыкальность, богатство синонимов и переносные значения формируют мировидение кыргызов [1, с. 22].

Великий писатель и мыслитель Ч. Айтматов о живом диалоге языков и культур сказал следующее: «…Билингвизм стыкует разные языки и, стало быть, разные формы мышления, и, стало быть, разные мироощущения, а это, как всякое явление на стыке науки и культур, – создает новый уровень сознания, создает дополнительное движение, дополнительное напряжение, вне которого нет искусства. Таким образом, через билингвизм мы находим новые формы отражения в проявлении человеческого «Я», грани которого, как показывает жизнь, неисчислимы» [2, с. 38].

Знаменитый писатель Б.Ш. Усубалиев об устойчивых выражениях писал: «В мире много чудесных явлений. Но среди них язык – чудо само по себе, в самом своём существовании и творении. Чудо языка, я думаю, заключается в

том, что он отражает душу народа. В этом контексте фразеологизмы занимают особое место» [3, с. 6].

В своей монографии о межкультурных концептах доктор филологических наук Г.А. Мадмарова отмечает, что «в русском языке есть многомерный образный концепт *душа*, а в кыргызском *жан*», которые, несмотря на значительное сходство в их семантике, имеют ряд различий по причине особенностей культуры, религии, менталитета [4, с. 337].

Исходя из трактовок вышеупомянутых ученых, мы попытались раскрыть специфику русских и кыргызских выражений со словами «душа/жан».

Актуальность данного исследования также обусловлена необходимостью глубокого анализа этноспецифических единиц языка, отражающих уникальность кыргызской языковой картины мира. В эпоху интенсивных межкультурных контактов изучение вербализации концепта «жан» становится ключом к пониманию национального самосознания кыргызов. Настоящая работа направлена на выявление механизмов репрезентации данного концепта в художественном дискурсе, что позволяет расширить границы контрастивных исследований в современной филологии. Методологический инструментарий работы включает описательный, сопоставительный и контекстуальный методы анализа, что обеспечивает комплексный подход к изучению семантики и прагматики исследуемых единиц.

С помощью метода выборки и сравнения нами проведен анализ выражений, которые часто встречаются в кыргызском языке, свойственны только кыргызам и почти не имеют аналогов у других народов. Материалом исследования явились речевые формулы с компонентом «*душа/жан*» из повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары» в оригинале и переводе на русский язык, различные словари кыргызского языка.

У кыргызов понятие *жан* отражается в чести, совести и в разуме. Про людей благоразумных и здравомыслящих говорят ***эстүү жан****:* рассудительный, разумный [5, с. 966]. - *Өзүм да кези келе калса барып айтармын. Ал эстүү жан, түшүнөт* [7, с. 109] – *Да я и сам при случае подъеду, расскажу. Она умная – поймёт* [6, с. 115]. Как видим, в кыргызском контексте, к слову, *эстуу* (умный) присоединяется *жан* (душа) и на русский язык переводится как *умный человек.* Но в кыргызском понимании это выражение несет в себе более обширное представление о душе человека – мудрого, рассудительного.

Также у кыргызов есть устойчивое выражение ***жарым жан***: (*алты саны аман эмес, бир мүчөсү кем, майыбы бар, оорукчан*) [8, с. 159]. Как про физически, так и про психически больного человека говорят *жарым жан*, что в буквальном переводе на русский язык означает *половина души* или *полдуши. Жарым жан* в кыргызском мировоззрении также означает потерю силы, жизненной энергии: *узак сыркоодон кийин ал жарым жан болуп калды* (после долгой болезни он стал слабым). Как видно, данный фразеологизм можно интерпретировать как исход жизненной силы человека. *Чоро потому и подорвал своё сердце, что, кроме хороших слов, ничего уже не мог дать людям за работу* [6, с. 89]; *Чоро байкуш жүрөгүнөн кесел таап, жарым жан болуп калды* [7,с. 78].

Также интересно и разносторонне понимается выражение: ***жанын жеди, жан этин жеди*** (катуу кыйноо тартуу, азап чегүү, аябай кыйналуу) [6, с. 154] *Дурно становилось от мыслей своих, гнал он их прочь, но они не отступали, лезли в душу, лезли в голову* [6, с. 141]; *...жаман ойлорун алыс кубалайт. Бирок алар кетер эмес, кайра жабалактап жанын жеп барат...* [7, с. 138*]*. В данном контексте *жанын жеп* означает «сильно страдать», «испытывать мучение», что в русском языке дословно переводится как «съел душу».

Сильно расстроившемуся человеку говорят «*жаныңды жебе*» в виде сострадания и заботы, чтобы тот крайне не огорчался. В то же время идиома «*жаныңды жебе*» может выражать подозрение и недоверие к личности. Это нередко встречается в речи жителей южных областей Кыргызстана. В кыргызском миропонимании данный фразеологизм можно считать чисто специфическим выражением и, исходя из ситуации, употреблять в разных значениях.

Как мы знаем, кыргызы вели кочевой образ жизни и скот для них был основой жизни. В наше время тоже люди стараются держать при себе *майда жандык* (мелкий домашний скот) как один из источников благосостояния и жертвоприношения: *мал – жандын садагасы* (скот – жертва ради души, то есть скот можно потерять, лишь бы душа была жива).

Равным образом, упоминание домашнего скота в приветствии является одним из характерных выражений кыргызской культуры: ***мал-жан*** аманбы? *мал-баш аманбы?* (все ли благополучно? все ли здоровы?) [5, с. 513]; – *Как живы-здоровы? Как лошади, Танаке, как сам?* [6,с. 89]; – *Мал-жан аманбы? Жылкы кандай, Танаке, өзүңөр жакшы жатасыңарбы?...* [7, с. 77].

Человек, думающий только о себе или жалеющий себя, говорит так: *кара жаным*, *кургур жаным.* ***Кара жан:*** (думает только о себе, о своей) [8, с. 247]. – *Плохо мне, – шептал Чоро, корёжась от невыносимой боли в сердце [*6, с.173]; – *Ой, жаным, – деп эриндери араң кыбырап, бүрүшүп баратты. – Ой, жаным-ай! Кыйналдың го, кургур!* [7, с. 174]; – *... Что дураком был всю жизнь, что расшибался в доску ради колхоза? Я и сам знаю!..* [6, с. 159]; *...колхоз деп кара жанымды карч уруп келатканымды айтыш үчүн келдиңби?...* [7, с. 159].

Устойчивое выражение «кара жаным» в буквальном переводе на русский язык означает «черная душа». Но в кыргызском представлении отражает слабую душу, которой нужна защита и помощь. В то же время данное словосочетание используется как ласковое обращение к близкому, любимому человеку: *Кара жаным менин!* (Единственная моя!).

Из выше приведенных контекстов можно заключить, что некоторые выражения со словом «жан» в кыргызском мировосприятии могут передавать несколько значений. Они отражают такие понятия, как:

- благоразумный, не отступающий перед трудностями, своенравный человек;
- физическое и психологическое здоровье, сила, жизненная энергия;
- сильное страдание, мучение совести;
- благополучие скота как источника жизнедеятельности и т.п.

Очевидно, что речевые формулы с компонентом «*жан*» ярче и образнее передают жизненные ценности, убеждения, эмоции и отношение к миру, чем «душа» в русском варианте повести. Это не просто выражения, а форма народного мышления. Их невозможно передать буквально, не потеряв эмоциональной глубины и своеобразного характера кыргызского языка и мировоззрения.

Проведенный анализ позволяет выявить существенные различия в концептуализации «души» в сопоставляемых лингвокультурах. В русской языковой картине мира «душа» часто противопоставляется «телу» как нечто нематериальное, сакральное, вместилище чувств и нравственных качеств. Русский концепт «душа» обладает высокой степенью абстракции: это «глубина», «широта», «бессмертие» и «страдание» (например, «душа болит», «от всей души»).

В то же время кыргызский концепт «жан» демонстрирует более выраженную витальную направленность. Он неразрывно связан с самой жизнью, с физическим существованием человека и его ближайшим окружением (скот, семья, дом). Если в русском языке фразеологизм «черная душа» имеет сугубо негативную, этическую коннотацию (подлость, коварство), то в кыргызском языке «*кара жан*» фокусируется на хрупкости человеческого существования, эгоцентричном инстинкте самосохранения или, напротив, используется как нежнейшее обращение к любимому человеку, подчеркивающее его ценность для говорящего.

Таким образом, если русский концепт «*душа*» – это скорее область морально-этической рефлексии, то кыргызский концепт «*жан*» – это проекция жизненной энергии и биологического единства человека с окружающим миром. В переводах произведений Ч. Айтматова эти смысловые сдвиги становятся наиболее очевидны: русский перевод часто вынужденно «рационализирует» или «абстрагирует» кыргызские формулы, что неизбежно ведет к утрате той самой этноспецифической «плотности» и образности, которая является ключом к пониманию кыргызского мировидения.

Современная коммуникативная среда, особенно кыргызскоязычный сегмент интернета, активно использует семантические нюансы данного концепта. Мы видим интересную эволюцию: архаичное понимание «скотской» семантики, связанное с обеспечением жизни и благополучием, постепенно переходит в метафоры, обозначающие социальный успех и личную безопасность. Например, вопрос «*мал-жан аманбы*?» в мессенджерах и социальных сетях часто уже не имеет прямого отношения к состоянию скота, а воспринимается как универсальное и искреннее приветствие,

акцентирующее принадлежность к единой культурной среде [8, с. 79]. Невнимание к такому вопросу со стороны собеседника может восприниматься как нарушение этикета и признак ослабления эмоциональной связи между людьми.

Особенно интересно наблюдать за использованием производных от концепта «жан» среди молодежи. Выражения вроде «жаным» (моя душа, дорогой/дорогая) или «*жан дүйнөм*» (мой внутренний мир) стали важными элементами цифрового общения, функционируя как маркеры близости и искренности. В эпоху, когда коммуникация всё больше становится дистанционной и порой обезличенной, такие фразы позволяют кыргызскоязычным пользователям добавить человеческое измерение в свои диалоги, восполняя недостаток живого общения.

Кроме того, концепт «*жан*» играет значительную роль и в медийном пространстве, особенно в периоды общественных потрясений или событий национальной важности. Термин «*кара жан*» все чаще используется как символ уязвимости простых людей перед масштабными социальными изменениями. Это использование неразрывно связано с философскими мотивами, отраженными в трудах таких авторов, как Чингиз Айтматов.

Несмотря на нарастающую европеизацию лексики и проникновение заимствований, понятие «*жан*» сохраняет свое значение и функциональность. Более того, оно становится своего рода «психологическим якорем», который помогает кыргызскому этносу сохранять преемственность мировоззренческих основ и собственную эмоциональную уникальность в быстро меняющихся условиях современного мира.

Проведенный сопоставительный анализ речевых формул, содержащих компонент «*душа/жан*», в произведениях известного киргизского писателя Чингиза Айтматова позволяет выделить несколько значительных выводов, которые имеют важное значение как для лингвистики, так и для культурологии. Необходимо отметить, что концепт «жан» в кыргызской лингвокультуре обладает гораздо более широкой и многогранной семантикой по сравнению с его русским аналогом «душа». Если в русском языке слово «душа» в основном ассоциируется с абстрактными и этическими категориями, связанными с внутренним миром человека, его чувствами и моральными ценностями, то в кыргызском языке концепт «*жан*» неразрывно связан с более приземленными аспектами, такими как витальность, физическое выживание, родовое благополучие и глубокая эмоциональная привязанность к близким и родным [9, с. 12].

Перспективы дальнейших исследований в этой области мы видим в расширении эмпирической базы, что может быть достигнуто путем анализа других литературных жанров и медиатекстов. Это позволит более глубоко проследить динамику трансформации концепта «*жан*» в условиях современной глобализации, а также его влияние на культурные и языковые процессы.

Библиографический список

1. Тыныстанов К. Грамматика кыргызского языка (Кыргыз тилинин грамматикасы). Ч. I. – Фрунзе: Кыргмамбас, 1927; Ч. II. – М.: Центриздат, 1931.

2. Дмитриева Л. И. Фразеологический мир Ч.Т. Айтматова. – М., 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://274418.selcdn.ru/.

3. Усубалиев Б. Антонимы и методика их преподавания. – Фрунзе, 1987.

4. Мадмарова Г.А. Межкультурные концепты в тексте художественного произведения: монография. – Бишкек, 2017. – 392 с.

5. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. – Бишкек: Кут Бер, 2015. – 976 с.

6. Айтматов Ч. Прощай, Гульсары: повесть // Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. – Бишкек: Улуу тоолор, 2018.

7. Айтматов Ч. Гүлсарат (Прощай, Гульсары): повесть // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. – Бишкек: Улуу тоолор, 2018.

8. Ибрагимов М. Кыргызские пословицы, поговорки и афоризмы (Кыргыз макал-лакап, учкул сөздөрү). – Бишкек, 2023. – 640 с.

9. Калмурзаева А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира: дис. – Бишкек: КРСУ, 2013.

SPEECH FORMULAS WITH THE "SOUL/JEAN" COMPONENT IN CH. AITMATOV'S NOVEL "FAREWELL, GUL'SARY!"

G.S. Raimova, *Lecturer*
S.R. Abdykadyrova, *Associate Professor*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *This study analyzes speech formulas with the "soul/jean" component in Ch. Aitmatov's novella "Farewell, Gulsary!" based on a comparison of the Kyrgyz original and its Russian translation. The relevance of this topic lies in the fact that the concept of "soul/jean" occupies a central place in the Kyrgyz linguistic worldview and reflects the centuries-old spiritual, ethical, and cultural traditions of the people. The scholarly works of K. Tynystanov, Ch. Aitmatov, B.Sh. Usubaliev, and G.A. Madmarova emphasize that the Kyrgyz language is rich in images, symbolism, and figurative meanings that shape a distinctive national worldview. Using a method of selection, comparison, and contextual analysis, they studied set phrases containing the word "zhan" found in the story: estuu zhan, zharim zhan, zhanyn zhedi, kara zhan, etc. It was discovered that the component "zhan" carries a wide range of meanings that extend beyond the Russian lexeme "soul". It reflects not only a person's spiritual essence but also their mind, vital energy, physical and mental state, ability to endure suffering, as well as traditional notions of goodness, which are directly linked to the pastoral culture and nomadic life of the Kyrgyz people. Analysis shows that many Kyrgyz phraseological units possess deep symbolic meaning and are difficult to translate into Russian without losing their emotional richness and cultural specificity. In some cases, Russian translations convey only the general meaning, losing the imagery and polysemy inherent in the original. Thus, speech patterns containing the component "zhan" serve as an important indicator of the spiritual values of the Kyrgyz people. They reflect the richness of the Kyrgyz language and allow for a deeper understanding of Aitmatov's artistic world and the cultural identity of his people.*

Keywords: *speech patterns; soul; zhan; set expressions; Kyrgyz; worldview; worldview.*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРА В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ

Б.Ш. Усубалиев[1], *д-р филол. наук, доцент*
Г.Ж. Кожоева[2], *канд. филол. наук, доцент*
Б. Исмаилова[2], *канд. филол. наук, доцент*
[1]Международный Кувейтский университет
[2]Ошский государственный университет
[1](Кыргызстан, г. Бишкек)
[2](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-140-144

Аннотация. *В статье рассматриваются функциональные особенности повтора как одного из важнейших средств организации текста в различных типах дискурса. Анализируются основные подходы к определению понятия повтора, его классификации и текстообразующие функции в современной лингвистике. Особое внимание уделяется роли повторов в обеспечении когезии и когерентности текста, а также их участию в реализации коммуникативных и прагматических задач автора. На материале художественного, научного, официально-делового, публицистического и политического дискурсов выявляются особенности функционирования лексических, синтаксических и семантических повторов. Показано, что в зависимости от типа дискурса повтор выполняет различные функции: обеспечивает смысловую и композиционную целостность текста, усиливает его выразительность, способствует логическому развитию мысли и повышает эффективность речевого воздействия на адресата.*

Ключевые слова: *повтор; лексический повтор; синтаксический повтор; когезия; когерентность; текст; текстообразование; дискурс; художественный дискурс; научный дискурс; официально-деловой дискурс; публицистический дискурс.*

В современной лингвистике текст рассматривается не как простая последовательность языковых единиц, а как сложная коммуникативная система, обладающая смысловой, структурной и прагматической целостностью. Одним из важнейших механизмов организации текста является повтор, который обеспечивает его связность, логическую последовательность, выразительность и коммуникативную завершенность. Повтор представляет собой универсальное языковое явление, функционирующее на различных уровнях языковой системы фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом. Благодаря своей многофункциональности он является неотъемлемым компонентом построения текста независимо от его жанровой и дискурсивной принадлежности.

Интерес к исследованию повторов возник еще в античной риторике, где они рассматривались преимущественно как средство усиления выразительности речи. В дальнейшем проблема повтора получила развитие в трудах представителей стилистики, текстовой лингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики и теории дискурса. В языкознании различные аспекты повторов исследовали И.Р. Гальперин [1], И.В. Арнольд [2], И.Ю. Ковальчук [3], А.Ф. Мухаматгалиева [4] и другие ученые. Несмотря на значительное количество работ, посвященных повтору, многие вопросы, связанные с его функционированием в различных типах дискурса, остаются недостаточно изученными.

Особую актуальность проблема повторов приобретает в условиях современного коммуникативного пространства, характеризующегося разнообразием дискурсивных практик. В зависимости от коммуникативной ситуации и целей автора повтор выполняет различные функции: обеспечивает связность текста, акцентирует внимание адресата на ключевой информации, усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие, способствует аргументации, формирует ритмико-интонационную организацию текста и повышает его прагматический потенциал. При этом особенности функционирования повторов существенно

варьируются в художественном, научном, публицистическом, политическом, рекламном и интернет-дискурсах.

В последние годы исследование повторов все чаще осуществляется с позиций дискурсивного подхода, согласно которому языковые средства рассматриваются не изолированно, а в тесной связи с условиями коммуникации, намерениями автора и особенностями восприятия текста адресатом. Такой подход позволяет выявить функциональную специфику повторов и определить их роль в формировании смысловой структуры текста, реализации коммуникативной стратегии автора и организации дискурса в целом.

В последние годы исследование повторов все чаще осуществляется с позиций дискурсивного подхода, согласно которому языковые средства рассматриваются не изолированно, а в тесной связи с условиями коммуникации, намерениями автора и особенностями восприятия текста адресатом. Такой подход позволяет выявить функциональную специфику повторов и определить их роль в формировании смысловой структуры текста, реализации коммуникативной стратегии автора и организации дискурса в целом [5].

Особое внимание в современной лингвистике уделяется текстообразующей функции повторов. По мнению Н.А. Змиевской, К.А. Долинина, Г.Г. Инфантовой, Н.Н. Решетовой и М. Перре, повтор является одним из важнейших средств формирования связности текста, обеспечивающим смысловое единство его отдельных фрагментов. И. Беллерт, Т.А. ван Дейк и Т.А. Рябоконь рассматривают повтор прежде всего, как средство реализации когерентности, связывая его с формированием глобальной смысловой целостности речевого произведения.

Существующие классификации повторов отличаются значительным разнообразием. Так, А.А. Шахматов и М.Я. Блох предлагают классифицировать повторы с учетом принадлежности повторяемых единиц к различным частям речи. Наиболее известной является классификация М.К. Морена, включающая простой лексический повтор, анафору, эпифору, эпанафору и частичный повтор. З.И. Хованская наряду с указанными разновидностями выделяет семантический и лексико-синтаксический повторы, тогда как И.В. Арнольд, В. Фляйшер и Г. Михель рассматривают местоименный повтор как самостоятельную разновидность. Кроме того, многочисленные исследования свидетельствуют о том, что повтор лежит в основе многих стилистических фигур и риторических приемов, обеспечивающих выразительность и композиционную завершенность текста.

Особое место в современных исследованиях занимает проблема взаимосвязи повторов с категориями когезии и когерентности. И. Беллерт и Т.А. ван Дейк рассматривают повтор как один из основных механизмов достижения смысловой целостности текста, обеспечивающий последовательность изложения и взаимосвязь его компонентов. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных данной проблематике, особенности функционирования повторов как текстообразующего средства в различных типах и жанрах дискурса до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Современные зарубежные исследователи разграничивают понятия **когезии** и **когерентности**, рассматривая их как взаимосвязанные, но не тождественные категории текста. В современной лингвистике текста важное место занимают категории **когезии** (*cohesion*) и **когерентности** (*coherence*), которые используются для анализа внутренней организации текста и интерпретации авторского замысла. В условиях развития антропоцентрического и функционального подходов данные понятия приобрели особую значимость при исследовании различных типов дискурса. Как отмечается в научной литературе, когезия отражает систему лексико-грамматических связей, объединяющих отдельные компоненты текста в единое структурное целое. Благодаря этим связям обеспечивается последовательность изложения, а также точная реализация коммуникативного намерения автора. В свою очередь, когерентность характеризует смысловую целостность текста, организуя его содержание таким образом, чтобы адресат мог правильно интерпретировать авторский замысел и установить логические связи между отдельными фрагментами сообщения. Иными словами, когезия преимущественно отражает структурную организацию текста, тогда как когерентность связана с его содержательной и прагматической целостностью [6].

В текстовой лингвистике когезия рассматривается как совокупность формальных связей, объединяющих элементы поверхностной структуры текста, тогда как когерентность характеризует глубинные смысловые отношения между его компонентами. В связи с этим исследователи отмечают, что когезия относится преимущественно к области языкового выражения, а когерентность к области содержания текста.

В научной литературе выделяются различные разновидности когезии и когерентности. Помимо стилистической когезии исследователи рассматривают содержательную, ассоциативную, когнитивную и тематическую когерентность, каждая из которых обеспечивает определенный уровень организации и смыслового единства текста.

Связность текста обеспечивается различными типами межфразовых отношений. Наиболее распространенными являются цепная и параллельная связь. При цепной связи последующее высказывание связано с предыдущим посредством лексического, грамматического или смыслового повтора. Параллельная связь основывается на повторении однотипных синтаксических конструкций, благодаря чему достигаются сопоставление, противопоставление и последовательное развитие мысли.

Среди средств текстообразования особое место занимает лексический повтор. Он способствует сохранению тематического единства текста, облегчает восприятие информации и обеспечивает последовательное развитие авторской мысли. Повтор может реализовываться посредством полного воспроизведения слова, словосочетания или терминологической единицы, имеющей ключевое значение для раскрытия содержания текста. Повторы, занимающие определенную позицию в композиции текста, рассматриваются как позиционные и выполняют не только композиционную, но и смыслообразующую функцию.

Особую роль лексический повтор играет в научном дискурсе, где неоднократное употребление терминов обеспечивает точность изложения, логическую последовательность исследования и однозначность интерпретации научных понятий. По мнению А.А. Реформатского, термин представляет собой специальную языковую единицу, предназначенную для точного обозначения научного понятия [7]. Вместе с тем чрезмерное насыщение текста терминологией может затруднять его восприятие, особенно в научно-популярных жанрах, где изложение материала должно оставаться понятным и доступным широкому кругу читателей.

Не менее важным средством организации текста является **синтаксический параллелизм**, основанный на повторении однотипных синтаксических конструкций. Данный прием широко используется в официально-деловом, публицистическом и художественном дискурсах, поскольку обеспечивает композиционную стройность текста и усиливает его воздействие на адресата.

Показательными в этом отношении являются тексты на кыргызском языке. Например, в выступлениях государственных деятелей нередко встречаются конструкции типа:

Биз билимди өнүктүрүшүбүз керек. Биз илимди өнүктүрүшүбүз керек. Биз мамлекетибизди өнүктүрүшүбүз керек.

Повтор начальной конструкции *«Биз ... өнүктүрүшүбүз керек»* образует анафору, которая придает тексту ритмичность, усиливает убеждающее воздействие и акцентирует внимание на ключевых целях высказывания.

Аналогичный прием широко используется и в публицистике:

Эл бир болсо – күчтүү. Эл ынтымактуу болсо – өнүккөн. Эл билимдүү болсо – келечек кең болот.

В данном примере повтор слова «Эл» в начале каждого предложения формирует синтаксический параллелизм и обеспечивает тематическое единство текста.

Синтаксический повтор характерен и для кыргызских пословиц, где он способствует усилению выразительности и лучшему запоминанию высказывания: *Жакшы сөз – жан азыгы, Жакшы иш – эл азыгы или Ата көргөн ок жонот, Эне көргөн тон бычат.* Повтор синтаксической модели делает пословицу ритмически организованной, усиливает ее образность и облегчает воспроизведение в речи.

Наряду с анафорой в текстах различных дискурсов используется и эпифора повтор языковых единиц в конце предложений или синтаксических конструкций. Как анафора, эпифора выполняет композиционную и экспрессивную функции, усиливает эмоциональное

воздействие текста и способствует выделению наиболее значимой информации.

Приведенные примеры показывают, что синтаксический параллелизм является одним из наиболее эффективных средств организации текста. Повтор однотипных синтаксических конструкций способствует усилению смыслового воздействия на адресата, придает тексту композиционную стройность и ритмичность, а также обеспечивает логическую последовательность изложения. В официально-деловом дискурсе подобные конструкции отличаются стандартизированностью и книжной окраской, поскольку служат средством точной передачи нормативной информации и создания структурной целостности документа.

В художественном дискурсе повтор приобретает дополнительные функциональные характеристики. Помимо обеспечения связности текста, он используется для акцентирования внимания читателя на ключевых образах и мотивах произведения, способствует созданию эмоционального напряжения, передает внутреннее состояние персонажей и формирует индивидуальный авторский стиль. В отдельных случаях повтор становится средством создания юмористического или иронического эффекта, усиливая художественную выразительность произведения.

Следовательно, повтор выполняет не только текстообразующую, но и стилистическую, экспрессивную и прагматическую функции. Именно благодаря многократному воспроизведению отдельных языковых единиц достигаются ритмичность повествования, смысловая завершенность текста и выделение наиболее значимой информации.

Так, в русской художественной литературе анафорический повтор нередко используется для усиления эмоционального воздействия:

Я помню первый день. Я помню первую встречу. Я помню первое слово.

Повтор начальной конструкции *«Я помню…»* объединяет отдельные высказывания в единое смысловое целое и одновременно подчеркивает эмоциональную значимость воспоминаний.

Подобный прием широко представлен и в кыргызской художественной речи: *Мен ишенем элиме. Мен ишенем келечекке. Мен ишенем жаштарга.*

Анафорический повтор словосочетания *«Мен ишенем…»* усиливает экспрессивность текста, придает ему ритмичность и способствует последовательному развитию авторской мысли.

Повтор синтаксической модели способствует логическому развитию высказывания, выделяет ключевую мысль и усиливает воздействие на адресата.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что повтор является одним из наиболее универсальных и функционально значимых средств организации текста. Он обеспечивает не только формальную связность (когезию) и смысловую целостность (когерентность), но и способствует последовательному развитию авторской мысли, структурированию информации и реализации коммуникативного замысла. Благодаря повтору текст приобретает композиционную завершенность, логическую стройность и более высокую степень информативности.

Функциональный потенциал повторов определяется особенностями конкретного типа дискурса. В научных текстах повтор обеспечивает терминологическую точность, последовательность изложения и однозначность интерпретации научных понятий. В официально-деловом дискурсе он способствует стандартизации языковых конструкций, повышает четкость нормативных формулировок и облегчает восприятие правовой информации. В художественной литературе повтор выступает важным средством создания образности, эмоциональной выразительности, ритмической организации текста и раскрытия авторского замысла. В публицистическом и политическом дискурсах он усиливает прагматическое воздействие речи, акцентирует внимание аудитории на ключевых идеях и способствует более эффективной реализации убеждающей функции языка.

Следует отметить, что повтор нельзя рассматривать исключительно как стилистический прием. Современные исследования свидетельствуют о его многоуровневой природе и широком функциональном диапазоне. Повтор является важным механизмом текстообразования, обеспечивающим взаимосвязь языковых единиц различных уровней, организацию смысловой структуры текста и реализацию его коммуникативной направленности. Именно

поэтому он занимает особое место в современной лингвистике текста и теории дискурса.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением функционирования различных видов повторов в текстах русского и кыргызского языков, выявлением их национально-культурной специфики, а также исследованием особенностей использования повторов в современных цифровых и медиадискурсах. Сопоставительный анализ языковых средств текстообразования позволит глубже раскрыть закономерности организации текста и расширить представления о роли повторов в современной речевой коммуникации.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 6-е. – М.: УРСС Эдиториал, 2008. – 144 с.

2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2016. – 384 с.

3. Ковальчук И.Ю. Повтор и его функции в тексте: автореф. ... канд. филол. наук. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 23 с.

4. Мухамматгалиева А.Ф. Повтор в структуре татарского художественного текста: дис. канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 149 с.

5. Каразакова З.Ж., Караева Н.О., Бекмуратоав Р.Т., Алишерова Е. Исследование текста в кыргызском языкознании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-2(97). – С. 129-132.

6. Cutting J. Pragmatics and Discourse. – London; N.Y.: Routledge, 2002. 200 p.

7. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.

FUNCTIONAL FEATURES OF REPETITION IN TEXTS OF VARIOUS DISCOURSES

B.Sh. Usubaliev[1], *Doctor of Philological Sciences, Associate Professor*
G.Zh. Kozhoyeva[2], *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
B. Ismailova[2], *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
[1]International Kuwait University
[2]Osh State University
[1](Kyrgyzstan, Bishkek)
[2](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the functional features of repetition as one of the most important means of text organization in various types of discourse. It analyzes the main approaches to defining the concept of repetition, its classification, and its text-forming functions in modern linguistics. Special attention is paid to the role of repetitions in ensuring the cohesion and coherence of a text, as well as their participation in the implementation of the author's communicative and pragmatic goals. Based on the analysis of literary, scientific, official, journalistic, and political discourse, the article identifies the specific features of the functioning of lexical, syntactic, and semantic repetitions. It is shown that, depending on the type of discourse, repetition performs various functions: it ensures the semantic and compositional integrity of the text, enhances its expressiveness, contributes to the logical development of thought, and increases the effectiveness of speech influence on the addressee.*

Keywords: *repetition; lexical repetition; syntactic repetition; cohesion; coherence; text; text formation; discourse; artistic discourse; scientific discourse; official discourse; journalistic discourse.*

ТЕХНИКА ЭКСПЕРТНОГО КОНСЕНСУСА (МЕТОД ДЕЛЬФИ) И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РАБОТЕ СПЕЦИАЛИСТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ СИСТЕМЫ МВД КЫРГЫЗСТАНА

Э.И. Базаркулов, *слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Кыргызская Республика*
Научный руководитель: *С.Ю. Чимаров, д-р ист. наук, профессор*
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-145-149

Аннотация. *В статье представлен анализ зарубежной литературы, посвященной процедуре метода Дельфи и его потенциала для работы практикующего специалиста психологической службы, работающего в МВД Кыргызстана. Выявляя сущностные аспекты техники применения данного метода, автор рассматривает его в качестве альтернативного способа, позволяющего решать возникающие проблемы в области групповой психологии, а также для поиска оптимальных способов лечения психических заболеваний личного состава национальных органов внутренних дел, что имеет важное значение для укрепления психологической безопасности сотрудников указанного правоохранительного института.*

Ключевые слова: *психология; метод Дельфи; психические заболевания; адаптация лечения; итеративность; обратная связь; конвергенция.*

Многозначность функционала специалиста-психолога системы МВД Кыргызстана сопровождается в ряде случаев неопределенностью нестандартных ситуаций, требующих профессионального подхода к разрешению эвентуальных вводных. Отмеченное предопределяет целесообразность обращения к предметному анализу методологии исследования, традиционно используемой для достижения консенсуса среди экспертов по сложным вопросам, характеризующимся неопределенностью, а именно к содержанию метода Дельфи.

По своей этимологии данный метод как способ организации искусственного интеллекта, восходит к феномену Дельфийского Оракула (лат. «oraculum», от «oro» – «говорю»), по древнегреческой мифологии являющегося предсказателем по различным вопросам и, впервую очередь, по вопросам прогнозирования исхода будущих войн или запланированных политических действий. Разработанный американской аналитической корпорацией Rand (англ. «research and development») в 1950-х годах для военных целей и изначально презентованный в качестве «Исследования прогнозирования» (в интересах ВВС США), метод Дельфи нашел широкое применение в различных областях, включая социальные науки, информационные системы, здравоохранение и ряд других, с целью решения множества сложных проблем.

Расширяя свое применение в других областях, включая психологию, метод Дельфи со временем зарекомендовал себя в качестве эффективного способа достижения консенсуса по широкому спектру многозначных проблемных ситуаций. В обобщенном виде проведение исследований по методу Дельфи, представляя собой систематическое формирование, уточнение и синтез мнений с использованием нескольких структурированных раундов, позволяет: во-первых, достигнуть согласия вовлеченных в проводимое исследование экспертов за счет преодоления возможной конфронтации их мнений; во-вторых, повысить качество процессов групповой коммуникации и принятия решений [1]. Вместе с тем, необходимо учитывать то обстоятельство, что метод Дельфи не относится к инструментарию психометрического профиля, а является по своей сути универсальным и субъективным методом, зависящим от мнений, суждений и экспертных знаний отдельных лиц [2].

По оценке американских ученых Н. Далки и О. Хельмера, основу дельфийской техники составляет метод социальных исследований, направленный на выявление группового мнения с использованием структурированного и

итеративного подхода. Раскрывая содержание структурированной и итеративной методики опроса суть непрерывного циклического процесса по сбору определенной информации, в ходе которого каждое новое действие планируется на основе результатов предыдущего, указанные ученые свидетельствуют о возможности концентрации внимания на наиболее важных аспектах исследуемого вопроса, переходя при этом от общего к частному. Выступая в качестве эффективного способа получения необходимого консенсуса между представителями экспертного сообщества, рассматриваемый метод позволяет избежать социального давления и предвзятости, которые часто возникают при традиционных обсуждениях «лицом к лицу» [3].

Основными характеристиками рассматриваемого метода являются: во-первых, анонимность ответов экспертов на возникающие в ходе исследования вопросы, что предотвращает влияние давления на получаемые оценки со стороны доминирующих лиц или иных коллег, а также возникновение психологического дискомфорта за публичное выражение экспертом своего несогласия по исследуемому вопросу; во-вторых, итеративность (от лат. «iterativus» – «повторный, многократный») и контролируемая обратная связь, предполагающие нескольких раундов анкетирования, между которыми нейтральное лицо или фасилитатор (англ. «facilitator», от лат. «facilis» – «удобный») предоставляет исследовательской группе анонимную обратную связь в виде краткого отчета с результатами предыдущего раунда (например, статистическое среднее или медиану ответов).

Алгоритм задействования дельфийской техники включает в себя:

1) проведение первоначального опроса (экспертная презентация персональных прогнозов и оценок по изучаемой проблеме);

2) анализ полученной информации и задействование обратной связи, с последующим формированием статистической сводки, содержащей медиану ответов и разброс данных: размах; дисперсию, стандартное отклонение, коэффициент вариации;

3) проведение последующих опросов, целеполагание которых заключается в новой оценке экспертами своих первоначальных ответов и обосновании персональной позиции для полученных данных с сильными аномалиями (интерквартильным размахом);

4) конвергенция (от лат. «convergo» – «сближаю») как процесс сближения разных позиций на пути к достижению компромисса. Указанный алгоритм носит цикличный характер, т.е. включает в себя серию циклов, повторяющихся до момента нахождения приемлемого компромисса, выраженного в стабилизации различных мнений участников экспертной группы. Как отмечают американские ученые Т. Гордон и А. Пиз, повторные раунды опроса и обратной связи позволяют добиться «прогресса процесса», поскольку эксперты сходятся к истине, а усреднение устраняет возникшую ошибку [4, p. 324].

По утверждению английских ученых Ф. Болджера и Дж. Райта, алгоритм применения дельфийской техники приемлем для проводимых исследований в области социальной психологии и, в частности для психологии малых групп, позволяя при этом получать более точный результат. Кроме того, отмеченные специалисты выявляют триаду непременных условий, касающихся позитивного изменения мнений экспертов в интересах достижения ожидаемого консенсуса и к которым следует отнести:

1) разнородный состав экспертов;

2) наличие мотивированных и вовлеченных участников дискуссии;

3) предоставление веских аргументов в пользу вынесенных суждений или сделанных выборов [5, p. 1502].

В контексте изложенного, отмеченные специалисты выявляют наличие тесной связи и даже некоторой схожести дельфийской техники с техникой, приемлемой для системы «судья-советник» (англ. «Judge-advisor systems, JAS») и широко применяемой в социальной психологии для изучения изменения мнения в диадах и малых группах (англ. «dyads and small groups») [5, p. 1505-1511].

Как следует из анализа данной системы JAS, принимая во внимание мнение советника, выступающий в роли судьи фасилитатор, обычно выносит первоначальное суждение, а затем получает некоторую (обычно ограниченную) информацию, относящуюся к суждению (аналогично обратной связи в дельфийской технике). Подтверждая тесную сопряженность метода Дельфи с указанной техникой системы

JAS, зарубежные психологи Т. Шульце, А. Штерн и С. Шульц-Хардт свидетельствуют о востребованности в настоящее время процедуры принятия советов в ходе проводимых социально-организационных психологических исследований и, в первую очередь, в рамках системы JAS, основными действующими фигурами которой выступают советник, предоставляющий информацию или рекомендации, и судья, несущий ответственность за вынесение решения.

По оценке данных специалистов в области поведенческой психологии, исследования групповых суждений с использованием метода Дельфи подтвердили тот факт, что осведомленность о суждениях друг друга приводит к тому, что члены определенной группы корректируют и улучшают свои собственные оценки. Как и в методе JAS, членам в группах Дельфи не разрешается общаться напрямую, а только узнавать индивидуальные оценки каждого члена группы, после чего они могут пересмотреть свои собственные суждения: указанный процесс повторяется до тех пор, пока группа не достигнет консенсуса [6, p. 3].

Отмечая несомненное значение процедуры Дельфи в работе практикующих психологов и психотерапевтов, американские ученые указывают на наличие определенного пробела, в части адаптации дельфийской техники к области лечения психических заболеваний. Этот пробел заслуживает внимания по той причине, что методы лечения, основанные на доказательствах, часто модифицируются с точки зрения основного содержания вмешательства, метода его проведения и целевых групп населения. Вместе с тем, методы достижения экспертами консенсуса посредством процедуры Дельфи предлагают психологам такие практические преимущества, как гибкость и эффективность использования ресурсов, с целью адаптации существующих методов лечения к новым потребностям психологических исследований и клинической практики.

В этой связи, было предложено практическое руководство по использованию дельфийской техники и ее адаптации для лечения психических заболеваний, подготовленное на основе выводов ученых-психологов и экспертных заключений практикующих психологов, работающих в системе Министерства по делам ветеранов США (англ. «US Department of Veterans Affairs») [7]. В указанном случае речь идет о расширенном обучении применения метода Дельфи под новые клинические условия и для решения проблем в области лечения психических заболеваний в соответствии с протоколом (E-PST) (от англ. «Enhanced Problem-Solving Training» – «усовершенствованная подготовка по решению проблем»). Основу указанной техники составила трехэтапная процедура Дельфи для внесения изменений в содержание и контекст существующего метода решения проблем, с целью оптимизации использования данного метода с новой группой пациентов. В первом раунде были использованы полуструктурированные интервью (англ. «semi-structured interviews») для определения необходимых особенностей и модификаций протокола. Второй и третий раунды посвящались проведению опроса с принудительным выбором (англ. «forced-choice survey») и обратной связи (англ. «feedback loop») для оценки консенсуса экспертов. Необходимо отметить, что отмеченный опрос в его принудительном варианте представляет собой метод, следуя которому респондентам необходимо выбрать один из предложенных вариантов, без возможности ответить «нейтрально» или «затрудняюсь ответить». Подобного рода методика позволяет избежать уклончивых ответов и выявить истинные предпочтения экспертов. Как следует из проведенного исследования, более 91% оцененных пунктов были согласованы после 2-го раунда, остальные – после 3-го. Рекомендуемые изменения включали незначительные структурные и содержательные правки, а также перераспределение времени. В ходе проведенного исследования было установлено, что предлагаемая техника достижения консенсуса позволяет:

- во-первых, способствовать адаптации лечения психических заболеваний;

- во-вторых, повысить уровень осуществимости ожидаемого консенсуса;

- в-третьих, обеспечить содержательную и экологическую валидность.

При этом, процедура Дельфи рассчитана на следующие пошаговые действия:

1) формулирование исследовательского вопроса/проблемы;

2) определение и отбор членов экспертных групп;

3) разработка процедур сбора и анализа данных;

4) сбор и анализ данных;

5) общая оценка результатов и определение необходимых дальнейших шагов: в контексте адаптации лечения это определение в действительности сводится к следующему, существует ли приемлемый результат для лечения психического заболевания?

Как следует из выводов английских ученых Ф. Хэссона, С. Кини и Х. Маккенны, метод Дельфи является наиболее приемлемым для решения двух ключевых проблем с данными, которые приводят к неопределенности в принятии решений, а именно:

1) дефицита информации, когда наблюдается недостаточность научных доказательств для определения дальнейшего пути;

2) информационной перегрузки, сопряженной с наличием противоречивых научных данных, затрудняющих принятие клинических или иных необходимых решений [8].

Проходя обучение в Санкт-Петербургском университете МВД России и получив при этом необходимый запас теоретических знаний по профилю подготовки специалистов в области психологии служебной деятельности, необходимых для их реализации на практике, каждый из нас призван демонстрировать свою вовлеченность в образовательный процесс, с целью «интегрального восприятия проблемного поля психологической безопасности в оценочных суждениях представителей зарубежной научной мысли» [9, с. 62], непременным условием которой является сохранение психического здоровья личного состава органов внутренних дел Кыргызстана. При этом, особого внимания заслуживает системная и целенаправленная работа каждого слушателя указанной образовательной организации МВД России, в части повышения своего профессионального мировоззрения, уровень которого предопределяет степень доверия общества к личности правоохранителя и того ведомства, которое он представляет. Указанное в полной мере относится и к личности специалиста психологической службы МВД Кыргызстана, вклад которого в эффективность реализации личным составом национальных органов внутренних дел своей социальной миссии бесспорен и от профессиональной деятельности которого зависит также доверие общества к указанной правоохранительной институции. Отмеченное корреспондирует выводу видного зарубежного полицеиста Р. Пиля, являющегося автором следующего универсального принципа: «Способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, её действиям и поведению» [10, с. 33].

Подводя итог изложенному, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Техника экспертного консенсуса (метод Делфи) и целесообразность ее применения в работе специалиста психологической службы системы МВД Кыргызстана обусловлена необходимостью изменения научно обоснованных методов лечения психических заболеваний среди личного состава национальных органов внутренних дел, а также для удовлетворения новых клинических и исследовательских потребностей в области психологической науки.

2. К распространенным областям модификации процесса лечения психических заболеваний личного состава органов внутренних дел Кыргызстана следует отнести: во-первых, основное содержание психологического вмешательства, предполагающего добавление, сочетание, сокращение или адаптацию элементов лечения; во-вторых, контекст лечения, включая метод лечения, а именно: индивидуальное или групповое; очное или виртуальное); в-третьих, целевую аудиторию, т. е. новую или уникальную группу пациентов.

3. Использование метода экспертного консенсуса (метода Дельфи) является одним из потенциальных способов осуществимого и ресурсоэффективного подхода к адаптации лечения психических заболеваний, свидетельствующего о своем несомненном клиническом потенциале, проявляемом в способности психологического и медицинского вмешательства, с целью принесения практической пользы пациентам, нуждающимся в подобного рода вмешательстве.

4. Важным условием высокого качества выполнения специалистом психологической службы МВД Кыргызстана своих должностных обязанностей является его системная и целенаправленная работа по овладению новыми методиками своей профессиональной деятельности, к числу которых следует отнести и методику достижения экспертного консенсуса,

позволяющего определять наиболее оптимальные пути его работы со своими пациентами.

Библиографический список

1. Hasson F., Keeney S., McKenna H. Revisiting the Delphi technique – Research thinking and practice: A discussion paper // International Journal of Nursing Studies. 2025. Vol. 168. Pp. 1-7. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2025.105119.

2. Belton I., MacDonald A., Wright G., Hamlin I. Improving the practical application of the Delphi method in group-based judgment: a six-step prescription for a well-founded and defensible process // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 147. Pp. 72-82. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.07.002.

3. Dalkey N., Helmer O. Delphi Technique: characteristics and sequence model to the use of experts // Management Science. 1963. Vol. 9 (3). Pp. 458-467.

4. Gordon T., Pease A. RT Delphi: An efficient, «round-less» almost real time Delphi method // Technological Forecasting Social Change. 2006. Vol. 73(4). Pp. 321-333. DOI: 10.1016/j.techfore.2005.09.005.

5. Bolger F., Wright G. Improving the Delphi process: lessons from social psychological research // Technological Forecasting Social Change. 2011. Vol. 78 (9). Pp. 1500-1513. DOI: 10.1016/j.techfore.2011.07.007.

6. Schultze T., Stern A., Schulz-HardtIn S. Learning Processes in the Judge–Advisor System: A Neglected Advantage of Advice Taking // Behavioral Decision Making. 2025. Vol. 38 (3). Pp. 1-45. DOI: 10.1002/bdm.70029.

7. King-Jr P.R., Beehler G.P., Donnelly K., Funderburk J.S., Wray L.O. A Practical Guide to Applying the Delphi Technique in Mental Health Treatment Adaptation: The Example of Enhanced Problem-Solving Training (E-PST) // Professional Psychology: Research and Practice. 2021. Vol. 52(4). Pp. 376-386. DOI: 10.1037/pro0000371.

8. Hasson F., Keeney S., McKenna H. Research guidelines for the Delphi survey technique // Journal of Advanced Nursing. 2000. Volume 32(4). Pp. 1008-1015. DOI: 10.1046/j.1365-2648.2000.t01-1-01567.x.

9. Чимаров С.Ю., Лебедева М.Е. Анализ зарубежных научных исследований в области психологической безопасности профессиональной среды: на примере армии и полиции // Прикладная психология и педагогика. 2025. № 2. С. 61-73. DOI: 10.12737/2500-0543-2025-10-2-61-73.

10. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33-34.

EXPERT CONSENSUS TECHNIQUE (DELPHI METHOD) AND FEATURES OF ITS APPLICATION IN THE WORK OF A SPECIALIST OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF KYRGYZSTAN

E.I. Bazarkulov, *Student of the faculty of training of foreign specialists, Kyrgyz Republic*
Supervisor: *S.Y. Chimarov, Doctor of Historical Sciences, Professor*
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article presents an analysis of international literature on the Delphi Method and its potential for practicing psychological specialists working in the Kyrgyz Ministry of Internal Affairs. By identifying the essential aspects of this method's application, the author examines it as an alternative approach to addressing emerging issues in group psychology and identifying optimal treatments for mental illnesses in national law enforcement personnel, which is crucial for strengthening the psychological security of law enforcement personnel.*

Keywords: *psychology; Delphi method; mental illness; treatment adaptation; iteration; feedback; convergence.*

ДИНАМИКА ВОСПРИНИМАЕМОГО СТРЕССА И САМОЭФФЕКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА: ФЕНОМЕН СТАБИЛЬНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н.В. Жарова, *канд. психол. наук, доцент*
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-150-155

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения психологических механизмов адаптации студентов технических вузов в условиях высокой академической нагрузки. Цель работы – выявить особенности динамики воспринимаемого стресса и самоэффективности студентов младших курсов МГТУ им. Н.Э. Баумана и определить феномен стабильности данных показателей. Исследование выполнено в лонгитюдном дизайне с использованием шкалы воспринимаемого стресса PSS-10 и шкалы общей самоэффективности GSE. В исследовании приняли участие 100 студентов 1-2 курсов факультета «Машиностроительные технологии», обследованных в начале и конце весеннего семестра 2025 года. Установлено, что общий уровень воспринимаемого стресса и самоэффективности сохраняет относительную стабильность, однако выявлены специфические изменения в зависимости от курса обучения. У первокурсников наблюдаются накопление стресса и снижение мотивационного компонента самоэффективности, тогда как второкурсники демонстрируют рост уверенности в собственных возможностях при одновременном снижении ощущения контроля над ситуацией. Полученные результаты раскрывают феномен «адаптационного плато» и подтверждают необходимость дифференцированных программ психологического сопровождения студентов.*

Ключевые слова: *воспринимаемый стресс; самоэффективность; студенты технических вузов; академическая адаптация; психологическое сопровождение.*

МГТУ им. Н.Э. Баумана как ведущий технический вуз России предъявляет к студентам высокие требования с первых дней обучения. Специфика инженерного образования – необходимость усвоения большого объема точных наук, решение сложных технических задач, работа в условиях жестких дедлайнов – создает особую стрессогенную среду, в которой формируются профессионально важные качества будущих инженеров.

Цель исследования: выявить особенности динамики воспринимаемого стресса и самоэффективности студентов 1-2 курсов технического вуза в течение весеннего семестра и определить психологические механизмы стабильности показателей.

Задачи исследования:

1. Оценить уровень воспринимаемого стресса и самоэффективности студентов 1-2 курсов в начале и конце семестра.
2. Выявить различия в динамике показателей между первым и вторым курсами.
3. Определить «зоны риска» и «зоны устойчивости» в структуре психологических показателей.
4. Разработать практические рекомендации по психологическому сопровождению студентов с учетом выявленной специфики.

Исследование проводилось на базе МГТУ им. Н.Э. Баумана в период с января по май 2025 года. Выборка: 100 студентов младших курсов (50 первокурсников и 50 второкурсников) факультета «Машиностроительные технологии». Средний возраст участников – 18,7 лет. Гендерное распределение: 73% юношей, 27% девушек, что соответствует типичному распределению в техническом вузе. Временные точки измерения: Т1 (январь 2025) - начало весеннего семестра, первая неделя после зимних каникул. Т2 (май 2025) – конец семестра, за две недели до начала экзаменационной сессии.

Методы исследования:

Шкала воспринимаемого стресса (Perceived Stress Scale, PSS-10). Разработана С. Коэном, Т. Камарком и Р. Мермельштейном [1]. PSS-10

представляет собой краткую версию оригинальной 14-пунктной шкалы и является наиболее широко используемым инструментом для оценки воспринимаемого стресса. Структура методики: 10 утверждений, оценивающих частоту переживания стрессовых состояний за последний месяц. Респонденты оценивают каждое утверждение по 4-балльной шкале. Содержание шкалы: вопросы 1, 2, 3, 6, 9, 10 – прямые, оценивают негативные аспекты стресса (непредсказуемость, неконтролируемость, перегруженность), вопросы 4, 5, 7, 8 – обратные, оценивают способность справляться со стрессом (уверенность, контроль, совладание).

Шкала общей самоэффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE). Разработана Р. Шварцером и М. Ерусалемом [2]. GSE оценивает общую убежденность человека в способности эффективно справляться с различными жизненными ситуациями. Структура методики: 10 утверждений, оценивающих различные аспекты самоэффективности. Респонденты оценивают каждое утверждение по той же 4-балльной шкале.

Результаты исследования

Анализ средних значений по шкале PSS-10 показал, что студенты обоих курсов демонстрируют средний уровень воспринимаемого стресса, характерный для студентов технических вузов. Суммарные баллы составили – 1 курс: январь – 24,9; май – 25,1; 2 курс: январь – 24,7; май – 24,3.

Динамика стресса у первокурсников

Зоны стабильно высокого стресса:

- Вопрос 3 («Как часто вы чувствовали нервное напряжение / стресс?») показал наиболее высокие значения: 3,29 в январе и 3,24 в мае, что указывает на постоянное присутствие стрессового напряжения независимо от периода семестра. Студенты первого курса находятся в состоянии хронического стресса, связанного с адаптацией к высоким требованиям вуза.

- Вопрос 1 («Беспокойство из-за непредвиденных событий»): 2,78 → 2,75. Стабильность этого показателя свидетельствует о сохраняющейся неопределенности в учебном процессе. Первокурсники еще не полностью освоили структуру требований и продолжают сталкиваться с неожиданными задачами.

Зоны ухудшения:

- Наиболее тревожная динамика выявлена по вопросу 10 («Накопившиеся трудности достигли предела»): рост с 1,92 до 2,38 (+24%), что свидетельствует об эффекте накопления стресса к концу семестра. Первокурсники испытывают нарастающее ощущение перегруженности, когда количество нерешенных задач начинает восприниматься как неконтролируемое.

- Вопрос 6 («Не могу справиться с тем, что нужно сделать»): 2,54 → 2,82 (+11%). Увеличение этого показателя отражает снижение субъективной способности справляться с текущими требованиями. К концу семестра первокурсники чаще испытывают сомнения в возможности выполнить все необходимое.

Зоны устойчивости:

- Вопрос 4 («Уверенность в решении личных проблем»): 3,88 → 3,76. Несмотря на небольшое снижение, данный показатель остается наиболее высоким. Первокурсники сохраняют базовую уверенность в способности справляться с личными, не связанными с учебой проблемами.

- Вопрос 8 («Владение ситуацией»): 3,70 → 3,72. Стабильность этого показателя на достаточно высоком уровне свидетельствует о формировании базовых навыков самоорганизации.

Динамика стресса у второкурсников

Позитивная динамика:

- Вопрос 1 («Беспокойство из-за непредвиденных событий»): 3,00 → 2,79 (-7%). Второкурсники демонстрируют снижение тревожности в отношении неожиданных ситуаций, что отражает накопленный опыт и лучшее понимание структуры учебного процесса.

- Вопрос 5 («Все идет так, как хотели»): 3,92 → 3,51. Хотя показатель снижается, исходный уровень был необычно высоким в январе, что может объясняться эффектом «свежего старта» после каникул.

Парадоксальная динамика:

- Вопрос 8 («Владение ситуацией»): 3,82 → 3,19 (-16,5%). Это наиболее значимое изменение среди второкурсников. Парадоксально, что студенты с большим опытом демонстрируют снижение ощущения контроля. Возможные объяснения: усложнение учебного материала на втором курсе, повышение критичности самооценки, столкновение с более сложными, менее структурированными задачами.

Зоны стабильности:

- Вопрос 3 («Нервное напряжение»): 3,05 → 3,15. Умеренный уровень стресса остается стабильным, что может свидетельствовать о сформированной толерантности к стрессу.

- Вопрос 4 («Уверенность в решении личных проблем»): 3,87 → 3,76. Как и у первокурсников, данный показатель остается высоким и стабильным.

Сравнительный анализ выявил следующие различия: в январе первокурсники испытывают более интенсивное нервное напряжение (3,29 vs 3,05), второкурсники демонстрируют лучшее ощущение контроля (3,82 vs 3,70) и более высокую удовлетворенность ходом событий (3,92 vs 3,43). В мае различия по большинству показателей нивелируются. Первокурсники демонстрируют больший рост неконтролируемости накопившихся трудностей (2,38 vs 2,24). Второкурсники показывают большее снижение ощущения владения ситуацией (3,19 vs 3,72). Различные стрессовые переживания (адаптационные для первого курса, связанные с усложнением материала для второго) к концу семестра приводят к сходному результату.

Динамика самоэффективности (GSE)

Суммарные баллы по шкале GSE составили – 1 курс: январь – 30,4; май – 29,7; 2 курс: январь – 29,3; май – 30,9. Интересно, что при стабильности стресса самоэффективность демонстрирует разнонаправленную динамику на разных курсах: снижение у первокурсников и рост у второкурсников.

Динамика самоэффективности у первокурсников

Зоны снижения:

- Вопрос 6 («Если приложу усилия, справлюсь с проблемами»): 3,58 → 3,38 (-5,6%), что является ключевым показателем базовой самоэффективности. Его снижение свидетельствует о подрыве веры в эффективность собственных усилий. Возможно, первокурсники сталкиваются с ситуациями, когда даже интенсивная работа не приводит к желаемым результатам, что подрывает мотивацию.

- Вопрос 7 («Люблю трудности, полагаюсь на способности»): 2,81 → 2,63 (-6,4%). Снижение показателя отражает падение интереса к преодолению трудностей. Если в начале семестра трудности воспринимались как вызов, то к концу они становятся источником истощения.

- Вопрос 1 («Найду решение сложным проблемам»): 3,66 → 3,57. Небольшое, но устойчивое снижение уверенности в способности решать сложные проблемы.

Зоны стабильности:

- Вопросы 2, 8, 10 (нахождение путей к цели, вариантов решения, контроль ситуации) демонстрируют минимальные изменения и свидетельствуют о том, что базовые когнитивные навыки решения проблем остаются сохранными, снижается именно мотивационно-эмоциональный компонент самоэффективности.

Критически низкие показатели:

- Вопрос 3 («Легко достичь целей»): 2,66 → 2,72 – наиболее низкий показатель самоэффективности. Первокурсники не воспринимают достижение целей как легкий процесс, что реалистично отражает высокие требования вуза.

- Вопрос 4 («Знаю, как вести себя в неожиданных ситуациях»): 2,85 → 2,76. Низкая уверенность в поведении в непредвиденных ситуациях коррелирует с высоким стрессом от непредвиденных событий (вопрос 1 PSS).

Динамика самоэффективности у второкурсников

Зоны роста:

- Вопрос 2 («Найду пути достижения цели»): 3,21 → 3,56 (+11%) – наиболее значимое позитивное изменение. Второкурсники демонстрируют рост настойчивости и способности находить альтернативные пути при столкновении с препятствиями, что может отражать накопленный опыт успешного преодоления трудностей.

- Вопрос 7 («Люблю трудности»): 2,43 → 2,88 (+18,5%) - значительный рост готовности принимать вызовы. Если у первокурсников этот показатель снижается, у второкурсников наблюдается противоположная тенденция. Возможно, к второму курсу формируется профессиональная идентичность, в которой преодоление технических трудностей становится ценностью.

- Вопрос 5 («Верю, что справлюсь с трудностями»): 3,16 → 3,29 (+4%) – рост базовой уверенности в своих способностях.

- Вопрос 1 («Найду решение сложным проблемам»): 3,53 → 3,66 (+4%) – усиление веры в способность решать сложные проблемы.

Парадокс второго курса:

При росте показателей самоэффективности наблюдается снижение ощущения владения ситуацией (PSS, вопрос 8: 3,82 → 3,19). Данное парадоксальное сочетание может объясняться следующим образом:

1) второкурсники становятся более уверенными в своих способностях (самоэффективность), но сталкиваются с более сложными, менее предсказуемыми задачами (снижение контроля);

2) рост критичности самооценки: студенты лучше осознают границы своего контроля;

3) переход от структурированных задач первого курса к более открытым проблемам второго курса.

Критически низкие показатели:

- Как и у первокурсников, вопросы 3 и 4 (легкость достижения целей, поведение в неожиданных ситуациях) остаются в зоне низких значений (2,66-2,85), что указывает на универсальные дефициты самоэффективности.

Межкурсовые различия:

- в январе: первокурсники демонстрируют более высокую самоэффективность по большинству показателей (30,4 vs 29,3), что может объясняться «эффектом новичка» - оптимистичной переоценкой своих возможностей;

- в мае: соотношение меняется: второкурсники показывают более высокую самоэффективность (30,9 vs 29,7);

- наиболее выражены различия по вопросам 2 (пути к цели) и 7 (отношение к трудностям).

Относительная стабильность показателей при наличии специфических изменений позволяет выделить несколько психологических механизмов:

1. Адаптационное плато у второкурсников. Второкурсники демонстрируют признаки сформированного адаптационного равновесия: стабильный умеренный стресс сочетается с ростом самоэффективности. Однако снижение ощущения контроля указывает на то, что адаптация не является полной. Студенты научились справляться с задачами, но не чувствуют полного владения ситуацией, что может быть связано с объективным усложнением материала.

2. Накопление стресса у первокурсников. Первокурсники находятся в состоянии «хронического адаптационного стресса». Стабильность общего уровня стресса скрывает процесс накопления усталости и снижения ресурсов совладания. Рост показателей неконтролируемости (вопрос 10 PSS) и снижение мотивационного компонента самоэффективности (вопрос 7 GSE) свидетельствуют о постепенном истощении адаптационных резервов. Критически важно, что это происходит до начала сессии – периода максимальной нагрузки. Можно прогнозировать, что в период экзаменов у первокурсников возможен резкий рост стресса и дальнейшее снижение самоэффективности.

3. Формирование устойчивых, но не оптимальных паттернов. Стабильно низкие показатели по ряду вопросов (способность достигать целей, поведение в неожиданных ситуациях) у обоих курсов свидетельствуют о формировании устойчивых дефицитов самоэффективности. Студенты адаптируются к высоким требованиям, но не развивают уверенность в некоторых критически важных областях, что может приводить к избегающим стратегиям: студенты справляются с обязательными задачами, но избегают ситуаций неопределенности и амбициозных целей.

4. Эффект «новой нормы». Умеренно-высокий стресс (3,0-3,3 по 4-балльной шкале) становится привычным фоном, к которому студенты адаптируются, и он может иметь долгосрочные негативные последствия: привыкание к хроническому стрессу снижает чувствительность к сигналам перегрузки и может приводить к внезапным срывам.

Основные выводы исследования:

1. Курсовая специфика адаптационных процессов. Первый и второй курсы демонстрируют качественно различные паттерны динамики. Первокурсники находятся в фазе активной, но затратной адаптации, характеризующейся накоплением стресса и снижением мотивационных компонентов самоэффективности. Второкурсники демонстрируют признаки стабилизации с ростом уверенности в своих способностях, но сталкиваются с новыми вызовами, связанными с усложнением учебного материала.

2. Феномен «адаптационного плато». Стабильность показателей отражает достижение определенного равновесия между требованиями среды и ресурсами личности. Однако это равновесие не является оптимальным: студенты адаптируются к хроническому стрессу, что может иметь долгосрочные негативные

последствия для психологического благополучия и академической успешности.

3. Критические зоны риска. Выявлены устойчивые дефициты самоэффективности в области достижения целей и поведения в неожиданных ситуациях у студентов обоих курсов. Для первокурсников критической является нарастающая неконтролируемость накопившихся трудностей. Для второкурсников – парадоксальное снижение ощущения контроля при росте самоэффективности.

4. Ресурсные зоны. Студенты обоих курсов сохраняют высокую уверенность в решении личных проблем и базовую веру в свои способности. Это важные ресурсы, которые могут быть использованы в программах психологического сопровождения.

5. Необходимость программ психологической поддержки. Результаты исследования убедительно демонстрируют необходимость разработки дифференцированных программ психологической поддержки для разных курсов, учитывающих специфику адаптационных процессов и направленных на развитие дефицитарных компонентов самоэффективности.

Практические рекомендации:

Для психологической службы вуза: программа для первокурсников «Управление учебной нагрузкой» (тренинг тайм-менеджмента с акцентом на приоритизацию задач, обучение техникам предотвращения накопления стресса, групповые сессии по формированию реалистичных ожиданий); программа для второкурсников «Эффективность в условиях неопределенности» (развитие навыков работы с открытыми, слабоструктурированными задачами, тренинг принятия решений в условиях неполной информации); универсальные программы (тренинг «Поведение в неожиданных ситуациях» – сценарное планирование, гибкость мышления; программа развития академической самоэффективности через опыт успешных действий).

Для преподавателей и кураторов: усиленное внимание к первокурсникам в конце семестра (апрель-май) – в период максимального риска; структурирование учебного процесса с четким обозначением ключевых точек контроля; регулярная обратная связь с акцентом на прогрессе и развитии навыков; создание возможностей для опыта успеха (посильные, но значимые задачи).

Для администрации вуза: равномерное распределение нагрузки в течение семестра, избегание «пиковых недель»; внедрение «разгрузочных дней» перед важными контрольными точками; курс «Психология учебной деятельности» на первом курсе; система раннего выявления студентов группы риска (мониторинг посещаемости, успеваемости, обращений к психологу); менторские программы (студенты старших курсов → младшие).

Для самих студентов: управление накопленным стрессом: еженедельная ревизия задач с приоритизацией; техника «маленьких побед» – разбиение крупных задач на управляемые части; обязательные перерывы для восстановления; развитие самоэффективности: ведение «дневника достижений» для фиксации успехов; анализ успешных стратегий решения прошлых проблем; постановка реалистичных, достижимых целей; работа с неопределенностью: практика сценарного планирования («план А, Б, В»); развитие толерантности к неопределенности.

Направления дальнейших исследований: расширение временных рамок исследования (включение осеннего семестра и периода сессии); изучение индивидуальных траекторий динамики; выявление личностных факторов успешной адаптации; оценка эффективности разработанных программ психологического сопровождения; сравнительный анализ студентов различных факультетов; изучение связи стресса и самоэффективности с академической успеваемостью.

Таким образом исследование предоставляет эмпирическую основу для разработки программ психологического сопровождения. Феномен стабильности психологических показателей, рассмотренный не как отсутствие изменений, а как сложный адаптационный процесс, открывает перспективы для исследований в области психологии образования.

Библиографический список

1. Абабков В.А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О.В., Горбунов И.А., Капранова С.В., Пологаева Е.А., Стуклов К.А. Валидизация русскоязычной версии опросника «шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 2. – С. 6-15.

2. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. РАН. Институт психологии. – 1996. – № 7. – С. 76.

DYNAMICS OF PERCEIVED STRESS AND SELF-EFFICACY IN LOWER-DIVISION TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS: THE STABILITY PHENOMENON AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

N.V. Zharova, *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*
Bauman Moscow State Technical University
(Russia, Moscow)

Abstract. *The relevance of this study is driven by the necessity to investigate the psychological mechanisms of adaptation among engineering students under conditions of high academic workload. The aim of the study is to identify the specific dynamics of perceived stress and self-efficacy among undergraduate students at Bauman Moscow State Technical University (BMSTU) and to determine the stability phenomenon of these indicators. The study employed a longitudinal design utilizing the Perceived Stress Scale (PSS-10) and the General Self-Efficacy Scale (GSE). The sample consisted of 100 first- and second-year students from the Faculty of Mechanical Engineering Technologies, assessed at the beginning and the end of the spring 2025 semester. The findings indicate that the general level of perceived stress and self-efficacy remains relatively stable; however, specific changes were identified depending on the year of study. First-year students exhibited stress accumulation and a decline in the motivational component of self-efficacy, whereas second-year students demonstrated an increase in confidence regarding their capabilities alongside a simultaneous decrease in the perceived control over the situation. The obtained results reveal the phenomenon of an "adaptation plateau" and confirm the need for differentiated psychological support programs for students.*

Keywords: *perceived stress; self-efficacy; engineering students; academic adaptation; psychological support.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ДЕВУШЕК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ КАРАТЭ

О.М. Кинева[1], *инженер отдела охраны труда*
Н.В. Мосина[2], *канд. пед. наук, доцент*
[1]Главное управление МЧС России по Ханты-Мансийскому автономному округу Югре
[2]Югорский государственный университет
[1,2](Россия, г. Ханты-Мансийск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-156-161

Аннотация. *В данной статье рассматривается вопрос формирования психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ посредством внедрения в тренировочный процесс специализированного комплекса упражнений психологической поддержки. С помощью анкетирования выявлено, что перед соревнованиями у девушек, занимающихся карате, часто возникают следующие эмоциональные состояния: чувства страха, стресса, тревожности и агрессии. Для коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний спортсменок были разработаны специальные упражнения, формирующие умение контролировать собственные чувства, совершенствуя навыки саморегуляции. Результаты исследования подтверждают эффективность разработанного комплекса.*

Ключевые слова: *психоэмоциональная устойчивость; каратэ; спортсмены-девушки; психологическая поддержка; саморегуляция; психологическая подготовка; эмоциональные состояния спортсменов.*

Психоэмоциональная устойчивость девушек, занимающихся карате, представляет собой многоуровневую интегративную характеристику личности, обеспечивающую сохранение когнитивного контроля, регуляцию тревожности и эффективность тактического мышления в условиях соревновательного стресса и физического контакта. Специфика формирования данного качества у женщин связана с их психологическими особенностями: повышенной афферентацией (склонностью к детальному анализу невербальных сигналов соперника), что в стрессовой ситуации может замедлять моторный ответ, большей эмоциональной дифференциацией (расширенным спектром переживаний, включая эмпатию и страх травмы), гормональной вариативностью, влияющей на лабильность вегетативной регуляции, а также когнитивным диссонансом между традиционной гендерной ролью (неагрессивность, экспрессивность) и требованиями боевого единоборства. Следовательно, формирование психоэмоциональной устойчивости у девушек-каратисток должно включать психологическую подготовку к адекватной оценке стрессовых ситуации и предвидение выхода из неё, методы интеграции полоролевой идентичности с соревновательной агрессией.

Психологическая готовность к соревнованиям проявляется в оптимальном уровне эмоционального возбуждения, устойчивости к различным негативным внешним и внутренним воздействиям, а также в особенности спортсменов управлять своими действиями, эмоциями и поведением в напряженных ситуациях, возникающих во время соревнований [1, 2].

Данная проблема была рассмотрена в работах М.В. Звягинцева, Г.А. Обыденникова, З.И. Добрянской и других авторов. Они изучали формирование психоэмоциональной устойчивости у спортсменов-каратистов, специализирующихся в разделе кумитэ [3, 4].

Несмотря на наличие исследований, подтверждающих значимость психологической подготовки, этому аспекту уделяется недостаточно внимания, хотя он является важным ресурсом для повышения стрессоустойчивости спортсмена.

Оценивание эффективности комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся карате проводилось на базе МАУ ДО г. Нягань «СШОР «ЦСП». Группу респондентов составили девушки 14-16 лет,

занимающиеся каратэ на этапе спортивной специализации, имеющие I-III спортивный разряд. Участники исследования были разделены на 2 группы экспериментальную и контрольную, каждая по 10 человек. В экспериментальной группе в основную часть тренировочного занятия был включен, комплекс упражнений психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ, контрольная группа занималась по программе тренировок общей направленности. Комплекс упражнений психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ, проводился в основной части тренировочного занятия два-три раза в неделю в течение 3 месяцев.

Непосредственно перед началом эксперимента среди девушек – каратисток, было проведено анкетирование, состоящее из 4 вопросов: «Испытываете ли вы чувство страха во время ведения боя?», «Испытываете ли вы стресс пред соревнованиями?», «Испытываете ли вы тревогу перед соревнованиями?», «Испытываете ли вы чувство агрессии во время проигрышной ситуации в ведении боя?».

Исходя из результатов анкетирования было выявлено, что у девушек, занимающихся каратэ, действительно наблюдаются признаки переживаний, проявляются чувства страха, стресса, тревожности и агрессии. Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости работы над преодолением этих эмоций у девушек.

На констатирующем этапе эксперимента с целью получения данных о психоэмоциональном состоянии девушек, занимающихся карате, проведено психологическое тестирование. Были использованы следующие психологические тесты: тест на определение уровня эмоциональной устойчивости, методика оценки тревожности Ч.Д. Спилберга-Ханина, методика оценки психических состояний (по Айзенку). Оценка психологических и личностных особенностей, позволит разработать индивидуальные программы тренировок, для более эффективной работы, что важно не только для спортивных результатов, но и для общего развития личности [5]. Результаты на представлены в таблице 1.

Таблица 1. Внутригрупповой анализ показателей уровня психоэмоционального состояния девушек, занимающихся каратэ до эксперимента

№	Тесты	КГ	ЭГ	Показатель значимости по t – критерию	p
1	Тест на определение уровня эмоциональной устойчивости	20 ±0,8	22,5±1,2	1,7	p>0,05
2	Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилберга-Ханина «Ситуативная тревога»	43±1,7	45,6±2,3	1	p>0,05
3	Оценка тревожности Ч.Д. Спилберга-Ханина «Личностная тревога»	36,6±4	48,4±4,2	2,1	P>0,05
4	Оценка Психических состояний (по Айзенку) «Тревожность»	11,3±0,8	11,7±0,9	0,3	p>0,05
5	Оценка Психических состояний (по Айзенку) «Агрессивность»	12±0,6	12,5±0,6	0,6	p>0,05

Из таблицы 1 видно, что, результаты тестирования девушек не имеют достоверных различий, это свидетельствует об однородности групп.

На основе анализа средних значений и показателей статистической достоверности различий (t-критерий Стьюдента) сделаны следующие заключения. Выявлено, что уровень эмоциональной устойчивости оценивается как средний с тенденцией к референсным значениям**,** по шкале ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина показатели обеих групп находятся в зоне умеренной тревожности, наиболее выраженные межгрупповые

различия зафиксированы по шкале личностной тревожности. С психологической точки зрения, значение 48,4 балла в ЭГ приближается к высокому уровню личностной тревожности, тогда как в КГ регистрируется умеренный уровень. Этот факт требует учёта при интерпретации дальнейших эффектов эксперимента. Полученные баллы по методике «Оценка психических состояний» соответствуют низкому или умеренно-низкому уровню тревожности согласно ключу методики, что частично расходится с данными по личностной тревожности Спилбергера. Показатели агрессивности не превышают критических отметок.

На формирующем этапе эксперимента в тренировочный процесс был внедрен комплекс специальных упражнений психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости, девушек, занимающихся каратэ. Для обучения противостоянию в стрессовых состояниях в комплекс были внедрены игровые упражнения, усовершенствованные авторами. Предлагаемые упражнения выполняются следующим образом.

Упражнение «Атака»

Упражнение предполагает выполнение следующих задач, спортсмен, находящийся у опоры в боевой стойке, стоит не подвижно. Второй спортсмен бросает теннисные мячи, стараясь не попасть в спортсмена, но максимально близко к нему. При возможном попадании теннисного мяча в спортсмена, стоящего в боевой стойке, ему необходимо уклониться от мяча. Вариант 1: усложнить задание можно с помощью увеличения силы броска, спортсмена, бросающего мячи, а также увеличить дистанцию между партнерами. Вариант 2 завязать глаза спортсмену, стоящему в боевой стойке.

Упражнение «Живая макивара»

Упражнение предполагает следующее задание, спортсмен, занимающий боевую стойку у опоры, играет роль «макивары», стоит неподвижно и расслабленно, а партнер наносит по нему легкие удары. Вариант 1 (усложнение): тот, кто «принимает» удары, в момент удара напрягается. Вариант 2 (усложнение): спортсмен в роли «макивары» стоит, полностью расслабившись, стремясь никак не реагировать на удар и на боль, его задача – относиться к получаемым ударам без эмоций. Вариант 3 (усложнения): если закрыть или завязать глаза спортсмену в роли «макивары», то это усложнит для него психологическую нагрузку. Вариант 4 (усложнение): чередование непосредственно ударов и их имитацией, вводя фактор неопределенности и неожиданности.

Упражнение «Поединок»

Упражнение представляет собой игровые задания, которые представляют собой поединки по упрощенным правилам, с невысоким уровнем дискомфорта и с минимальным риском для здоровья. Но следует помнить, что если боль или риск полностью исключить из поединка, то его психологическое воздействие сойдет на нет, а интерес участников стремительно угасает.

Упражнение «Реакция»

Упражнение предполагает выполнение следующих действий, об партнера принимают и.п – упор присев. Один спортсмен ведущий. Задача по сигналу тренера неожиданно сработать любую технику по своему сопернику. Задача второго спортсмена – не допустить этого, сделав блок либо уход от атаки противника. После того, как нападающий не сможет выполнить атаку, партнеры меняются ролями.

Упражнение «Пятнашки»

Упражнение предполагает выполнение следующих действий, оба противника принимают положение «стойка каратиста» Задача ведущего спортсмена неожиданно задеть ладошкой по части тела своего соперника. Задача второго спортсмена не допустить этого, уходя в стороны. После того, как один из противников промахнется, партнеры меняются ролями. Это упражнение помимо конфликтных взаимодействий, характерных для любых поединков, включает в себе работу с болью, а также практику управления своими эмоциями и скоростью движения, подбора момента атаки.

Данные упражнения способствуют повышению стресоустойчивости спортсменок, снижению страха и умению сохранять эмоциональное равновесие в поединках.

Весь комплекс психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ, представлен в таблице 2.

Таблица 2. Комплекс упражнений психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ

Цель	Сроки	Упражнения
Снизить уровень ситуативной тревожности	Январь	Упражнение «Действия на начало атаки противника» Упражнение «Реакция на серию быстрых атакующих действий» Упражнение «Удержание своей рабочей дистанции»
Обучить противостоянию стрессовых состояний	Февраль	Упражнение «Атака» Упражнение «Живая макивара» Упражнение «Поединок» Упражнение «Реакция» Упражнение «Пятнашки»
Снизить уровень агрессии	Февраль	Упражнение «Самооценка» Упражнение «Эмоции и чувства»
Обучить приемам саморегуляции и психоэмоциональной устойчивости девушек , занимающихся карате	Март	Упражнение «Удар выдох» Упражнение «Ки яй» Упражнение «Гляделки» Упражнение «На чувство соперник

Комплекс упражнений психологической поддержки, направленный на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ, способствует нормализации эмоционального фона, психоэмоционального состояния девушек, снижению уровня переживаний, связанных с тревогой, стрессом и страхом, а также формирует умение контролировать собственные чувства и развивает навыки саморегуляции.

Для оценки эффективности разработанного комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ, был проведен внутригрупповой анализ показателей уровня психоэмоционального состояния девушек, занимающихся карате, после эксперимента. Внутригрупповой анализ показателей уровня психоэмоционально состояния девушек, занимающихся каратэ представлен в таблице 3.

Таблица 3. Внутригрупповой анализ показателей уровня психоэмоционального состояния девушек, занимающихся каратэ

№	Тесты	Группы	До эксперимента	После эксперимента	Показатель значимости по t-критерию	p
1	Тест на определение уровня эмоциональной устойчивости	КГ	20 ±0,8	20,1±1	0,1	p>0,05
		ЭГ	22,5±1,2	12±0,3	8,4*	p<0,05
2	Методика оценка тревожности Ч.Д. Спилберга-Ханина «Ситуативная тревога»	КГ	43±1,7	39,1±1,9	2	p>0,05
		ЭГ	45,6±2,3	20,7±1,2	9,8*	p<0,05
3	Методика оценка тревожности Ч.Д. Спилберга-Ханина «Личностная тревога»	КГ	36,6±4	29,9±1,5	1,7	p>0,05
		ЭГ	48,4±4,2	25,5±1,1	5,1*	p<0,05
4	Методика оценка психических состояний (по Айзенку) «Тревожность»	КГ	11,3±0,8	9,9±0,6	1,4	p>0,05
		ЭГ	11,7±0,9	5,7±0,4	5,1*	p<0,05
5	Методика оценка психических состояний (по Айзенку) «Агрессивность»	КГ	12±0,6	10,5±0,5	2	p>0,05
		ЭГ	12,5±0,6	5,2±0,3	10,1*	p<0,05

*Примечание * - указаны статически значимые отличия*

Из таблицы 3 видно, что, все показатели уровня психоэмоционального состояния экспериментальной группы снизились и имеют достоверные различия в сравнении с контрольной группой. Следует сделать вывод об, эффективности разработанного комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ.

Внутригрупповой анализ результатов соревновательной деятельности до и после

воздействия разработанного комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек, занимающихся каратэ представлен в таблице 4.

Таблица 4. Внутригрупповой анализ результатов соревнований

Декабрь		Март		Показатель значимости по t-критерию	p
ЭГ	1,3±2,6	ЭГ	2,3±0,2	3*	p<0,05
КГ	2±2,5	КГ	2,1±0,3	0,3	p>0,05

*Примечание * - указаны статически значимые отличия*

Результаты, представленные в таблице 4, показывают, что, показатель результатов соревнований в экспериментальной группе стал гораздо достоверно выше в сравнении с контрольной группой. Следовательно, это говорит о том, что эффективность комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости, девушек занимающихся карате, положительно сказывается на их результатах в соревнованиях.

Выводы. В системе подготовки спортсменов-бойцов к соревнованию методы психологической подготовки занимают важное место, ведь поединок происходит на фоне сильного физиологического и психического напряжения [6]. Угроза сильных ударов в поединке сопровождается повышенным требованиям к целому ряду психических процессов, качеств и состояний бойцов. В каратэ-до побеждает человек, умеющий управлять своим психологическим состоянием, эмоционально уравновешенный и осторожный, сообразительный, обладающий выдержкой и хладнокровием. В практике единоборства овладение приемами психологической саморегуляции, преобладание морально-психологических качеств обеспечивают спортсмену победу даже над противником, превосходящим его технически и физически [7, 8]. Спортивная деятельность в каратэ сопровождается большим количеством непредсказуемых ситуаций с высоким уровнем психологической напряжённости, спортсмен должен быть к ним готов. В спортивной деятельности, девушки-каратистки испытывают стресс, тревожность, эмоциональную неустойчивость, что приводит к проигрышу из-за эмоциональной растерянности во время соревнований. В тренировочном процессе необходимо проводить психологическую поддержку, чтоб спортсменки могли справляться с психической напряженностью во время соревновательной деятельности.

Таким образом, внедрение в тренировочный процесс комплекса упражнений психологической поддержки, направленного на формирование психоэмоциональной устойчивости девушек-каратисток, позволил снизить уровень тревожности, повысить противостояние стрессовым ситуациям, а также позволил отработать навыки саморегуляции, что положительно сказалось на соревновательной деятельности спортсменок.

Библиографический список

1. Малкин В.Р. Управление психологической подготовкой в спорте / В.Р. Малкин. – Москва: Физкультура и Спорт, 2008. – 194 с.: ил., табл. – ISBN 978-5-278-00839-2.

2. Усков С.В. Исследование вопросов специальной психологической подготовки в учебно-воспитательном процессе каратэ-до и дзю-до / С.В. Усков, А.В. Сидлецкий, А.В. Гладников // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54-1. – С. 258-266. – EDN XYGTVV.

3. Долгова В.И. Формирование эмоциональной устойчивости личности / В.И. Долгова, А.А. Например ов, Я.В. Латюшин; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2002. – 166 с. – EDN TPJAZB.

4. Психологические особенности спортсменов-каратистов / И.Н. Митин, А.И. Кузнецов, А.Е. Горовая, А.В. Конов // Спортивный психолог. – 2017. – № 1(44). – С. 67-70. – EDN YTXKZD.

5. Мосина Н. Сравнительная оценка психофизиологических и личностных особенностей детей, занимающихся в группах начальной спортивной подготовки / Н. Мосина, Н. Черницына // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2025. – № 2(38). – С. 59-70. – DOI 10.14258/zosh(2025)2.06. – EDN HFJIGZ.

6. Сопов В.Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности: учеб. пособие для студентов вузов физкультур. профиля / В.Ф. Сопов; Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма. – Москва: Трикста, 2005. – 126 с.: ил., портр., табл. – (Психологические технологии). – ISBN 5-8291-0589-6.

7. Кавка О.А. развитие скоростной выносливости у юношей 16-17 лет, занимающихся каратэ / О.А. Кавка, Д.Н. Макаридин // Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: целевые ориентиры, технологии и инновации: Материалы XX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.п.н., профессора В.Н. Зуева, Тюмень, 24-25 ноября 2022 года. – Тюмень: Вектор-Бук, 2022. – С. 180-188. – EDN EJUQKB.

8. Захаров О.Ю. Психологическая подготовка бойца / Олег Захаров. – Москва: Автор, 2012. – 240 с. – (Библиотека бойца). – ISBN 978-5-457-22806-1.

DEVELOPING PSYCHOEMOTIONAL RESILIENCE IN FEMALE KARATE TRAINERS

O.M. Kineva[1], *Occupational Safety Engineer*
N.V. Mosina[2], *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
[1]Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of Yugra
[2]Yugra State University
[1,2](Russia, Khanty-Mansiysk)

Abstract. *This article examines the development of psychoemotional resilience in female karate practitioners by integrating a specialized set of psychological support exercises into their training. A questionnaire revealed that female karate practitioners often experience the following emotional states before competitions: fear, stress, anxiety, and aggression. To correct unfavorable emotional states in female athletes, special exercises were developed to develop the ability to control one's own emotions and improve self-regulation skills. The study results confirm the effectiveness of the developed complex.*

Keywords: *psycho-emotional stability; karate; female athletes; psychological support; self-regulation; psychological preparation; emotional states of athletes.*

ВЛИЯНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА НА ИХ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ

В.В. Кустова, *канд. психол. наук, доцент*
Д.П. Ефимова, *студент*
Иркутский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Иркутск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-162-166

Аннотация. *Данная статья посвящена актуальной проблеме стрессоустойчивости у студентов технического вуза. Авторы рассматривают влияние копинг-стратегий студентов на их стрессоустойчивость. В статье представлены результаты исследования по выявлению копинг-стратегий обучающихся на разных специальностях обучения технического вуза. Проанализированы личностные особенности и показатели продуктивных и непродуктивных копинг-стратегий студентов в зависимости от стрессоустойчивости. Определен общий уровень нервно-психической устойчивости студентов, влияние различных уровней копинг-стратегий в зависимости от пола. Показаны продуктивные и непродуктивные стратегии поведения студентов. Эмпирически обосновано, что сходные копинг-стратегии у студентов, находящихся на низком уровне стрессоустойчивости с показателями их родителей.*

Ключевые слова: *копинг-стратегии; совпадающее поведение; стрессоустойчивость; продуктивные и непродуктивные стратегии поведения.*

Проблема стрессоустойчивости студентов является особо актуальной в настоящее время. Студенчество и стресс – понятия неразделимы: подготовка к семинарским и практическим занятиям, большое количество аудиторных занятий, зачеты и экзамены, задолженности по отдельным дисциплинам. Такое напряжение мобилизует весь организм, дает концентрацию внимания, заставляет запоминать большее количество информации и готовит студентов к дальнейшей мобильной и сложной профессиональной деятельности. Зрелый и сильный организм молодого человека привыкает к многозадачности и успешно преодолевает трудности, связанные как с учебной, так и внеучебной деятельностью. Такую нагрузку может выдержать не каждый молодой человек. Практика показывает, что не у всех студентов хорошие учебные навыки и умения, для кого-то такое испытание является сверхсложным.

Анализируя понятие «стрессоустойчивость» А.В. Михеева полагает, что данный психологический феномен должен рассматриваться в онтогенезе личностного развития, а не как отдельное личностное качество [1, с. 82]. Автор считает, что необходимо пристальное внимание особенностям взаимодействия личности с ситуацией, однако и само определение стрессоустойчивости должно быть более детализированным [1, с. 83]. Мы согласны с П.Б. Зильберманом, который рассматривает стрессоустойчивость (эмоциональная устойчивость) как интегративное личностное свойство, характеризующимся взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и побудительных компонентов психической деятельности человека. Эти взаимодействия обеспечивают достижение цели в сложных эмоциональных ситуациях [2, с. 152]. Дьяков С.И. связывает стрессоустойчивость с тревожностью студентов. В его исследовании менее тревожны были группы специалитета по сравнению группами бакалавриата [3, с. 91]. Мы также считаем, что группы специалитета чувствуют себя более уверенно, так как данная система Российского образования более надежна на рынке труда. Двухуровневое европейское образование становится менее престижной. Только первая его ступень, без магистратуры не позволяет выпускнику добиться карьерного роста, который понимает, что их базовое образование не все работодатели воспринимают, как высшее. Исследования показали, что большинство юношей и девушек характеризуются недостаточно высокими показателями стрессоустойчивости. Нередко они используют неконструктивные стратегии преодоления стресса [4, с. 8]. По результатам

проведённых нами исследований, было выявлено, что стрессоустойчивость у студентов инженерных специальностей выше, чем у студентов логистики. стрессоустойчивость является профессионально важным качеством будущего специалиста, работа по ее развитию на этапе обучения в ВУЗе является необходимой [5, с. 156].

Таким образом, стрессоустойчивость – это интегративное свойство личности, которое в сложной эмотивной обстановке обеспечивает человеку способность владеть своими эмоциями, сохранять высокую профессиональную работоспособность направленность своих действий. Возникает необходимость развития у студентов навыков саморегуляции и умений эффективно справляться со стрессом.

Студенческий возраст, как юношеский охватывает промежуток от 18-25 лет. В данном возрасте определяются показатели формирующейся взрослости, которые влияют выбор неадаптивных и адаптивных копингов [6, с. 75-76]. Рассматривая понятие: «ккопинг» (англ. «to cope» – «справляться, преодолевать»). Исследователями рассматривается продуктивный копинг – активное преодоление ситуации, непродуктивный – отказ от действий. Данные копинги находятся в обратной корреляционной взаимосвязи [7, с. 79]. Продуктивный стиль – это совладающее поведение. Т.Л. Крюкова, как специалист по совладающему поведению, считает его осознанной и целенаправленной стратегией поведения, которое либо устраняет, либо уменьшает вредное воздействие стресса [8, с. 89]. Автором показана иерархия уровней поведения в ситуации стресса: копинг-действия (определяемые спецификой ситуации), копинг-стратегии (образы действий) и копинг-стили (группы стратегий, близких по смыслу) – когнитивно-поведенческое образование [9, с. 92]. Копинг-поведение складывается на основе копинг-ресурсов посредством копинг-стратегий. Под копинг-ресурсами автор понимает «совокупность личностных характеристик и социальной среды, которая предоставляет возможность реализовывать оптимальную адаптацию к стрессовым ситуациям. Копинг-стратегии (стили совладающего поведения) – реакции личности на стрессовую угрожающую ситуацию [9, с. 72].

Л.И. Анцыферова большое внимание уделяла возможным путям выбора в жизни, рассматривала личность, как субъекта, который в «силах изменить свою индивидуальную теорию, сделать ее более реалистичной, переосмыслить выпавшее на его долю несчастье как неотъемлемую часть жизни, а не как незаслуженное наказание судьбы» [10, с. 7].

Особенности восприятия периода 18-25 лет как времени «отложенной взрослости» обусловливают переход взрослеющей молодежи к более адаптивным копингам и отказ от неадаптивных [6, с. 80].

Цель нашего исследования – изучение влияние копинг-стратегией поведения студентов на их стрессоустойчивость.

В исследовании приняли участие 152 студента второго и третьего курсов по техническим специальностям. в возрасте 19-23 лет.

Методы исследования:

1) методика «Прогноз» − опросник, разработанный в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии (1985) и предназначенный для первоначального ориентировочного выявления лиц с признаками нервно-психической неустойчивости – 84 вопроса.

2) методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (CISS Coping Inventory for Stressful Situations) Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера (1990 г.)

Цель: диагностика у студентов и их родителей копинг-стратегий – способов совладания со стрессом. Студенту предлагается 48 утверждений, которые он должен оценить по 5 бальной шкале от «совсем нет» до «очень часто»). Утверждения группируются в три основные шкалы (по 16 пунктов в каждой):

1 шкала – ПОК-проблемно-ориентированный копинг, где студент готов активно решать проблемную задачу.

2 шкала – ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, направлен на регуляцию эмоционального состояния.

3 шкала – КОИ – ориентирован на избегание.

С помощью данной методики выявляются эффективные и неэффективные стратегии совладающего поведения для адаптации студентов к будущей профессиональной деятельности.

Пять стратегий:

1) проблемно-ориентированный копинг – принятие стресса как задачу, которую нужно решить;

2) эмоционально-ориентированный копинг – снижение уровня негативных эмоций (страх, гнев, тревога), не меняя внешние обстоятельства;

3) избегание – поведенческое или когнитивное уклонение от пугающей реальности;

4) отвлечение – активный перерыв или смена деятельности с четким намерением вернуться к проблеме позже;

5) эмоциональное отвлечение – снижение стресса через легкое, неглубокое общение с другими людьми, не обязательно обсуждая саму проблему.

Анализ данных по методике «Прогноз» позволил распределить студентов по трем уровням:

1) высокий уровень нервно-психической устойчивости (низкая тревожность, эмоциональная стабильность, адекватная самооценка и реалистичное восприятие действительности);

2) удовлетворительный уровень НПУ (в экстремальных ситуациях возможны умеренные нарушения психической деятельности, как неадекватное поведение, искажённая самооценка или ошибочное восприятие ситуации;

3) неудовлетворительный (низкий) уровень НПУ (высокая вероятность нервно-психических срывов при значительных психических или физических нагрузках. Это состояние часто рассматривается как пограничное, то есть указывающее на сниженные адаптационные возможности, но ещё не являющееся клиническим диагнозом.

Результаты распределились следующим образом (рис. 1).

Девушки Юноши

Рис. 1. Шкалы НПУ (нервно-психическая устойчивость)

Более высокий уровень нервно-психическая устойчивости демонстрируют юноши (40% против 33% девушек. Шкала психологической устойчивости r = 0,39. Данные студенты способны сохранять адекватное поведение и психическую работоспособность в стрессовых или напряжённых ситуациях. Удовлетворительный уровень НПУ показывают больше половины девушек и треть юношей. У этой группы обучающихся возможно неадекватное поведение и даже умеренные нарушения психической деятельности. К третьей группе с неудовлетворительным НПУ относятся 28% юношей и только 13% девушек. У них проявляется склонность к дезадаптации в стрессе и вероятность нервно-психических срывов при физических и психических нагрузках.

Рассмотрим выбор копинг-стратегий студентов (рис. 2 и 3).

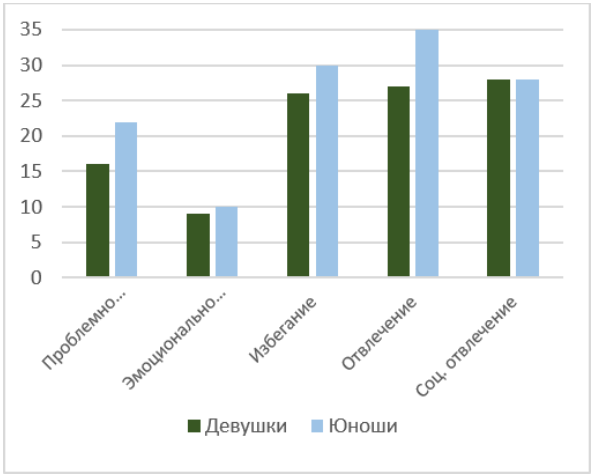

Рис. 2. Предпочтение стратегий: высокий и удовлетворительный уровни

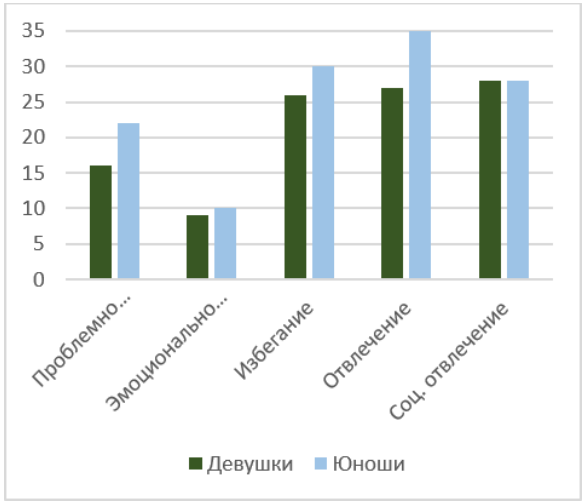

Рис. 3. Игнорирование стратегий (низкий уровень)

Продуктивный проблемно-ориентированный копинг выбирают 16-20% юношей и девушек. Необходимость прилагать усилия, чтобы ликвидировать источник проблемы свойственен 1/5-1/6 части обучающихся. В большей степени студенты на любом уровне стрессоустойчивости предпочитают непродуктивные стратегии: отвлечение, социальное отвлечение и избегание. Студенты пытаются уйти от проблемы и стрессовой ситуации: игнорировать её, избегать разговоров на эту тему, дистанцироваться от людей, связанных с ситуацией. Девушки с неудовлетворительным НПУ чаще выбирают стратегию на избегание. Среднеустойчивые студенты выбирают проблемно-ориентированную стратегию и отвлечение. Наиболее привлекательная стратегия борьбы со стрессом у девушек – социальное отвлечение, т.е. отвлечение через общение, социализацию, поддержку через людей, социальную деятельность. Корреляция между юношами и девушками по выбранным стратегиям поведения составила r = 0,94. Это очень сильная положительная корреляция и мы не видим большой разницы по половому признаку.

Дополнительное исследование мы провели с родителями студентов по выбору у них копинг-стратегий. Показатели в выборе стратегий поведения совпадают со стратегиями студентов, находящихся на низком уровне стрессоустойчивости. С нашей точки зрения, это демонстрирует гиперопеку родителей студентов с отложенной взрослостью. Безответственность и инфантильность, как юношей, так и девушек – серьезная психолого-педагогическая проблема. Это болезненная проблема нашего общества, когда старшее поколение не желает осознавать, что их детям необходимо решать самостоятельно собственные проблемы, что они уже вступили во взрослую жизнь. Стрессоустойчивость формируется через преодоление, через формирование характера и ситуации успеха. Избегание и отвлечение от проблем не решает задачи, которые стоят перед обучающими. Они несколько снижают уровень стресса и могут развивать депрессивные состояния.

Решение проблемы детско-родительских отношений должен выходить на государственный уровень. Это не просто поддержка материальной стороны семьи, но главное – воспитание зрелой самостоятельной личности, готовой решать не только собственные, но и в будущем государственные проблемы нашего общества.

Анализе тестирований показал, что девушки применяют не одну конкретную стратегию при разных стрессовых ситуациях, несколько. Юноши обычно выбирают одну стратегию – как правило, проблемно-ориентированный копинг или избегание. не бывает хороших или плохих стратегий – есть уместные и неуместные в конкретной ситуации. Гибкость – признак зрелого копинга.

Полученные результаты позволяют лучше понять проблемы студентов в выборе копинг-стратегий, дают возможность проанализировать и в будущем подготовить курс, который будет способствовать развитию у студентов самостоятельности в использовании продуктивных копинг-стратегий не только для учебной, но и профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Михеева А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения / А.В. Михеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2010. – № 2. – С. 82-87. – EDN LLGFFL.
2. Зильберман П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора. В кн. Очерки психологии труда оператора / Под ред. Е.А. Зинченко. – М.: Наука, 1974. – С. 138-172.
3. Дьяков, С.И. Стрессоустойчивость студентов-психологов разного профиля обучения / С.И. Дьяков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 87-96. – EDN QHEWTR.
4. Особенности стрессоустойчивости у студентов и возможности её развития в условиях ВУЗа / М.С. Ионова, Н.В. Резепова, Д.И. Кузьменкова, Ю.М. Тюрина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 6. – EDN LJGRGQ.
5. Кустова В.В. Особенности стрессоустойчивости студентов вуза / В.В. Кустова, В.Ю. Москалева, Е.Л. Тухалова // Культура. Наука. Образование. – 2018. – № 1(46). – С. 151-156. – EDN XOVXSH.
6. Клементьева М.В. Копинг-стратегии в период формирующейся взрослости у российских студентов / М.В. Клементьева, В.И. Иванова // Культурно-историческая психология. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 72-80. – DOI 10.17759/chp.2023190309. – EDN UOFLID.
7. Леонова Ю.И. Субъектные качества студентов вуза с различными стилями совладающего поведения / Ю.И. Леонова, М.А. Спиженкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 73-81. – DOI 10.34216/2073-1426-2023-29-2-73-81. – EDN XYSFDT.
8. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 2. – С. 88-95. – EDN INMJAH.
9. Крюкова Т.Л. О методологии исследования и адаптации опросника, диагностики совладающего (копинг) поведения / Т.Л. Крюкова // Психология и практика: сб. научн. трудов; отв. ред. В.А. Соловьева. – Вып. 1. – Кострома: Изд-во КГУим. Н.А. Некрасова, 2001. – С. 70-82.
10. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита Л.И. Анциферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. № 1. – С. 3-18.

FEATURES OF STUDENTS' EMPATHY IN DIFFERENT SPECIALTIES OF A TECHNICAL UNIVERSITY

V.V. Kustova, *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*
D.P. Efimova, *Student*
Irkutsk State University of Railway Transport
(Russia, Irkutsk)

Abstract. *This article is devoted to the urgent problem of stress resistance among students of a technical university. The authors consider the impact of students' coping strategies on their stress tolerance. The article presents the results of a study to identify copying strategies for students in different specialties of training at a technical university. Personal features and indicators of productive and unproductive coping strategies of students depending on stress resistance were analyzed. The general level of students' neuropsychiatric stability was determined, the influence of various levels of coping strategies depending on gender. Productive and unproductive strategies for student behavior are shown. It is empirically justified that similar coping strategies in students who are at a low level of stress resistance with the indicators of their parents.*

Keywords: *coping strategies; matching behavior; stress resistance; productive and unproductive behavior strategies.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ ДЕФОРМАЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СУДЕЙ И РАБОТНИКОВ АППАРАТА СУДА

Ю.Д. Митин, *аспирант*
Гуманитарный университет
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-167-172

Аннотация. *В статье исследуются закономерности взаимного влияния профессионально-этических деструкций и синдрома эмоционального выгорания в специфических условиях функционирования судебных органов. Автор анализирует механизмы трансформации ценностно-смысловых ориентаций служащих под воздействием институциональных факторов, хронических межличностных стрессоров и повышенной служебной нагрузки. В рамках работы осуществлена дифференциация проявлений личностных изменений в зависимости от должностного статуса, что позволило разграничить деформационные тенденции судейского корпуса и работников аппарата судов. Доказан циклический, взаимообусловленный характер связи между деградацией деонтологических установок правосознания и нарастанием психоэмоционального истощения, где каждый элемент выступает одновременно катализатором и следствием сопредельной деструкции. На основе системного подхода предложена комплексная матрица профилактических мер, объединяющая правовые фильтры предупреждения конфликтов интересов, инструменты оптимизации организационной среды и психологические модули развития эмоционального интеллекта. Полученные результаты направлены на оптимизацию кадровой политики судебной системы и повышение уровня доверия общества к институтам правосудия.*

Ключевые слова: *судебная система; деонтологические деформации; эмоциональное выгорание; аппарат суда; профессиональная деструкция; судейская этика; правосознание.*

Профессиональная деятельность представителей судебной системы характеризуется повышенным уровнем ответственности, жесткой нормативной регламентацией и непрерывным психоэмоциональным напряжением. Выполнение служебных обязанностей судьями и государственными гражданскими служащими аппарата судов протекает в условиях перманентного дефицита времени, высокой плотности информационных потоков и необходимости разрешения острых социальных конфликтов.

Взаимодействие с участниками судебных процессов требует неукоснительного соблюдения этических норм, предписанных Кодексом судейской этики и требованиями к служебному поведению. Специфика правоприменительной практики порождает серьезные риски развития деструктивных личностных и профессиональных изменений. Ключевыми деструкциями выступают профессиональное выгорание и деонтологические деформации, снижающие общую эффективность отправления правосудия и дестабилизирующие внутренний климат судебных органов.

Исследование деструктивных изменений в структуре личности служащих судебной системы позволяет выявить закономерности трансформации ценностно-смысловых ориентаций под воздействием неблагоприятных средовых факторов. Профессиональные деформации правосознания и деонтологических установок развиваются постепенно, проходя стадии от легкой усталости до глубоких личностных изменений. Взаимосвязь между деградацией профессионально-этических ориентиров и синдромом выгорания представляет собой сложную систему прямых и обратных связей.

Изменение отношения к должностным обязанностям, формализация процедур, снижение эмпатии к участникам процесса выступают симптомами глубоких деструктивных процессов, детерминированных институциональными условиями функционирования судебной власти [1].

Теоретические основания анализа деонтологических деформаций

Деонтологические деформации представляют собой искажения нравственно-правовых и профессионально-этических принципов

деятельности, выражающиеся в пренебрежении обязанностями, формальном отношении к защите прав граждан, цинизме и дегуманизации профессионального взаимодействия. В судейской среде и среди сотрудников аппарата суда деонтологические нормы жестко кодифицированы. Отклонения от установленных стандартов поведения формируют деструктивный стиль руководства и исполнения обязанностей. Причинами деформаций выступают как индивидуально-психологические особенности субъекта, так и системные факторы: перегрузка, организационные недостатки, отсутствие адекватной психологической поддержки.

Трансформация деонтологических установок нередко манифестирует в виде правового нигилизма, снижения уровня самокритики, профессионального эгоцентризма. Судья или работник аппарата, находясь в ситуации хронического давления, начинает воспринимать этические ограничения как формальные барьеры, препятствующие быстрой обработке дел. Происходит замещение внутренних нравственных регуляторов внешними механизмами контроля. Изучение специфики коммуникативного взаимодействия в судах указывает на то, что нарушение этических стандартов общения напрямую коррелирует с деструктивным поведением служащих [2]. Деловое общение утрачивает конструктивный характер, приобретая черты административного давления и формализма, что подрывает авторитет судебной власти в глазах общества.

Феноменология эмоционального выгорания в судебной деятельности

Эмоциональное выгорание рассматривается в современной науке как пролонгированная реакция на хронические межличностные стрессоры в рамках трудовой деятельности. Традиционно структура синдрома включает три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [3]. В судебных органах выгорание приобретает специфические формы, обусловленные необходимостью постоянного сдерживания эмоций, соблюдения внешней беспристрастности при высокой внутренней вовлеченности в разрешение человеческих кризисов.

Эмоциональное истощение проявляется в ощущении опустошенности, невозможности эмоционально сопереживать участникам процессов. Деперсонализация выражается в формировании негативного, безразличного или циничного отношения к коллегам и гражданам, обращающимся за судебной защитой. Редукция достижений связана с падением самооценки, возникновением чувства собственной некомпетентности и неудовлетворенности результатами труда. Исследования подтверждают тесную связь между уровнем выгорания и общими личностными характеристиками сотрудников, определяющими их адаптационный потенциал [4]. Лица с низким уровнем эмоционального интеллекта и недостаточной стрессоустойчивостью оказываются наиболее уязвимыми перед лицом профессиональных перегрузок [5].

Механизмы взаимосвязи деонтологических деформаций и выгорания

Взаимообусловленность деонтологических деформаций и эмоционального выгорания носит циклический характер. С одной стороны, нарастающее эмоциональное истощение и деперсонализация подрывают способность следовать строгим этическим предписаниям. Изнуренный сотрудник стремится минимизировать энергетические затраты, что ведет к упрощению профессиональных задач, игнорированию деонтологических тонкостей, максимальной формализации процедур. Деперсонализация напрямую трансформируется в циничное отношение к участникам процесса, признаваемое классическим проявлением деонтологической деформации.

С другой стороны, первичные деонтологические искажения, вызванные, к примеру, неверными ценностными ориентациями или деструктивным стилем управления в коллективе, ускоряют процесс выгорания. Нарушение этических принципов, участие в скрытых конфликтах правовых интересов или игнорирование нормативных стандартов порождают внутренний когнитивный диссонанс, требующий значительных психологических ресурсов для защиты собственного «Я» [6]. Возникает замкнутый круг: этическая деформация усугубляет внутреннее напряжение, ускоряя истощение, а эмоциональное выгорание лишает сотрудника волевых ресурсов для преодоления деформационных тенденций и строгого соблюдения служебного долга.

Резюмируя теоретико-методологические основания описанного замкнутого круга

деструкций, возникает необходимость четкой фиксации элементов научного приращения знаний, полученных в ходе интеграции деонтологического и психологического подходов. Определение точных параметров новизны позволяет дифференцировать предложенную концепцию от существующих разрозненных моделей в области юридической психологии. Систематизация этих данных наглядно демонстрирует переход от линейного восприятия профессиональных деструкций к системному осмыслению их синергетического эффекта.

Таблица 1. Концептуальные отличия системного подхода к анализу деструкций от традиционных моделей

Критерий сравнения	Традиционные подходы в научной литературе	Результаты, полученные в данном исследовании
Характер связи между деструкциями	Рассмотрение выгорания и деонтологических деформаций как изолированных, параллельно развивающихся процессов.	Доказательство циклической взаимообусловленности и взаимного усиления деформационных и соматических деструкций.
Дифференциация должностного статуса	Обобщенный анализ профессионального стресса без четкого разделения специфики труда судей и сотрудников аппарата.	Выявление полярных механизмов деформаций: «синдром всемогущества» у судей против бюрократического индифферентизма аппарата.
Факторы этического искажения	Фокус на личностных качествах субъекта или общих нарушениях трудовой дисциплины.	Обоснование роли организационной перегрузки и институциональных барьеров как катализаторов этической деградации.
Методология профилактики	Преобладание разрозненных рекомендаций правового или сугубо медицинского (психологического) характера.	Разработка комплексной матрицы, объединяющей правовые фильтры конфликтов интересов и инструменты стресс-менеджмента.

Представленные элементы новизны формируют концептуальную базу для последующего анализа организационной среды судебных органов. Понимание дуальной природы взаимосвязи денотологических сдвигов и истощения позволяет отказаться от неэффективных точечных мер реагирования в пользу долгосрочного планирования кадровой политики. Выявленные критерии разграничения личностных деформаций судей и технических специалистов аппарата способствуют созданию таргетированных программ профилактики, учитывающих реальные условия отправления правосудия.

Специфика деструкций у судей и работников аппарата суда

Проявление исследуемых феноменов существенно различается в зависимости от должностного статуса. Судьи, обладающие высоким социальным статусом и властными полномочиями, сталкиваются с бременем единоличного принятия решений, определяющих судьбы людей. Психологическое давление на судью связано со страхом совершения судебной ошибки, необходимостью противостоять внешнему воздействию и жестким контролем со стороны судейского сообщества. Деонтологическая деформация у судей часто принимает форму «синдрома всемогущества», авторитаризма или, напротив, судейского индифферентизма.

Работники аппарата суда (секретари судебного заседания, помощники судей) находятся в принципиально иных условиях. Их деятельность сопряжена с колоссальными техническими и документационными нагрузками при относительно низком уровне автономии и материального обеспечения [7]. Помощники судей и секретари осуществляют непосредственное первичное взаимодействие с гражданами, принимая на себя основной массив негативных эмоций посетителей. Хроническая перегрузка, рутинный характер труда и отсутствие ясных перспектив быстрого карьерного роста приводят к ускоренному развитию эмоционального истощения. Деонтологическая деформация аппарата выражается в грубости, волоките, умышленном создании бюрократических препятствий и нарушении правил служебного этикета [2].

Факторы организационной среды как катализаторы деструкций

Организационная структура судебных органов оказывает решающее влияние на динамику развития личностных деформаций. Ключевым фактором выступает чрезмерная служебная нагрузка. Статистические данные указывают на перманентный рост количества

рассматриваемых дел, что вынуждает сотрудников работать за пределами нормальной продолжительности рабочего времени [7]. В условиях дефицита кадров и жестких процессуальных сроков качество работы поддерживается исключительно за счет эксплуатации внутренних психологических ресурсов персонала.

Отсутствие эффективных механизмов психологической разгрузки и профилактики выгорания усугубляет ситуацию. В судебных органах длительное время преобладал технократический подход к управлению, ориентированный на количественные показатели (соблюдение сроков, процент отмененных решений), тогда как психологическое благополучие коллектива игнорировалось. Недостаточное внимание к формированию здоровой корпоративной культуры, отсутствие конструктивного диалога между руководством и подчиненными способствуют закреплению деструктивных поведенческих моделей и этических искажений.

Направления профилактики и коррекции профессиональных деструкций

Снижение выраженности деонтологических деформаций и эмоционального выгорания требует реализации комплексного подхода, сочетающего организационные, правовые и психологические меры. Важнейшим направлением выступает оптимизация служебной нагрузки через внедрение современных информационных технологий, автоматизацию рутинных операций и расширение штата судебных органов [7]. Уменьшение объемов бумажной работы позволяет высвободить временные ресурсы для более качественного выполнения обязанностей и снизить уровень хронического стресса.

Существенное значение имеет совершенствование системы повышения квалификации. Программы обучения должны включать не только правовые дисциплины, но и психологические модули, направленные на развитие эмоционального интеллекта, овладение техниками стресс-менеджмента и бесконфликтной коммуникации [8]. Активную роль в организации подобных мероприятий призваны играть советы судей, обладающие необходимыми полномочиями для мониторинга условий труда и разработки рекомендаций по улучшению микроклимата в коллективах. Проведение регулярных социально-психологических тренингов, создание комнат психологической разгрузки и внедрение систем наставничества позволяют минимизировать риски профессионального выгорания.

Правовой аспект профилактики связан с предупреждением и пресечением конфликтов интересов, обеспечением прозрачности процедур и созданием четких критериев оценки деятельности сотрудников [6]. Когда работник видит справедливость кадровых решений, объективность поощрений и взысканий, уровень его профессионального выгорания существенно снижается. Формирование атмосферы взаимного уважения и строгого соблюдения этических норм внутри судейского сообщества выступает главным барьером на пути распространения деонтологических деформаций.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о существовании глубокой взаимосвязи между деонтологическими деформациями и эмоциональным выгоранием у судей и работников аппарата суда. Данные деструктивные феномены взаимно детерминируют и усиливают друг друга, создавая устойчивые дезадаптивные состояния личности. Эмоциональное истощение разрушает мотивационную основу соблюдения этических стандартов, а пренебрежение деонтологическими нормами усугубляет внутренний психологический кризис служащих. Эффективное преодоление указанных проблем невозможно без кардинального изменения подходов к организации судебной деятельности, снижения служебной нагрузки, внедрения психологического сопровождения и непрерывного этического воспитания кадров. Сохранение профессионального здоровья и нравственной целостности судейского корпуса и работников аппарата выступает важнейшим условием обеспечения законности, справедливости и поддержания высокого уровня доверия граждан к институтам правосудия.

Библиографический список

1. Краснова Т.Е. Особенности профессионального выгорания судьи и работников аппарата суда / Т.Е. Краснова // Державинские чтения: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 19-21 ноября 2024 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2025. – С. 1234-1238. – EDN QKJOSI.

2. Петренко Т.И. Нравственно-психологические особенности деловой коммуникации судей и работников аппарата суда / Т.И. Петренко // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2024 года. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. – С. 734-738. – EDN WSETJU.

3. Астраханцева Е.Ю. Профессиональное выгорание: критерии оценки и способы своевременного предотвращения / Е.Ю. Астраханцева, А.В. Кучумов, Л.Т. Печеная, А.А. Цыганов // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2(51). – С. 141-151. – DOI 10.34022/2658-3712-2023-51-2-141-151. – EDN DITUES.

4. Беглецова В.С. Исследование взаимосвязи уровня эмоционального выгорания и личностных характеристик работников / В.С. Беглецова // Психологическая студия: Сборник статей лицеистов, студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова / Под редакцией С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича. Том Выпуск 16. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 22-24. – EDN CWBSFZ.

5. Борбот О.В. Обзор исследований взаимосвязи эмоционального выгорания и эмоционального интеллекта / О.В. Борбот, Ю.А. Евдокимова // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2023. – № 5. – С. 34-39. – EDN VVMJXI.

6. Рябцева Е.В. Особенности проверочной деятельности по предупреждению и пресечению конфликта правовых интересов среди судей и работников аппарата суда / Е.В. Рябцева // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 4. – С. 65-67. – EDN YQCRXJ.

7. Кузин С.А. Проблемы снижения нагрузки на аппарат судов общей юрисдикции в Российской Федерации / С.А. Кузин // Закон и власть. – 2022. – № 3. – С. 25-30. – EDN MTGRYW.

8. Жолобов Я.Б. Роль советов судей в организации повышения квалификации судей и работников аппаратов судов в сфере делопроизводства / Я.Б. Жолобов // Российское правосудие. – 2024. – № 8. – С. 23-32. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2024.8.23-32. – EDN JALZIR.

THE RELATIONSHIP BETWEEN DEONTOLOGICAL DEFORMATIONS AND EMOTIONAL BURNOUT AMONG JUDGES AND COURT STAFF

Yu.D. Mitin, *Postgraduate Student*
Humanitarian University
(Russia, Yekaterinburg)

Abstract. *The article examines the patterns of mutual influence of professional and ethical destructions and burnout syndrome in the specific conditions of judicial functioning. The author analyzes the mechanisms of transformation of value-semantic orientations of employees under the influence of institutional factors, chronic interpersonal stressors and increased workload. As part of the work, the differentiation of the manifestations of personal changes depending on the official status was carried out, which made it possible to distinguish the deformation tendencies of the judicial corps and the staff of the courts. The cyclical, interdependent nature of the relationship between the degradation of deontological attitudes of legal consciousness and the increase in psychoemotional exhaustion is proved, where each element acts simultaneously as a catalyst and a consequence of adjacent destruction. Based on a systematic approach, a comprehensive matrix of preventive measures is proposed that combines legal filters for preventing conflicts of interest, tools for optimizing the organizational environment, and psychological modules for developing emotional intelligence. The results obtained are aimed at optimizing the personnel policy of the judicial system and increasing the level of public confidence in the institutions of justice.*

Keywords: *judicial system; deontological deformations; emotional burnout; court staff; professional destruction; judicial ethics; legal awareness.*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ВЫГОРАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

Ю.Д. Митин, *аспирант*
Гуманитарный университет
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-173-177

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования профессионального выгорания у корпоративных юристов сквозь призму психологии безопасности труда. Обосновывается, что хроническое психоэмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений правоведов выступают существенным психосоциальным риском, снижающим экономическую и юридическую безопасность организаций. Автором проанализирована феноменология выгорания практикующих юристов, выявлена специфика проявления деструктивных состояний у молодых специалистов, сталкивающихся с морально-этическими дилеммами. В качестве методологической основы исследования использован системный подход, позволяющий интерпретировать безопасность труда как результат баланса между средовыми требованиями и ресурсами личности. На основе проведенного анализа предложена комплексная трехуровневая модель минимизации выгорания, включающая организационные, социально-психологические и индивидуально-психологические технологии. Особое внимание уделено интеграции средств физической культуры и двигательной активности в структуру корпоративных программ здоровья для нормализации психофизиологического статуса работников. Сделан вывод о необходимости синергетического сочетания оптимизации бизнес-процессов и развития личностной резистентности для обеспечения подлинной безопасности трудовой деятельности в юридической сфере.*

Ключевые слова: *безопасность труда; профессиональное выгорание; корпоративные юристы; организационно-психологические технологии; психосоциальные риски; эмоциональное истощение; копинг-стратегии; корпоративные программы здоровья.*

Обеспечение безопасности труда в современных корпоративных структурах предполагает не только защиту работников от воздействия вредных физических факторов, но и сохранение их психического здоровья. Профессиональная среда крупных компаний предъявляет повышенные требования к когнитивным и эмоциональным ресурсам специалистов. Особую категорию персонала, подверженную специфическим психосоциальным рискам, составляют корпоративные юристы. Их деятельность протекает в условиях хронического дефицита времени, высокой правовой ответственности за принимаемые решения, жесткой регламентации и постоянного взаимодействия с контрагентами, контролирующими органами и менеджментом организаций.

В контексте психологии безопасности труда деструктивные состояния сотрудников рассматриваются как прямая угроза стабильности бизнес-процессов и экономической устойчивости предприятия. Хроническое профессиональное выгорание приводит к росту числа ошибок в юридических заключениях, снижению концентрации внимания, потере мотивации и, как следствие, к прямым финансовым и репутационным потерям организации. Разработка, систематизация и внедрение организационно-психологических технологий профилактики подобных состояний выступают необходимым элементом системы управления рисками в сфере охраны и безопасности труда.

Феноменология выгорания в юридической практике

Синдром профессионального выгорания традиционно включает три ключевых компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм по отношению к объектам деятельности) и редукцию профессиональных достижений. В юридической практике указанные компоненты приобретают специфическое выражение. Эмоциональное истощение корпоративного юриста формируется под влиянием

когнитивных перегрузок, необходимости переработки значительных объемов нормативно-правовой информации и постоянного ожидания кризисных ситуаций [1]. Правовое сопровождение сделок, ведение претензионно-исковой работы и представительство в судах требуют непрерывной мобилизации волевых качеств, что ведет к быстрому расходованию внутренних ресурсов.

Деперсонализация у практикующих правоведов часто маскируется под профессиональную деформацию – эмоциональную отстраненность, холодный рационализм и скептическое отношение к запросам коллег или клиентов. С одной стороны, определенный уровень дистанцирования необходим для сохранения объективности при анализе правовых рисков. С другой стороны, чрезмерное развитие цинизма разрушает межличностные коммуникации внутри коллектива, затрудняет межструктурное взаимодействие и снижает общую эффективность командной работы. Редукция профессиональных достижений проявляется в возникновении чувства собственной некомпетентности, сомнениях в правильности выбранной стратегии защиты интересов компании и падении удовлетворенности трудом [2]. Юрист начинает воспринимать свою деятельность как рутинный, лишенный творческого начала процесс, что блокирует дальнейшее профессиональное развитие.

Особую группу риска составляют молодые специалисты, сталкивающиеся с несовпадением идеализированных представлений о правовой системе и реальной корпоративной практики. Столкновение с этическими дилеммами, необходимостью защиты коммерческих интересов в ущерб субъективному пониманию справедливости провоцирует развитие так называемого морального выгорания [3]. Несформированность адекватных механизмов психологической защиты в начале карьеры усугубляет негативное воздействие средовых стрессоров, ускоряя деструктивные процессы в структуре личности.

Психология безопасности труда как методологическая основа

Психология безопасности труда рассматривает сохранение профессионального здоровья не как пассивный процесс защиты индивида от негативных факторов, а как активное конструирование безопасной, поддерживающей и развивающей организационной среды. Хронический стресс и выгорание в рамках данной парадигмы трактуются как следствие дисбаланса между требованиями работы и имеющимися в распоряжении сотрудника ресурсами. Безопасность труда нарушается тогда, когда внешнее давление систематически превышает адаптационный потенциал личности.

Для юридического департамента ключевыми психосоциальными рисками, нарушающими безопасность труда, выступают:

1. Высокая неопределенность задач при жестких сроках исполнения (ситуации «нужно сделать вчера»);
2. Ролевые конфликты, возникающие из-за необходимости балансировать между строгим соблюдением закона и коммерческими целями руководства;
3. Высокая цена ошибки, когда неверно сформулированный пункт договора или пропущенный процессуальный срок влекут за собой многомиллионные убытки;
4. Изоляция внутри корпоративной структуры, вызванная восприятием юристов остальными подразделениями как «тормоза» бизнес-процессов.

Профилактика выгорания с позиций безопасности труда требует перехода от точечных индивидуальных мер к комплексным организационно-психологическим технологиям, трансформирующим сами условия протекания трудовой деятельности [4, 5].

Организационно-психологические технологии профилактики

Организационные технологии направлены на изменение внешней среды, оптимизацию рабочих процессов и снижение объективной стрессогенности профессиональной ситуации. Первым шагом в реализации подобных мер выступает четкое распределение зон ответственности и стандартизация рутинных процедур. Автоматизация типовых операций (составление стандартных договоров, проверка контрагентов с помощью специализированного программного обеспечения) позволяет высвободить временной ресурс для решения сложных, нестандартных задач, требующих высокой концентрации. Это снижает уровень когнитивного пресыщения и предотвращает рутинизацию деятельности.

Вторым элементом организационных технологий является оптимизация каналов

внутренних коммуникаций. Создание прозрачных алгоритмов взаимодействия между юридическим отделом и другими подразделениями исключает возникновение хаотичных, нерегламентированных запросов. Важную роль играет внедрение систем гибкого планирования и управления нагрузкой, исключающих регулярные сверхурочные работы, которые истощают психофизиологические резервы организма.

Психологические технологии профилактики ориентированы на развитие личностных ресурсов сотрудников, обучение их стратегиям совладания со стрессом (копинг-стратегиям) и навыкам саморегуляции. Эффективным инструментом выступает проведение специализированных тренингов, направленных на развитие эмоционального интеллекта, ассертивного поведения и навыков конструктивного разрешения конфликтов [6]. Юристам необходимы техники управления эмоциями в жестких переговорах и судебных процессах, позволяющие минимизировать феномен «эмоционального заражения» негативом со стороны оппонентов.

Программы психологической поддержки, реализуемые в организации, должны включать как групповые формы работы, так и возможность получения индивидуальных консультаций [6]. Групповые дискуссии, интервизорские и супервизорские сессии внутри юридического коллектива позволяют легитимизировать обсуждение профессиональных трудностей, снижают чувство изоляции и способствуют выработке коллективных способов преодоления кризисных ситуаций. Внедрение подобных практик повышает общий уровень социально-психологического благополучия и укрепляет корпоративную солидарность.

В таблице ниже систематизированы основные направления и содержание организационно-психологических технологий профилактики выгорания.

Таблица 1. Система организационно-психологических технологий профилактики выгорания персонала

Уровень воздействия	Конкретные технологии и мероприятия	Ожидаемый психосоциальный эффект
Организационный	Автоматизация рутинных операций, внедрение систем учета рабочего времени, четкая регламентация межструктурного взаимодействия, нормирование нагрузок.	Снижение когнитивного пресыщения, устранение ролевой неопределенности, минимизация сверхурочной работы.
Социально-психологический	Создание групп взаимопомощи, интервизии, развитие системы наставничества для молодых специалистов, тренинги командообразования [9].	Снижение уровня профессиональной изоляции, формирование поддерживающего психологического климата.
Индивидуально-психологический	Обучение методам психической саморегуляции, тайм-менеджменту, тренинги стресс-менеджмента и ассертивности, индивидуальное консультирование.	Повышение стрессоустойчивости, развитие адаптивных копинг-стратегий, стабилизация эмоционального фона.

Реализация представленного комплекса мероприятий требует поэтапного и скоординированного участия как руководства компании, так и кадровой службы совместно со штатными психологами. Системный подход к внедрению указанных технологий обеспечивает синергетический эффект, при котором снижение объективной организационной нагрузки подкрепляется ростом внутренних адаптационных ресурсов специалистов. Создание подобной многоуровневой системы противодействия психосоциальным рискам позволяет не только стабилизировать эмоциональное состояние коллектива, но и заложить основу для формирования долгосрочной резистентности к профессиональным кризисам.

Роль физической культуры и двигательной активности

Интеграция физической культуры в систему организационных мероприятий по обеспечению безопасности труда заслуживает отдельного рассмотрения. Хроническое эмоциональное напряжение корпоративных юристов тесно связано с физическим гиподинамическим синдромом. Длительное пребывание в статичной позе за компьютером, сопровождающееся интенсивной умственной работой, приводит к мышечным зажимам, нарушению кровообращения и накоплению гормонов стресса (кортизола, адреналина) в организме.

Регулярная физическая активность выступает естественным физиологическим антагонистом стрессовых состояний. Физические

упражнения способствуют утилизации избыточных катахоламинов, активизируют выработку эндорфинов и серотонина, улучшают церебральный метаболизм и когнитивные функции [6, 7]. Направленное использование средств физической культуры позволяет не только снять мышечный тонус, но и переключить внимание с профессиональных проблем на телесные ощущения, обеспечивая глубокую психическую разгрузку.

Корпоративные программы здоровья (well-being программы) должны предусматривать создание условий для двигательной активности сотрудников. Сюда относится обустройство зон для кратковременной производственной гимнастики, компенсация затрат на посещение спортивных залов или организация внутрикорпоративных спортивных мероприятий. Включение физической активности в режим трудового дня юридического департамента позволяет нормализовать психофизиологический статус работников, снижая выраженность симптомов эмоционального истощения [8, 9].

Заключение

Профилактика профессионального выгорания корпоративных юристов представляет собой комплексную междисциплинарную задачу, находящуюся на стыке организационной психологии, менеджмента и психологии безопасности труда. Использование исключительно индивидуальных методов психологической саморегуляции или призывов к ведению здорового образа жизни без изменения организационного контекста не способно решить проблему системно. Личностные ресурсы сотрудника неизбежно истощаются, если сама структура деятельности остается деструктивной и сверхстрессогенной.

Наиболее жизнеспособной моделью выступает одновременное воздействие на организационном, социально-психологическом и индивидуальном уровнях. Оптимизация бизнес-процессов, автоматизация рутины и четкое разграничение ответственности создают внешний каркас безопасности. Развитие поддерживающей корпоративной культуры, внедрение интервизорских практик и психологическое консультирование обеспечивают сотрудникам необходимую социальную опору. Обучение методам саморегуляции и поддержание физической активности формируют внутренний фундамент психофизиологической устойчивости. Внедрение описанных технологий в практику корпоративного управления позволяет существенно снизить психосоциальные риски, повысить надежность человеческого фактора и обеспечить подлинную безопасность трудовой деятельности в юридической сфере.

Библиографический список

1. Федоров Д.М. Особенности профилактики профессионального выгорания юристов / Д.М. Федоров // Universum: психология и образование. – 2022. – № 2(92). – С. 28-32. – EDN KDQAKZ.

2. Митин Ю.Д. Синдром эмоционального выгорания как психологическая проблема в профессиональной деяльности юристов разных специальностей / Ю.Д. Митин // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 75-79. – EDN RVWERW.

3. Бадма-Гаряев Д.В. Цена справедливости: моральное выгорание и механизмы психологической защиты у молодых юристов / Д.В. Бадма-Гаряев, К.Д. Проценко // Социальные проблемы молодежи: глобальный, региональный и локальный контексты: Материалы XI всероссийской студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 04 декабря 2025 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. – С. 16-23. – EDN DCYBSJ.

4. Эшиев А.К. Влияние социально-психологической поддержки на профессиональное выгорание среди взрослых: пути восстановления и профилактика / А.К. Эшиев, Н.А. Токторбекова, Н.К. Карашева // Угрозы и показатели благополучия и безопасности человека в современном мире: Коллективная монография. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2025. – С. 39-47. – DOI 10.23859/3669.2025.91.10.004. – EDN ZLLIUL.

5. Добрынина В.В. Психологическое выгорание: причины, признаки и способы профилактики / В.В. Добрынина, Е.К. Ватлецова // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Красноярск, 22 ноября 2025 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 493-499. – EDN CMQXND.

6. Анферова А.В. Психологические методы и приёмы профилактики эмоционального выгорания / А.В. Анферова, Н.М. Заяц // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2022. – № 14(22). – С. 301-303. – EDN JGVHUC.

7. Черкасов Е.В. Физическая культура как средство профилактики профессионального выгорания юриста / Е.В. Черкасов // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых : сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок: в 4-х томах, Курск, 01 декабря 2025 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 401-402. – EDN DWREKD.

8. Сорокина В.В. Психологические механизмы влияния физической активности на профессиональное выгорание юристов / В.В. Сорокина // Правовые основы управления системой образования и науки: Материалы Всероссийского научно-методического круглого стола, Липецк, 15 апреля 2025 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2026. – С. 153-156. – EDN QTLGAE.

9. Анферова А.В. Психологические методы и приёмы профилактики эмоционального выгорания / А.В. Анферова, Н.М. Заяц // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной году педагога и наставника, Республика Алтай, Горно-Алтайск, 15 февраля 2023 года / под редакцией Г.Ю. Лизуновой; Горно-Алтайский государственный университет. – Республика Алтай, Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2023. – С. 155-159. – EDN CGAYXU.

ORGANIZATIONAL AND PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES FOR PREVENTING BURNOUT OF CORPORATE LAWYERS IN THE CONTEXT OF OCCUPATIONAL SAFETY PSYCHOLOGY

Yu.D. Mitin, *Postgraduate Student*
Humanitarian University
(Russia, Yekaterinburg)

Abstract. *The article examines the problem of professional burnout formation among corporate lawyers through the prism of occupational safety psychology. It is proved that chronic psycho-emotional exhaustion, depersonalization and reduction of professional achievements of lawyers are a significant psychosocial risk that reduces the economic and legal security of organizations. The author analyzes the phenomenology of burnout of practicing lawyers, identifies the specifics of the manifestation of destructive states in young professionals facing moral and ethical dilemmas. A systematic approach has been used as the methodological basis of the study, which makes it possible to interpret occupational safety as the result of a balance between environmental requirements and individual resources. Based on the analysis, a comprehensive three-level model of burnout minimization is proposed, including organizational, socio-psychological and individual psychological technologies. Special attention is paid to the integration of physical culture and physical activity into the structure of corporate health programs to normalize the psychophysiological status of employees. The conclusion is made about the need for a synergetic combination of optimizing business processes and developing personal resistance to ensure genuine job security in the legal field.*

Keywords: *occupational safety; professional burnout; corporate lawyers; organizational and psychological technologies; psychosocial risks; emotional exhaustion; coping strategies; corporate health programs.*

УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ КОГНИТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ И КОГНИТИВНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА СИСТЕМЫ МВД КЫРГЫЗСТАНА

С.А. Сатаров, *слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Кыргызская Республика*
Нучный руководитель: *С.Ю. Чимаров, д-р ист. наук, профессор*
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-178-182

Аннотация. *В статье представлен анализ наиболее значимых положений научной мысли, посвященной исследованию проблем когнитивной рефлексии и когнитивной неопределенности. Характеризуя содержание указанных психологических феноменов, автор акцентирует внимание на вопросах когнитивной укорененности и когнитивной приверженности. Особое внимание в статье уделено актуальности овладения специалистом психологической службы системы МВД Кыргызстана базовыми концептами, касающимися процесса мышления личности и повышения уровня его профессионального мастерства, в части привития личному составу осознанного отношения к своему самообучению и самосовершенствованию, как непременному условию адекватности принимаемых решений в ситуации неопределенности и многозначности.*

Ключевые слова: *психология; когнитивная рефлексия; когнитивная неопределенность; личность; субъективное осознание; профессиональное мировоззрение.*

Фактор принятия адекватного решения сотрудниками органов внутренних дел в условиях высокого уровня неопределенности, что свойственно многим ситуациям служебной деятельности данной категории правоохранителей, предопределяет целесообразность более пристального рассмотрения проблемы когнитивной рефлексии и когнитивной неопределенности, относящихся к субъективному осознанию человеком того, что он не знает, какое действие является оптимальным или правильным решением в данной ситуации. При этом, когнитивная рефлексия и когнитивная неопределенность имеют устойчивое сопряжение с теми жизненными и служебными ситуациями, которые характеризуются наличием определенных барьеров при обработке сложной информации или массива данных, а также поиске наилучшего выбора шаблона поведения, приводящего к правильному решению. В этой связи, личность наиболее подверженна ментальному шуму (англ. «mental noise») и различного рода колебаниям, выражаемых в бифуркации (от лат. «bifurcus» – «раздвоенный»), что с психологической точки зрения означает момент нестабильности, сопровождаемой потерей психической системой личности своего равновесия, при котором любое минимальное воздействие в виде слова, воспоминания, интонации и т.п. может привести к качественному скачку, способствующего переходу на новый уровень организации личности.

Широко используемые в психологической науке понятия когнитивной рефлексии и когнитивной неопределенности соответствуют двум концепциям психологии мышления, посвященным анализу процесса обработки человеком информации в ситуациях множества вариантов угроз и риска, связанных с осуществлением им выбора наиболее оптимального решения. По сути дела, свидетельствуя о способности человека осознавать поступающую информацию, когнитивная рефлексия и когнитивная неопределенность предопределяют его готовность действовать при отсутствии внятных жизненных и/или служебных маяков.

Апеллируя к проблеме когнитивной рефлексии в контексте процесса принятия человеком решений, необходимо указать на то, что когнитивная рефлексия относится к склонности человека игнорировать интуитивные, быстрые суждения в пользу целенаправленного аналитического мышления. В концептуальном плане, когнитивная рефлексия основана на теориях двойного процесса, акцентирующих внимание на двух режимах обработки

информации: во-первых, на автоматическом/ассоциативном; во-вторых, на контролируемом/обдуманном. Важно указать на то обстоятельство, что достижение высокого уровня когнитивной рефлексии необходимо с целью совершенствования принятия решений в условиях эвентуальных угроз и рисков, связанных с особенностями правоохранительной службы. В этой связи, важно учитывать выводы психологической науки, касающиеся процессов метакогнитивной осведомленности и ее способности обеспечивать процесс формирования стратегии рассуждения личности. Кроме того, понимание этих процессов: во-первых, позволяет получить представление о механизмах, с помощью которых люди выявляют и исправляют интуитивные ошибки; во-вторых, способствует разработке образовательных и психологических программ, направленных на развитие критического мышления [1]. Наряду с отмеченным понятием двух режимов обработки информации, представленных в концептах «теории двойного процесса», исследователи когнитивной рефлексии оперируют следующими техническими терминами:

1. Тест когнитивной рефлексии (англ. «Cognitive Reflection Test, CRT»): краткий инструмент, оценивающий склонность подавлять интуитивный, но неверный ответ и заниматься дальнейшим размышлением для получения правильного ответа;

2. Система обработки данных 1: интуитивный, автоматический режим мышления, характеризующийся быстрыми суждениями, основанными на эвристике (англ. «heuristic-based»);

3. Система обработки данных 2: контролируемый, требующий усилий способ мышления, включающий целенаправленный анализ и оценку, основанную на правилах;

4. Числовая грамотность/умение считать (англ. «Numeracy»): способность понимать и использовать числовые концепции, которые могут взаимодействовать со способностью размышлять и влиять на результаты принятия решений.

Иллюстрацией к практическому применению отмеченного методологического инструментария оценки когнитивной рефлексии может служить соответствующий тест, разработанный американским ученым Ш. Фредериком. Данный CRT, являющийся самым коротким в мире тестом для проверки IQ, также позволяет определить принадлежность человека к импульсивному или, напротив, рациональному психотипу [2]. По мнению Б.М. Теплова, IQ – это условный способ выражения оценки [3, с. 259]. CRT Ш. Фредерика состоит из трех задач, содержание которых мгновенно способствует формированию неверного интуитивного ответа.

К примеру, одна из трех задач: На озере растут кувшинки. Покрытая ими площадь каждый день удваивается. Если кувшинки полностью покрывают озеро за 48 дней, то сколько дней потребуется для того, чтобы они заняли его наполовину? 24 дня или 47 дней? (правильный ответ 47 дней). Для проведения теста экспериментаторы набрали 40 студентов из Принстонского университета (США). Половина испытуемых получила задачи, набранные мелким шрифтом и «бледно» отпечатанные, что вызывало когнитивное напряжение. Результаты теста показали, что 90% студентов, получивших нормально напечатанный тест, допустили хотя бы одну ошибку. В группе испытуемых, получивших задание с едва разборчивым шрифтом, количество ошибающихся упало до 35%. Вывод: когнитивное напряжение, независимо от его источника, мобилизует Систему 2, которая с большей вероятностью отвергает интуитивный ответ Системы 1 [4, с. 67].

Таким образом, разница между автоматическими действиями Системы 1 (быстрое/интуитивное мышление) и контролируемыми действиями Системы 2 (медленное/осознанное мышление) свидетельствует о том, что составляющая ядро Системы 1 ассоциативная память постоянно формирует связную интерпретацию происходящего в мире в любой заданный момент, оказывая при этом более сильное влияние на восприятие происходящего, тайно воздействуя на множество осуществляемых человеком выборов и суждений по каким-либо вопросам [4, с. 14].

Формулируя определение когнитивной рефлексии, А.А. Вихман заключает следующее: процесс приостановления первой интуитивной реакции и включения осознанного неторопливого размышления, с целью поиска правильного решения, именуется в качестве когнитивной рефлексии [5, с. 124]. По определению ранее указанного Ш. Фредерика,

когнитивная рефлексия – это способность при решении когнитивных задач подвергать сомнению импульсивный интуитивный неправильный ответ, который первым приходит в голову, для замены его на рефлексивный и правильный ответ [6, p. 27]. Подтверждая несомненную ценность применения адаптированных версий CRT, CRT-2 и CRT-7 под их русскоязычные варианты (Вихман 2025a; Вихман 2025b; Вихман 2025c), А.А. Вихман приходит к ряду выводов, среди которых наиболее существенными являются следующие:

1. Значимые корреляционные связи когнитивной рефлексии на выборке респондентов обнаружены с общим и вербальным интеллектом;

2. Выявлены связи успешности выполнения теста когнитивной рефлексии с критическим мышлением (навык поиска аргументов) и частично с эмоциональном интеллектом (эмпатия);

3. Личностные корреляты когнитивной рефлексии представлены меньше, чем интеллектуальные: рефлексивная реакция связана со сниженной тревожностью и повышенной любознательностью, а интуитивная реакция со сниженной организованностью и просоциальными ценностями, такими как конформизм, традиции и доброта [5].

Когнитивная неопределенность как процесс и концепция психологии мышления обращены к состоянию, при котором мозг человека не в состоянии выбрать единственное (правильное) решение или одну интерпретацию, по причине дефицита или наоборот массива информации, содержание которой насыщено обилием противоречий и/или многозначных вводных. «Поскольку когнитивная неопределенность отражает внутренний шум, а не стохастичность в окружающей среде, она отличается от стандартных представлений об уверенности» [7, p. 1], – отмечают английские ученые Б. Энке и Т. Гребер, исследовавшие модель когнитивной неопределенности и констатирующие следующее: «Осознание когнитивного шума порождает субъективно воспринимаемую неопределенность относительно того, какое действие является оптимальным. Мы называем это когнитивной неопределенностью» [7, p. 11]. При этом, показатель когнитивной неопределенности отражает только внутреннюю неопределенность в отношении того, что является эквивалентом определенности, а не внешнюю неопределенность, возникающую из-за стохастичности окружающей среды [7, p. 15].

Проявление феномена когнитивной неопределенности выражается такими параметрами, как:

1. Сжатие вероятностей, заключающееся в выборе при высоком уровне когнитивной неопределенности «золотой середины», выраженной в сжатии сложных и разнополярных вероятностей и, как следствие, приводящее к выбору модели поведения, корреспондирующей априорному распределению 50:50.

2. Поведенческие искажения, сопровождаемые пренебрежением базовой вероятности, консерватизмом в модернизации ранее сформированных убеждений, а также нежеланием воспринимать факт существующей неопределенности, т.е. предпочтением известных угроз и рисков их неизвестному набору.

При рассмотрении когнитивной неопределенности важно учитывать также феномен когнитивной укорененности, означающей высокий уровень стабильности в различных схемах предметной области индивида [8, p. 583]. Отмеченное подчеркивает важность наличия у человека глубоких знаний и понимание им предмета своей профессиональной деятельности, способствующих повышению уровня его готовности к изменениям и/или способности к адаптации. Как представляется, в деятельности специалиста психологической службы системы МВД Кыргызстана особым направлением его работы должно быть не только выявление и подготовка сотрудников к преодолению своей когнитивной неопределенности, но и привитие им развитых навыков когнитивной укорененности, что неотделимо от формирования у них осознанного отношения к повышению уровня своего интеллекта, а следовательно постоянного стремления к своему самообразованию и самосовершенствованию. Развитый уровень когнитивной укорененности сотрудника органов внутренних дел во многом предопределяет наличие у него уверенности в своих действиях и должное состояние социального оптимизма, что способствует укреплению в служебных коллективах состояния психологической безопасности, а специалисту психологической службы системы МВД Кыргызстана позволяет открыть новые горизонты

«интегрального восприятия проблемного поля психологической безопасности в оценочных суждениях представителей зарубежной научной мысли» [9, с. 62]. Одним из потенциальных сдерживающих факторов, лежащих в основе когнитивной укорененности является процесс когнитивной приверженности, под которой понимается ситуативная фиксация мышления человека на определенном контексте или образе действий: например, настойчивое использование человеком определенной когнитивной стратегии в процессе выполнения своих обязанностей [10, p. 3].

Знание специалистами-психологами базовых основ когнитивной рефлексии и когнитивной неопределенности, а также их профессиональный подход к повышению у сотрудников уровня когнитивной укорененности, безусловно позволят повысить эффективность служебной деятельности личного состава органов внутренних дел Кыргызстана, что взаимосвязано с укреплением доверия нашего общества к правоохранительной системе государства в целом и органов внутренних дел, в частности. Отмеченное соответствует положениям одного из девяти «Пилианских принципов», в соответствии с которым «Способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, её действиям и поведению [11, с. 33].

Подводя итог изложенному, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Рассмотренный тест когнитивной рефлексии является актуальным и перспективным инструментом изучения индивидуальных различий в рациональности и компетентности принятия решений. Тесная связь между рефлексивной реакцией при решении задач, содержащих интуитивно запутанный вариант правильного ответа, и уровнем интеллекта личности сотрудника органов внутренних дел Кыргызстана, свидетельствует о возможности коррекции проблемных зон в служебной мотивации правоохранителей и их профессиональном мировоззрении. Кроме того, наличие взаимосвязи между когнитивной рефлексией, характерной для определенной личности, и ее ценностными установками, позволяют применять данную методику для сопровождения профилактики деструктивного и иррационального поведения отдельных лиц, а также для изучения ментальных ресурсов и интеллектуального потенциала личности правоохранителя нашего государства.

2. Указанная концепция когнитивной неопределенности позволяет заключить о возможности не только формального определения данного вида неопределенности, но и представить ее экспериментальное измерение, с целью выявления наиболее оптимальных действий, приводящих к правильному решению на возникшие ответы в ходе различных жизненных и служебных ситуаций, характеризующихся своей многозначностью. При этом, знание специалистом психологической службы системы МВД Кыргызстана теоретических положений и выводов концепции когнитивной неопределенности, вооружает его методологическим инструментарием для объяснения ряда поведенческих аномалий, присущих следующим областям принятия решения:

1) выбор в условиях угрозы и риска;

2) выбор в условиях неопределенности;

3) модернизация суть обновление ранее сформированных убеждений;

4) ожидания в опросах относительно разных переменных.

Библиографический список

1. Cognitive Reflection and Decision-Making Processes. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nature.com/nature-index/topics/l4/cognitive-reflection-and-decision-making-processes

2. Sinayev A., Peters E. Cognitive reflection vs. calculation in decision making // Frontiers in Psychology. Sec. Cognition. – 2015. – Vol. 6. – Pp. 1-16. – DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00532.

3. Теплов Б.М. Избранные труды: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1985. – 360 с.

4. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.

5. Вихман А.А. Когнитивная рефлексия: диагностика и индивидуальные различия // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2025. – Вып. 8. – С. 122-128. – DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2025-8-16.

6. Frederick S. Cognitive reflection and decision making // Journal of Economic Perspectives. – 2005. – Vol. 19(4). – Pp. 25-42. – DOI: 10.1257/089533005775196732.

7. Enke B., Graeber T. Cognitive uncertainty // Quarterly Journal of Economics. 2023. – Vol. 138(4). – Pp. 2021-2067. – DOI: 10.1093/qje/qjad025.

8. Dane E. Reconsidering the trade-off between expertise and flexibility: a cognitive entrenchment perspective // Academy of Management Review. – 2010. – Vol. 35. – Pp. 579-603. – DOI: 10.5465/AMR.2010.53502832.

9. Чимаров С.Ю., Лебедева М.Е. Анализ зарубежных научных исследований в области психологической безопасности профессиональной среды: на примере армии и полиции // Прикладная психология и педагогика. – 2025. – № 2. – С. 61-73. – DOI: 10.12737/2500-0543-2025-10-2-61-73.

10. Phan H.P., Ngu B.H. A Perceived Zone of Certainty and Uncertainty: Propositions for Research Development // Frontiers in Psychology. Sec. Cognition. – 2021. – Vol. 12. – Pp. 1-17. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.666274.

11. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 33-34.

CONSIDERATION OF THE FEATURES OF COGNITIVE REFLECTION AND COGNITIVE UNCERTAINTY IN THE WORK OF A PSYCHOLOGIST OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF KYRGYZSTAN

S.A. Satarov, *Student of the faculty of training of foreign specialists, Kyrgyz Republic*
Supervisor: *S.Y. Chimarov, Doctor of Historical Sciences, Professor*
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article presents an analysis of the most significant research findings on cognitive reflection and cognitive uncertainty. Characterizing the content of these psychological phenomena, the author focuses on issues of cognitive embeddedness and cognitive commitment. Particular attention is paid to the importance of psychological specialists in the Kyrgyz Ministry of Internal Affairs' mastery of basic concepts related to the individual's thought process and the enhancement of their professional skills, particularly instilling in personnel a conscious attitude toward self-training and self-improvement as a prerequisite for adequate decision-making in situations of uncertainty and ambiguity.*

Keywords: *psychology; cognitive reflection; cognitive uncertainty; personality; subjective awareness; professional worldview.*

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВЕНЬ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Л. Славгородская, *канд. психол. наук, доцент*
Т.В. Ходорковская, *магистрант*
Московский психолого-социальный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-183-186

Аннотация. *Статья посвящена анализу результата эмпирического исследования взаимозависимости между уровнем личностной тревожности и характером семейных эмоциональных коммуникаций у взрослых в возрасте от 20 до 39 лет. В исследовании приняли участие 60 человек. Результат исследования выявил положительную связь выраженности личностной тревожности и общего показателя дисфункциональных семейных коммуникаций. Полученные данные могут быть интегрированы в программы психологического консультирования, психолого-педагогического сопровождения семей и семейной психотерапии.*

Ключевые слова: *личностная тревожность; семейные эмоциональные коммуникации; семейная дисфункция; психодиагностика; взрослый возраст; корреляционный анализ.*

Глобальные трансформации социальной среды последних лет неизбежно ведут к эскалации аффективных нарушений в популяции. Согласно данным, опубликованным Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), наблюдается стабильный рост распространенности тревожных расстройств, пик которых приходится на наиболее продуктивный возраст (20-39 лет) [10], что подчеркивает важность углубленного изучения предикторов психического здоровья. Под влиянием внешних социальных стрессоров, у лиц с выраженной личностной тревожностью, как относительно устойчивой индивидуальной чертой, усугубляется состояние эмоциональной дестабилизации, что ведет к снижению адаптивных возможностей и нарушению гармоничного взаимодействия с социальной средой.

Особое место в генезисе и поддержании этого состояния занимают дисфункциональные семейные отношения. В отечественной психологии традиционно подчеркивается, что семья является микросистемой, где кристаллизуются способы эмоционального реагирования [7]. В частности, Сапоровская М.В. отмечает особую роль семьи, которая является важным и мощным ресурсом психологического благополучия человека [4]. При этом Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. и др. обращают внимание на то, что семейная среда может выступать источником стресса, который провоцирует психологические проблемы у человека [6].

Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Харитонова Т.С. также исследовали влияние фактора детско-родительских отношений на психологическое благополучие взрослого индивида [3].

Мы предположили, что особенности семейных эмоциональных коммуникаций могут выступать одним из ключевых факторов формирования личностной тревожности. При этом прослеживается порочный круг: выраженная тревожность взрослого человека провоцирует искажения в семейной коммуникации, которые, в свою очередь, становятся хроническим стрессором, подкрепляющим тревогу и создающим условия для ее трансгенерационной передачи.

Несмотря на обширность теоретической базы, вопрос о специфике влияния семейных эмоциональных коммуникаций на личностный профиль тревожности у современного взрослого человека требует уточнения с применением математико-статистических критериев.

Дизайн исследования. В эксперименте приняли участие 60 респондентов в возрасте 20-39 лет, демонстрирующих признаки выраженной личностной тревожности по результатам предварительного скрининга. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации, проживающими на территории государства.

Социально-демографические характеристики включают преобладание лиц с высшим образованием (N=43) и состоящих в официальном или фактическом браке (N=41). По половому признаку выборка разделилась следующим образом: 51,6% женщин, из них 26,6% в возрасте 20-29 лет, 25% в возрасте 30-39 лет и 48,3% мужчин, из них 25% в возрасте 20-29 лет, 23,3% в возрасте 30-39 лет. Участие носило добровольный характер, от каждого респондента получено письменное информированное согласие на обработку деперсонализированных данных.

С целью минимизации влияния посторонних факторов на результаты исследования и обеспечение безопасности испытуемых был проведен предварительный отбор участников по ряду критериев. Особое внимание уделялось исключению респондентов: с алкогольной/ наркотической зависимостью, диагностированной или по самоотчету; выраженными когнитивными нарушениями, препятствующими пониманию инструкций; тяжелыми соматическими заболеваниями (включая патологии щитовидной железы и сердечно-сосудистые заболевания), а также лечение/ наблюдение у психиатра и параллельное участие в других психотерапевтических программах по снижению тревожности. Процедура отбора позволила сформировать выборку, свободную от факторов, способных повлиять на достоверность результатов.

Диагностический инструментарий: Анкетирование; опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) [5]; субшкала личностной тревожности (T-Anxiety) опросника Спилбергера Ч.Д. в адаптации Ханина Ю.Л. [8].

Полученные результаты диагностики представлены в таблицах 1-2.

Таблица 1. Социодемографические характеристики выборки исследования (N=60)

Параметр	**Категориальные показатели**	**Частота (N)**
Гендерная принадлежность	женский	31
	мужской	29
Возраст	20-29	30
	30-39	30
Образование	высшее	43
	незаконченное высшее (студент)	11
	среднее общее	1
	среднее профессиональное	5
	ученая степень	0
Семейное положение	никогда не состоял(а) в браке	12
	в браке	26
	разведен/а	7
	отношения без регистрации	15
	вдовец/вдова	0
Профессиональная деятельность	работает полный рабочий день	39
	работает (частичная занятость)	8
	не работает	3
	учится	10

Таблица 2. Результат диагностического исследования показателей личностной тревожности (ЛТ) и параметров семейных эмоциональных коммуникаций (общий балл) у респондентов (N=60)

Степень выраженности	Женщины				Мужчины			
	ЛТ		СЭК		ЛТ		СЭК	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Высокая	13	21,7	19	32	10	16,7	14	23
Средняя	15	25	9	15	14	23,3	9	15
Низкая	3	5	3	5	5	8,3	6	10

Метод обработки данных. В процессе статистической обработки эмпирических данных был применен метод количественного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Данный метод позволил определить характер и степень взаимосвязи между показателями личностной тревожности участников исследования и

особенностями функционирования их семейных систем, что дало возможность оценить как направленность, так и силу существующей корреляции между изучаемыми параметрами.

Результаты. Первичный анализ эмпирических данных выявил преобладание высоких значений по шкале личностной тревожности (ЛТ) в обеих гендерных группах. Для проверки статистической гипотезы о связи параметров был произведен расчет коэффициента корреляции Спирмена.

В группе женщин (N=31) зафиксирована сильная положительная корреляция между уровнем ЛТ и общим баллом по методике СЭК. Полученный результат экспериментального исследования r_s=0,81 существенно превышает критические значения для данной выборки ($p \leq 0,01$ при $r_{кр}$=0,46). Схожая динамика прослеживается в мужской подгруппе (N=29) – полученный коэффициент r_s=0,78 также находится в зоне значимости ($p \leq 0,01$ при $r_{кр}$=0,48). Это свидетельствует о том, что вне зависимости от пола респондента на формирование тревожных черт личности напрямую влияет семейная среда, в которой наблюдается недостаток проявлений тепла, поддержки, внимания со стороны значимых взрослых, а также конфликтное взаимодействие в семье.

Обсуждение. Анализ итогов тестирования по субшкале личностной тревожности (T-Anxiety) опросника Спилбергера Ч.Д. и методике «Семейные эмоциональные коммуникации» Холмогоровой А.Б. подтверждают выдвинутую гипотезу о влиянии семейной среды, или ее субъективное восприятие, как дисфункциональной, на формирование повышенной личностной тревожности. Что в свою очередь может проявляться в ожидании критики со стороны близких или общества, повышенной самокритикой, страхом отвержения и т.д. Прихожан А.М. также отмечала, что неблагоприятное межличностное взаимодействие влияет на формирование повышенной тревожности, как личностной черты [2].

Результатом нарушенного внутрисемейного контакта, а именно эмоциональная отстраненность, запрет на проявления чувств, при чем не только отрицательных, но и положительных, критика и сравнение с другими со стороны близких и т.п. заставляют человека находиться в состоянии постоянного эмоционального напряжения, что в свою очередь лишает его психического ресурса. Важно отметить, что тревожный человек склонен самостоятельно поддерживать свою тревогу через искаженное восприятие, поиск скрытой угрозы или критики в обычных семейных диалогах, что усугубляет его состояние [1].

Практическая значимость. Полученные результаты можно использовать в рамках психологического консультирования взрослых людей, имеющих повышенный уровень личностной тревожности, дополняя исследование психологических проблем анализом семейных коммуникаций, что поможет быстрее определить мишени консультирования. Особого внимания заслуживают несовершеннолетние, имеющие повышенную тревожность. Психологическая помощь в данном случае может включать не только анализ семейного взаимодействия, но и психообразование родителей о причинах тревожности детей, в целях совершенствования семейных коммуникаций.

Ограничением проведенного анализа безусловно является высокая вероятность субъективного восприятия семейных коммуникаций испытуемыми. Кроме того, в данной работе не учитывался ряд значимых факторов, например, наличие других детей в родительских семьях респондентов, профессиональный стресс и выгорание, а также предрасположенность к аффективным нарушениям.

Выводы. Данное исследование подтвердило статистически достоверную связь между наличием семейных дисфункций и повышенной личностной тревожностью у лиц в возрасте 20-39 лет. Внутрисемейное взаимодействие, характеризующееся постоянной критикой, отсутствием поддержки, признанием и принятием чувств ребенка, а также эмоциональная холодность, является важным фактором развития и поддержания высокого уровня тревоги, что в свою очередь подчеркивает значимость роли родительской семейной системы в психологическом благополучии индивида.

Направления будущих исследований. На наш взгляд, целесообразным представляется не только расширение выборки для проведения более глубокого исследования, но и анализ других возрастных групп, например, 40-60 лет для оценки влияния родительской семьи на поддержание высокого уровня тревожности в зрелом возрасте.

Библиографический список

1. Архипова И.Г. Понимание актуальности социальной тревожности и ее профилактики в современном мире // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 11. – С. 90-97.
2. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. Москва [и др.]: Питер, 2009. – 192 с.
3. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Харитонова Т.С. Роль семейных эмоциональных коммуникаций в психологическом благополучии: межпоколенные эффекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – Т. 28. № 1. – С. 69-75. – DOI: 10.34216/2073-1426-2022-28-1-69-75.
4. Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. № 4. – С. 48-54. – DOI: 10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54.
5. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. № 4. – С. 97-125. – DOI: 10.17759/cpp20162404005.
6. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Шайб П., Виршинг М. Эмоции и психическое здоровье в социальном и семейном контексте (на модели соматоформных расстройств) // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 97-125. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// medpsy.ru.
7. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2021. – 672 с.
8. Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. – Красноярск: Литера-Принт, 2009. – 237 с. – (Библиотека актуальной психологии; Выпуск 2). – EDN VHJNQD.
9. Beck A.T., Epstein N., Brown G., Steer R.A. An inventory for measuring clinical anxiety: Psychometric properties // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1988. – Vol. 56. – P. 893-897.
10. World Health Organization. World mental health today: latest data // Geneva: WHO, 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/31714489-1345-4439-8b37-6cbdc52e15ca/content.

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF DYSFUNCTIONAL FAMILY RELATIONSHIPS ON THE LEVEL OF PERSONAL ANXIETY: RESULTS OF A PSYCHODIAGNOSTIC STUDY

E.L. Slavgorodskaya, *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*
T.V. Khodorkovskaya, *Graduate Student*
Moscow University of Psychology and Social Sciences
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the result of an empirical study of the interdependence between the level of personal anxiety and the nature of family emotional communications in adults aged 20 to 39 years. 60 people participated in the study. The result of the study revealed a positive relationship between the severity of personal anxiety and the overall indicator of dysfunctional family communications. The data obtained can be integrated into programs of psychological counseling, psychological and pedagogical support for families and family psychotherapy.*

Keywords: *personal anxiety; family emotional communication; family dysfunction; psychodiagnostics; adulthood; correlation analysis.*

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕЙ ХИМИИ В МЕДИЦИНСКИХ ВУЗАХ КЫРГЫЗСТАНА И ПУТИ ИХ КОРРЕКЦИИ

Ч.А. Айткеева, *канд. хим. наук, доцент*
Международная высшая школа медицины
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-187-191

Аннотация. *В статье исследуются лингвометодические и дидактические затруднения, возникающие у иностранных студентов первого курса медицинских вузов Кыргызстана в процессе освоения фундаментального курса общей химии. На основе комплексного анализа педагогического опыта (2015-2025 гг.) в условиях интернационализации высшего медицинского образования Кыргызстана осуществлена систематизация и классификация устойчивых ошибок обучающихся при оперировании химической терминологией, конструировании формул соединений, составлении уравнений химических реакций и выполнении стехиометрических расчетов. Автором предложены и теоретически обоснованы дифференцированные методические подходы, базирующиеся на алгоритмизации, междисциплинарной интеграции и проблемно-ориентированном обучении с учетом трилингвальной образовательной среды (английский, русский, кыргызский языки).*

Ключевые слова: *общая химия; международные студенты; высшее медицинское образование; Кыргызстан; химическая грамотность; типичные ошибки; методика преподавания; трилингвальная среда.*

Модернизация системы высшего медицинского образования Кыргызской Республики характеризуется стремительным расширением экспорта образовательных услуг. За последние два десятилетия медицинские вузы Кыргызстана стали крупными международными научно-образовательными хабами, привлекающими тысячи студентов из стран Южной Азии (в первую очередь Индии и Пакистана), а также из стран ближнего зарубежья. Стратегически важной задачей высшей школы республики становится обеспечение эквивалентно высокого качества профессиональной подготовки специалистов в условиях динамичной поликультурной и трилингвальной образовательной среды.

Общая химия в медицинском вузе Кыргызстана выступает в качестве важнейшей базовой дисциплины, формирующей концептуальный фундамент для последующего системного освоения смежных медико-биологических и клинических предметов: биохимии, молекулярной биологии, нормальной и патологической физиологии, фармакологии. Однако преподаватели естественнонаучных кафедр систематически сталкиваются с серьезными педагогическими вызовами: существенной гетерогенностью базовой довузовской подготовки иностранных первокурсников и выраженным когнитивно-речевым барьером. Школьные программы стран Южной Азии имеют иную логику построения химического курса, где акцент зачастую делается на репродуктивное запоминание фактов, а не на понимание физико-химических закономерностей.

Ситуация осложняется уникальным феноменом «полиглоссии». Данный феномен в условиях Кыргызстана проявляется в том, что:

1. Обучение контингента ведется полностью на английском языке в рамках модели English-Medium Instruction (EMI).

2. Учебно-методическая документация, лабораторная инфраструктура и академические традиции кафедр часто опираются на фундаментальную русскоязычную научную школу.

3. Интеграция студентов в клиническую среду и общение с пациентами в медицинских учреждениях республики требует базового понимания государственного (кыргызского) языка.

Данные факторы индуцируют возникновение устойчивых, системных ошибок в процессе обучения. Когнитивная нагрузка на первокурсника многократно возрастает: обучающийся вынужден одновременно осуществлять сложную мыслительную операцию по усвоению абстрактного химического закона и преодолевать многоуровневый языковой барьер.

Обзор литературы

Проблематика адаптации международных студентов к образовательному процессу в медицинских университетах Центральной Азии и специфика преподавания естественнонаучного цикла находятся в фокусе внимания многих исследователей. Психофизиологические и социально-психологические аспекты адаптации иностранных студентов в Кыргызской Республике подробно изучены в трудах А.А. Чонкоевой, Н. Рахматова и А.С. Шаназарова [1]. Авторы убедительно доказывают, что на начальном этапе обучения первокурсники переживают острый адаптационный синдром, приводящий к временному снижению концентрации внимания и оперативной памяти, что критически сказывается на восприятии точных наук.

В области методики преподавания химических дисциплин иностранным слушателям выделяются исследования Л.И. Котловой, Т.А. Смолянюк и Н.С. Бессоновой на базе подготовительных отделений медицинских вузов РФ [2]. Исследователи отмечают высокую эффективность применения графических схем и алгоритмических предписаний для преодоления терминологической интерференции. Схожие проблемы рассматриваются коллективом авторов под руководством Н.В. Шарыповой, которые акцентируют внимание на специфике преподавания химии англоязычным студентам и предлагают усиливать визуальную составляющую контента [3].

Общие стратегические векторы внедрения современных образовательных технологий в медицине раскрыты в фундаментальном руководстве под редакцией Н.В. Кудрявой [4]. В практической плоскости огромный интерес представляют работы Е. Ю. Ермишиной, Н.А. Нароновой и соавторов по оптимизации педагогического процесса при обучении химии первокурсников Уральского государственного медицинского университета [5]. Тем не менее, в научной литературе до сих пор отсутствует целостное описание дидактических моделей, адаптированных под специфику медицинских вузов Кыргызстана с учетом феномена трилингвальной полиглоссии.

Цель исследования – провести системный качественный и количественный анализ типичных ошибок иностранных студентов при изучении курса общей химии на английском языке в вузах Кыргызстана и научно обосновать комплекс методических инструментов для их эффективной коррекции.

Материалы и методы

В основу эмпирической базы исследования положен многолетний непрерывный опыт преподавания дисциплин «Общая химия» и «Биоорганическая химия» иностранным студентам в Международной высшей школе медицины (г. Бишкек) в период с 2015 по 2025 год. Выборку исследования ежегодно составляли около 500 студентов первого курса, обучающихся полностью с использованием языка-посредника (English-medium instruction). Общий охват обучающихся за исследуемый период составил более 4800 человек.

Для выявления, систематизации и верификации ошибок применялся комплекс эмпирических и теоретических методов:

- педагогическое наблюдение за деятельностью студентов в ходе выполнения лабораторного практикума;
- контент-анализ текущих письменных работ (протоколов лабораторных опытов, домашних заданий, самостоятельных работ);
- статистический и качественный анализ результатов многоуровневого стандартизированного тестирования (входного контроля, рубежных аттестаций и экзаменационных сессий).

Педагогический эксперимент включал констатирующий и формирующий этапы:

Констатирующий этап (2015-2019 гг.) – был направлен на сбор первичного массива данных, фиксацию спектра учебных затруднений, расчет средней частоты встречаемости типовых ошибок и разработку их первичной классификации.

Формирующий этап (2020-2025 гг.) – включал проектирование, внедрение в образовательный процесс и валидацию комплекса методических инструментов коррекции (трехъязычных глоссариев, расчетных матриц, алгоритмических предписаний и PBL-кейсов).

Результаты и обсуждение

Многолетний мониторинг образовательного процесса позволил дифференцировать весь спектр выявляемых учебных затруднений на пять доминирующих кластеров, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Матрица типичных ошибок иностранных студентов при изучении общей химии и инструменты их коррекции

Категория типичных ошибок	Средняя частота встречи, %	Доминирующий фактор (причина ошибки)	Оптимальный инструмент методической коррекции
Ошибки в структуре соединений (составление химических формул)	~42%	Непонимание дуализма понятий «валентность» и «степень окисления»	Применение структурно-электронного моделирования, построение формул Льюиса и визуальных опорных конспектов
Нарушения стехиометрического баланса (уравнения реакций)	~48%	Нарушение закона сохранения массы, неверный выбор продуктов реакций	Графическое кодирование компонентов, алгоритмы ОВР
Сбои в интерпретации номенклатуры (IUPAC vs тривиальные названия)	~35%	Терминологическая интерференция, адаптация к латино-русско-английским эквивалентам	Ведение интерактивных контекстных трехъязычных глоссариев
Операционально-математические сбои (расчетные задачи)	~52%	Дефицит базовых математических навыков, хаотичный перевод единиц измерения	Сквозные расчетные матрицы, декомпозиция задач
Репродуктивно-формальное заучивание материала	~38%	Клиповое мышление, отсутствие выраженных междисциплинарных связей	Проблемно-ориентированные кейсы с региональным клиническим контекстом

Примечание: в ходе формирующего этапа эксперимента отсутствующий ранее в арсенале кафедры инструмент коррекции для первого кластера был восполнен методикой структурно-электронного моделирования

Рассмотрим каждый из кластеров детально на примерах из реальной практики преподавания в Международной высшей школе медицины.

1. Ошибки в структуре соединений (~42%)

Ключевой причиной ошибок является отождествление студентами ковалентной валентности и формального заряда атома. В школах Южной Азии эти понятия часто преподаются синонимично. При изучении строения биоорганических молекул или многоатомных неорганических ионов (например, гидрофосфатиона HPO_4^{2-} или иона аммония NH_4^+) студенты не могут объяснить распределение электронной плотности. Коррекция осуществляется через пошаговое построение электронно-точечных формул Льюиса с использованием разных цветов для валентных электронов центрального атома и лигандов.

2. Нарушения стехиометрического баланса (~48%)

Ошибки данного типа критичны, так как они препятствуют пониманию материального баланса биохимических реакций организма. Студенты испытывают огромные трудности при составлении уравнений окислительно-восстановительных реакций (ОВР) в растворах электролитов. Например, при окислении перманганатом калия в кислой среде первокурсники забывают уравнивать атомы кислорода молекулами воды, а атомы водорода – протонами (H^+). Для решения проблемы внедрено «графическое кодирование»: окислитель и восстановитель обводятся рамками разного цвета, а число отданных и принятых электронов строго фиксируется в отдельной выносной таблице на полях лабораторного журнала.

3. Сбои в интерпретации номенклатуры (~35%)

Анализ специфики ошибок и траектории их коррекции показывает, что особую сложность для студентов в условиях обучения в Кыргызстане вызывает дешифровка химической номенклатуры. При обучении на языке-посреднике международная номенклатура IUPAC часто вступает в противоречие с традиционными англоязычными медицинскими терминами, а также с русскими и кыргызскими эквивалентами, которые студенты слышат на клинических кафедрах.

Путем коррекции стало обязательное ведение разработанного на кафедре трехъязычного глоссария (English-Russian-Kyrgyz), позволяющего синхронизировать понятия. В качестве иллюстрации приведем фрагмент рабочего глоссария: «Solute» – растворенное вещество – эриген зат.

«Solvent» – растворитель – эриткич.

4. Операционально-математические сбои (~52%)

Этот кластер ошибок имеет наибольшую частоту проявления. Базовая математическая

подготовка абитуриентов крайне неоднородна. При решении задач на расчет водородного показателя ($pH=-\lg[H^+]$), буферной емкости или осмотического давления крови по закону Вант-Гоффа ($\pi=iCRT$) студенты допускают грубые ошибки в операциях с логарифмами, отрицательными степенями (10^{-4}) и хаотично переводят физические единицы (миллилитры в литры, миллиграммы в граммы). Коррекция успешно реализуется через «сквозные расчетные матрицы» – унифицированные бланки, где задача разбита на строго определенные шаги с подсказками по проверке размерностей.

5. Репродуктивно-формальное заучивание (~38%)

Склонность к механическому заучиванию формул без проникновения в их суть порождается клиповым мышлением и отсутствием четких междисциплинарных связей на первом курсе. При изучении тем «Буферные системы» и «Электролитный баланс» коррекция успешно осуществляется через технологии проблемно-ориентированного обучения (PBL).

Вместо абстрактных формул студентам предлагается клинический кейс развития высотной гипоксии и респираторного алкалоза, что крайне актуально для условий высокогорья Кыргызстана и специфики горной медицины, изучаемой в республике.

Описание внедренного PBL-кейса:

Контекст: иностранный студент прибывает в Кыргызстан и совершает восхождение на перевал Тоо-Ашуу (высота ~3180 м над уровнем моря). На фоне падения парциального давления кислорода у него начинается гипервентиляция легких.

Задание: рассчитать изменение соотношения компонентов гидрокарбонатной буферной системы крови ($[HCO_3^-]/[H_2CO_3]$) при усиленном выведении углекислого газа (CO_2) и спрогнозировать направление сдвига pH крови.

Эффект: решая данную задачу, студент осознает физиологическую роль химического равновесия и принципа Ле Шателье на примере собственного организма в реалиях горной географии Кыргызстана.

Дискуссия. Проведенное исследование развивает и конкретизирует выводы исследователей в области естественнонаучной лингводидактики в Центрально-Азиатском регионе. Наши данные подтверждают тезисы о том, что терминологический барьер у иностранных студентов носит кумулятивный характер. Неустраненное недопонимание химического термина в первом семестре неизбежно трансформируется в академическую неуспеваемость по клинической биохимии на втором курсе.

Динамика наблюдений вплоть до 2025 года выявила интересную трансформацию структуры ошибок в вузе: доля чисто номенклатурных затруднений снизилась за счет цифровизации образовательной среды (использования нейросетевых переводчиков и интерактивных приложений). Однако возрос процент ошибок, связанных с поверхностным, компилятивным подходом. Студенты легко находят готовую информацию, но затрудняются верифицировать ее достоверность и применить к нестандартной биологической системе. Это требует радикального пересмотра традиционных форм контроля в пользу интерактивных клинико-химических кейс-технологий.

Заключение

Эффективная коррекция образовательных затруднений у иностранных студентов в медицинском вузе Кыргызстана требует внедрения комплексной дидактической системы. Разработанная система обучения предусматривает:

1. Проведение входной диагностики уровня подготовки студентов для выравнивания математических и химических дефицитов.

2. Использование пошаговых алгоритмов, графического кодирования и расчетных матриц при изучении наиболее сложных разделов курса общей химии.

3. Внедрение трехъязычных глоссариев для преодоления полилингвальной интерференции.

4. Широкое применение профессионально ориентированных примеров (PBL-кейсов по горной медицине), демонстрирующих связь химических закономерностей с медицинской практикой.

Библиографический список

1. Чонкоева А.А., Рахматов Н., Шаназаров А.С. Адаптация иностранных студентов к обучению в медицинском вузе: психофизиологический аспект // Медицина Кыргызстана. – 2013. – № 7. – С. 25-28.
2. Котлова Л.И., Смолянюк Т.А., Бессонова Н.С. Особенности преподавания химии иностранным слушателям подготовительного отделения Тюменского медицинского университета // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2020. – № 59. – С. 34-37.
3. Шарыпова Н.В., Павлова Н.В., Суворова А.И. [и др.] Особенности преподавания химических дисциплин иностранным студентам в педагогическом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 2.
4. Современные технологии медицинского образования / под ред. Н.В. Кудрявой. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 320 с.
5. Ермишина Е.Ю., Наронова Н.А., Катаева Н.Н., Голицына К.О., Белоконова Н.А. Оптимизация педагогического процесса при обучении химии студентов первого курса Уральского государственного медицинского университета // Открытое образование. – 2023. – Т. 27, № 5. – С. 23-32.

TYPICAL ERRORS OF INTERNATIONAL STUDENTS IN STUDYING GENERAL CHEMISTRY AT MEDICAL UNIVERSITIES OF KYRGYZSTAN AND WAYS OF THEIR CORRECTION

Ch.A. Aitkeeva, *Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor*
International Higher School of Medicine
(Russia, Bishkek)

Abstract. *The article investigates the linguo-methodological and didactic difficulties encountered by first-year international students at medical universities in the Kyrgyz Republic during the mastership of the fundamental course of general chemistry. Based on a comprehensive analysis of pedagogical experience (2015-2025) in the context of internationalization of higher medical education in Kyrgyzstan, the study systematizes and classifies students' persistent errors and deviations when operating with chemical terminology, constructing formulas, writing chemical equations, and performing stoichiometric calculations. The author proposes and theoretically substantiates differentiated methodological approaches based on algorithmization, interdisciplinary integration, and problem-based learning (PBL), taking into account the trilingual educational environment (English, Russian, Kyrgyz).*

Keywords: *general chemistry; international students; higher medical education; Kyrgyzstan; chemical literacy; typical errors; teaching methodology; trilingual environment.*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Н.А. Аристова[1], *студент*
Д.О. Козырева[2], *студент*
Е.С. Любимова[1], *старший преподаватель*
Н.Б. Попова[3], *заведующий*
[1]**Волгоградский государственный социально-педагогический университет**
[2]**Волгоградский государственный медицинский университет**
[3]**МОУ Детский сад №279 Красноармейского района Волгограда**
[1,2,3]**(Россия, г. Волгоград)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-192-196

Аннотация*. Статья посвящена проблеме развития памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию памяти как высшей психической функции, анализируются особенности зрительной памяти у детей с интеллектуальными нарушениями, проявляющиеся в снижении объёма запоминания, недостаточной прочности сохранения материала, трудностях узнавания и воспроизведения зрительных образов. Представлены результаты экспериментальной работы по созданию психолого-педагогических условий для развития памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями.*

Ключевые слова: *память; зрительная память; дошкольный возраст; интеллектуальные нарушения; коррекционная работа; психолого-педагогические условия.*

Период дошкольного возраста – один из наиболее интенсивных периодов развития человека. В этом возрасте активно развиваются познавательные процессы, интеллектуальные способности, которые являются важнейшей составной частью психического развития ребенка. Память в детском возрасте является одной из основных, центральных, психических функций. Через процессы запоминания, сохранения, воспроизведения опыта формируются представления об окружающем мире, развивается речь, усложняется деятельность, складываются предпосылки учебного поведения Л.С. Выготский рассматривал память как психическую функцию, тесно связанную с развитием мышления, речи, произвольной регуляции поведения [1]. А.Р. Лурия определял память как систему процессов фиксации, хранения, последующего воспроизведения опыта, обеспечивающую возможность использования ранее воспринятой информации в новой ситуации [2]. С.Л. Рубинштейн связывал развитие памяти с включённостью ребёнка в деятельность, подчёркивал зависимость продуктивности запоминания от характера активности субъекта [3].

Старший дошкольный возраст характеризуется интенсивным развитием мнемической деятельности. Ребёнок начинает осознавать задачу запоминания, постепенно овладевает элементарными способами организации материала, использует повторение, проговаривание, группировку объектов. Именно в дошкольном возрасте формируются предпосылки произвольной памяти, связанные с игровой деятельностью и речевым развитием. Развитие памяти в этот период определяет успешность дальнейшего обучения, поскольку способность удерживать инструкцию, воспроизводить материал и опираться на прошлый опыт становится основой учебной деятельности.

Особую значимость проблема развития памяти приобретает в отношении детей с интеллектуальными нарушениями. Недостаточность познавательной деятельности оказывает влияние на все компоненты мнемических процессов. Снижается объём памяти, нарушается прочность сохранения материала, затрудняется воспроизведение зрительных образов и словесной информации. Л.В. Занков отмечает, что память детей с интеллектуальными нарушениями длительное время сохраняет

преимущественно механический характер, тогда как осмысленное запоминание формируется медленно и требует специально организованного обучения [4]. С.Д. Забрамная связывала трудности памяти у данной категории детей со слабостью аналитико-синтетической деятельности, нарушением понимания инструкции и недостаточной устойчивостью внимания [5].

Снижение продуктивности памяти у детей с интеллектуальными нарушениями проявляется уже в дошкольном возрасте. Дети испытывают трудности при узнавании и воспроизведении изображений, быстро утрачивают зрительные следы, допускают многочисленные ошибки при выполнении заданий на удержание материала. Нарушения памяти тесно связаны с недоразвитием восприятия, речи и произвольной регуляции деятельности, такие особенности существенно осложняют процесс обучения и снижают возможности самостоятельного усвоения нового материала.

Проблема развития памяти у детей с интеллектуальными нарушениями тесно связана с организацией специальных психолого-педагогических условий. В коррекционной педагогике развитие памяти рассматривается через включение ребёнка в игровую, предметно-практическую и речевую деятельность, обеспечивающую постепенное формирование произвольных мнемических действий. О.А. Козырева и Е.П. Хвастунова подчеркивают значение специально организованных психолого-педагогических условий, обеспечивающих включение ребёнка с ОВЗ в развивающее образовательное пространство [6]. Значение приобретает и организация наглядной среды, дозированная помощь взрослого, игровая мотивация, повторяемость действий и постепенное усложнение заданий.

Цель исследования заключается в изучении эффективности психолого-педагогических условий развития памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями. Исследование направлено на выявление особенностей зрительной памяти у данной категории детей и определение условий, обеспечивающих повышение продуктивности запоминания, узнавания и воспроизведения зрительного материала.

Экспериментальная работа проводилась на базе МОУ Детский сад № 279 Красноармейского района города Волгограда. В исследовании приняли участие 10 детей старшего дошкольного возраста 5-6 лет с интеллектуальными нарушениями. Анализ заключений психолого-медико-педагогической комиссии показал неоднородность структуры нарушений у обследованных детей, в выборку вошли дети с лёгкой и умеренной умственной отсталостью, дети с задержкой психического развития.

Для изучения уровня развития памяти были использованы методики «Диагностика зрительной памяти – узнавание» С.Д. Забрамной, «Угадай, чего нет» Е.А. Екжановой и Е.А. Стребелевой, «Запомни и назови» С.Д. Забрамной и Л.В. Занкова.

Результаты методики «Диагностика зрительной памяти – узнавание» С.Д. Забрамной показали, что низкий уровень сформированности зрительной памяти был выявлен у 7 детей, что составляет 70% от общего количества обследованных. Средний уровень наблюдался у 3 детей (30%). Высокий уровень сформированности зрительной памяти выявлен не был. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании трудностей узнавания ранее предъявленных изображений, недостаточной устойчивости зрительных образов и низкой точности воспроизведения материала.

Результаты методики «Угадай, чего нет» Е.А. Екжановой и Е.А. Стребелевой показали, что низкий уровень объёма зрительной памяти был выявлен у 6 детей, что составляет 60% обследованных. Средний уровень наблюдался у 4 детей (40%). Высокий уровень сформированности объёма зрительной памяти зафиксирован не был. Полученные данные указали на недостаточную способность детей удерживать зрительный материал и воспроизводить пространственное расположение предметов после изменения ситуации.

Результаты методики «Запомни и назови» С.Д. Забрамной и Л.В. Занкова показали, что низкий уровень прочности запоминания был выявлен у 7 детей (70%). Средний уровень наблюдался у 3 детей, что составляет 30% обследованных. Высокий уровень сформированности прочности запоминания выявлен не был. Для большинства детей были характерны недостаточная устойчивость зрительных следов, ограниченный объём воспроизводимого

материала и выраженная потребность в повторной демонстрации изображений.

Итоговые результаты констатирующего этапа исследования показали, что низкий уровень сформированности зрительной памяти был выявлен у 7 детей, что составляет 70% обследованных дошкольников. Средний уровень наблюдался у 3 детей (30%). Высокий уровень сформированности зрительной памяти в исследуемой группе выявлен не был. У большинства обследованных детей выявлялись трудности узнавания изображений, недостаточный объём запоминания, нестойкость зрительных следов и выраженные нарушения воспроизведения материала. Полученные данные определили необходимость организации целенаправленной коррекционной работы, ориентированной на развитие зрительной памяти в специально созданных психолого-педагогических условиях.

Коррекционная работа реализовывалась в форме коррекционно-развивающего курса «Тренируем зрительную память», состоящего из 30 занятий, на каждое по 1 игре, проводимых 3 раза в неделю продолжительностью 20-25 минут. Курс был выстроен как последовательная система игровых заданий, направленных на повышение точности узнавания зрительных образов, увеличение объёма удерживаемого зрительного материала и укрепление прочности запоминания с последующим воспроизведением, что обеспечивалось специальной организацией деятельности ребёнка, дозированной педагогической поддержкой и обязательной проверкой результата в каждой игре.

Существенное значение в организации коррекционной работы имело создание устойчивой структуры деятельности. Дети с интеллектуальными нарушениями испытывали трудности удержания инструкции и быстро теряли последовательность действий, вследствие чего каждое занятие строилось по единому алгоритму: восприятие материала, называние изображений, запоминание, выполнение действия и проверка результата. Повторяемость структуры облегчала ориентировку ребёнка в задании и снижала количество случайных действий. Развитие зрительной памяти осуществлялось через включение ребёнка в игровую ситуацию. Игровая мотивация поддерживала интерес к выполнению заданий и способствовала более устойчивому удержанию материала. В заданиях использовались предметные картинки, игрушки, карточки с изображениями знакомых объектов. Дети выполняли различные упражнения, например, «Что изменилось», «Чего не стало», «Запомни картинки», «Разложи как было», «Найди такую же карточку».

Работа по развитию точности узнавания строилась через постепенное увеличение количества предъявляемых изображений и снижение объёма помощи взрослого. На начальном этапе детям предлагались ряды из двух-трёх предметов, хорошо знакомых по повседневному опыту. После закрепления способа действия количество изображений увеличивалось. Развитие объёма зрительной памяти осуществлялось через задания на удержание последовательности предметов и воспроизведение пространственного расположения объектов. Детям предлагалось запомнить расположение игрушек, восстановить порядок карточек, определить изменения после перестановки предметов. Особое место занимала работа по развитию прочности запоминания. У большинства детей зрительные следы быстро угасали, вследствие чего воспроизведение материала оставалось фрагментарным. Для повышения устойчивости запоминания использовались многократные повторения, опора на наглядность и эмоционально значимый материал.

Организация коррекционной работы предусматривала дозированную помощь взрослого. На начальных этапах детям требовалось повторное предъявление инструкции, показ способа действия и совместное выполнение отдельных элементов задания. Постепенно объём помощи сокращался. Дети начинали более самостоятельно удерживать задачу, ориентироваться в последовательности действий и воспроизводить материал после отсрочки. Подобная организация деятельности способствовала развитию произвольности и формированию элементарного самоконтроля.

Задания на развитие памяти включались в режимные моменты, игровые ситуации, занятия по ознакомлению с окружающим миром и предметно-практическую деятельность. Повторение упражнений в разных условиях повышало устойчивость мнемических действий и облегчало перенос усвоенных способов запоминания в новую ситуацию.

На контрольном этапе эксперимента после проведения коррекционной работы по созданию психолого-педагогических условий, способствующих эффективному развитию памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями, было организовано повторное исследование уровня развития памяти у детей по тем же методикам констатирующего этапа. По методике «Диагностика зрительной памяти – узнавание» низкий уровень был выявлен у 2 детей (20%), средний уровень – у 8 детей (80%). По методике «Угадай, чего нет» низкий уровень наблюдался у 2 детей (20%), средний уровень – у 6 детей (60%), высокий уровень – у 2 ребёнка (20%). По методике «Запомни и назови» низкий уровень был выявлен у 3 детей (30%), средний уровень – у 6 детей (60%). Итоговые результаты контрольного этапа показали, что низкий уровень сформированности зрительной памяти был выявлен у 2 детей, что составляет 20% обследованных. Средний уровень наблюдался у 8 детей (80%). Снижение количества детей с низким уровнем развития памяти и увеличение числа детей со средним уровнем свидетельствуют об эффективности проведённой коррекционной работы.

Проводя сравнительный анализ итоговых показателей уровня зрительной памяти на констатирующем и контрольном этапах, наблюдается положительная тенденция в сформированности зрительной памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями. На констатирующем этапе эксперимента высокий уровень не был выявлен ни у одного ребёнка (0%); у 70% воспитанников (7 человек) зафиксирован низкий уровень, у 30% (3 человек) – средний уровень сформированности зрительной памяти. После проведения коррекционно-развивающей работы контрольный этап показал, что низкий уровень выявляется только у 2 детей (20%); 8 детей (80%) демонстрируют средний уровень, следовательно, положительная динамика развития зрительной памяти отмечена у большинства воспитанников.

Заключение. Развитие памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями представляет одну из наиболее значимых задач коррекционной педагогики, поскольку состояние мнемических процессов определяет возможности усвоения знаний, понимания инструкции, организации деятельности и дальнейшей готовности ребёнка к обучению. Исследование показало, что нарушения памяти у данной категории детей имеют устойчивый и системный характер. Результаты констатирующего этапа выявили преобладание низкого уровня развития зрительной памяти у большинства обследованных детей. Низкий уровень сформированности зрительной памяти был установлен у 70% дошкольников, у 30% средний уровень, высокий отсутствовал полностью, что указало на недостаточную сформированность произвольных мнемических действий, слабость удержания инструкции и неустойчивость зрительных следов.

Результаты исследования определили необходимость организации коррекционной работы, направленной на развитие зрительной памяти. Содержание работы строилось на использовании дидактических игр, упражнений на узнавание, удержание и воспроизведение зрительных образов, восстановление пространственного расположения предметов и последовательности изображений. Организация занятий включала игровую мотивацию, наглядную опору, повторяемость действий, дозированную помощь взрослого и постепенное усложнение заданий. Подобные психолого-педагогические условия обеспечивали более устойчивое удержание инструкции, повышение организованности деятельности и развитие произвольных мнемических действий. Контрольный этап исследования показал положительную динамику развития памяти у обследованных детей. После проведения коррекционной работы количество детей с низким уровнем зрительной памяти снизилось с 70% до 20%, число детей со средним уровнем увеличилось до 80%. Наиболее заметные изменения проявились в повышении точности узнавания изображений, увеличении объёма удерживаемого материала и улучшении воспроизведения зрительных образов.

Полученные результаты подтвердили, что развитие памяти у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями требует системной коррекционно-развивающей работы, направленной на формирование произвольного запоминания, устойчивости зрительных образов и способности к воспроизведению материала. Использование

специально организованных психолого-педагогических условий способствует повышению продуктивности мнемической деятельности и создаёт основу для дальнейшего познавательного развития ребёнка.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 160 с.
2. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. – СПб.: Изд-во Питер, 2022. – 352 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Изд-во Питер, 2021. – 720 с.
4. Занков Л.В. Развитие памяти умственно отсталого ребенка. – М.: Просвещение, 1995. – 320 с.
5. Забрамная С.Д., Боровик О.В. Методические рекомендации к пособию «Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей». – М.: Владос, 2003. – 32 с.
6. Козырева О.А. Изучение сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии / О.А. Козырева, Е.П. Хвастунова // Ped.Rev. – 2021. – № 5 (39). – С. 33-39.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF MEMORY DEVELOPMENT IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

N.A. Aristova[1], *Student*
D.O. Kozyreva[2], *Student*
E.S. Lyubimova[1], *Senior Lecturer*
N.B. Popova[3], *Head*
[1]Volgograd State Social and Pedagogical University
[2]Volgograd State Medical University
[3]MOE Kindergarten N 279 of the Krasnoarmeysky district of Volgograd
[1,2,3](Russia, Volgograd)

Abstract. *The article is devoted to the problem of memory development in older preschool children with intellectual disabilities. Theoretical approaches to understanding memory as a higher mental function are considered, the features of visual memory in children with intellectual disabilities are analyzed, manifested in a decrease in the volume of memorization, insufficient strength of preservation of material, difficulties in recognizing and reproducing visual images. The article present the results of an experimental study on creating psychological and pedagogical conditions for developing memory in older preschool children with intellectual disabilities.*

Keywords: *memory; visual memory; preschool age; intellectual disabilities; correctional work; psychological and pedagogical conditions.*

THE RELATIONSHIP BETWEEN LEADERSHIP STYLE, ORGANIZATIONAL JUSTICE, AND TEACHER PERFORMANCE IN ARAB SCHOOLS IN ISRAEL

Assadi Akram, *Master*
Sakhnin College for Training Teachers
(Israel, Sakhnin)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-197-201

Abstract. *This study examined the impact of the leadership style of school principals in Arab society on organizational justice and teacher performance from the perspective of teachers. One hundred teachers from elementary, middle, and high schools participated in the study. Participants completed a questionnaire on leadership style, organizational justice, and teacher performance. Findings showed that principals employ both rewarding and shaping styles, with teachers perceiving principals as more shaping than rewarding. Transformational leadership has a more positive effect on organizational justice and teacher performance than transactional leadership. Transformational leadership predicts teacher performance through organizational justice, as teachers with a higher sense of justice perform better. The main conclusion is that transformational leadership, when adopted by principals, positively influences teacher performance by increasing perceived organizational justice.*

Keywords: *leadership style; organizational justice; teacher performance; transformational leadership; transactional leadership; Arab schools; Israel.*

The quality of teachers in Israel today remains far from ideal. Israel ranks among the lowest OECD countries in teacher performance in international mathematics and reading assessments. The average psychometric score of teachers in 2019 was 494, approximately the 40th percentile of the population [1]. The 2019 State Comptroller's Report revealed that many mathematics and English teachers lack appropriate professional qualifications. This negatively impacts Israel's future human resources quality, as teachers are the main component in the teaching and learning process [2; 3].

Teacher quality and performance relate to numerous variables, particularly the principal's leadership style and organizational justice. Principals who strive to achieve school goals and maximize effectiveness develop teachers and provide necessary resources [4; 5]. School leadership has been defined as mobilizing teachers to achieve institutional goals [6]. Principals play a key role in maintaining positive teaching and learning environments [7].

School administrators influence the sense of organizational justice [8], which refers to employees' fairness perceptions regarding how the organization treats them. Organizational justice includes providing rewards based on contributions, responding to needs, decision-making, enforcing regulations, and relationships with leaders and peers [5; 9]. Employees who believe they are treated unfairly experience declines in performance, job satisfaction, and organizational commitment [8].

In research [10] was found a positive correlation between leadership and organizational justice, with leadership's impact calculated at 0.72. In research [11] was that understanding the relationship between organizational justice and leadership enables effective management in changing circumstances. Managers must create friendly, honest work environments, providing employees with justice, respect, and trust.

This study is significant due to the lack of research focused on examining school leadership in Israel's Arab education system. It will contribute to educational leaders on improving teacher quality and add to existing knowledge.

Literature Review

Leadership is a group phenomenon involving influential relationships between team members and achieving goals. It is a process where leaders influence followers and vice versa.

More modern styles include transactional and transformational leadership. Transactional leadership focuses on defined goals, rules, and exchanges between leader and followers, where efforts are exchanged for incentives. Transformational leadership raises both leaders and followers to higher levels of morale and motivation,

focusing on emotions, values, ethics, and long-term goals. It reflects risk-taking ability and organizational dynamism, seeing followers as future leaders [12].

Organizational justice refers to subjective judgments about how one is treated within a social context [13]. It describes employee perceptions of fairness regarding organizational decisions, processes, and interpersonal treatment. It shapes employee behavior and attitudes [14]. Organizational justice is a subjective perception assessed by employees and observers using information and cues [9].

Justice matters because its impact extends beyond individual employees. Injustice causes retaliation; low justice climate leads to higher absenteeism and lower performance. Employees perceiving justice express greater trust and commitment and demonstrate conscientiousness.

Types of organizational justice include distributive justice, procedural justice, informational justice, and interpersonal justice [13].

Organizational effectiveness is the ability to consistently achieve strategic and operational goals. Effective schools enable students to master basic skills and demonstrate achievement. Principal participation in school activities impacts teacher and student performance. Research [15] emphasized that principals must develop goal-oriented schools by positively leading teachers.

Research [16] emphasized that effective leaders anticipate and prevent negative impacts of change. Leaders who care about followers' needs and treat them with respect encourage improved performance and commitment [17]. Managers treating interactional justice had employees performing better and demonstrating pro-organizational behaviors.

Education is particularly important in Arab society as a factor contributing to development, progress, and social change. However, official data reveals huge gaps between Jewish and Arab student achievements. While six out of ten Jewish students are eligible for matriculation certificates, only four out of ten Arab students qualify. Despite quantitative and qualitative changes, Arab schools still lag behind Jewish schools in all educational areas.

Therefore, this study asks: Is there a connection between leadership style, organizational justice, and teacher effectiveness? Hypotheses include: positive correlation between leadership, organizational justice, and teacher performance; transformational leadership affects organizational justice more than transactional; formative leadership affects teacher performance more than rewarding; organizational justice mediates between leadership styles and teacher performance.

Method

The study included 100 teachers from elementary, middle, and high schools in northern Israel. Eighteen male and 82 female teachers participated. Average age was 34 years; average teaching experience was 12.2 years; average seniority at school was 12 years.

Table 1. Characteristics of the research population

Variable	Measurement values	Frequency
Gender	Male / Female	18 / 82
Education	Bachelor's / Master's / Doctorate	46 / 48 / 6
Main role	Professional teacher / Homeroom Teacher	24 / 76
Administrative role	Yes / No	23 / 77

Three questionnaires were used: demographic questionnaire (gender, age, education, seniority); leadership style questionnaire (45 items, 1-5 scale) examining transformational (19 items) and transactional (13 items) leadership; organizational justice questionnaire with 20 items examining distributive (5 items, α=0.74), procedural (6 items, α=0.80), and interactional (9 items, α=0.83) justice (total α=0.91); teacher effectiveness questionnaire (15 statements) from Avney Rosha Institute.

Questionnaires were distributed via Google Forms to teachers through social media groups. Data were statistically analyzed using SPSS version 27. Internal reliability was calculated using Cronbach's alpha. Pearson's test examined relationships; t-test examined group differences.

Results

The data analysis revealed important findings regarding the relationships between the three research variables. The internal consistency of all questionnaires was high, with Cronbach's alpha values ranging from 0.750 to 0.912, indicating reliable measurement instruments. Furthermore, the descriptive statistics showed that teachers

perceive their principals as employing more shaping/transformational leadership than rewarding/transactional leadership, although both styles are utilized.

Table 2. Means, reliability, and standard deviation of study variables (N=100)

Variable	M	SD	Cronbach's alpha
Formative leadership	4.197	0.767	0.750
Rewarding Leadership	3.655	0.987	0.830
Organizational justice	3.945	0.876	0.912
Teacher performance	2.983	1.309	0.910

Strong relationships were found: teacher performance correlated with transformational leadership, rewarding leadership, and organizational justice.

Correlation between leadership, organizational justice, and performance – positive correlation was found between school leadership and organizational justice and teacher performance. Organizational justice correlated positively with teacher performance. Hypothesis confirmed.

Transformational leadership more positively correlates with organizational justice – transformational leadership showed stronger correlation with organizational justice than transactional leadership.

Table 3. Correlations between leadership styles, organizational justice, and teacher performance

	Transformational leadership	Rewarding leadership	Organizational justice
Teacher performance	**0.724	**0.434	**0.554

*** p<0.01*

Transformational leadership predicted 57.40% variance in organizational justice. Organizational justice and transformational leadership together predicted 87.21% variance in teacher performance. Organizational justice partially mediated the relationship between transformational leadership and teacher performance, with beta reducing from 1.1133 to 0.8089.

Rewarding leadership predicted 61.20% variance in organizational justice (β=0.8568, p=0.0000). Rewarding leadership and organizational justice predicted 74.61% variance in teacher performance (β=0.6272 and β=0.5674). Direct relationship showed 66.56% variance (β=1.0597). Organizational justice partially mediated rewarding leadership and teacher performance, with beta reducing from 1.0598 to 0.6272. Hypotheses 3 and 4 confirmed.

Table 4. Mediation effects summary

Path	Direct β	Indirect β	Mediation
Transformational leadership – Teacher performance	1.1133	0.8089	Partial
Rewarding leadership – Teacher performance	1.0598	0.6272	Partial

Based on the data presented in Table 4, the mediation analysis yields several critical insights. Both transformational and rewarding leadership styles exert significant direct effects on teacher performance, yet their influence is substantially channeled through perceptions of organizational justice, as evidenced by the robust indirect effects.

The partial mediation observed suggests that while leadership directly motivates and guides teachers, a considerable portion of this impact materializes because leaders cultivate an environment perceived as fair and procedurally just. Specifically, the stronger indirect effect for transformational leadership implies that visionary inspiration, intellectual stimulation, and individualized consideration achieve their maximum efficacy precisely when embedded within a culture of equitable treatment.

A compelling vision, when articulated in isolation, proves insufficient; transparency and impartiality in the processes governing teachers' work and the distribution of outcomes must also be perceived by teachers. Effectiveness in rewarding leadership is derived not merely from the dispensing of tangible and intangible incentives, but rather from the perception of equity within the

system of reward allocation. Significant erosion of motivational potential occurs when rewards are viewed as procedurally flawed, as the substantial indirect path suggests.

Discussion

The findings demonstrate a positive and significant relationship between leadership, organizational justice, and teacher performance. The more positively teachers perceive leadership style, the higher their sense of organizational justice and performance. These results align with previous research [16; 17] showing that effective leaders who care for subordinates, treat them with respect, and encourage improved performance create positive organizational outcomes.

The first hypothesis revealed transformational leadership's dominant role in explaining teacher performance, with higher correlation compared to transactional leadership. These findings support research by [15] who found transformational leadership positively impacts school functioning.

The second hypothesis confirmed organizational justice's mediating role in linking leadership styles and teacher performance. These findings align with [11], showing that organizational justice enables effective management in changing circumstances. Managers who provide fairness, respect, and trust motivate employees to work efficiently.

The third hypothesis demonstrated that rewarding leadership partially predicts organizational justice and teacher performance. These findings support [15], who found transformational leadership more effective than rewarding leadership for school functioning. The predictive role of transformational leadership is stronger in determining teacher performance by strengthening organizational justice compared to transactional leadership.

Conclusions

This study examined the relationship between school principals' leadership styles, organizational justice, and teacher performance in Arab schools in Israel.

A positive effect on both organizational justice and teacher performance is demonstrated by transformational leadership in comparison to transactional leadership, according to the findings. Higher levels of organizational justice and better performance outcomes are reported by teachers who perceive their principals as employing transformational leadership characteristics. The magnitude of the indirect effect of transformational leadership through justice perceptions approaches that of its direct effect, as the empirical evidence reveals; this underscores the near-equivalence of fairness mechanisms to charismatic inspiration in terms of influence. Through justice pathways confirming that incentive structures succeed only within equitable procedural frameworks. Partial mediation of the relationship between both leadership styles and teacher performance is thus provided by organizational justice, indicating that the improvement of teacher performance can be achieved by principals through the fostering of a fair and equitable school environment.

Recommendations include adopting transformational leadership practices, developing transparent performance evaluation mechanisms, and strengthening organizational justice perceptions among teachers through consistent, bias-free administrative procedures. Future research should expand the sample geographically and examine additional factors influencing teacher performance beyond leadership and organizational justice.

References

1. Teacher Quality / Knesset Education, Culture, and Sports Committee. – 2020.

2. Zard A. Teachers in the Israeli Education System / A. Zard; Knesset Research and Information Center. – 2019.

3. Navon Y. Teacher Quality: Literature Review and Policy Directions / Y. Navon, Y. Shavit; Taub Center. – 2012.

4. Hoy W.K. Education Management / W.K. Hoy, C.G. Miskel. – Nobel, 2010.

5. Dursun İ.E. The effect of school principals' leadership styles on teacher performance and organizational happiness / İ.E. Dursun, O.O. Bilgivar // International Journal of Educational Administration and Leadership: Theory and Practice. – 2022. – Vol. 1, № 1. – P. 12-25.

6. Yukl, G. Leadership in organizations. – 7th ed. – Pearson Education, 2010.

7. Liebowitz D.D. The effect of principal behaviors on student, teacher, and school outcomes / D.D. Liebowitz, L. Porter // Review of Educational Research. – 2019. – Vol. 89, № 5. – P. 785-827.

8. Lee, H. Effects of Organizational Justice on Employee Satisfaction / H. Lee, D. Rhee // Sustainability. – 2023. – Vol. 15, № 7. – P. 5993.
9. Wiseman J. Organizational Justice: Typology, Antecedents and Consequences / J. Wiseman, A. Stillwell // Encyclopedia. – 2022. – Vol. 2, № 3. – P. 1287-1295.
10. Armağan Y. The Effect of Leadership on Organizational Justice / Y. Armağan, E. Erzen // Leadership and Organizational Outcomes. – 2016. – Vol. 27. – P. 239-254.
11. Bakotić D. Organizational Justice and Leadership Behavior Orientation as Predictors of Employees Job Satisfaction / D. Bakotić, L. Bulog // Sustainability. – 2021. – Vol. 13, № 19. – P. 10569.
12. Northouse P. G. Leadership: Theory and practice. – 7th ed. – Sage, 2016.
13. Fortin M. How do people judge fairness in supervisor and peer relationships? / M. Fortin, R. Cropanzano, N. Cugueró-Escofet, T. Nadisic, H.P. Van Wagoner // Human Relations. – 2020. – Vol. 73, № 12. – P. 1632-1663.
14. Rupp D.E. A critical analysis of the conceptualization and measurement of organizational justice / D.E. Rupp, D.L. Shapiro, R. Folger, D.P. Skarlicki, R. Shao // The Academy of Management Annals. – 2017. – Vol. 11, № 2. – P. 919-959.
15. Robbins, S. Educational leadership programs in the UK / S. Robbins // Management in Education. – 2013. – Vol. 27, № 2. – P. 50-55.
16. Schwarz G.M. Organizational change failure: Framing the process of failing / G.M. Schwarz, D. Bouckenooghe, M. Vakola // Human Relations. – 2021. – Vol. 74, № 2. – P. 159-179.
17. Hartge T. Leaders' behaviors during radical change processes / T. Hartge, T. Callahan, C. King // International Journal of Business Communication. – 2019. – Vol. 56, № 1. – P. 100-121.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СТИЛЕМ ЛИДЕРСТВА, ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ РАБОТЫ УЧИТЕЛЕЙ В АРАБСКИХ ШКОЛАХ ИЗРАИЛЯ

Асади Акрам, *магистр*
Сахнинский колледж по подготовке педагогических кадров
(Израиль, г. Сахнин)

Аннотация. *В исследовании проведён анализ влияния стиля руководства директоров школ в арабском обществе на организационную справедливость и эффективность работы учителей. В исследовании приняли участие 100 учителей начальных, средних и старших классов, участники заполнили анкету по стилю руководства, организационной справедливости и эффективности работы учителей. Результаты показали, что директора используют оба стиля, как поощряющий, так и формирующий, при этом учителя воспринимают директоров как более формирующих. Трансформационное лидерство оказывает положительное влияние на организационную справедливость и эффективность работы учителей, чем транзакционное. Трансформационное лидерство формирует эффективность работы учителей через организационную справедливость. Таким образом, директора, применяющие трансформационное лидерство, оказывают положительное влияние на эффективность работы учителей, повышая восприятие организационной справедливости.*

Ключевые слова: *стиль лидерства; организационная справедливость; эффективность работы учителей; трансформационное лидерство; транзакционное лидерство; арабские школы; Израиль.*

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEADERSHIP STYLE OF SCHOOL PRINCIPALS AND THE BELONGING AND INVOLVEMENT OF TEACHERS IN SCHOOLS IN ARAB SOCIETY IN ISRAEL

Assadi Akram, *Master*
Sakhnin College for Training Teachers
(Israel, Sakhnin)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-202-207

Abstract. *The mutual influence of internal organisational factors is analysed in this study, with particular emphasis placed upon the relationship between transformational leadership, teacher involvement, and sense of belonging. An investigation was conducted into the connection between school principals' leadership styles and both the sense of belonging and the level of involvement exhibited by teachers in Arab schools within Israel, alongside an examination of the extent to which teachers' sense of belonging predicts their involvement. Quantitative questionnaire data from 80 Arab teachers working in junior high schools located in northern Israel form the basis of this study. A strong and significant positive effect on teacher involvement and sense of belonging is demonstrated by transformational leadership, according to the findings. Moreover, a strong predictor of teacher involvement in school life is shown to be the sense of belonging experienced by teachers. It is concluded that the adoption of a transformational leadership style which fosters a sense of belonging among teachers has the potential to produce educators who are actively engaged in the educational process.*

Keywords: *leadership; transformational leadership; work involvement; employee belonging; teachers; Arabs.*

Various factors influence teachers' performance and well-being, with school leadership having a very broad and direct impact. Research indicates that leadership plays a vital role in increasing employee commitment and performance [1]. Furthermore, studies have distinguished between different leadership styles and examined their impact on employee performance and organisational behaviour [2].

This article deals with the impact of the leadership style of school principals in Arab society on teachers' sense of belonging and organisational commitment. The research question is: What is the relationship between the leadership style of school principals and teachers' sense of belonging and organisational commitment in the Arab education system in Israel?

One of the important factors affecting teachers' well-being is belonging – a subjective feeling of deep connection to social groups and places, created on the basis of shared values and cultures [3]. Other researchers have referred to belonging as the extent to which an individual feels accepted, respected, and supported in their social environment [4]. Thus, the need to belong is a basic human motivation.

Alongside the sense of belonging, organisational commitment has a very important influence on teachers' functioning. It reflects a psychological state that characterises the employee's relationship with the organisation. Strong belief in the organisation and acceptance of its values, willingness to invest effort, and desire to maintain partnership have been found to be strong predictors of employee commitment [5].

Alongside these two variables, leadership refers to the process by which an individual influences a group to achieve specific goals. In the school context, principals are responsible for leading teachers and students to achieve objectives. A good principal should know how to create a positive environment through an appropriate leadership style.

Literature Review

Belonging is defined as a subjective sense of deep connection to social groups and places, formed on the basis of shared values and cultures [3]. The need to belong is a basic human motivation. Belonging is known to be an essential human need that influences cognition, emotions, and behaviour. It refers to achieving acceptance and avoiding rejection.

In an organisational context, a sense of belonging affects interpersonal relationships and depends on the strength of relationships within that environment. Previous studies have found that employees' sense of belonging is influenced by and influences work engagement, organisational interaction based on openness, mutual trust, and respect. Conversely, mistrust and lack of appreciation undermine the sense of belonging.

Organisational commitment reflects a psychological state characterising the employee's relationship with the organisation. It includes emotional connection and identification with the organisation. Factors such as belief in the organisation's values, willingness to invest effort, and desire to maintain partnership were found to be strong predictors of commitment [5]. Studies have found that job satisfaction plays a vital role in teachers' commitment and productivity. The more satisfied teachers are, the more committed they will be to the school [6].

Leadership is seen as a social process of influence, where leaders engage with followers to motivate them to achieve organisational goals [7]. Recent research defines leadership as the ability to guide members of a group. One critical characteristic of every true leader is the power of influence [8].

In recent decades, there has been a trend toward leadership as a tool for improving organisational performance [9, 10]. Studies identify three sources of leadership: the leader's abilities, the relationship with followers, and the dynamic social process [11]. No single leadership style is superior to another, as each situation requires a different type [12].

Studies show that transformational leadership has a positive effect on various outcomes, including employee satisfaction, engagement, and performance [13]. Transformational leadership can influence the social identity of employees by fostering a positive work environment and improving interpersonal relationships. A manager who is a role model assists members of the organisation and seeks creative ways to reward teachers.

The literature review shows the importance of leadership in shaping organisational culture. By articulating a vision, modelling behaviours, and fostering communication, leaders can cultivate a positive environment. Effective cultural leadership improves employee engagement and drives overall organisational success.

The central research question is: What is the relationship between the leadership style of school principals and the sense of belonging among Arab teachers in junior high schools in Israel?

The following hypotheses are derived:

1. There is a significant connection between leadership styles and teachers' sense of belonging and involvement.

2. A transformational leadership style is a stronger predictor of teachers' sense of belonging and involvement than a transactional style.

3. Teacher belonging mediates the relationship between leadership styles and teacher involvement.

Methodology

The study is quantitative, examining the relationship between the variables "teacher belonging," "teacher involvement," and "leadership style." This approach allows for the examination of relationships between different variables.

Four tools were used:

1. Personal characteristics: gender, marital status, education, seniority.

2. Transformational leadership: Measured using 21 items from the MLQ on a 5-point scale. Internal reliability was 0.88.

3.Teacher involvement: Used the Job Involvement Questionnaire with 10 items on a 5-point scale. Cronbach's alpha was 0.86.

4. Teacher affiliation: A questionnaire with 20 statements on a 5-point scale. Reliability was 0.85.

The study included 80 teachers from the Arab education system, randomly selected from three villages and three cities in northern Israel. The response rate was 97.5%. Table 1 presents the sociodemographic characteristics: most participants are female, with 50% holding bachelor's and 50% master's degrees. The average age was 39, average seniority in the system was 29 years, and average seniority at school was 17 years.

Table 1. Distribution of the socio-demographic characteristics of the respondents

Variable	N (%)	M (S.D.)
Gender		
Male	(26.3) 21	-
Female	(73.7) 59	-
Education		
Bachelor's degree	(50.0) 40	-
Master's degree and above	(50.0) 40	-
Age	-	(3.81) 39.18
Seniority in the education system	-	(3.81) 29.31
Seniority at school	-	(3.81) 17.16

Data were processed using means, standard deviations, Pearson's correlation, and multiple linear regression stepwise using SPSS 23.

The research was conducted during the 2024-2025 school year. The questionnaire was distributed via Google Forms to teachers through social networks. After data collection, the data were statistically analysed.

Results

This section examines the research hypotheses. The chapter is divided into two parts: descriptive statistics and hypothesis testing. Table 2 shows that participants reported a high level of transformational leadership (M=4.74), a high level of belonging (M=4.51), and high work engagement (M=4.39).

Table 2. Means and standard deviations of the study variables

Variable	Mean	Standard deviation
Transformational leadership	4.74	0.28
Sense of belonging	4.51	0.19
Work involvement	4.39	0.2

Table 3 presents the correlation matrix. There is no statistically significant correlation between socio-demographic characteristics and the research variables. However, there is a strong positive correlation between transformational leadership and sense of belonging ($r=0.76$; $p<0.001$), work engagement ($r=0.83$; $p<0.001$), and between belonging and work engagement ($r=0.78$; $p<0.001$).

Table 3. Pearson's correlation matrix of the study variables

Variable	1	2	3	4	5
1. Age	-				
2. Years of teaching experience	0.18	-			
3. Seniority at school	0.19	0.25	-		
4. Formative leadership	0.22	0.23	0.18	-	
5. Sense of belonging	0.19	0.19	0.24	***0.76	-
6. Involvement in work	0.20	0.28	0.22	***0.83	***0.78

****P < 0.001*

Model 1 included socio-demographic characteristics and transformational leadership.

Model 2 added the sense of belonging.

Model 1 shows a statistically significant positive correlation between transformational leadership and work engagement. This supports the first hypothesis.

Model 2 shows a correlation between transformational leadership and work engagement and between belonging and work engagement. The strength of the relationship between transformational leadership and work engagement decreased from 0.54 to 0.34 after adding belonging. This means that the sense of belonging mediates the relationship, supporting the second hypothesis.

Table 4. Multiple hierarchical regression for predicting work engagement by transformational leadership and sense of belonging

	Model 1			Model 2		
	B	SE B	ß	B	SE B	ß
Gender (0- Male)	0.12	0.10	0.13	0.13	0.07	0.13
Education (0- Bachelor's degree)	0.13	0.11	0.10	0.17	0.13	0.09
Age	0.10	0.13	0.09	0.12	0.12	0.09
Teaching experience	0.16	0.12	0.08	0.12	0.11	0.08
Seniority at school	0.17	0.15	0.09	0.13	0.10	0.09
Shaping leadership	0.61	0.03	***0.54	0.31	0.08	***0.34
Sense of belonging				0.29	0.09	***0.41
R^2	0.18			0.34		

$***P < 0.001$

Discussion

This study examined the relationship between school principals' leadership and teachers' involvement and sense of belonging in Arab junior high schools in Israel.

The findings showed a connection between transformational leadership and work engagement, and between belonging and work engagement, with belonging mediating the connection. These findings are supported by existing literature. Teacher engagement is considered a factor for success, influencing commitment to goals [14]. Belonging affects interpersonal relationships and is linked to sharing practices and creating meaning. Studies have found that sense of belonging influences work engagement [7].

The study found that principals exhibited a high level of transformational leadership. This style is often considered more desirable and yields positive outcomes, including increased motivation and commitment.

The first hypothesis, positing a positive relationship between transformational leadership and work engagement, was supported. This aligns with research showing that leadership plays a significant role in increasing engagement. Transformational leaders raise followers by fulfilling basic needs, leading to positive outcomes.

The second and third hypotheses were also supported. The findings showed that belonging mediates the relationship between leadership and engagement. This is similar to studies where respondents agreed that belonging is important and contributes to higher performance [15]. Transformational leadership influences social identity by fostering a positive environment, which impacts belonging and engagement.

Conclusion

Leadership plays a central role in shaping organisational culture. This study examined the impact of transformational leadership on teachers' belonging and engagement. Findings showed that transformational leadership fosters a strong positive culture, affecting belonging and involvement. Furthermore, belonging and involvement are strongly related; the more teachers feel they belong, the more involved they will be.

Understanding leadership style encompasses the values and norms guiding teacher behaviour. The role of the principal is to build a strong culture fostering identity and driving engagement. Transformational leadership reinforces vision and values, leading to growth and organisational behaviours like belonging and engagement.

The examination of these three variables among Arab teachers in Israel renders this study groundbreaking in nature. Emphasis is placed upon the role of belonging as a factor in increasing involvement, with the point being made that full motivation and involvement remain unattainable for a teacher who lacks a sense of belonging. From these findings, decision-makers may derive practical benefit. Despite the positive results obtained, however, the output of the Arab education system continues to lag behind that of the Hebrew system, which suggests that additional issues require investigation.

We recommend conducting further research on different schools to obtain a comprehensive picture. The study had limitations, including a relatively small sample and focus on junior high schools, limiting generalisability. The distribution of questionnaires through groups may have limited freedom of expression, and the high prevalence of transformational leadership is a finding that warrants further investigation. Future research should include more participants, expand geographical and grade-level coverage, and consider face-to-face distribution.

References

1. Cho Y., Shin M., Billing T.K., Bhagat R.S. Transformational leadership, transactional leadership, and affective organisational commitment: a closer look at their relationships in two distinct national contexts // Asian Business & Management. – 2020. – Vol. 183. – P. 187-210.

2. Aboramadan M., Dahleez K. A. Leadership styles and employees' work outcomes in nonprofit organisations: the role of work engagement // Journal of Management Development. – 2020. – Vol. 39. № 7/8. – P. 869-893.

3. Halse C. Theories and theorising of belonging // Interrogating belonging for young people in schools / ed. C. Halse. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 1-28.

4. Goodenow C. Classroom Belonging among Early Adolescent Students: Relationships to Motivation and Achievement // The Journal of Early Adolescence. – 2011. – Vol. 13. № 1. – P. 21-43.

5. Baluyos G., Rivera H., Baluyos E. Teachers' Job Satisfaction and Work Performance // Open Journal of Social Sciences. – 2019. – Vol. 7. – P. 206-221.

6. Filstad C. 'If I'm not police, then who am I?': About belonging and identity in the police // International Journal of Police Science & Management. – 2022. – Vol. 24. № 4. – P. 417-426.

7. Northouse P.G. Leadership: Theory and practice. 7th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2016.

8. Dimitrovska M., Pushova Stamenkova L., Stošić L. Leadership in times of crisis // SCIENCE International Journal. – 2023. – Vol. 2. № 1. – P. 19-23.

9. Antonakis J., House R.J. Instrumental leadership: Measurement and extension of transformational-transactional leadership theory // The Leadership Quarterly. – 2014. – Vol. 25. № 4. – P. 746-771.

10. Nanjundeswaraswamy T.S., Nagesh P., Bharath S., Vignesh K.M. Leadership theories and styles – A systematic literature review and the narrative synthesis // Human Resources Management and Service. – 2024. – Vol. 6. № 3. – P. 3477.

11. Eberly M.B., Johnson M.D., Hernandez M., Avolio B.J. An integrative process model of leadership: Examining loci, mechanisms, and event cycles // American Psychologist. – 2013. – Vol. 68. – P. 427-443.

12. Oplatka Y. Fundamentals of Educational Administration: Leadership and Management in Educational Organisations. Pardes Publishing, 2015.

13. Rivera-Beckstrom A. The Importance of Belonging in the Workplace // 2022 Leadership Development Survey. 2022.

14. Devecchi C., Potter J. (eds.). Delivering Educational Change in Higher Education: A Transformative Approach for Leaders and Practitioners. Softcover, 2020.

15. Bao S., Wutzler T., Koirala S. et al. Environment-sensitivity functions for gross primary productivity in light use efficiency models // Agricultural and Forest Meteorology. – 2022. – Vol. 312. – P. 108708.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СТИЛЕМ РУКОВОДСТВА ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ И ЧУВСТВОМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, И ВОВЛЕЧЕННОСТЬЮ УЧИТЕЛЕЙ В РАБОТУ ШКОЛ АРАБСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗРАИЛЕ

Асади Акрам, *магистр*
Сахнинский колледж по подготовке педагогических кадров
(Израиль, г. Сахнин)

Аннотация. *В работе проанализировано взаимное влияние внутренних организационных факторов, также в работе исследована взаимосвязь между стилем руководства директоров школ и чувством принадлежности и вовлечённостью учителей в арабских школах Израиля, а также прогностическая способность чувства принадлежности учителей в отношении их вовлечённости в школьную жизнь. Исследование основано на данных, собранных с помощью количественного опроса 80 арабских учителей, работающих в средних школах на севере Израиля. Результаты исследования показывают, что трансформационное лидерство оказывает значительное положительное влияние на вовлечённость учителей и их чувство принадлежности к школе. В исследовании также показано, что чувство принадлежности учителей является сильным предиктором их вовлечённости в школьную жизнь, и чем больше школьный руководитель принимает трансформационное лидерство в качестве основного стиля, тем больше он может повысить вовлечённость учителей в школьную жизнь. Сделан вывод, что трансформационный стиль руководства, который создаёт у учителей чувство принадлежности к школе, может привести к тому, что учителя будут вовлечены в образовательный процесс.*

Ключевые слова: *лидерство; трансформационное лидерство; вовлечённость в работу; принадлежность сотрудников; учителя; арабы.*

ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА И СПОРТА НА ФИЗИЧЕСКОЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ

М. Атагелдиев, *преподаватель*
Петрозаводский государственный университет
(Россия, г. Петрозаводск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-208-212

Аннотация. *В статье представлены результаты педагогического эксперимента по изучению влияния регулярных занятий оздоровительным туризмом (пешие походы) и спортом на физическую подготовленность и психоэмоциональное состояние студентов. В эксперименте участвовали 60 студентов ПетрГУ, разделённые на экспериментальную (занятия туризмом + ОФП) и контрольную (стандартная программа) группы. Оценивались показатели общей выносливости, силовой выносливости, гибкости, координации, функции внешнего дыхания (проба Штанге) и психоэмоционального состояния (тест САН). Установлено статистически значимое ($p<0,05$) улучшение всех исследуемых параметров в экспериментальной группе. Обоснована целесообразность включения пешеходного туризма в программы физического воспитания вузов.*

Ключевые слова: *пешие походы; спорт; туризм; студенты; физическая подготовленность; психоэмоциональное состояние; педагогический эксперимент.*

В современном обществе здоровый образ жизни становится одним из самых важных аспектов. Он подразумевает не только отказ от вредных привычек и правильное питание, но и физическую активность – чаще всего в форме спорта или пеших прогулок [2]. Среди молодого поколения этот стиль жизни становится популярным. Однако офисная работа, сидячий образ жизни и развитие компьютерной зависимости вынуждают общество проводить большую часть времени в неподвижном положении [5].

Туризм является популярным социальным явлением. Он помогает лучше узнать географию, историю и культуру России. Путешествия дают возможность знакомства с новыми людьми, их традициями – это способствует физическому, духовному и моральному развитию молодых людей [4]. В России существует система самодеятельного туризма, которая позволяет населению, особенно социально незащищенным слоям, решать задачи оздоровления и формирования здорового образа жизни [6].

Многие юноши в нашей стране имеют слабое здоровье, что не позволяет им проходить важный этап – службу в армии. Оздоровительный туризм и спорт помогают решить эту проблему [7]. Активные прогулки и походы способствуют физическому развитию и укреплению сердечно-сосудистой системы. Если молодежь говорит «да» туризму, значит, она отказывается от наркотиков, табака, алкоголя и пассивного образа жизни [4].

Кроме того, туризм способствует моральному и психологическому благополучию молодых людей. В последнее время среди молодежи резко растет уровень депрессии и тревожности. Путешествия, общение с новыми людьми расширяют кругозор и помогают развитию личности [8].

Несмотря на очевидную пользу, в научной литературе недостаточно количественных данных, подтверждающих влияние именно регулярных пеших походов на объективные показатели физической подготовленности и психоэмоционального статуса студентов в рамках учебного процесса. Это определило актуальность нашего исследования.

Объект, предмет и методы исследования

Объект исследования – процесс физического воспитания студентов высшего учебного заведения с использованием средств туризма и спорта.

Предмет исследования – влияние регулярных пеших походов и спортивной подготовки на физическую подготовленность, функциональное состояние дыхательной системы и психоэмоциональное здоровье студентов.

В работе использованы следующие методы: педагогический эксперимент, контрольно-педагогические испытания (тестирование общей выносливости – бег 2000/1500 м; силовой

выносливости – подтягивания/отжимания; гибкости – наклон вперёд; координации – проба Ромберга), функциональная проба Штанге (оценка устойчивости к гипоксии), психометрическое анкетирование (тест САН для оценки самочувствия, активности, настроения), методы математической статистики (t-критерий Стьюдента).

Цель исследования

Изучение влияния регулярных занятий пешим туризмом и спортом на физическую подготовленность и психоэмоциональное здоровье студентов ПетрГУ.

Гипотеза

Предполагалось, что систематические занятия оздоровительным туризмом (пешие походы) в сочетании с общей физической подготовкой окажут достоверное положительное влияние на показатели физической подготовленности (выносливость, силу, координацию, функцию дыхания) и психоэмоциональное состояние студентов по сравнению с традиционной программой физического воспитания.

Результаты исследования

1. Физиологические механизмы влияния туризма и спорта на организм молодёжи

Оздоровительный туризм и спорт оказывают комплексное положительное воздействие на организм человека, которое обусловлено несколькими физиологическими механизмами. Прежде всего, длительная аэробная нагрузка при передвижении по пересечённой местности (пешие походы) способствует увеличению ударного объёма сердца, улучшению капилляризации скелетных мышц и повышению максимального потребления кислорода (МПК) [6]. Ходьба с рюкзаком массой до 5-8 кг создаёт дополнительную нагрузку на мышцы спины, ног и кора, что ведёт к росту силовой выносливости и укреплению опорно-двигательного аппарата [5].

Кроме того, регулярное пребывание на свежем воздухе в условиях естественного освещения способствует синтезу витамина D, улучшает работу иммунной системы и нормализует циркадные ритмы [8]. Важным фактором является также психофизиологический механизм: смена обстановки, отвлечение от городской среды и информационного шума снижают уровень кортизола и активируют парасимпатический отдел вегетативной нервной системы, что ведёт к релаксации и восстановлению [4].

2. Влияние туризма и спорта на физическое, психическое и социальное здоровье студентов

Физический аспект. Систематические занятия спортом и участие в пеших походах способствуют развитию основных физических качеств: выносливости (за счёт длительной циклической работы), силы (преодоление подъёмов, перенос груза), координации (передвижение по неровному рельефу) и гибкости. По данным ряда авторов, студенты, регулярно участвующие в туристских слётах и походах, имеют более низкие показатели заболеваемости ОРВИ и функциональных нарушений опорно-двигательного аппарата.

Психический аспект. Современная молодёжь подвержена высокому уровню стресса, тревожности и эмоционального выгорания [7]. Туризм выступает эффективным немедикаментозным средством психологической разгрузки. Совместное преодоление трудностей в походе, чувство принадлежности к группе, достижение общих целей повышают самооценку, снижают уровень депрессии и улучшают настроение. Кроме того, физическая активность на природе способствует выработке эндорфинов («гормонов радости») [2].

Социальный аспект. Туристская деятельность по своей природе является коллективной. В походе формируются такие социально значимые качества, как взаимопомощь, ответственность, умение принимать решения в команде, уважение к старшим и сверстникам. Участие в туристско-спортивных мероприятиях также воспитывает патриотизм, интерес к родному краю, его истории и географии.

3. Принципы безопасности и организации туристско-спортивной деятельности

При всех положительных эффектах туризм и спорт требуют строгого соблюдения мер безопасности, особенно в молодёжной среде. Основными рисками являются: травматизм (растяжения, вывихи, падения), переутомление, перегрев или переохлаждение, а также укусы насекомых и пищевые отравления.

Для минимизации этих рисков необходимо соблюдать следующие принципы:

1. Постепенность нагрузок: от коротких (5-10 км) походов по равнине к многодневным и горным маршрутам [1].

2.Учёт состояния здоровья: предварительный медицинский допуск, сбор анамнеза [5].

3. Обучение технике безопасности: инструктаж перед каждым походом, отработка навыков оказания первой помощи [6].

4. Адекватная экипировка и питание: удобная обувь, одежда по погоде, питьевой режим, калорийный рацион [7].

5. Контроль погодных условий и маршрута: разработка запасных вариантов, связь с МЧС [8].

Соблюдение этих правил позволяет полностью реализовать оздоровительный потенциал туризма и спорта без негативных последствий для молодого организма.

Ход исследования

База и сроки эксперимента. Исследование проводилось на базе кафедры физической культуры Петрозаводского государственного университета в течение 8 недель (сентябрь – ноябрь 2025 года). В нем приняли участие 60 студентов 1-2 курсов (30 юношей и 30 девушек) основной медицинской группы, давших письменное информированное согласие.

Участники. С помощью случайной выборки студенты были разделены на две группы:

- Экспериментальная группа (ЭГ, n=30): в основной части занятий (45 минут) 2 раза в неделю применялась программа, включающая пешие походы (1 раз в неделю – выход в лесопарковую зону с преодолением 10-12 км с рюкзаком до 5 кг) и общефизическую подготовку (бег, отжимания, подтягивания, упражнения на координацию).

- Контрольная группа (КГ, n=30): занималась по стандартной программе вуза (легкая атлетика, спортивные игры, ОФП) без элементов туризма.

Методы оценки. В начале и конце эксперимента оценивались следующие показатели:

1. Общая выносливость – бег на 2000 м (юноши) и 1500 м (девушки) (сек).

2. Силовая выносливость – подтягивания на перекладине (юноши, кол-во раз) и отжимания от пола (девушки, кол-во раз).

3. Гибкость – наклон вперед из положения стоя на скамье (см).

4. Координация – проба Ромберга (поза «аист» с закрытыми глазами, с).

5. Функциональное состояние дыхательной системы – проба Штанге (задержка дыхания на вдохе, с).

6. Психоэмоциональное состояние – тест САН (самочувствие, активность, настроение, баллы от 1 до 7).

Статистическая обработка проводилась с помощью t-критерия Стьюдента для связанных и несвязанных выборок. Различия считались достоверными при $p<0,05$.

Исходные показатели в ЭГ и КГ достоверно не различались ($p>0,05$), что подтверждает однородность групп. После 8 недель эксперимента в ЭГ наблюдалась выраженная положительная динамика по всем тестам. Результаты представлены в таблице.

Таблица. Динамика показателей физической подготовленности и психоэмоционального состояния студентов (M ± σ)

Показатель	ЭГ до (n=30)	ЭГ после (n=30)	Δ (%)	КГ до (n=30)	КГ после (n=30)	Δ (%)	p (ЭГ после vs КГ после)
Бег 2000 м (юн), с	562 ± 28	518 ± 22	-7,8	559 ± 27	548 ± 26	-2,0	0,031
Бег 1500 м (дев), с	462 ± 24	428 ± 20	-7,4	460 ± 25	451 ± 24	-2,0	0,028
Подтягивания (юн), раз	6,2 ± 2,1	9,4 ± 2,4	+51,6	6,1 ± 2,0	7,0 ± 2,2	+14,8	0,017
Отжимания (дев), раз	12,4 ± 3,2	18,6 ± 3,5	+50,0	12,1 ± 3,4	13,8 ± 3,3	+14,0	0,022
Наклон вперед, см	+6,1 ± 2,4	+12,8 ± 2,9	+109,8	+6,3 ± 2,5	+7,9 ± 2,7	+25,4	0,009
Проба Ромберга, с	9,2 ± 3,5	16,7 ± 4,6	+81,5	9,4 ± 3,6	11,3 ± 4,0	+20,2	0,014
Проба Штанге, с	48,3 ± 6,2	61,4 ± 7,4	+27,1	47,9 ± 6,5	51,2 ± 6,8	+6,9	0,006
САН (самочувствие), балл	4,3 ± 0,9	5,8 ± 0,7	+34,9	4,2 ± 0,8	4,5 ± 0,9	+7,1	0,011
САН (активность), балл	4,0 ± 1,0	5,6 ± 0,8	+40,0	4,1 ± 0,9	4,3 ± 1,0	+4,9	0,008
САН (настроение), балл	4,5 ± 0,9	6,1 ± 0,6	+35,6	4,4 ± 0,8	4,7 ± 0,9	+6,8	0,013

Примечание: p – достоверность различий между показателями ЭГ после и КГ после

Анализ результатов

Физическая подготовленность. Наиболее выраженные изменения в ЭГ произошли в показателях гибкости (+109,8%, $p<0,01$), силовой выносливости (+50–51%, $p<0,05$) и координации (+81,5%, $p<0,05$). Общая выносливость (бег) улучшилась на 7,4–7,8% ($p<0,05$). В КГ изменения были незначительными.

Функция дыхания. Проба Штанге в ЭГ увеличилась на 27,1% ($p<0,01$), что свидетельствует о повышении устойчивости к гипоксии благодаря регулярной аэробной нагрузке на свежем воздухе.

Психоэмоциональное состояние. Показатели теста САН в ЭГ выросли на 34–40% ($p<0,05$). Это подтверждает, что пешие походы и физическая активность на природе эффективно снижают уровень стресса и улучшают настроение.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе педагогического эксперимента данные подтверждают выдвинутую гипотезу о положительном влиянии систематических занятий пешим туризмом на физическую подготовленность и психоэмоциональное состояние студентов. Наиболее выраженные изменения в экспериментальной группе зафиксированы в показателях гибкости (+109,8%), координации (+81,5%) и силовой выносливости (+50–51%). Эти результаты согласуются с данными литературы, согласно которым передвижение по пересечённой местности с рюкзаком создаёт естественную нагрузку на вестибулярный аппарат и проприоцептивную чувствительность, а регулярное выполнение упражнений на растяжку после походов способствует увеличению эластичности мышц и связок.

Улучшение общей выносливости (бег 2000/1500 м) на 7,4-7,8% в экспериментальной группе объясняется адаптацией сердечно-сосудистой и дыхательной систем к длительной аэробной работе низкой и средней интенсивности, которая является основой пеших походов. Проба Штанге увеличилась на 27,1% ($p<0,01$), что свидетельствует о повышении устойчивости к гипоксии и экономизации функции внешнего дыхания – важного критерия тренированности у студентов.

Особого внимания заслуживает динамика психоэмоциональных показателей по тесту САН. Самочувствие, активность и настроение в экспериментальной группе выросли на 34–40% ($p<0,05$). Это подтверждает, что регулярное пребывание на природе, смена обстановки, дозированная физическая нагрузка и коллективное взаимодействие в походе выступают эффективными немедикаментозными средствами профилактики стресса, тревожности и эмоционального выгорания у современной молодёжи. В контрольной группе, занимавшейся по стандартной программе, подобной динамики не наблюдалось.

Сравнение с результатами других исследований показывает, что комплексное использование спорта и туризма даёт более выраженный оздоровительный эффект, чем изолированная общая физическая подготовка. Это объясняется тем, что походы обладают высоким эмоциональным фоном, что повышает мотивацию студентов и делает занятия привлекательными.

Ограничениями данного исследования являются относительно небольшой срок эксперимента (8 недель) и отсутствие долгосрочного наблюдения (6-12 месяцев) для оценки сохранения полученных эффектов. В дальнейшем планируется изучить влияние туристско-спортивной деятельности на академическую успеваемость и частоту заболеваний студентов.

Выводы

Систематические занятия пешим туризмом в сочетании с ОФП (2 раза в неделю в течение 8 недель) привели к статистически достоверному ($p<0,05$) улучшению физической подготовленности (выносливость, сила, гибкость, координация), функции дыхания и психоэмоционального состояния студентов экспериментальной группы по сравнению с контрольной.

Полученные результаты превышают показатели стандартной программы физического воспитания, что подтверждает высокую эффективность включения туристско-спортивной деятельности.

Рекомендации для вузов:

1. Включить в программу по физической культуре регулярные (1-2 раза в месяц) пешие походы с дозированной нагрузкой.
2. Организовать студенческий туристский клуб.
3. Проводить инструктаж по безопасности и подбирать маршруты с учётом физической подготовленности студентов.

Библиографический список

1. Ибрагимов Э.Э., Калинина Э.В. Современные предпосылки развития экстремального туризма в Российской Федерации // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма. – 2020. – С. 333-346.
2. Каинков И.В. Туризм как один из способов формирования здорового образа жизни среди молодежи // Наука-2020. – 2018. – № 8 (24).
3. Стрижкова И.И., Светлова О.Е. Формирование у студентов потребности к здоровому образу жизни с помощью занятий различными видами физических упражнений // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. – 2019. – № 7. – С. 16-22.
4. Хохлова А.А. Влияние туризма и спорта на здоровье молодого поколения // Постулат. – 2022. – № 12 (декабрь).
5. Шабанова А.А. Роль физической культуры в воспитание молодёжи // Проблемы Науки. – 2023. – № 4 (182).
6. Апарин Н.А., Зуев Е.И. Оздоровительный туризм как средство физической рекреации и социальной адаптации студенческой молодежи // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 5. – С. 45-47.
7. Марков К.К. Психолого-педагогические аспекты формирования ценностного отношения к здоровью у студентов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2019. – № 64. – С. 108-114.
8. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: Учебное пособие. – М.: Академия, 2014. – 240 с.

THE IMPACT OF TOURISM AND SPORTS ON THE PHYSICAL AND PSYCHOEMOTIONAL HEALTH OF STUDENTS

M. Atageldiev, *Lecturer*
Petrozavodsk State University
(Russia, Petrozavodsk)

Abstract. *The article presents the results of a pedagogical experiment on the influence of regular recreational tourism (hiking) and sports on the physical fitness and psycho-emotional state of students. The experiment involved 60 students of PetrSU, divided into an experimental group (tourism + general physical training) and a control group (standard program). Endurance, strength endurance, flexibility, coordination, respiratory function (Stange test) and psycho-emotional state (WAM test) were assessed. Statistically significant ($p<0.05$) improvement in all studied parameters was found in the experimental group. The expediency of including hiking in university physical education programs is substantiated.*

Keywords: *hiking; sports; tourism; students; physical fitness; psycho-emotional state; pedagogical experiment.*

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

А.О. Богатырко, *старший преподаватель*
Уральский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-213-216

Аннотация. *Кросс-культурная коммуникация является важным аспектом преподавания иностранного языка, способствующим развитию языковых навыков студентов и их культурной компетенции. В данной статье рассматриваются теоретические подходы к кросс-культурной коммуникации, ее значимость в образовательном процессе и практические методы интеграции культурных аспектов в преподавание. Основное внимание уделяется современным методам, способствующим активному изучению языка через призму различных культур, а также развитию критического мышления и эмпатии у студентов. В статье представлены примеры успешной интеграции кросс-культурных элементов в учебные программы и обсуждаются трудности, с которыми сталкиваются преподаватели.*

Ключевые слова: *кросс-культурная коммуникация; преподавание иностранного языка; культурная компетенция; методы обучения; образовательный процесс.*

Кросс-культурная коммуникация играет ключевую роль в обучении иностранным языкам. В условиях глобализации и постоянного взаимодействия между культурами становится все более важным понимать не только язык, но и культуру людей, говорящих на этом языке [1, с. 153].

Теоретическая основа кросс-культурной коммуникации

Кросс-культурная коммуникация изучает, как различные культурные фоны влияют на восприятие, интерпретацию и использование языка. В исследованиях отмечается, что культурные различия могут быть источником недоразумений в общении [2, с. 86].

При изучении иностранного языка студенты сталкиваются с необходимостью адаптировать свои коммуникативные стратегии в зависимости от культурного контекста [2, с. 163]. Кросс-культурная коммуникация включает в себя взаимодействие между людьми, представляющими разные культуры. Важно учитывать различия в языковых и культурных нормах, которые могут повлиять на понимание и интерпретацию сообщений [3, с. 15].

Практические методы интеграции кросс-культурных аспектов в обучение

Использование аутентичных материалов.

Аутентичные материалы, такие как фильмы, музыка и литература, позволяют студентам погрузиться в язык и культуру. Преподаватели могут использовать такие материалы для обсуждения культурных контекстов и различий [4, с. 23].

Проектная деятельность.

Проекты, связанные с культурой, могут помочь студентам применять язык в реальных ситуациях. Например, студенты могут создавать презентации о культурных особенностях страны изучаемого языка или проводить интервью с носителями языка [5, с. 122].

Ролевые игры и симуляции.

Ролевые игры позволяют студентам практиковать языковые навыки в различных культурных контекстах. Это способствует развитию их коммуникативных навыков и пониманию культурных различий [6, с. 13].

Существует много примеров успешной интеграции кросс-культурных элементов в учебные программы. Современные учебные программы все чаще включают элементы кросс-культурной коммуникации. Например, курсы, основанные на проектной деятельности, позволяют студентам работать в международных командах, изучая разные подходы к решению задач [7, с. 97].

Такие взаимодействия помогают развить не только языковые навыки, но и культурную осведомленность. Однако, как студенты, так и преподаватели сталкиваются с различными проблемами и трудностями, применения и

использования кросс-культурных элементов в учебном процессе.

Страх перед несовершенством.

Многие студенты испытывают страх перед совершением ошибок в языке, что может сдерживать их от активного участия в кросс-культурных взаимодействиях. Это может быть связано с глубоко укоренившимися стереотипами о недостатках в языке или неумении понимать культурные нюансы. Преподавателям важно создать поддерживающую и мотивирующую атмосферу, в которой ошибки рассматриваются как часть процесса обучения [8, с. 202].

Отсутствие культурной осведомленности.

Преподаватели, не обладающие достаточной культурной осведомленностью, могут не осознавать важности этих аспектов в обучении. Это может привести к неполному пониманию культурных контекстов и недостаточной интеграции их в уроки. Обучение и повышение квалификации преподавателей в области кросс-культурной коммуникации становятся критически важными для успешного внедрения этих элементов в учебный процесс [9, с. 67].

Ограниченные ресурсы.

В некоторых вузах могут встречаться ограничения в ресурсах для внедрения кросс-культурных элементов, начиная от недостатка учебных материалов и заканчивая отсутствием доступа к носителям языка. Это может затруднить реализацию эффективных методик преподавания, основанных на кросс-культурной коммуникации [10, с. 134].

Принимая во внимание, все выше сказанное, было принято решение, провести исследование для изучения влияния кросс-культурной коммуникации на обучение иностранным языкам в вузе. Базой для исследования выступил Уральский государственный университет путей сообщения. В исследовании принимали участие студенты второго курса механического факультета, специальности – «Подвижной состав железных дорог». В данной группе обучается 16 человек, все мальчики. Исследование состояло из трех этапов: подготовительного, внедрения методов обучения и оценки результатов.

Подготовительный этап.

На первом этапе исследования была проведена предварительная диагностика культурной осведомленности и языковых навыков участников. Использовались такие инструменты, как анкеты и тесты, которые включали вопросы о культурных представлениях, знании культурных особенностей стран изучаемого языка и уровне уверенности студентов в их способности общаться на иностранном языке. 16 студентов, изучающих английский язык, приняли участие в этом этапе.

Внедрение методов обучения.

На втором этапе были выбраны и внедрены определенные методы обучения, основанные на кросс-культурной коммуникации. В течение семестра преподаватель использовал следующие методы:

Аутентичные материалы: студенты работали с фильмами, музыкой и литературой на английском языке. Они анализировали культурные контексты произведений, обсуждали отличия и сходства с их собственной культурой.

Проектная деятельность: студенты организовали тематические проекты, связанные с культурой англоговорящих стран. Например, группа студентов подготовила проект о праздниках в США, что позволяло им исследовать и презентовать информацию в форме видеороликов и презентаций.

Ролевые игры и симуляции: занятия в классе проводились в формате ролевых игр, где студенты могли практиковаться в различных культурных контекстах, в том числе моделируя ситуации делового общения, знакомства и социальных взаимодействий. Это создало возможность для практики языка в реальных жизненных ситуациях.

Оценка результатов.

На заключительном этапе была проведена оценка результатов с помощью пост-тестирования, которое включало аналогичные тесты на знание языка и анкеты на культурную осведомленность, как и на подготовительном этапе. Анализ результатов проведен через методы количественной и качественной оценки.

Качественный анализ.

Студенты отмечали, что благодаря использованию кросс-культурных методов обучения они стали более уверенными в своих языковых навыках и значимо увеличили свою культурную осведомленность. Например, одна из студентов написала: «Я никогда не думал, что понимание культуры может так улучшить мою способность говорить по-английски. Я стал

смеяться над шутками, которые раньше не понимал».

Количественный анализ.

Результаты тестирования показали, что средний балл по языковым навыкам увеличился на 20%, а уровень культурной осведомленности повысился на 30%. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что интеграция культурных аспектов в процесс обучения иностранному языку способствует более успешному усвоению языка студентами.

Результаты исследования показывают, что кросс-культурная коммуникация в преподавании иностранного языка имеет позитивное воздействие на развитие языковых навыков и культурной компетенции. Студенты не только расширили свои лексические запасы, но и повысили уверенность в себе, научившись использовать язык в межкультурных коммуникациях.

Экспериментальная часть нашего исследования наглядно продемонстрировала, что интеграция кросс-культурной коммуникации в преподавание иностранного языка положительно сказывается как на языковых навыках студентов, так и на их культурной компетенции.

Основные выводы, сделанные на основе полученных данных, подчеркивают важность создания междисциплинарного и более комплексного подхода к обучению иностранным языкам в современных условиях.

Во-первых, результаты количественного анализа показали значительное увеличение уровня языковых навыков участников. Средний рост показателей на 20% свидетельствует о том, что методики, основанные на кросс-культурной коммуникации, действительно способствуют улучшению говорения, аудирования, чтения и письма. Студенты не только овладели новым лексическим запасом, но также научились применять его в реальных ситуациях, что делает обучение более практичным и жизнеспособным.

Во-вторых, важным аспектом является повышение культурной осведомленности студентов. Увеличение этого показателя на 30% подтверждает, что осознание культурных различий и общих мест является ключевым элементом в процессе изучения языка. Культура и язык неразрывно связаны, и здешние методики помогают студентам лучше понимать более широкий контекст языкового общения – от невербальных знаков до социальных норм и традиций.

В-третьих, обретение уверенности в своих силах стало заметным итогом использования предложенных методов. Положительные отзывы студентов о своём опыте подтверждают, что они чувствуют себя более подготовленными к общению с носителями языка. Комментарии, такие как «Я могу говорить на английском без страха ошибиться» или «Я теперь понимаю шутки на английском, которые раньше казались мне непонятными», говорят о том, что предложенные методы обучения не просто улучшают знания языка, но и способствуют развитию уверенности и самовыражения у студентов. Тем не менее, в ходе эксперимента были выявлены и определенные трудности. Одной из них оказалось разное восприятие культурных особенностей у студентов, что порой приводило к недоразумениям или к культурному конфликту в учебной среде. Простые примеры, такие как понимание жестов или тональности, требуют времени и обсуждения. Это указывает на необходимость более глубокой работы с культурными элементами в рамках учебной программы.

Кроме того, некоторые студенты показывали сопротивление к новым методам обучения, что может быть связано с привычным форматом классового обучения, основанного на традиционных подходах. Для их преодоления требуется создание более инклюзивной и поддерживающей среды, где студенты смогут открыто говорить о своих опасениях и предлагать идеи.

Исходя из вышеизложенного, рекомендуется внедрение кросс-культурных методов в учебные программы как стандартной практики в преподавании иностранных языков. Обучающие должны быть подготовлены к таким преобразованиям через курсы повышения квалификации, где они могут изучать эффективные стратегии и получать инструменты для работы с культурными аспектами в аудитории.

В заключение можно сказать, что кросс-культурная коммуникация представляет собой мощный ресурс для достижения результатов в обучении иностранным языкам. Она не только помогает развивать языковые навыки, но и формирует целостную личность студента, способного к межкультурному взаимодействию.

Долгосрочная цель состоит в том, чтобы возвысить уровень культурной компетенции студентов, что в конечном итоге подготовит их к жизни и работе в международной среде. Планируется продолжить исследование, расширяя выборку участников и изучая влияние других культур, что позволит создать более всестороннюю и глубокую программу обучения.

Кросс-культурная коммуникация является неотъемлемой частью преподавания иностранного языка в вузе. Она способствует не только развитию языковых навыков, но и формированию культурной компетенции студентов. Преподаватели могут использовать различные методы, такие как аутентичные материалы, проектная деятельность и ролевые игры, для интеграции культурных аспектов в обучение. Однако для успешного внедрения кросс-культурных элементов необходимы поддержка со стороны учебных заведений и профессиональное развитие преподавателей.

В конечном итоге, кросс-культурная коммуникация в обучении иностранным языкам помогает студентам стать более открытыми, эмпатичными и эффективными коммуникаторами в глобальном мире, что делает их более конкурентоспособными на рынке труда.

Библиографический список

1. Бахтина М.М. Проблемы речевой коммуникации. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

2. Хомякова И.Д. Кросс-культурная коммуникация: теоретические и практические аспекты. – М.: Русское слово, 2005. – 312 с.

3. Стернин И.А. Кросс-культурная подготовка студентов в процессе обучения иностранному языку. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.

4. Романов А.В. Обучение иностранным языкам в условиях кросс-культурной коммуникации. – Спб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 340 с.

5. Бурова Н.В. Кросс-культурная коммуникация и ее роль в обучении иностранным языкам. – Екатеринбург: Урал. гос. университет, 2017. – 198 с.

6. Федорова Н.В. Кросс-культурные аспекты в современном преподавании языков. – М.: Просвещение, 2018. – 256 с.

7. Бойко И.А. Психология кросс-культурной коммуникации в образовательном процессе. – Минск: ТетраСистемс, 2016. – 180 с.

8. Соловьев В.П. Методика преподавания иностранного языка в контексте кросс-культурной коммуникации. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2019. – 220 с.

9. Кулакова А.Ю. Сравнительный анализ кросс-культурных различий в обучении иностранным языкам. – Казань: Казанский университет, 2020. – 150 с.

10. Шевченко Т.Е. Кросс-культурные аспекты коммуникации в образовательной среде. – Ростов-н-Дону: ЮФУ, 2021. – 275 с.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

A.O. Bogatyrko, *Senior Lecturer*
Ural State University of Railway Transport
(Russia, Ekaterinburg)

Abstract. *Cross-cultural communication is a vital aspect of foreign language teaching, contributing to students' language skills and cultural competence. This article examines theoretical approaches to cross-cultural communication, its significance in the educational process, and practical methods for integrating cultural aspects into teaching. The focus is on modern methods that promote active language learning through the lens of diverse cultures, as well as the development of critical thinking and empathy among students. The article provides examples of successful integration of cross-cultural elements into curricula and discusses the challenges faced by educators.*

Keywords: *cross-cultural communication; foreign language teaching; cultural competence; teaching methods; educational process.*

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А.О. Богатырко, *старший преподаватель*
Уральский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-217-220

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности инклюзивного обучения студентов английскому языку в условиях современной образовательной среды. Анализируются методические подходы, барьеры и способы их преодоления. Описана экспериментальная работа по внедрению инклюзивных практик на занятиях английским языком в вузе. Приводятся примеры адаптированных упражнений. Выявлены основные проблемы и предложены рекомендации по совершенствованию методики преподавания для студентов с особыми образовательными потребностями.*

Ключевые слова: *инклюзивное обучение; английский язык; методы преподавания; специальные образовательные потребности; высшее образование.*

Современная система образования стремится создать равные возможности для всех студентов, включая лиц с особыми образовательными потребностями. Инклюзивное обучение предполагает организацию образовательного процесса, в котором учитываются индивидуальные особенности каждого обучающегося, независимо от его физических, психических или других ограничений. Вопрос внедрения инклюзивных методик актуален и при обучении английскому языку в вузах [1, с. 23].

Теоретические основы инклюзивного обучения английскому языку

Роль инклюзивного обучения в современном образовательном процессе

Инклюзивное обучение становится одной из ключевых тенденций в мировой педагогике. Оно способствует развитию толерантности, взаимопомощи и гармонизации отношений в студенческом коллективе. Особое значение инклюзия приобретает в развитии языковых навыков, так как коммуникация и социальное взаимодействие лежат в основе изучения иностранных языков [2, с. 40].

Принципы инклюзивного обучения

1. Доступность: создание условий, при которых обучение становится доступным всем студентам, независимо от их физических и психических особенностей.

2. Опора на сильные стороны: использование индивидуальных успехов и интересов студентов как мотивации к обучению.

3. Гибкость методов: применение различных форм работы (групповые проекты, индивидуальные задания, интерактивные упражнения), позволяющих адаптироваться под нужды каждого обучающегося.

4. Социальная интеграция: организация совместных мероприятий, способствующих взаимодействию между студентами с разными образовательными потребностями [3, с. 117].

Инклюзивные методики преподавания английскому языку

1. Использование мультимедийных ресурсов: аудио, видео, интерактивные платформы, адаптированные для студентов с разными особенностями восприятия.

2. Адаптация учебных материалов: создание текстов с увеличенным шрифтом, аудиоверсий, четких визуальных схем и поддерживающих картинок.

3. Тьюторское сопровождение: назначение помощников или тьюторов для студентов с особыми образовательными потребностями, чтобы облегчить выполнение заданий и повысить самостоятельность.

4. Построение учебной среды на принципах поддержки и взаимоуважения: атмосфера, в которой каждый студент ощущает себя частью группы и получает необходимую помощь [4, с. 18].

Психологические аспекты инклюзивного образования

Успешная интеграция студентов с ОВЗ зависит от психологического климата в группе. Важно проводить специальные тренинги для формирования позитивного отношения, предотвращения стигматизации и создания безопасной среды для раскрытия потенциала каждого студента [5, с. 123].

Учитывая, все выше сказанное, было решено, провести исследование для определения эффективности применения инклюзивных практик на занятиях английского языка среди студентов с различными образовательными потребностями.

Базой для исследования выступил Уральский государственный университет путей сообщения. Исследование состояло из трех этапов: подготовительного, внедрения методов обучения и оценки результатов.

Цель исследования – определить эффективность применения инклюзивных практик на занятиях английского языка среди студентов с различными образовательными потребностями.

Ход исследования

1. Участники: 16 студентов 1 курса электротехнического факультета, из них 3 человека с ОВЗ (нарушения зрения и опорно-двигательного аппарата).

2. Методы:

- дифференцированные домашние задания;
- использование звуковой трансляции лекций;
- применение адаптированных визуальных материалов;
- введение тьюторского сопровождения;
- групповая и парная работа с учётом индивидуальных особенностей.

3. Продолжительность: 4 учебных месяца.

4. Оценка эффективности: мониторинг знаний, анкетирование студентов и преподавателей, анализ вовлечённости в учебный процесс.

Результаты

1. Студенты с ОВЗ показали улучшение по всем параметрам: словарный запас, уверенность в общении, самостоятельное выполнение заданий.

2. Группа в целом стала более сплочённой; студенты без ОВЗ проявляли больше эмпатии и инициативы.

3. Преподаватель отметил снижение тревожности у студентов с особенными образовательными потребностями и повышение их мотивации.

Примеры упражнений, которые были использованы в ходе инклюзивного изучения английского языка

1. Адаптированное аудирование:

- студенты слушают аудиозапись диалога на английском языке; одновременно получают текстовую расшифровку.
- после аудирования обсуждают содержание в малых группах, где каждый может задать уточняющие вопросы.
- студенты с ОВЗ используют текстовую версию и визуальные подсказки, при необходимости – поддержку тьютора.

2. Визуальные упражнения "PictureStory":

- демонстрация серии иллюстраций (или описание последовательности событий) с предложением рассказать по-английски историю по картинкам;
- для студентов с нарушением зрения преподаватель описывает изображения или предлагает аудиоописание;
- задание выполняется в парах: один рассказывает, второй поддерживает, задаёт вопросы.

3. Групповая работа «CollaborativeTranslation»:

- группа получает адаптированный текст на английском языке;
- один студент читает, другой переводит, третий записывает перевод;
- используются технические средства: увеличенный шрифт, аудиотексты, электронные переводчики;
- совместное обсуждение возникающих трудностей и способов их преодоления.

4. Интерактивный лексический тренинг с карточками:

- карточки с новым словом и определением/примером на английском языке (крупный шрифт, аудиокарточки);
- каждый студент произносит слово и составляет с ним предложение;
- визуальная и аудиальная поддержка для студентов с особенными потребностями.

5. Флешмоб «EnglishforEveryone»:

- студенты готовят небольшое выступление на английском языке по выбранной теме;
- группа обсуждает поддержку каждого участника: подсказки, технические средства;
- совместное обсуждение услышанного и поддержка положительными отзывами.

Все упражнения разрабатывались с учётом индивидуальных особенностей студентов: варьировался уровень сложности, использовались технические средства и поддержкапреподавателя.

На основе проведённого эксперимента можно сделать следующие выводы:

- Повышение учебной мотивации: студенты с особыми образовательными потребностями проявили больший интерес к занятиям английским языком, а уровень их учебной мотивации заметно повысился.

- Рост академических результатов: использование инклюзивных методов положительно сказалось на успеваемости всех участников: увеличился словарный запас, улучшилась грамотность и коммуникативные навыки.

- Улучшение психологического климата: В группе наблюдалось повышение сплочённости, взаимопомощи и толерантности среди студентов, что создало благоприятную атмосферу для обучения.

- Рост самостоятельности: студенты с ОВЗ стали более уверенно и самостоятельно выполнять задания, реже прибегали к помощи преподавателя.

- Вовлечённость в учебный процесс: одновременное применение различных форм работы (аудио, визуальные материалы, групповая работа) позволило включить в учебный процесс всех студентов без исключения.

- Преподавательский опыт: педагог отметил снижение тревожности и увеличение вовлечённости у студентов с ОВЗ, а также повысил собственную компетентность в вопросах инклюзивной педагогики.

Таким образом, внедрение инклюзивных подходов в преподавании английского языка способствует созданию эффективной образовательной среды, удовлетворяющей потребности всех студентов, и рекомендуется к дальнейшему использованию и развитию.

Инклюзивное обучение студентов английскому языку – не просто педагогический тренд, а насущная необходимость современного образования. Применение инклюзивных методик открывает новый потенциал для развития не только студентов с особыми образовательными потребностями, но и всей академической группы. Результаты экспериментальной части показали: инклюзивные практики повышают мотивацию, результативность и уровень межличностной коммуникации студентов.

Внедрение инклюзии требует системного подхода: регулярного повышения квалификации преподавателей, разработки и внедрения адаптированных учебных материалов, совершенствования технических средств поддержки. Не менее важно активно вовлекать самих студентов в создание инклюзивной среды, развивать чувство ответственности и эмпатии.

В перспективе дальнейших исследований необходимо более детально изучить влияние разных типов инклюзивных методик на различные группы студентов, а также разработать практические рекомендации для вузов по внедрению инклюзивных технологий в образовательный процесс.

В целях успешного внедрения инклюзивного подхода в обучение английскому языку в вузах рекомендуется:

1. Разрабатывать и внедрять адаптированные учебные программы и материалы, учитывающие различные образовательные потребности студентов.

2. Организовать для преподавателей регулярные курсы повышения квалификации по вопросам инклюзивного образования и обмена опытом.

3. Оборудовать учебные аудитории современными техническими средствами поддержки (аудио- и видеоаппаратура, усилители звука, специальное программное обеспечение и т.д.).

4. Внедрять тьюторское сопровождение и другие формы индивидуальной поддержки для студентов с ОВЗ.

5. Создавать уютную и дружественную образовательную среду, направленную на формирование толерантного отношения, взаимопомощи и поддержки в студенческом коллективе.

6. Проводить регулярный мониторинг эффективности реализуемых инклюзивных мероприятий и вносить корректировки на основании обратной связи от студентов и преподавателей.

Реализация указанных мер позволит повысить качество и доступность высшего образования для всех категорий студентов и создать условия для их успешной адаптации, развития и профессиональной самореализации в современном обществе.

Библиографический список

1. Алехина С.В. Инклюзивное образование: от политики к практике // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 136-145. https://doi:10.17759/pse.2016210112.
2. Акимова О.И. Инклюзивное образование как современная модель образования // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии. – М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2011. – С. 10-11.
3. Бондарева А.В. Реализация инклюзивного образования на уроках английского языка в общеобразовательной школе // Молодой учёный. – 2017. – № 5. – С. 471-474.
4. Будникова Е.С., Резникова Е.В. Реализация инклюзивного образования в образовательной организации: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. – Челябинск: Изд-во «Цицеро», 2017 – С. 110. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://maou73.ru/wp-content/uploads/Реализация-инклюзивного-образования-в-образовательной-организации.pdf.
5. Пащенко Л.П. Организация подготовки учителей иностранного языка для работы в условиях инклюзивного образования / Л.П. Пащенко, О.О. Куканова // Молодой учёный. – 2022. – № 46. – С. 129-130.

INCLUSIVE TEACHING OF ENGLISH TO UNIVERSITY STUDENTS

A.O. Bogatyrko, *Senior Lecturer*
Ural State University of Railway Transport
(Russia, Ekaterinburg)

Abstract. *The article discusses the features of inclusive teaching of English to university students in the modern educational environment. The main methodological approaches, barriers and strategies to overcome them are analyzed. An experimental work on the implementation of inclusive practices in university English classes is described. Examples of adapted exercises are provided. The main problems are identified and recommendations for improving teaching methodology for students with special educational needs are proposed.*

Keywords: *inclusive education; English language; teaching methods; special educational needs; higher education.*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ С ПОМОЩЬЮ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБ

О.В. Везеницын, *канд. пед. наук, доцент*
В.И. Шалупин, *канд. пед. наук, профессор*
И.А. Родионова, *канд. пед. наук, профессор*
Московский государственный технический университет гражданской авиации (МГТУ ГА) (Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-221-226

Аннотация. *В работе рассматривается попытка распределения студентов по группам для занятий физической культурой и спортом с учётом оценки уровня физического здоровья и определение задач, помогающих применять физическую нагрузку в соответствии с функциональным состоянием организма каждого обучаемого в начале обучения в высшем учебном заведении с применением функциональной пробы Руфье. Проведение функциональных проб позволяет объективно оценить толерантность организма обучаемых к физической нагрузке, а также определить уровень физической работоспособности обучаемых. Вследствие определения показателей (уровня) функциональной пробы Руфье мы спрогнозировали алгоритм зависимости работоспособности студента от значений ЧСС. Чем выше цифровое выражение пробы Руфье, тем ниже функционал обучаемого. Высокая продуктивность позволяет судить о состоянии работы сердечно-сосудистой системы студента, его состоянии здоровья в данный период времени. С целью предотвращения появления патологических симптомов и дальнейшего их развития, на первый план выходят занятия физической культурой и спортом, как основной катализатор укрепления здоровья и сохранения эмоционального компонента студентов вузов.*

Ключевые слова: *физическая культура и спорт; индекс Руфье; физическая нагрузка; функциональные пробы; учебные занятия; работоспособность.*

Обучение в высшем учебном заведении для многих студентов превращается в нервно-эмоциональный стресс, потому что происходит смена школьной деятельности на студенческую. Фактически это изменение режима труда и отдыха. И прежде всего, нервно-эмоциональное напряжение в условиях предэкзаменационного и экзаменационного периода обучения. Плотный график учебы и возрастающий поток учебной и научной информации вынуждает студентов меньше следить за своим здоровьем, меньше заниматься двигательной деятельностью [1].

В связи с этим немаловажную роль в уменьшении стрессовых ситуаций отводится регулярным занятиям физической культурой и спортом, являющимся адаптационным компонентом, способствующим восстановлению физических и умственных способностей учащихся, позволяющих снять стрессовые нагрузки. Актуальной остается и проблема выбора оптимального программно-методического обеспечения и сама возможность использования информационных технологий в различных сферах физической культуры [2].

Не секрет, что переключение внимания с одного вида деятельности на другой дает положительный результат, в частности с умственного на физический и наоборот. Поэтому организация модели оздоровления, внедрения физкультурно-оздоровительных технологий для студентов в условиях вуза является актуальной и социально востребованной [3].

В исследованиях многих учёных доказывается, что умственное напряжение, а зачастую и перенапряжение в условиях образовательного процесса, отрицательно сказывается на физиологическом и психологическом состоянии студентов. Особенно это ярко выражено у студентов первого курса обучения, организм которых еще не успел адаптироваться к смене трудовой деятельности. Процесс организации и совершенствования физической культуры для студентов осуществляется на фоне ухудшения состояния здоровья, сокращения двигательной активности, неблагоприятного влияния экологических факторов, стрессовых ситуаций,

неправильного питания, высоких учебных нагрузок, вредных привычек [4].

К сожалению, наблюдается тенденция по увеличению количества студентов, занимающихся в специальной медицинской группе. Увеличивается число специальных медицинских групп среди студентов с 10% до 30-40%, при этом отклонения в состоянии сердечно-сосудистой системы наблюдаются у 22%. Основная причина сердечно-сосудистых заболеваний в студенческом возрасте, это снижение двигательной активности, сопровождающееся уменьшением размеров сердца, снижением ударного и минутного объёмов крови, учащением пульса, уменьшением массы циркулируемой крови [5]. Это объясняется, прежде всего, большим количеством теоретических дисциплин, проходящих в аудитории.

Вследствие этого, с целью предотвращения появления патологических симптомов и дальнейшего их развития, на первый план выходят занятия физической культурой и спортом, как основной катализатор укрепления здоровья и сохранения эмоционального компонента студентов вузов. Движение, особенно двигательная активность, необходимы для современной жизни людей, включая обучающихся вузов гражданской авиации [6].

Перед началом практических занятий, на основании медицинского освидетельствования, надо распределить студентов по группам для занятий физической культурой, где необходимо учитывать не только заболевания, если они имеются, но и физическое и функциональное состояние здоровья. С этой целью, в начале семестра обучения, целесообразно использовать функциональные пробы, позволяющие оценить общее состояние организма студента.

Функциональные пробы, применяемые на учебных занятиях по физической культуре и спорту, позволяют определить реакцию организма на физическую нагрузку, способствуют правильному подбору физических упражнений для каждого обучаемого.

Одной из достаточно простых функциональных проб, позволяющих охватить большое количество обучаемых одновременно – это проведение пробы Руфье, позволяющей оценить влияние одномоментной строго дозированной физической нагрузки на состояние сердечно-сосудистой системы обучаемого, оценить его адаптационные резервы и функциональную готовность организма к восприятию той или иной физической работы.

Основным показателем пробы Руфье является изменение частоты сердечных сокращений (ЧСС) в процессе выполняемой физической нагрузки. Изменение ЧСС обеспечивает адаптацию системы кровообращения к потребностям организма и условиям внешней среды. Прирост ЧСС подвержен линейной зависимости: чем адаптированнее сердце к нагрузке, тем меньше тахикардия после неё и наоборот [7].

После определения значений пробы Руфье мы можем прогнозировать алгоритм зависимости функционального состояния студента от показателей его ЧСС. Чем выше цифровое выражение показателей пробы Руфье, тем ниже работоспособность обучаемого. Высокая производительность позволяет судить о состоянии работы сердечно-сосудистой системы студента, его состоянии здоровья в данный период времени.

Как правило, высокая готовность организма обучаемого к физическим нагрузкам наблюдается у студентов, ведущих активный образ жизни, регулярно занимающихся физическими упражнениями и спортивной деятельностью. Вследствие этого наблюдается снижение ЧСС и повышаются функциональные возможности сердечной мышцы.

Пробу Руфье используют при прохождении ежегодной диспансеризации спортсменами высокого класса. Однако, для определения нагрузочной стоимости для студентов и особенно тех, кто поступил на первый курс обучения её можно применять как показатель работоспособности обучаемого с целью дифференцированного подхода при повышении нагрузки.

Цель исследования – определить необходимость применения функциональной пробы Руфье с целью объективной оценки толерантности организма обучаемых к физической нагрузке, эффективного повышения работоспособности организма обучаемого, а также рационального распределения первокурсников в группы занятий физической культурой и спортом.

Задачи исследования состояли в том, чтобы:

– провести со студентами первого курса обучения пробу Руфье для распределения их по группам занятий физической культурой и спортом и посмотреть правильность применяемой физической нагрузки на учебных занятиях;

– обработать полученные результаты с использованием статистического метода исследования в соответствии с предлагаемой формулой;

– обработать полученные результаты и сделать выводы о применяемой функциональной пробе.

Организация исследования. Исследование было проведено в Московском государственном техническом университете гражданской авиации (МГТУ ГА) со студентами первых курсов всех направлений подготовки в количестве 349 человек, из них 276 юношей и 73 девушки.

Методы исследования. В каждом семестре учебного года к исследованию привлекались студенты первого курса обучения, определялась динамика реакции сердечно-сосудистой системы на физическую нагрузку с использованием пробы Руфье.

Результаты исследования. Порядок проведения пробы Руфье: с началом учебного занятия студентам предлагалось посидеть на скамейках в течение 5-ти минут. Затем в этих условиях замерялась ЧСС за 15 секунд (P_1), записывался результат. Затем студенты вставали и выполняли 30 приседаний в течение 45 секунд – сгибание ног в коленных суставах происходило до горизонтального положения бёдер, руки выносились вперёд. Сразу после приседаний (на первой минуте отдыха) проводилось второе измерение ЧСС в течение 15 секунд (P_2), студенты запоминали результат. Затем, в последние 15 секунд первой минуты отдыха проводился третий срез показателей ЧСС (P_3), после два результата (P_2 и P_3) заносились в протокол.

Оценка работоспособности сердца производилась по формуле [8]:

$$\textbf{Индекс Руфье} = \frac{4 \times (P_1 + P_2 + P_3) - 200}{10}$$

где: $\mathbf{P_1}$ – частота пульса в покое за 15 секунд;

$\mathbf{P_2}$ – частота пульса за первые 15 секунд после приседаний;

$\mathbf{P_3}$ – частота пульса за последние 15 секунд первой минуты отдыха.

Результаты оценивались по величине индекса от 0 до 15:

- меньше 3 – хорошая работоспособность, условно «отлично»;
- 3-6 – средняя, условно «хорошо»;
- 7-9 – удовлетворительная, условно «удовлетворительно»;
- 10-14 – плохая (средняя сердечная недостаточность), условно «неудовлетворительно»;
- 15 и больше (сильная сердечная недостаточность), условно «плохо».

Результаты исследования. В сентябре исследовано 349 человек, из них 276 юношей и 73 девушки.

Среднее значение результатов юношей – 10,2 (рис. 1), из них:

- отлично – 8 чел. (2,9%);
- хорошо – 26 чел. (9,4%);
- удовлетворительно – 45 чел. (16,3%);
- неудовлетворительно – 114 чел. (41,3%);
- плохой результат был зафиксирован у 83 юношей (30,1%) (рис. 2).

Среднее значение результатов девушек – 10,2 (рис. 1), из них:

- отлично – 1 чел. (1,4%);
- хорошо – 11 чел. (15,1%);
- удовлетворительно – 13 чел. (17,8%);
- неудовлетворительно – 29 чел. (39,7%);
- плохой результат был зафиксирован у 19 девушек (26%) (рис. 2).

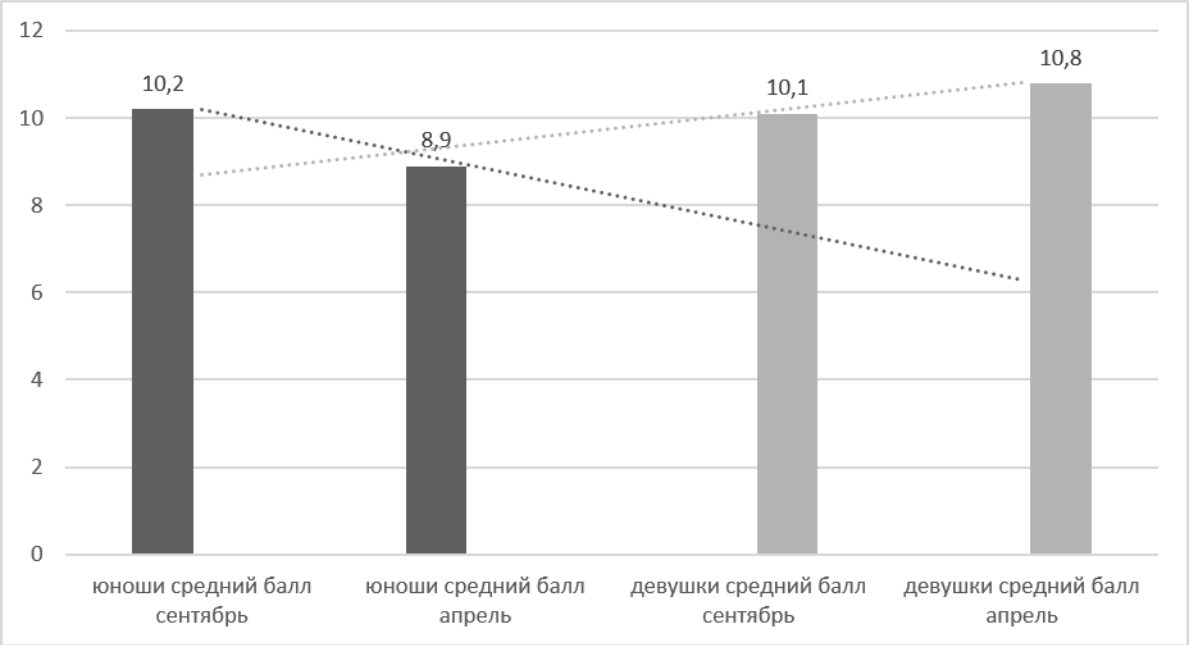

Рис. 1. Изменение средних значений пробы Руфье
юношей и девушек с сентября по апрель

В апреле исследовано 208 человек (178 юношей и 30 девушек).
Среднее значение результатов юношей – 8,9 (рис. 1), из них:
- отлично – 5 чел. (2,8%);
- хорошо – 20 чел. (11,2%);
- удовлетворительно – 35 чел. (19,7%);
- неудовлетворительно – 87 чел. (48,9%);
- плохой результат был зафиксирован у 31 юноши (17,4%) (рис. 2).
Среднее значение результатов девушек – 10,8 (рис. 1), из них:
- отлично – 1 чел. (3,3%);
- хорошо – 3 чел. (10%);
- удовлетворительно – 10 чел. (33,3%);
- неудовлетворительно – 10 чел. (33,3%);
- плохой результат был зафиксирован у 6 девушек (20%) (рис. 2).

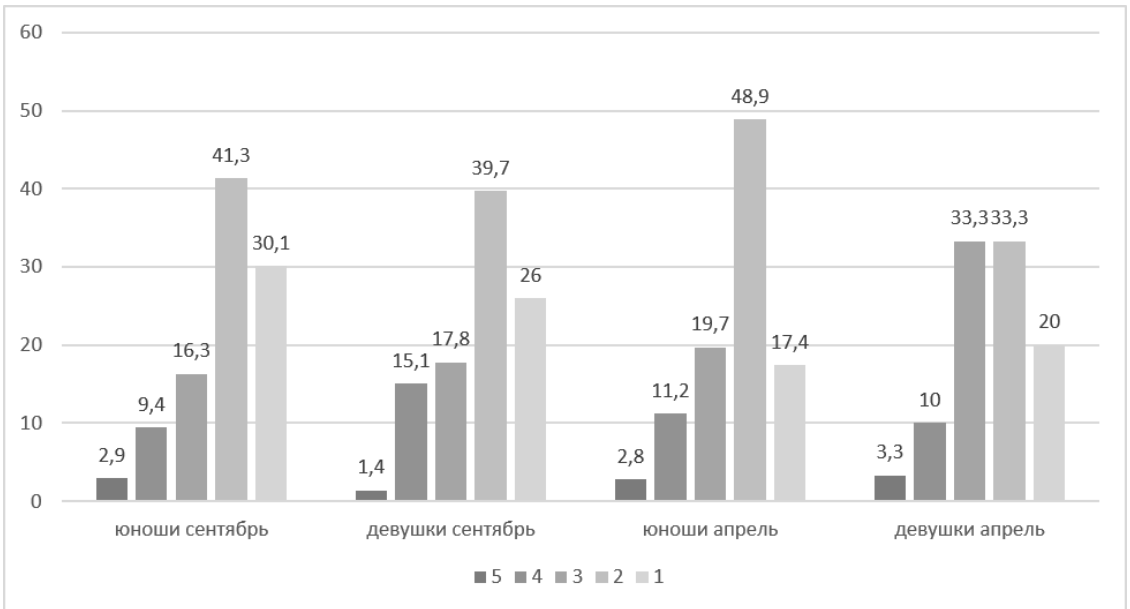

Рис. 2. Значения пробы Руфье по пятибалльной шкале оценок с сентября по апрель

После обработки всех результатов студентов первого курса обучения мы пришли к выводу, что на первоначальном этапе исследования у более чем 70% юношей (71,4%) реакция сердечно-сосудистой системы на организм носила отрицательный характер (41,3% – неудовлетворительно и 30,1% – был показан плохой результат). Также у девушек-первокурсниц более 65% отклик сердечно-сосудистой системы на физическую нагрузку был отрицательным (39,7% – неудовлетворительно и 26% – плохо). На наш взгляд это объясняется недостаточной двигательной активностью обучаемых, а, следовательно, и физической нагрузки на организм занимающихся, при обучении в средних образовательных учреждениях. По-видимому, уроки физкультуры там носили формальный характер.

К апрелю, при прохождении программы обучения, по дисциплине «Физическая культура и спорт» (2 раза в неделю по 90 мин.) и дополнительному посещению многими студентами спортивных секций по избранному виду спорту результаты заметно улучшились. Процент неудовлетворительных оценок и плохих у юношей составил – 66,3% (48,9% и 17,4% соответственно), у девушек – 53,3% (неудовлетворительно – 33,3% и плохо – 20%). Заметно улучшились показатели отличных, хороших и удовлетворительных оценок.

Выводы. Проведение функциональных проб на первых практических занятиях физической культурой, например, пробы Руфье, позволит объективно оценить толерантность организма обучаемых к физической нагрузке, а также определить уровень физической работоспособности обучаемых и грамотно распределить студентов по группам для занятий физической культурой и спортом.

Содержание учебных занятий для студентов первых курсов обучения целесообразно составлять с учётом состояния здоровья обучаемых, функциональных компетенций организма. Измерение функциональной пробы Руфье в начале обучения и проведение её в конце семестра позволит педагогическим работникам в области физической культуры и спорта правильно определить дальнейший вектор применения той или иной методики обучения, содержания физических упражнений и двигательных действий студентов.

Библиографический список

1. Родионова И.А. Фитнес-подготовка как фактор сохранения здоровья студенческой молодежи в системе высшего образования / И.А. Родионова, В.И. Шалупин, В.В. Карпушин // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2018. – № 1(41). – С. 57-63. – EDN GSDSQT.

2. Волкова Л.М. Современные информационно-диагностические технологии в практике физического воспитания / Л.М. Волкова, В.Ю. Волков // Физическая культура, спорт и здоровье. – 2014. – № 23. – С. 17-20. – EDN SKEXGX.

3. Антонова И.Н. Изучение работоспособности сердечной мышцы студентов экономического вуза на занятиях по физической культуре / И.Н. Антонова, Т.Н. Шутова, О.В. Везеницын, С.А. Мартынов // Гуманитарное образование в экономическом ВУЗе: Материалы V Международной научно-практической заочной интернет-конференции. В 2 томах, Москва, 20-30 ноября 2016 года. Том 1. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – С. 168-178. – EDN YKYVHX.

4. Мальцев, Д.Н. Диагностическое значение пробы Руфье / Д.Н. Мальцев, Е.В. Векшина // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2019. – № 5(16). – С. 113-120. – EDN OOMAPR.

5. Жаброва Т.А. Особенности физического воспитания студентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы / Т.А. Жаброва, Ю. Прилипко // Современные технологии в физическом воспитании и спорте: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 23-24 ноября 2018 года / Под ред. А.Ю. Фролова. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 33-36. – EDN VNRXUP.

6. Физическая культура и спорт в вузах гражданской авиации / В.И. Шалупин, Р.Р. Салимзянов, И.А. Родионова [и др.]. – Ульяновск: Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, 2024. – 180 с. – EDN DYPKTY.

7. Ларионова Н.Н. Определение функциональных показателей студента как фактор готовности к сдаче контрольных нормативов по физической культуре / Н.Н. Ларионова, И.Н. Жмырко// Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 1(18). – С. 77-81. – EDN UBMANN.

8. Филиппова Е.В. Оценка влияния занятий физической культурой и спортом на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы студентов первого курса технических специальностей / Е.В. Филиппова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2024. – № 3(229). – С. 255-260. – EDN RWNDQP.

SIMULATION OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS CLASSES USING FUNCTIONAL TESTS

O.V. Vezenitsyn, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
V.I. Shalupin, *Candidate of Pedagogical Sciences, Professor*
I.A. Rodionova, *Candidate of Pedagogical Sciences, Professor*
Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTU CA)
(Russia, Moscow)

Abstract. *This paper examines an attempt to assign students to groups for physical education and sports classes based on an assessment of their physical health and the definition of tasks that facilitate the application of physical activity in accordance with each student's functional state at the beginning of their studies at a higher education institution using the Ruffier functional test. Functional tests allow for an objective assessment of students' tolerance to physical activity and the determination of their level of physical performance. By determining the indicators (level) of the Ruffier functional test, we predicted an algorithm for the relationship between student performance and heart rate values. The higher the Ruffier test score, the lower the student's functional performance. High performance allows us to assess the state of a student's cardiovascular system and their current health. To prevent the onset and further development of pathological symptoms, physical education and sports classes are becoming increasingly important as the primary catalyst for improving the health and maintaining the emotional component of university students.*

Keywords: *physical education and sports; Ruffier index; physical activity; functional tests; training session; performance.*

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ

В.И. Гусева[1], *д-р экон. наук, профессор*
С.А. Хубиева[1], *канд. экон. наук*
Ю.В. Гусева[2], *канд. экон. наук, доцент*
Ж.Б. Джетыбаева[1], *старший преподаватель*
[1]Международный университет Кыргызстана
[2]Кыргызско-Российский Славянский университет
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-227-231

Аннотация. *В статье рассматриваются современные инновационные методы преподавания экономических дисциплин, включая активные и интерактивные формы обучения. Особое внимание уделяется анализу практического опыта применения игровых технологий, которые способствуют развитию профессиональных компетенций и экономического мышления у студентов. Авторы систематизируют основные риски, возникающие при внедрении инноваций (недостаточная методическая подготовка преподавателей, сопротивление традиционной системе, отсутствие цифровых ресурсов), и предлагают классификацию игровых техник по целям и формам проведения. В заключение даются практические рекомендации по организации лекции инновационного типа, сочетающей проблемное изложение, дискуссионные элементы и кейс-метод. Результаты исследования могут быть полезны преподавателям экономических дисциплин в вузах и колледжах.*

Ключевые слова: *инновации; активные методы обучения; инновационно-обучающие игры; лекции инновационного типа; риски.*

Цифровые технологии и инновации уверенно проникли во все области - от образования и медицины до науки и производства. Не обошли они стороной и преподавание экономических дисциплин: здесь набирают популярность интерактивные подходы – деловые игры, метод кейсов, применение кинофрагментов и цифровых средств обучения. В современных реалиях использование инновационных методов в экономическом образовании приобретает всё большую актуальность.

В экономическую науку термин «инновация» был введен Йозефом Шумпетером в работе «Теория экономического развития» [4, с. 13-15].

Основной целью данной работы является исследование инноваций в преподавании таких дисциплин как «Микроэкономика» и «Макроэкономика». В современных условиях многие ученые обращаются к теме инноваций в преподавании экономических дисциплин (Воробьева Е.Г., Плеханова Е.А., Кильдюшкина И.Г., Чоюбекова Г.А., Сулайманова Г.Г. и другие).

Наибольшую известность получили такие интерактивные методы в преподавании экономических дисциплин, как деловые игры, кейс-стади, использование видеофильмов и т.п. Акцент делается на деятельностном подходе, модернизации программ и применении интерактивных форм обучения в вузах.

Применение в преподавании экономических дисциплин в вузе инновационных технологий и методов обучения вызвано необходимостью совершенствования качества образования посредством повышения эффективности процесса обучения [1, с. 22-26; 2, с. 219-233; 6, с. 424-430; 7, p. 317-325].

Проанализируем опыт применения игровой технологии по экономическим дисциплинам в ВУЗах Кыргызской Республики.

Современные требования к высшему экономическому образованию диктуют необходимость перехода от пассивного усвоения теории к активному формированию компетенций. В связи с этим актуальным становится поиск инструментов, позволяющих студентам осваивать сложный абстрактный аппарат экономических дисциплин, в частности, микроэкономики через практический опыт. В практике преподавания игровые технологии предлагается классифицировать на две группы, которые представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1. Классификация игр

Группа	Наименование игры	Целевая установка игры	Результаты обучения
Инновационно-обучающие игры	«Любитель Кока-колы»	Формирование нового опыта	Формулирование закона убывающей предельной полезности
	«Заработай себе на жизнь»	Формирование новых знаний	Построение модели кругооборота
Контрольные игры	«Аукцион», викторина «Что? Где?, Когда?»	Закрепление и оценка знаний	Контроль усвоения теоретической базы без стресса
	Кейс-стади	Решение прикладных задач	Принятие решений в условиях ограничений

Целевой установкой инновационно-обучающих игр является получение первичного практического опыта и формирование новых теоретических знаний. Так, игра «Любитель Кока-колы»: проводится непосредственно во время лекции. Студенты через контролируемый эксперимент (потребление блага) фиксируют изменение полезности каждой последующей единицы, что позволяет им самостоятельно сформулировать закон убывающей предельной полезности. Таким образом, данная игра – это яркий классический пример экспериментальной экономики, где студенты на основе опыта делают теоретические выводы и могут построить график кривой предельной полезности.

Игра «Заработай себе на жизнь» объединяет игровую цель (максимизация дохода индивида или набора благ) и образовательную. На основе анализа взаимодействия студенты могут воссоздать модель кругооборота доходов и расходов.

Что касается второй группы игр (контрольные), то в данном случае целевая установка закрепление и контроль знаний. Так, деловые игры «Аукцион» и «Что? Где? Когда?» предполагают в соревновательной форме, без стресса, проконтролировать знание терминологии и основных теоретических разделов и концепций.

А разбор кейс-стади позволяет проверить способность студентов применить теорию потребительского выбора и теорию фирмы для решения практических задач.

Таким образом, использование активных методов обучения, в том числе применение игровых техник, позволило трансформировать теоретические знания в практические навыки, что обеспечило достижение необходимых компетенций и мотивацию к обучению. Среди задач, которые удалось достичь благодаря применению игровых технологий, следует включить:

1. Обеспечение вовлеченности, поскольку игра способствует росту посещаемости занятий, а игровые «акции», бонусы стимулируют повышение интереса к изучению скучной теоретической дисциплины.

2. Развитие абстрактного (экономического) мышления. Данная методика позволяет студенткам понять изнутри такой общенаучный метод, как индукция (от частного к общему), когда они проходят путь от игровой ситуации (частного) к общему (теоретической модели), что, безусловно важнее, чем простое запоминание формул и закономерностей.

3. Уменьшение уровня стресса. Контролирование знаний студентов с помощью игровой техники позволяет проверять познания студентов в комфортной среде, без стресса.

В большинстве случаев инновационные методы реализуются на практических занятиях. Однако, следует отметить, что проведение лекции требует внедрения инновационных методов не в меньшей степени, а в значительно большей степени, чем на семинарских занятиях.

Безусловно, необходимо признать, что традиционные лекции, которые много лет были основным или почти единственным источником знаний, в современных условиях утратили свою эффективность. Данная проблема вызывает бурные дискуссии в научно-педагогической среде многие годы. Наибольшую известность приобрели исследования, представленные в виде так называемой «Пирамиды обучения», согласно которой традиционная лекция позволяет усвоить 5%, в то время как активные методы обучения повышают этот показатель до 75% [8, с. 64-79].

Конечно, не все так однозначно и процент усвоения материала лекции может варьировать от 5% до 30%, поскольку многое зависит и от качества ораторского искусства преподавателя, и от качества лекционного материала.

Среди лекций инновационного типа перечислим такие как «лекция-диспут», «проблемная лекция», «лекция-провокация», «лекция дискуссия». Однако, следует согласиться с мнением, что «методы инновационного обучения могут использоваться тогда, когда студенты уже владеют основами необходимых знаний [3].

По нашему мнению, представляет интерес такой инновационный вариант проведения лекции, как «перевернутый класс». Суть данной технологии состоит в том, что пересказ лекции преподавателем отсутствует, а студенты готовят самостоятельно материал (видеоматериалы, главы учебников, научные статьи) на основе которого они должны ответить на проверочные вопросы или тесты. Освободившееся аудиторное время можно использовать, к примеру, для дискуссий.

Проведение инновационной лекции «перевернутый класс» условно делится на два периода: внеаудиторная подготовка и аудиторное занятие, которые взаимосвязаны и взаимно друг друга дополняют. Внеаудиторная подготовка может включать самостоятельное изучение материала, подготовленного преподавателем, в том числе статьи, видеоролики, разделы в учебниках. Между тем некоторые преподаватели практикуют метод, когда студенты самостоятельно находят материал в соответствии с предлагаемой темой и вопросами лекции [1, с. 22-26; 5, с. 27-31].

В период аудиторных занятий по данной лекции преподаватель выступает как эксперт и координатор, а не как пересказчик текста лекции.

Таблица 2. Преимущества и ожидаемы результаты внедрения лекций инновационного типа

Преимущества	Ожидаемы результаты
Индивидуальный подход	Каждый студент имеет возможность изучать тему с темпами, которые подходят ему индивидуально
Развитие навыков работы в команде	Командная работа при обсуждении темы в аудитории развивает коммуникацию, критическое мышление и навыки лидерства
Усвоение темы на более глубоком уровне	Согласно таксономии Блума, в аудитории прорабатываются высшие уровни: анализ, синтез и оценка
Повышение эффективности усвоения материала	Знания, полученные самостоятельно лучше усваиваются

Безусловно, внедрение в практику лекций инновационного типа предполагает некоторые риски:

- во-первых, неподготовленность обучающихся, так некоторые студенты приходят на занятия не изучив тему, поскольку считают, что самостоятельная работа не обязательный элемент обучения;

- во-вторых, неприятие инновационных методов некоторыми преподавателями, поскольку переход к ним требует серьезную дополнительную работу со стороны преподавателя, тем более что некоторые преподаватели считают, что лекции в традиционной форме незаменимый инструмент передачи знаний студентам.

То есть, внедрение такого инновационного типа лекции как «Перевернутый класс» имеет и преимущества, и риски.

Но тем не менее, важный вывод: лекция инновационного типа «Перевернутый класс» – это не просто развлечение. Это трансформация студента из пассивного слушателя в активного исследователя, что является весьма важным для подготовки специалистов в условиях быстро меняющегося рынка труда.

Мы предлагаем некоторые рекомендации при внедрении лекции данного инновационного типа:

1. Не торопиться «перевернуть» весь курс, поскольку более целесообразно начинать с одной темы, которая не будет первой.

2. Перед началом лекции инновационного типа необходим проверочный тест или блиц-опрос, которые подтвердят готовность студента к занятию по данной теме.

3. Не предлагайте групповые задания по подготовке только одного вопроса лекции, поскольку в этом случае некоторые студенты не будут работать самостоятельно, либо усвоят только один вопрос по теме.

4. Используйте аудиторное время для разбора самых частых ошибок, выявленных в ходе самостоятельного этапа.

5. Выдавать групповые задания на аудиторных занятиях, а не в процессе самостоятельного изучения темы.

На наш взгляд, особе внимание заслуживают вопросы оценивания. Мы считаем, что оценки недопустимы в случаях целевой установки игротехник, направленных на формирования нового опыта, так как в этом случае возможны и неизбежны ошибки, а низкие баллы помешают развитию инициативы и не будут мотивировать к познанию. Можно порекомендовать бонусы, похвалу, призы за активность, а оценивать следует только в случае контрольных игр.

В **заключении** сделаем вывод, что внедрение инновационных подходов в преподавании экономических дисциплин является объективной необходимостью современной высшей школы. Сухая академическая теория при преподавании таких предметов, как «Микроэкономика», «Макроэкономика» и других экономических дисциплин, требует инновационных методов, которые позволяют студентам самостоятельно изучив концепции, перейти к применению на практике научных разработок.

Проведенный анализ игровых технологий показал, что классификация игр на инновационно-обучающие и контрольные позволяет системно подходить к формированию компетенций. Использование экспериментальных методов (например, игры «Любитель Кока-колы») эффективно реализует метод индукции, превращая пассивное запоминание закона убывающей предельной полезности в осознанный практический опыт.

Особое место в модернизации учебного процесса занимает модель «перевернутого класса». Несмотря на выявленные риски - такие как возможная недисциплинированность студентов и высокая трудоемкость подготовки для преподавателя - данная технология демонстрирует значительные преимущества в контексте таксономии Блума. Перенос освоения теории на самостоятельную работу позволяет использовать аудиторное время для глубокого анализа, синтеза и оценки материала, что существенно повышает качество усвоения экономических знаний (согласно «пирамиде обучения»).

Реализация предложенных в статье рекомендаций по внедрению лекций инновационного типа позволит минимизировать стресс обучающихся, повысить их вовлеченность и сформировать навыки критического мышления. В конечном итоге, трансформация роли студента из пассивного слушателя в активного исследователя является ключевым фактором подготовки конкурентоспособных специалистов, способных принимать эффективные решения в динамично меняющейся экономической среде.

Библиографический список

1. Алиева И.А., Юсупова Г.Н. Роль учебно-воспитательных условий в развитии профессиональной компетентности студентов финансово-экономических специальностей (на примере научно-исследовательской деятельности студента Бишкекской финансово-экономической академии) // Высшее образование Кыргызской Республики. – 2014. – № 2 (24). – С. 22-26.

2. Инновационный подход в преподавании экономических дисциплин в вузе: технологии и методы обучения / Е.Г. Воробьёва, Е.А. Плеханова, И.Г. Кильдюшкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 219-233.

3. Сулейманова Г.Г. Использование инновационных форм преподавания экономических дисциплин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scientific-publication.com/images/PDF/2016/13/ispolzovanie-innovatsionnykh-form-prepodavaniya.pdf.

4. Экономика инноваций: Учебник / Под ред. Н.П. Иващенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. – 310 с.

5. Юсупова Г.Н. Роль развития самостоятельности студентов в овладении навыками и технологией работы с информацией для повышения качества профессионального образования // Высшее образование Кыргызской Республики. – 2009. – № 3. – С. 27-31.

6. Юсупова Г.Н., Чогулдурова Э.К., Джетыбаева Ж.Б. Профессиональные компетенции специалиста финансово-экономического направления в условиях непрерывной формы образования // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 424-430. – DOI 10.33619/2414-2948/98/54.

7. Digitalization of Lifelong Education as a Means for Forming Professional Competences of Students / M. Choguldurov, G. Yusupova, T. Sharshenalieva, B. Tulemysheva // Bulletin of Science and Practice. – 2023. – Vol. 9, № 10. – P. 317-325. – DOI 10.33619/2414-2948/95/36.

8. Lalley J.P., Miller R.H. The Learning Pyramid: Does it Point Teachers in the Right Direction? // Education. – 2007. – Vol. 128, № 1. – P. 64-79.

APPLICATION OF INNOVATIONS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF ECONOMIC SPECIALTIES

V.I. Guseva[1], *Doctor of Economic Sciences, Professor*
S.A. Khubieva[1], *Candidate of Economic Sciences*
Yu.V. Guseva[2], *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*
Zh.B. Dzhetybaeva[1], *Senior Lecturer*
[1]International University of Kyrgyzstan
[2]Kyrgyz-Russian Slavic University
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *the article examines modern innovative methods of teaching economic disciplines, including active and interactive forms of teaching. Particular attention is paid to the analysis of practical experience in the use of gaming technologies that contribute to the development of professional competencies and economic thinking among students. The authors systematize the main risks arising from the introduction of innovations (insufficient methodological training of teachers, resistance to the traditional system, lack of digital resources), and propose a classification of gaming techniques by goals and forms of conduct. In conclusion, practical recommendations are given for organizing a lecture of an innovative type, combining a problematic presentation, discussion elements and a case method. The results of the study can be useful to teachers of economic disciplines in universities and colleges.*

Keywords: *innovations; active teaching methods; innovative educational games; innovative lectures; risks.*

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ЧЕРЕЗ ПРОСМОТР ВИДЕОКОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Н.В. Жарова, *канд. психол. наук, доцент*
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-232-238

Аннотация. *Данная статья рассматривает влияние систематического просмотра англоязычных видео в Телеграм-группе «English Ascent» (https://t.me/EnglishVideos4MT) автора статьи на мотивацию изучения английского языка студентов 1 и 2 курсов факультета «Машиностроительные технологии» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Исследование основано на анализе данных, собранных через опросы в начале и конце 2024-2025 учебного года. Девятимесячный эксперимент с участием 200 студентов показал, что цифровое микрообучение способствует росту интегративной мотивации на 39,5%, значительно снижает языковую тревожность и развивает автономность обучающихся. Данный метод является эффективным дополнением к традиционному академическому обучению технических специалистов.*

Ключевые слова: *инструментальная мотивация; интегративная мотивация; языковая тревожность; микрообучение; скаффолдинг; медиапредпочтения.*

Интеграция российских технических вузов в международное научно-технологическое пространство диктует высокие требования к языковой подготовке выпускников. Однако специфика обучения в технических вузах, сопряженная с высокой когнитивной нагрузкой по точным дисциплинам, нередко приводит к снижению интереса студентов к гуманитарным предметам. В связи с этим ключевой задачей педагогов является поиск эффективных путей управления мотивационной сферой учащихся. В случае мотивации изучения иностранного языка канадские психологи Роберт Гарднер и Уоллес Ламберт различают интегративную и инструментальную. При интегративной мотивации человек учит иностранный язык, потому что его интересует культура страны, представители этой культуры вызывают позитивные чувства и привлекает сам язык. Также человек сам возможно хочет жить в этой стране. При инструментальной мотивации иностранный язык изучается из-за его полезности, исходя из практических соображений, например, из-за возможности сдать экзамен, получить более высокооплачиваемую работу. Личность может быть мотивирована как инструментально, так и интегративно, и оба вида мотивации могут положительно влиять на процесс обучения. Поэтому для повышения мотивации студентов к обучению необходимо применять разные подходы одновременно [1, с. 175].

В качестве эффективного педагогического инструмента, способного синергетически воздействовать на оба типа мотивации в цифровой среде вуза, выступают мультимедийные технологии. В данном контексте ключевое значение приобретает роль аудиовизуальных материалов. Аудиовизуальные материалы, такие как короткие (1-3 минуты) видео, просматриваемые студентами через день, в удобном для них темпе и месте не отнимают у них значительного времени, но в комплексе с остальными методами способствуют лучшему усвоению языка, развивая навыки восприятия на слух, обогащая словарный запас и улучшая произношение, способствуя лучшему пониманию и запоминанию лексики и грамматических структур. Также видео на разнообразные культурологические аспекты повышают

интерес студентов к изучаемому языку. Видео с интервью с профессионалами и фрагментами лекций позволяют студентам видеть применение языка в их будущей профессии. У студентов формируется привычка постоянного просмотра иноязычного видеоконтента, которая в результате повышает их уверенность в своих силах овладевать языком и таким образом способствует повышению мотивации к изучению языка.

Методология исследования

В исследовании приняли участие 200 студентов 1 и 2 курсов МГТУ им. Н.Э. Баумана, обучающихся на факультете «Машиностроительные технологии». Все участники были опрошены в сентябре 2024 г., затем в течение 9 месяцев они через день получали англоязычные ролики в Телеграм-группу, и в конце мая 2025 г. эти же студенты были опрошены повторно. Видео публиковались в Телеграм-группе «English Ascent» (https://t.me/EnglishVideos4MT) автора статьи для более чем 200 студентов. Публикуемые видео были представлены по следующим темам: искусство (живопись, кино, музыка), страноведение (традиции, обычаи, достопримечательности), психология (мотивационные видео, способы более эффективного обучения, релаксация, логотерапия), зарисовки о природе и животных, здоровый образ жизни, астрономия, полёты в космос, английский язык (способы изучения, акценты).

Для оценки динамики мотивации нами была использована адаптированная русскоязычная версия опросника AMTB (Attitude / Motivation Test Battery) Р. Гарднера, направленная на диагностику инструментального и интегративного типов мотивации у студентов неязыковых специальностей. Опросник из 15 вопросов охватывал три основных аспекта мотивации: внутренняя мотивация (интерес, удовольствие от процесса); внешняя мотивация (карьерные перспективы, практическая необходимость); поведенческие индикаторы (готовность к активным действиям, преодоление языкового барьера). Студенты оценивали своё состояние по 6-балльной шкале Лайкерта (1 – полностью не согласен, 6 – полностью согласен) дважды: до начала эксперимента и через 9 месяцев [2].

Результаты исследования

Детальный анализ результатов по каждому вопросу:

Вопрос 1: «Мне бы хотелось выучить несколько иностранных языков»: 3,4 → 4,26 (+25,3%). Значительное увеличение показателя свидетельствует о расширении языковых амбиций студентов. Систематический контакт с аутентичным англоязычным контентом не только укрепил мотивацию к изучению английского, но и актуализировал интерес к изучению иностранных языков в целом.

Вопрос 2: «Я редко волнуюсь, когда отвечаю на уроке иностранного языка»: 3,63 → 4,5 (+24%) - один из самых значительных приростов в исследовании. Снижение языковой тревожности – критически важный фактор успешного овладения иностранным языком. Регулярный пассивный контакт с английской речью в комфортной, неоценочной среде Telegram-канала способствовал привыканию к звучанию языка, снижению страха перед непониманием, формированию уверенности в собственных языковых способностях. Этот результат особенно значим для технических вузов, где языковая тревожность традиционно выше из-за фокуса на точных науках.

Вопрос 3: «Я расстроюсь, если долгое время не буду слушать настоящую английскую речь»: 2,27 → 3,3 (+45,4%) – максимальный относительный прирост среди всех вопросов. Изначально низкий показатель (2,27) свидетельствовал о том, что студенты не испытывали потребности в регулярном контакте с аутентичной английской речью. В конце учебного года сформировалась привычка и потребность в англоязычном контенте. Это классический признак интериоризации мотивации – внешняя стимуляция (контент в канале) трансформировалась во внутреннюю потребность.

Вопрос 4: «Для меня изучение английского языка необходимо, чтобы легче общаться с англоговорящими друзьями/коллегами»: 3,23 → 3,8 (+17,6%) – умеренный, но стабильный рост. Студенты начали конкретизировать

практическую ценность английского языка, переводя абстрактную необходимость в плоскость реальных коммуникативных ситуаций. Видеоконтент демонстрировал живое общение, что усилило осознание коммуникативной функции языка.

Вопрос 5: «Я бы хотел изучить все аспекты английского языка: грамматику, фонетику, лексику»: 4,1 → 4,3 (+4,9%) – минимальный прирост при изначально высоком уровне, указывает на то, что академическая мотивация у студентов технического вуза была достаточно высокой изначально (4,1 из 6). Небольшое увеличение свидетельствует о том, что эксперимент не снизил, а поддержал системный подход к изучению языка, несмотря на неформальный формат контента.

Вопрос 6: «Я получаю удовольствие от изучения иностранного языка»: 3,3 → 4,5 (+36,4%) – второй по величине абсолютный прирост, критически важный показатель внутренней мотивации. Переход от нейтральной позиции (3,3) к выраженному согласию (4,5) демонстрирует, что формат коротких видео в социальной сети снизил когнитивную нагрузку, сделал процесс обучения менее формальным, интегрировал обучение в привычную цифровую среду студентов. Удовольствие от процесса – ключевое условие долгосрочной устойчивости мотивации.

Вопрос 7: «Я стараюсь понять все английские слова, которые я слышу или читаю»: 4,0 → 4,7 (+17,5%) – высокий изначальный уровень (4,0) вырос до очень высокого (4,7), что свидетельствует о развитии метакогнитивной стратегии внимательности к языковому материалу. Регулярная экспозиция к аутентичному контенту сформировала привычку к активному, а не пассивному восприятию английской речи.

Вопрос 8: «Мне необходимо выучить английский для моей будущей карьеры»: 4,1 → 4,3 (+4,9%) - стабильно высокий показатель с минимальным приростом. Инструментальная мотивация у студентов технического вуза была сильной изначально и осталась на высоком уровне. Эксперимент не был направлен на усиление карьерной мотивации, но важно, что он не снизил её, что могло бы произойти при чрезмерной геймификации.

Вопрос 9: «Я предпочитаю читать интернет-сайты на английском языке»: 2,4 → 3 (+25%) – переход от несогласия (2,4) к нейтральной позиции (3,0), относительный рост, указывающий на снижение порога входа в англоязычный контент. Студенты стали более открыты к самостоятельному потреблению английского контента за пределами учебной программы.

Вопрос 10: «Я всегда анализирую свои ошибки, когда получаю результаты контрольной работы по английскому»: 4,1 → 4,3 (+4,9%) – высокий стабильный показатель рефлексивной компетенции. Студенты технического вуза демонстрируют системный подход к обучению, что характерно для их профиля. Эксперимент поддержал эту тенденцию.

Вопрос 11: «Я бы хотел, чтобы меня чаще спрашивали на уроках английского»: 2,63 → 3,19 (+21,3%) – переход от несогласия к нейтральной позиции. Рост показателя свидетельствует о снижении избегающего поведения и повышении готовности к активной коммуникации, что коррелирует с результатами вопроса 2 (снижение тревожности).

Вопрос 12: «Если бы я мог, я бы тратил больше времени на изучение английского»: 3,68 → 4,4 (+19,6%) – существенный рост готовности к временным инвестициям в изучение языка, что проявляет мотивацию: студенты готовы не только декларировать интерес, но и выделять ресурсы (время) на обучение.

Вопрос 13: «Сейчас трудно найти хорошую работу, если не знаешь английского языка»: 3,5 → 3,8 (+8,6%) – умеренный рост при среднем изначальном уровне. показателя осознания рыночной ценности английского языка. Эксперимент укрепил понимание практической значимости языковой компетенции для профессиональной реализации.

Вопрос 14: «Я предпочитаю смотреть англоязычные фильмы в оригинале: 2,05 → 3,1 (+51,2%) – максимальный относительный

прирост (более 50%). Изначально самый низкий показатель (2,05) вырос до нейтрального (3,1), что демонстрирует радикальное изменение медиапредпочтений. Студенты, привыкшие к субтитрам и дубляжу, начали воспринимать оригинальную английскую речь как приемлемый и желательный вариант – прямое следствие регулярной экспозиции к аутентичному видеоконтенту.

Вопрос 15: «Для меня недостаточно выучить только основы английского языка»: 3,67 → 4,2 (+14,4%) – рост показателя уровня притязаний в изучении языка. Студенты перешли от установки на минимальную достаточность к стремлению к более глубокому овладению языком.

Средний прирост по всем 15 вопросам +0,65 балла (+19,8%). Все без исключения показатели демонстрируют положительную динамику, что свидетельствует о системном позитивном влиянии образовательного контента в социальных сетях на мотивацию студентов технического вуза.

Кластерный анализ результатов

Кластер 1: Максимальный прирост (более +0,8 балла)

- Вопрос 3: +1,03 (потребность в англоязычной речи)
- Вопрос 14: +1,05 (предпочтение оригинального контента)
- Вопрос 6: +1,2 (удовольствие от изучения)
- Вопрос 2: +0,87 (снижение тревожности)
- Вопрос 1: +0,86 (расширение языковых амбиций)

Интерпретация: Наибольшее влияние эксперимент оказал на аффективно-эмоциональную сферу и медиапредпочтения. Студенты не только начали получать удовольствие от изучения языка, но и сформировали устойчивую потребность в англоязычном контенте.

Кластер 2: Средний прирост (0,5-0,8 балла)

- Вопрос 12: +0,72 (готовность тратить время)
- Вопрос 7: +0,7 (внимательность к языку)
- Вопрос 9: +0,6 (англоязычные сайты)
- Вопрос 4: +0,57 (коммуникативная необходимость)
- Вопрос 11: +0,56 (готовность к активности на уроках)
- Вопрос 15: +0,53 (уровень притязаний)

Интерпретация: Средний прирост наблюдается в поведенческих индикаторах и когнитивных стратегиях. Студенты демонстрируют большую готовность к активным действиям и более глубокому погружению в язык.

Кластер 3: Минимальный прирост (менее 0,5 балла)

- Вопрос 13: +0,3 (рыночная ценность английского)
- Вопрос 5: +0,2 (системное изучение аспектов)
- Вопрос 8: +0,2 (карьерная необходимость)
- Вопрос 10: +0,2 (анализ ошибок)

Интерпретация: Минимальный прирост характерен для показателей, которые изначально были высокими (4,0-4,1) – это вопросы, связанные с инструментальной мотивацией и академической дисциплиной, традиционно сильными у студентов технических вузов.

Ключевые выводы:

1. Трансформация типа мотивации. Наиболее значимый эффект эксперимента - усиление внутренней мотивации при сохранении внешней. Если до эксперимента доминировала инструментальная мотивация (карьера, необходимость), то после девяти месяцев работы с контентом значительно выросла интегративная мотивация (удовольствие, интерес, потребность). Соотношение типов мотивации: внешняя мотивация (вопросы 4, 8, 13): средний прирост +0,29 (+9,7%); внутренняя мотивация (вопросы 1, 3, 6, 14): средний прирост +1,04 (+39,5%). Внутренняя мотивация выросла в 4 раза сильнее внешней, что является крайне благоприятным прогностическим фактором для долгосрочного изучения языка.

2. Преодоление аффективного барьера. Значительное снижение языковой тревожности (вопрос 2: +0,87) в сочетании с ростом удовольствия от процесса (вопрос 6: +1,2) указывает на разрушение негативных ассоциаций с изучением иностранного языка. Для студентов технических вузов, часто испытывающих

стресс при изучении гуманитарных дисциплин, это особенно важный результат.

3. Формирование автономности обучающегося. Рост показателей по вопросам 9 (+0,6), 12 (+0,72) и 14 (+1,05) свидетельствует о развитии самостоятельности в изучении языка. Студенты начали искать англоязычный контент самостоятельно, выражать готовность к дополнительным временным инвестициям, предпочитать аутентичные материалы адаптированным. Это признаки перехода от реактивного к проактивному обучению.

4. Эффект привыкания и нормализации. Драматический рост показателей по вопросам 3 (+1,03) и 14 (+1,05) демонстрирует эффект десенсибилизации к иностранной речи. Регулярная, но ненавязчивая экспозиция к английскому языку в комфортной среде социальной сети привела к тому, что английская речь перестала восприниматься как нечто чуждое и сложное, сформировалась привычка и даже потребность в англоязычном контенте, снизился порог входа в самостоятельное потребление аутентичных материалов.

5. Сохранение академической мотивации. Важно отметить, что при значительном росте внутренней мотивации не произошло снижения академических показателей (вопросы 5, 10). Студенты продолжают ценить системное изучение языка и рефлексию над ошибками. Это опровергает опасения, что неформальный контент в социальных сетях может подменить собой серьезное академическое обучение.

На основе полученных данных можно выделить следующие механизмы позитивного влияния образовательного контента в социальных сетях:

1. Микрообучение (microlearning). Короткие видео (1-2 минуты) снижают когнитивную нагрузку и делают обучение менее утомительным, что особенно важно для студентов с высокой академической нагрузкой.

2. Интеграция в цифровую среду. Размещение образовательного контента в привычной для студентов среде социальной сети снимает психологический барьер между «учебой» и «жизнью», способствуя естественной интеграции языка в повседневность.

3. Регулярность без принуждения. Частота публикаций (раз в 2-3 дня) создает ритм, достаточный для поддержания контакта с языком, но не вызывающий перегрузки или отторжения.

4. Аутентичность материала. Использование реальных англоязычных видео (а не учебных материалов) мотивирует к потреблению аналогичного контента за пределами канала.

5. Методическая поддержка. Комментарии преподавателя к видео обеспечивают scaffolding (поддерживающую структуру), помогая студентам не просто смотреть, но и осмысливать материал в контексте программы вуза.

6. Добровольность участия. Отсутствие оценочного компонента и обязательности снижает тревожность и позволяет студентам взаимодействовать с контентом в комфортном темпе.

Средний прирост +0,65 балла при стандартном отклонении результатов от +0,2 до +1,2 балла демонстрирует устойчивый позитивный тренд по всем измеряемым параметрам. Отсутствие отрицательной динамики хотя бы по одному показателю указывает на системный характер влияния.

Наиболее чувствительные к воздействию параметры:

1) Эмоциональное отношение к языку (среднее +1,03);

2) Медиапредпочтения (среднее +0,83);

3) Поведенческая готовность (среднее +0,61).

Наименее чувствительные параметры:

1) Инструментальная мотивация (среднее +0,25);

2) Академическая дисциплина (среднее +0,20).

Такая статистическая значимость результатов логична, так как эксперимент был направлен на аффективную и поведенческую сферы, а не на изменение представлений о карьерной ценности языка.

Практические рекомендации

Для преподавателей иностранных языков в технических вузах:

1. Интегрировать образовательный контент в социальные сети, привычные для студентов (Telegram, VK), как дополнение к аудиторным занятиям.

2. Использовать формат микрообучения (1-3 минуты видео) для снижения когнитивной нагрузки и повышения регулярности контакта с языком.

3. Обеспечивать методическую поддержку аутентичных материалов через комментарии, связывающие контент с учебной программой.

4. Поддерживать регулярность публикаций (оптимально – раз в 2-3 дня) без создания ощущения обязательности и оценочности.

5. Фокусироваться на аффективной сфере: выбирать материалы, которые могут вызвать интерес, удивление, эмоциональный отклик, а не только дидактическую ценность.

Для администрации вузов:

1. Поддерживать инициативы преподавателей по созданию образовательных каналов в социальных сетях как часть цифровой образовательной среды вуза.

2. Учитывать работу над образовательным контентом в социальных сетях при оценке педагогической нагрузки преподавателей.

3. Организовывать обмен опытом между преподавателями по созданию эффективного образовательного контента для социальных сетей.

Для дальнейших исследований:

1. Изучить долгосрочные эффекты (12-24 месяца) систематического просмотра образовательного контента на академическую успеваемость и языковую компетенцию.

2. Исследовать оптимальную частоту и длительность образовательного контента для различных уровней языковой подготовки.

3. Сравнить эффективность различных платформ (Telegram, VK) для размещения образовательного контента.

4. Изучить влияние интерактивных элементов (опросы, задания, обсуждения) на мотивацию и вовлеченность студентов.

Заключение

1. Систематический просмотр коротких образовательных видео на английском языке в формате Telegram-канала оказывает значительное позитивное влияние на мотивацию студентов технического вуза к изучению иностранного языка. Средний прирост мотивационных показателей составил 19,8%.

2. Наибольший эффект наблюдается в сфере внутренней мотивации (рост на 39,5%), что является ключевым фактором долгосрочной устойчивости учебной мотивации.

3. Формат социальных сетей эффективно снижает аффективные барьеры (тревожность, страх, отчуждение), традиционно препятствующие изучению иностранных языков студентами технических специальностей.

4. Регулярная экспозиция к аутентичному контенту формирует автономность обучающегося и готовность к самостоятельному потреблению англоязычных материалов.

5. Неформальный образовательный контент не подменяет, а дополняет академическое обучение, сохраняя ценность системного подхода к изучению языка.

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что образовательный контент в социальных сетях является эффективным инструментом повышения мотивации студентов технических вузов к изучению иностранных языков. Ключевые факторы успеха – регулярность, аутентичность, краткость, методическая поддержка и интеграция в привычную цифровую среду студентов. Особенно значимо, что этот подход работает именно с внутренней мотивацией - формирует интерес, удовольствие и потребность в языке, а не только усиливает осознание его инструментальной ценности. Это создает основу для устойчивого, самостоятельного и пожизненного изучения иностранных языков, что особенно важно в условиях стремительной глобализации профессиональной среды. Результаты исследования могут быть использованы для модернизации методики преподавания иностранных языков в технических вузах с учетом цифровых привычек и психологических особенностей современных студентов.

Библиографический список

1. Данильченко Т.Ю. К вопросу об инновации в преподавании иностранного языка как одного из аспектов формирования творческого мышления у школьников // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар. 2019. – С. 174-177.

2. Асмоловская М.В. Интегративные технологии развития мотивации к изучению иностранного языка у студентов непрофильных направлений подготовки: дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / Асмоловская Мария Владимировна. – Казань, 2021. – 307 с.

ENHANCING ENGLISH LANGUAGE LEARNING MOTIVATION AMONG TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS THROUGH SOCIAL MEDIA VIDEO CONTENT

N.V. Zharova, *Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*
Bauman Moscow State Technical University
(Russia, Moscow)

Abstract. *This article examines the impact of systematic exposure to English-language videos within the author's Telegram group "English Ascent" (https://t.me/EnglishVideos4MT) on the language learning motivation of first- and second-year undergraduate students at the Faculty of Machinery Technologies, Bauman Moscow State Technical University. The study is based on the analysis of empirical data collected through surveys conducted at the beginning and the end of the academic year. The nine-month experiment involving 200 students demonstrated that digital microlearning contributes to a 39.5% increase in integrative motivation, significantly reduces foreign language anxiety, and fosters learner autonomy. This method proves to be an effective supplement to traditional academic training of technical specialists.*

Keywords: *instrumental motivation; integrative motivation; language anxiety; microlearning; scaffolding; media preferences.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ХИМИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ, ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И АДАПТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Д.Т. Исакова[1], *PhD, доцент*
С.Д. Аронбаев[2], *д-р хим. наук, профессор*
Л.Ш. Низамиева[2], *студент*
Д.М. Аронбаев[2], *канд. хим. наук, доцент*
[1]Самаркандский государственный педагогический институт
[2]Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова
[1,2](Узбекистан, г. Самарканд)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-239-245

Аннотация. *В статье рассмотрены современные инновационные подходы к преподаванию химии в условиях цифровой трансформации образования. Проведен анализ проблемно-ориентированного, адаптивного, игрового, проектного и смешанного обучения, а также применения виртуальных лабораторий, интерактивных платформ и мультимедийных средств визуализации химических процессов. Показано, что переход от традиционной репродуктивной модели обучения к исследовательско-коммуникативной парадигме способствует формированию критического мышления, повышению учебной мотивации и развитию исследовательских компетенций учащихся. Особое внимание уделено использованию цифровых симуляторов, виртуального эксперимента и персонализированных образовательных траекторий. Представлены авторские примеры интеграции инновационных технологий в преподавание тем «Электролитическая диссоциация», «Органическая химия», «Химическая кинетика» и «Электрохимические процессы». Установлено, что комбинированное использование цифровых платформ, проблемного обучения и проектной деятельности способствует увеличению качества усвоения материала, росту самостоятельности обучающихся и развитию навыков межпредметного анализа. Показано, что интеграция STEM-технологий и интерактивных цифровых ресурсов обеспечивает повышение качества усвоения учебного материала в среднем на 20-35%, а применение игровых методик и проектной деятельности способствует росту учебной вовлеченности и устойчивого интереса к изучению химии на 15-30%. Обозначены перспективы применения искусственного интеллекта, адаптивных платформ и гибридных форм обучения в системе химического образования.*

Ключевые слова: *химическое образование; цифровые технологии; виртуальная лаборатория; STEM; адаптивное обучение; проблемное обучение; игровые технологии; мультимедийное сопровождение.*

Современное химическое образование развивается в условиях интенсивной цифровизации и интеграции междисциплинарных образовательных подходов. Традиционная модель преподавания, основанная преимущественно на воспроизведении готовых знаний, уже не обеспечивает необходимого уровня подготовки учащихся к деятельности в высокотехнологичном обществе. В связи с этим особую актуальность приобретают технологии, ориентированные на развитие исследовательского мышления, самостоятельного анализа информации и способности к решению комплексных практических задач [1-3].

В последние годы существенно возрос интерес к применению виртуальных лабораторий, цифровых образовательных платформ и интерактивных симуляторов. Использование подобных средств позволяет не только повысить наглядность учебного процесса, но и существенно расширить возможности школьного химического эксперимента. Например, моделирование процессов электролиза, молекулярной геометрии или кинетики химических реакций в цифровой среде способствует формированию пространственного и системного мышления учащихся [4, 5].

Дополнительное значение приобретают технологии проблемного и проектного обучения. Постановка исследовательских задач, связанных с экологическими проблемами, переработкой отходов, анализом качества воды или

изучением состава пищевых продуктов, способствует развитию практико-ориентированных компетенций и формированию устойчивой познавательной мотивации [6].

Современные исследования показывают, что интеграция STEM-подходов и цифровых инструментов обеспечивает рост качества усвоения химического материала в среднем на 20-35% по сравнению с традиционными методами обучения [7, 8]. Особую роль при этом играют адаптивные системы обучения (АСО), позволяющие учитывать индивидуальные образовательные траектории и уровень подготовки учащихся [9].

Цель исследования – провести комплексный анализ современных инновационных технологий в обучении химии, включая проблемно-ориентированное, STEM- и адаптивное обучение, виртуальные лаборатории, игровые и цифровые образовательные платформы, а также оценить их влияние на формирование исследовательских компетенций, критического мышления, учебной мотивации и качества усвоения химических знаний обучающимися.

Материалы и методы

В исследовании использованы методы сравнительного педагогического анализа, контент-анализа современных публикаций 2020-2026 гг., элементы педагогического моделирования и обобщения практического опыта преподавания химии.

Анализировались публикации в следующих журналах: Journal of Chemical Education; Chemistry Education Research and Practice; Education Sciences; Applied Sciences; International Journal of STEM Education.

В качестве объектов исследования рассматривались следующие инновационные технологии:

- проблемно-ориентированное обучение (PBL);
- игровые методики;
- виртуальные химические лаборатории;
- адаптивные цифровые платформы;
- мультимедийные средства обучения;
- смешанное обучение;
- проектная деятельность;
- STEM- и STEAM-подходы.

Для оценки эффективности технологий анализировались:

- уровень успеваемости;
- степень вовлеченности учащихся;
- результаты итогового контроля;
- динамика познавательной активности;
- показатели самостоятельной исследовательской деятельности.

Результаты и обсуждение

Проблемно-ориентированное обучение

Проблемное обучение является одним из наиболее эффективных способов развития исследовательского мышления учащихся. В отличие от традиционной модели, ориентированной на передачу готовых знаний, проблемный подход предполагает самостоятельный поиск решения и построение логических выводов.

Например, при изучении темы «Ароматические углеводороды» учащимся предлагается объяснить противоречие между структурной формулой бензола Кекуле и его химическими свойствами. После демонстрации отсутствия взаимодействия бензола с бромной водой формируется проблемная ситуация, требующая поиска объяснения устойчивости ароматической системы.

Дополнительно могут использоваться экологические кейсы:

- моделирование кислотных дождей;
- анализ загрязнения водоемов нитратами;
- исследование влияния тяжелых металлов на окружающую среду.

Такие задания развивают навыки анализа, интерпретации данных и межпредметного мышления [9].

В таблице 1 приводится сравнение эффективности применения различных инновационных технологий в обучении химии.

Таблица 1. Эффективность различных инновационных технологий обучения химии

Технология	Основная цель	Педагогический эффект	Рост успеваемости
Проблемное обучение	Развитие критического мышления	Формирование исследовательских навыков	18-25%
Виртуальные лаборатории	Безопасное моделирование опытов	Улучшение визуализации	20-30%
Игровые технологии	Повышение мотивации	Рост вовлеченности	15-20%
Адаптивное обучение	Индивидуализация	Дифференциация сложности	22-35%
STEM-подход	Межпредметная интеграция	Развитие инженерного мышления	25-40%

Цифровые технологии и виртуальные лаборатории

Развитие цифровых платформ существенно расширило возможности преподавания химии. Виртуальные лаборатории позволяют моделировать процессы, которые невозможно провести в условиях школьного кабинета из-за высокой стоимости оборудования или требований безопасности [10-12].

Особенно эффективны цифровые симуляторы при изучении: электрохимии; строения молекул; органических реакций; термохимии; химической кинетики.

Например, виртуальное моделирование взаимодействия щелочных металлов натрия и калия с водой позволяет детально рассмотреть механизм реакции без риска для учащихся. Аналогично могут демонстрироваться процессы горения водорода, электролиза растворов и реакции концентрированных кислот [10].

Использование 3D-моделей молекул улучшает понимание пространственного строения органических соединений. Практика показывает, что учащиеся значительно быстрее усваивают понятия гибридизации, изомерии и пространственной конфигурации при использовании интерактивных визуализаций [13].

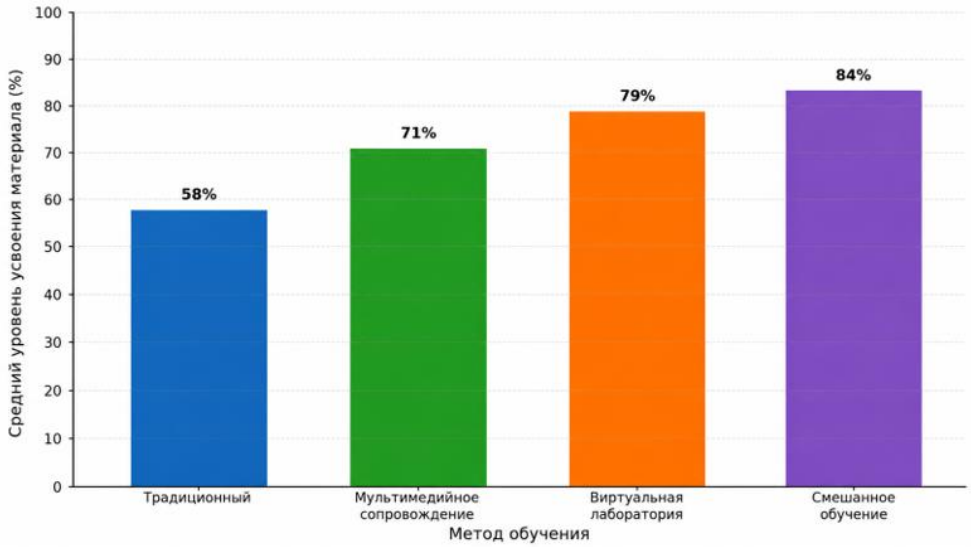

Рис. 1. Диаграмма изменения качества знаний при внедрении цифровых технологий

Игровые технологии

Игровые методики обеспечивают формирование эмоционально-положительной образовательной среды и значительно повышают мотивацию учащихся [14, 15].

Практика показывает, что наиболее эффективными формами являются: деловые игры; химические квесты; уроки-соревнования; брейн-ринги; ролевые экологические проекты.

Например, в рамках деловой игры «Экологическая экспертиза химического предприятия» учащиеся выполняют роли экологов, аналитиков, технологов и представителей контролирующих организаций. Такая форма работы способствует развитию коммуникативных навыков и системного мышления [16, 17].

При изучении темы «Химическая кинетика» может использоваться игровой сценарий расследования причин промышленной аварии,

связанной с нарушением температурного режима реактора. Учащиеся анализируют влияние температуры, концентрации реагентов и катализаторов на скорость реакции.

Адаптивное обучение и персонализация

Современные адаптивные платформы позволяют выстраивать индивидуальные образовательные траектории [18]. Уровень сложности заданий автоматически корректируется в зависимости от результатов учащегося.

Особенно эффективен данный подход при изучении:

- расчетных задач;
- химического равновесия;
- термохимии;
- окислительно-восстановительных реакций.

Использование разноуровневых заданий способствует снижению тревожности учащихся и повышению уверенности в собственных возможностях.

Таблица 2. Пример разноуровневых заданий по теме «Электролитическая диссоциация»

Уровень	Тип задания	Пример
Базовый	Репродуктивный	Определить степень диссоциации
Средний	Аналитический	Объяснить различие сильных и слабых электролитов
Высокий	Исследовательский	Смоделировать изменение электропроводности раствора

STEM-подход и проектное обучение

Интеграция химии с физикой, биологией, экологией и инженерными дисциплинами способствует формированию комплексного научного мировоззрения [19, 20].

Примеры проектной деятельности:

- анализ качества питьевой воды;
- исследование кислотности почв;
- определение содержания нитратов в овощах;
- моделирование процессов очистки сточных вод;
- разработка экологически безопасных упаковочных материалов.

Такие проекты позволяют связать теоретические знания с реальными практическими задачами.

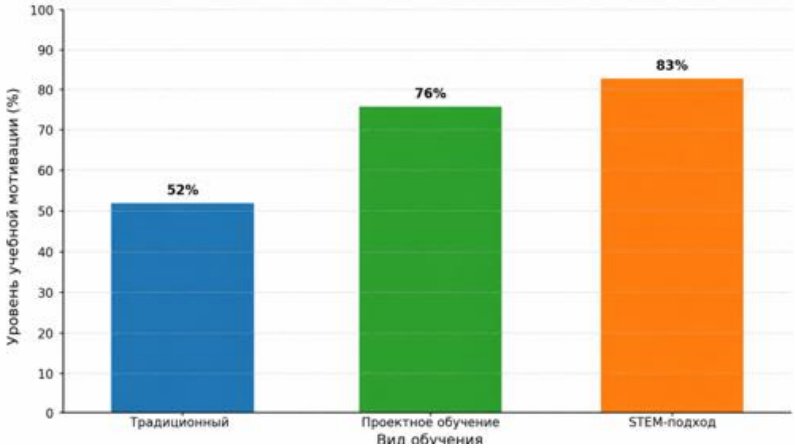

Рис. 2. Диаграмма влияния проектного обучения на мотивацию учащихся

Искусственный интеллект и цифровая аналитика

Одним из наиболее перспективных направлений является использование систем искусственного интеллекта в обучении химии [21, 22]. Современные платформы способны:

- анализировать ошибки учащихся;
- формировать индивидуальные рекомендации;
- подбирать задания различной сложности;
- прогнозировать уровень усвоения материала.

Дополнительно ИИ-инструменты позволяют генерировать интерактивные модели молекул, создавать виртуальные эксперименты и автоматизировать проверку расчетных задач.

Однако использование подобных технологий требует развития цифровой грамотности преподавателей и критической оценки

достоверности автоматически генерируемой информации.

Заключение

Инновационные технологии существенно трансформируют современное химическое образование, переводя его от информационно-репродуктивной модели к исследовательско-коммуникативной образовательной парадигме. Интеграция проблемного обучения, цифровых платформ, виртуальных лабораторий, STEM-подходов и адаптивных систем обеспечивает формирование критического мышления, развитие исследовательских компетенций и повышение учебной мотивации учащихся.

Установлено, что наиболее высокой эффективностью обладают комбинированные модели обучения, сочетающие элементы проектной деятельности, цифрового сопровождения и практико-ориентированных заданий. Использование виртуального эксперимента значительно расширяет возможности демонстрации химических процессов и повышает безопасность учебного процесса.

Показано, что игровые технологии и персонализированные образовательные траектории способствуют росту вовлеченности обучающихся и формированию устойчивого интереса к изучению химии. Дополнительные перспективы связаны с внедрением систем искусственного интеллекта, аналитических платформ и интеллектуальных образовательных сред.

Таким образом, развитие инновационных педагогических технологий является одним из ключевых направлений модернизации химического образования и подготовки учащихся к профессиональной деятельности в условиях высокотехнологичного общества.

Библиографический список

1. Mitarlis I.S., Rahayu S., Sutrisno. The effectiveness of new inquiry-based learning for improving higher-order thinking skills of prospective chemistry teachers // European Journal of Educational Research. – 2020. – Vol. 9, № 3. – P. 1309-1325. – DOI: 10.12973/eu-jer.9.3.1309.

2. Gazali F., Rahayu S., Munzil M. Systematic literature review on the application of Problem-Based Learning model in chemistry education // Eclética Química. – 2025. – Vol. 50. – P. e15988. – DOI: 10.26850/1678-4618.eq.v50.2025.e15988.

3. Peña-Martínez J., Li M., Cano-Ortiz A. Reimagining Chemistry Education Through TikTok and Digital Portfolios // Applied Sciences. – 2025. – Vol. 15. – P. 7711. – DOI: 10.3390/app15147711.

4. Hagos T., Lemma A. Problem-based learning with scaffolding assisted by mobile technology in chemistry education // Chemistry Education Research and Practice. – 2026. – Vol. 27. – P. 185-212. – DOI: 10.1039/D5RP00209E.

5. Weymuth T., Reiher M. Immersive Interactive Quantum Mechanics for Teaching and Learning Chemistry // Journal of Chemical Physics. – 2020. – DOI: 10.48550/arXiv.2011.03256.

6. Rüschenpöhler L., Schneider M., Markic S. Secondary School Teachers' Beliefs about Culture in Chemistry Class // Journal of Chemical Education. – 2024. – Vol. 101, № 10. – P. 4083-4092. – DOI: 10.1021/acs.jchemed.4c00404.

7. Suciana D., Hartinawati, Sausan I., Meliza. A Meta-Analysis Study: The Effect of Problem Based Learning Integrated with STEM on Learning Outcomes // European Journal of Education and Pedagogy. – 2023. – Vol. 4, № 2. – P. 133-138. – DOI: 10.24018/ejedu.2023.4.2.619.

8. Suherman S., Vidákovich T., Mujib M., Hidayatulloh H., Andari T., Susanti V.D. The Role of STEM Teaching in Education: An Empirical Study to Enhance Creativity and Computational Thinking // Journal of Intelligence. – 2025. – Vol. 13, № 7. – P. 88. – DOI: 10.3390/jintelligence13070088.

9. Orgill M., York S., MacKellar J. Introduction to Systems Thinking for the Chemistry Education Community // Journal of Chemical Education. – 2019. – Vol. 96, № 12. – P. 2720–2729. – DOI: 10.1021/acs.jchemed.9b00169.

10. Kayumov J., Usmanov D., Yusupova U., Smanova Z., Rasulev B. Exploring Chemistry in Virtual Reality: A Comparative Analysis of VR Simulations for Chemistry Education // Applied Sciences. – 2025. – Vol. 15. – P. 13254. – DOI: 10.3390/app152413254.

11. Chiu A., Linn M. Interactive visualization and chemistry learning outcomes // Journal of Chemical Education. – 2021. – Vol. 98. – P. 2251-2260. – DOI: 10.1021/acs.jchemed.1c00185.

12. Alhashem F., Alfailakawi A. Technology-enhanced learning through virtual laboratories in chemistry education // Contemporary Educational Technology. – 2023. – Vol. 15, № 4. – Article ep474. – DOI: 10.30935/cedtech/13739.

13. Ali N., Ullah S. Review to analyze and compare virtual chemistry laboratories for their use in education // Journal of Chemical Education. – 2020. – Vol. 97, № 10. – P. 3563-3574. – DOI: 10.1021/acs.jchemed.0c00185.

14. Elmali S., Yaman F. A systematic literature review of game-based approaches in chemistry education (2014-2024) // Chemistry Education Research and Practice. – 2026. – Vol. 27. – DOI: 10.1039/D5RP00248F.

15. Kalogiannakis M., Papadakis S., Zourmpakis A.-I. Gamification in Science Education. A Systematic Review of the Literature // Education Sciences. – 2021. – Vol. 11. – P. 22. – DOI: 10.3390/educsci11010022.

16. Lutfi A., Aftinia F., Permani B.E. Gamification: Game as a medium for learning chemistry to motivate and increase retention of students' learning outcomes // Journal of Technology and Science Education. – 2023. – Vol. 13, № 1. – P. 193-207. – DOI: 10.3926/jotse.1842.

17. López-Fernández M.D.M., Cano-Iglesias M.J., Franco-Mariscal A.J. Chemistry inquiry conducted by secondary school students to foster sustainability awareness // RSC Sustainability. – 2025. – Vol. 3. – P. 3997-4019. – DOI: 10.1039/D5SU00176E.

18. Martin P.P., Kubsch M., Yik B.J., Burlingham B.T., Graulich N. Adaptive, but equitable? Exploring the impact of machine learning-based adaptive support on educational debts in undergraduate chemistry // Science Education. – 2026. – Vol. 110, № 3. – P. 928. – DOI: 10.1002/sce.70042.

19. Ijirana A.S., Supriadi M. Critical thinking skills of chemistry education students in team project-based STEM-metacognitive skills learning during the COVID-19 pandemic // Journal of Technology and Science Education. – 2022. – Vol. 12, № 2. – P. 397-409. – DOI: 10.3926/jotse.1697.

20. Smith K., Maynard N., Berry A., Stephenson T., Spiteri T., Corrigan D., Mansfield J., Ellerton P., Smith T. Principles of Problem-Based Learning (PBL) in STEM Education: Using Expert Wisdom and Research to Frame Educational Practice // Education Sciences. – 2022. – Vol. 12, № 10. – DOI: 10.3390/educsci12100728.

21. dos Santos R.P. Enhancing Chemistry Learning with ChatGPT and Bing Chat // Education Sciences. – 2023. – DOI: 10.48550/arXiv.2305.11890.

22. Kim J., Cho H., Jeon H., Jung J., Han S. Reactive Machine Learning Interatomic Potentials for Chemistry and Materials Science // Chemical Reviews. – 2026. – Vol. 126, № 8. – P. 4467-4510. – DOI: 10.1021/acs.chemrev.5c00728.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN CHEMISTRY EDUCATION: MODERN APPROACHES, DIGITAL TOOLS, AND ADAPTIVE MODELS

D.T. Isakova[1], *PhD, Associate Professor*
S.D. Aronbaev[2], *Doctor of Chemical Sciences, Professor*
L.Sh. Nizamieva[2], *Student*
D.M. Aronbaev[2], *Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor*
[1]Samarkand State Pedagogical Institute
[2]Samarkand State University named after Sh. Rashidov
[1,2](Uzbekistan, Samarkand)

Abstract. *The article examines contemporary innovative approaches to teaching chemistry in the context of the digital transformation of education. An analysis was carried out of problem-based, adaptive, game-based, project-based, and blended learning methods, as well as the application of virtual laboratories, interactive platforms, and multimedia tools for the visualization of chemical processes. It is demonstrated that the transition from a traditional reproductive model of instruction to a research-oriented and communicative educational paradigm contributes to the development of critical thinking, increased learning motivation, and the enhancement of students' research competencies. Particular attention is given to the use of digital simulators, virtual experiments, and personalized learning pathways. The paper presents original examples of integrating innovative technologies into the teaching of the topics "Electrolytic Dissociation", "Organic Chemistry", "Chemical Kinetics", and "Electrochemical Processes". It was established that the combined use of digital platforms, problem-based instruction, and project-oriented activities improves the quality of knowledge acquisition, increases students' independence, and develops interdisciplinary analytical skills. The integration of STEM technologies and interactive digital resources was shown to enhance the quality of learning outcomes by an average of 20-35%, while the use of game-based methods and project activities increases student engagement and sustained interest in studying chemistry by 15–30%. Prospects for the application of artificial intelligence, adaptive educational platforms, and hybrid learning models in chemical education are also outlined.*

Keywords: *chemistry education; digital technologies; virtual laboratory; STEM; adaptive learning; problem-based learning; game-based learning technologies; multimedia support.*

ADVANCED STRATEGIES FOR TEACHING NEW VOCABULARY IN SECONDARY SCHOOL ENGLISH LANGUAGE INSTRUCTION

Zh.T. Kadenova, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov
(Kyrgyzstan, Osh)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-246-250

Abstract. *This article focuses on the development of lexical competence among secondary school students in English language classes. The relevance of the study stems from the growing need to enhance the effectiveness of vocabulary acquisition in the context of educational digitalization. The paper explores both traditional and contemporary approaches to vocabulary instruction, emphasizing the use of digital tools, game-based learning, and individualized strategies. The findings of a pedagogical experiment are presented, demonstrating the effectiveness of integrating innovative methods. Practical recommendations are offered for English language teachers to support the expansion of students' active vocabulary.*

Keywords: *English language; vocabulary acquisition; secondary education; digital tools; game-based methods; individualization; pedagogical experiment.*

Mastering vocabulary is the basis for mastering a foreign language. In the context of the digital transformation of education and the growing demands on students' communicative competence, innovative methods and strategies that promote faster and more lasting memorization of new words are becoming particularly relevant.

A strong command of vocabulary is universally acknowledged as a crucial element in learning a foreign language. As linguist David Wilkins aptly noted, "Without grammar very little can be conveyed; without vocabulary nothing can be conveyed," underscoring the paramount importance of vocabulary in language acquisition. In the context of learning English as a foreign language, vocabulary serves as the cornerstone of communicative competence, enabling learners to convey thoughts with accuracy and lexical diversity. One of the core principles of effective vocabulary teaching is explicit instruction, where educators guide learners through detailed explanations and practices of words and word-learning strategies. According to the National Reading Panel, learners should be explicitly taught both target words and strategies for encountering words independently, such as morphological analysis and contextual guesswork. Learning new vocabulary in meaningful contexts helps students form stronger semantic connections. Context-based activities such as pre-learning basic words before reading and semantic matching help students understand the relationship of vocabulary to ideas and usage in real life. Joint classes and communicative tasks contribute to the development of vocabulary, facilitating interaction with peers and their practical use. Strategies such as collaborative word learning projects, collaborative semantic maps, and task-based vocabulary use provide students with the opportunity to discuss meaning, develop language, and consolidate acquired knowledge through communication.

While knowledge of grammatical structures forms the framework of language, the absence of sufficient vocabulary severely restricts students' ability to comprehend texts, participate in dialogues, and complete writing tasks, directly influencing their academic performance.

Amidst ongoing transformations in the educational landscape – such as the implementation of updated curricular standards and the integration of digital technologies—enhancing lexical competence among learners has become increasingly significant. Traditional methods focused on rote memorization are being gradually replaced by communicative and learner-centered approaches, which aim to facilitate both the retention and active application of vocabulary in authentic language use.

The purpose of this article is to examine and substantiate effective pedagogical strategies for teaching new lexical units to secondary school students. The study draws upon theoretical insights and is supported by empirical findings from a pedagogical experiment conducted in a real classroom setting.

Modern research confirms the importance of a systematic approach to vocabulary teaching, including both formal and functional aspects of

students' vocabulary. The active involvement of students in the learning process, the use of multichannel stimuli and the intertextual repetition of words are the main factors for the stable assimilation of new vocabulary.

The research uses methods of analyzing pedagogical literature, comparative analysis of educational strategies and qualitative observation of the use of lexical techniques in the educational practice of secondary schools using digital learning tools.

The conducted research represents a holistic and relevant contribution to the methodology of teaching English in secondary schools with an emphasis on the assimilation of new vocabulary. The scientific novelty of this article is as follows:

1. A systematic combination of modern vocabulary learning strategies, including a contextual approach, the use of digital educational technologies, game methods and the development of strategies for self-study of vocabulary, which allows us to consider the process of vocabulary development as an integral multidimensional phenomenon.

2. Identification and substantiation of the relationship between student motivation and the use of adaptive digital tools, such as interactive mobile applications and platforms with gamification elements, which is confirmed by the latest empirical data in the field of cognitive psycholinguistics and information educational technologies.

3. The proposal of an innovative model for the integration of interdisciplinary connections, where the vocabulary of the English language is considered not only as a separate object of study, but also as a means of developing cognitive and communicative competencies in various academic subjects.

4. Development of practice-oriented recommendations for teachers adapted to the realities of modern schools, which can be effectively integrated into curricula and methodological complexes, which increases the effectiveness of vocabulary teaching.

5. Analysis of the potential of metacognitive strategies when working with the vocabulary of adolescents, allowing them to move from the reproductive assimilation of words to the development of language learning skills.

Thus, the presented research not only summarizes existing methodological approaches, but also makes a significant contribution to the theory and practice of vocabulary teaching, offering new directions for further empirical and applied research.

Lexical competence is one of the key components of students' linguistic competence and represents not only knowledge of words, but also the ability to use them effectively in various communicative situations. Modern methods of teaching English consider vocabulary as a dynamic system that requires constant updating, repetition and active application.

According to I.S.P. Nation (2013), successful vocabulary acquisition should be based on four aspects: the form of a word, its meaning, usage, and memorization strategy. He emphasizes the need for systematic repeated contact of the student with new words in a variety of contexts, which allows for long-term memorization.

Michael Lewis (1993), the author of the lexical approach, suggests focusing not so much on grammatical structures as on stable phrases and phraseological units. He believes that it is precisely such units of speech that form the basis of free and natural communication.

A study conducted by Beck, McKeon, and Cook (2002) highlights the importance of "in-depth" vocabulary study involving working with words at a deeper level, including context analysis, semantic connections, and word formation. Schmitt (2000), in turn, divides lexical strategies into cognitive, metacognitive, and social, each of which plays a role in the development of students' vocabulary.

In the context of secondary school education, the age characteristics of students play an important role: adolescents need active, exciting forms of work that can hold their attention and provide immediate feedback. Here, the elements of gamification, visualization, digital technologies, and interdisciplinary integration become especially relevant.

Thus, the theoretical foundations of effective vocabulary teaching are based on:

- psycholinguistic mechanisms of perception and storage of lexical information;
- the socio-cultural context of the use of words;
- cognitive strategies for processing and reproducing lexical units;
- principles of communicative and activity-based approaches in teaching foreign languages.

Traditional methods such as translation, memorization of word lists and vocabulary dictation provide basic knowledge, but in most cases do not contribute to the transformation of passive vocabulary into active vocabulary. Mechanical reproduction of words without context does not build

students' ability to use vocabulary in natural speech contexts. Modern researchers, in particular S. Schmitt [3] emphasizes that isolated learning of words without context leads to rapid forgetting and limited speech activity.

In contrast, the communicative-contextual approach offers the integration of vocabulary into real-life speech situations. New words are learned through reading texts, role-playing, creating dialogues and discussing life topics. This way of learning allows not only to memorize a word better, but also to realize its functionality in speech. With regular practice learners gain confidence in using the studied vocabulary, which is confirmed by the works of J. Richards [4] and other researchers.

Additional attention is paid to game technologies. They contribute to the creation of a positive emotional atmosphere at the lesson, reduce anxiety and fear of making mistakes, and increase the involvement of students [4]. Effective forms include language quizzes, card and board games, role-playing situations and team competitions. The game form, unlike formal testing, activates intrinsic motivation, making vocabulary learning an exciting process.

One of the most promising directions is the use of digital resources. Platforms such as Quizlet, Kahoot, Wordwall, as well as Duolingo and Lingualeo applications provide interactivity, flexibility and individual approach to the pace of learning [5-7]. Learners can practice vocabulary at a convenient time, track their progress independently, which contributes to autonomous learning and vocabulary consolidation.

Individualization of the learning process is of particular importance. In the context of multilevel classes and differences in the style of information perception, it is necessary to take into account the interests and needs of each pupil. The variability of forms of work, such as oral stories, comics, videos and publications in social networks, allows each pupil to express himself, which increases the importance of the studied vocabulary and forms stable associations.

Independent work plays a key role in building student skills such as self-organization, critical thinking, time management, and responsibility for learning outcomes. It promotes deep learning, broadens the mind, and develops research abilities [5].

The development of socio-cultural competence among foreign language learners is an important aspect of language acquisition in the modern educational context. Middle and high school students are at a critical stage of their cognitive and social development, and acquiring sociocultural competence in a foreign language can significantly improve their language learning experience [8].

Thus, the integration of the communicative-contextual approach, game technologies, digital resources and individualization of learning contributes to the effective acquisition of foreign language vocabulary by secondary school students. These methods not only enrich the vocabulary, but also develop the ability to use vocabulary in real communicative situations, increasing students' general language competence and motivation.

The purpose of the pedagogical experiment was to determine the influence of modern methods on the success of mastering English vocabulary by secondary school students. The experiment was conducted in two eighth-grade classes comprising 48 students. The control group was taught by traditional methods such as translation and memorization of words, whereas the experimental group used communicative, game and digital technologies. The learning process lasted three months and included thematic units: 'Weather and Nature', 'Hobbies and Sports', and 'Travel and Transportation'. Pre- and post-tests, productive speech tasks, delayed testing after four weeks and student questionnaires were used to evaluate the effectiveness.

Currently, a foreign language teacher in secondary school must use various methods, methods and means to conduct classes and organize extracurricular activities, which contributes to the cognitive interest of students at the initial stages of learning a foreign language. While observing the pedagogical practice of students, interviews with school teachers in cities and individual districts help us conduct methodological research [10].

To determine the initial level of lexical competence, both groups underwent a pre-test including 30 lexical units related to the thematic blocks "Weather", "Hobbies", "Travel". Pupils were offered tasks for recognizing words, their use in context, and filling in the gaps in the sentences. Analysis of the pre-test results showed that the average level of vocabulary knowledge in both groups was comparable: 58% in the control group and 60% in the experimental group, which indicates their initial equivalence.

The control group was taught with an emphasis on traditional methods, including translating texts, memorizing vocabulary lists, and performing

lexical exercises from textbooks. The following approaches were used in the experimental group:

1. Communicative approach: Students participated in role-plays, dialogues and discussions that promoted the use of new vocabulary in context.

2. Game techniques: Language quizzes, card games and team competitions were used to increase motivation and engagement.

3. Digital resources: Online platforms such as Quizlet and Kahoot were used for interactive vocabulary learning and repetition.

The data analysis showed that pupils of the experimental group demonstrated significantly better results by all indicators. The final lexical test revealed that 89% of students in the experimental group successfully mastered new vocabulary, while in the control group this indicator amounted to 62%. In productive tasks requiring active use of vocabulary, the experimental group achieved 83% success rate against 54% in the control group.

Especially noteworthy are the results of delayed testing after four weeks: 76% of students in the experimental group retained their knowledge, whereas in the control group – only 48%. This testifies to a longer-term vocabulary acquisition when using modern methods.

The questionnaire survey showed a high level of motivation in the experimental group (92%) compared to the control group (54%). Pupils noted that game and digital technologies made learning more interesting and exciting.

The obtained results are consistent with the data of other studies. For example, in the work devoted to the use of game technologies in vocabulary learning, it is noted that game methods contribute to increasing motivation and learning efficiency. Also, studies show that the use of information and communication technologies, such as specialized programs for vocabulary learning, has a positive impact on the learning process.

The integration of communicative, game and digital technologies in the process of teaching English vocabulary significantly increases the efficiency of learning, promotes long-term memorization and increases students' motivation. It is recommended to introduce these methods into teaching practice to achieve higher educational results.

The study revealed that the integration of modern methods, including communicative approaches, game technologies and digital resources, significantly increases the effectiveness of teaching English vocabulary at secondary school. These methods not only contribute to the expansion of students' active vocabulary, but also increase their motivation and involvement in the learning process.

The integration of advanced strategies for teaching new vocabulary into the school English course contributes not only to increasing the vocabulary of students, but also to the formation of their stable motivation to learn the language. The combination of contextual approach, visual and digital methods, as well as game elements makes learning interesting, dynamic and effective.

The obtained data confirm the need to move away from traditional mechanical memorization of words in favor of more dynamic and interactive forms of learning. Combining different approaches, adapted to individual characteristics and interests of students, provides deeper and more sustainable learning of lexical material.

It is recommended that teachers actively introduce a variety of methods into the practice of teaching a foreign language, taking into account the specifics of their students and available resources. This will help to create a more effective and motivating educational environment conducive to successful foreign language acquisition.

References

1. Brown H.D. Principles of Language Learning and Teaching. – Pearson, 2007.

2. Artemova L.A. Methodology of teaching English at secondary school. – Moscow: Prosveshchenie, 2015.

3. Schmitt N. Vocabulary in Language Teaching. - Cambridge University Press, 2000.

4. Kadenova Zh. The Role of Artificial Intelligence in Organizing Students' Independent Work / Zh. Kadenova // Bulletin of Science and Practice. – 2025. – Vol. 11, № 2. – P. 458-462. – DOI 10.33619/2414-2948/111/57. – EDN NZCAHA.

5. Yüksel H. G., Halıcı, A. Digital Tools in Vocabulary Teaching // Journal of Educational Technology. – 2010. – № 5.

6. Kadenova Zh. Methods of Formation of Socio-Cultural Competence in Teaching English / Zh. Kadenova, D. Egamkulov // Bulletin of Science and Practice. – 2024. – Vol. 10, № 5. – P. 653-657. – DOI 10.33619/2414-2948/102/89. – EDN LAVZES.

7. Godwin-Jones, R. Vocabulary Learning in the Age of Artificial Intelligence // Language Learning & Technology. – 2021. – № 25(3). – P. 1-9.

8. Kadenova Zh. Extracurricular Work as a Means of Motivation to Learn a Foreign Language / Zh. Kadenova // Bulletin of Science and Practice. – 2023. – Vol. 9, № 5. – P. 572-576. – DOI 10.33619/2414-2948/90/77. – EDN ZIPTJA.

ПЕРЕДОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Ж.Т. Каденова, *канд. пед. наук, доцент*
Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б. Сыдыкова (Кыргызстан, г. Ош)

Аннотация. *Статья посвящена формированию лексической компетенции учащихся средней школы на уроках английского языка. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности усвоения лексики в условиях цифровизации образования. Рассматриваются как традиционные, так и современные подходы к обучению лексике, включая использование цифровых технологий, игровых методов и индивидуализации обучения. Приводятся результаты педагогического эксперимента, подтверждающие эффективность интеграции инновационных методик. Сформулированы практические рекомендации для преподавателей английского языка, направленные на развитие активного словарного запаса учащихся.*

Ключевые слова: *английский язык; лексика; школьное образование; цифровые технологии; игровые методы; индивидуализация; педагогический эксперимент.*

ТЕХНИКО-ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МУЖСКОЙ ВОЛЕЙБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ К ВЫПОЛНЕНИЮ СИЛОВОЙ ПОДАЧИ В ПРЫЖКЕ

М.Ф. Камалова, *преподаватель*
Г.А. Бычков, *магистрант*
Югорский государственный университет
(Россия, г. Ханты-Мансийск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-251-256

Аннотация. *В работе представлены результаты педагогического эксперимента по совершенствованию силовой подачи в прыжке у квалифицированных волейболистов мужской команды «ЮГУ-Север» (n = 12). На основе видеоанализа соревновательной деятельности и входного тестирования разработана 12-недельная программа, дифференцирующая структурные и управленческие компоненты подачи. Зафиксирован статистически значимый прирост точности (с 36,1% до 49,5%; p < 0,05), средней скорости мяча (с 92,0 до 100,5 км/ч) и стабильности выполнения задания (с 47,0% до 60,5%; p < 0,05). Сравнительный анализ двух сезонов показал, что улучшение индивидуальных показателей подачи не сопровождается прямым переносом на командный результат (доля побед снизилась с 23,5% до 16,7%), что требует дальнейшей интеграции технической подготовки с тактической реализацией в условиях официальных матчей.*

Ключевые слова: *волейбол; силовая подача; техника; тактика; мужская команда.*

Современный мужской волейбол характеризуется высокой интенсивностью игровых действий, жесткой конкуренцией и постоянным поиском путей оптимизации тренировочного процесса. Силовая подача в прыжке представляет собой один из наиболее эффективных технико-тактических элементов, способных радикально изменить расстановку сил в матче. Овладение этим элементом требует комплексного подхода, включающего биомеханическую точность исполнения, тактическую грамотность применения и специализированную методику подготовки [1].

Проблематика совершенствования силовой подачи в прыжке активно разрабатывается в научной литературе. Исследователи анализируют биомеханические паттерны движения, изучают влияние различных методических подходов на результативность, разрабатывают системы контроля и коррекции техники [2]. Вместе с тем, недостаточно освещены вопросы интеграции технической и тактической составляющих в едином тренировочном процессе применительно к командам мастеров. Степень изученности проблемы показывает, что существует значительный массив работ, посвященных отдельным аспектам подачи в волейболе, однако комплексные программы технико-тактической подготовки к силовой подаче в прыжке для конкретных команд остаются недостаточно представленными [3].

Цель исследования – разработка и обоснование программы технико-тактической подготовки мужской волейбольной команды «ЮГУ-Север» к выполнению силовой подачи в прыжке.

Методика исследования. В эксперименте участвовали 12 волейболистов стартового состава команды «ЮГУ-Север» (кроме либеро), использовались педагогическое наблюдение, видеоанализ с протоколированием качества приёма по 4-балльной шкале и батарея тестов на точность, мощность и стабильность подачи. Скорость мяча измеряли с помощью мобильного радара cSpeed, а биомеханические параметры – в программе Kinovea. Достоверность различий определяли по t-критерию Стьюдента, стабильность выполнения – по формуле отношения успешных подач к общему числу попыток.

Результаты исследования. В играх Первой Лиги Чемпионата России 2025 в период с 10.10.2024 по 11.04.2025 команда «ЮГУ-Север» провела 17 матчей. Из общего количества встреч: побед – 4 (23,5%), поражения – 13 (76,5%).

В играх «ЮГУ-Север» отсутствуют победы с крупным счётом (3:0), при этом две победы были одержаны в пятисетовых встречах. В 13 проигранных матчах команда выиграла 12 партий (суммарно), в 7 матчах команда не

выиграла ни одной партии (сухие поражения), что составляет 53,8% от всех проигранных встреч.

Совместно с исходами игры была выполнена оценка выполнения силовой подачи в прыжке в зависимости от приема ее соперником. В дальнейшем это позволит увидеть, за счёт чего именно выросла эффективность: из-за увеличения количества прямых очков, или за счёт повышения доли подач, которые создают преимущество в последующей обороне.

При оценке выполнения скоростной подачи в прыжке в зависимости от приема ее соперником доля эйсов и сильного осложнения приемов составила 29%. Высокий процент сильного осложнения приёма (22,2%) говорит способности нарушить построение атакующих действий соперника. Надёжность выполнения подачи оценивается по доле ошибок, которая составляет 13,5%. Допустимый процент ошибок на подаче для мужской команды – меньше 15% [4].

Более половины подач (56%) не создают преимущества и позволяют сопернику организовать атаку в штатном режиме. Это снижает общую эффективность защитных действий команды, так как подача не выполняет функцию первого эшелона обороны. Низкий процент (1,5%) негативной подачи (идеальный прием) является положительным фактором: подача крайне редко приводит к созданию идеальных условий для атаки соперника.

По результатам тестов и видеонаблюдения было выявлено, что разброс результатов чаще связан не с «недостатком силы», а с повторяющимися техническими сбоями в самых чувствительных фазах подачи. В протоколах и видео наиболее часто проявлялись ошибки «в сетку» и «в аут», которые логично объяснялись нестабильным подбросом и нарушением «окна удара» (игрок вынужден компенсировать положение мяча корпусом/кистью, теряя контроль).

Поэтому мы сделали вывод, что исходной задачей подготовки должно стать формирование стабильного подброса и воспроизводимого времени контакта, как основы для дальнейшего роста мощности без увеличения процента ошибок. Так же в ходе наблюдения были выявлены такие ошибки при подаче: подброс «плавает» по высоте и удалению, последний шаг разбега чрезмерно длинный и «гасит» вертикаль прыжка, а приземление выполняется жёстко и/или асимметрично, что повышает риск перегрузок голеностопа, колена и поясницы. Дополнительно страдает тактика: игроки редко меняют направление осознанно и часто «рискуют вслепую».

На основе анализа игра и начального тестирования была разработанная поэтапная программа специальной технико-тактической подготовки квалифицированных волейболистов к выполнению силовой подачи в прыжке которая включала в себя:

- совершенствование структурных навыков движения (формы и механизмы), направленных на однотипность выполнения действий, входящих в состав подготовительной фазы (стандартное начало разбега и подброс мяча с вращением, стандартная поза замаха) и основной фазы (выведения плеча и предплечья «на вертикаль» и т.д.);

- совершенствование навыка точного направления траектории полета мяча (табл. 1).

Таблица 1. Поэтапная программа совершенствования техники скоростной подачи в прыжке

Навыки структурные	Управленческие навыки
1. Движение дистального звена в ударном движении – кисти; в момент удара по мячу.	1. Управление кистью в момент удара по мячу, обеспечивающее: - движение «заклад»; - «удерживание» мяча и направление траектории его полета.
2. Движение звеньев руки, обеспечивающих реализацию биомеханизма «хлест».	2. Движение звеньев бьющей руки, обеспечивающих высокую скорость полета мяча и его направление
3. Движение туловища в ударном движении: - выполнение поворота; - выполнение «перекоса» вращением вокруг сагиттальной оси ОУ.	3. Движение туловища, регулирующее направление полёта мяча (поворот вокруг оси ОУ вперёд и несколько влево).
4. Движение сближения игрока с мячом: - выполнение разбега, подброса и прыжки; - стандартизация позы замаха в прыжке	4. Управление движениями в условиях отсутствия сопротивления соперника при выполнении скоростной подачи в прыжке
5. Комплекс компенсаторных движений в прыжке, направленных на создание оптимального баланса для правильного мягкого приземления.	5. Управление движениями туловища, пояса верхних и нижних конечностей во время снижения и приземления

Она была включена в тренировочный процесс на подготовительном периоде и использовалась на протяжении 12 недель подготовки. В течение этого периода на каждом тренировочном занятии один из 7 составленных комплексов.

По итоговому тестированию зафиксирована положительная динамика по всем ключевым показателям. Сильнее всего выросли точность и стабильность выполнения. Что касается мощности, здесь прирост оказался умеренным – для подготовленной команды это вполне закономерно. Дело в том, что значительная часть улучшения достигается не столько за счёт грубой силы, сколько за счёт отладки техники и сокращения «потерь» в кинематической цепи при ударе.

Точность рассчитывалась как доля попаданий в заданное направление от общего числа попыток при одинаковом объёме подач в каждую зону (табл. 2).

Таблица 2. Динамика точности силовой подачи в прыжке ($p < 0,05$)

Показатель точности	До, %	После, %	Δ, п.п.	tэмп	tкр	Вывод
Попадание в целевую зону 1	38.0	52.5	+14.5	2.28	1.97	p<0,05
Попадание в целевую зону 5	41.5	55.0	+13.5	2.11	1.97	p<0,05
Попадание в целевую зону 6	44.0	57.0	+13.0	2.03	1.97	p<0,05
Попадание в коридор приёма	21.0	33.5	+12.5	2.20	1.97	p<0,05
Общая точность по заданиям	36.1	49.5	+13.4	3.67	1.96	p<0,05

Полученные значения отражают рост управляемости направления и снижение разброса между зонами. Прирост точности попадания в целевую зону 1 составил 14,5% (с 38,0 до 52,5%), в зону 5 – 13,5% (с 41,5 до 55,0%), в зону 6 – 13,0% (с 44,0 до 57,0%). Менее выраженный, но также устойчивый рост наблюдается по показателю «попадание в коридор приёма»: +12,5% (с 21,0 до 33,5%). Обобщающий показатель общей точности по заданиям повысился на 13,4% – с 36,1 до 49,5%.

Статистическая обработка подтверждает значимость зафиксированных изменений. Эмпирические значения t-критерия для зон 1, 5 и 6 составляют 2,28, 2,11 и 2,03 соответственно, что превышает критическое значение 1,97 при уровне значимости $p<0,05$. Наиболее убедительная динамика зафиксирована по интегральному показателю общей точности, что свидетельствует о достоверности различий.

Мощность подачи оценивалась по скорости мяча и параметрам точки контакта. Максимальная скорость важна лишь при сохранении контроля, поэтому анализ строился на сочетании скорости и стабильности выполнения. После формирующего этапа отмечен рост средней скорости и уменьшение колебаний от попытки к попытке, что указывает на более устойчивый технический рисунок. Небольшое увеличение высоты прыжка и высоты контакта позволило выполнять подачу с более «острым» углом влетания мяча без необходимости чрезмерного риска (табл. 3).

Таблица 3. Динамика показателей мощности и достоверность различий ($p < 0,05$)

Показатель мощности	До	После	Δ	tэмп	tкр	Вывод
Средняя скорость мяча, км/ч	92.0	100.5	+8.5	3.64	2.08	p<0,05
Максимальная скорость, км/ч	104.0	111.0	+7.0	—	—	н/р*
Высота прыжка при подаче, см	56	60	+4	—	—	н/р*
Высота точки контакта, м (примерно)	2.75	2.82	+0.07	—	—	н/р*

*- *статистическая обработка не проводилась*

Из четырёх зарегистрированных параметров статистически значимый прирост зафиксирован по показателю средней скорости полёта мяча. Её значение увеличилось с 92,0 км/ч до 100,5 км/ч, абсолютный прирост составил 8,5 км/ч. Эмпирическое значение превышает критическое, что позволяет говорить о высокой степени достоверности изменений.

По остальным трём показателям статистическая обработка не проводилась. При этом наблюдается положительная динамика. Максимальная скорость полёта мяча поднялась с 104,0 км/ч до 111,0 км/ч – прибавка составила 7 км/ч. Высота прыжка при подаче увеличилась с 56 см до 60 см (плюс 4 см), а высота точки контакта с мячом – с 2,75 м до 2,82 м

(плюс 0,07 м). Правда, нужно сделать важную оговорку: поскольку в рамках этого эксперимента не проводилось статистических расчётов, все перечисленные изменения стоит воспринимать лишь как тенденцию, а не как строго доказанный результат.

Что касается стабильности, её оценивали через долю допущенных ошибок и через то, насколько хорошо спортсмен способен повторять подачу в серии после нагрузочного блока. Удалось добиться снижения процента ошибок на 4-5 процентных пунктов, и при этом подача оставалась агрессивной. С практической точки зрения это очень важно: команда реже дарит сопернику очки за свои же ошибки и получает возможность чаще использовать силовую подачу в решающие моменты партии. Самый большой вклад в улучшение внесло сокращение ошибок типа «в аут» – а это, как правило, связано с лучшим контролем направления и с работой плечевого пояса (табл. 4).

Таблица 4. Динамика стабильности выполнения силовой подачи в прыжке ($p < 0,05$)

Показатели стабильности	До, %	После, %	Δ, п.п.	tэмп	tкр	Вывод
Ошибки на подаче (всего)	13.5	8.9	-4.6	-1.60	1.96	p>0,05
Ошибки «в аут»	7.8	4.6	-3.2	-1.46	1.96	p>0,05
Ошибки «в сетку»	4.1	3.0	-1.1	-0.65	1.96	p>0,05
Заступ/нарушения	1.6	1.3	-0.3	-0.27	1.96	p>0,05
Стабильное выполнение задания	47.0	60.5	+13.5	2.99	1.96	p<0,05

Статистически значимых изменений не зафиксировано ни по одному из четырёх показателей: общее число ошибок при подаче, ошибки с уходом мяча в аут, попадания в сетку, а также случаи заступа и других нарушений правил.

При этом наблюдается положительная динамика самих значений: общее количество ошибок снизилось с 13,5 до 8,9%, ошибки «в аут» уменьшились на 3,2%, ошибки «в сетку» – на 1,1%, заступы и нарушения – на 0,3% (с 1,6 до 1,3%). Однако, как показывают расчёты, эти изменения не достигают статистически значимого уровня.

Принципиально иная картина зафиксирована по интегральному показателю «стабильное выполнение задания». Здесь прирост составил 13,5 процентных пункта (с 47,0 до 60,5%), статистически достоверен ($p < 0,05$).

Тактическая результативность оценивалась по матчевой статистике: эйсы, ошибки, доля подач, осложнивших приём соперника, и баланс эффективности (табл. 5).

Таблица 5. Оценка выполнения скоростной подачи в прыжке в зависимости от приема ее соперником

Игровые показатели (в среднем за игру)	До	После	Изменение	Комментарий
Эйсы, шт.	4,2	5,1	+0,9	Рост при контролируемом риске
Ошибки на подаче, шт.	8,4	6,1	-2,3	Снижение потерь очков
Осложнённый приём соперника, шт.	18,0	24,5	+6,5	Выше давление на приёмную линию
Доля «плохого» приёма, %	29,0	36,0	+7,0	Больше атак соперника с высокого мяча

Это позволяет увидеть, за счёт чего именно выросла эффективность: из-за увеличения количества прямых очков, или за счёт повышения доли подач, которые создают преимущество в последующей обороне. К «осложнению» относились ситуации, когда соперник вынужден атаковать с высокого мяча или передавать вне оптимальной зоны, что повышает вероятность успешного блока и игры в защите. После внедрения комплекса средств команда чаще получала преимущество уже на первом контакте соперника, а количество ошибок снизилось, что особенно важно для концовок партий. Использование подачи в прыжке повысилось на 6% Уменьшение ошибок сопровождалось ростом доли «сильного осложнения приёма». Это указывает на корректную настройку уровня риска: команда не уменьшила агрессивность, а научилась точнее дозировать её. В практическом плане это означает возможность чаще использовать силовую подачу в прыжке в концовках сетов без резкого роста потерь. Результаты таблицы представлены графически на рисунке 1.

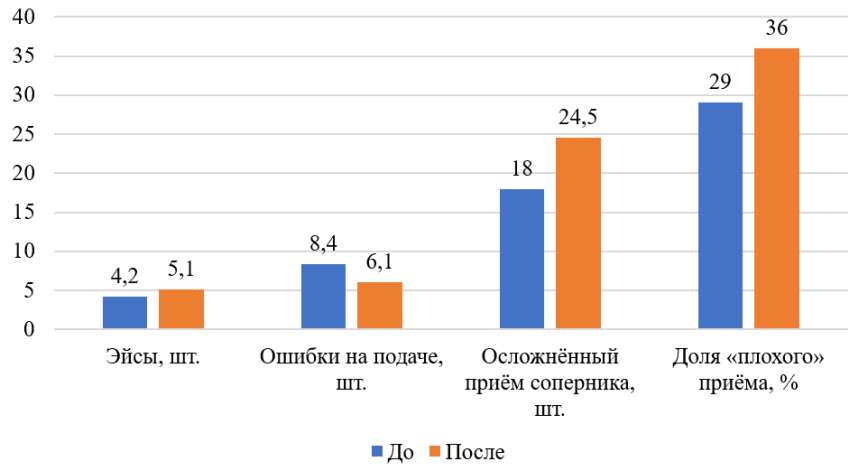

Рис. 1. Оценка выполнения скоростной подачи в прыжке в зависимости от приема ее соперником

Количество эйсов увеличилось на 0,9%. Способность спортсмена варьировать сложность подачи без резкого увеличения брака возросла. Одновременно зафиксировано снижение числа прямых ошибок на подаче, что подтверждает возросшую надёжность технического действия.

Более показательным с тактической точки зрения выглядит увеличение количества осложнённых приёмов соперника. Это означает, что после эксперимента подача чаще ставила принимающую сторону в неудобное положение, вынуждая действовать в условиях дефицита времени или пространства. Доля «плохого» приёма (низкого качества, не позволяющего организовать полноценную атаку) возросла с 29,0 до 36,0% (+7,0%). Это приводило к тому, что соперник был вынужден чаще атаковать с высокого мяча, что снижает эффективность его нападения и даёт преимущество обороняющейся команде.

Сравнительный анализ двух соревновательных сезонов (2024/25 и 2025/26) проводился на основании 34 официальных матчей первой лиги Чемпионата России. В сезоне 2024/25 команда провела 16 встреч, одержав победу в трёх из них при 13 поражениях. Доля выигранных матчей составила 18,75%. В следующем сезоне количество игр увеличилось до 18, при этом число побед осталось прежним – три, а поражений стало 15, что снизило относительный показатель до 16,7%. Таким образом, при расширении игровой практики команда не только не улучшила результат, но и утратила два процентных пункта эффективности.

Более детальное рассмотрение структуры поражений выявляет негативную динамику. В первом сезоне семь матчей завершились со счётом 0:3, что составило 43,8% от общего числа. Во втором сезоне количество «сухих» поражений выросло до 12, а их доля достигла 66,7%. Одновременно с этим произошло сокращение пятисетовых встреч: с четырёх в 2024/25 (25% от всех игр) до одной в 2025/26 (5,6%). Это означает, что команда перестала навязывать борьбу в равных партиях и чаще уступала без выигранного сета.

Сопоставление с одними и теми же соперниками демонстрирует отсутствие прогресса. Против ЮКИОР в 2024/25 зафиксировано одно поражение 1:3, а в 2025/26 – пять матчей, из которых выигран только один (3:2), причём сразу после него последовало поражение 2:3 от той же команды. Посмотрим на результаты встреч с конкретными соперниками. В первом сезоне команда уступила ССО-УрГУПС один раз со счётом 0:3. Во втором сезоне поражений стало уже четыре: трижды с тем же счётом 0:3 и один раз – 1:3. Что касается игр против «Ямальских стерхов», то в сезоне 2024/25 было одно поражение 0:3, причём с разгромом по сетам – 12:25, 11:25, 11:25. А в следующем сезоне, 2025/26, команда проиграла уже трижды – каждый раз 0:3, и разница очков в партиях была примерно такого же характера.

Улучшение индивидуальных показателей в подаче, которое удалось зафиксировать в ходе педагогического эксперимента, не переросло в заметный рост командных результатов в официальных матчах. Это указывает на необходимость комплексного подхода к тренировке всех элементов игры, а также учёта ситуативных и психологических факторов

соревновательной деятельности при интерпретации данных.

Заключение. Результаты педагогического эксперимента подтвердили эффективность разработанной программы. Зафиксирован статистически значимый прирост точности подачи по всем целевым зонам (от +13,0 до +14,5%, $p < 0,05$), общая точность повысилась с 36,1 до 49,5 %. Средняя скорость полёта мяча увеличилась с 92,0 до 100,5 км/ч. По интегральному показателю стабильности выполнения задания отмечен прирост на 13,5%. В соревновательной деятельности количество эйсов возросло с 4,2 до 5,1 за игру, число ошибок на подаче снизилось с 8,4 до 6,1, доля «плохого» приёма соперника увеличилась с 29,0 до 36,0%.

Вместе с тем, сравнительный анализ командных результатов двух сезонов (2024/2025 и 2025/2026) показал, что улучшение индивидуальных показателей подачи не привело к значимому росту побед и выигранных партий. Доля выигранных матчей снизилась с 23,5 до 16,7%, количество «сухих» поражений (0:3) возросло с 6 до 12. Это указывает на то, что одного совершенствования подачи недостаточно для системного повышения соревновательных результатов в отсутствие прогресса в приёме, защите и атакующих действиях, а также с учётом возросшей конкуренции в лиге.

Библиографический список

1. Железняк Ю.Д. Волейбол. Теория и методика спортивной подготовки / Ю.Д. Железняк, В.А. Савин. – Москва: Академия, 2018. – 464 с.

2. Влияние подачи мяча на итоговый результат матча в волейболе / А.Н. Налобина, И.Л. Ермолаев, К.М. Казакова, М.В. Тучин; Моск. гор. пед. ун-т. // Современные вопросы биомедицины. – 2021. – Т. 5, № 2 (15). – С. 21.

3. Пащенко А.Ю. Методические основы обучения техническим приемам в волейболе: учеб.-метод. пособие / А.Ю. Пащенко, О.С. Красникова; Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта, молодёжи и туризма. – Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2021. – 85 с. – ISBN 978-5-00047-610-9.

4. Волейбол. – Москва: АСТ, 2010. – 32 с. – (Спорт от А до Я). – ISBN 978-5-17-063337-1.

TECHNICAL AND TACTICAL TRAINING OF THE MEN'S VOLLEYBALL TEAM TO PERFORM A POWER SERVE IN A JUMP

M.F. Kamalova, *Lecturer*
G.A. Bychkov, *Graduate Student*
Ugra State University
(Russia, Khanty-Mansiysk)

Abstract. *The article presents the results of a pedagogical experiment on improving the power jump serve in qualified male volleyball players of the YGU-Sever team (n = 12). Based on video analysis of competitive activities and input testing, a 12-week program was developed that differentiates the structural and managerial components of the serve. There was a statistically significant increase in accuracy (from 36.1% to 49.5%; $p < 0.05$), average ball speed (from 92.0 to 100.5 km/h), and task stability (from 47.0% to 60.5%; $p < 0.05$). A comparative analysis of the two seasons showed that the improvement in individual serve performance was not directly reflected in the team's performance (the winning percentage decreased from 23.5% to 16.7%), which requires further integration of technical training with tactical implementation in official matches.*

Keywords: *volleyball; power serve; technique; tactics; men's team.*

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ И БИЗНЕСА

У.К. Лукманова, *канд. филол. наук, доцент*
Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-257-262

Аннотация. *Статья посвящена развитию терминологической компетенции студентов при изучении английского языка в сфере рекламы и бизнеса. Актуальность темы связана с потребностью вузовской подготовки в таких формах обучения, при которых профессиональная лексика усваивается как средство решения учебно-профессиональных задач. В рамках работы описаны структура терминологической компетенции, принципы отбора англоязычных терминов, приемы их семантизации, закрепления и продуктивного употребления. Особое внимание уделено упражнениям с аутентичными рекламными текстами, бизнес-кейсами, глоссариями, ролевыми заданиями и проектными ситуациями. Цель статьи – раскрыть педагогические условия развития терминологической компетенции студентов при обучении английскому языку для рекламы и бизнеса. Статья будет полезна преподавателям английского языка, авторам рабочих программ и студентам экономических и коммуникационных направлений.*

Ключевые слова: *терминологическая компетенция; английский язык; реклама; бизнес; профессиональная лексика.*

Терминологическая компетенция студентов, изучающих английский язык в сфере рекламы и бизнеса, представляет собой способность понимать, объяснять и корректно употреблять англоязычные термины в учебно-профессиональной коммуникации. В ее структуре целесообразно выделить три взаимосвязанных блока. Первый связан со знанием значения терминов и их места в профессиональной системе: студент различает advertising, marketing, branding, public relations, sales promotion, media planning, merchandising, consumer behavior. Второй связан с владением устойчивыми сочетаниями: to launch a campaign, to increase brand awareness, to conduct market research, to identify a target audience, to build customer loyalty, to measure conversion rate. Третий связан с применением терминов в речевом действии: студент готовит рекламный бриф, презентует товар, обсуждает бюджет кампании, объясняет результаты маркетингового анализа, пишет деловое письмо партнеру.

Профессиональная лексика не усваивается полноценно вне деятельности, Д.В. Грамма связывает развитие терминологической компетентности с готовностью специалиста использовать профессиональные термины для решения конкретных задач, обмена опытом и участия в профессиональном общении [3]. Для студентов рекламы и бизнеса такое положение означает переход от задания «переведите список слов» к заданию «составьте фрагмент рекламной стратегии, используя термины market segmentation, positioning, brand identity, customer journey, call to action». В первом случае студент воспроизводит словарный эквивалент; во втором – связывает термин с профессиональной логикой действия.

Трудность создает междисциплинарный характер терминологии рекламы и бизнеса. В одной учебной ситуации соединяются экономические, маркетинговые, психологические, юридические и медиакоммуникативные понятия. Например, contract, invoice, revenue, profit margin относятся к деловому обороту; positioning, slogan, logo, brand personality – к рекламной стратегии; consumer motivation, perception, loyalty – к поведению потребителя; copyright, trademark, misleading advertising – к правовому регулированию. Терминологическая компетенция развивается устойчивее, если преподаватель организует материал смысловым полям. В поле «рекламная кампания» входят campaign objective, media channel, reach, frequency, engagement, conversion, budget allocation. В поле «бренд» входят brand image, brand identity, brand equity, brand loyalty, rebranding. В поле «бизнес-процесс» – supplier,

stakeholder, revenue stream, cost structure, value proposition, partnership.

З. Боймирзаева выделяет, что активные методы обучения иностранному языку студентов экономических специальностей, основанные на взаимодействии, позволяют усовершенствовать речемыслительную деятельность студентов, развивают самостоятельность и творческие способности, что, в конечном счете, способствует формированию профессионально-лексической компетенции [1]. Для рассматриваемой темы данная позиция позволяет выстроить обучение по принципу «лексика – ситуация – действие». Например, при изучении темы market research студент и переводит survey, sample, respondent, focus group, data analysis, и составляет мини-анкету на английском языке, объясняет, какая выборка нужна для оценки спроса, формулирует вывод: The survey shows that young customers prefer eco-friendly packaging. При изучении темы pricing студент сопоставляет price, cost, value, discount, markup, profit margin, а затем описывает ценовую стратегию: We suggest a penetration pricing strategy to attract first-time buyers.

Рекламные тексты обладают высокой учебной ценностью, поскольку соединяют терминологию, воздействующую лексику, культурные смыслы и жанровую краткость. Ю.С. Васильева и Е.Ю. Осташевская рассматривают британские и американские рекламные тексты как материал, чтобы разнообразить и актуализировать дидактические материалы по английскому языку и расширить спектр педагогических приемов работы преподавателя на практическом занятии. Данный материал может применяться на всех этапах работы студентов: для презентации нового языкового материала, на этапе закрепления и отработки языкового явления. Кроме того, он хорошо себя зарекомендовал для разных форм работы: как групповой, так и индивидуальной [2]. В курсе английского языка для рекламы и бизнеса такие тексты целесообразно использовать как предмет анализа. Студенты определяют, на какую аудиторию направлен текст, какие лексические средства формируют образ товара, какие термины скрыты за простыми формулами. Например, в сообщении New formula. Better results. Same price студенты выделяют product improvement, value proposition, pricing stability. В слогане Designed for people who move fast можно обсудить target audience, product positioning, lifestyle branding. В рекламном письме Limited-time offer for loyal customers отрабатываются terms offer, loyalty, customer retention, deadline, promotional campaign.

Развитие терминологической компетенции требует поэтапной организации. С.М. Малинина описывает четыре этапа англоязычной терминологической подготовки: подготовительный, этап введения узкоспециальной терминологии, этап овладения специальной терминологией и смежными областями, этап совершенствования терминологической компетенции в интерактивной работе [4]. Для студентов рекламы и бизнеса такую логику можно адаптировать следующим образом. На первом этапе вводится базовый профессиональный словарь: product, service, customer, market, price, brand, advertising, sales. На втором этапе студенты осваивают узкие термины: media buying, brand positioning, consumer insight, conversion funnel, customer lifetime value, influencer marketing. На третьем этапе добавляются смежные понятия из экономики, права и цифровой среды: revenue, contract, intellectual property, personal data, analytics dashboard, click-through rate. На четвертом этапе студенты используют терминологию в проектах: готовят бриф для рекламного агентства, разрабатывают презентацию продукта, проводят имитацию переговоров с клиентом, составляют медиаплан, объясняют показатели рекламной кампании.

Систематизация терминов через глоссарий сохраняет учебную ценность при условии, что глоссарий не превращается в механический список. А.К. Ушакова рассматривает цифровые лингводидактические материалы и электронные инструменты как средство развития терминологической компетенции студентов [5]. Для рекламы и бизнеса эффективен тематический глоссарий с несколькими обязательными графами: термин, перевод, краткое объяснение на английском языке, типичная коллокация, пример из рекламной или деловой речи, возможная ошибка. Например: brand awareness – узнаваемость бренда – the degree to which consumers recognize a brand – to increase brand awareness – The campaign increased brand awareness among young consumers – ошибка: переводить awareness только как «осведомленность» без учета брендингового

значения. Для термина lead полезна помета: a potential customer, not a leader. Для term pitch – short persuasive presentation, not only “throw”.

Еще одну проблему составляет ложная прозрачность терминов. Студенты часто воспринимают английский термин через бытовое значение или прямую кальку. Promotion переводится и как «продвижение», и как стимулирование продаж; public relations не равны «публичным отношениям», речь идет о связях с общественностью; brief в рекламе документ с задачами проекта; copy в рекламной сфере означает рекламный текст, а не копию; account в агентской среде связан с клиентским направлением или учетной записью, а не только с банковским счетом. Работа с такими словами требует заданий на различение значений. Преподаватель предлагает предложения: The agency prepared a creative brief. The brand launched a promotion. The copy sounds too formal. The account manager contacted the client. Студенты объясняют значение выделенных слов, подбирают русский эквивалент и составляют собственный пример.

Продуктивное владение терминологией формируется через жанры. Для рекламы и бизнеса особенно полезны пять жанровых форм: рекламный слоган, рекламный бриф, коммерческое предложение, презентация продукта, аналитический отчет. В слогане студент учится сжимать смысл: Fresh taste. Smart choice. В брифе – формулировать задачу: The campaign aims to increase brand awareness among university students. В коммерческом предложении – соединять деловую лексику и аргументацию: Our solution will reduce marketing costs and improve customer engagement. В презентации – использовать термины логично и последовательно: The target audience is women aged 25-35 with medium income and interest in sustainable products. В отчете – описывать показатели: The click-through rate increased, while the conversion rate remained stable.

Ролевые задания и дискуссии служат связующим звеном между термином и коммуникативной ситуацией. З. Боймирзаева относит ролевую игру и дискуссию к активным методам, способствующим развитию профессионально-лексической компетенции студентов экономического направления [1]. В обучении английскому языку для рекламы и бизнеса можно использовать сценарии «агентство – клиент», «маркетинговый отдел – финансовый директор», «стартап – инвестор», «бренд – блогер». Например, один студент представляет клиента и формулирует задачу: We need to attract new customers without increasing the budget. Другой студент выступает account manager и уточняет: What is your target audience? Which media channels have you used before? What conversion rate do you expect? Такая работа закрепляет термины в диалоге, где каждое слово обслуживает профессиональную цель.

Цифровые средства целесообразно применять для регулярного повторения и накопления терминологического опыта. А.К. Ушакова описывает электронные лингводидактические материалы, используемые для изучения англоязычной терминологии [5]. В теме рекламы и бизнеса цифровой формат удобен для карточек с коллокациями, интерактивных тестов, миникорпуса рекламных текстов, общего глоссария группы. Например, карточка содержит связку: conversion rate – to improve conversion rate – low conversion rate – The landing page has a low conversion rate. Карточка по business model содержит value proposition, customer segment, distribution channel, revenue stream. Студенты пополняют электронный глоссарий примерами из сайтов компаний, рекламных рассылок, описаний товаров, презентаций стартапов, комментируя функцию термина.

Дифференциация заданий нужна из-за различий в языковой подготовке и профессиональных интересах студентов. С целью совершенствования терминологической компетенции С.М. Малинина разработала методическую технологию, построенную на основе сочетания принципов индивидуализации и дифференциации учебной деятельности курсантов. Методическая технология представлена двумя аспектами: а) построение индивидуальных и групповых траекторий с учетом дифференциации по уровню владения языком и интересам в будущей сфере профессиональной деятельности; б) комплекс методических приемов в форме упражнений и заданий, который реализует принципы индивидуализации и дифференциации [4]. В группе студентов рекламы, экономики и бизнеса это реализуется через разные уровни сложности. Студентам с базовой подготовкой предлагаются задания на распознавание и подбор переводов: match the term

with the definition. Средний уровень предполагает заполнение пропусков в деловых фразах: The company wants to increase its market share. Продвинутый уровень связан с созданием собственного фрагмента профессионального текста: write a short campaign brief for a new coffee brand. Дифференциация возможна и по профессиональному профилю: студент рекламы анализирует слоган и визуальное сообщение; студент экономики – бюджет и показатели эффективности; студент бизнеса – модель продаж и переговорную позицию.

Особую ценность имеет проектное задание, где терминология закрепляется в завершенном продукте. Например, студентам предлагается разработать англоязычную мини-кампанию для локального бренда: определить target audience, сформулировать unique selling proposition, выбрать media channels, составить slogan, подготовить three key messages, рассчитать условный budget, описать expected results. В таком задании термины нужны для выполнения проекта. Ошибка в термине сразу влияет на качество решения. Если студент путает brand image и brand identity, неверно формулируется анализ бренда; если смешивает revenue и profit, искажается бизнес-часть презентации; если использует audience вместо customers во всех случаях, теряется точность коммуникации.

Оценивание терминологической компетенции требует критериев, отражающих не только объем словаря. Д.В. Грамма на основе системного подхода произвел аналитическое описание уровней и показателей развития компонентов терминологической компетентности и предложил методы ее развития [3]. Для студентов рекламы и бизнеса можно использовать четыре критерия: точность понимания термина; корректность перевода с учетом профессиональной ситуации; владение типичными словосочетаниями; способность использовать термин в устной или письменной профессиональной речи. Например, высокий уровень проявляется, когда студент не только переводит customer loyalty как «лояльность клиентов», но и объясняет, чем loyalty отличается от satisfaction, составляет фразу to build long-term customer loyalty и применяет ее в презентации кампании. Средний уровень проявляется в правильном переводе, но ограниченном употреблении. Низкий уровень выражается в буквальном переводе, смешении значений и отсутствии коллокаций.

Аутентичные рекламные материалы требуют методической фильтрации. Не каждый рекламный текст подходит для занятия. Текст выбирается с учетом профессиональной насыщенности, прозрачности жанра, учебной цели и языковой доступности. Для начального уровня подойдут короткие объявления, product descriptions, email offers. Для среднего – landing pages, рекламные обзоры, описания услуг агентств. Для продвинутого – брендбуки, маркетинговые отчеты, pitch decks, кейсы рекламных кампаний. Ю.С. Васильева и Е.Ю. Осташевская связывают рекламные тексты с освоением языковых средств выразительности [2], что особенно полезно при анализе persuasive vocabulary: exclusive, innovative, reliable, affordable, sustainable, premium, limited, personalized. Студентам требуется различать эмоционально-оценочную лексику и собственно терминологию: innovative product – оценочная характеристика; product positioning – профессиональный термин.

В обучении переводу терминов целесообразно отказаться от единственного «правильного» эквивалента там, где значение зависит от ситуации. Engagement переводится как вовлеченность в digital marketing, но в деловой переписке engagement letter имеет другое значение. Performance в рекламе связан с результативностью кампании, а performance marketing – с моделью продвижения, ориентированной на измеримый результат. Traffic в электронной коммерции обозначает поток посетителей на сайт. Such differentiation можно закрепить через микрозадания: translate the term in three sentences; explain why the Russian equivalent changes; add one professional collocation.

Связь терминологии с грамматикой не менее значима, чем работа со словарем. В рекламной и деловой коммуникации термины часто входят в определенные синтаксические модели: The campaign is aimed at…, The product is positioned as…, The target audience consists of…, The company focuses on…, The offer is valid until…, The brand is associated with…. Освоение таких моделей помогает студентам строить профессиональные высказывания без прямого перевода с русского языка. Например, вместо Our advertisement is directed to students корректнее: The advertisement is aimed at

students. Вместо We made a research of market – We conducted market research. Вместо The brand has good reputation among customers – The brand has a strong reputation among customers. Терминологическая компетенция в таком понимании выходит за пределы словаря и соединяется с грамматической, жанровой и прагматической точностью.

Педагогическая модель развития терминологической компетенции в сфере рекламы и бизнеса опирается на последовательность: отбор терминов по профессиональным темам; семантизация через определение, пример и визуальную опору; систематизация в глоссарии и терминологических картах; закрепление в коллокациях; применение в жанровом тексте; устная защита решения; рефлексия ошибок – эта последовательность согласуется с идеями поэтапной терминологической подготовки [4], цифровой поддержки обучения [5], профессионально ориентированного освоения терминологии [3] и активных методов работы с профессиональной лексикой [1]. При привлечении рекламных текстов она получает содержательную насыщенность и жанровую достоверность [2].

Развитие терминологической компетенции студентов при изучении английского языка в сфере рекламы и бизнеса требует перехода от словарного усвоения терминов к их применению в профессионально значимых речевых действиях. Наиболее продуктивной представляется учебная работа, где терминология рекламы и бизнеса связывается с реальными задачами: подготовкой брифа, презентацией продукта, описанием целевой аудитории, анализом кампании, деловой перепиской и защитой коммерческого предложения.

Библиографический список

1. Боймирзаева З. Характеристика профессионально-лексической компетенции будущих экономистов в процессе обучения английскому языку // Общество и инновации. – 2024. – Т. 5, № 5/S. – С. 119-123. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol5-iss5/S-pp119-123.

2. Васильева Ю.С., Осташевская Е.Ю. Использование британских и американских рекламных текстов при обучении английскому языку студентов технического вуза // Педагогика и просвещение. – 2024. – № 3. – С. 27-38. – DOI: 10.7256/2454-0676.2024.3.71525.

3. Грамма Д.В. Развитие терминологической компетентности магистрантов неязыковых направлений подготовки в процессе изучения английского языка для профессиональных целей // Концепт. – 2023. – № 11. – С. 30-41. – DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11107.

4. Малинина С.М. Методическая технология совершенствования англоязычной терминологической компетенции курсантов-судоводителей морских вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10, Вып. 4. – С. 520-529. – DOI: 10.30853/ped20250064.

5. Ушакова А.К. Развитие терминологической компетенции студентов инженерных специальностей в процессе обучения английскому языку для профессиональных целей // Мир педагогики и психологии. – 2023. – № 01 (78).

DEVELOPING STUDENTS' TERMINOLOGICAL COMPETENCE IN STUDYING ENGLISH FOR ADVERTISING AND BUSINESS

U.K. Lukmanova, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Moscow University of Finance and Law (MFUA)
(Russia, Moscow)

Abstract. *This article examines the development of students' terminological competence in studying English for advertising and business. The relevance of this topic stems from the need for university training in educational formats that teach professional vocabulary as a means of solving academic and professional problems. This article describes the structure of terminological competence, the principles of selecting English terms, and techniques for their semantization, reinforcement, and productive use. Particular attention is paid to exercises with authentic advertising texts, business cases, glossaries, role-playing assignments, and project situations. The purpose of this article is to explore the pedagogical conditions for developing students' terminological competence when teaching English for advertising and business. This article will be useful for English teachers, program authors, and students majoring in economics and communications.*

Keywords: *terminological competence; English; advertising; business; professional vocabulary.*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧИТЕЛЯ-ЛОГОПЕДА С РОДИТЕЛЯМИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОБЩЕГО НЕДОРАЗВИТИЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е.С. Любимова[1], *старший преподаватель*
Т.П. Ничепорчук[2], *учитель-логопед*
Ю.И. Павлова[3], *учитель-логопед*
Е.Б. Самойлова[3], *учитель-логопед*
[1]Волгоградский государственный социально-педагогический университет
[2]МОУ Детский сад №279 Красноармейского района Волгограда
[3]МОУ Детский сад №180 Советского района Волгограда
[1,2,3](Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-263-267

Аннотация. *В статье представлен План коррекционной работы по взаимодействию учителя-логопеда с родителями детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, 3 уровня речевого развития**,** разработанный на основе диагностики исходного уровня родительской компетентности и вовлеченности. Авторы раскрывают целевые ориентиры, задачи и принципы плана коррекционной работы, а также ее содержательное наполнение через систему взаимодополняющих форм работы: от установочных индивидуальных консультаций до цикла мастер-классов, подкастов, онлайн-разборов кейсов и итоговых игровых мероприятий. Особое внимание уделено практико-ориентированному подходу, направленному на трансформацию позиции родителей от пассивных наблюдателей к активным «домашним логопедам». Разработанные занятия обеспечивают системность, непрерывность обратной связи и поэтапное формирование у родителей навыков развития Лексико-грамматического строя речи и связной монологической и диалогической речи ребенка в условиях семьи.*

Ключевые слова: *общее недоразвитие речи; связная речь; лексико-грамматическая сторона речи; коррекционно-развивающая работа; старшие дошкольники; мастер-класс; онлайн-консультирование; подкасты.*

Актуальные образовательные стандарты предъявляют высокие требования к интеллектуальному развитию ребенка. При этом в начальную школу ребенок должен иметь ряд сформированных навыков устной речи, которые позволит ему достаточно быстро овладеть навыком письма. Нагрузка и темпы обучения в начальной школе весьма высоки. В связи с этим в дошкольном возрасте необходимо сформировать начальные навыки обучения грамоте. Однако в настоящее время количество детей с общим недоразвитием речи увеличивается с каждым годом. В связи с этим проблемы подготовки дошкольников с общим недоразвитием речи к обучению грамоте являются актуальной проблемой современной педагогики, так как данная проблема усложняет обучение грамоте [1].

Такие авторы, как А.М. Бородич, В.П. Глухов, Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, К.Д. Ушинский и др. [3, 9], изучали развитие связной речи у детей с общим недоразвитием речи. В многочисленных работах, опубликованных этими авторами, доказывается, что коррекционное воздействие, направленное на формирование связной речи, приобретает важное значение в логопедической работе с детьми, помогая им преодолевать их речевые нарушения. Это воздействие становится основной целью коррекционно-логопедического процесса, требующего длительной и тщательной работы со стороны логопедов, воспитателей, родителей и самих детей [5].

В настоящее время проблема преодоления общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста остается одной из самых значимых в коррекционной педагогике. Речь является важнейшим средством социализации и познания окружающего мира, а недостаточная сформированность связной речи (В.П. Глухов, П.Ф. Зубаилова) препятствует успешной подготовке ребенка к школьному обучению [7].

План коррекционной работы по взаимодействию учителя-логопеда с родителями, направленный на повышение эффективности преодоления общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста создавался с учетом данных анкетирования родителей дошкольников, позволивший выявить три группы трудностей: фрагментарное представление родителей о структуре речевого нарушения, дефицит прикладных умений по речевому развитию ребенка в домашних условиях, недостаточную готовность к систематической работе. Ведущая цель плана коррекционной работы состоит в выстраивании результативного партнерского взаимодействия, ориентированного на комплексную коррекцию общего недоразвития речи посредством поэтапного формирования связной монологической и диалогической речи, обеспечивающей коммуникативную готовность к обучению в школе.

Логопедическая работа при ОНР III уровня, для которого характерны выраженные затруднения в развертывании высказывания, требует не разрозненных рекомендаций, а целостной модели совместной деятельности специалиста и родителей, снабженной конкретными методическими средствами. В рамках реализации плана коррекционной работы по взаимодействию учителя – логопеда с родителями детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, 3 уровня речевого развития родитель рассматривается не как адресат единичных инструкций, а как полноправный участник логопедического процесса [6]. В домашнем общении он закрепляет речевые приемы, предложенные логопедом, и тем самым выполняет функцию постоянной поддерживающей практики. В старшем дошкольном возрасте приоритетным направлением выступает развитие связной речи как основы последующего школьного обучения: формирование умения логично выстраивать описание и повествование, вести диалог, пересказывать услышанное и самостоятельно создавать сюжетное высказывание.

Проведенный теоретический анализ, позволивший выявить противоречие между необходимостью тесного взаимодействия учителя-логопеда с семьей и реальным состоянием логопедической практики, обусловил проведение опытно-экспериментальной работы, которая проводилась на базе муниципального образовательного учреждения детский сад №180 Советского района Волгограда. В исследовании участвовали 10 детей с заключением общее недоразвитие речи, 3 уровень речевого развития, посещающие логопедическую группу и 10 родителей этих детей.

Опытно-экспериментальная работа включала в себя три этапа:

1. Констатирующий этап. Целью данного этапа была диагностика исходного состояния лексико-грамматических категорий и связной речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи третьего уровня.

2. Формирующий (коррекционно-развивающий) этап. Целью этого этапа стала разработка и реализация плана взаимодействия логопеда с родителями, направленной на преодоление выявленных нарушений.

3. Контрольный этап. Целью данного этапа являлось определение эффективности коррекционной работы, реализованной на формирующем этапе.

Результаты диагностики по выявлению уровня сформированности лексико-грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, 3 уровня речевого развития. Показали, что высокий уровень на констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы выявлен не был. Средний уровень показали 9 дошкольников (90%), а низкий уровень сформированности лексико-грамматического строя речи был определен у одного дошкольника (10%).

На основе, описанных выше индивидуальных результатов диагностики можно сделать выводы о том, что связная речь старших дошкольников с общим недоразвитием речи, 3 уровня речевого развития характеризуется общей незрелостью. Полученная картина подтверждает необходимость целенаправленной коррекционной работы по формированию навыков планирования, смыслового структурирования и языкового оформления связных развернутых высказываний.

Таким образом, первичное логопедическое изучение состояния лексико-грамматической стороны речи и связной речи у старших дошкольников с указанной формой речевого дизонтогенеза выявило преобладание низких показателей.

Совокупность полученных данных обосновывает необходимость специальной

логопедической работы, ориентированной на развитие связной речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, 3 уровня речевого развития в общей системе преодоления речевого недоразвития.

Достижение обозначенной цели обеспечивается системой взаимосвязанных форм работы, рассчитанных на различную степень подготовленности родителей и их занятость. Перспективное планирование строится как последовательный цикл.

В рамках формирующего этапа опытно-экспериментальной работы было проведено 30 логопедических занятий, из которых 15 занятий было отведено на формирование лексико-грамматических категорий и 15 на формирование и развитие связной монологической и диалогической речи. Работа с родителями на данном этапе включала дистанционные и очные встречи в конце каждой учебной недели. Коррекционная работа в данном направлении проводилась нами на протяжении 4 месяцев, занятия велись 2 раза в неделю по 25-30 мин. в соответствии с СанПин

С опорой на результаты констатирующего этапа эксперимента нами было разработано содержание плана совместной коррекционной работы учителя-логопеда и родителей по преодолению общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста, включающего в себя два блока:

I Блок. Логопедическая работа с детьми старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, третьего уровня речевого развития по формированию лексико-грамматических категорий и связной речи.

II Блок. Встречи с родителями очно и удаленно проходили один раз в неделю. Работа по организации взаимодействия учителя-логопеда с родителями в преодолении общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста.

На первой неделе проводится индивидуальная вводная консультация. Ее назначение – выявить уровень понимания родителем сущности проблемы, согласовать цели совместной деятельности и оформить договоренность о взаимодействии. В содержание встречи входят обсуждение итогов обследования ребенка, пояснение терминов «ОНР» и «связная речь» применительно к конкретной речевой ситуации, заполнение анкеты, отражающей особенности домашней речевой среды [4].

На второй неделе организуется дистанционное знакомство в групповом чате мессенджера MAX. Данный формат формирует безопасное пространство для коммуникации, знакомит участников с организацией работы и закрепляет правила взаимодействия. Одновременно размещается первый подкаст «С чего начать? Просто о связной речи», содержащий базовые сведения по теме.

Третья неделя отводится практическому мастер-классу «Речевая среда каждый день». Его содержание направлено на освоение родителями элементарных приёмов диалогического общения, естественно включаемых в бытовые ситуации. Участники знакомятся с технологией развёрнутого ответа, учатся использовать открытые вопросы, отрабатывают игровые диалоги в повседневных сценариях.

Четвертая неделя посвящена поддержанию мотивации через подкаст «Мотивация – как заниматься без слёз». Материал ориентирован на снижение тревожности родителей и укрепление их уверенности в собственных действиях. В выпуске анализируются типичные организационные просчеты и предлагаются принципы построения занятий в игровой форме [8].

На пятой неделе проводится индивидуальная ситуативная онлайн-консультация. Ее задача связана с уточнением первых результатов, разбором начального опыта домашних занятий и преодолением возникших затруднений. Шестая неделя вновь сосредоточена на практике: мастер-класс «Первые истории. Работа с одной картинкой» обучает родителей алгоритму построения описательного и повествовательного рассказа на основе вопросного плана.

На седьмой неделе участникам предлагается подкаст «Секреты вечернего чтения», раскрывающий способы превращения совместного чтения в средство речевого продвижения. Акцент сделан на целенаправленном использовании пауз, постановке вопросов по содержанию, предвосхищении развития сюжета и пересказе с позиции персонажа.

Восьмая неделя строится как коллективный онлайн-анализ кейсов: родители представляют видеозаписи либо словесные описания домашних занятий, после чего вместе с логопедом разбирают затруднения и вырабатывают

адекватные стратегии, одновременно усиливая внутригрупповое взаимодействие. Практический вектор сохраняется на девятой неделе в рамках мастер-класса «Волшебные цепочки/ рассказ по серии картинок», ориентированного на освоение приемов выстраивания событийного ряда и создания связного текста с опорой на средства логической связи.

Десятая неделя посвящена грамматическому компоненту и включает подкаст «Грамматика на ходу», демонстрирующий способы ненавязчивой коррекции типичных аграмматизмов в повседневных игровых и бытовых ситуациях. На одиннадцатой неделе организуется промежуточная индивидуальная встреча, в ходе которой оценивается динамика, сопоставляются образцы речи, обсуждаются достигнутые результаты и проблемные зоны, после чего уточняются последующие задачи. Двенадцатая неделя направлена на развитие экспрессивной стороны высказывания через мастер-класс «Играем в театр. Речь и эмоции»; драматизация коротких сцен способствует формированию интонационной выразительности, эмоциональной насыщенности и плавности речевого потока.

На тринадцатой неделе вновь используется формат подкаста «Вопросы от родителей», в котором рассматриваются наиболее трудные запросы, включая отказ ребенка от занятий и сложности при пересказе. Четырнадцатая неделя выполняет функцию игрового рубежа и реализуется в виде онлайн-викторины «Рассказчик», предназначенной для предъявления достигнутых результатов в комфортной, неформализованной среде и закрепления переживания успеха. Пятнадцатая неделя отводится итоговой групповой рефлексии в формате круглого стола; обсуждение позволяет суммировать результаты цикла, осмыслить накопленный опыт и закрепить родительскую компетентность через анализ наиболее значимых изменений в речевом развитии ребенка. Шестнадцатая неделя завершает программу индивидуальной консультацией, на которой формулируются заключительные рекомендации, даётся характеристика речевой динамики и намечается маршрут дальнейшей самостоятельной работы; тем самым ведущая роль в сопровождении развития речи окончательно передается семье [2].

Для проверки эффективности программы взаимодействия учителя-логопеда с родителями в преодолении общего недоразвития речи, 3 уровня речевого развития у детей старшего дошкольного возраста была организована повторная диагностика.

Полученные данные свидетельствуют о положительной динамике в коррекционной работе. При диагностированном у всех детей общем недоразвитии речи, 3 уровне речевого развития, отсутствие низкого уровня (0%) и наличие 20% детей, достигших высокого уровня, является значимым показателем эффективности проведённой логопедической работы.

Внедрение многоступенчатого плана коррекционной работы по взаимодействию учителя – логопеда с родителями детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи переводит контакты учителя-логопеда с семьёй из разовых и формализованных в режим непрерывного, содержательно насыщенного и инструментально выстроенного партнерства.

План коррекционной работы образует целостную модель перехода к устойчивому партнерскому взаимодействию. Последовательное продвижение от диагностико-мотивационного этапа к практическому освоению приемов, далее – к рефлексивному осмыслению и автономной деятельности, обеспечивает не только преодоление речевых затруднений у старшего дошкольника с общим недоразвитием речи, но и развитие педагогической состоятельности родителей, формируя надежный фундамент для последующей адаптации к школьному обучению.

Библиографический список

1. Бондаренко Т.А. Проблемы подготовки к обучению грамоте дошкольников с общим недоразвитием речи / Т.А. Бондаренко, А.А. Серова // Наследие В.И. Лубовского и современные тенденции развития специального и инклюзивного образования: Сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, посвященной памяти профессора Р.Е. Левиной, Курск, 28 февраля – 01 2023 года. – Курск: Курский государственный университет, 2023. – С. 34-38. – EDN NNRMNQ.

2. Боровик М.И. Взаимодействие логопеда и родителей в процессе коррекционно-логопедической работы с ребенком / М.И. Боровик, Н.О. Карасева // Молодой ученый. – 2016. – № 18 (122). – С. 431-433.

3. Глухов В.П. Формирование связной монологической речи дошкольников с общим недоразвитием речи. – М.: АРКТИ, 2012.

4. Городилова С.А. Включение родителей в логопедическую работу по коррекции нарушений речи у детей / С.А. Городилова, Н.Н. Шешукова, Ю.В. Богинская, Л.А. Гутерман и др. // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 4 (58). – С. 385-403.

5. Артюх О.О. Коррекция связной речи дошкольников с общим недоразвитием речи средствами устного народного творчества / О.О. Артюх, А.Р. Калашникова // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2024. – № 6(59). – С. 43-45. – EDN LMLDNB.

6. Кононова Е.А. Вовлечение родителей в коррекционно-образовательный процесс для обеспечения эффективности логопедической работы / Е.А. Кононова // Образовательный альманах. – 2022. – № 3 (53). – С. 21-24.

7. Лахмоткина В.И. Психолого-педагогические аспекты характеристики детей с общим недоразвитием речи / В.И. Лахмоткина, Л.А. Ястребова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – С. 226-229.

8. Плотникова Е.А. Подкаст как инструмент взаимодействия с родителями воспитанников / Е.А. Плотникова // Всероссийский информационно-образовательный портал профессионального мастерства педагогических работников «Педагогические таланты России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--80aakd6ani0ae.xn--p1ai/edu-07-2023-pb-38331/.

9. Филичева Т.Б., Жукова Н.С., Мастюкова Е.М. Логопедия: основы теории и практики. – М.: Эксмодетство, 2021.

INTERACTION OF A SPEECH THERAPIST TEACHER WITH PARENTS IN OVERCOMING GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

E.S. Lyubimova[1], *Senior Lecturer*
T.P. Nicheporchuk[2], *teacher-speech therapist*
Y.I. Pavlova[3], *teacher-speech therapist*
E.B. Samoilova[3], *teacher-speech therapist*
[1]Volgograd State Socio-Pedagogical University
[2]Kindergarten № 279 of the Krasnoarmeysky district of Volgograd
[3]Kindergarten № 180 of the Sovetsky district of Volgograd
[1,2,3](Russia, Volgograd)

Abstract. *The article presents a plan of correctional work on the interaction of a speech therapist teacher with parents of older preschool children with general speech underdevelopment, 3 levels of speech development, developed on the basis of diagnostics of the initial level of parental competence and involvement. The authors reveal the targets, objectives and principles of the correctional work plan, as well as its content through a system of complementary forms of work: from individual orientation consultations to a series of master classes, podcasts, online case studies and final game events. Special attention is paid to a practice-oriented approach aimed at transforming the position of parents from passive observers to active "home speech therapists". The developed classes ensure consistency, continuity of feedback and step-by-step formation of parents' skills in developing the Lexical and grammatical structure of speech and coherent monological and dialogical speech of a child in a family setting.*

Keywords: *general speech underdevelopment; coherent speech; lexico-grammatical aspect of speech; correctional and developmental work; senior preschoolers; master class; online counseling; podcasts.*

РАЗВИТИЕ СЕНСОРНЫХ ФУНКЦИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.С. Любимова[1], *старший преподаватель*
С.И. Бутковская[2], *педагог-психолог*
А.А. Григорьева, *учитель-дефектолог*[3], *студент*[1]
[1]**Волгоградский государственный социально-педагогический университет**
[2]**МДОУ «Детский сад № 279»**
[3]**ГКОУ «Волгоградская школа-интернат № 5»**
[1,2,3]**(Россия, г. Волгоград)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-268-272

Аннотация. *В статье рассматривается проблема сенсорных функций (зрительного, слухового, тактильного восприятия) у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями. Обосновывается эффективность использования игровых технологий как ведущего средства коррекционно-педагогической работы. Представлена характеристика сенсорного развития при интеллектуальной недостаточности, описаны основные направления и виды игр. Приведены результаты диагностического обследования и разработанный комплекс коррекционно-педагогической работы по развитию сенсорных функций посредством игровых технологий.*

Ключевые слова: *сенсорное развитие; сенсорные функции; интеллектуальные нарушения; старший дошкольный возраст; игровые технологии.*

Дошкольное детство является периодом интенсивного развития сенсорных функций, в котором закладываются представления о свойствах и явлениях предметов, весе, вкусе, температуре, размере, количестве, окружающем мире в целом. Основой для полноценного умственного, физического, социального развития ребенка, в первую очередь, служит высокий уровень сформированности и развитости сенсорных функций, которые непосредственно влияют на успешность ребенка.

Сенсорное воспитание занимает особое место в коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с интеллектуальными нарушениями. Согласно Федеральной адаптированной общеобразовательной программы дошкольного образования, одним из основных направлений коррекционной работы с дошкольниками с нарушением интеллекта является развитие сенсорных функций: зрительного, слухового и тактильно-кинестетического восприятия [4].

Козырева О.А. полагает, что образовательная среда создает условия не только для развития когнитивной сферы, но и для развития духовно-нравственной, физической, эмоциональной сфер сознания ребенка. Образовательная среда должна обеспечивать структурирование, насыщение, вариативность образовательных подходов и оптимизацию образовательной среды и процесса [3].

Многочисленные исследования закономерностей и особенностей становления и развития сенсорных представлений, проведенные отечественными и зарубежными учеными, выдвинули проблему сенсорного развития детей на определяющее место.

По мнению А.В. Запорожца, Л.А. Венгера, А.П. Усовой, Н.П. Сакулиной, Е.И. Тихеевой, сенсорное воспитание представляет собой целенаправленное педагогическое воздействие, направленное на формирование у детей процессов восприятия, ощущения, наглядного представления и других сенсорных представлений и рассматривается как неотъемлемая часть умственного воспитания, обеспечивающая фундамент для познания окружающего мира. Итогом сенсорного воспитания выступает сенсорное развитие [1, 2].

В отечественной педагогике и психологии принято, что основные задачи сенсорного воспитания детей включают:

- ознакомление с сенсорными эталонами как системой общепринятых образцов свойств (Л.А. Венгер, А.В. Запорожец, В.С. Мухина);

- формирование обследовательских действий (Л.А. Венгер, А.В. Запорожец, Н.П. Сакулина, А.П. Усова);

- обучение использованию сенсорных эталонов – умению соотносить свойства воспринимаемого предмета с усвоенным эталоном (Л.А. Венгер, В.С. Мухина);

- обучение планомерному обследованию предметов (Л.А. Венгер, В.С. Мухина);

- формирование умения самостоятельно применять системы перцептивных действий и эталонов в практической и познавательной деятельности (Л.А. Венгер, А.В. Запорожец, Н.Н. Поддьяков).

Содержание сенсорного воспитания составляет определенный объем знаний о свойствах и качествах предметов и явлений, который ребенок усваивает в дошкольный период. Данный объем можно определить двумя факторами: с одной стороны, разнообразием свойств окружающего ребенка мира, с другой теми видами деятельности, которые формируются в дошкольный период и опираются на различные сенсорные системы.

Содержание сенсорного воспитания схематично представлено в таблице.

Таблица. Содержание сенсорного воспитания

Развитие зрительных ощущений	*Развитие слухового внимания и восприятия*	*Развитие тактильной чувствительности*	*Развитие обонятельных и вкусовых ощущений*	*Ориентировка во времени и пространстве*
Детей учат различать и называть цвета, формируют у них представление об оттенках; воспринимать геометрическую форму предметов; величину и размер.	Развитие ориентировки на звук, различение и сравнение неречевых звуков, формирование речевого слуха, развитие слухового внимания и памяти в речи.	Детей учат различать на ощупь качество предметов и правильно их называть (дети оперируют такими понятиями, как гладкий, мягкий, твердый и т.д.).	Формирование у детей способности воспринимать, различать и осмысленно использовать информацию, получаемую через обонятельные и вкусовые анализаторы.	Усвоение ребенком представлений о частях суток, днях недели, месяцах, годе и текучести времени; ориентировка в схеме собственного тела, ориентировка в окружающем пространстве, ориентировка на плоскости.

Под сенсорными эталонами понимаются общепринятые образцы, сложившиеся в процессе общественно-исторического развития. К ним относятся цвета, геометрические формы, величина, высота звука, вкус, запах, пространственные отношения, длительность промежутков времени и т.д. Овладение ими и их словесными обозначениями помогает ребенку с нарушением интеллекта осмысленно ориентироваться в многообразии окружающей действительности [1]. Выделяют следующие сенсорные эталоны: эталоны цвета, формы, величины, запаха, слуховые и вкусовые эталоны.

В отечественной педагогике интеллектуальные нарушения рассматриваются как стойкое нарушение познавательной деятельности, возникшее вследствие органического поражения головного мозга, которое определяется стойкостью и необратимостью, органической обусловленностью и нарушением преимущественно познавательной деятельности.

С.Д. Забрамная, Е.А. Стребелева, С.Я. Рубинштейн, Е.А. Екжанова определяют следующие особенности психических процессов детей с нарушением интеллекта:

- восприятие характеризуется замедленным темпом и недифференцированным, фрагментарным объемом;

- внимание неустойчиво, наблюдаются трудности с переключением и распределением; преобладает непроизвольное внимание;

- память характеризуется слабым развитием, низким уровнем запоминания, сохранения и воспроизведения;

- мышление конкретное, поверхностное; наблюдается дефицитарность операций анализа, синтеза, обобщения и абстракции;

- наблюдается незрелость эмоционально-волевой сферы, которая проявляется в слабости волевых усилий, примитивности эмоциональных переживаний, склонности к аффективным вспышкам, неспособности к длительному волевому напряжению;

- речевая деятельность развита недостаточно, страдают все стороны речи; характерна

задержка становления речи и понимания обращенной речи.

Таким образом, развитие сенсорных функций является сложным процессом, на который напрямую влияют индивидуальные возрастные и психофизические особенности. Анализ психолого-педагогической литературы показал важность обеспечения разнообразных форм и видов игровой деятельности для развития сенсорных функций у детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями. Комплекс мер должен быть направлен на организацию зрительного, слухового и тактильно-кинестетического восприятия, что способствует накоплению сенсорного опыта и формированию представлений об окружающей среде.

В отечественной психологии и педагогике игра традиционно рассматривается как ведущий вид деятельности в дошкольном возрасте. Игровая деятельность является основным способом освоения мира, усвоения социальных норм и ролей, оказания влияния на общее психическое развитие ребенка без которого невозможно полноценное формирование личности, познавательной сферы и социальных навыков ребенка. Становление игры является ключевым достижением в период дошкольного детства. А.А. Катаева отмечает, что пятый год жизни ребенка с нарушением интеллекта является переломным, так как формируются восприятие тех свойств предметов окружающего мира, которые основаны на перцептивной ориентировке, таких как выбор предметов по образцу, цвету, форме, величине и др. [2].

В современной системе дошкольного образования наблюдается повышенный интерес педагогов к использованию игровых технологий, прежде всего при развитии сенсорных представлений у дошкольников. Как показывают психолого-педагогические исследования, игра оказывает благотворное влияние на развитие и обучение детей. Включение игровых технологий в процесс развития сенсорных представлений делает его более увлекательным, привлекательным для детей, но и значительно повышает эффективность [6].

В основе игровых педагогических технологий лежит система методов и приемов, организующих образовательный процесс через специально разработанные педагогические игры. В отличие от свободной игры, педагогическая игра отличается четко сформулированной обучающей целью и ожидаемым педагогическим результатом, который может быть обоснован, явно выделен и имеет познавательную направленность. Игровая форма занятий создается посредством игровой мотивации, выполняющей функцию средства активизации и стимулирования детей к учебной деятельности [5].

К игровым педагогическим технологиям, направленным на развитие сенсорных представлений у дошкольников, относят: дидактические игры; театрализованные игры; игровые приемы, направленные на обучение обследовательских действий; игры и упражнения на знание систем сенсорных представлений [7].

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы по проблеме развития сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями посредством игровых технологий позволил приступить к проведению опытно-экспериментальной работы, состоящей из трех этапов: констатирующего, формирующего и контрольного эксперимента.

Опытно-экспериментальная работа проходила на базе муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 279 Красноармейского района Волгограда». В исследовании приняли участие 10 детей, имеющими интеллектуальные нарушения в возрасте 5-7 лет.

Целью диагностики сформированности сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями было выявление следующих показателей: изучение зрительного восприятия; изучение слухового восприятия; изучение тактильно-кинестетического восприятия.

Для диагностики сформированности сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями были выбраны следующие методики:

1. Методика «Группировка игрушек» Л.А. Венгера. Методика позволяет выявить уровень сформированности восприятия формы, умения использовать геометрические эталоны при определении общей формы конкретных предметов. Детям предлагалось определить форму предметов и сложить их в корзину.

2. Методика «Угадай, чей звук?» Т.А. Ткаченко позволяет оценить уровень

сформированности слухового восприятия и общей осведомленности ребенка. Детям предлагалось определить предмет, который издает звук.

3. Методика «Какой предмет на ощупь?» М.И. Земцовой предназначена для изучения уровня сформированности тактильно-кинестетического восприятия. Методика позволяет оценить сформированность обследовательских действий и представлений о свойствах предметов.

Эксперимент показал, что у 60% старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями выявлений низкий уровень сформированности сенсорных функций, который обусловлен рядом причин:

1) затрудненное формирование эталонных представлений;

2) моторная недостаточность;

3) слабость или отсутствие смысловых связей;

4) затрудненность обобщений;

5) слабость мышления;

6) низкая дифференцированность.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости проведения коррекционно-развивающей работы по развитию сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями посредством игровых технологий.

Учитывая особенности развития детей дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями, игровые технологии, использованные на этапе формирующего эксперимента, отвечали следующим требованиям: наличие коррекционной цели; адаптация заданий под актуальные возможности детей; организация вводного этапа для актуализации знаний; подбор доступной и понятной наглядности; осуществление направляющей и стимулирующей роли педагога.

Коррекционно-развивающая работа по развитию сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями осуществлялась по трем направлениям: развитие зрительного, слухового и тактильно-кинестетического восприятия. Занятия проводились два раза в неделю по25 минут на протяжении трех месяцев. Тематические группы коррекционно-развивающих занятий: «Магазин игрушек», «Почтальоны», «Волшебный мешочек», «Звуки, которые нас окружают», «Что я слышу за окном», «Цветные ладошки» и др. Темы занятий могут быть расширены, дополнены, изменены в соответствии с учебным планом дошкольной организации и возможностями детей. Занятия проходили систематически, во время проведения игр детям предоставлялась необходимая помощь в виде разъяснений, координации действий, эмоциональная поддержка и эмоциональные подкрепления. В ходе выполнения заданий и взаимодействия со сверстниками и педагогом у детей появился познавательный интерес к выполнению заданий, реакция на собственное имя, дети стали проявлять самостоятельность в проведении обследовательских действий с предметами, действия стали более планомерными и целенаправленными, менее выраженной стала слуховая и тактильная гиперчувствительность.

Для контрольной диагностики сформированности сенсорных функций были использованы методики, применявшиеся на констатирующем этапе эксперимента. В ходе проведения контрольного этапа были получены результаты, свидетельствующие о положительной динамике: у 30% детей старшего дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями был выявлен низкий уровень сформированности сенсорных функций, тогда как на констатирующем этапе таких детей было 70%.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об эффективности реализованной коррекционно-развивающей работы по развитию сенсорных функций у старших дошкольников с интеллектуальными нарушениями посредством игровых технологий.

Библиографический список

1. Воспитание сенсорной культуры ребенка от рождения до 6 лет: Кн. Для воспитателей детского сада / Л.А. Венгер, Э.Г. Пилюгина, Н.Б. Венгер; Под ред. Л.А. Венгера. – М.: Просвещение, 2010. – 235 с.

2. Катаева А.А. Сенсорное развитие и сенсорное воспитание аномальных детей дошкольного возраста (глухих, слабослышащих и умственно-отсталых) Автореф. дис. на соиск. учен. степени д. психол. н. / АПН СССР. НИИ дефектологии. – Москва, 1977. – 33 с.

3. Козырева О.А. Образовательная среда для детей с ограниченными особенностями здоровья / О.А. Козырева, Д.О. Козырева // Векторы развития дошкольного образования в едином образовательном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции, Махачкала, 01 октября 2024 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2024. – С. 228-233. – EDN ZPHNPN.

4. Никулина Н.Г. Сенсорное развитие дошкольников в условиях реализации ФГОС ДО / Н.Г. Никулина // Наука в современном мире: материалы XXIX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 апреля 2017 года / Центр научной мысли. – Краснодар: Издательство "Перо", 2017. – С. 111-114. – EDN YQFLIP.

5. Рудинский И.Д. Игровые образовательные технологии и практики: предпосылки и особенности применения / И.Д. Рудинский, С.В. Бусель // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2024. – Т. 1, № 1(97). – С. 39-61. – DOI 10.24412/2224-0772-2024-97-39-61. – EDN MENGJQ.

6. Сенсорное развитие дошкольников с ограниченными возможностями здоровья / О.Г. Трандасир, И.А. Зимина, С.С. Юдина, Т.Ю. Зонова // Молодой ученый. – 2024. – № 29(528). – С. 217-220. – EDN ADVHMY.

7. Терехина М.К. Сенсорное развитие с использованием современных игровых технологий в работе с дошкольниками с интеллектуальными нарушениями / М.К. Терехина // Актуальные проблемы начального, дошкольного и специального образования в условиях модернизации (в рамках Года Театра), Коломна, 14-15 ноября 2019 года / ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет». – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2019. – С. 128-129. – EDN ECSUXO.

THE DEVELOPMENT OF SENSORY FUNCTIONS IN OLDER PRESCHOOLERS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES THROUGH GAMING TECHNOLOGY

E.S. Lyubimova[1], *Senior Lecturer*
S.I. Butkovskaya[2], *teacher-psychologist*
A.A. Grigorieva, teacher-*defectologist*[3], *student*[1]
[1]Volgograd State Social and Pedagogical University
[2]Municipal Preschool Educational Institution Kindergarten № 279
[3]Volgograd boarding school № 5
[1,2,3](Russia, Volgograd)

Abstract. *The article discusses the problem of sensory functions (visual, auditory, and tactile perception) in older preschool children with intellectual disabilities. The effectiveness of using game technologies as a leading means of correctional and pedagogical work is substantiated. The characteristics of sensory development in intellectual disabilities are presented, and the main directions and types of games are described. The results of a diagnostic examination and a developed set of correctional and pedagogical work for the development of sensory functions are presented.*

Keywords: *sensory development; sensory functions; intellectual disabilities; older preschool age; game technologies.*

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.С. Любимова[1], *старший преподаватель*
Д.Н. Малахова[1], *студент*
С.И. Бутковская[2], *педагог-психолог*
Д.О. Козырева[3], *студент*
[1]Волгоградский государственный социально-педагогический университет
[2]МОУ Детский сад №279 Красноармейского района Волгограда
[3]Волгоградский государственный медицинский университет
[1,2,3](Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-273-277

Аннотация. *Авторский коллектив провёл теоретический анализ психолого-педагогической литературы, систематизировал подходы к изучению мышления у детей с нарушениями интеллекта и выделил возможности дидактических игр как средства коррекционно-развивающего воздействия. В статье представлены процессы формирования мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, причинно-следственные связи) у данной категории детей. На основании теоретического обоснования описана реализация опытно-экспериментальной работы по формированию мышления у дошкольников с нарушениями интеллекта посредством дидактических игр, а также приведены её результаты.*

Ключевые слова: *мышление; мыслительные операции; нарушения интеллекта; дети дошкольного возраста; игровые технологии.*

Мышление – это высший познавательный процесс, который является фундаментом для целостного развития индивида. Это вид умственной деятельности, опосредованное и обобщённое представление и отражение реальности, направленное на познание связей между явлениями и предметами окружающего мира. У детей старшего дошкольного возраста с нарушениями интеллекта формирование мышления, вследствие первичного органического или функционального поражения центральной нервной системы, характеризуется замедленным темпом и качественными изменениями. Именно это поражение, в свою очередь, создаёт вторичный барьер и обуславливает специфическое развитие высших психических функций ребёнка с нарушениями интеллекта.

Согласно Л.С. Выготскому, дошкольный период характеризуется переходом от наглядно-действенного к наглядно-образному мышлению, закладыванием предпосылок словесно-логического мышления [1]. В этот период начинает формироваться способность к анализу, синтезу и установлению причинно-следственных связей.

Вследствие особенностей познавательной деятельности и социального функционирования ребенка работа по формированию мышления у данной категории детей строится на создании комфортной педагогической обстановки, специальных педагогических методах, подходах и условиях, которые позволят компенсировать недостатки развития и активизировать потенциальные возможности. Е.П. Хвастунова указывает, что изучение особенностей мыслительной деятельности детей с нарушениями интеллекта требует комплексного подхода, учитывающего как структуру дефекта, так и потенциальные возможности коррекционного воздействия в условиях дошкольного образовательного учреждения [2].

Термин «нарушения интеллекта» ставит акцент на психолого-педагогических последствиях, а не на медицинском диагнозе. Речь идёт о первичном поражении центральной нервной системы, которое включает в себя нарушение мышления, речи, восприятия и регуляторных способностей.

Для всех детей данной категории характерны две основные особенности: тотальность и иерархичность дефекта. Тотальность означает, что недостаточность распространяется на

все психические функции без исключения: мышление, восприятие, память, внимание, эмоционально-волевая сфера, моторика. Иерархичность дефекта, в свою очередь, предполагает, что первичным и наиболее грубым является нарушение мыслительной деятельности, а вторичные нарушения (например, речи, внимания, моторики) являются производными от первичных дефектов и могут быть частично скорректированы в условиях специально организованного и адаптированного обучения.

Характер нарушений зависит от структуры дефекта, но для всей категории детей характерны общие особенности. Во-первых, замедленный темп развития: все этапы формирования мыслительных операций протекают с выраженной задержкой. Во-вторых, низкая познавательная активность говорит о снижении потребности в познании. Из-за нарушения обобщающей функции мышления ребёнок оперирует поверхностными знаниями, не стремясь к целостному восприятию. В-третьих, для такой категории детей характерна ригидность мыслей, что выражается в стереотипности мышления, из-за чего ребёнок испытывает трудности в переключении способов решений проблем.

Специфика дефекта напрямую зависит от структуры нарушения. Так, по мнению И.А. Коробейникова, при интеллектуальных нарушениях наиболее выражены главные черты дефекта [3]. Резко страдает словесно-логическое мышление, наглядно-образное формируется неполноценно и с большой опорой на действие. Согласно У.В. Ульенковой, при задержке психического развития мышление отличается мозаичностью и неравномерностью [4]. Недостаточность регуляторных функций приводит к импульсивности и непоследовательности в решении задач и в процессе обучения.

Игровая деятельность дошкольников относится к ведущей, так как в ее рамках происходят главные изменения в психике ребенка, формируются новообразования. Это позволяет использовать игру как естественный и высокомотивирующий способ целенаправленного развития личности дошкольника и его познавательной сферы, в первую очередь – мышления. У детей с ментальными нарушениями спонтанное становление игровой деятельности часто нарушено, что ведёт к вторичным искажениям в развитии мышления, коммуникации, эмоционально-волевой сферы и затрудняет социальную адаптацию.

Н.Я. Большунова связывает игру с развитием субъектности и внутреннего плана действий. Именно для детей с нарушениями интеллекта произвольность и регулирующая функция мышления нарушены в большей степени, ведь у них часто страдают функции программирования и контроля. По мнению автора, сюжетно-ролевая игра позволяет ребёнку ориентироваться в смыслах человеческой деятельности, мотивах, целях и задачах, а также в социальных функциях и отношениях людей [5]. В процессе игры у ребёнка формируется способность удерживать цель, планировать последовательность действий, учитывать правила и роли, что напрямую стимулирует развитие мышления, в особенности его регуляторного компонента.

Формирование наглядно-действенного мышления в процессе этих игр происходит через совершение целенаправленной пробы, отказа от ошибочного варианта и фиксирования правильного способа действия. Формирование наглядно-образного мышления, в свою очередь, происходит в процессе удержания образца в памяти, сравнения предметов, анализа пространства, нахождения сходства и различия, что является основой для развития операций анализа и синтеза. Особое внимание уделяется речевому обоснованию действий, именно поэтому происходит и формирование элементов словесно-логического мышления.

Теоретический анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что формирование мышления у детей старшего дошкольного возраста с ментальными нарушениями качественным своеобразием, замедленным темпом развития, дефицитарностью основных операций и нарушением регулирующей функции. Эти особенности носят стойкий характер и не могут быть преодолены спонтанно, что определяет ключевую роль целенаправленного коррекционно-развивающего воздействия, в системе которого игровые технологии занимают центральное место, как наиболее адекватный возрасту и природе нарушений метод работы.

Педагогическое проектирование коррекционно-развивающей среды в дошкольном образовательном учреждении предполагает создание специальных условий, учитывающих

особые образовательные потребности воспитанников с интеллектуальными нарушениями. Методическая организация учебно-воспитательной работы должна базироваться на ряде психолого-педагогических условий: многократность и вариативность повторений, опора на сохранные функции, учёт темпа деятельности и утомляемости.

На основе проведённого теоретического анализа авторским коллективом была разработана и реализована опытно-экспериментальная работа, направленная на формирование мышления у дошкольников с нарушениями интеллекта посредством дидактических игр. В экспериментальную группу вошли дети дошкольного возраста с нарушением интеллекта в количестве 10 человек.

В начале опытно-экспериментального исследования развития познавательных процессов у детей старшего дошкольного возраста с нарушением интеллекта, мы организовали констатирующий этап эксперимента. Диагностическое обследование проводилось на базе МОУ «Детский сад № 178 Краснооктябрьского района Волгограда». Все участники исследования были отобраны из нескольких групп учреждения, что позволило минимизировать влияние специфических характеристик отдельных педагогических коллективов на результаты исследования. Также учли располагающую обстановку, позволившая детям максимально раскрыть свои способности.

Диагностический комплекс включал три методики Л.Д. Фатиховой, направленные на изучение различных аспектов мыслительных операций, уровня наглядно-действенного мышления и уровень логического мышления [6].

Первая методика «Группировка предметов» ориентирована на выявление способности к классификации предметов, что представляет собой базовую характеристику зрительного анализа. Данное задание позволяет оценить уровень сформированности обобщения, способность выделять существенные признаки и классифицировать предметы по заданному принципу.

Вторая методика «Закрашивание фигур» была направлена на выявление уровня и особенностей сформированности восприятия размера и способности к переносу действия в новые условия (так как материал, которым оперирует испытуемый, изменяется от задания к заданию, однако принцип их закрашивания остается прежним). Данный методика позволяет оценить уровень развития наглядно-действенного мышления, умение анализировать образец, соотносить форму и цвет, а также действовать по правилу.

Третья методика «Чего не стало?» характеризовалась повышенной сложностью, поскольку была направлена на исследование особенностей произвольного внимания и способности к зрительному узнаванию объектов. Данная методика позволяет оценить уровень логического мышления, зрительной памяти, способность к анализу целостного образа и установлению причинно-следственных связей.

Результаты проведенных диагностических методик констатирующего этапа опытно-экспериментального исследования позволили выявить существенные отклонения в развитии мышления у обследованных дошкольников. Способность к классификации

Результаты методики «Группировка предметов», направленной на оценку способности к обобщению и классификации, выявили значительные трудности перцептивного опосредования мыслительных операций. Восприятие формы характеризовалось фрагментарностью и недостаточной дифференцированностью: лишь 20% детей показали уровень ниже среднего (выполняли задания с незначительной помощью), тогда как 80% продемонстрировали низкий уровень сформированности навыка обобщения. Вербальное обозначение геометрических фигур оказалось недоступно 40% воспитанников, что свидетельствовало о разрыве между перцептивными и речевыми компонентами познавательной деятельности, необходимом для полноценного формирования понятийного мышления.

Представления о величине, оцененные в ходе выполнения методики «Закрашивание фигур» (выявление наглядно-действенного мышления, умения действовать по правилу), оказались сформированы несколько лучше. Однако здесь также проявились значительные затруднения: 50% детей показали низкий уровень, 30% – уровень ниже среднего, и лишь 20% достигли среднего уровня, что выражалось в трудностях соотнесения предметов по размеру и словесного обозначения величины.

Наибольшие сложности вызвала методика «Чего не стало?», позволяющая оценить

логическое мышление и установление причинно-следственных связей: 80% воспитанников продемонстрировали низкий уровень, 20% – уровень ниже среднего. Это указывает на несформированность механизмов комплексного анализа сенсорной информации, недостаточность распределения внимания.

Выявленные особенности обследованных дошкольников полностью согласуются с теоретическими представлениями о структуре дефекта при легкой степени умственной отсталости и обосновывают необходимость разработки специальной программы коррекционно-развивающей работы.

Формирующий этап опытно-экспериментальной работы предполагал систематическое индивидуальное взаимодействие с каждым из 10 участников исследования в условиях специально организованной развивающей среды. Систематическое повторение упражнений в строго определенные дни недели способствовало выработке устойчивого стереотипа учебной деятельности и облегчало адаптацию воспитанников к требованиям образовательной ситуации.

Содержание коррекционно-развивающей работы было представлено в форме тематического плана занятий, фиксирующего последовательность введения дидактического материала, перечень упражнений и планируемые результаты. Программа опиралась на принципы индивидуализации, доступности, наглядности, систематичности и комплексности и включала шесть блоков. В рамках каждого блока применялись адаптивные игровые технологии с визуальными пошаговыми инструкциями и немедленным подкреплением правильного действия.

1. В блоке освоения сенсорных эталонов формы дети работали с мягкими модулями-трансформерами «В гостях у весёлых фигур», «Найди друга для фигурки»). На начальном этапе испытуемые ошибались при различении овала и круга, к концу работы ошибки значительно сократились.

2. В блоке развития представлений о величине использовались тактильные дорожки с логическими заданиями («Разложим овощи по кастрюлям», «Поможем куклам собраться на прогулку»). Наибольшую сложность у детей вызвало задание на сериацию по двум признакам одновременно.

3. В блоке закрепления цветовых эталонов применялись полифункциональные пособия: цветные мягкие модули, световые стимулы, задания на группировку («Разноцветная стирка», «Спрячь мышку под домик»). К концу работы большинство детей усвоили названия основных цветов.

4. Блок формирования навыков координированного учёта нескольких признаков оказался наиболее трудным: дети не могли одновременно учитывать цвет и форму («Разложи игрушки по коробкам», «Что подходит ёжику?»). Для преодоления этих трудностей использовались визуальные пошаговые инструкции («Сначала посмотри на цвет, затем на форму») и немедленное речевое подкрепление правильного действия.

5. В блоке развития произвольного внимания применялись игры на удержание инструкции («Запрещённое движение», «Что изменилось в комнате?»). Сложность у детей вызывало переключение внимания между разными признаками.

6. Блок обогащения активного словаря признаков включал упражнения на называние свойств предметов («Найди по описанию», «Опиши игрушку»). Положительная динамика отмечена у большинства участников.

По завершении коррекционно-развивающей работы было проведено контрольное диагностическое обследование с использованием тех же методик, что применялись на констатирующем этапе. Это позволило выявить, что у 30% участников исследования наблюдается положительная динамика развития мыслительных операций. В первой методике: понимание инструкций улучшилось у 40% детей. Представления о величине сформировались у 60% испытуемых на уровне показа предмета, у 40% – на уровне называния обобщающего слова. Во второй методике: количество детей, способных самостоятельно соотносить предметы по форме, закрашивать их, увеличилось с 50% до 80%. В третьей методике динамика оказалась незначительной, что обусловлено большей тяжестью структуры дефекта, что указывает на необходимость дальнейшей интенсивной коррекционной работы.

Качественный анализ особенностей выполнения заданий на контрольном этапе эксперимента позволяет говорить о положительной динамике уровня развития мышления, не

отражаемых количественными показателями. У части детей существенно возросло внимание и усидчивость, что позволяет развивать навык учебного поведения и самостоятельного обучения. Совершенствование наглядно-действенного мышления, уменьшение трудностей в операциях группировки и классификации предметов, формирование способности к анализу, сравнению и установлению простейших причинно-следственных связей говорит о необходимости продолжения коррекционной работы.

Результаты контрольного этапа диагностики показали, что целенаправленная коррекционно-развивающая работа на основе игровых технологий способствует положительной динамике развития мыслительных операций у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями интеллекта. Положительная динамика выявлена у 30% участников. Наиболее значимые улучшения отмечены по методикам на классификацию и наглядно-действенное мышление: количество детей, способных самостоятельно соотносить предметы по форме, увеличилось с 50% до 80%. Незначительная динамика по третьей методике («Чего не стало?») обусловлена тяжестью структуры дефекта и указывает на необходимость дальнейшей интенсивной коррекционной работы.

Полученные данные подтверждают эффективность применения игровых технологий в работе с дошкольниками с нарушениями интеллекта.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. – 5-е изд., испр. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.

2. Изучение сформированности представлений о предметах и явлениях окружающего мира у дошкольников с нарушением интеллекта / Е.П. Хвастунова, Т.Ю. Артюхова, Т.В. Варфоломеева [и др.] // Современное профессиональное образование. – 2024. – № 6. – С. 160-166.

3. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация. – Москва: ПЕР СЭ, 2002. – 192 с.

4. Ульенкова У.В. Организация и содержание специальной психологической помощи детям с проблемами в развитии: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – Москва: Академия, 2005. – 176 с.

5. Большунова Н.Я. Организация образования дошкольников в формах игры средствами сказки: учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 145 с.

6. Фатихова Л.Ф. Диагностический комплекс для психолого-педагогического обследования детей с интеллектуальными нарушениями. – Уфа: ИЦ Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2011. – 80 с.; 65 карт.

DEVELOPMENT OF THINKING IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES THROUGH GAME TECHNOLOGIES

E.S. Lyubimova[1], *Senior Lecturer*
D.N. Malakhova[1], *Student*
S.I. Butkovskaya[2], *Educational Psychologist*
D.O. Kozyreva[3], *Student*
[1]Volgograd State Socio-Pedagogical University
[2]Preschool Educational Institution № 279, Krasnoarmeysky District
[3]Volgograd State Medical University
[1,2,3](Russia, Volgograd)

Abstract. *The author team conducted a theoretical analysis of psychological and pedagogical literature, systematized approaches to the study of thinking in children with intellectual disabilities, and identified the potential of didactic games as a means of correctional and developmental intervention. The article presents the processes of formation of mental operations (analysis, synthesis, comparison, generalization, classification, cause-and-effect relationships) in this category of children. Based on the theoretical substantiation, the implementation of experimental work on the formation of thinking in preschoolers with intellectual disabilities through didactic games is described, and its results are presented.*

Keywords: *thinking; mental operations; intellectual disability; preschool children; game technologies.*

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАРЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.С. Любимова[1], *старший преподаватель*
Е.И. Шевлякова[2], *учитель-логопед*
В.В. Королева[1], *студент*
[1]Волгоградский государственный социально-педагогический университет
[2]МОУ Детский сад №279 Красноармейского района Волгограда
[1,2](Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-278-283

Аннотация. *Авторы рассматривают теоретические аспекты проблемы формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня посредством инновационных технологий. Проведен анализ особенностей формирования лексической стороны речи у дошкольников с речевой патологией, раскрываются особенности словарного развития детей с общим недоразвитием речи. Особое внимание уделяется использованию инновационных технологий в логопедической практике. Представлены результаты опытно-экспериментального исследования, направленного на разработку и апробацию комплекса логопедических занятий по формированию словаря.*

Ключевые слова: *общее недоразвитие речи; словарь; инновационные технологии; логопедическая работа; дошкольный возраст.*

На современном этапе развития дошкольного образования проблема формирования словаря у детей с речевыми нарушениями приобретает особую актуальность. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования рассматривает речевое развитие как одно из приоритетных направлений образовательной деятельности, а сформированность словаря выступает важнейшим условием успешной социализации ребенка и его подготовки к обучению в школе [7].

Однако практика логопедической работы показывает, что значительная часть детей старшего дошкольного возраста испытывает выраженные трудности в овладении лексической системой языка. Особенно остро данная проблема проявляется у детей с общим недоразвитием речи (ОНР), для которых характерны ограниченность словарного запаса, нарушения лексико-семантических связей, трудности актуализации слов и недостаточная сформированность процессов обобщения и классификации [4].

Проблема формирования словаря у детей с общим недоразвитием речи неоднократно становилась предметом исследования отечественных ученых. Теоретические основы изучения речевого недоразвития были заложены в работах Р.Е. Левиной, которая рассматривала общее недоразвитие речи как системное нарушение формирования всех компонентов речевой деятельности [5]. Существенный вклад в исследование особенностей лексического развития детей с ОНР внесли Р.И. Лалаева и Н.В. Серебрякова, установившие взаимосвязь между недостаточной сформированностью семантических полей и трудностями актуализации слов в самостоятельной речи [4]. Т.Б. Филичева и Г.В. Чиркина подчеркивали, что ограниченность словарного запаса у дошкольников с речевой патологией отрицательно влияет на развитие связной речи, коммуникативной деятельности и готовность к школьному обучению [6].

Современные исследования указывают на необходимость поиска новых подходов к организации логопедической помощи детям с речевыми нарушениями. Особую значимость приобретают инновационные технологии, способствующие повышению мотивации детей, активизации речевой деятельности и более эффективному усвоению языкового материала.

Актуальность исследования определяется необходимостью формирования полноценного словаря у детей старшего дошкольного

возраста с ОНР и поиском эффективных технологий логопедической работы.

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность использования инновационных технологий в процессе формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Теоретические основы формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи

Согласно Р.Е. Левиной, при общем недоразвитии речи нарушается формирование всех компонентов речевой системы при сохранном слухе и интеллекте [5]. Р.И. Лалаева и Н.В. Серебрякова отмечают, что лексические нарушения у дошкольников с ОНР проявляются ограниченностью словарного запаса, нарушением семантических связей и недостаточной сформированностью процессов обобщения и классификации [4]. Т.А. Бондаренко и А.А. Серова указывают, что у дошкольников с ОНР наблюдается низкий уровень сформированности активного и пассивного словаря, а также трудности построения высказываний и текстов [2]. Т.Б. Филичева и Г.В. Чиркина указывают на недостаточную сформированность предикативного словаря, проявляющуюся в трудностях использования слов, обозначающих действия, пространственные отношения и эмоциональные состояния [6]. По мнению О.С. Ушаковой и Е.М. Струниной, формирование словаря тесно связано с развитием познавательных процессов ребенка и осуществляется в единстве с развитием восприятия, внимания, памяти и мышления [8]. В.С. Васильева и А.Р. Калашникова подчеркивают, что развитие словообразовательных навыков является важным условием пополнения словарного запаса дошкольников с ОНР [3].

Анализ научной литературы показывает, что для детей с ОНР характерны ограниченность активного словаря, бедность предикативной лексики, трудности употребления обобщающих понятий, нарушения словообразования, подбора синонимов и антонимов, а также замедленная актуализация слов. Указанные особенности обусловливают необходимость поиска эффективных способов формирования словаря, обеспечивающих активное включение ребенка в речевую деятельность.

Инновационные технологии как средство формирования словаря

Современные инновационные технологии обладают значительным коррекционно-развивающим потенциалом и позволяют повысить эффективность логопедической работы с детьми дошкольного возраста. Использование инновационных технологий в коррекционно-развивающей работе соответствует современным тенденциям модернизации специального образования.

В рамках исследования были использованы следующие инновационные технологии: интерактивные логопедические тренажёры, мнемотехника, лэпбуки, игровые технологии, проблемное обучение, информационно-коммуникационные технологии.

Мнемотехника способствовала запоминанию новых слов и расширению словаря. Лэпбуки использовались для систематизации и закрепления лексики. Игровые технологии повышали мотивацию к речевой деятельности, проблемное обучение развивало умение устанавливать смысловые связи и использовать лексику в новых ситуациях. Информационно-коммуникационные технологии обеспечивали визуальную поддержку и способствовали более эффективному усвоению лексического материала.

Результаты опытно-экспериментального исследования

Теоретический анализ проблемы позволил определить необходимость организации опытно-экспериментального исследования, направленного на проверку эффективности инновационных технологий в процессе формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня.

Опытно-экспериментальное исследование проводилось на базе муниципального дошкольного образовательного учреждения. В исследовании приняли участие 10 детей старшего дошкольного возраста 5–6 лет, имеющих логопедическое заключение общее недоразвитие речи III уровня. Все дети являлись воспитанниками логопедической группы первого года обучения.

Экспериментальная работа включала три этапа: констатирующий, формирующий, контрольный.

Констатирующий этап исследования

Цель констатирующего этапа заключалась в выявлении исходного уровня сформированности словаря у детей старшего дошкольного возраста с ОНР III уровня.

В качестве диагностического инструментария использовалась методика обследования словаря В.М. Акименко, направленная на оценку состояния активного и пассивного словаря детей 5-7 лет [1].

Данная методика позволила получить разностороннюю картину лексического развития детей.

Графически результаты диагностики констатирующего этапа представлены на рисунке 1.

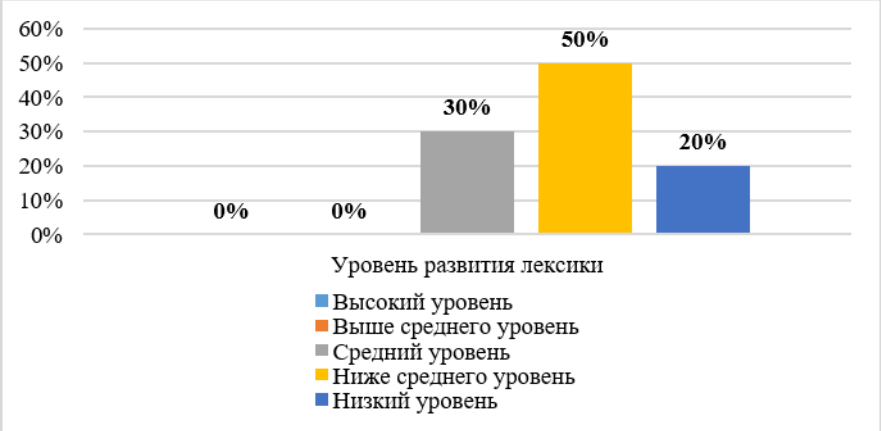

Рис. 1. Уровень развития лексики у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня на констатирующем этапе

Анализ результатов показал, что у большинства дошкольников наблюдается недостаточный уровень сформированности словаря.

Анализ результатов выявил недостаточную сформированность словаря у детей с ОНР III уровня, проявляющуюся в трудностях называния отдельных групп предметов, обобщения и классификации, ограниченности глагольной лексики, бедности словаря признаков и затруднениях при подборе антонимов.

Полученные результаты подтвердили необходимость проведения целенаправленной коррекционно-развивающей работы по формированию словаря у дошкольников с общим недоразвитием речи.

Формирующий этап исследования

Цель формирующего этапа заключалась в разработке, апробации и реализации комплекса логопедических занятий, нацеленный на совершенствование лексического компонента речевой деятельности детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня, с использованием инновационных технологий.

На основании результатов констатирующего этапа был разработан комплекс из 30 логопедических занятий.

Цель комплекса занятий: преодоление дефицита лексических ресурсов и полноценное формирование всех категориальных компонентов словарной системы – номинативной функции, предикативной функции, функции обозначения признаков, а также лексико-семантических связей у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня, через применение инновационных технологий.

Задачи комплекса были направлены на расширение и активизацию словаря, развитие лексико-семантических связей и использование усвоенной лексики в самостоятельной речи.

Содержание программы было представлено по тематическим блокам: одежда, посуда, продукты, домашние животные, транспорт, признаки предметов,

овощи и фрукты, синонимы, антонимы, многозначные слова.

Использование инновационных средств обеспечивало высокую мотивацию детей, активизацию познавательной деятельности и создание условий для эффективного усвоения лексического материала.

Контрольный этап исследования

Цель контрольного этапа заключалась в определении эффективности разработанного

комплекса логопедических занятий и выявлении динамики формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня.

На контрольном этапе исследования повторно применялась диагностическая процедура В.М. Акименко. Сопоставление результатов констатирующего и контрольного этапов позволило выявить положительную динамику в формировании лексической стороны речи у детей после проведенного логопедического воздействия.

Наглядно результаты диагностики контрольного этапа представлены на рисунке 2.

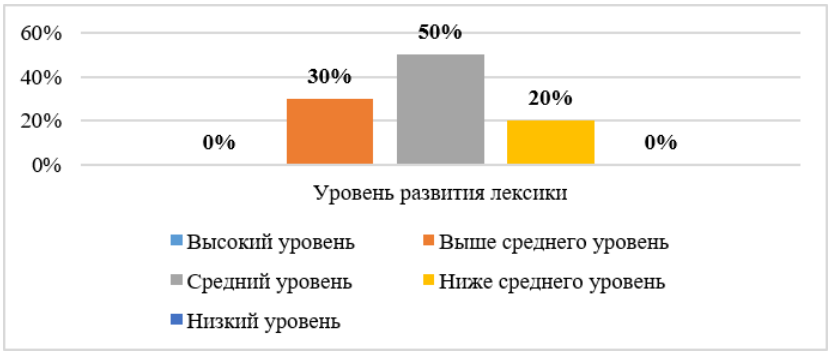

Рис. 2. Результаты диагностики уровня развития лексики у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня на контрольном этапе

Полученные результаты свидетельствуют о существенном повышении уровня сформированности словаря у большинства участников исследования.

Анализ результатов контрольного этапа показал положительную динамику развития лексической стороны речи у большинства детей. После проведения комплекса логопедических занятий увеличился объем активного словаря, расширился круг используемых лексических единиц, повысилась точность их употребления. Улучшились навыки обобщения и классификации, развития лексико-семантических связей и использования слов различных лексико-грамматических категорий. Несмотря на сохраняющиеся трудности у отдельных детей, результаты свидетельствуют о существенном повышении уровня сформированности словаря и речевой активности по сравнению с констатирующим этапом.

Сравнительный анализ результатов исследования

Для проверки эффективности реализации, разработанного в рамках формирующего этапа, комплекса по формированию словаря у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня мы провели сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов исследования, результаты которого представлены на рисунке 3.

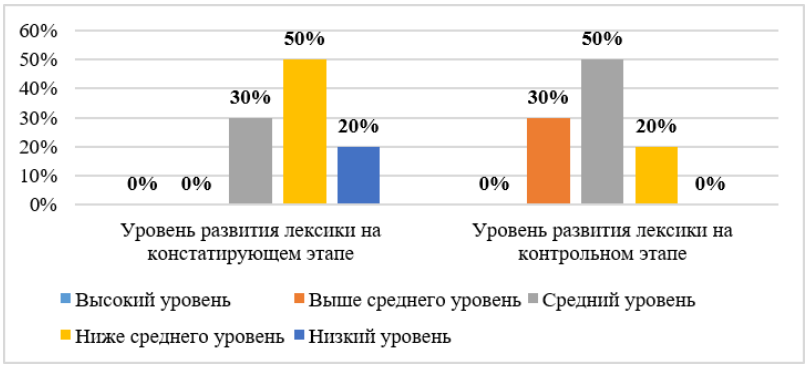

Рис. 3. Результаты сравнительного анализа уровня развития лексики у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня на констатирующем и контрольном этапах

Сравнительный анализ результатов диагностики констатирующего и контрольного этапов позволил установить выраженную положительную динамику развития лексической

стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня.

Результаты контрольного этапа показали положительную динамику формирования словаря у дошкольников. Уровень выше среднего был выявлен у 30% детей, средний уровень увеличился с 30% до 50%, а количество детей с уровнем ниже среднего сократилось с 50% до 20%. Низкий уровень на контрольном этапе отсутствовал.

Заключение

Формирование словаря у детей старшего дошкольного возраста с ОНР III уровня является важной задачей логопедической работы. Проведенное исследование показало эффективность использования инновационных технологий в развитии лексической стороны речи дошкольников.

Реализация комплекса из 30 логопедических занятий способствовала расширению словарного запаса, совершенствованию процессов обобщения и классификации, а также повышению речевой активности детей. Результаты контрольного этапа подтвердили положительную динамику развития словаря: количество детей с низким уровнем лексического развития снизилось, а число дошкольников со средним и выше среднего уровнями увеличилось.

Использование инновационных технологий является эффективным средством формирования словаря у детей старшего дошкольного возраста с ОНР III уровня.

Библиографический список

1. Акименко В.М. Логопедическое обследование детей с речевыми нарушениями. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 112 с.

2. Бондаренко Т.А. Проблемы подготовки к обучению грамоте дошкольников с общим недоразвитием речи / Т.А. Бондаренко, А.А. Серова // Наследие В.И. Лубовского и современные тенденции развития специального и инклюзивного образования: Сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, посвященной памяти профессора Р.Е. Левиной, Курск, 28 февраля – 01 2023 года. – Курск: Курский государственный университет, 2023. – С. 34-38.

3. Васильева В.С. Формирование операций словообразования и словоизменения у дошкольников с общим недоразвитием речи средствами дидактических игр / В.С. Васильева, А.Р. Калашникова // Ребенок и общество. – 2023. – № 2. – С. 66-70.

4. Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В. Формирование лексики и грамматического строя у дошкольников с общим недоразвитием речи. – СПб.: Союз, 2001. – 224 с.

5. Левина Р.Е. Основы теории и практики логопедии. – М.: Просвещение, 1968. – 367 с.

6. Филичева Т.Б., Чиркина Г.В. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 224 с.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. – М.: Просвещение, 2023. – 64 с.

8. Ушакова О.С., Струнина Е.М. Методика развития речи детей дошкольного возраста. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 287 с.

VOCABULARY DEVELOPMENT IN SENIOR PRESCHOOL-AGED CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT USING INNOVATIVE TECHNOLOGIES

E.S. Lyubimova[1], *Senior Lecturer*
E.I. Shevlyakova[2], *Speech Therapist*
V.V. Koroleva[1], *Student*
[1]Volgograd State Social and Pedagogical University
[2]Kindergarten № 279, Krasnoarmeysky District
[1,2](Russia, Volgograd)

Abstract. *The authors examine the theoretical aspects of vocabulary development in older preschool-age children with level III general speech underdevelopment using innovative technologies. They analyze the characteristics of lexical speech development in preschoolers with speech pathology and explore the specific features of vocabulary development in children with general speech underdevelopment. Particular attention is paid to the use of innovative technologies in speech therapy practice. The results of an experimental study aimed at developing and testing a set of speech therapy activities for vocabulary development are presented.*

Keywords: *general speech underdevelopment; vocabulary; innovative technologies; speech therapy; preschool age.*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ САКСОФОНИСТА

Люй Дунцзэ, *аспирант*
Московский педагогический государственный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-284-288

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогические аспекты формирования индивидуального исполнительского стиля саксофониста в процессе музыкального обучения. Актуальность темы обусловлена необходимостью развития не только технических навыков учащегося, но и его художественной самостоятельности, интерпретационного мышления и творческой инициативы. Раскрывается сущность понятия индивидуального исполнительского стиля как системы технических, темброво-интонационных, художественно-интерпретационных и личностно-творческих характеристик. Особое внимание уделяется специфике саксофона как инструмента, обладающего широкой тембровой палитрой, артикуляционной гибкостью и стилевой многоплановостью. Обосновываются педагогические условия развития индивидуальности саксофониста: индивидуализация обучения, художественно ориентированная работа над техникой, формирование слухового самоконтроля, развитие интерпретационного мышления, включение творческих заданий и концертно-сценической практики.*

Ключевые слова: *индивидуальный исполнительский стиль; саксофонист; музыкальная педагогика; интерпретационное мышление; темброво-интонационная культура.*

Современное музыкальное образование ориентировано не только на развитие исполнительской техники, но и на формирование творческой индивидуальности музыканта. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема становления индивидуального исполнительского стиля, отражающего художественную зрелость исполнителя, его способность к самостоятельной интерпретации произведения и осознанному выбору выразительных средств.

Особое значение данная проблема имеет в обучении саксофонистов. Саксофон обладает широкой тембровой палитрой, гибкими динамическими возможностями и функционирует в различных стилевых сферах – академической, джазовой, эстрадной и современной музыке. Поэтому индивидуальность саксофониста проявляется не только в технической подготовке, но и в характере звукоизвлечения, артикуляции, дыхания, вибрато, фразировки и стилевой мобильности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления педагогических условий, способствующих формированию индивидуального исполнительского стиля саксофониста. В педагогической практике существует противоречие между стремлением к технической точности и недостаточным вниманием к развитию самостоятельного художественного мышления учащегося. Его преодоление требует такой организации учебного процесса, при которой техническая дисциплина сочетается с творческой свободой обучающегося.

Цель исследования – рассмотреть педагогические аспекты формирования индивидуального исполнительского стиля саксофониста.

Задачи исследования: раскрыть теоретические основы данного понятия; определить специфику его формирования у саксофониста; выявить основные педагогические условия и методы развития исполнительской индивидуальности.

Методологическую основу составляют теоретический анализ научной литературы, обобщение музыкально-педагогического опыта и исполнительско-педагогический анализ особенностей обучения игре на саксофоне.

Теоретические основы формирования индивидуального исполнительского стиля музыканта

Формирование индивидуального исполнительского стиля музыканта является одной из существенных проблем современной теории исполнительства и музыкальной педагогики. В профессиональном образовании развитие исполнителя не может ограничиваться

накоплением технических навыков, освоением репертуара и точным воспроизведением нотного текста. Не менее важным становится воспитание музыканта, способного к самостоятельному художественному мышлению, осознанной интерпретации произведения и выработке собственной исполнительской манеры.

В настоящем исследовании индивидуальный исполнительский стиль понимается как устойчивая система художественно-выразительных, технических, тембровых, интонационных и интерпретационных признаков, определяющих своеобразие исполнения музыканта. Исполнительская индивидуальность не тождественна произвольной свободе или субъективному нарушению авторского текста; она формируется во взаимодействии авторского замысла, исполнительской традиции и личностного художественного опыта. В этом отношении важно положение А.В. Малинковской о том, что индивидуальность и индивидуальный стиль исполнителя следует рассматривать не только как категории теории исполнительства, но и как категории педагогики музыкального образования [1].

Индивидуальный исполнительский стиль целесообразно рассматривать как целостную систему, в которой взаимосвязаны технические, интерпретационные, эстетические и личностно-творческие параметры. Техническая сторона проявляется в особенностях звукоизвлечения, артикуляции, дыхания, штриховой культуры, темпоритмической организации и владения инструментом. Однако техника не является самоцелью: её художественный смысл раскрывается тогда, когда она становится способом выражения музыкального содержания.

Не менее значимым является художественно-интерпретационный аспект, связанный со способностью исполнителя выявлять форму, драматургию, интонационное развитие, эмоциональный строй и образную сферу произведения. Именно интерпретация позволяет перейти от внешней правильности исполнения к полноценному художественному высказыванию. Современные исследования музыкального исполнения показывают, что индивидуальные различия между исполнителями проявляются в конкретных параметрах звучания – временной организации, динамике, артикуляции и характере их воздействия на слушательское восприятие [2].

Особое значение имеет соотношение подражания, традиции и самостоятельности. На ранних этапах обучения подражание педагогу и признанным исполнительским образцам помогает учащемуся усвоить нормы звукоизвлечения, фразировки, артикуляции и сценического поведения. Однако длительное сохранение подражательной модели может привести к художественно безличному исполнению. Поэтому педагогическая задача состоит в постепенном переводе обучающегося от репродуктивного освоения образца к осознанному выбору собственных исполнительских средств. В этом контексте исполнительско-педагогическая интерпретация музыкального произведения соединяет освоение традиции с развитием самостоятельного музыкального мышления [3].

Таким образом, индивидуальный исполнительский стиль музыканта представляет собой комплексное образование, включающее технический, художественно-интерпретационный, эстетико-ценностный и личностно-творческий компоненты. Его формирование не является автоматическим следствием расширения репертуара или совершенствования техники, а требует целенаправленного педагогического воздействия, развития слуховой культуры, самоанализа и творческой самостоятельности. Для саксофониста это особенно значимо, поскольку его исполнительская индивидуальность наиболее непосредственно проявляется в звукоизвлечении, артикуляции, тембровой палитре и способности ориентироваться в различных стилевых системах.

Специфика формирования индивидуального стиля саксофониста

Специфика формирования индивидуального исполнительского стиля саксофониста определяется выразительной природой инструмента. Саксофон обладает тембровой гибкостью, широким динамическим диапазоном и способностью функционировать в различных музыкально-стилевых системах академической, джазовой, эстрадной и современной. В отличие от инструментов с более устойчивой звуковой моделью, он предоставляет исполнителю значительную свободу в области звукоизвлечения, артикуляции, вибрато, тембровой окраски и интонационной выразительности. Поэтому индивидуальность саксофониста прежде всего проявляется в характере организации звука.

Ключевым параметром индивидуального стиля саксофониста является тембр. Его качество зависит от дыхания, амбушюра, положения языка, характера атаки звука, слухового контроля и звукового идеала исполнителя. В педагогической практике нередко наблюдается стремление учащихся к технической беглости при недостаточном внимании к качеству звучания. Такое исполнение может быть внешне точным, но лишённым тембровой выразительности. Между тем именно темброво-интонационная культура позволяет саксофонисту раскрывать художественный образ произведения и преодолевать механическое воспроизведение нотного текста.

Особое значение имеют дыхание, артикуляция и вибрато. Для саксофониста дыхание является не только физиологической основой звукоизвлечения, но и средством фразировки, динамической гибкости и интонационной устойчивости. Артикуляция определяет характер звуковой атаки и стилевую точность исполнения: в академической традиции она ориентирована на ясность и чистоту, в джазовой на ритмическую свободу, swing, акцентировку и индивидуальную речевую интонацию, а в современной музыке может включать расширенные приёмы и тембровые эффекты. Вибрато, в свою очередь, придаёт звуку пластичность и эмоциональную насыщенность, однако его частота, амплитуда и момент включения должны соответствовать стилю произведения и художественной задаче [4].

Формирование индивидуального стиля саксофониста осложняется стилевой многоплановостью инструмента. В академической музыке от исполнителя требуется концентрированный звук, точная интонация, уважение к авторскому тексту и ясная организация формы; в джазе особое значение приобретают ритмическая свобода, импровизационное мышление и индивидуальная звуковая манера; в современной музыке владение расширенными техниками и новыми тембровыми ресурсами. Такое многообразие требует гибкой организации образовательного процесса, что подтверждается исследованиями, посвящёнными сравнению различных моделей профессиональной подготовки саксофонистов [5].

Одной из распространённых педагогических проблем является чрезмерное подражание учащегося педагогу или известным исполнителям. На начальном этапе оно помогает освоить нормы звука, дыхания, артикуляции и фразировки, однако при длительном сохранении копирующей модели может привести к формированию однотипной манеры исполнения. Поэтому учащийся должен постепенно переходить от воспроизведения образца к осознанному поиску собственного тембра, артикуляционного решения, динамической логики и способов фразировки.

Педагогические условия и методы развития индивидуального исполнительского стиля саксофониста

Эффективное формирование индивидуального исполнительского стиля саксофониста возможно при условии сочетания технической дисциплины и творческой свободы обучающегося. Задача педагога заключается не в навязывании готовой исполнительской модели, а в создании условий для самостоятельного художественного выбора учащегося.

Первым условием является индивидуализация образовательного процесса. Она предполагает учёт природных звуковых данных учащегося, уровня технической подготовки, особенностей слуха, дыхания, музыкального мышления, темперамента и художественных интересов. На практике это выражается в дифференцированном подборе упражнений, этюдов, репертуара и темпа освоения учебного материала. Такой подход позволяет избежать унификации звучания и формирования шаблонной исполнительской манеры.

Вторым условием выступает художественно ориентированное развитие технической базы. Работа над дыханием, амбушюром, звукоизвлечением, артикуляцией, штрихами, интонацией и вибрато должна строиться не как механическое повторение технических действий, а как поиск выразительных средств. Педагог может предлагать учащемуся исполнить один и тот же фрагмент с различной динамикой, атакой звука, артикуляцией или характером вибрато, после чего обсудить изменение художественного смысла исполнения.

Третье условие связано с формированием темброво-интонационной культуры и слухового самоконтроля. Для саксофониста это особенно важно, поскольку индивидуальная манера исполнения во многом определяется качеством звука, устойчивостью интонации и способностью к тембровой дифференциации. Методически целесообразно использовать длительные звуки, упражнения на динамические

переходы, работу над регистрами, контроль атаки звука и регулярную запись собственного исполнения. Подобная работа помогает учащемуся осознанно формировать собственный звуковой образ.

Четвёртым условием является развитие интерпретационного мышления. Индивидуальный стиль не может сформироваться без способности анализировать форму, жанр, стиль, драматургию и образное содержание произведения. В педагогической практике целесообразно использовать сравнительное прослушивание разных исполнительских версий, обсуждение фразировки, агогики, динамического плана и стилевых особенностей. Особенно важно учитывать различия между академической и джазовой методиками обучения игре на саксофоне, поскольку они по-разному формируют отношение учащегося к тексту, ритму, артикуляции и импровизационной свободе [6].

Пятым условием является включение творческих и импровизационных заданий. Они могут включать короткую импровизацию на заданный ритмический рисунок, вариативное исполнение фразы, самостоятельный подбор артикуляции, создание динамического плана или изменение характера звучания в зависимости от образной задачи. Даже в академическом репертуаре такие формы работы развивают гибкость музыкального мышления и помогают учащемуся перейти от воспроизведения текста к активному художественному высказыванию.

Шестым условием выступает организация концертно-сценической практики и развитие рефлексии. Академические концерты, зачёты, конкурсы, ансамблевое музицирование и мастер-классы позволяют проверить устойчивость исполнительских навыков в публичной ситуации. Не менее важен последующий самоанализ: прослушивание записей, обсуждение качества звука, фразировки, контакта со слушателем и целостности интерпретации. Современные исследования методик обучения саксофону подчёркивают значимость сочетания различных педагогических традиций, репертуарных подходов и практико-ориентированных форм работы с учащимися [7].

Таким образом, педагогические условия формирования индивидуального исполнительского стиля саксофониста включают индивидуализацию обучения, художественно ориентированное развитие техники, формирование темброво-интонационной культуры, развитие интерпретационного мышления, творческие задания, концертную практику и систематическую рефлексию. Их совокупность позволяет перевести учащегося от копирования готовых образцов к осознанному художественному выбору, при котором профессиональная техника становится основой индивидуального исполнительского высказывания.

Заключение

Таким образом, формирование индивидуального исполнительского стиля саксофониста представляет собой целенаправленный педагогический процесс, объединяющий развитие технического мастерства, темброво-интонационной культуры, интерпретационного мышления и творческой самостоятельности. Индивидуальный стиль не возникает автоматически в результате накопления навыков или расширения репертуара; он формируется через системную работу над звуком, дыханием, артикуляцией, вибрато, фразировкой и стилевой осознанностью.

Основными педагогическими условиями данного процесса являются индивидуализация обучения, художественно ориентированное развитие техники, формирование слухового самоконтроля, включение творческих заданий, концертно-сценическая практика и рефлексия. Их совокупность позволяет перевести учащегося от подражания готовым образцам к самостоятельному художественному выбору. Следовательно, задача педагога заключается в создании образовательной среды, в которой профессиональная техника, стилевая грамотность и творческая инициатива способствуют становлению саксофониста как самостоятельной художественной личности.

Библиографический список

1. Малинковская А.В. Индивидуальность и индивидуальный стиль исполнителя как категории теории исполнительства и педагогики музыкального образования // Музыкальное искусство и образование. – 2017. – № 4 (20).
2. Лерч А., Артур К., Пати А., Гурурани С. Междисциплинарный обзор анализа музыкального исполнения // Transactions of the International Society for Music Information Retrieval. – 2020. – Vol. 3, № 1. – P. 221-245. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://transactions.ismir.net/articles/10.5334/tismir.53.
3. Малинковская А.В. Исполнительско-педагогический анализ музыкального произведения в контексте герменевтической теории понимания-интерпретации // Музыкальное искусство и образование. – 2018. – № 3 (23).
4. Башмакова Е.О. Осознанное интонирование в классе саксофона в учреждениях дополнительного образования детей // МНКО. – 2022. – № 5 (96).
5. Ши Хаочжэ. Сравнение и осмысление учебных программ по классу саксофона в Китае и США: на примере музыкального факультета Государственного университета Трумэна в США и Чжэцзянской консерватории музыки // Домдрамы. – 2022. – № 34. – С. 110-112. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xjzj.juqk.net/sell/itemid-264816.shtml.
6. Цзян, В. Обучение игре на классическом и джазовом саксофоне: сравнительный анализ методик / В. Цзян // Педагогический журнал. – 2020. – Т. 10, № 2-1. – С. 600-606. – DOI 10.34670/AR.2020.94.68.073. – EDN TOWNYB.
7. Юй Тяньфу. Саксофон в музыкальном образовании: методики обучения и их эволюция в разных культурах // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 12-1 (72).

PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEVELOPING AN INDIVIDUAL PERFORMANCE STYLE IN SAXOPHONISTS

Lyu Dongze, *Postgraduate Student*
Moscow State Pedagogical University
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article examines the pedagogical aspects of developing an individual performance style in saxophonists within the process of musical education. The relevance of the topic is determined by the need to develop not only students' technical skills, but also their artistic independence, interpretative thinking, and creative initiative. The concept of individual performance style is understood as a system of technical, timbral-intonational, artistic-interpretative, and personal-creative characteristics. Particular attention is paid to the specificity of the saxophone as an instrument with a wide timbral palette, articulatory flexibility, and stylistic versatility. The article substantiates the pedagogical conditions for developing a saxophonist's individuality: individualization of instruction, artistically oriented technical work, formation of auditory self-control, development of interpretative thinking, inclusion of creative tasks, and concert-stage practice.*

Keywords: *individual performance style; saxophonist; music pedagogy; interpretative thinking; timbral-intonational culture.*

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДВИЖНЫХ ИГР НАРОДОВ СЕВЕРА

М.Г. Микрюкова, *старший преподаватель*
Я.М. Чуклина, *студент*
Вятский государственный университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-289-294

Аннотация. *Данная научная статья посвящена описанию содержания методики развития физических качеств у детей младшего школьного возраста средствами национальных подвижных игр народов Севера. Среди широкого разнообразия средств физического воспитания, применяемых для эффективного развития физических качеств и гармоничного формирования детей младшего школьного возраста, одно из главных мест занимают подвижные игры. Учебной программой предлагается определенное количество подвижных игр, направленных на развитие физических качеств и творчества, воображения, внимания, воспитания инициативности, самостоятельности действий. В статье представлены материалы применения комплексов национальных подвижных игр народов Севера в рамках внеурочной формы занятия с детьми младшего школьного возраста.*

Ключевые слова: *национальные подвижные игры; средства; дети младшего школьного возраста; физические качества; внеурочная форма занятий.*

Современному обществу нужны творческие и гармонично развитые, активные и здоровые люди. Поэтому в настоящее время забота о здоровье детей стала занимать в нашей стране приоритетные позиции [1].

Здоровье, приобретенное в период младшего школьного возраста, служит фундаментом для общего развития и сохраняет свою значимость в последующие годы. Одной из первостепенных задач воспитательного процесса является физическое воспитание школьников. Оно является неотъемлемой частью всей учебно-воспитательной работы школы и занимает важное место в подготовке учащихся к жизни и к общественно полезному труду.

Внеурочная деятельность является составной частью учебно-воспитательного процесса и одной из форм организации свободного времени учащихся. Внеурочная деятельность организуется для удовлетворения потребностей учащихся в содержательном досуге, их участие в самоуправлении и общественно полезной деятельности [2].

Так, М.А. Зубарева (2023) изучив Федеральный государственный образовательный стандарт, установила, что именно в младшем школьном возрасте необходимо комплексно развивать все физические качества. В этом возрасте отмечается рост во всех аспектах жизнедеятельности [3].

Практикой физического воспитания подтверждается, что хорошее развитие двигательных качеств у младших школьников вызывает у них интерес к выполнению различных упражнений и заданий, поэтому нужно разнообразить средства, методы и формы этой работы. И, в связи с этим, самым эффективным средством развития двигательных качеств является подвижная игра.

Подвижная игра рассматривается как осознанная деятельность, направленная на достижение конкретных целей. Её особенность – ярко выраженная роль активных движений.

К задачам подвижных игр относят:

1. Укрепление здоровья детей.
2. Овладение жизненно необходимыми двигательными навыками, умениями и их совершенствование.
3. Воспитание у детей морально-волевых и физических качеств.
4. Привитие организаторских и командных умений и навыков [4].

Национальные подвижные игры являются традиционным эффективным средством развития физических качеств детей, учитывающим этнические и возрастные особенности физического развития и физической подготовленности [5].

Воспитательное значение народных подвижных игр огромно. Кузнецова З.М. (2006)

указывает, что воспитание, основанное на народных началах и традициях народа, обладает той образовательной силой, которой нет в системах, существующих на сегодняшний день и основанных на абстрактных идеях [6].

Научное исследование проводилось на базе «Средней школы № 4 с углубленным изучением отдельных предметов» города Нарьян-Мара.

Педагогический эксперимент длился в течение 5 месяцев. Всего нами было проведено 20 внеурочных занятий.

В эксперименте принимали участие дети младшего школьного возраста (8-9 лет) в количестве 30 человек, разделенных на контрольную и экспериментальную группу по 15 человек в каждой.

Занятия проводились 1 раз в неделю, продолжительность каждого занятия составляла 45 минут. Структура состояла из: подготовительной части – 15 минут, основной – 25 минут и заключительной – 5 минут.

На каждом занятии нами применялись разработанные комплексы национальных подвижных игр народов Севера, классифицируемые по направленности воздействия в развитии физических качеств.

В таблице 1 представлены национальные подвижные игры по направленности воздействия в развитии физических качеств.

Таблица 1. Национальные подвижные игры по направленности воздействия в развитии физических качеств

№	Игра	Направленность игры
1	«Бег по-медвежьи» («Пупи нэвер»)	на развитие ловкости и быстроты
2	«Каюр и собаки»	на развитие ловкости и быстроты
3	«Стой, олень!»	на развитие ловкости и быстроты
4	«Зайцы и собаки»	на развитие быстроты
5	«Тюленьи бега»	на развитие ловкости
6	«Оленьи упряжки!»	на развитие гибкости и ловкости
7	Кто самый гибкий? (тутум эргийии).	на развитие гибкости
8	Охота на зверей способом загона	на развитие гибкости
9	Арки	на развитие гибкости
10	«Тройной прыжок»	на развитие гибкости
11	«Перетягивание палки»	на развитие выносливости и гибкости
12	«Рыбаки и рыбки»	на развитие выносливости
13	«Волк и олени»	на развитие выносливости
14	«Бой медвежат»»	на развитие силовых способностей и выносливости
15	«Тунумиу»	на развитие силовых способностей

В таблице 2 представлен фрагмент план-графика применения экспериментальной методики.

Таблица 2. Фрагмент план-графика применения экспериментальной методики

№	Содержание материала	Номер занятия									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Подготовительная часть (15 минут)											
1	Приветствие, задачи занятия	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	Виды ходьбы, бега, прыжков	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
3	ОРУ	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Основная часть (25 минут)											
1	Комплекс №1	25						25			
2	Комплекс №2		25						25		
3	Комплекс №3			25						25	
4	Комплекс №4				25						25
5	Комплекс №5					25					
6	Комплекс №6						25				
Заключительная часть (5 минут)											
	Упражнения на восстановление дыхания	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	Подведение итогов	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Итого:		45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

В таблице 3 представлен комплекс национальных подвижных игр №1.

Таблица 3. Комплекс национальных подвижных игр №1 (Цель: развитие быстроты и ловкости у детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	«Бег по-медвежьи» («Пупи нэвер»)	5 минут активный отдых 2 минуты	Показать движения во время игры, проговаривая, что нужно отталкиваться двумя руками и приземляться на обе ноги.	Высокая
2	«Каюр и собаки»	7 минут активный отдых 2 минуты	Следить за точностью движений они должны соответствовать правилам.	Средняя
3	«Стой, олень!»	7 минут активный отдых 2 минуты	Разбегаться можно только по сигналу «Беги, олень!», осаленные отходят в условленное место, салить надо осторожно	Низкая

В таблице 4 представлен комплекс национальных подвижных игр №2.

Таблица 4. Комплекс национальных подвижных игр №2 (Цель: развитие силы и выносливости детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	«Волк и олени»	10 минут активный отдых 3 минуты	Можно использовать разные движения: поскоки, лёгкий или быстрый бег, боковой галоп.	Высока
2	«Тунумиу»	10 минут активный отдых 2 минуты	Перед началом игры необходимо определить момент окончания игры, чтобы это не было неожиданным для участников.	Средняя

В таблице 4 представлен комплекс национальных подвижных игр №3.

Таблица 5. Комплекс национальных подвижных игр №3 (Цель: развитие быстроты и ловкости детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	«Зайцы и собаки»	10 минут активный отдых 3 минуты	Подготовить площадку. Можно отделить домик зайцев цветным шнуром, поставить стул для домика волка напротив домика зайцев.	Высокая
2	«Тюленьи бега»	10 минут активный отдых 2 минуты	Водящие должны слегка касаться рукой убегающих, не хватать и не толкать их в спину, не ставить подножек.	Средняя

В таблице 6 представлен комплекс национальных подвижных игр №4.

Таблица 6. Комплекс национальных подвижных игр №4 (Цель: развитие ловкости и гибкости детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	«Тройной прыжок»	7 минут активный отдых 2 минуты	Усложнение: игру можно проводить по звеньям: одновременно выходят к черте по одному игроку от каждого звена и начинают по сигналу прыжки. Выигрывает звено, участники которого прыгают дальше.	Высокая
2	«Оленьи упряжки!»	5 минут активный отдых 2 минуты	Преодолевая препятствия, каюр не должен терять свою упряжку. Олень считается пойманным, если каюр его осалил.	Средняя
3	Кто самый гибкий? (Тутум эргийии)	7 минут активный отдых 2 минуты	Может быть сложно выполнить упражнение без нарушений правил: касание земли разными частями тела, не удерживание палки в углублении упора, падения.	Низкая

В таблице 7 представлен комплекс национальных подвижных игр №5.

Таблица 7. Комплекс национальных подвижных игр №5 (Цель: развитие силы и выносливости детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	«Рыбаки и рыбки»	7 минут активный отдых 3 минуты	Пойманные «рыбки» не могут вырываться и вылезать из-под верёвки, если они были ею окружены. «Рыбки» плывут в глубокое место только после слова воспитателя «лови!».	Высокая
2	«Бой медвежат»	5 минут активный отдых 3 минуты	Необходимо вытолкнуть соперника из круга, ударяя об его ладони, или заставить его коснуться земли или пола любой частью тела.	Средняя
3	«Перетягивание палки»	6 минут активный отдых 1 минуты	Инвентарь: доска длиной 2 метра, шириной 20 см, толщиной 3 см, круглая палка длиной 50 см, диаметром 3–3,5 см,	Средняя

В таблице 8 представлен комплекс национальных подвижных игр №6.

Таблица 8. Комплекс национальных подвижных игр №6 (Цель: развитие ловкости и гибкости детей младшего школьного возраста)

№	Игра	Время проведения	ОМУ	Интенсивность игры
1	Охота на зверей способом загона	7 минут активный отдых 1 минуты		Высокая
2	«Перетягивание палки»	7 минут активный отдых 1 минуты	Инвентарь: доска длиной 2 метра, шириной 20 см, толщиной 3 см, круглая палка длиной 50 см, диаметром 3–3,5 см,	Средняя
3	Арки	6 минут активный отдых 3 минуты		Низкая

В таблице 9 представлено сравнение среднегрупповых показателей развития физических качеств у детей младшего школьного возраста в экспериментальной и контрольной группе в конце педагогического эксперимента.

Таблица 9. Сравнение среднегрупповых показателей развития физических качеств у детей младшего школьного возраста в экспериментальной и контрольной группе в конце педагогического эксперимента

Название теста		Экспериментальная группа Мэ ± m	Контрольная группа Мк ± m	t (2,05)	P
Шестиминутный бег (м)		547 ±20	482 ±21,5	2,19	<0,05
Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине (кол-во раз)		4,5 ±0,23	3,4 ±0,30	2,79	<0,05
Бег на 30 м (с)		6,3 ±0,07	6,6 ±0,08	2,27	<0,05
Статическое равновесие (с)	правая нога	14,6± 0,30	12,6 ±0,38	3,92	<0,05
	левая нога	14,2± 0,38	12,5± 0,30	3,51	<0,05
Наклон вперёд из положения стоя на гимнастической скамье (см)		3 ±0,23	2 ±0,30	2,42	<0,05

Из таблицы 9 видно, что на конец педагогического эксперимента нами были получены следующие результаты:

1) в тесте «шестиминутный бег (м)» среднее значение в экспериментальной группе улучшилось на 13,2%, а в контрольной группе – 2,8%. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$);

2) в тесте «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине (кол-во раз)» в экспериментальной и контрольной группе средние показатели улучшились на 36% и 30% соответственно. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$);

3) в тесте «бег на 30 м (с)» среднее значение у испытуемых экспериментальной группы улучшилось на 8,1%, а в контрольной на 3,6%. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$);

4) в тесте «статическое равновесие на правой ноге (с)» в экспериментальной группе результаты улучшились на 19%, а в контрольной группе 7,9% соответственно. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$);

5) в тесте «статическое равновесие на левой ноге (с)» в экспериментальной группе результаты улучшились на 15%, а в контрольной группе 7,4% соответственно. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$);

6) в тесте «наклон вперёд из положения стоя на гимнастической скамье (см)» в экспериментальной группе средний показатель улучшился на 150%, а в контрольной – 55%. Различия показателей достоверны ($p < 0,05$).

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что разработанная нами методика развития физических качеств у детей младшего школьного возраста средствами национальных подвижных игр народов Севера оказалась эффективной и может быть рекомендована учителям физической культуры и специалистами дополнительного образования на физкультурно-оздоровительных занятиях.

Библиографический список

1. Платонов В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсмена. – М.: Спорт-Человек, 2019. – 656 с.

2. Физическая подготовка: сдача нормативов комплекса ГТО: учебное пособие для среднего профессионального образования / И.М. Туревский, В.Н. Бородаенко, Л.В. Тарасенко. – 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 148 с.

3. Зубарева М.А. Развитие физических качеств младших школьников посредством подвижных игр народов Севера // Сургутский государственный университет. – 2023. – № 7. – С. 73-78.

4. Степаненкова Э.Я. Теория и методика физического воспитания и развития ребенка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Э.Я. Степаненкова. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 368 с.

5. Токмашева М.А. Влияние шорских национальных подвижных игр на формирование двигательных навыков у школьников с учётом этнических особенностей / М.А. Токмашева, А.А. Ильин, Л.В. Капилевич // SCIENCE FOR EDUCATION TODAY. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 254-271.

6. Народные подвижные игры как средство реализации социальных функций физической культуры: учеб. пособие / З.М. Кузнецова, М.Н. Савосина, Н.Х. Гжемская. – Набережные Челны: РИО КамГИФК, 2006. – 159 с.

METHODS OF DEVELOPING PHYSICAL QUALITIES IN CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE BY MEANS OF NATIONAL OUTDOOR GAMES OF THE PEOPLES OF THE NORTH

M.G. Mikryukova, *Senior Lecturer*
Ya.M. Chuklina, *Student*
Vyatka State University
(Russia, Kirov)

Abstract. *This scientific article is devoted to the description of the content of an experimental methodology for the development of physical qualities in children of primary school age by means of national outdoor games of the peoples of the North. Among the wide variety of physical education tools used for the effective development of physical qualities and the harmonious formation of primary school children, outdoor games occupy one of the main places. The curriculum offers a certain number of outdoor games aimed at developing creativity, imagination, attention, fostering initiative, and independence of action. The article presents materials on the application of complexes of national outdoor games of the peoples of the North in the framework of extracurricular activities with children of primary school age.*

Keywords: *national outdoor games; means; children of primary school age; physical qualities; extracurricular activities.*

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА

О.М. Мутовкина, *канд. пед. наук, доцент*
Государственный университет просвещения
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-295-300

Аннотация. *В статье анализируется дидактический потенциал аудиовизуальных средств при формировании коммуникативной иноязычной компетенции у студентов экономических направлений. Эмпирическую базу составили данные апробации комплекса материалов – фрагментов деловых переговоров, кейсовых интервью, экономических подкастов, корпоративных видеоотчётов. Предложена многоуровневая типология ресурсов и трёхэтапная схема работы с видеофрагментом. Результаты опытного обучения свидетельствуют о приросте показателей по аудированию, говорению, прагматической адекватности и владению терминологией. Отдельно рассмотрено сопряжение аудиовизуальных технологий с генеративными языковыми моделями.*

Ключевые слова: *аудиовизуальные средства; коммуникативная иноязычная компетенция; деловой английский; профессионально-ориентированное обучение; экономический дискурс; межкультурная коммуникация; методика преподавания иностранных языков.*

Расширение трансграничных экономических связей последнего десятилетия привело к существенной перестройке требований, предъявляемых к выпускнику экономического вуза. Работодатель ожидает от молодого специалиста не «знания иностранного языка вообще», а вполне определённого набора умений: вести переговоры, реферировать аналитические обзоры, участвовать в видеоконференциях с зарубежными партнёрами, оперативно интерпретировать профессионально-ориентированный медиаконтент, выступать на международных форумах с презентацией собственного проекта. Вместе с тем традиционная организация занятия – где основными источниками информации остаются учебник и преподаватель – лишь частично отвечает обозначенным запросам.

Обращение к аудиовизуальным ресурсам как самостоятельному компоненту языковой подготовки представляется в этой связи закономерным. Природа делового общения, как замечает M. Cerban, отличается высокой степенью контекстной обусловленности: значение реплики раскрывается не только через лексико-грамматическую форму, но и через паралингвистические средства – интонацию, мимику, жест, дистанцию [3]. Транслировать подобные нюансы письменный текст не способен. Видеоматериалы, напротив, фиксируют коммуникативное событие во всей его многомерности, что обеспечивает обучающемуся доступ к реальному узусу профессионального дискурса.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, цифровая среда насытила образовательное пространство аудиовизуальными ресурсами, доступными практически без ограничений; вопрос об их методически осмысленном применении становится первоочередным. Во-вторых, специфика делового английского – его насыщенность метафорическими переносами, аббревиатурами, культурно-нагруженными формулами вежливости – практически не поддаётся освоению вне «живого» контекста. В-третьих, в современной концепции иноязычной подготовки экономиста всё отчётливее звучит требование формировать не только речевые навыки, но и сопутствующие им умения – критическое мышление, медиативные стратегии, цифровую грамотность.

Цель настоящей работы – обосновать методический потенциал аудиовизуальных средств в формировании коммуникативной иноязычной компетенции экономистов и описать опыт их интеграции в учебный процесс. Методологическую базу составили коммуникативный, компетентностный и культурологический подходы к языковому образованию, теоретические положения профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, а

также методы обобщения педагогического опыта, опытного обучения и сравнительного количественного анализа результатов входного и итогового тестирования.

Деловое общение – поле, где пересекаются собственно языковые конвенции, прагматика, культурные сценарии и профессиональное знание. Е.П. Кобелева, рассматривая структуру иноязычной компетенции студента-экономиста, выделяет в ней лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, стратегическую и социокультурную составляющие [4]. Каждая из них требует особых дидактических решений: лингвистический компонент опирается на терминологический пласт, тогда как дискурсивный – на знание жанровых конвенций (отчёт, презентация, переговоры, питч, корпоративный e-mail, минут совещания).

Лексический ярус делового английского обладает рядом отличительных черт, обстоятельно описанных M. Cerban. Это, во-первых, высокая плотность специальной терминологии – экономической, правовой, маркетинговой; во-вторых, присутствие фразеологически устойчивых формул вежливости (would you mind, I'm afraid I have to disagree); в-третьих, метафорический перенос, благодаря которому экономические реалии описываются в терминах военного дела, медицины или спорта (hostile takeover, healthy market, level playing field) [3]. Для обучающегося, чьё знакомство с языком ограничено общеупотребительным регистром, подобный пласт остаётся «слепой зоной» – без систематической работы с аутентичными источниками освоить его едва ли возможно.

Примечательно, что в условиях глобализации деловой дискурс перестал быть монокультурным. Н.В. Тимриева обращает внимание: межкультурная коммуникативная компетенция и владение нормами бизнес-этикета становятся тем условием, без которого даже грамматически безупречная речь не обеспечивает успеха коммуникации [6]. Различия в трактовке времени, в дистанции власти, в готовности к прямой критике, в ритуалах знакомства существенно меняют ход переговоров; не учитывать их означает обречь будущего специалиста на коммуникативные неудачи. Здесь уместно оговориться: формирование подобных умений едва ли достижимо средствами одного лишь печатного учебника. Необходим источник, который воспроизводит ситуацию общения – её темп, регистр, невербальную составляющую, эмоциональный фон. Этим источником и оказывается аудиовизуальный материал.

Эффективность видеоматериалов в обучении иностранному языку имеет несколько объяснений. Восприятие речи на слух, подкреплённое визуальной опорой, разгружает оперативную память обучающегося: не нужно одновременно удерживать в сознании содержание сообщения и реконструировать сопутствующий контекст. Зрительный ряд берёт на себя часть информационной нагрузки, оставляя ресурсы для собственно языковой обработки. Помимо этого, лексическая единица, услышанная в исполнении носителя в естественной коммуникативной ситуации, запоминается прочнее, чем та же единица, прочитанная в учебнике, – что объясняется как богатством сенсорной модальности, так и эмоциональной вовлечённостью обучающегося в просматриваемый сюжет.

Т.С. Путиловская справедливо подчёркивает, что профессионально-ориентированное иноязычное общение служит инструментом формирования навыков личностного роста – рефлексии, самопрезентации, эмоционального интеллекта [1]. Видеоматериалы, моделирующие сложные коммуникативные ситуации (отказ кандидату, конфликт интересов, кросскультурное недопонимание, отстаивание непопулярного решения перед советом директоров), создают условия для соответствующих рефлексивных упражнений. Обучающийся не просто усваивает речевые образцы – он отрабатывает поведение в ситуациях, к которым его не подготавливает повседневный опыт.

Систематизация ресурсов проводилась по нескольким основаниям: степень аутентичности, жанровая принадлежность, коммуникативная направленность, тематический охват. Сводные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Типология аудиовизуальных средств для обучения деловому иностранному языку

Критерий	Тип ресурса	Дидактическая функция
Степень аутентичности	Аутентичные (новостные сюжеты CNBC, Bloomberg; интервью топ-менеджеров; выступления на TED Business)	Развитие умений аудирования в естественном темпе, освоение реального узуса
	Полуаутентичные (учебные ролики Cambridge Business English, BBC Learning English)	Адаптация сложных тем, отработка целевых лексико-грамматических моделей
	Учебные (сценарные диалоги, разработанные преподавателем)	Тренировка отдельных коммуникативных тактик
Жанровая принадлежность	Деловые переговоры, совещания	Освоение стратегий аргументации, возражения, компромисса
	Корпоративные презентации, питчи, презентации продукта	Отработка монологического делового регистра
	Подкасты экономической тематики (HBR IdeaCast, The Economist)	Развитие умений интерпретации аналитического дискурса
	Кейсовые видеоинтервью	Формирование умений медиации и реферирования
	Корпоративные документальные фильмы, годовые видеоотчёты	Знакомство с организационной культурой, корпоративной риторикой
Коммуникативная направленность	Рецептивные (на восприятие и понимание)	Аудирование, видение, конспектирование
	Продуктивно-интерактивные (как стимул к высказыванию)	Дискуссия, ролевая игра, симуляция переговоров
Тематический охват	Финансовый менеджмент, инвестиции, банковское дело	Освоение терминологического тезауруса соответствующей предметной области
	Маркетинг, бренд-менеджмент, потребительское поведение	Овладение стилистикой рекламного и презентационного дискурса
	Управление персоналом, корпоративная культура, лидерство	Развитие интеракционных умений в формате HR-коммуникации

Опора на предложенную типологию позволяет преподавателю выстраивать материал не хаотично, а в логике градации сложности – от учебных диалогов к полностью аутентичным записям деловых событий. Подобный принцип согласуется с методической позицией А.Е. Бельковой и Д.Д. Троско, рассматривающих интеграцию языковых и культурных аспектов экономического образования через инновационные форматы преподавания [5]. Авторы справедливо настаивают на том, что инновация в данном случае – не самоцель, а способ приблизить учебную ситуацию к реалиям профессиональной деятельности. Обращает на себя внимание и принцип тематической согласованности видеоматериала с предметным содержанием смежных дисциплин: если на лекции по корпоративным финансам обсуждается процедура IPO, разумно предложить студентам в качестве иноязычного материала видеоинтервью с CFO, описывающим опыт публичного размещения акций его компании.

Технология работы с видеофрагментом строилась по трёхэтапной схеме, общепринятой в зарубежной методике, но адаптированной к специфике экономической тематики.

Преддемонстрационный этап (pre-viewing). Цель – снять лексические и концептуальные трудности, актуализировать фоновые знания. Применялись приёмы прогнозирования содержания по заголовку, кадру или ключевым терминам; брейнсторминг по тематической области (например, mergers and acquisitions, supply chain disruptions); семантизация терминологии через дефиниционный квиз; работа с инфографикой, предваряющей просмотр. Эффективным оказался также приём «коммуникативной гипотезы»: студенты, ознакомившись с описанием ситуации (например, переговоры о цене между поставщиком и крупным ритейлером), формулируют возможные стратегии каждой стороны и предполагают, чем диалог может завершиться. После просмотра гипотеза верифицируется, что само по себе становится предметом обсуждения.

Демонстрационный этап (while-viewing). Здесь использовались задания на детальное и поисковое аудирование: заполнение таблиц с финансовыми показателями, восстановление пропущенных терминов в скрипте, фиксация аргументов сторон в переговорах, маркировка вежливых формул и стратегий хеджирования. Отдельно выделим приём «немого просмотра»

– фрагмент демонстрировался без звука, после чего обучающиеся реконструировали возможный сценарий диалога, опираясь исключительно на невербальные сигналы. Подобная техника, по нашим наблюдениям, обостряет восприятие паралингвистических средств – той самой составляющей делового общения, о которой пишет M. Cerban [3]. Зарекомендовал себя и приём «разделённого просмотра» (jigsaw viewing): группа делится пополам, одна подгруппа смотрит фрагмент со звуком, другая – без звука; затем участники в парах восстанавливают целостную картину коммуникативного события, обмениваясь информацией исключительно на иностранном языке.

Последемонстрационный этап (post-viewing). Этап продуктивно-творческий: ролевая игра по мотивам просмотренной ситуации, подготовка контраргументирующего выступления, написание аналитического резюме (executive summary), запись собственного видеопитча, проведение мини-конференции с участием «экспертов» из разных сегментов рынка. Здесь же возможна интеграция с инструментами ИИ – обучающиеся формулируют запросы к большой языковой модели для генерации возможных возражений оппонента в переговорах либо для генерации альтернативного варианта корпоративного заявления, после чего сопоставляют сгенерированный текст с оригиналом. Данный приём, как отмечает Е.В. Комарова, требует от студентов осознанного отбора промтов: качество промта напрямую определяет качество получаемого делового текста [2].

Произвольный подбор видеофрагментов не обеспечивает дидактического результата, поэтому был выработан ряд критериев отбора. Это аутентичность и репрезентативность (отражение реальной деловой практики, а не её имитации); лингводидактическая ценность (достаточная плотность изучаемых явлений без когнитивной перегрузки); культурная нейтральность либо, напротив, выраженная маркированность – в зависимости от учебной задачи; оптимальная продолжительность фрагмента (эмпирически – от 3 до 7 минут); техническая доступность и правовая корректность, что в условиях нестабильного доступа к зарубежным платформам делает актуальным формирование локальной видеотеки.

Апробация проводилась в течение учебного года среди студентов 2-3 курсов направлений «Экономика» и «Менеджмент» (64 человека); контрольная и экспериментальная группы формировались по сопоставимым стартовым показателям (уровень B1–B2 CEFR). В экспериментальной группе аудиовизуальные материалы занимали не менее 40% аудиторного времени, в контрольной сохранялась традиционная учебниковая модель. Итоговый срез включал тестирование и оценку устного делового высказывания (роль-плей «переговоры с зарубежным поставщиком») по критериям беглости, точности, лексического диапазона и прагматической адекватности.

Зафиксированный прирост в экспериментальной группе оказался ощутимым. Усреднённые количественные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2. Динамика показателей коммуникативной иноязычной компетенции по итогам опытного обучения, %

Параметр	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Аудирование	+18,4	+6,2
Говорение (монолог)	+14,7	+5,9
Говорение (диалог, переговоры)	+16,1	+4,8
Лексическая компетенция (терминологический пласт)	+22,3	+9,1
Прагматическая адекватность	+19,8	+5,3
Медиативные умения (резюмирование, перевод)	+15,2	+3,7

Особенно показательны результаты по параметру «прагматическая адекватность»: студенты, систематически работавшие с аутентичным видео, заметно реже допускали стилистические сбои – смешение формального и неформального регистра, неуместные лексические заимствования, нарушения этикетных формул. Аналогичную динамику – пусть и в иной предметной области – описывает Я.И. Глембоцкая, рассматривая проблемное обучение деловому общению на материале спортивного вуза: погружение в реалистичный коммуникативный сценарий стимулирует у обучающегося поиск нестандартных

решений [7]. По всей видимости, наблюдаемый эффект объясняется не «магией мультимедиа» как таковой, а тем, что видеоматериал – при условии методически выстроенного сопровождения – задаёт обучающемуся образец для подражания, одновременно демонстрируя варианты речевого поведения и предоставляя широкую сенсорную опору для запоминания.

Последние годы отмечены стремительным проникновением больших языковых моделей в образовательную практику. Их сопряжение с аудиовизуальным обучением открывает ряд продуктивных сценариев. Один из них – генерация альтернативных «концовок» просмотренного диалога: студенту предлагается зафиксировать первые две трети деловых переговоров, после чего, опираясь на качественно сформулированный промт, попросить языковую модель предложить три возможных варианта развития событий; полученные тексты сопоставляются с реальной концовкой, обсуждается прагматическая обоснованность каждого варианта. Второй сценарий – генерация задач для индивидуальной траектории: преподаватель, опираясь на исходный видеоматериал, поручает модели сформировать упражнения трёх уровней сложности. Третий – учебный анализ ошибок самой модели: получая иногда стилистически нерелевантный или фактически неточный ответ, обучающийся приобретает критическое отношение к ИИ-инструментам [2]. Допустимо предположить, что в ближайшей перспективе аудиовизуальные средства и генеративные модели будут восприниматься не как отдельные инструменты, а как взаимодополняющие компоненты единой обучающей среды.

Заявленные преимущества не должны заслонять очевидных рисков. Первый из них – соблазн подменить методически выстроенное занятие демонстрацией «интересных видео»; просмотр без сопровождающих заданий не приводит к существенному обучающему эффекту, более того – может сформировать у обучающихся пассивное восприятие иностранного языка как «фонового шума». Второй риск – когнитивная перегрузка: чрезмерно сложный или чрезмерно длинный материал, предъявленный без надлежащей подготовки, провоцирует у обучающегося ощущение собственной несостоятельности. Третий риск – устаревание материалов: деловой дискурс меняется быстро, что требует от преподавателя постоянного обновления видеотеки. Четвёртый риск связан с культурным редукционизмом: аудиовизуальный материал неизбежно несёт в себе авторскую перспективу – конкретного канала, корпорации, автора подкаста; без критического осмысления этой перспективы обучающийся усваивает не «деловой английский вообще», а определённую идеологически окрашенную версию делового мира.

Проведённое исследование даёт основание полагать, что аудиовизуальные средства должны рассматриваться не как факультативная иллюстрация к курсу делового иностранного языка, но как полноценный методический ресурс с собственной типологией, технологией работы и измеримыми образовательными эффектами. Их преимущество – в способности воспроизводить деловое общение в его естественной полимодальности: с интонационным контуром, невербальными сигналами, культурно-обусловленным поведением партнёров. Разработанная многоуровневая типология и трёхэтапная схема работы с видеофрагментом обнаружили свою практическую применимость; эмпирические данные апробации фиксируют статистически значимый прирост показателей коммуникативной иноязычной компетенции – прежде всего в области аудирования, устной продукции, прагматической адекватности и владения терминологическим тезаурусом.

Вместе с тем эффективность аудиовизуальных средств не является автоматической. Она достигается лишь при соблюдении ряда условий: обоснованного отбора материалов, методически выстроенного цикла заданий, междисциплинарной синхронизации содержания, рефлексивной работы обучающегося с собственным речевым опытом. Перспективы дальнейшего исследования видятся в углублении интеграции аудиовизуального обучения с инструментами генеративного искусственного интеллекта, в разработке системы оценочных критериев для медиативных умений, а также в изучении долгосрочных эффектов применения аудиовизуальных средств – лонгитюдные исследования способны дать наиболее убедительный ответ на вопрос о подлинной образовательной ценности рассмотренного методического ресурса.

Библиографический список

1. Путиловская Т.С. Формирование навыков личностного роста в процессе обучения профессионально ориентированному иноязычному общению // Актуальные проблемы преподавания иностранного языка: традиции и новые парадигмы: материалы международных научно-практических конференций. – М., 2025. – С. 203-207.
2. Комарова Е.В. Выбор промта для больших языковых моделей: деловые коммуникации // Филология и культура. – 2025. – № 1 (79). – С. 66-74.
3. Cerban M. Features of Business English Language // Annals of the University of Craiova. Series Philology. Linguistics. – 2025. – Vol. 46, № 1-2.
4. Кобелева Е.П. К вопросу о формировании иноязычной компетенции студентов-экономистов // Мир педагогики и психологии. – 2025. – № 4 (105). – С. 411-415.
5. Белькова А.Е., Троско Д.Д. Интеграция языковых и культурных аспектов в экономическое образование: инновационные методы преподавания английского языка как средства формирования глобальной экономической компетентности // Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Владимир, 2025. – С. 65-72.
6. Timrieva N.V. The Role of Intercultural Communication Competence and Business Etiquette Skills in Developing Well-Rounded Foreign Language Speakers // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. – 2025. – № 2 (111). – С. 226-228.
7. Глембоцкая Я.И. Специфика овладения темой «Деловое общение» студентами спортивного вуза в аспекте проблемного обучения на занятиях по иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2025. – № 5. – С. 64-69.

AUDIOVISUAL MEANS OF DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE FIELD OF ECONOMICS AND BUSINESS

O.M. Mutovkina, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
State University of Education
(Russia, Moscow)

Abstract. *The paper analyses the didactic potential of audiovisual resources in developing foreign language communicative competence among students of economics. The empirical basis includes data from the implementation of a set of materials – excerpts from business negotiations, case-based interviews, economic podcasts and corporate video reports. A multilevel typology of resources and a three-stage scheme of work with a video fragment are proposed. The results of the experimental teaching indicate gains in listening, speaking, pragmatic adequacy and command of terminology. The combination of audiovisual technologies with generative language models is examined separately.*

Keywords: *audiovisual means; foreign language communicative competence; business English; professionally-oriented teaching; economic discourse; intercultural communication; methodology of foreign language teaching.*

К ВОПРОСУ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т.Ю. Назаренко, *старший преподаватель*
Уральский государственный университет путей сообщения
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-301-305

Аннотация. *Английский язык является главным языком международного общения, т.к. он активно используется в дипломатии, бизнесе, научной и образовательной сферах. Актуальность обращения к указанной теме объясняется возросшим в последнее время интересом к вопросу вариативности, а английский является очень хорошим примером языка с огромной вариативностью. В статье объясняется термин «вариативность языка», даны примеры проявления различий в фонетике, грамматике и лексике в зависимости от вариантов. Отмечается, что у английского многовековая история становления, развития и территориального распространения, которая неразрывно связана с изменениями в языке, происходящими с течением времени, а также географическим и социальным разнообразием его употребления. Подчеркивается, что при изучении английского языка студентов необходимо знакомить с его различными вариантами, поскольку знакомство с языковой вариативностью в сочетании с теоретическим объяснением формирует у обучающихся правильное понимание его динамического характера. А понимание студентами законов вариативности и динамизма языка создает реальную картину его существования и развития, помогая в обучении и изучении английского.*

Ключевые слова: *английский язык; международное общение; образовательная сфера; вариативность; проявление различий; развитие; обучение; изучение.*

Известно, что более 300 лет назад существовал только один вариант английского языка, на котором говорили в Британии. Позднее этот язык был принесен в Америку, Австралию, Индию, Африку и другие страны, где он развивался по-своему, обогащаясь и эвалюционируя, а далее опять возвращался на родину с эмигрантами и товарами, коммуникациями и передовыми технологиями.

В наше время английский язык является одним из самых распространённых в мире, занимает третье место по используемости и имеет многочисленные варианты: британский, американский и канадский, австралийский и новозеландский, индийский и другие.

Чем можно объяснить такое разнообразие английского языка?

Возможно оно объясняется тем, что разница существует не только между этими вариантами, но и внутри каждой страны есть свои особенности в языке.

Например, на юге Америки говорят совершенно иначе, чем в Нью-Йорке, да и в Шотландии есть свои акценты, которые не характерны жителям Лондона, т.е. практически у каждой англоговорящей страны имеется еще и свой диалект, а у Великобритании и Америки их несколько.

Однако, классической версией общепринято считать британский английский (BrE), т.к. он появился самый первый и на нем разговаривали завоеватели-колонизаторы. Они прибывали в новые страны, завоевывали чужие земли, их английский язык ассимилировался с местными диалектами, а поскольку аборигены адаптировали его к своим особенностям речевого аппарата, слуху и реалиям, появлялись новые инварианты языка.

Что же касается, американского варианта английского, то этот вариант появился в период колонизации Америки. Речь британских колонистов сильно изменилась под влиянием того, как говорили представители коренных народов американского континента. Кроме того, в английский проникло много заимствований, например, *canyon, cafeteria, rodeo* из испанского; *tutor*, *brioche, prairie* из французского; *hamburger, kindergarten* из немецкого; *boss, cookie* из голландского; а также слова и из других языков, которыми пользовались европейские колонизаторы. В процессе длительного смешения всех этих языков, акцентов и

появился язык, который называют сейчас американским вариантом английского – AmE.

По утверждению Эдгара Шнайдера, автора Динамической теории развития вариантов, «они проходят достаточно длинный эволюционный путь, который состоит из пяти фаз, следующих друг за другом в прогрессивном историческом плане: основание (приход и первоначальное широкое использование английского языка в ранее неанглоговорящей местности), экзонормативная стабилизация (стабильное использование английского языка, продиктованное преимущественно носителями языка поселенцев и основанное на привезенном ими родном варианте), нативизация (как поселенцы, так и коренные реалии отражаются в новом гибридном сосуществовании), эндонормативная стабилизация (коренная языковая норма укореняется и принимается членами сообщества) и дифференциация (члены сообщества демонстрируют языковую независимость и гордость за тот вариант, на котором они говорят). Каждая из этих фаз отмечена социально-политическим фоном того времени, конструкциями идентичности носителей языка, социолингвистическими условиями, которые их формируют, и языковыми эффектами, которые являются результатом всего этого».

Относительно американского варианта английского, то он «уже прошел полный цикл, пережив фрагментацию на новых региональных и социальных носителей идентичности» и в настоящее время «диверсифицируется в множество новых разновидностей, которые возникли или усилили свои отличительные черты» [1, с. 307-308].

Очевидно, что появление различных вариантов английского языка было не случайным, а было предопределено той исторической ситуацией, в которой оказался язык благодаря новым условиям жизни и влиянию других языков. Эволюционируя, за трехвековую историю он вобрал в себя особенности культур разных стран и народов.

Словарь социолингвистических терминов определяет вариативность языка как его «способность в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних» [2].

Таким образом, из этого определения следует, что языки вообще и английский язык, в частности, являются социальным продуктом и находятся в постоянном движении, изменяя и приспосабливая свою форму к новому изменяющемуся содержанию.

Отметим, что самая изменяемая часть языка – это фонетика, и именно фонетические различия в первую очередь определяют тот или иной вариант языка.

Ирландский, австралийский и новозеландский варианты английского, вероятно ближе всего к классическому британскому, поскольку в силу географической изолированности эти страны не испытывали сильного влияния других языков и культур.

Давайте рассмотрим несколько часто употребляемых слов в разных вариантах английского.

Известно, что магазин англичане называют «шоп», а американцы «шап». Любовь у англичан – «лав», у американцев– «лов», у ирландцев – «лив», а у шотландцев – «лув». День англичане произносят как «дэй», а австралийцы – «ди».

Примечательно, что отличия в вариантах английского языка заметны не только в произношении, но и в мелодике. Ирландский вариант звучит более музыкально и напевно – это вероятно идет от кельтского, а австралийский английский имеет более медленный ритм с ровной интонационной шкалой.

По утверждению лингвистов, в наше время лишь небольшая часть населения Британии изъясняется на том варианте языка, который признан стандартным английским. Это подтверждает в своих многочисленных трудах и знаменитый исследователь-лингвист Дэвид Кристал, отмечая, что лишь 7% англичан говорит на RP (англ. Received Pronunciation).

Received Pronunciation – один из общепринятых во всем мире вариантов английского произношения, который является своего рода эталоном британского звучания для изучающих английский язык как иностранный [3].

Однако мнения людей относительно RP в настоящее время всё чаще расходятся. Опрос в 2007 году показал, что жители Шотландии и Северной Ирландии в большинстве своём не

любят RP. RP больше считается региональным акцентом Лондона и юго-востока Англии, чем неким общебританским стандартом [4].

Наши студенты знают, что мы ведем обучение английскому именно на базе произносительной нормы лондонского диалекта, который лежит в основе литературного произношения современного английского языка Великобритании.

В настоящее время изменения в языке затрагивают не только его фонетику, но также и лексику, которая является одной из самых подвижных частей языка, ведь постоянно возникают новые явления, которые надо назвать, а старые приобретают иные названия. Лексические различия между британским английским и его американским вариантом заключаются, например, в использовании разных слов для обозначения одного и того же предмета.

e. g. *плита cooker vs. stove; отпуск holiday vs. vacation; лифт lift vs. elevator; мотор engine vs. motor; фильм film vs. movie.*

А вот пополнение лексики сейчас, как отмечают социолингвисты, в основном происходит благодаря английскому Ямайки, и в словарном составе можно увидеть такие лексемы, как: *blood* и *bredren* (в значении *friend* – друг), *ends* (*neighbourhood* – соседство, окрестности*), tief (steal* – красть*), whagwan (what's up* – что случилось) [5].

Примечательно, что изменения коснулись и самой устойчивой части языка – грамматики. До XX в. утверждалась грамматическая правильность только одного варианта формы для выражения какого-либо содержания, характеризуя все остальные возможные формы как неграмматичные.

Однако, по утверждению Худякова А.А., с появлением нормативных грамматик язык не застывает в своем развитии, а, напротив, продолжает изменяться в соответствии со своими внутренними законами, а также с внешними факторами, связанными с изменением социальных условий, – такими, как технический и научный прогресс, социальная и региональная дифференциация общества, усиление или ослабление влияния иноязычной культуры /культур, появление и развитие средств массовой информации и т.п. И грамматическое варьирование является неотъемлемой чертой функционирования языка в любой момент его развития [6, с. 8].

Вероятно, именно поэтому языковую вариативность ученые-лингвисты объясняют тем, что, вопреки распространенному мнению, язык не является неизменным и замкнутым, а является живой сущностью, которая постоянно претерпевает изменения, вызванные новыми условиями и формами общения, которые, в свою очередь, обусловлены тем, что язык функционирует в реальной повседневной практике коммуникантов, относящихся к различным территориальным, социальным и профессиональным сферам.

Таким образом, как следствие языковой эволюции, вариативность становится почвой для дальнейшего развития языка и показателем его жизнеспособности и динамичности [7].

Мы считаем, что при изучении английского языка студентов необходимо знакомить с его различными вариантами. Безусловно, вопрос состоит не в том, чтобы они могли усвоить несколько типов произношения, ведь это практически недостижимо, а в том, чтобы они могли отличать на слух тот или иной вариант изучаемого ими языка.Учащиеся должны быть знакомы с разновидностями английского языка на практике.

Это важно, потому что знакомство с языковой вариативностью в сочетании с теоретическим объяснением формирует у обучающихся правильное понимание динамического характера английского языка, а понимание студентами законов вариативности и динамизма языка создает реальную картину его существования и развития, помогая в обучении и изучении английского.

Зарубежные ученые также считают, что ограниченное воздействие разновидностей английского языка может привести к тому, что учащиеся будут сопротивляться языковым вариациям или путаться, когда они сталкнутся с различными типами использования и пользователями английского языка в аутентичных контекстах, в то время как знакомство с вариантами английского языка помогает учащимся развивать коммуникативные способности [8].

Как признает М. Модиано, «понимание разнообразия английского языка, как для производства, так и для понимания, делает человека лучшим коммуникатором» [9, с. 59].

Другой ученый также утверждает, что «процесс обучения на уроках английского языка должен быть открыт для охвата других разновидностей английского языка помимо популярных англо-американских вариантов, чтобы учащиеся стали по-настоящему международно мыслящими носителями, которые осознают роль английского языка в мире и мир на английском языке» [10].

Важно отметить, что в современном английском языке нет единого стандарта, ведь на его отсутствие даже в рамках одного варианта указал еще в 1997 г. Дэвид Кристал, выделяя стандарт устной и письменной речи в каждом варианте [11].

Стандарт устной речи ближе к узусу, который, как известно, довлеет над языковой нормой, поскольку узус близок к ней, но шире ее, т.к. он охватывает все привычные варианты в языке, а норма – наиболее правильные и кодифицированные.

Так, стандарт устной речи более гибок и склонен к изменениям, а вслед за ним меняется и стандарт письменной речи [12].

Примечательно, что в современном мире разговорный английский варьируется от региона к региону в соответствии с культурными и языковыми различиями. Так, наши студенты, общаясь с обучающимися из стран Африки, Индии и Поднебесной отмечают, что их английский язык, не тоже самое, что «русский английский язык».

Аналогичным образом и письменный английский значительно отличается в лексическом аспекте, а также по форме и структуре. В наше время на английскую орфографию и грамматику оказывает большое влияние и воздействие электронных SMS.

Английский, которому мы обучаем, и который изучают в языковых школах всего мира иностранцы, носители языка называют Course Book English – язык учебников. Это базовый стандартный английский, общий для всех вариантов этого языка. Очень важно не путать RP, как стандартный *акцент*, со стандартным *вариантом* английского языка, ведь Received Pronunciation, как следует из его названия, затрагивает только произношение говорящего, тогда как «стандартный английский, на самом деле, представляет собой письменный английский, то, что мы можем прочесть в учебниках, мировых периодических изданиях и, конечно, в Интернете. Он по большей части един; допустима лишь небольшая вариативность в лексике, грамматике и орфографии, которая позволяет сгладить отличия между американским, британским, австралийским и другими региональными стандартами» [13].

Исторически «Standard English» был выбран в качестве эталона в силу своей универсальности и практичности. Языковой стандарт, норма – это такой вариант языка, который понятен всем участникам коммуникации в силу однозначности своей лингвистической интерпретации. Языковая норма существует, она уважаема носителями английского языка, для кого этот язык является неотъемлемой частью многовековой культуры, и она должна быть уважаема всеми остальными людьми, которые его изучают и используют в речи. По мнению Рэндольфа Квирка, ценность языковой нормы и ее приоритет перед остальными вариативными формами должны быть приняты повсеместно [14].

Таким образом, из вышеизложенного становится очевидным, что изучать надо правильный базовый английский. Standard English нужен для того, чтобы понимать и другие варианты языка, диалекты и особенности.

В этом случае, дифференциация английского языка заставляет нас задуматься о его будущем, так как некоторые ученые-эксперты предрекают его гибель, полагая, что английский язык, как когда-то латынь, распадется на самостоятельные языки, ведь по их мнению, именно образование вариантов и является началом этого процесса.

Однако, мы согласимся с Дэвидом Кристалом, который, рассуждая о будущем английского языка, предполагает, что «этот язык разовьет отношения диглоссии: общество будет использовать стилистически и этнически нейтральную форму в межкультурном общении и локально окрашенный идиом (на правах диалекта) во внутрикультурных функциях», и тогда «в этом случае, речь не будет идти о независимых языках, ведь как бы то ни было, будущее человечество несомненно станет билингвальным, и английскому языку в этом отводится огромная роль» [15].

Значит приходим к заключению, что человек с хорошим классическим английским

нигде не пропадет и, если будет надо, достаточно легко и успешно сможет перестроиться, привыкнуть к другому варианту, другой модификации языка.

Библиографический список

1. Schneider E.W. The dynamics of new Englishes: From identity construction to dialect birth // Language. – 2003. – Vol. 79, № 2. – P. 233-238.
2. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge, UK. – 1995. – 582 p.
4. Маковский М.М. Английская диалектология: Современные английские территориальные диалекты Великобритании. Изд. стереотип. URSS. – 2023. – 186 с.
5. Cheshire J., Hall D., Adger D. Multicultural London English and social and educational policies // Languages, Society & Policy. – 2017.
6. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб, пособие для студентов филол. фак. и фак.ин. яз. высш. учебн. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
7. Кочетова М.Г. Язык и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3.
8. Matsuda A. Incorporating world Englishes in teaching English as an international language // TESOL Quarterly. – 2003. – № 37 (4). – Pp. 719-729.
9. Modiano M. EIL, native-speakersim and the failure of European ELT // In F. Sharifian (Ed.), English as an international language: Perspectives and pedagogical issues. – Bristol: Multilingual Matters, 2009. – Pp. 58-77.
10. Pennycook A. English in the world/the world in English. In A. Burns & C. Coffin (Eds.). Analysing English in a global context: A reader. – London and New York: Routledge, 2000. – Pp. 78-89.
11. Crystal D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1997.
12. Crystal D. A Dictionary of Linguistics & Phonetics. Blackwell Publishing. – 2003. – 431 p.
13. Standards of English / Ed. by Hickey R. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 421 p.
14. Quirk R. Language varieties and standard language // English Today. – 1990. – Pp. 3-21.
15. Graddol D. The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. – L.: The Brit. Council, 2000 (1997). – 66 p.

CONCERNING THE GUESTION OF VARIABILITY OF THE ENGLISH LANGUAGE

T.Y. Nazarenko, *Senior Lecturer*
Ural State University of Railway Transport
(Russia, Yekaterinburg)

Abstract. *English is the main language of international communication, because it is actively used in diplomacy, business, science and education, promoting cultural globalization. The relevance of the author's appeal to this topic is explained by the recent increased interest in the issue of language variability, because English is a very good example of the language with enormous variability. The term "variability" is explained, examples of the manifestation of differences in phonetics, grammar and vocabulary are given. It is noted that the English language has a centuries-old history of formation, development and territorial distribution, which is inextricably linked with these changes in the language that occur over time, as well as the geographical and social diversity of its use. The author emphasizes that when studying English, students need to be introduced to its various variants, since familiarity with linguistic variability in combination with a theoretical explanation forms in students a correct understanding of the dynamic nature of the English language. Students' understanding of the laws of variability and dynamism of a language creates a real picture of its existence and development, helping in teaching and learning English.*

Keywords: *English language; international communication; educational sphere; variability; manifestation of differences; development; teaching; learning.*

РАЗВИТИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА СРЕДСТВАМИ ПЛАВАНИЯ

Е.Ю. Овсянникова, *канд. пед. наук, доцент*
М.А. Тулупова, *студент*
Вятский государственный университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-306-310

Аннотация. *Актуальность данной статьи заключается в исследовании расстройств аутистического спектра у детей, что является чрезвычайно важной проблемой как для родителей, так для медицинских и педагогических работников разных направлений. На сегодняшний день аутизм представляет собой значительную общественную проблему, получающую все большее распространение, затрагивающую детей, имеющих проблемы развития одного типа, но с различными вариантами их преодоления. Нарушения двигательной сферы таких детей ведут к недостаточности социального взаимодействия и взаимной коммуникации. Дети, страдающие расстройствами аутистического спектра, нуждаются в специально организованных занятиях, направленных на коррекцию и развитие двигательной сферы.*

Ключевые слова: *расстройства аутистического спектра; аутизм; координационные способности; плавание; методика.*

Расстройство аутистического спектра (РАС) – психическое нарушение, свойствами которого являются нарушения социального взаимодействия и общения, повторяющиеся и стереотипные модели поведения и неровное интеллектуальное развитие, часто с умственной отсталостью.

Признаки аутизма проявляются в юном возрасте. Причина заболевания у большинства детей неизвестна. Ученые опираются на ряд факторов: генные модификации, экология, перенесённые инфекции, органические повреждения центральной нервной системы (ЦНС), чрезмерное употребление лекарств во время беременности и наследственная предрасположенность. Диагноз ставят на основании истории развития и результатов наблюдения [1].

На сегодняшний день аутизм представляет собой значительную общественную проблему, получающую все большее распространение, затрагивающую детей, имеющих проблемы развития одного типа, но с различными вариантами их преодоления. Именно это обуславливает представление об аутизме как о наборе расстройств аутистического спектра.

Статистика показывает, что расстройство аутистического спектра имеет достаточно широкое распространение в мире. В нашей стране данное расстройство еще довольно часто остается не диагностированным. В связи с нехваткой специалистов, методик диагностики, реабилитации в работе с детьми - аутистами встречаются затруднения.

Расстройства аутистического спектра у детей в России является чрезвычайно актуальной проблемой как для родителей, так для медицинских и педагогических работников разных направлений. Ведь сам по себе диагноз, на сегодняшний день, недостаточно изучен и обладает большим количеством домыслов и заблуждений [2].

В нашей стране и за рубежом ведется активный поиск различных подходов, как медикаментозных, так и психолого-педагогических, направленных на коррекцию аутистического дизонтогенеза, нормализацию психического развития такого ребенка.

Коррекционно-развивающая работа с детьми с расстройством аутистического спектра достаточно сложна в силу специфики данного нарушения. Стремление детей с расстройством аутистического спектра избежать контакта с окружающим миром, особое специфическое речевое развитие, при котором затруднено формирование эмоциональных контактов ребенка с внешним миром, проблемы личностного характера затрудняют работу с ними [3].

Отсутствие общения, а, следовательно, взаимодействия с окружающим миром и людьми, возникающее чаще всего с раннего детства,

резко искажает ход всего психического развития ребенка, препятствует его социальной адаптации.

Нарушения двигательной сферы ведут к недостаточности социального взаимодействия, взаимной коммуникации. Дети, страдающие расстройствами аутистического спектра, нуждаются в специально организованных занятиях, направленных на коррекцию и развитие двигательной сферы.

Одной из наиболее эффективных форм реабилитации детей с расстройством аутистического спектра являются занятия водной терапией и плавание в бассейне. Но для того, чтобы эти занятия были максимально эффективны, нужно научить детей плавать [4]. Это поможет в дальнейшем развивать их координационные способности, а также восстановить движения, необходимые для основных локомоций.

Проанализировав научную литературу, мы столкнулись с тем, что эта тема активно обсуждается, но исследований и готовых апробированных методик развития координационных способностей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), средствами плавания, практически нет [5]. На основании анализа литературных источников, нами была сформулирована проблема, заключающаяся в отсутствии структурированной работы и определённой методики развития координации детей с РАС средствами плавания, потому что каждому ребёнку нужен индивидуальный подход. Все вышеперечисленное позволило выявить противоречие, которое выражается в том, что с одной стороны, большое количество родителей и специалистов адаптивной физической культуры, которые хотят помочь детям с РАС, развивать координацию движений средствами плавания, а с другой стороны, недостаточное количество исследований и отсутствие готовых апробированных методик развития координационных способностей детей с РАС.

Целью исследования является повышение уровня развития координационных способностей детей с расстройствами аутистического спектра.

Рабочая гипотеза строилась на предположении о том, что разработанная нами методика окажется эффективной в повышении уровня развития координационных способностей детей с РАС, если будут проведены следующие мероприятия:

1) проанализирована научно-методическая литература по вопросам особенностей развития детей с расстройством аутистического спектра;

2) разработана методика развития координационных способностей детей с расстройством аутистического спектра средствами плавания;

3) выявлена эффективность разработанной методики в педагогическом эксперименте.

Научной новизной исследования является научное обоснование методики развития координационных способностей детей с расстройством аутистического спектра средствами плавания, включающей комплекс специальных и дыхательных упражнений, игр в воде, направленных на развитие координации движений, с использованием различного инвентаря.

Исследование проводилось на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный университет», кафедра СД и АФК, плавательный бассейн ВятГУ (Киров), в течении четырех месяцев. Продолжительность занятий 45 мин, 2 раза в неделю, занятия целесообразно проводить на мелкой части бассейна с использованием различных приспособлений (доска для плавания, нудлы, игрушки), температура воды 27-29ºС, упражнения должны выполняться разнообразно, форма занятия – индивидуальная.

Для определения уровня развития координации движений использовали следующие тесты: «Проба Ромберга» [6], «Лежание на груди» и «Лежание на спине» [7], «Подбрасывание и ловля мяча двумя руками» [8].

В разработанной методике развития координационных способностей, основным методом выступал игровой. Второстепенными, но не менее важными были: наглядный метод, словесный метод, как способ передачи информации, способ управления процессом обучения и способ оценки достигнутых результатов. При обучении двигательным навыкам плавания использовался метод разучивания по частям.

Методика исследования опиралась на общеметодологические и специальные принципы: принцип систематичности и последовательности обучения, принцип дифференциации и индивидуализации, принцип простоты задания при многократном и длительном

повторении с одновременным проговариванием, принцип прочности, принцип коррекционно-развивающей направленности [9].

В нашем исследовании занятие состояло из 3 частей:

1) подготовительная (10-15 мин), включала в себя разминку, дыхательные упражнения и упражнения, направленные на привыкание к водной среде и преодоление водобоязни;

2) основная часть (20 мин) состояла из упражнений, направленных на обучение двигательным навыкам плавания и развитие координационных способностей;

3) заключительная (10 мин) предполагала свободное купание и различные игры, развивающие ловкость.

Были составлены следующие комплексы упражнений:

1. Специальные упражнения, направленные на привыкание к водной среде и преодоление водобоязни: прыжки на месте с опорой о бортик бассейна; ходьба по дну бассейна; упражнение «Дождик»: набираем воду в ладошки и подбрасываем вверх, либо аккуратно поливаем себе на плечи, голову; упражнение «Морской бой»: брызгая водой в «противника», вытесняем его вперёд; упражнение «Крокодил»: опускаемся в воду сначала по подбородок, затем по нос, по глаза; упражнение «Аквариум»: заранее разбрасываем игрушки (рыбок) по дну и опускаем лицо в воду, сначала с закрытыми глазами, затем с открытыми и просим посчитать количество рыбок, либо назвать цвет.

2. Дыхательные упражнения: упражнение «Ветерок»: положить на воду лёгкий предмет и дуя на него передвигать его без помощи рук; упражнение «Пузыри»: сделать выдох в воду; упражнение «Спой рыбкам песенку»: на выдохе в воду произносим звук «У-У»; приседания с выдохом в воду; упражнение «Насос»: попеременно приседая, погружаемся в воду с головой, задерживая дыхание, и делаем в воде полный выдох.

3. Общеразвивающие упражнения на все группы мышц: упражнение «Водяная мельница»: круговые попеременные движения руками; упражнение «Ножницы»: руки опущены в воду; упражнение «Моторчик»: руки перед грудью, согнуты в локтевых суставах, выполняется вращение; ходьба с высоким поднманием бедра; махи ногами вперёд, в сторону.

4. Упражнения, направленные на обучение двигательным навыкам плавания и развитие координационных способностей: упражнение «Морская пена»: держась о бортик выполнять работу ног как при кроле; упражнение «Поплавок»: обхватить колени руками и опуститься в воду с задержкой дыхания (тоже с доской); упражнения «Звёздочка на груди, спине»; ходьба по дну бассейна в положении «Стрелочка», ходьба по дну спиной вперед, руки в стороны; упражнения на скольжение по воде; имитационные упражнения плавания; перекидывание мяча друг другу; подбрасывание мяча вверх.

Наше исследование было направлено на повышение уровня физической подготовленности, а именно увеличение уровня развития координационных способностей детей с расстройством аутистического спектра. На начало педагогического эксперимента было проведено контрольное тестирование. С помощью четырёх тестов мы измерили начальный уровень развития координационных способностей детей. В конце педагогического эксперимента было проведено контрольное тестирование, результаты которого представлены в таблице.

Таблица. Изменение показателей развития координационных способностей в экспериментальной группе за период педагогического эксперимента

Контрольные испытания	Начало пед. Эксперимента (M ± m)	Конец пед. Эксперимента (M ± m)	Достоверность результатов		
			в %	t	p
Тест «Проба Ромберга» (сек)	5,5±0,88	12,5±0,88	46%	5,6	<0,05
Тест «Лежание на груди» (баллы)	1,5±0,88	2,5±0,88	24,5%	0,8	>0,05
Тест «Лежание на спине» (баллы)	1±0	1,5±0,88	12%	0,6	>0,05
Тест «Подбрасывание и ловля мяча двумя руками» (кол-во раз за 1 мин)	10,5±1,77	17±3,5	14%	1,6	>0,05

По результатам формирующего педагогического эксперимента было установлено, что уровень развития координационных способностей детей с расстройством аутистического спектра значительно улучшился. Способность к сохранению равновесия по

результатам контрольного испытания «Проба Ромберга» (пяточно-носочное положение), увеличилась в среднем на 46%. Способность быстро принять горизонтальное положение тела и удерживать его в воде, по результатам контрольного испытания «Лежание на груди» возросло на 24,5%. По результатам контрольного испытания «Лежание на спине», результаты увеличились на 12%. При оценке быстроты реакции в тесте «Подбрасывание и ловля мяча двумя руками» результаты возросли на 14%.

Таким образом, сравнение результатов тестирования координационных способностей детей с РАС на начало и конец педагогического эксперимента свидетельствует, что методика оказалась эффективной и может быть рекомендована специалистам, занимающихся с такими детьми, при условии выполнения следующих рекомендаций:

1. Прежде чем начать занятие с ребёнком с расстройством аутистического спектра, необходимо уделить внимание знакомству с родителями, выяснить возраст ребёнка, степень аутизации, уровень коммуникации и есть ли у ребёнка опыт плавания в бассейне.

2. Важно правильно построить взаимоотношения с ребёнком, нужно контролировать свои действия, избегать излишнего зрительного контакта, не трогать ребёнка без его разрешения, ваша речь должна быть чёткой и понятной, тон ровный и спокойный, ни в коем случае не повышать голос и не приказывать.

3. Первое занятие посвятить определению навыков плавания и двигательных возможностей ребёнка.

4. Обучение ребёнка с РАС нужно строить исходя из реальной ситуации и на данный момент.

5. Ни в коем случае нельзя подводить ребёнка под возрастные нормы, каждый ребёнок индивидуален, со своими особенностями.

6. Не следует торопить ребёнка с РАС, не нужно наседать на него и не требовать постоянного роста, это может спровоцировать страх и нежелание работать, что в свою очередь отодвинет вас на шаг назад.

7. При выполнении каких-либо упражнений важно установить границы задания: время и объём. Ребёнок должен понимать, где начало упражнения, а где конец.

8. Характерной чертой детей с РАС является неустойчивость сформированных навыков, которые имеют склонность распадаться. В связи с этим немало важно обучать детей не только новому, но и постоянно обеспечивать возможность тренировки уже сформированных навыков и умений. Попытки ребёнка правильно выполнять движения поощряются.

9. Необходимо, чтобы упражнения имели направленность на развитие координационных способностей, так как это наиболее отстающее физическое качество у детей с расстройством аутистического спектра.

Библиографический список

1. Асоян Н.П., Ковтун С.Н. Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с РАС в условиях инклюзивного образования // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск: Мир науки, 2016. – С. 86-93.

2. Карвасарская И.Б. В стороне: из опыта работы с аутичными детьми. – М.: Теревинф, 2013. – 68 с.

3. Морозов С.А. Детский аутизм и основы его коррекции. – М., 2008. – 160 с.

4. Булгакова Н.Ж., Морозов С.Н., Попов О.И., Морозова Т.С. Лечебная и адаптивная физическая культура. Плавание: учеб. пособие для СПО / под ред. Н.Ж. Булгаковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – С. 323-367.

5. Овсянникова Е.Ю. Развитие координационных способностей умственно отсталых детей среднего школьного возраста средствами плавания с применением определенных упражнений / Е.Ю. Овсянникова, В.К. Фоминых // Молодой ученый. – 2018. – №25 (211). – С. 266-270.

6. Яловик О.В., Калюжин В.Г. Особенности развития координационных способностей у детей с детским церебральным параличом. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/10720/1/173-174.pdf.

7. Гарипова Т.С. Мониторинг плавательных умений и навыков дошкольников Детского сада №130 «Деснянские звёздочки» образовательная область: физическая культура (плавание) инструктор по физической культуре. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsportal.ru/detskiy-sad/fizkultura/2017/08/09/monitoring.

8. Капустьян О.В. Тестовые задания по физической культуре. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--j1ahfl.xn-p1ai/library/testovie_zadaniya_po_fizicheskoj_kulture_dlya_oprede_013842.html.

9. Железняк Ю.Д., Петров П.К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – С. 78-120.

DEVELOPMENT OF COORDINATION ABILITIES OF CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER BY SWIMMING

E.Y. Ovsyannikova, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
M.A. Tulupova, *Student*
Vyatka State University
(Russia, Kirov)

Abstract. *The relevance of this article lies in the study of autism spectrum disorders in children, which is an extremely important problem for both parents and medical and teaching staff in various fields. Today, autism is a significant social problem that is becoming more widespread, affecting children with developmental problems of the same type, but with different options for overcoming them. Violations of the motor sphere of such children lead to a lack of social interaction and mutual communication. Children suffering from autism spectrum disorders need specially organized classes aimed at correcting and developing the motor sphere.*

Keywords: *autism spectrum disorders; autism; coordination skills; swimming; technique.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ЯЗЫКОВОГО ФАКТА В ШКОЛЕ

К.А. Плетнева, *студент*
Научный руководитель: *С.А. Смирнова, канд. филол. наук, доцент*
Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
(Россия, г. Северодвинск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-311-315

Аннотация. *В статье рассматривается историческое комментирование как приём обучения русскому языку в школе. Раскрываются подходы к определению понятия, характеризуется статус и объект исторического комментирования. Предлагается поэтапный алгоритм работы учителя с учащимися 5-6 классов; приводится образец комментария беглых гласных. Доказывается, что обращение к истории языка в школе способствует осознанному усвоению языковых норм, позволяет увидеть внутреннюю логику языковых изменений и формирует целостное представление о языке.*

Ключевые слова: *методика преподавания; русский язык; исторический комментарий как приём обучения; лингвистический факт; алгоритм работы учителя; беглые гласные.*

В современном школьном курсе русского языка многие явления воспринимаются учащимися как набор исключений или аксиом, не поддающихся логическому объяснению. Поиск объяснения, способного превратить формальное знание о языке в осознанное понимание его закономерностей, становится одной из ключевых задач лингводидактики. Одним из эффективных средств решения этой задачи признаётся историческое комментирование – приём, позволяющий через обращение к истории языка раскрыть причины возникновения современных языковых явлений [1].

Значимость исторического комментария на уроке, как отмечает К.А. Калинин, заключена в том, что он позволяет выяснить причины существующих в языке явлений и закономерностей, которые не могут быть объяснены с позиций его современного состояния [2, с. 60]. Проблема использования исторических сведений на уроках русского языка стала привлекать внимание исследователей ещё в XX веке. В последние десятилетия интерес к данной проблематике значительно возрос: в работах даётся определение исторического комментирования и уточняется его статус в системе обучения (см. публикации А.Э. Аккозиной, Ю.И. Бокатиной и др.); приводятся примеры комментария лингвистических фактов из разных разделов языкознания; обсуждаются проблемы адаптации исторического комментария для школьной практики (см. издания И.К. Манучарян и др.). Однако, несмотря на обширную традицию изучения, вопрос об определении объёма и содержания понятия «историческое комментирование» с точки зрения единства лингвистических и методических основ по-прежнему сохраняет свою научную ценность. До сих пор не сложилось единого подхода к статусу данного приёма, не установлены чёткие критерии отбора объектов комментирования, а также не разработаны адаптированные для учащихся средней школы образцы комментария, соотнесённые с содержанием действующих учебников. В связи с этим задача настоящей статьи – охарактеризовать лингвистические и методические основы применения исторического комментирования на уроках русского языка в школе, предложив алгоритм работы учителя и образец комментария, адаптированного для учащихся 5 класса.

Объект исторического комментирования на уроках русского языка в современной школе

В методической литературе объектом исторического комментирования традиционно выступают факты и явления современного русского языка, которые являются «непрозрачными» с точки зрения синхронии, то есть не подчиняются действующим правилам или подчиняются им формально, без понимания причин. К таким объектам относятся слова, фразеологизмы, морфологические формы, синтаксические конструкции, начертания букв, типы

чередований и пр. Как подчёркивает К.А. Калинин, исторический комментарий должен быть заранее подготовлен, иметь сжатую форму и тематическую обусловленность, а его подготовка зависит от возраста обучающихся и уровня владения их предметным содержанием [2, с. 68].

Наиболее полная классификация объектов исторического комментирования предложена кандидатом педагогических наук Ю.И. Бокатиной, выделяющей три типа: комментирование лингвистических фактов (или явлений), понятий и закономерностей [3]. Первый тип нацелен на объяснение происхождения конкретных языковых элементов, которые не поддаются объяснению с позиций современного состояния языка. Второй тип предполагает знакомство с историей возникновения и эволюцией содержания лингвистических терминов. Третий, наиболее сложный тип, находится в промежуточном положении между первыми двумя и направлен на раскрытие взаимосвязи между отдельными фактами и понятиями [3, с. 4].

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на первом типе. При отборе фактов для исторического комментирования в средней школе необходимо руководствоваться следующими принципами. Прежде всего, это учёт актуальных трудностей и типичных ошибок учащихся: интерпретироваться должны те явления, которые вызывают устойчивые затруднения. Важным принципом является корреляция с теоретической базой действующего учебно-методического комплекса: исторический комментарий должен органично встраиваться в материал, представленный в учебнике, а не подменять его. Не менее значимым оказывается принцип адаптации объёма и сложности под целевую аудиторию: для учащихся 5-6 классов комментарий должен быть кратким, минимизировать терминологию и опираться на наглядные примеры [2].

В статье в качестве иллюстративного материала для исторического комментирования выбран лингвистический факт «Наличие беглых гласных» из раздела «Морфемика». Данное явление представляет собой чередование гласных **о** и **е** с нулём звука в одной и той же морфеме при изменении формы слова, при словообразовании: *сон – сна, день – дня, кусок – куска.* В современном русском языке это явление воспринимается как «непрозрачное»: учащиеся видят, что гласные то появляются, то исчезают, но не понимают, почему это происходит. В учебнике 5 класса (редактор – Т.А. Ладыженская) теме «Беглые гласные» посвящён параграф 66 [4, с. 185-187]. В теоретическом материале фиксируется сам факт чередования с нулём звука, вводится яркий образный термин («беглые гласные – они как будто убегают из слова») [4, с. 185], однако причина появления беглых гласных не объясняется. Система упражнений направлена на отработку навыка образования форм с беглыми гласными, но без диахронического объяснения остаётся неясным, почему гласные «убегают». Чтобы ответить на вопрос о причине «побега» гласных, обратимся к историческому комментированию.

Алгоритм исторического комментирования языкового факта в школе

Работа с историческим комментарием должна строиться по определённой логике. На основе изученных методических источников [2; 3; 5] мы выстроили поэтапный алгоритм действий педагога, который позволяет последовательно перейти от поиска языкового факта к его непосредственному использованию на уроке. Данный порядок включает несколько взаимосвязанных этапов.

1. Предварительный этап. Цель – установить наличие исторических фактов. На данном этапе отбирается языковой материал, который, по нашему мнению, требует комментария, и производится сверка с историческими источниками (пособиями, учебниками исторического характера и т.п.) для подтверждения целесообразности и нужности комментирования. При изучении темы «Беглые гласные» учитель констатирует, что данный языковой факт описывается в учебнике в его синхронном состоянии, в то время как о диахронии даже нет сносок. Это и становится сигналом к необходимости исторического комментария.

2. Информационный этап. Цель второго этапа – собрать и систематизировать информацию об объекте комментария. Учитель изучает данные о происхождении и развитии языкового явления в исторической грамматике, выявляет ключевой исторический процесс, объясняющий современное состояние факта, и фиксирует информацию в сжатом виде. В древнерусском языке на месте современных

беглых гласных были особые сверхкраткие звуки – редуцированные **ъ** (ер) и **ь** (ерь). В сильной позиции (под ударением) они превратились в полноценные о и е, в слабой позиции (без ударения) – исчезли. Например, *сънъ* → *сон* (первый редуцированный под ударением перешёл в о, второй исчез), *съна* → *сна* (оба редуцированных в слабой позиции исчезли). Процесс падения редуцированных объясняет появление беглых гласных в современном языке.

3. Общедидактический этап. На этом этапе учитель последовательно решает несколько задач. Во-первых, определяется место комментируемого факта в структуре школьного курса русского языка. Во-вторых, анализируется теоретическая информация по теме в действующем учебно-методическом комплексе: в каком объёме даётся теория, какие формулировки используются, какие примеры приводятся. В-третьих, характеризуется система упражнений в учебнике: к какому типу относятся задания, на формирование каких знаний и умений они направлены. Результатом анализа становится понимание того, какие именно лакуны в учебном материале может восполнить исторический комментарий.

В действующем учебнике под редакцией Т.А. Ладыженской (5 класс) теоретический материал по теме «Беглые гласные» фиксирует определение и приводит примеры, но не рассматривает причины возникновения явления. Вводится яркая метафора: «Это беглые гласные (они как будто убегают из слова)» [4, с. 185], что создаёт запоминающийся образ. Однако без исторического объяснения эта метафора остаётся лишь образом, не отвечающим на вопрос, почему гласные «убегают». Упражнения направлены на отработку навыка образования форм с беглыми гласными: учащиеся изменяют слова по падежам, выделяют части речи, в которых встречаются беглые гласные. Однако без диахронического объяснения это остаётся механическим запоминанием.

Важнейшим результатом общедидактического этапа является определение объёма и глубины комментария. Для учащихся 5-6 классов, как отмечает К.А. Калинин, исторический комментарий должен быть сжатым, минимизировать терминологию и опираться на наглядные примеры [2, с. 68]. Соответственно, адаптированный исторический комментарий иллюстрируемого языкового явления предполагает: (1) замену сложных лингвистических терминов «редуцированные гласные» на более понятные доступные учащимся «сверхкраткие звуки»; (2) ограничение иллюстративных примеров только теми, которые есть в учебно-методическом комплексе и знакомы учащимся; (3) наглядность в сопоставлении исторического языкового факта с его современным состоянием.

Место исторического комментария в структуре урока также может быть установлено на данном этапе алгоритма, так как видится необходимость включения исторических сведений изучаемого явления после изложения теоретической информации в учебнике, в которой описывается современное состояние факта, на этапе первичного закрепления материала. Именно такое расположение может помочь уйти от механического запоминания самого факта чередования гласных с нулём звука и перейти к более осознанному изучению данного лингвистического явления с исторической точки зрения.

4. Компетентностный этап. Его цель – сформулировать исторического комментария. На заключительном этапе на основе всех проанализированных данных (программа, теория учебника, типология заданий, ЗУН, компетенции) создаётся текст краткого исторической справки / комментария. Комментарий должен строиться по трёхчастной модели, предложенной К.А. Калининым: «современное явление в языке – его причина в истории – вывод для практики» [2, с. 68]. Как отмечает исследователь, грамотно построенный исторический комментарий на уроке способствует более осмысленному изучению русского языка, расширяет лингвистический кругозор и формирует культуроведческую компетенцию обучающихся [2, с. 70].

При формулировке комментария для 5-6 классов необходимо соблюдать следующие требования, выработанные в ходе исследования: (1) чётко обозначить комментируемое явление; (2) описать его современное состояние; (3) дать краткий экскурс в историю языка с минимизацией терминологии; (4) показать связь с практикой; (5) сформулировать практико-ориентированный вывод. Ниже представлен

образец исторического комментария (справка-сравнение) по теме «Беглые гласные».

Слово учителя. Посмотрите на пары слов: *сон – сна, день – дня*. В одной форме гласные *о* и *е*, а в другой они исчезли. Почему? Дело в том, что в древнерусском языке на месте этих гласных были особые сверхкраткие звуки Ь (ерь) и Ъ (ер). Они произносились очень коротко, почти незаметно. Слово *сон* в древности звучало и выглядело как СЪНЪ, а день – как ДЬНЬ.

В именительном падеже первый сверхкраткий гласный оказался под ударением, это была сильная позиция, и со временем перешёл в полноценный звук: ъ → *о,* ь → *е*. Получились формы *сон* и *день.*

В родительном падеже (СЪНА, ДЬНЯ) тот же гласный оказался без ударения, в слабой позиции, и просто исчез. Получились формы сна и дня.»

Алгоритм работы учителя с данным комментарием на уроке включает несколько последовательных шагов. Во-первых, создаётся проблемная ситуация: после знакомства с определением беглых гласных учитель предлагает сравнить пары слов *сон – сна, день – дня* и спрашивает, почему гласные исчезают. Учащиеся, ориентируясь на материал учебника, могут сказать, что это «беглые гласные», но не могут объяснить причину. Во-вторых, учитель, опираясь на подготовленные исторические сведения, комментирует существование в древнерусском языке сверхкратких гласных ъ и ь и их последующее исчезновение. В-третьих, демонстрируется наглядное сопоставление древней и современной формы слова (например, *сънъ* → *сон, съна* → *сна*). В-четвёртых, формулируется вывод, и закрепляется полученное знание о данном лингвистическом факте на других примерах. В-пятых, первичное закрепление изученного можно осуществить через упражнения, в которых учащиеся образуют словоформы с данным чередованием и объясняют каждый случай, опираясь на полученные исторические сведения.

5. Прикладной этап. Заключительный этап алгоритма предполагает интеграцию исторического комментария в систему упражнений урока. Учитель определяет место комментария в структуре занятия (в рамках проведённого исследования установлено, что наиболее эффективным является включение комментария на этапе первичного закрепления) и при необходимости разрабатывает задания, побуждающие учащихся применять исторические знания при выполнении практических задач. В зависимости от дидактической цели и уровня подготовленности класса это могут быть задания рецептивного, репродуктивного или продуктивного характера, однако детальная разработка таких заданий выходит за рамки настоящей статьи.

Предложенный алгоритм может быть экстраполирован на другие лингвистические факты, что подтверждает его универсальный характер и практическую ценность. Историческое комментирование, встроенное в структуру урока русского языка, позволяет не только предупредить типичные ошибки, но и сформировать у учащихся целостное представление о языке как о живой, развивающейся системе.

Заключение

Применение исторического комментирования в рамках образовательного процесса открывает новые возможности в изучении различных единиц русского языка, в том числе фактов, «непрозрачных» с точки зрения синхронии. Разработанный алгоритм, характеризуемый в данной статье, включает пять этапов (предварительный, информационный, общедидактический, компетентностный и прикладной), однако является методически современным, так как опирается на теоретические положения, разработанные в методике преподавания русского языка (труды Ю.И. Бокатиной, К.А. Калинина и др.). Кроме того, при конструировании алгоритма ключевыми являются следующие принципы: (1) чёткая системность, (2) этапность, соотнесённая с процессом усвоения учебного материала, (3) ориентированность на исследовательскую и проектную деятельность учащихся как высшую форму учебной активности.

Иллюстрируемый в настоящей статье образец исторического комментария беглых гласных нацеливает педагога на формирование предметных (осмысление причин чередования гласных с нулём звука, правильное образование форм слова), метапредметных (освоение разных способов решения творческих и исследовательских задач, возможность и готовность вести диалог) и личностных (актуализация интереса к изучению русского языка как

исторически сложившейся системе, активизация познавательной деятельности и устойчивой мотивации к обучению) результатов учебной деятельности. Обозначенные итоги, с одной стороны, соответствуют современным требованиям, сформулированным к преподаванию родного языка, с другой – подтверждают ранее высказанное положение о том, что привлечение диахронического анализа в качестве дидактического материала создаёт уникальную педагогическую ситуацию, позволяющую учителю вырабатывать все виды компетенций: языковую, лингвистическую, коммуникативную и культуроведческую.

Таким образом, внедрение исторического комментирования позволяет организовать освоение русского языка в школе более продуктивно и осмысленно. Учащиеся начинают воспринимать язык не как свод правил, а как живую, изменяющуюся систему, где за каждым современным явлением стоит своя история, а интерес к прошлому языка становится стимулом для более глубокого его изучения.

Библиографический список

1. Аккозина А.Э. Исторический комментарий фактов современного русского языка в свете лингводидактики // Актуальные проблемы филологии. – 2019. – № 19. – С. 14-21.

2. Калинин К.А. Исторический комментарий на уроке русского языка как педагогический жанр // Современные исследования социальных проблем. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 59-75.

3. Бокатина Ю.И. Историческое комментирование как средство формирования лингвистического мировоззрения и культуроведческой компетенции школьников / Ю.И. Бокатина // Культура & инновации: Интернет-журнал МГПУ. – 2006. – № 2. – С. 16. – EDN HVZPNN.

4. Русский язык. 5 класс: учебник: в 2-х ч. / под ред. Т.А. Ладыженской и др. – Москва: Просвещение, 2025. – Ч. 1. – 239 с.

5. Манучарян И.К. Роль исторического комментария к явлениям современного русского языка // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – Ч. 1. – С. 189-195.

HISTORICAL COMMENTARY ON A LINGUISTIC FACT IN SCHOOL

K.A. Pletneva, *Student*
Supervisor: *S.A. Smirnova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Severodvinsk branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Russia, Severodvinsk)

Abstract. *The article examines historical commentary as a method of teaching Russian at school. It reveals approaches to defining the concept, characterizes the status and object of historical commentary. The article proposes a step-by-step algorithm for teachers working with students in grades 5-6, and provides an example of commenting on runaway vowels. The article argues that addressing the history of language at school contributes to the conscious acquisition of language norms, allows students to understand the internal logic of language changes, and fosters a holistic understanding of language.*

Keywords: *teaching methods; Russian language; historical commentary as a teaching technique; linguistic fact; teacher's algorithm; fluent vowels.*

ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ВРЕМЕНИ И ПОВЫШЕННОЙ ДВИГАТЕЛЬНОЙ НАГРУЗКИ

Т.А. Селитреникова[1], *д-р пед. наук, доцент*
М.Х. Спатаева[1], *канд. пед. наук, доцент*
С.В. Носов[1,2], *соискатель*
[1]Военный институт физической культуры
[2]Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани
[1](Россия, г. Санкт-Петербург)
[2](Россия, г. Сызрань)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-316-321

Аннотация. *В статье рассматривается подготовка курсантов армейской авиации к действиям в условиях дефицита времени и повышенной двигательной нагрузки. Отмечено, что профессиональная деятельность будущего военного вертолетчика требует быстрого восприятия сигнала, точного двигательного ответа и сохранения работоспособности при утомлении. Выявлено, что физическая подготовка курсантов нуждается в профессионально-прикладной направленности, связанной с развитием выносливости, реакции, координации, вестибулярной устойчивости и способности к согласованным действиям. Сделан вывод о том, что специальные двигательные задания следует сочетать с ограничением времени, выбором сигнала и контролем точности выполнения.*

Ключевые слова: *курсанты; армейская авиация; физическая подготовка.*

Подготовка курсантов армейской авиации к действиям при дефиците времени требует исходного разграничения обычной физической подготовленности и профессионально-прикладной готовности. Обычная физическая подготовленность фиксирует способность выполнить норматив, выдержать заданный объем нагрузки, показать результат в беге, силовом упражнении, комплексном тесте. Для будущего летчика такая база нужна, но она не исчерпывает содержание подготовки. В полетной ситуации двигательное действие не существует отдельно от восприятия, оценки обстановки, выбора способа реагирования и взаимодействия с экипажем. Поэтому упражнение, направленное на подготовку курсанта армейской авиации, требует усложнения за счет сигнала, лимита времени, изменения исходных условий и необходимости сохранить точность ответа.

Работа по психофизиологическим реакциям курсантов авиационного профиля показывает, что зрительно-моторная и аудио-моторная реакции курсантов института гражданской авиации в зависимости от типа двигательной активности не выявлют достоверных отличий в ошибках. Самостоятельно занимающиеся курсанты не имеют достоверных отличий ни по одному исследуемому параметру, что говорит об эффективности их физических занятий, а показатели аудио-моторной реакции не занимающихся курсантов аналогичны спортсменам циклических видов спорта [1]. Для армейской авиации этот вывод приобретает прикладное значение. Курсант, который быстро воспринимает сигнал, но теряет точность моторного действия при утомлении, не готов к полному циклу профессионального реагирования. Подготовка требует тренировки цепочки «сигнал – распознавание – выбор – движение – контроль результата». В учебном процессе такая цепочка формируется через упражнения, где физическая нагрузка предшествует заданию на реакцию или сопровождает его. Например, после серии ускорений, переноски груза, работы на координационной лестнице или выполнения силового комплекса курсант получает зрительный либо звуковой сигнал и выполняет действие по заранее заданному алгоритму: смена направления, остановка, выбор нужного предмета, подача команды, имитация управляющего движения, выполнение точного координационного задания.

Повышенная двигательная нагрузка в подготовке курсантов армейской авиации не должна пониматься как простое увеличение объема упражнений. Для будущего вертолетчика значима способность сохранять управляемость движения, дыхания, внимания и эмоционального состояния после нагрузки. Поэтому тренировочное задание строится по принципу управляемого утомления. Сначала курсант выполняет работу, вызывающую умеренное или выраженное физиологическое напряжение, затем сразу переходит к задаче, где требуется точность.

Исследование выносливости у курсантов силовых структур указывает, что моделирование экстремальных ситуаций и практическая отработка нормативов боевой и физической подготовки, характеризующая реализацию обучаемыми высоких показателей скоростной и скоростно-силовой выносливости, формирует преимущество в скорости выполнения боевых задач, имеющих жизненно-важное значение в условиях криминогенной обстановки [2]. Для курсантов армейской авиации данные качества следует рассматривать как основание устойчивости к нагрузке в полетной и предполетной деятельности. Общая выносливость обеспечивает способность переносить длительное напряжение учебного дня, тренажерной подготовки, полевых занятий, караульной службы и интенсивного режима обучения. Скоростная выносливость нужна при кратковременных сериях действий, где курсант несколько раз подряд выполняет ускоренное движение без резкого падения точности. Скоростно-силовая выносливость поддерживает способность сохранять мощность движения и устойчивость позы при работе с оборудованием, перемещении, эвакуационных действиях, выполнении задач после приземления или в аварийной ситуации.

Содержание подготовки к дефициту времени целесообразно строить через постепенное сжатие временного интервала. На начальном этапе курсанту важно добиться правильной техники, экономичности движения, устойчивого дыхания и понимания алгоритма. Затем вводится отсчет времени, при котором обучающийся сохраняет качество выполнения. На следующем этапе время сокращается, а число отвлекающих раздражителей растет. В завершающей части задание выполняется после нагрузки, при изменении сигнала и в составе малой группы – последовательность снижает риск хаотичной моторной реакции. Курсант учится ускорять подготовленное действие.

Для армейской авиации значение имеет вертолетная специфика. Вертолетчик работает в условиях ограниченного пространства кабины, вибрации, шума, необходимости тонкого координационного управления, постоянного взаимодействия с членами экипажа и наземными пунктами управления. В исследовании профессиональной деятельности вертолетчиков морской авиации отмечены требования к слетанности экипажа, воинской сплоченности, летно-тактическому мышлению и готовности к взаимодействию [5]. Эти положения применимы и к подготовке курсантов армейской авиации, поскольку полетная задача редко решается индивидуально. Физическая подготовка в военном авиационном вузе способна поддерживать формирование взаимодействия, если в нее вводятся групповые двигательные задания с распределением функций, сменой лидера, ограничением времени и необходимостью согласовать решение.

Групповое упражнение при дефиците времени отличается от обычной командной эстафеты. Его педагогический смысл состоит в формировании согласованного действия. Например, группа из трех-четырех курсантов получает задачу перенести условное оборудование, пройти участок с препятствиями, выполнить короткий силовой комплекс и по сигналу распределить роли для следующего действия. Один курсант принимает решение, второй контролирует порядок, третий выполняет двигательную операцию, четвертый отслеживает время. Затем роли меняются. Эта форма развивает и физическую выносливость, и способность слышать команду, быстро уточнять задачу, не разрушать взаимодействие при усталости.

Применение заданий с повышенной двигательной нагрузкой требует педагогического контроля. Нагрузка, вызывающая выраженное утомление, без последующего анализа результата закрепляет лишь способность терпеть. Для авиационного профиля этого недостаточно. После выполнения упражнения преподаватель фиксирует ошибку выбора, задержку реакции, нарушение координации, неточность команды, несогласованность в группе. При

таком подходе физическая подготовка превращается в средство диагностики профессионально значимых проявлений: кто сохраняет точность при усталости, кто торопится и ошибается, кто прекращает взаимодействие, кто теряет контроль дыхания, кто нуждается в дополнительной работе над вниманием.

Поэтапная программа адаптивной устойчивости, описанная А.М. Приходько, Н.Н. Цирульниковым и Ю.В. Смирновой, основана на последовательном развитии общей выносливости, специально направленной физической подготовки и предварительной адаптации к экстремальному фактору. Так, дозированное использование средств, форм и методов специально направленной физической подготовки в качестве основных «инструментов» в предварительной адаптации личного состава, посредством развития физической выносливости, и проведение комплексных мероприятий по тепловой адаптации, с большой пропускной способностью и возможностью регуляции силы воздействия адаптационных раздражителей в зависимости от функционального состояния организма военнослужащих, позволяет значительно улучшить военно-профессиональную подготовку подразделений к действиям в экстремальных условиях [3]. Для темы подготовки курсантов армейской авиации этот принцип продуктивен, поскольку дефицит времени и двигательная нагрузка тоже требуют поэтапного формирования. На первом этапе создается функциональная база: аэробная выносливость, силовая подготовленность мышц корпуса, плечевого пояса, ног, подвижность суставов, устойчивость к умеренному длительному напряжению. На втором этапе вводятся профессионально-прикладные сочетания: нагрузка плюс реакция, нагрузка плюс выбор, нагрузка плюс координация, нагрузка плюс групповое взаимодействие. На третьем этапе моделируются усложненные условия: ограниченное время, шумовой фон, многосигнальность, переменная команда, повторное выполнение после неполного восстановления.

Для курсантов армейской авиации значима работа мышц корпуса и шейно-воротниковой зоны. Длительное сохранение вынужденной позы, воздействие вибрации, необходимость контролировать положение головы и корпуса, работа с органами управления требуют силовой выносливости стабилизирующих мышц. При этом чрезмерное развитие силового компонента без координационной подготовки способно снизить пластичность моторного ответа. Поэтому упражнения на корпус, спину, плечевой пояс и шею должны сочетаться с заданиями на равновесие, ориентацию, точность движения и переключение позы. Практически это означает включение планок с последующим точным действием, упражнений на нестабильной опоре, поворотов корпуса с контролем взгляда, коротких комплексов на координацию после силовой работы.

Дефицит времени усиливает зависимость результата от качества предварительно сформированного двигательного навыка. Если движение освоено поверхностно, сокращение времени приводит к суетливости, лишним действиям и росту ошибок. Если навык закреплен в разных условиях, ускорение не разрушает структуру действия. Поэтому в подготовке курсантов важен принцип вариативного повторения. Одно и то же действие выполняется из разных исходных положений, после разной нагрузки, по разным сигналам, в индивидуальном и групповом режиме. Вариативность подчиняется профессиональной логике, курсант учится извлекать устойчивый алгоритм из меняющейся обстановки.

Физическая подготовка курсантов армейской авиации должна учитывать личностно-профессиональное саморазвитие. В исследовании П.Н. Приходько с соавторами конкретизированы основные направления повышения эффективности образовательного процесса высшей военной школы, относящиеся к проблеме личностно-профессионального саморазвития курсантов военных авиационных вузов в процессе физического совершенствования. Эти направления включают формирование творческого образовательного пространства, развитие ценностно-мотивационного базиса, овладение профессионально значимыми умениями, развитие организаторских и лидерских качеств, а также актуализацию самостоятельной деятельностной активности военнослужащих [4]. То есть подготовка к дефициту времени невозможна только через внешнее давление преподавателя. Курсант должен понимать, какие качества развивает упражнение, где оно связано с будущей службой, какие ошибки проявились при выполнении и как их

исправлять. Без такого осмысления нагрузка воспринимается как формальная проверка.

Самостоятельная работа курсанта в этой системе приобретает прикладной характер. Она может включать ведение краткого тренировочного листа, где фиксируются субъективная устойчивость внимания после нагрузки, количество ошибок в задании на реакцию, самочувствие после интенсивной работы, способность восстановить дыхание за заданный интервал. Подобная самофиксация формирует ответственность за качество подготовки. В военном авиационном вузе, где учебный режим плотный, курсант нуждается в навыке рационально поддерживать физическую форму между плановыми занятиями.

Для вертолетчика значимы переносимость вращательных и линейных ускорений, устойчивость к пространственной дезориентации, сохранение зрительного контроля после изменения положения тела. Подготовка к дефициту времени должна включать упражнения, где после вращения, изменения направления, наклонов, перемещения по нестабильной поверхности курсант выполняет точное действие. Это могут быть задания на фиксацию взгляда, попадание в заданную зону, выбор сигнала, передвижение по маршруту, выполнение команды после краткого вестибулярного раздражения. Нагрузка дозируется осторожно, с учетом медицинского контроля и постепенности.

Повышенная двигательная нагрузка в авиационной подготовке тесно связана с эмоционально-волевой устойчивостью. Курсант, находящийся в условиях усталости и ограничения времени, склонен ускорять действие за счет снижения контроля. Педагогическая задача состоит в формировании другого стереотипа: ускорение не равно суете, а экономичное движение не равно медлительности. Для этого в упражнения вводятся штрафы за ошибку. Если курсант выполнил задание быстрее, но нарушил порядок действий, результат не засчитывается как успешный, чтобы сформировать установку на точность под давлением времени.

Связка «время – нагрузка – точность» требует изменения системы оценивания. Традиционная оценка по нормативу фиксирует конечный результат: время бега, количество подтягиваний, дальность прыжка. В профессионально-прикладной подготовке нужен многокомпонентный учет: физический результат, скорость реакции, сохранение техники, количество ошибок, время восстановления, качество взаимодействия. Например, комплексное упражнение может включать 400-метровый бег, перенос условного груза, выполнение координационного задания, реакцию на звуковой сигнал и групповую команду. Итоговая оценка складывается из времени прохождения, точности выполнения и отсутствия грубых нарушений алгоритма.

Педагогическая проблема состоит в том, что дефицит времени нельзя моделировать через постоянное форсирование темпа. Если каждое занятие строится на предельной скорости, быстро возникает переутомление, снижается мотивация, ухудшается техника. Подготовка должна чередовать обучающие, развивающие и контрольные режимы. В обучающем режиме курсант осваивает алгоритм. В развивающем режиме выполняет его после нагрузки и при ограничении времени. В контрольном режиме действует в усложненной ситуации, где преподаватель оценивает устойчивость навыка. Чередование позволяет избежать подмены профессиональной подготовки физическим истощением.

Подготовка к дефициту времени требует использования разных типов сигналов. Зрительные сигналы формируют способность быстро считывать направление, цвет, положение, изменение обстановки. Звуковые сигналы развивают готовность реагировать на команду, предупреждение, изменение режима. Комбинированные сигналы усложняют задачу, поскольку курсант должен выбрать приоритет. В полетной деятельности сигналы поступают одновременно либо с наложением друг на друга. Поэтому в тренировке полезны задания, где один сигнал требует немедленного действия, другой – запрета действия, третий – смены способа выполнения.

Повышенная двигательная нагрузка должна соотноситься с безопасностью образовательного процесса. Преподаватель обязан учитывать состояние здоровья, уровень подготовленности, этап обучения, признаки перенапряжения, качество восстановления. Для первого курса допустимо больше общефизических и координационных заданий с умеренным лимитом времени. Для старших курсов возможно усложнение за счет профессионально-

прикладных сценариев, группового взаимодействия, повторных серий после неполного восстановления, заданий на принятие решения. Преждевременное включение сложных нагрузок может дать обратный эффект: курсант закрепит защитную реакцию избегания или хаотичного ускорения. Содержание занятий следует строить вокруг нескольких блоков:

1. Развитие общей и силовой выносливости (бег переменной интенсивности, круговая тренировка, упражнения с собственным весом, работа на мышцы корпуса, интервальные задания умеренной сложности).

2. Скоростно-координационная подготовка (ускорения, смена направления, реакция на сигнал, работа с координационной лестницей, упражнения на равновесие).

3. Психофизиологическая устойчивость (задания на внимание после нагрузки, выбор сигнала, переключение, запоминание короткой команды, точное действие после вращения или серии перемещений).

4. Групповое взаимодействие (упражнения с распределением функций, взаимным контролем, ограниченным временем и разбором ошибок).

При построении годичного цикла подготовки целесообразно выделить адаптационный, базовый, специально-прикладной и интеграционный периоды. В адаптационном периоде формируется техника безопасного выполнения упражнений, исходная выносливость, привычка к самоконтролю. В базовом периоде растет объем общей и силовой подготовки, укрепляется опорно-двигательный аппарат, развиваются дыхательные и восстановительные навыки. В специально-прикладном периоде вводятся задания на реакцию, скорость выбора, точность после нагрузки, вестибулярную устойчивость, групповое взаимодействие. В интеграционном периоде упражнения объединяются в комплексные сценарии, приближенные к условиям службы: неполное восстановление, переменный сигнал, лимит времени, командная работа, анализ результата.

Разбор ошибок после занятия имеет не меньшую ценность, чем само упражнение. Курсант должен понимать, в какой точке нарушилась структура действия: поздно распознал сигнал, выбрал неверный способ, не сохранил технику, поторопился, не услышал команду, потерял равновесие, неправильно распределил усилие. Анализ позволяет переводить физическую подготовку в профессиональное обучение. Для преподавателя это дает материал для индивидуализации: одному курсанту требуется работа над скоростной выносливостью, другому – над вниманием после нагрузки, третьему – над устойчивостью к групповому давлению, четвертому – над координацией после вестибулярного раздражения.

Результаты рассмотренных исследований позволяют выделить педагогические условия подготовки курсантов армейской авиации к действиям при дефиците времени и повышенной двигательной нагрузке:

1. Профессиональная направленность упражнений – каждое средство должно соотноситься с будущей деятельностью через реакцию, точность, устойчивость, взаимодействие или восстановление.

2. Поэтапность – переход от общей подготовки к специально-прикладным сценариям проводится постепенно.

3. Сопряжение физической и психофизиологической нагрузки – упражнение должно развивать и мышцы, и способность действовать после сигнала.

4. Контроль ошибки – скорость не признается успешной без точности.

5. Включение самоанализа, курсант должен видеть связь между нагрузкой, своим состоянием, качеством профессионально значимого действия.

Библиографический список

1. Гребенников Е.К., Рязанцев А.И., Гребенникова И.Н. Зрительно-моторная и аудиомоторная реакции курсантов института гражданской авиации в зависимости от типа двигательной активности // Эргодизайн. – 2025. – № 1. – С. 87-92. – DOI: 10.30987/2658-4026-2025-1-87-92.

2. Левченко В.И., Литасов П.П., Фарафонов А.Ю., Панасенко Е.М., Семенихин Д.В., Гайкалов А.П. Оценка уровня развития выносливости у курсантов силовых структур // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4. – С. 225-230. – DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p225-230.

3. Приходько А.М., Цирульников Н.Н., Смирнова Ю.В. Эффективность программы поэтапного формирования адаптивной устойчивости организма курсантов военно-учебных заведений войск национальной гвардии средствами и методами физической подготовки к прохождению войсковой стажировки в условиях жаркого климата // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – С. 125.

4. Приходько П.Н., Казаков Р.Ю., Туртумашев А.Е., Федюк Н.С., Марьин А.А. Личностно-профессиональное саморазвитие курсантов военных авиационных вузов в процессе физического воспитания // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2024. – № 4. – С. 67-72.

5. Савельев А.И., Валов С.Н. Специфика профессиональной деятельности вертолетчиков морской авиации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 85-91. – DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-4-85-91.

TRAINING ARMY AVIATION CADETS FOR OPERATIONS UNDER TIME SHORTAGES AND INCREASED MOTOR LOAD

T.A. Selitrenikova[1], *Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
M.Kh. Spataeva[1], *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
S.V. Nosov[1,2], *Applicant*
[1]Military Institute of Physical Culture
[2]Branch of the Military Educational Scientific Center of the Air Force «Air Force Academy named of the N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Syzran
[1](Russia, St. Petersburg)
[2](Russia, Syzran)

Abstract. *This article examines the training of army aviation cadets for operations under time constraints and increased motor loads. It is noted that the professional activities of future military helicopter pilots require rapid signal perception, precise motor responses, and maintaining performance capacity under fatigue. It is revealed that cadets' physical training requires a professional-applied focus related to the development of endurance, reaction time, coordination, vestibular stability, and the ability to coordinate actions. It is concluded that specific motor tasks should be combined with time constraints, signal selection, and accuracy control.*

Keywords: *cadets; army aviation; physical training.*

ВОЛОНТЁРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ

Ю.А. Фомина, *студент*
Московский гуманитарно-экономический университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-322-326

Аннотация. *В статье анализируются методы привлечения и организации эффективной работы волонтеров, рассматриваемой как важный аспект профессионального развития молодежи. Исследуются механизмы вовлечения и организации продуктивной деятельности волонтеров, которые являются ключевым фактором в процессе профессионального становления молодежи. Подчеркивается социальная значимость добровольчества и его влияние на общественное развитие.*

Ключевые слова: *волонтер; волонтерская деятельность; личностное развитие; профессия; профессиональное становление.*

Важнейшей задачей высшего психологического и педагогического образования является воспитание социально-значимых качеств личности будущих специалистов(гражданственность, профессиональная и социальная активность, ответственность, самостоятельность, коммуникабельность и др.) посредством их привлечения к различным видам общественно-полезной, ценностно-ориентированной созидательной деятельности.

Сегодня волонтёрская деятельность создает условия для реализации потребности и готовности молодежи добровольно участвовать в решении социальных проблем общества, а также несёт в себе потенциал для воспитательной деятельности.

Для профессионально-личностного развития будущих педагогов и психологов особое значение имеет добровольческая (волонтерская) деятельность, объединяющая широкий перечень направлений (социальное, профессионально-ориентированное, событийное, цифровое, культурное, экологическое и др.) [8].

Целью данной работы является исследование возможностей волонтерской деятельности как фактора профессионального становления молодёжи.

Основные результаты. Согласно Федеральному закону, под волонтерской деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях социальной поддержки и защиты граждан, подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных и иных катастроф, укрепления мира, дружбы и согласия между народами, охраны окружающей среды и защиты животных и так далее [1].

Влияние волонтерской деятельности на профессиональное развитие молодежи. Участие в таких проектах способствует развитию у молодежи ряда ключевых профессиональных компетенций.

Практика координации мероприятий и руководства коллективом способствует выработке навыка принятия решений и готовности отвечать за их последствия [7]. Налаживание диалога с разными аудиториями развивает умение ясно формулировать мысли и точнее улавливать запросы окружающих.

Взаимное сотрудничество добровольцев развивает способность согласовывать собственные действия и добиваться совместных результатов. При этом человек осваивает навыки эффективного взаимодействия в составе команды. Формирование умений планировать и распоряжаться временем происходит под воздействием как управления временными ресурсами, так и необходимости сочетать добровольческую работу с учёбой либо профессиональной занятостью. Кроме перечисленного, с учётом особенностей проекта участники добровольческих инициатив приобретают профильные компетенции, пригодные для дальнейшей профессиональной деятельности [6].

По данным сайта hh.ru (платформа онлайн-рекрутинга в России), мы выявили отношение работодателей к волонтерству среди молодых специалистов (рис. 1).

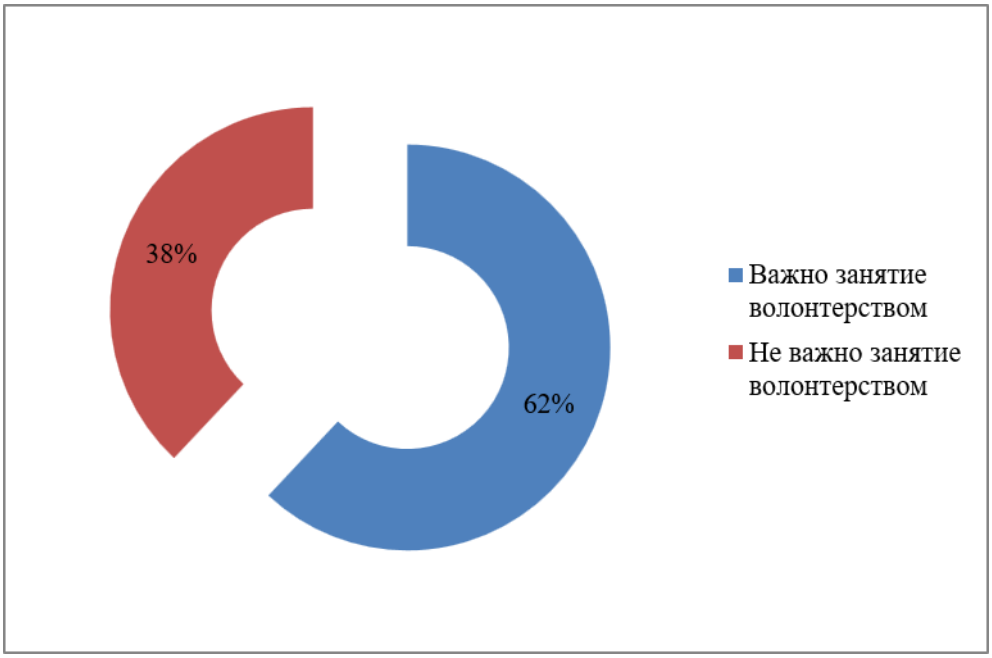

Рис. 1. Опрос среди работодателей, %

Как показывают данные рисунка 1, 62% студентов, как тех, кто занимается волонтерством, так и тех, кто не участвует в этой деятельности, и 41% работодателей считают, что участие в волонтерской деятельности является преимуществом при трудоустройстве.

Однако, несмотря на это, лишь 2% работодателей обращают внимание на соискателей-волонтеров, у которых нет опыта работы.

Более двух третей рекрутеров (67% и 70%, соответственно) первостепенно оценивают мотивацию и желание кандидата обучаться. Половина рекрутеров (52%) также обращают внимание на наличие профильного образования.

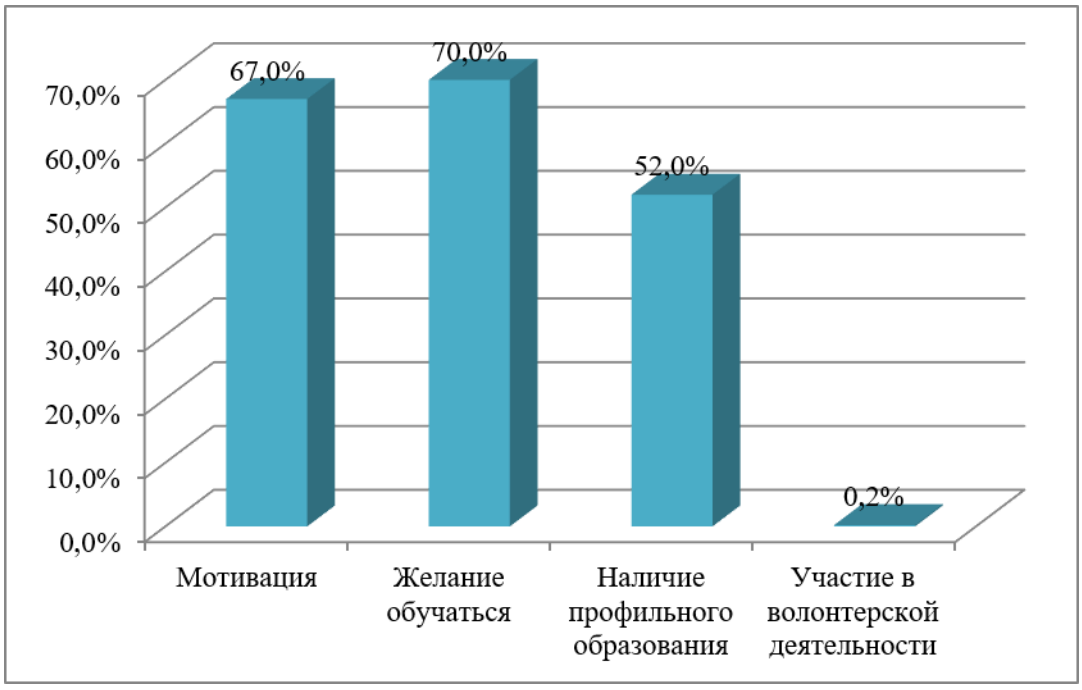

Рис. 2. Опрос среди работодателей, %

По мнению работодателей, при равенстве в образовании и положительном отзыве руководителя участие в волонтерской деятельности не будет решающим фактором. 44% из них предпочтут более мотивированного кандидата, 27% – соискателя с лучшими навыками

самопрезентации, а 23% – того, кто готов учиться. Примерно половина работодателей (52%) отметила, что их компания активно участвует в волонтерских инициативах.

Несмотря на многочисленные преимущества, молодым людям приходится сталкиваться с рядом препятствий в области добровольческой активности. Вовлечение в проекты, связанные с общественно-полезной работой, зачастую превращается в существенное преимущество при поиске вакансий. Представители работодателей нередко рассматривают такой опыт как доказательство гражданской ответственности, лидерских навыков и умения действовать в условиях неопределённости. Более того, участие в добровольчестве помогает формировать рабочие связи и расширять круг деловых контактов, что впоследствии может послужить опорой для профессионального продвижения по службе [4].

Хотя вовлечение в добровольческие проекты сопровождается множеством выгод, оно порой оказывается сложнее, чем ожидается. Молодые люди могут испытывать затруднения в управлении своим временем и в выстраивании соразмерного распределения между учёбой и профессиональной занятостью. К тому же часть участников добровольчества подвержена эмоциональному перенапряжению, вызванному резкой перегрузкой в работе либо недостаточностью помощи от организаторов. Исходя из сказанного, необходимо, чтобы программы для добровольцев содержали систему наставничества и обучающие блоки, что повысило бы практическую отдачу и результативность приобретаемого опыта [2].

Добровольческая практика заметно обогащает процесс формирования профессиональной идентичности, одновременно стимулируя и профессиональный рост, и внутреннее развитие личности. В ходе такой деятельности участники нарабатывают прикладные умения, расширяют круг социальных контактов, повышают уровень профессиональных компетенций и уточняют собственную систему ценностных приоритетов. В итоге приобретённый опыт общественно полезной работы укрепляет карьерные перспективы и способствует глубоким изменениям индивидуального склада личности.

Рассмотрим влияние участия в волонтерской деятельности на профессиональное становление:

1. Участие в добровольческих инициативах предоставляет возможность приобрести прикладные профессиональные компетенции, применимые в сфере трудовой деятельности. Овладение такими умениями повышает шансы на успешное трудоустройство и дальнейшее карьерное продвижение. Например, добровольцы, задействованные в медицинских проектах, отрабатывают приёмы первой помощи, тогда как участники экономических программ проводят обучающие сессии, направленные на повышение финансовой грамотности.

2. Выработка профессионального самосознания. Добровольческая практика, выстроенная вокруг профессиональных ориентиров, формирует поле для реализации индивидуального потенциала, личностного роста и усвоения как общекультурных, так и профильных компетенций. При участии в таких инициативах уменьшается выраженность тревожных состояний в реальной профессиональной деятельности и облегчается прохождение кризисных фаз, связанных с перестройкой профессиональной самоидентификации [5].

3. Налаживание деловых контактов и формирование сети специалистов приносит ощутимые преимущества. Совместная деятельность с добровольцами, персоналом разных учреждений и представителями местного сообщества способствует возникновению значимых отношений, открывающих путь к расширению профессиональных перспектив и развитию партнёрских проектов.

4. Добровольческая деятельность улучшает профессиональный профиль кандидата и повышает его конкурентные преимущества при трудоустройстве. В последнее время работодатели всё больше учитывают участие в добровольческих и благотворительных проектах при оценке претендентов, такой опыт подтверждает готовность проявлять инициативу, демонстрирует надёжность и умение взаимодействовать в коллективе – характеристики, востребованные в различных профессиональных областях.

5. Вовлечение в добровольческую работу заставляет человека покинуть привычную область защищённости. Такой вызов нередко становится стимулом для роста ощущения

собственной значимости и формирования более устойчивого внутреннего доверия к своим возможностям. Кроме того, удачно выполненные поручения и реализованные планы укрепляют убеждённость в личной эффективности и в способности реально влиять на окружающую действительность.

6. Широкий кругозор и более богатый жизненный багаж нередко становятся следствием участия в волонтёрских инициативах. Контакты с иными культурами, встречи с новыми людьми и погружение в разнообразные обстоятельства открывают перспективу увидеть чужие позиции и стимулируют развитие личности. Особенно эффективно формирование навыков межкультурного взаимодействия происходит в рамках международных волонтёрских программ [9].

7. Развитие эмпатии и понимания различий – необходимые черты для успешной интеграции в любое профессиональное сообщество.

8. Добровольческие инициативы вырабатывают у молодого поколения прочное гражданское самосознание и формируют осознанную общественную ответственность. Вовлечённость в конкретные проекты стимулирует у молодых людей ощущение долга и готовность браться за решение общественно значимых задач.

Таким образом, волонтёрская деятельность выступает комплексным фактором, который влияет как на профессиональное становление личности, так и на её общее развитие, формируя социально значимые качества, профессиональные компетенции и ценностные ориентиры.

Заключение. Таким образом, волонтерская деятельность представляет собой эффективный инструмент для профессионального и личностного роста молодежи. Она не только способствует улучшению навыков и компетенций, востребованных на рынке труда, но и поддерживает социальную интеграцию, развитие гражданской активности и повышение ответственности среди молодых людей. Ключевым моментом является качественная организация волонтерских программ, которые должны учитывать потребности молодежи и предоставлять возможности для ее развития и обучения. Таким образом, волонтерская деятельность может сыграть важную роль в формировании нового поколения профессионалов, способных справляться с вызовами современного мира.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СПС «Консультант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/.

2. Гидова, М.М. Вовлечение в волонтерскую деятельность как эффективный способ профессионального развития молодежи / М.М. Гидова, К.А. Сохрокова // Перспектива-2025: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Нальчик, 24-27 апреля 2025 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2025. – С. 248-251.

3. Заикина, Л.Н. Формирование социальной активности молодёжи в системе волонтерской деятельности / Л.Н. Заикина, А.Д. Будник // Молодёжь и современное общество: актуальные проблемы формирования и реализации социального потенциала: МАТЕРИАЛЫ II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Армавир, 23 апреля 2024 года. – Майкоп: Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2025. – С. 31-36.

4. Никонова, Н.И. Нормативно-правовая основа организации волонтерской деятельность в школе / Н.И. Никонова // Вестник магистратуры. – 2025. – № 4-1(163). – С. 16-17.

5. Равбышко, Р.В. Конституционно-правовые основы волонтерской деятельности в Российской Федерации / Р.В. Равбышко // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука, Белгород, 14 ноября 2025 года. – Белгород: ООО «ГиК», 2025. – С. 398-402.

6. Серова, Е.А. Роль волонтерской деятельности в формировании просоциальных ценностей студенческой молодежи / Е.А. Серова // Современное университетское образование: ценности, содержание, технологии: Материалы Международной научно-практической конференции, Иваново, 22-23 апреля 2025 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2025. – С. 312-320.

7. Ткаченко, В.В. Воспитание социально-значимых качеств личности будущих педагогов в добровольческой (волонтерской) деятельности / В.В. Ткаченко, С.И. Карпова // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: Материалы XVI Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием), Тамбов, 24-30 ноября 2025 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. – С. 348-356.

8. Узюмова, Н.В. Волонтёрская деятельность (добровольчество) как фактор профессионального развития студентов / Н.В. Узюмова, Н.И. Киселёва // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № S2. – С. 1-12.

9. Федорова, А.В. Актуальные вопросы готовности молодежи к волонтерской деятельности / А.В. Федорова // Неделя науки – 2024: Сборник статей обучающихся по итогам комплекса научных мероприятий. В 3-х частях, Вологда, 15-19 апреля 2024 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2024. – С. 111-114.

VOLUNTEERING AS A FACTOR OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT: ANALYSIS OF ITS IMPACT ON PERSONAL DEVELOPMENT

Yu.A. Fomina, *Student*
Moscow University of Humanities and Economics
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article analyzes the methods of attracting and organizing effective volunteer work, which is considered an important aspect of professional development for young people. The article explores the mechanisms of involving and organizing productive volunteer activities, which are a key factor in the process of professional development for young people. The article emphasizes the social significance of volunteerism and its impact on social development.*

Keywords: *volunteer; volunteer activity; personal development; profession; professional development.*

РЕПЕРТУАРНАЯ ПОЛИТИКА ВУЗОВ КНР КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКОГО БЕЛЬКАНТО

Чэ Юаньчжи, *аспирант*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-6-1-327-332

Аннотация. *В центре внимания статьи – репертуарная политика китайских высших учебных заведений, которая рассматривается как базовое педагогическое условие складывания национальной школы бельканто. С опорой на источники, охватывающие период с 1992 по 2024 год, анализируются теоретические предпосылки китаизации западной вокальной школы, приводятся эмпирические показатели репертуарного состава ведущих консерваторий, описываются механизмы синтеза западной техники и китайской традиции. Предложена классификация репертуарных стратегий, разработаны оценочные критерии, представлены итоги сопоставительного анализа учебных планов, а также обоснована необходимость целенаправленного отбора репертуара как инструмента формирования исполнительской идентичности.*

Ключевые слова: *бельканто; китаизация; репертуарная политика; вокальное образование; педагогические условия; национальная идентичность; высшие учебные заведения КНР; опера.*

Задача адаптации западной вокальной техники, вызревшей в итальянской языковой среде, к китайскому культурному контексту уже столетие остаётся одной из центральных для китайской музыкальной педагогики. На раннем этапе распространения в Китае бельканто выступало символом западной культуры, демонстрируя присущие ему специфические культурные особенности. Однако в ходе более чем столетнего развития в китайском культурном контексте бельканто постепенно трансформировалось [1]. Именно эта трансформация, закрепившаяся в литературе под именем «китаизации», образует стержневую проблему всей системы вокального образования КНР.

Анализ публикаций показывает, что китайская музыкальная педагогика накопила значительный теоретический материал по разным сторонам китаизации бельканто. Историко-культурологический ракурс разработан в трудах Сюй Дунгуана, Ли Вэя и Пань Кэке; педагогический – в исследованиях Ли Юаня, Юй Хунцзэ и Ли Сяотин; обзорный – в работах Вэй Вэньфэй и Се Юаньи. При этом вопрос о том, как именно репертуарная политика – в качестве системного и целенаправленного педагогического усилия – воздействует на становление национальной вокальной школы, остаётся недостаточно изученным.

Результаты исследования

Эволюцию китаизации бельканто продуктивно рассматривать в логике трёх последовательных этапов, каждый из которых характеризуется особым типом взаимодействия западной вокальной традиции с китайской музыкальной культурой. Первый этап (начало XX века – 1949 год) отмечен первичным проникновением западной вокальной школы в Китай. Пань Кэке указывает, что до 1927 года в стране не существовало профессиональных музыкальных учебных заведений, способных обеспечить систематическое преподавание бельканто. Перелом наступил после основания Цай Юаньпэем и Сяо Юмэем Шанхайской консерватории, куда стали приглашать педагогов, получивших образование за рубежом [2, с. 92]. На этом этапе преподавательский корпус носил преимущественно иностранный характер: по свидетельству Ли Вэя, в 1930-1940-х годах в китайских музыкальных институтах работало около 40 зарубежных специалистов, причём порядка 30 из них – в Шанхайской консерватории (П. Н. Машин, А. Томская, Е. Левитина, В. Шушлин и др.) [3, с. 125]. Важнейшим итогом периода стало рождение китайской большой оперы. Постановка оперы «Цюцзы» (1942) знаменовала собой не отдельные экспериментальные опыты, а формирование устойчивого жанрового образования. Премьера в Чунцинском театре «Готай» прошла с исключительным успехом: состоялось 52

представления, билеты были полностью раскуплены в течение двух дней. Высокую оценку спектаклю дали как политическое руководство, так и художественная интеллигенция.

Второй этап (1949-1978 годы) характеризуется строительством национальной вокальной школы. Статистические данные свидетельствуют, что с 1949 года до начала «культурной революции» было опубликовано 26 статей, посвящённых методике бельканто [4, с. 391]. В эти годы доминировали работы, опиравшиеся на советский педагогический опыт. В годы «культурной революции» преподавание бельканто было полностью прекращено: данный вид вокального искусства квалифицировался как «буржуазный» и «подлежащий искоренению», а публикации по тематике отсутствовали.

Третий этап (1978 год – настоящее время) ознаменован возвращением бельканто в образовательное пространство и его активным переосмыслением. Политика реформ и открытости дала мощный импульс развитию: «бельканто получило новое развитие», «на китайской сцене появилось множество зарубежных оперных шедевров». Постепенное стирание границ между вокальными манерами и рост числа китайских произведений, создаваемых специально для исполнения в технике бельканто.

Юй Хунцзэ определяет китаизацию как «локализацию бельканто в процессе его развития в Китае» [5, с. 154]. Речь идёт «не только о соответствии музыкальным особенностям Китая, но в передовых зарубежных форм, чтобы развить китайскую музыкальную теорию». Педагогические условия, обеспечивающие процесс китаизации, выстраиваются иерархически: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. В настоящем исследовании основное внимание уделено мезоуровню, выполняющему функцию связующего звена между стратегическими установками и практической реализацией.

Большинство трудностей, возникающих при исполнении китайской музыки в технике бельканто, обусловлены не недостатками самого метода. Репертуарная политика вуза представляет многофункциональный педагогический инструмент, реализующий образовательную, воспитательную, развивающую, культурно-трансляционную и инновационную функции.

Се Юаньи предлагает трёхуровневую классификацию вузов: элитные консерватории, музыкальные факультеты педагогических университетов и комплексные вузы нехудожественного профиля [6, с. 186]. Каждому уровню присуща своя специфика репертуарной политики, определяемая различиями в целях подготовки, контингенте студентов и доступных ресурсах.

Для перехода от теоретических положений к эмпирическим данным целесообразно обратиться к материалам, представленным Ли Вэем и Ли Сяотин. Сводная информация по шести ведущим консерваториям указана в таблице 1.

Таблица 1. Структура репертуара вокальных факультетов ведущих консерваторий Китая

Учебное заведение	Специализация	Доля западного репертуара (%)	Доля китайского репертуара (%)	Требования к языкам	Особенности
Центральная консерватория	вокальное и оперное исполнительство	55-60	40-45	итальянский, немецкий, французский, русский, китайский	акцент на западной классике
Шанхайская консерватория	вокальное исполнительство (бельканто)	50-55	45-50	итальянский, французский, китайский	сбалансированный подход
Китайская консерватория	вокальное и оперное исполнительство	45-50	50-55	китайский, итальянский, немецкий	преобладание национального репертуара
Тяньцзиньская консерватория	вокальное исполнительство	50-55	45-50	итальянский, китайский	сбалансированный подход
Харбинская консерватория	вокальное и оперное исполнительство	55-60	40-45	русский, итальянский, китайский	акцент на русской школе
Чжэцзянская консерватория	вокальное исполнительство	50-55	45-50	китайский, итальянский	сбалансированный подход

Представленные данные свидетельствуют о вариативности репертуарной структуры: доля китайского репертуара колеблется от 40 до 55%. Наибольший удельный вес китайской музыки зафиксирован в Китайской консерватории, что соответствует её миссии сохранения и развития национальных традиций. В учебных заведениях с сильным западным или российским влиянием пропорция смещается в сторону зарубежного репертуара. Языковой состав также дифференцирован: итальянский язык является обязательным во всех вузах, тогда как в Харбинской консерватории подчёркивается роль русского языка.

Динамика исследовательского интереса к проблематике китаизации бельканто может быть прослежена по количеству публикаций. В таблице 2 обобщены данные из обзоров Вэй Вэньфэй и Се Юаньи.

Таблица 2. Динамика публикаций по тематике китаизации бельканто

Период	Количество публикаций	Характерные темы
1949-1965	26	образовательная политика, советский опыт
1966-1976	0	отсутствие публикаций
1977-1990	рост	восстановление методики, дикция
1991-2000	активный рост	соотношение национального и западного

Приведённые количественные показатели служат объективным индикатором: в 1950-1960-е годы доминировала западная и советская тематика; в годы «культурной революции» научная активность полностью прекратилась; после 1977 года начинается постепенное восстановление исследовательской работы; в 1990-е годы формируется устойчивый запрос на поиск баланса между западными ориентирами и национальной самобытностью.

Ли Сяотин отмечает, что к началу XXI века большинство профессиональных музыкальных вузов создали собственные оперные факультеты и центры [7, с. 149]. Постановочная деятельность (табл. 3) развивается по двум направлениям: освоение западной классики и создание оригинальных китайских опер.

Таблица 3. Оперные постановки в вузах Китая (2010-2020 гг.)

Учебное заведение	Название	Год	Тип	Значение
Шэньянская консерватория	«искра»	2015	оригинальная	расширение национального репертуара
Тяньцзиньская консерватория	«турандот»	2017	западная классика	освоение западной традиции
Аньхойский институт искусств	«бао цинтянь»	2020	оригинальная	создание нового репертуара

По данным исследователей, все ведущие консерватории на вступительных испытаниях требуют исполнения четырёх произведений – в равной пропорции китайских и зарубежных.

Анализ магистерской программы по вокалу в Центральной консерватории (данные Ли Сяотин) показывает, что общая трудоёмкость составляет 56 зачётных единиц, из которых 71,4% приходится на обязательные профессиональные дисциплины (табл. 4).

Таблица 4. Структура зачётных единиц магистерской программы

Категория дисциплин	Зачётные единицы	Доля (%)
Общеобязательные	8	14,3
Профессиональные обязательные	40	71,4
Профессиональные по выбору	8	14,3
Всего	56	100

В структуре профессионального блока основной вокал составляет 16 единиц (40%), опера – 4 (10%), традиционные китайские жанры – 4 (10%), художественная практика – 6

(15%), теоретические дисциплины – 10 (25%). Несмотря на наличие курса «Традиционные китайские вокальные жанры», Ли Сяотин констатирует, что постановочная работа в большинстве вузов по-прежнему ориентирована на западный оперный канон [7, с. 150].

Обобщение эмпирического материала позволяет выделить три основных типа репертуарной стратегии, реализуемых в китайских вузах (табл. 5).

Таблица 5. Типология репертуарных стратегий вузов КНР

Тип	Доля китайского репертуара	Примеры	Сильные стороны	Слабые стороны
Западно-ориентированная	35-45%	центральная, харбинская	высокий уровень техники	недостаток идентичности
Сбалансированная	45-55%	шанхайская, тяньцзиньская	универсальность	риск поверхностности
Национально-ориентированная	55-65%	китайская	сохранение идентичности	ограниченность признания

Каждая из представленных моделей имеет свои основания для существования. Выбор той или иной стратегии обусловлен не только административными решениями, но и историей вуза, его кадровым потенциалом, а также культурными запросами региона. Сюй Дунгуан справедливо отмечает, что бельканто «постепенно интегрировалось в китайскую среду, сформировав своеобразную практику» [8, с. 180], и разнообразие стратегий отражает многообразие самой педагогической практики.

Для оценки эффективности репертуарной политики предлагается система из семи критериев: техническая целесообразность; национально-культурная значимость; языковая аутентичность; художественная ценность; педагогическая результативность; идентификационная эффективность; инновационный потенциал.

Процесс интеграции западной техники и китайской традиции может быть представлен как последовательное прохождение трёх ступеней: техническая интеграция; репертуарная интеграция; идентификационная интеграция.

Помимо объективных факторов, значительное влияние на выбор репертуарной стратегии оказывают культурная среда региона и образовательные приоритеты [9]. В одних провинциях сильны местные певческие традиции, в других устойчивы связи с российской или европейской вокальными школами. Указанные обстоятельства накладывают отпечаток на репертуарные предпочтения и педагогические подходы.

Выявленные в ходе исследования проблемы могут быть систематизированы по трём группам:

1. Структурно-содержательные проблемы: несбалансированность репертуара в пользу западных произведений; недостаточное количество полноценных вокальных сочинений на китайском языке, сравнимых по художественному уровню с западной классикой.

2. Методические проблемы: трудности адаптации китайской дикции к нормам бельканто; дефицит времени у преподавателей для научно-методической работы вследствие возросшей учебной нагрузки (Ли Юань [10, с. 176]); однообразие педагогических концепций и использование устаревших подходов.

3. Институциональные проблемы: снижение качества абитуриентов: значительная часть студентов поступает на музыкальные специальности вследствие низких баллов по общеобразовательным предметам, а не по профессиональному призванию; неудовлетворительное материально-техническое оснащение, использование устаревших инструментов и аудиторий.

Исходя из выявленных проблем, предлагаются четыре основных направления работы:

1. Требуется разработка национального стандарта, фиксирующего обязательный минимум китайских произведений для каждого уровня обучения. Необходимо также стимулирование композиторов и поэтов к созданию новых оперных и вокальных сочинений, ориентированных на технику бельканто.

2. Актуальна разработка детализированных рекомендаций по вокальной работе над

китайским текстом, а также расширение систематической постановочной практики по образцу уже действующих моделей в отдельных вузах.

3. Программы повышения квалификации преподавателей должны включать не только совершенствование вокальной техники, но и освоение методик работы с национальным репертуаром, развитие музыкального слуха, применение индивидуального подхода и совершенствование аккомпанемента.

4. Институциональные преобразования. Необходимо улучшение отбора абитуриентов через взвешенные вступительные испытания, повышение требований к общеобразовательной подготовке и увеличение инвестиций в обновление материально-технической базы.

Обобщение мнений исследователей позволяет выделить пять основных тенденций развития китайского бельканто:

1. Углубление интеграционных процессов. Интеграция и инновации уже сегодня рассматриваются в качестве магистрального направления развития.

2. Расширение национального репертуара. Создание большего числа высококачественных произведений является неизбежным процессом.

3. Институционализация репертуарной политики. Ожидается разработка государственных нормативов и создание методических центров по координации репертуарной политики вузов.

4. Рост международного признания. Китайские певцы, как свидетельствует опыт последних десятилетий, всё увереннее завоёвывают позиции на международной оперной сцене.

5. Диверсификация исполнительских стилей. Акцент смещается с формальной принадлежности к той или иной школе на художественный результат исполнения.

В таблице 6 систематизированы конкретные меры, их ожидаемые эффекты и примерные сроки внедрения.

Таблица 6. Практические рекомендации для вузов

Направление	Рекомендации	Ожидаемые результаты	Сроки
Структура репертуара	установление доли китайского репертуара не менее 50%	формирование национальной идентичности	1-2 года
Учебные планы	включение курсов по китайской опере	расширение репертуарной базы	1 год
Постановочная практика	организация ежегодных постановок китайских опер	приобретение практического опыта	1 год
Методическая работа	разработка пособий по исполнению китайских произведений	повышение качества исполнения	2 года
Кадровое развитие	систематическое повышение квалификации по китаизации	профессиональный рост преподавателей	ежегодно

На основе выводов, представленных в проанализированных источниках, могут быть сформулированы следующие практические рекомендации для педагогов.

- осуществлять не механическое копирование западных приёмов, а их адаптацию к китайской сценической практике.

- уделять приоритетное внимание дикционным аспектам, поскольку проблемы наиболее часто возникают именно на стыке китайской фонетики и итальянской вокальной техники.

- применять индивидуальный подход к каждому студенту с учётом его специфических вокальных трудностей.

- активно включать в образовательные программы китайские народные песни и оперные арии, что способствует не только расширению репертуара, но и воспитанию национального самосознания.

Заключение

Репертуарная политика китайских вузов представляет собой системообразующий элемент вокального образования, поскольку именно она определяет пропорцию между западным и национальным репертуарным материалом, формирует профессиональные приоритеты и влияет на становление исполнительской идентичности нового поколения певцов.

Историческая эволюция китаизации бельканто прошла три отчётливые фазы: от первоначальных экспериментов начала XX века через период советского влияния и годы институционального кризиса к современному этапу активного синтеза. На каждом из этих отрезков репертуарные акценты трансформировались в

соответствии с политическими и культурными контекстами.

Эмпирический анализ репертуарной структуры шести ведущих консерваторий демонстрирует значительную вариативность: доля китайской музыки колеблется от 40 до 55%. Китайская консерватория выступает в качестве «флагмана» национальной составляющей, тогда как вузы с сильными западными или русскими традициями сохраняют перевес зарубежного репертуара. На основе эмпирических данных предложена типология трёх стратегий – западно-ориентированной, сбалансированной и национально-ориентированной. Каждая из них обладает собственными преимуществами и ограничениями, и выбор между ними должен быть осознанным и обоснованным.

Библиографический список

1. Цзинь Юлэ, Чжао Жуйсюэ. Культурный характер столетнего развития образовательной теории Коммунистической партии Китая // Китайская педагогическая наука (на китайском и английском языках). – 2022. – № 2. – С. 12.

2. Пань Кэке. Краткий анализ «китайской» интерпретации бельканто // Дом драмы. – 2017. – № 6. – С. 92-93.

3. Ли Вэй. Возникновение китайской большой оперы и китаизация бельканто в начале XX века // Искусство и литература. – 2020. – Т. 36, № 3. – С. 124-128.

4. Вэй Вэньфэй. Исследование литературы по преподаванию бельканто в Китае за 50 лет после образования КНР // Искусство и технологии. – 2016. – Т. 29, № 9. – С. 391.

5. Юй Хунцзэ. «Наследование, развитие, инновации» – китаизация бельканто // Теория и практика инновационного предпринимательства и образования. – 2023. – Т. 6, № 9. – С. 154-156.

6. Се Юаньи. Взгляд на проблемы китайского «бельканто»-образования через процесс китаизации бельканто // Знания и способности. – 2016. – № 20. – С. 186.

7. Ли Сяотин. Реформа и практика вокального образования в высших художественных учебных заведениях в контексте взаимодействия производства, образования и научных исследований // Народное искусство и литература. – 2021. – № 9. – С. 149-150.

8. Сюй Дунгуан. Культурная интерпретация китаизации бельканто в течение последнего столетия // Современная музыка. – 2022. – № 12. – С. 180-181.

9. Чжоу Сяоюань. Траектория развития китайского вокального искусства // Музыкальное искусство. – 1992. – № 2. – С. 12-18.

10. Ли Юань. Анализ реформы и инновационных стратегий вокального образования в высших учебных заведениях // Дом драмы. – 2024. – № 12. – С. 175-177.

REPERTOIRE POLICY OF CHINESE UNIVERSITIES AS A PEDAGOGICAL CONDITION FOR THE FORMATION OF CHINESE BEL CANTO

Chen Yuanzhi, *Postgraduate Student*
Herzen State Pedagogical University of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The article focuses on the repertoire policy of Chinese higher education institutions, which is regarded as a fundamental pedagogical condition for the formation of a national bel canto school. Drawing on sources covering the period from 1992 to 2024, the study analyzes the theoretical prerequisites for the sinicization of the Western vocal school, presents empirical indicators of the repertoire composition of leading conservatories, and describes the mechanisms of synthesis between Western technique and Chinese tradition. A classification of repertoire strategies is proposed, evaluation criteria are developed, the results of a comparative analysis of curricula are presented, and the necessity of a purposeful selection of repertoire as a tool for shaping performance identity is substantiated.*

Keywords: *bel canto; sinicization; repertoire policy; vocal education; pedagogical conditions; national identity; higher education institutions of the PRC; opera.*

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 6-1 (117), июнь 2026 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-905-951-51-63
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252
Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.07.2026 г.
Дата выхода в свет 20.07.2026 г.
Усл. печ. л. 20,8. Уч.-изд. л. 16,65. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 590 руб.